

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

- ПУТЬ КЕНГУРЕНКА • ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ •
- ПТИЦЫ, ЗВЕРИ И РОДСТВЕННИКИ •
- ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА •

ДЖЕРАЛЬД
*D*ARRELL

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

• ПУТЬ КЕНГУРЕНКА • ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ •
• ПТИЦЫ, ЗВЕРИ И РОДСТВЕННИКИ •
• ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА •

МОСКВА

«ЭКСМО»

2004

GERALD DURRELL

TWO IN THE BUSH

© By Gerald Durrell, 1966

© Перевод с английского Л. Жданова, 1968

BEASTS IN MY BED

© By Jacque Durrell, Gerald Durrell, 1967

© Перевод с английского Л. Жданова, 1967

BIRDS, BEASTS AND RELATIVES

© By Gerald Durrell, 1969

© Перевод с английского В. Смирнова, 1973

CATCH ME A COLOBUS

© By Gerald Durrell, 1972

© Перевод с английского Л. Жданова, 1975

Оформление переплета художника *Е. Савченко*

Д 20 Даррелл Д.
Путь кенгуренка. Звери в моей постели. Птицы, звери и родствен-
ники. Поймайте мне колобуса. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 576 с.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ПУТЬ КЕНГУРЕНКА

*Крису и Джиму в память о пивках,
широхвостах и велосипеде в дымоходе
(не говоря уже о светлячках)*

ПРЕДВАРЕНИЕ

Перед вами повесть о шестимесячном путешествии, во время которого мы побывали в Новой Зеландии, Австралии и Малайе¹. Путешествие это состоялось по двум причинам: во-первых, мне хотелось посмотреть, как в этих странах поставлена охрана животных; во-вторых, Би-би-си предполагало снять многосерийный телевизионный фильм на ту же тему. Я отлично понимаю, что наша экспедиция больше всего напоминала туристскую поездку: уж очень быстро мы проскакивали через каждую страну. Наверно, я кое в чем исказил истину и, конечно, опустил многое, о чем следовало бы упомянуть.

Как ни странно, очень трудно написать такую книгу и соблюсти при этом золотую середину между истиной и опусами вроде «Два с половиной дня в Джакарте». Истина, какой она вам представилась, может показаться обидной всем тем, кто там радушно вас принимал и, не жалея сил, помогал вам. К сожалению, людям свойственно принимать все на свой счет.

Поэтому разрешите сразу воспользоваться случаем, чтобы отвести хотя бы часть ударов, которые непременно обрушат на меня разгневанные новозеландцы, австралийцы и малайцы. Заранее знаю, что они мне напишут: человек, который провел в стране всего полтора месяца, не вправе критиковать. Я-то считаю, что достаточно провести где-нибудь пять минут — и вы вполне можете критиковать, а уж читатель пусть сам рассудит, насколько обоснованна критика. Так или иначе, одно я могу сказать совершенно искренне: путешествие было чудесным и доставило мне подлинное удовольствие от начала до конца.

¹ Малайя с 1963 года входит в государство Малайзия. — *Примеч. ред.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРАНА ДЛИННОГО БЕЛОГО ОБЛАКА

ПРИБЫТИЕ

С ним было ящиков сорок два, все аккуратно уложено, на каждом — имя владельца написано очень четко.

Льюис Кэрролл. «Охота Ворчуна».

Мы собирались незаметно проникнуть в Новую Зеландию, посмотреть и заснять все, что задумали, и так же незаметно удалиться. Но когда наш корабль прибыл в Окленд, оказалось, что Управление природных ресурсов, предупрежденное о нашем приезде, фигурально выражаясь, расстелило для нас огромную ковровую дорожку. Прежде всего на борт поднялся невысокий, коренастый человек (чем-то похожий на кэрролловского Твидлдама) с круглыми, невинными, младенчески-голубыми глазами и широкой улыбкой на лице.

— Меня зовут Брайен Белл, — сообщил он и стиснул мою руку железной хваткой. — Я из Управления природных ресурсов. Управление поручило мне сопровождать вас в поездке по Новой Зеландии и проследить за тем, чтобы вы увидели все, что хотите увидеть.

— Это чрезвычайно любезно со стороны Управления, — ответил я. — Но мне, право же, неловко...

— Я привел сюда ваш «Лендровер» из Веллингтона, — решительно перебил меня Брайен. — А вчера я встретил двух ваших коллег из Би-би-си, они едут нам навстречу.

— Это очень любезно... — начал я.

— Кроме того, — невозмутимо продолжал Брайен, гипнотизируя меня своими голубыми очами, — я составил для вас программу. Если вас что-нибудь не устраивает — вычеркните.

С этими словами он вручил мне стопку бумаги с машинописным текстом, нечто среднее между программой официального королевского визита и планом армейских маневров какой-нибудь великой державы. Программа изобиловала увлекательными предложениями и конкретными указаниями,

например: «5 июня, 17.00, осмотр королевских альбатросов, мыс Таиароа». Интересно, спрашивал я себя с легким изумлением, альбатросам тоже вручено расписание? В таком случае, быть может, они пролетят мимо нас стройными рядами и сделают что-нибудь этакое крыльями в знак приветствия?

Но как ни заманчиво все это выглядело, я был несколько встревожен, мне вовсе не хотелось, чтобы мое путешествие по Новой Зеландии выродилось в тоскливое мероприятие, имя которому — организованный тур по заранее утвержденной программе. Не успел я, однако, высказать свои опасения, как Брайен взглянул на часы, грозно нахмурился, буркнул что-то себе под нос и рысцой покинул палубу. Прижимая к себе увесистую программу, я в слегка ошалелом состоянии прислонился к поручням; в это время появилась Джеки.

— Что это за тип в коричневом костюме, с которым ты беседовал? — спросила она.

— Это некий Брайен Белл из Управления природных ресурсов, — ответил я, передавая ей программу. — Его специально приставили к нам, чтобы он все организовал. Все, понимаешь?

— По-моему, это как раз то, чего ты мечтал избежать, — сказала Джеки.

— Вот именно, — угрюмо подтвердил я.

Она пролистала план и удивленно вскинула брови.

— Они что же думают — мы приехали сюда на десять лет?

В эту минуту вернулся Брайен, и я представил его Джеки.

— Очень приятно, — рассеянно произнес он. — Так вот, ваш багаж на берегу, с таможенной я все уладил. Мы погрузим вещи на машину и доставим их прямо в гостиницу. Первая пресс-конференция назначена на одиннадцать часов, вторая — на четырнадцать тридцать. Вечером предстоит интервью по телевидению, но об этом пока рано думать. Если вы готовы, можно приступить.

Подгоняемые Брайеном, мы в полном смятении сбежали по трапу и на несколько часов попали в такой водоворот, что мне трудно припомнить что-либо подобное. В гостинице Брайен сдал нас с рук на руки представителю Отдела информации Терри Игену, человеку невысокого роста, с мясистыми щеками, веселым взглядом и приятным нравом.

— Оставляю вас на Терри, — сказал Брайен. — Увидимся после, а пока мне надо еще кое-что организовать.

Интересно, что именно? Может быть, почетный караул из десяти тысяч киви на улицах Окленда? И хотя мы только что познакомились, я не сомневался, что Брайен Белл способен и на это.

Д Едва он исчез за дверью, как ворвалась первая ватага журналистов. Началось нечто несусветное: нас фотографировали со всех мыслимых точек, а наши ответы, даже самые идиотские, слушали с таким благоговением, словно то были изречения великих мудрецов. Затем последовал долгожданный, но, увы, слишком короткий перерыв на ленч, после чего все началось сначала. И когда, уже под вечер, убрался последний репортер, я обратился к Терри с видом утопающего, который хватается за соломинку.

— Терри, — умоляюще прохрипел я, — вы не знаете какого-нибудь тихого, уютного уголка, где можно посидеть, выпить и хотя бы минут десять ничего не говорить?.. Какую-нибудь блаженную нирвану...

— Знаю, — не раздумывая ответил Терри, — будет сделано... Есть отличное местечко.

— Вот и хорошо, а я тем временем приму ванну, — сказала Джеки.

— Мы недолго, — заверил я ее. — Мне только привести в порядок свои истерзанные нервы. Если еще кто-нибудь спросит меня, что я думаю о Новой Зеландии, я начну кричать.

— Кстати, — вспомнила Джеки, — что ты ответил журналистке, которая задала тебе этот вопрос? Я не расслышала.

— Он сказал, что уголок порта, который он успел увидеть, показался ему просто прелестным, — хихикнул Терри.

— Ну зачем же так? — укоризненно сказала Джеки.

— Пусть не задает дурацких вопросов.

— Пошли, — позвал Терри, — мне тоже нужно выпить.

Следом за Терри я вышел из гостиницы, и мы зашагали по улице. Поворот, еще поворот, еще — наконец мы очутились перед какой-то коричневой дверью. Терри первым нырнул в нее, я — за ним, жаждающая поскорее очутиться в приюте мира и тишины...

Если мои первые шаги по новозеландской земле были слегка неверными, то это потому, что меня слишком рано познакомили с понятием «пятичасовое пойло». Не правда ли, в этом выражении есть что-то восхитительно пасторальное, я бы даже сказал идиллическое. Сразу представляешь себе откормленных, чисто вымытых свиней, которые жадно, торопясь утолить голод, хлеблют теплое пойло, принесенное заглубевшими, но заботливыми руками славного сына земли, добродушного селянина с лучистыми глазами.

Как далека от истины эта картина!

«Пятичасовое пойло» — прямое следствие глупейших постановлений, которые ограничивают продажу спиртных напитков в Новой Зеландии. Чтобы люди не пьянствовали, бары закрываются в шесть часов вечера,

сразу после окончания рабочего дня в учреждениях. Поэтому служащие, выйдя на улицу, мчатся сломя голову в ближайшую пивную и предпринимают отчаянные усилия, чтобы в кратчайший срок поглотить возможно больше пива. Из всех мер борьбы с алкоголизмом, о которых я слышал, эта — одна из самых нелепых.

В «Приюте тишины», куда меня заманил Терри, как раз шел розлив пятичасового пойла. Сцена, которую я увидел, с трудом поддается описанию. Десятки изнывающих от жажды новозеландцев сплоченными рядами осаждали стойку, все старались перекричать друг друга и быстро-быстро глотали пиво. Чтобы кружки не простаивали, пиво разливалось через длинный шланг с краном на конце. Как только на стойку опускалась пустая кружка, бармен подбегал и мгновенно наполнял ее. Дело это было совсем не простое; по-моему, на стойку попадало больше пива, чем в кружки.

Не успел я и глазом моргнуть, как меня уже представили пяти-шести завсегдатаям (имен я не разобрал), и они не мешкая поднесли мне по кружечке пива. Помню, что передо мной стояло в ряд восемь кружек, а так как я держал в руках еще три, рукопожатия на этом кончились. Время от времени все, как по сигналу, принимались кричать: «Пей, пей скорей, через минуту закроют!» Едва я управился с восьмой кружкой, как в то же мгновение, словно по знаку злого волшебника, на месте пустых кружек возникло восемь полных! Новозеландское гостеприимство превышает всяких похвал, но не каждый может его вынести. От выпитого пива и от шума у меня разболелась голова. Внезапно раздался оглушительный звон медного колокола; казалось, это причитает пожарная машина, обезумевшая от несчастной любви. Я решил, что пивная загорелась, и даже попытался представить себе, как будут гасить пожар пивом из шланга, но тут увидел обращенные на меня скорбные глаза Терри.

— К сожалению, Джерри, уже закрывают, — грустно произнес он. — Надо было прийти пораньше.

— Да-да, ужасно обидно, — соврал я.

Мы пробились сквозь толпу на улицу и добрались до гостиницы; здесь Терри покинул меня.

Джеки выглядела возмутительно свежей и отдохнувшей после ванны.

— Ну как, подкрепился? — спросила она.

Не удостоив ее ответом, я лег на кровать и закрыл глаза.

Только я погрузился в приятную дремоту, как раздался стук в дверь и вошел Брайен Белл. Глаза его горели организаторским рвением.

— Хелло! — бодро воскликнул он. — Как самочувствие? Отдохнули немного?

Д

— У меня такое самочувствие, — с горечью произнес я, — словно я только чудом не утонул в бочке мальвазии.

— Ну вот и отлично, — сказал Брайен, пропуская мои слова мимо ушей. — А теперь, поскольку завтра рано выезжать и другой возможности вам не представится, вы, верно, не откажетесь поехать и навестить кривоклювов. У нас еще есть время перед телевизионной передачей.

Жизнь научила меня одному важному правилу: хочешь чему-нибудь научиться, не бойся признаться в своем невежестве. Скажи прямо: «Не знаю» — и тотчас все бросятся тебе объяснять и показывать и в два счета тебя просветят. И теперь я применил этот же принцип.

— Что такое кривоклюв? — спросил я.

От такого невежества круглые голубые глаза Брайена округлились еще больше, но он был слишком воспитан, чтобы высказать вслух то, что думал.

— Это маленькая болотная птица, — принялся он объяснять таким тоном, словно перед ним был недоразвитый ребенок ясельного возраста. — Ее называли так из-за свернутого набок клюва. Кривоклювы, или, как их еще зовут, кривоклювые зуйки, водятся только в Новой Зеландии, и их осталось совсем немного, от силы тысяч пять. Правда, точного счета никто не вел. Здесь неподалеку, на побережье, как раз есть небольшая колония, и я предлагаю съездить туда, посмотреть на них.

Какой натуралист, как бы гнусно он себя ни чувствовал, устоит, когда ему предлагают посмотреть птицу, у которой клюв свернут набок! И вот уже окраина Окленда осталась позади.

Мы ехали по сельской местности, и чем дальше, тем тоскливее становилось у меня на душе, потому что кругом был точно такой же приятный ландшафт, какой вы увидите на стыке Дорсета и Девона: холмы, холмы, сочная зелень травы на склонах с белыми крапинками овечьих стад, аккуратно огороженные квадратики полей с невысокими ветрозащитными рощицами. Даже птицы, взлетающие с обочин, были старые знакомые — дрозды и скворцы, а высоко в небе над нами, исполняя свою вечернюю песенку, висел жаворонок. Ехать, рваться в такую даль только для того, чтобы увидеть второе издание Англии! А тут еще это пиво... Я чувствовал себя так, словно меня подвергли какой-то утонченной пытке. И к тому времени, когда машина свернула на ухабистый проселок, ведущий к морю, настроение у меня совсем испортилось, и я уже спрашивал себя, стоило ли вообще ехать в эту Новую Зеландию. Дроздов и жаворонков у нас и дома хватает.

Сбавив ход, Брайен протиснул машину сквозь стадо овец, которые шаркались во все стороны, тряся густым руном, и остановился возле изгоро-

ди. За изгородью был кочковатый луг, дальше начинался совершенно ровный участок высохшей глины, глину сменил галечный пляж, его омывало хмурое серое море. Брайен объяснил нам, что обычно кривоклювы добывают себе корм на длинной галечной косе слева, но в прилив, когда коса исчезает под водой, они отступают на вот этот глинистый участок перед нами. Однако, как мы ни напрягали зрение, никаких птиц не было видно. Бормоча себе под нос страшные проклятия организатора, чье рвение пошло насмарку, Брайен медленно двинулся вдоль изгороди; мы последовали за ним. В это время подул резкий, холодный ветер и сразу же начал накрапывать дождик. Где вы, горячая ванна и мягкая постель?.. Вдруг Брайен остановился и приставил к глазам бинокль.

— Ага! — торжествуя гаркнул он. — Вон они! Не совсем там, где им положено быть, но все-таки мы их нашли.

Я направил свой бинокль туда, куда он показывал рукой. В первую минуту я увидел одну только серую грязь, много грязи и никаких признаков жизни. Потом разглядел на глине нечто вроде огромной шали из тончайшего серого шелка, которая непрерывно переливалась. А когда я как следует присмотрелся, шаль оказалась плотным скоплением маленьких птиц. Они совершали какие-то странные маневры, так что стая почти все время находилась в движении, оставаясь при этом на одном месте. Издали нельзя было разобрать, чем они заняты, поэтому мы осторожно пошли через разделявший нас кочковатый луг. Нам удалось подойти к кривоклювам метров на шестьдесят, не вызвав у них ни малейшей тревоги. Теперь было ясно видно, что они делают. Из всех стайных маневров, которые я когда-либо наблюдал в мире пернатых, этот был одним из самых удивительных.

Кривоклювы были величиной с зуйка-галстучника, спинка голубовато-серая, брюшко белое, над глазами через весь лоб белая поперечная полоса, под подбородком аккуратное черное пятнышко. Маленький клюв изогнут вправо наподобие садовых ножниц, так что эти крутолобые птицы кажутся курносыми. Но больше всего меня заинтересовала не редкостная форма клюва, а поведение стаи. На участке площадью пятьдесят квадратных метров собралось около полусотни птиц, все они стояли на одной ноге, головой к ветру, с интервалом сантиметров в тридцать. Стоят, борясь с ветром, нахохлились, темные глазки моргают, и вид у всех такой печальный, что дальше некуда. Вдруг, без всякой видимой причины, один кривоклюв прыгнул вперед сантиметров на пятнадцать, продолжая опираться на одну ногу. Сразу строй оказался нарушенным, соседям пришлось подтянуться, за ними последовали другие, и пошло... То и дело все птицы приходили в движение, в целом же стая оставалась на месте. Я смотрел очень внима-

Д тельно, но так и не смог понять, что побуждало их совершать этот маневр. Они не танцевали и не разыскивали корм, а просто стояли кучкой, словно какие-нибудь горькие сироты, время от времени затевающие странную игру в «классы», чтобы отвлечься от тоскливых мыслей...

По словам Брайена, специалисты считают, что причудливая форма клюва помогает кривоклювам доставать из-под камней мелких рачков и прочую морскую мелюзгу, которой они кормятся.

Около часа наблюдали мы взъерошенных, иззябших кривоклювов. Несмотря на кипучую деятельность, стая переместилась за это время от силы на метр. Но как ни увлекательно было смотреть на этих прыгунов, пришла пора уезжать. Мы нехотя вернулись к машине и под мелким дождем показали обратно в Окленд. Встреча с кривоклювами приободрила меня, я воспринял ее как добрую примету, знак того, что мы, пожалуй, все-таки увидим в Новой Зеландии кое-что интересное.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГЕЙЗЕРЫ, УЭКИ И КАКА

Если встретим мы страшную птицу джаб-жаб, нелегко нам с ней будет справиться!

«Охота Ворчуна»

На следующее утро мы встали безбожно рано (во всяком случае, так показалось мне, еще не опомнившемся после «пойла»). Выехали из Окленда, и снова потянулся «английский» ландшафт с наводящими тоску дроздами и скворцами. Брайен вел машину, причем делал это — как и все, за что брался, — очень хорошо. Заранее скажу, что на протяжении нескольких недель, которые мы провели вместе с Брайеном Беллом, мое уважение и моя симпатия к нему росли день ото дня. Он показал себя человеком спокойным и находчивым, а главное — превосходно знал свое дело. Больше всего на свете его заботило, как бы последние уцелевшие виды исконной новозеландской фауны и флоры не погибли из-за недостаточно строгих и действенных законов и мероприятий. И пока мы ехали к очередному объекту, он объяснял мне, какие трудности стоят перед Управлением природных ресурсов, которое пытается отстоять фауну Новой Зеландии.

Прежде всего, говорил Брайен, нужно учитывать, что Новая Зеландия — геологически совсем молодая страна, поэтому ее горы больше под-

вержены разрушению. Местами можно буквально раскрошить камни пальцами. Поверх рыхлой породы лежит тонкий почвенный покров, в большинстве районов его защищает от размыва лес, а на возвышенностях — травы. Первыми Новую Зеландию заселили «охотники на моа»; эти племена называют так потому, что для них главным источником существования была охота на ныне вымершую, напоминавшую страуса огромную птицу моа. Охотники на моа, хотя в какой-то мере и жгли и рубили лес, не причинили ему большого ущерба. Потом явились маори и истребили охотников на моа. При маори леса и пастбища гораздо больше пострадали от вырубки и пала. Наконец прибыли европейцы. Они взялись за дело столь основательно, что вскоре огромные площади остались без леса и трав. Началась эрозия, появились обширные плещи. Одной из первых (и, несомненно, глупейших) затей европейских переселенцев был привоз животных и птиц, преимущественно из «родной Англии». До тех пор природа, которая, в общем-то, неплохо знает свое дело, сумела наладить равновесие в животном мире. Млекопитающих вовсе не было, если не считать небольшого количества летучих мышей; было несколько видов безобидных мелких рептилий с живописной окраской, и была тьма красивых птиц. До прихода человека, а точнее — европейцев, Новая Зеландия была раем для птиц: густые леса, просторные луга, обилие насекомых и почти полное отсутствие хищников. В это гармоничное царство европейцы ввезли дрозда, скворца, краку, лебедя-шипуну, жаворонка, фазана, зеленушку, завирушку, воробья, зяблика, щегла, овсянку и множество других европейских видов, а также более экзотических птиц: индийскую майну, белоспинную сороку, розового какаду и черного лебедя. Мало им было этого акта преступной глупости, они еще завезли млекопитающих: благородного оленя, лань, пятнистого оленя, виргинского оленя, малого кенгуру, серну, американского лося, индийского оленя замбара, опоссума, непальского горного козла тара, вапити, яванского оленя Руса. Одновременно поселенцы, разумеется, продолжали рубку леса и хищнический выпас на горных лугах. Чудесным новозеландским птицам пришлось туго. Площадь угодий, пригодных для их жизни, сократилась, а тут еще надо было конкурировать с чужеземными животными, с которыми они никогда прежде не сталкивались. Неудивительно, что их число пошло на убыль, а некоторые виды и совсем исчезли. Многие уникальные виды прежде обитали на маленьких островках вдоль побережья; этих птиц всегда было мало, даже когда их никто не трогал. Сколько таких малочисленных видов вымерло из-за того, что на остров намеренно или случайно привозили кошек, которые затем дичали, или же овец и коз, которые сводили всю растительность, то есть среду обитания

Дптиц! Даже теперь, по словам Брайена, Управление природных ресурсов вынуждено тратить немалые силы, стараясь избавить острова от вредителей и спасти пернатых от гибели.

В дороге Брайен снова и снова приводил мне красноречивые примеры, подтверждающие его слова.

— Вот, убедитесь сами. — Он останавливал машину у обочины и показывал на холм, лишенный травы и почвенного покрова. — Пример чересчур интенсивного выпаса. Не разрешается пасти овец выше трехсот метров, а они пасут. Что же получается? Трава исчезает, дерновый покров исчезает, горная порода разрушается и — готово: обвал! Обвалом запрудит реку, она разольется и смоет почву на дне долины, где ей, казалось бы, ничто не грозило.

Иногда он останавливался у опушки леса и показывал на молодые деревца, «околыцованные» оленями. Эти пришельцы обгладывают нежную кору вокруг всего ствола, и дерево погибает. Но, пожалуй, самым ироническим примером служили телеграфные столбы, обитые посередине полоской жести.

— Это против опоссумов, — объяснил Брайен. — Какому-то предприимчивому малому пришло в голову, что у опоссума красивая шкурка, и он задумал организовать пушной бизнес. Привез из Австралии животных и начал дело. Конечно, из этой затеи ничего не вышло, тогда он выпустил опоссумов на волю. Теперь они — настоящий бич: затеяли лазить на столбы электропередачи. Устроят короткое замыкание, сами погибнут и целый город оставят без света. Вот и приходится обивать столбы жестью, чтобы опоссумы не могли залезть.

К десяти часам мы добрались до небольшого городка на берегу озера Вангапе, где предполагали встретиться с нашим режиссером Крисом Парсонсом и оператором Джимом Сондерсом. Где же они?.. Остановив машину возле кафе, Брайен хмуро поглядел на часы.

— Не понимаю, — встревоженно произнес он, — они уже должны быть здесь.

— Может быть, спустились к озеру? — предположил я.

— Может быть, — неуверенно произнес Брайен. — Но мы же условились встретиться у кафе. Ладно, пойдем посмотрим.

Оставив «Лендровер», мы поднялись по зеленому откосу на гребень, возвышавшийся над озером. С голубого неба светило яркое солнце, и вид был изумительный. На самом деле здесь было не одно, а два, если не три соединенных друг с другом протоками озера с множеством островков, поросших лесом и камышом. Окружавшие Вангапе увалы были изумрудно-зеленого

цста, с редкими купами тополей, чьи кроны уже были тронуты червонным золотом. Но мой взгляд был прикован к поверхности озера — там плавала такая армада черных лебедей, что у меня захватило дух.

Они плыли где в одиночку, где огромными стаями; время от времени какой-нибудь отряд лениво отрывался от воды и летел над зеркальной гладью вдогонку за собственным отражением. Лебедей было так много, что я не пытался даже приблизительно определить их численность. Куда ни погляди — всюду плывут, летят лебеди; такое впечатление, словно вся поверхность озера непрерывно движется. Казалось непостижимым, как эти полчища птиц — пусть даже на такой большой площади — находят себе достаточно корма.

— По нашим расчетам, — бесстрастно сказал Брайен, — на этом озере около десяти тысяч лебедей. Разумеется, время от времени мы устраиваем отстрел, чтобы они не слишком размножались, но это почти безнадежное дело.

— Очевидно, если бы не эта армия незваных гостей из Австралии, озеро кишело бы новозеландскими утками? — спросил я.

Брайен пожал плечами.

— Да, — подтвердил он, — тут отличное место для уток. Но я уже говорил, в чем беда. Мы завезли всю эту нечисть, и теперь она вышла из-под нашей власти. В этом одна из главных проблем нашего Управления.

Первых черных лебедей привезли из Австралии в Новую Зеландию в 1864 году, и, судя по тому, что мы увидели на Вангапе, они превосходно освоились на новом месте. Хуже всего, что эти красивые, грациозные птицы добывают корм (преимущественно водные растения) поблизости от берега и, естественно, достают его с большей глубины, чем утки. Лебеди засоряют и воду, и берег, обрекают уток на голод и вынуждают их покидать насиженные места. На Вангапе не осталось ни одной утки; насколько хватал глаз — одни только черные лебеди.

Мои размышления о человеческой глупости были прерваны гулом мотора. Мы скатились по откосу на дорогу и увидели выбирающихся из машины Криса и Джима.

— Эгей! Люди! — с небывалым для него энтузиазмом кричал Крис, спеша нам навстречу.

Крис Парсонс — мужчина среднего роста, темноволосый, из-под тяжелых век смотрят зеленые глаза, а нос у него такой, что ему позавидовал бы покойный герцог Веллингтон. Обычно сдержанный и спокойный, он не мог нарадоваться своему первому большому путешествию и, здороваясь, чуть не оторвал нам руки. Оператор Джим Сондерс — невысокий брюнет с кра-

Д сивым, четко очерченным лицом, какое можно увидеть на древнеримских медальонах, и на редкость озорной, подкупающей улыбкой. Его приятный западноанглийский говор с легкой картавинкой будит в душе уютные воспоминания о дремлющих ульях в час заката или о прохладе яблоневого сада в жаркий летний день.

— Нет, нет, вы только подумайте! — воскликнул Крис, продолжая победно улыбаться, словно это он сотворил Новую Зеландию. — Скажи мне кто-нибудь два месяца назад, что мы встретимся на берегу озера Вангапе, в сердце Новой Зеландии, точно в назначенное время...

— Где же точно, — сурово перебил его Брайен, — вы опоздали на полчаса.

— Ничего подобного, — возмутился Крис. — Мы приехали полчаса назад, но вас тут не было, и мы проехали немного дальше, поснимали озеро широкоугольником.

— А-а... — Брайен несколько смягчился. — Ну ладно, давайте выпьем по чашке чая, а затем спустимся к озеру.

За чашкой чая и горой гренок мы с Крисом обсудили, что и как снимать на озере. Я уже говорил, что главной темой задуманных нами программ была охрана природы. Мы хотели показать на примере трех стран, как решается эта задача, и подчеркнуть мысль о том, что охранять надо не только животных, но и среду, в которой они обитают. Дело осложнялось тем, что все три страны были для меня совершенно новыми, поэтому сразу по прибытии я старался узнать возможно больше об интересующем меня предмете, чтобы дать Крису и Джиму примерный сценарий.

— Пока мы ехали сюда из Окленда, — рассказывал я своим друзьям, — я постарался выкачать из Брайена все, что он знает. И по-моему, надо попробовать осветить такие проблемы: во-первых, совершенно непродуманный завоз в Новую Зеландию животных, большинство которых стало подлинным бичом. Хорошим примером могут служить здешние черные лебеди. Во-вторых, изменение среды, которое отражается и на людях, и на животных. Я имею в виду сплошную рубку леса на больших площадях в прошлом и уничтожение травостоя скотом в наши дни. Это и ляжет в основу сценария, я его набросаю вечером, а сейчас надо непременно снять лебедей. Их завезли, они стали вредителями, но в то же время они очень эффективны и хороши собой. Ваше мнение?

Крис в знак раздумья зашторил глаза веками, словно ястреб, укрылся за собственным носом и стал похож на дистрофичную ламу.

— Гм, — молвил он наконец. — Вообще-то мне бы хотелось сперва прочитать сценарий, но, как ты справедливо заметил, завезенные виды, кото-

ры» стали вредителями, будут, конечно, играть важную роль, так что, по-моему, не мешает отснять возможно больше материала о лебедях.

— Черные лебеди есть в Бристольском зоопарке, — сообщил Джим с полным ртом. — Можно было снять их там... Незачем лететь сломя голову в Новую Зеландию... Пустая трата денег... Смотался в Бристоль, и дело в шляпе.

— Не слушай ты его, — с достоинством произнес Крис. — Эти операторы, за редким исключением, грубый и неотесанный народ.

— Точно, — согласился Джим. — Но я хоть знаю, что я неотесанный, в этом мое преимущество. Я всегда говорю: познай самого себя. Не то что наш Крис, у него сплошь одни пороки, да разве он признается хоть в одном. Я так рассуждаю: греши, пока можешь. А то кто его знает, вдруг завтра явится кто-нибудь и исправит тебя. Что тогда?

— Хотел бы я посмотреть на того, кто попытается исправить тебя, — уничтожающим тоном сказал Крис.

Перекусив, мы спустились по разбитому проселку на машине к озеру. Здесь нас ждал смотритель с большой лодкой, на которой был установлен мощный подвесной мотор. Мы погрузили съемочную и звукозаписывающую аппаратуру. Генри пустил мотор, и лодка заскользила по блестящей глади к самой большой лебединой стае. Мы хотели сперва снять взлетающих птиц, чтобы лучше показать, как их много. Взяв курс на участок, где из-за лебедей не было видно воды, Генри развил предельную скорость, а когда осталось метров сто, выключил мотор, и лодка продолжала идти по инерции. Птицы, все это огромное скопище, попытались уйти от нас, но лодка шла быстрее, и вскоре самые робкие предпочли взлететь. И сразу началась паника, пятьсот-шестьсот птиц отчаянно забили крыльями, спеша оторваться от воды. Пепельно-серое и черное оперение, сургучно-красные клювы и ноги — непередаваемое зрелище... Лебеди вспенили тихую гладь, взлетели, и шум хлопающих крыльев уподобился грому оваций в огромном, гулком концертном зале. Вытянув длинные шеи, птицы кружили над нами, и казалось, в воздухе распластались сотни черных крестов, только белые кончики крыльев, словно огоньки, мелькали на фоне темного оперения. Вскоре все небо над озером заполнилось лебединой круговертью, гигантским вихрем черного конфетти.

Жутко было смотреть на этот карнавал пернатых и сознавать, что все началось с нескольких пар лебедей, неосмотрительно завезенных в страну сто с небольшим лет назад. Можно ли привести более выразительный пример того, какие грубые промахи совершает человек, вмешиваясь в распорядок природы!

Д

Мы продолжали скользить туда-сюда по озеру и встретили немало молодых лебедей, которые явно не желали поддаваться панике. Изящно изогнув шею и аккуратно сложив крылья, так что они сливались со всем оперением, будто выложенным из раковин, они плавали степенно, невозмутимо, как приличествует лебедям. Однако, по мере того как лодка начинала их настигать, они теряли самообладание, постепенно расправляли крылья и вытягивали шею вперед, выпрямляя ее. А лодка все ближе, ближе, и вот уже лебеди с недовольным гуканьем вспенивают воду ударами сильных крыльев и взлетают в каскадах брызг, волоча за собой ярко-красные ноги.

Наконец все, что требовалось, было отснято, и мы пошли к берегу. Как только лодка причалила, черная круговерть начала опускаться на озеро, и по темной глади побежали широкие клинья. Вполне довольные отснятыми кадрами, мы сложили аппаратуру, усидели еще один здоровенный чайник, закусили гренками и приступили к следующему этапу нашего путешествия.

Нашей целью был город Роторуа, несомненно, один из самых необычных городов в мире, необычных — и ненадежных, ведь он построен в «питомнике вулканов», иначе это место не назовешь.

Когда въезжаешь в Роторуа, так и кажется, что перед тобой Голливуд, декорации для какого-нибудь ковбойского фильма. (Впрочем, то же можно сказать о многих новозеландских городах.) Кажется, если заглянуть за фасад деревянных домов на главной улице, там будет пусто. Но еще больше при въезде в Роторуа поражает запах. В первый миг вы готовы приписать его миллиону протухших яиц, но после второго или третьего вдоха узнаете чудесный аромат сероводорода. Его в воздухе столько, что хоть топор вешай. Есть и другие, я бы сказал, зловещие признаки, свидетельствующие о том, что этот город не похож на прочие города. Тут и там вдоль тротуаров, а то и посреди мостовой в дорожном покрытии видны трещины, из которых лихо бьет струя белого пара, как будто захоронили небольшую паровую машину, а она возьми да оживи. Это придает уличным сценам особую, жуткую прелесть, но иногда оборачивается неприятностями. Незадолго до нашего приезда, рассказал Брайен, один местный житель, работая в своем подвале, ударом кирки открыл выход струе пара, и она убила его. Одержимый рвением, он, можно сказать, проколол аорту какого-то вулкана и оплатился жизнью. Эта история произвела на Джима такое впечатление, что он настоятельно потребовал, чтобы мы отказались от задуманной ночевки в Роторуа и тотчас отправились дальше, однако его предложение не нашло поддержки.

— Вы просто сумасшедшие, — убежденно произнес он. — Попомните мои слова, утром в наших постелях будет лежать вареное мясо. А запах... Как прикажете есть в таком воздухе? Никакого вкуса не разберешь.

Что верно, то верно: все, что мы ни ели в Роторуа, отдавало тухлыми лицами. Я попытался утешить своих товарищей тем, что пища в рядовом новозеландском отеле только выигрывает от запаха сероводорода...

Как только мы решили вопрос с жильем, Брайен повел нас смотреть, как он выразился, «горячие источники». Честно признаюсь, я вовсе не жаждал их увидеть, так как с этим названием у меня были связаны страшные воспоминания о месте, где старики и калеки обоего пола на инвалидных колясках передвигались от источника к источнику, кашляя, харкая и глотая самую отвратительную (во всяком случае, если судить по запаху) воду, какая только бьет из недр земли. Всякому, кто полагает, что знахарство уже в прошлом, было бы крайне полезно взглянуть на такой, с позволения сказать, курорт. Однако я вскоре убедился, что Брайен понимает под горячими источниками нечто совсем иное, и я ничуть не жалею, что совершил эту экскурсию, потому что зрелище было поистине удивительным.

Доехав до окраины Роторуа, мы вышли из «Лендровера» и спустились пешком в небольшую долину. Запах тухлых яиц сразу же неимоверно усилился, и воздух стал более теплым и влажным. Поворот — и нам почудилось, будто мы вдруг перенеслись на миллионы лет назад, в эпоху, когда Земля была еще совсем молодой, неостывшей и неоформившейся. Выходы коренной породы причудливо смяты, скручены, испещрены отверстиями и трещинами, из которых периодически, подчиняясь какому-то загадочному биению в недрах земли, словно кровь из перерезанной артерии, вырывались струи пара — местами короткие, а местами и повыше, достигая двух — двух с половиной метров. Пар курился даже над самыми маленькими щелями, поэтому воздух буквально был пропитан влагой и все было видно как бы сквозь колышущуюся вуаль. Самые мощные гейзеры выбрасывали столб пара высотой до четырех-пяти метров. Извержение длилось минут десять, потом почему-то прекращалось, а через некоторое время возобновлялось, сопровождаемое своеобразным гулом и свистом. И если вы, забывшись, станете над таким «жерлом», это может стоить вам жизни — ведь даже брызги, что разлетаются в стороны от кипящего столба, погорячее воды в вашей ванной...

Через скользкий, коварный участок мы осторожно прошли к небольшому говорливому потоку, который бежал по каменистому ложу, кутаясь в рваное одеяло из пара. Температура воды в нем была вполне сносная, каких-нибудь тридцать градусов с хвостиком. Форсировав поток, мы пошли дальше и очутились у грязевых озер. Они оказались настолько любопытными, что я около получаса буквально не мог от них оторваться.

Озера были разной величины, одни довольно большие, другие с маленький круглый стол. Цвет их тоже разный: где густо-коричневый, где посвет-

Д лее, вроде кофе с молоком. Цветом и консистенцией грязь напоминала кипящий молочный шоколад. Казалось, она и впрямь кипит, на самом же деле ее заставляли бурлить струйки пара, пробивающиеся сквозь горячую вязкую массу. Посмотришь — озеро ровное, гладкое, такое соблазнительное на вид, что хоть зачерпывай ложкой и ешь. Но тут на зеркальной поверхности вздувался пузырь — сперва маленький, с яйцо дрозда, он становился все выше и шире, достигая размеров целлулоидного мячика, а то и апельсина (если грязь была достаточно вязкая). В конце концов пузырь лопался с громким булькающим звуком, и возникал крохотный «лунный» кратер. Постепенно кратер заполнялся, и опять озеро гладкое, пока не накопится пар — тогда все начнется сначала.

В некоторых озерах, где пар напирал сильнее, шесть-семь пузырей выстраивались в круг и буквально «пели» вместе. Впрочем, «пение» это скорее напоминало перезвон колоколов — ведь пузыри были неодинаковые и лопались с разным звуком. Через равные промежутки времени пар пробивался сквозь грязь, и пузатые пузыри исполняли свою мелодию: глоп... плип... глуг... плип... сплоп... плип... глуг... плиш... сплоп... плип... Упоительная музыка; я наклонялся то над одним, то над другим озерком, плененный этими своеобразными оркестрами. Мне удалось найти семнадцать особенно одаренных пузырьков, исполнявших нечто настолько сложное и гармоничное, что, пожалуй, кроме Баха, этого никто не мог сочинить. И я уже прикидывал, как бы заключить с ними контракт и переманить их в Англию, где они свободно могли бы выступить в Лондонском концертном зале (скажем, под управлением сэра Малькольма Сарджента), но тут меня грубо вернул с облаков на землю голос Криса.

— Пошли-ка, дружок, — сказал наш режиссер, вынырнув из тумана с видом убитого горем Данте. — Хватит лепить пирожки из грязи. Я там нашел штук шесть гейзеров, все они выстроились в ряд и извергаются, как черти. Мне нужно, чтобы ты и Джеки прошли перед ними.

— Очаровательная идея! — горестно произнес я, с трудом отрываясь от поющих пузырьков и ныряя в туман следом за ним.

В самом деле, лихо пересвистываясь и аукаясь, стояли почти точно в ряд шесть гейзеров высотой в четыре-пять метров.

— Вот они, — гордо сказал Крис. — Теперь я хочу, чтобы вы с Джеки прошли перед ними. Начнете вон у того камня и остановитесь примерно вон там.

— А как насчет надбавки за риск? — справилась Джеки.

Ее темные волосы были сплошь покрыты мельчайшими капельками воды, и казалось, что она прежде времени поседела.

— Надбавка будет лишь в том случае, если сработает Большая Бертта, — ухмыльнулся Крис.

— Это еще что за Большая Бертта? — спросил я.

Крис показал на большое отверстие в скале рядом с тем местом, где мы должны были пройти.

— Большая Бертта находится вон в той дыре, — объяснил он. — По-видимому, это самый мощный из здешних гейзеров, но он извергается нерегулярно, раз в десять-пятнадцать лет. Зато уж как разойдется, говорят, струя бьет метров на пятнадцать. Вот, должно быть, зрелище!

Я уловил в голосе Криса невысказанную мечту и строго посмотрел на него.

— Ну так вот, заруби себе на носу, — сказал я. — Я не намерен ни при каких обстоятельствах якшаться с пятнадцатиметровым гейзером!

Заняв позицию, которую нам указал Крис, мы с Джеки подождали, пока приготовят съемочную и звукозаписывающую аппаратуру, затем по знаку режиссера двинулись вперед. Маленькие гейзеры неистово фыркали, создавая весьма впечатляющий фон.

Нам оставалось пройти примерно половину, как вдруг у нас под ногами задрожала земля, послышался такой звук, словно рыгнул сам Гаргантюа, потом шипение, и над жерлом Большой Берты вырос столб пара толщиной с доброе дерево. Все громче шипя, струя продолжала вздыматься вверх, пока не рассыпалась брызгами, как фонтан. Град жгучих капель заставил нас с Джеки сломя голову обратиться в бегство. Если не считать того раза, когда меня преследовал разъяренный гну, я не припомню, чтобы мне когда-либо приходилось бегать с такой быстротой. Тяжело дыша, мы добежали до наших друзей. Крис и Джим прыгали от восторга, а Брайен, стоя рядом, гордо улыбался, словно это он самолично организовал извержение Большой Берты.

— Великолепно! — услышал я голос Криса сквозь шипение гейзера. — Просто великолепно! Лучше не придумаешь.

Мы с Джеки сели отдышаться на влажный камень; она смотрела на меня, я — на нее.

— Ах, как я вам завидую, мистер Даррелл, — сказала Джеки. — У вас такая интересная жизнь!

— Да-да, сплошные удовольствия и сюрпризы, — отозвался я, вытирая лицо и чиркая отсыревшей спичкой, чтобы прикурить.

— Не понимаю, чем вы недовольны, — заметил Крис. — Вы же были совсем в стороне.

— Не в этом соль, — ответил я. — Ты меня заверил, будто эта пакость извергается только раз в сто лет. Представь себе, что я из мальчишеского

Д

озорства встал бы как раз над отверстием. Вот была бы клизма — второй уже не понадобится...

Пока Крис и Джим снимали Большую Берту в самых различных ракурсах, мы с Джеки еще немного полюбовались грязевыми озерами. Наконец съемки были закончены, мы уложили аппаратуру и выбрались из долины. Наверху я остановился и на прощание еще раз поглядел на смятые, искореженные пласты, на столбы шипящего пара, на лоснящиеся грязевые озера. Все тонуло в плотной завесе тумана, вызванного извержением Большой Берты. Чем-то эта картина напоминала рисунки Гюстава Доре, и я бы не удивился, если б из-за скалы вдруг вышел динозавр и спустился к грязевому озеру, чтобы искупаться.

Переночевав в Роторуа (вопреки мрачным предсказаниям Джима, никто из нас не сварился в постели), мы на следующий день покатали дальше в сторону Веллингтона, расположенного на самом юге Северного острова. Минул час, за ним другой, нам уже надоело кричать «Смотрите!» и видеть все одних только зябликов да завирушек, когда Брайен наконец свернул к большому тихому озеру, на берегах которого высились могучие деревья, и здесь мы впервые увидели новозеландских птиц. Разумеется, и тут не обошлось без полчищ черных лебедей, но на этом озере они еще не успели полностью вытеснить коренных обитателей. Вооружившись камерами и биноклями, мы живо выскочили из «Лендровера». Каждый занялся своим делом: Крис и Джим снимали, а Джеки, Брайен и я вели наблюдения за птицами, причем Брайен называл нам виды и коротко рассказывал об их образе жизни и распространении.

Самыми многочисленными и самыми красивыми были новозеландские огари, или, как их еще называют, райские утки. Несколько пар этих птиц добывали себе корм на мелководье в каких-нибудь десяти метрах от нас. Удивительно, до чего не похожи друг на друга самец и самка; на первый взгляд казалось даже, что перед нами представители двух разных видов. Селезень: голова, шея и грудь черные с блестящим отливом, спинка тоже черная, но с тонкими белыми полосами, живот ярко-рыжий, также распи-санный белыми полосками. Утка: спинка черная в белую полоску, грудь и живот рыжие с белыми полосами, голова и шея чисто белые. Я впервые видел этих очаровательных уток и сначала принял более нарядную самку за самца, пока Брайен не просветил меня. И все-таки странно, что утка окрашена ярче селезня — как-никак ей принадлежит опасная обязанность высиживать яйца, когда, казалось бы, особенно важен камуфляж.

Вторым по численности новозеландским видом, представленным здесь, были новозеландские чернети. Но они держались куда осторожнее, ходили

стилками вдалеке от берега, и мы только мельком, да и то в бинокль видели этих небольших, ладных птиц с коротковатым тупым клювом. Плавали чернети быстро и как-то воровато. Голова и шея у них были черные с пурпурным отливом сверху и зеленым снизу, и видимая часть тушки выше «интерлинии» тоже черная. Этот мрачноватый наряд красиво оттенялся белой полосой на крыле, серо-голубым клювом и ярко-желтыми глазами.

Проведя на берегу озера несколько приятных часов, мы снова усадились в «Лендровер» и доехали до Веллингтона. Здесь нас разместили в гостинице, которая, как и все новозеландские гостиницы на нашем пути, буквально во всех отношениях оставляла желать лучшего. Уж очень разителен был контраст с искренним, неподдельным радушием, с каким нас встречали повсюду.

На следующий день мы встали рано утром и отправились к морю. Брайен настоял, чтобы мы, прежде чем покинуть Северный остров, непременно побывали в птичьем заповеднике Капити. Устав от моего брюзжания по поводу неизменных скворцов и дроздов, он поклялся, что там я увижу типичных представителей пернатых Новой Зеландии.

Наш «Лендровер» остановился около песчаного пляжа, окаймленного небольшими бурунами. Прямо перед нами лежал длинный горбатый островок, поросший густым лесом. В бледном утреннем свете Капити казался темным и угрюмым, в нем не было ничего притягательного. Джим посмотрел на курчавые волны и смерил взглядом расстояние до острова.

— А как мы туда попадем? — нервно спросил он. — Вплыв?

— Нет-нет. Джордж Фокс, смотритель заповедника, придет за нами на катере, — ответил Брайен и посмотрел на часы. — Он будет с минуты на минуту.

Мы выгрузили аппаратуру и разложили ее на берегу, приведя в боевую готовность. Наконец от острова отделилась маленькая точка и запрыгала по волнам в нашу сторону. Джим с растущей тревогой следил, как лихо скачет лодка.

— Меня укачает, — объявил он замогильным голосом.

— Вздор, — возразил Крис. — Разве это волна?! И вообще тут так близко, что тебя просто не успеет укачать.

— В армии меня однажды укачало на грузовике, когда мы переправлялись через Рейн, — важно сообщил Джим.

На короткое время воцарилась тишина, все переваривали это необычайное заявление.

— Я не хотел бы показаться глупее, чем я есть, — осторожно заметил я, — но мне не понятно: как это можно укачаться на грузовике при переправе через Рейн? Может быть, ты переправлялся на амфибии?

Д

— Нет, — объяснил Джим, — мы ехали по понтонному мосту. И мост качался вверх-вниз, вверх-вниз.

— Ну?.. — нетерпеливо воскликнул Крис.

— Ну и меня укачало, — смиренно сказал Джим.

Я пожал ему руку.

— Горжусь — горжусь знакомством с храбрецом, который пересек реку на грузовике по понтонному мосту, невзирая на морскую болезнь. Теперь понятно, почему мы выиграли войну.

Тем временем катер проскользнул через полосу прибоя и с легким хрустом врезался килем в песок. Из крохотной рулевой рубки выбрался человек, прыгнул через борт и зашагал по воде к нам. Невысокого роста, плечистый, смуглое обветренное лицо и ясные голубые глаза... Это и был Джордж Фокс. Поначалу он показался мне замкнутым и неразговорчивым, но потом я убедился, что Джордж далеко не со всеми таков. Просто за последнее время в птичий заповедник зачастили натуралисты, и большинство из них не отличались учтивостью. Неудивительно, что он подозрительно встречал каждую новую партию любителей природы и киношников, пока не узнавал их ближе.

Лодка весело ринулась вперед, спеша одолеть те восемьсот метров, что отделяют Капити от Большой земли. Джим сидел в рулевой рубке, и на его угрюмом лице было написано недоброе предчувствие. Однако мы добрались до маленькой пристани прежде, чем с ним успело случиться что-нибудь страшное.

Вблизи остров выглядел еще неприветливее. Из моря вздымались крутые скалы, отороченные глухим и пустынным на вид темно-зеленым буковым лесом. Мы выгрузили аппаратуру, втащили ее по узкой тропе наверх, вошли в густой сумрачный лес и тотчас услышали барабанную дробь.

Можно было подумать, что какой-то пигмей, спрятавшись в зарослях слева от нас, тихонько что-то выстукивает на крохотном тамтаме. Дробь звучала несколько секунд, потом прекратилась. После небольшого перерыва другой пигмей, укрывшийся где-то справа, выбил ответный сигнал: короткая дробь — и опять тишина. Внезапно со всех сторон зарокотали тамтамы, как бы подтверждая, что послание принято и понято. Дробь отзывалась на дробь, шел сложный, непонятный разговор.

— Скоро пигмеи нас атакуют? — спросил я Брайена, живо представляя себе племя карликов, доведенное до неистовства речитативом военных тамтамов.

Брайен улыбнулся.

— Я же говорил вам, что вы увидите здесь настоящих новозеландских птиц, — ответил он. — Это уэки. Одна из самых любопытных птиц Новой

Зеландии. Им всегда надо знать, кто и зачем прибыл на остров. Вы их сейчас увидите.

Тропа вела нас все дальше вверх, и вдруг лес расступился. На залитой солнцем прогалине стоял чистенький домик Джорджа Фокса. Нас встретила его сестра и сразу покорила наши сердца, предложив нам горячего кофе и домашнего печенья. Сидя на солнышке, мы жадно уписывали пришедшее очень кстати угощение; вдруг из-за камня высунулась чья-то коричневая голова, с любопытством обозрела меня большими темными глазами и снова исчезла.

— Брайен, — сказал я, — только что вон из-за того камня выглянула какая-то коричневая птица.

— Ага, — отозвался Брайен, жуя печенье. — Это был уэка. Сейчас они все сюда пожалуют. Все новое неудержимо влечет их.

Не успел он договорить, как из зарослей высунулась еще одна коричневая голова, окинула нас пронизательным взглядом и тихонько скрылась. Несколько минут продолжалась интенсивная разведка, птицы выглядывали то из-за камня, то из гущи папоротников, наконец решили, что нас можно не опасаться, и в ту же секунду мы оказались в окружении уэк. Это было похоже на волшебство, птицы появлялись из самых неожиданных мест. Осадив нас, они принялись внимательно изучать съемочную аппаратуру — осторожно клевали кожаные сумки и жестяные коробки с пленкой, рассматривали треноги, наклонив голову, и непрерывно о чем-то переговаривались на своем «языке тамтамов»; ни дать ни взять таможенники, разыскивающие контрабанду. Я бы сравнил этих красивых, хотя и несколько угрюмых на вид птиц с огромными коростелями. Походка у них была типичная для пастушков: вытянув шею с любопытным видом, они бережно ставили на землю свои крупные ноги, точно страдали от мозолей. Оперение в верхней части приятного золотисто-коричневого оттенка с черными крапинками; живот и шея снизу серые; над глазами щегольская серая полоска; клюв и ноги красноватые. Глаза, издали показавшиеся мне почти черными, на самом деле были красновато-коричневыми.

Осмотрев аппаратуру, уэки приступили к исследованию нашей одежды и обуви. Они легонько тюкали нас клювом по ногам и невозмутимо расхаживали между нами, причем ни на минуту не переставали трещать. Чем-то это походило на чревоуещание: стоя подле ваших ног, уэка вдруг начинал стучать, вы даже видели, как он это делает, а звук доносился откуда-то со стороны. Что до невозмутимости, то ее им хватало ненадолго. Стоило бросить на землю горсть крошек, как начиналась постыдная свалка, уэки беззастенчиво отталкивали друг друга и сердито перебранивались.

Д

Все время, что мы находились на Капити, уэки ни на миг не отходили от нас. Они сновали кругом, будто хлопотливые гномы, вмешивались в наши дела, путались у нас под ногами и непрерывно тараторили. Очаровательное общество — но утомительное.

В первые минуты можно было подумать, что уэки — единственные пернатые на Капити, но после того, как мы расставили треноги с камерами, начали появляться другие птицы. Первой к небольшой кормушке, сколоченной Джорджем Фоксом, спустилась птица-колокольчик. Перед этим она некоторое время пряталась в листве и развлекала нас упоительным концертом, который состоял из головокружительного каскада чудесных звонких трелей. Мы с нетерпением ждали, когда же покажется певец. Наконец он слетел вниз к кормушке — и мы испытали чувство разочарования, так он смахивал на обыкновенную европейскую зеленушку, если не считать темно-пурпурной окраски головы. Поев и утолив жажду, птица-колокольчик села на ветку над самой кормушкой и дала еще один небольшой концерт. Она так легко, так виртуозно играла на своей восхитительной флейте Пана, что за это ей вполне можно было простить заурядную внешность.

Зато следующая птица буквально поразила меня своей внешностью, потому что я представлял ее себе совсем другой. Это был новозеландский голубь, который весьма лениво и самодовольно описал круг над домом, потом опустился на траву и принялся клевать что-то в метре от меня. Почему-то мне всегда казалось, что новозеландский голубь должен напоминать обыкновенного вяхиря, разве что окраска будет более изысканной, как, например, у горлинки. Я никак не ожидал увидеть такую огромную — в два раза больше вяхиря — великолепную птицу, с ярчайшей окраской, которая сделала бы честь самому живописному представителю плодоядных голубей. Голова, шея и верхняя часть грудки были сочного золотисто-зеленого цвета с налетом медной патины, спинка — пурпурная с каштановым оттенком и тоже с патиной. Нижняя часть спинки, надхвостье и часть хвоста — зеленые с металлическим отливом. Хвост — коричневый с зеленым блеском; кроме того, в хвосте и крыльях были отдельные бронзово-зеленые перья. Клюв желтый, а у основания малиновый, веки красные. Словом, не голубь, а вдовствующая герцогиня, надевшая на себя самые яркие наряды. Рядом с таким оперением трава казалась какой-то тусклой, бесцветной.

Я еще любовался голубем, когда внезапно из кустов вынырнул этакий щеголь в зеленом оперении с металлическим отливом и пурпурными блестками, внешностью настоящий артист. Поверх зеленоватого оперения на шее лежали длинные белые нитевидные перья, а горло украшали две маленькие белые пуховки, в точности похожие на изысканно повязанный

шарф, которому мог позавидовать любой законодатель мод. Это был туи. Размерами туи примерно с черного дрозда, но если дрозд выглядит толстым и неуклюжим, то туи — живой и стройный, двигается с изяществом и легкостью балерины. Обозрев нас, он посмотрел в одну, затем в другую сторону и выбрал себе место для выступления. С нашей точки зрения, выбор был идеальным — туи примостился на голом сухом суку в нескольких метрах от нас, где очень эффектно вырисовывался на фоне светлого неба. Бросив еще один взгляд в нашу сторону и удостоверившись, что мы слушаем, туи зашел. Надо сказать, что с первого же дня нашего пребывания в Новой Зеландии мне превозносили до небес певческие способности туи. Но ведь, в какую страну ни приедешь, всюду есть своя любимая птица, которая поет, как никакая другая птица на свете, и я давно привык критически относиться к подобным уверениям. Тем не менее, послушав несколько минут туи, я решил, что новозеландцы не преувеличивали, а скорее преуменьшали — мне редко доводилось слышать столь совершенное и выразительное пение. Мелодичные трели, журчание и воркование искусно сочетались со звуками, напоминавшими то хриплый кашель, то даже чиханье. Перемешать такие звуки с трелями, так что они кажутся вполне уместными и даже необходимыми, — это ли не верх артистизма!

Очарованные пением туи, мы даже забыли, ради чего, собственно, приехали на Капити, пока нам не напомнил об этом Брайен. Речь шла о стае кака, крупных новозеландских попугаев, которые обитали в лесу, но были приучены прилетать на зов. Джордж зашел в свой домик и вынес горсть липких сушеных фиников. Мы приготовили камеры, он встал возле кормушки и начал звать попугаев.

— Сюда, сюда! — Его могучий голос перекатывался между лесистыми холмами. — Сюда, Генри, Люси... Ну, скорей, мои славные... Генри... Люси... ну, сюда, сюда!

Минут пять он кричал впустую, потом вдруг высоко над темно-зеленым пологом леса показалось стремительно летящее пятнышко. Кака спикировал на домик и совершил мастерскую посадку на железную крышу. Здесь я смог как следует рассмотреть его в бинокль. Это была очень крупная птица с необычно длинным и тонким для попугая изогнутым клювом. Голова впереди серая, а цвет перьев вокруг глаз переходил от оранжево-красного вверх к малиновому вниз. Сзади голова коричневая, но с особенным шелковистым переливом и нежными оттенками. Спинка, поясница и надхвостье малиновые, грудь серая, живот малиновый.

Кака решил пройтись по коньку. Шел он, забавно переваливаясь, как ходят все попугаи, причем раз-другой срывался и, чтобы удержать равновесие, начинал хлопать крыльями. Я разглядел, что с внутренней стороны

Д оперение крыльев ярко-красное в коричневую полоску. Осторожно ступая, кака дошел по коньку до водосточного желоба. За желоб было легче держаться, и попугай заскользил по нему вниз боком, пока не добрался до такого места, откуда ему было удобнее созерцать нашу компанию.

Несколько минут он пристально глядел на нас своими карими глазами, не обращая никакого внимания на мольбы Джорджа, который уговаривал его спуститься. Потом, решив, что под другим углом мы, пожалуй, будем смотреться лучше, он повис вниз головой. Повисел так минут десять, сделал вывод, что мы, несмотря на весьма странный вид, вполне безопасны, расправил крылья и малиновым вихрем опустился на кормушку. Важно расхаживая и приплясывая, кака ел кусочки финика, которыми его угощали мы с Джорджем. В это время из леса вылетели еще два попугая, и спектакль повторился. Они прошлись по крыше, рассмотрели нас под различными углами и наконец спустились к кормушке. Один из вновь прилетевших, совсем молодой птенец, схватив кусочек, тотчас вернулся на крышу домика; родители же остались и скрипучими голосами о чем-то болтали, воздавая должное липкому угощению. Папаша до того разошелся, что взлетел и уселся мне на голову, чем немало порадовал Криса. Однако я вскоре пришел к заключению, что наблюдать птиц, когда большой тяжелый попугай цепляется за вашу голову острейшими когтями и роняет вам на волосы крошки разжеванного финика, — далеко не лучший способ. Да и клюв у него был такой мощный, что я старался непрерывно потчевать попугая, опасаясь, как бы он не отхватил мне ухо. Тем временем Джордж рассказывал историю своих кака.

Стая, которая обычно слеталась на его зов к кормушке, насчитывала семнадцать попугаев. К сожалению, в день нашего визита большинство их, по-видимому, находилось в дальнем конце острова, куда не проникал даже привычный голос Джорджа. Первоначально на «званный чай» прилетали две-три птицы, обитавшие по соседству с домиком. Они быстро убедились, что поселившиеся в доме люди не только безопасны, но даже готовы угощать их всякими вкусными вещами, каких в лесу не найдешь, и стали прилетать регулярно. Слух о таком изобилии (если только пернатые пользуются слухами) распространился по всей окрестности, и вскоре стоило человеку повысить голос, как на крышу дома пикировали семнадцать попугаев.

Пока Джордж рассказывал, я с интересом наблюдал за птенцом. Он все еще не решался спуститься к родителям и, сидя в довольно опасной позе на крыше, хлопал крыльями и издавал жалобные хриплые крики. После того как самка основательно наелась, она зажала в клюве несколько кусочков финика и отнесла на крышу, где принялась совать их в жадно разинутый клюв своего отпрыска. Птенец астматически сипел от возбуждения и так

энергично бил крыльями, что чуть не свалился с крыши. Четыре порции скормила мать юному попугаю; наконец он приобрел задумчивый и слегка надутый вид. Тут, кстати, и запас фиников кончился, и кака, удостоверившись, что мы ничего не утаили, улетели в лес. Птенец потянулся за ними, гиня и хныча, словно избалованный ребенок.

Дневной свет померк, снимать стало невозможно, поэтому мы с неохотой собрали аппаратуру и простились с Капити. Катер пошел через пролив к Большой земле, а я смотрел на остров, который вырисовывался черным силуэтом на фоне золотисто-зеленого заката. И мне подумалось, что, если разобраться, птицы Капити не такая уж диковина. Если животных и птиц повсюду оставляют в покое, если они узнают, что людям можно доверять, в мире появится множество Капити; больше того, стоит чуточку постараться, и весь мир может стать сплошным огромным Капити. Вот было бы чудесно!.. Но увы, с горечью сказал я себе, эта мечта вряд ли когда-либо осуществится.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТРЕХГЛАЗАЯ ЯЩЕРИЦА

Увы, на первый взгляд картина
опечалила отряд —
Крутом все ущелья да пропасти.

«Охота Ворчуна»

Из Веллингтона мы отправились на Южный остров на пароме. Пока мы наслаждались прелестями морского путешествия, Брайен рассказал, что на Южном острове есть две вещи, которые ему особенно хотелось бы нам показать, поскольку речь идет о двух примерах успешной борьбы за охрану фауны. Это, во-первых, колония королевских альбатросов на мысе Таиароа, во-вторых, гнездовье желтоглазых пингвинов. После этого, продолжал он — и глаза его горели организаторским пылом, — мы побываем на островке, где живет одна из самых поразительных рептилий на свете — гуатара, она же гаттерия. Ничего не скажешь, от такой программы потекли бы слюнки у любого уважающего себя натуралиста, и мы сошли на берег Южного острова, исполненные энтузиазма.

На пути к полуострову Отаго и мысу Таиароа мы обнаружили, что Южный остров совсем не похож на Северный, хотя сразу было как-то трудно определить, в чем разница. Столько же ферм и ничуть не меньше

Д полей, и все-таки он мне показался более диким и менее населенным. Наверно, это потому, что все время ощущалось присутствие могучих зазубренных вершин, которые тянутся цепочкой вдоль западного берега. Даже когда их не было видно, они как-то давали о себе знать.

Некоторое время дорога шла по берегу моря, и местами открывались изумительные дикие пейзажи. Могучие валы проталкивались к берегу, где причудливыми пластами громоздились плиты серого камня, будто окаменевшие книги из библиотеки какого-нибудь исполина.

На некоторых камнях мы увидели новозеландских котиков; одни лежали кучками, греясь на солнце, другие ныряли со скал в ревущие водовороты, такие неистовые, что просто удивительно, как котики оставались живы.

Полуостров Отаго находится неподалеку от города Данидина, а самый его кончик — это и есть мыс Таиароа. Мы заехали в Данидин, прихватили Стена Кларка, смотрителя заповедника альбатросов, и покатали дальше. Полуостров Отаго представляет собой весьма солидный довесок суши, с виду напоминающий опрокинутую лодку и окаймленный крутыми скалами. На самой макушке, поросшей длинной кустистой травой и открытой всем ветрам, и обосновались королевские альбатросы, едва ли не самые представительные среди морских птиц.

У этого заповедника прелюбопытная история. Стен — высокий, спокойный и мягкий человек — с гордостью поведал мне, как удалось спасти королевских альбатросов.

Обычно альбатросы предусмотрительно выбирают для своих гнездовий окруженные бурными водами уединенные острова, где можно не опасаться хищников, в том числе самого свирепого из них — человека. Но в 1914—1919 годах королевских альбатросов видели летающими над полуостровом Отаго. Они садились на мыс Таиароа, словно проверяя, не годится ли это место для монарших яслей, а в 1919 году там нашли первое яйцо. Новость об этом взбудоражила орнитологов, ведь это был первый известный случай гнездования королевских альбатросов на главных островах Новой Зеландии. Некий доктор Ричдейл и отделение Королевского географического общества в Отаго принимали все мыслимые меры, чтобы защитить альбатросов от двух опасностей: во-первых, от тех людей, которые крадут яйца, или разоряют гнезда, или побивают камнями взрослых птиц (просто удивительно, сколько на свете находится таких идиотов!); во-вторых, от любителей природы, которые ходили на мыс просто полюбоваться на птиц, яйца и птенцов, не понимая, что потревоженные альбатросы могут вовсе улететь. Помимо людей, альбатросам грозили кошки, собаки и хорьки, уничтожавшие немало птенцов, и даже кролики — они привлекали на мыс

хищников, а сами губили растительность и почву. Тем не менее в 1938 году с мыса Таинароа поднялся в небо первый молодой королевский альбатрос. После этого местное портовое управление и Министерство внутренних дел решили помочь заповеднику, а жители Данидина по инициативе клуба Ротари собрали 1250 фунтов — это позволило учредить должность смотрителя, которую и занял Стен.

Потребовалось огородить гнездовье, чтобы на этот участок не ходили посторонние; мера совершенно необходимая, хотя она и пришлась не по душе многим из тех, кто помогал создавать заповедник. Постепенно колония росла, и теперь здесь гнездятся двенадцать пар. Если поменьше тревожить птиц, колония будет расти и дальше, альбатросы привыкнут доверять людям, и придет время, когда можно будет открыть свободный доступ посетителям. Сейчас пускать в заповедник большие группы рискованно, можно спугнуть птиц и уничтожить плоды многолетнего труда.

Стен открыл калитку, запирающуюся внушительным висячим замком, и повел нас по узкой тропе, извивающейся сквозь траву по самому краю скалы. Далеко внизу отливало сталью море; по его сморщенной ветром поверхности скользили стаи морских птиц — чайки, поморники, различные бакланы. Потом тропа начала взбираться по склону на горб, и трава стала повыше, но попадались участки дерна с совсем короткой зеленой щеточкой. Стен вдруг остановился и показал рукой: рядом с тропинкой, всего в нескольких метрах от нее, лежал на земле большой клубок пуха. При ближайшем рассмотрении клубок оказался птенцом, который важно восседал на кучке веточек, изображающей гнездо, каким его представляет себе королевский альбатрос. Птенец размером с откормленную индейку был весь покрыт тонким снежно-белым пухом, удачно оттенявшим большие черные глаза и бананово-желтый клюв. Он плотно сидел на своем гнезде и смотрел на нас, словно рассерженная пуховка. Но стоило нам приблизиться, как птенец начал нервничать, с превеликим усилием взгромоздился на большие плоские ноги, поднял крылья над спиной и защелкал клювом, точно кастаньетами. Снимая его на пленку, мы постоянно помнили о расстоянии: подойдешь слишком близко, и он отрыгнет струйку черной, дурно пахнущей жидкости — его единственное средство защиты — и окатит ею тебя и свою беленькую манишку.

Мы оставили птенца в покое и пошли по тропе дальше вверх. Прикрытое от ветра грудой камня, на дерне примостилось еще одно гнездо. Его обитатель оказался куда более флегматичным, он только взглянул на нас и преспокойно продолжал выполнять нелегкую задачу, которую сам себе задал. Родители, когда сооружали гнездо, набросали кругом изрядное коли-

Дчество веток, и теперь юнец развлекался, проверяя, как далеко он может дотянуться со своего места, чтобы взять ветку и добавить в конструкцию. Очевидно, он давно приступил к делу, потому что около самого гнезда земля была очищена от веток, и ему приходилось тянуться все дальше и дальше, рискуя выкатиться и уподобиться обросшему пухом футбольному мячу.

Я выбрал место, куда птенец не мог доплунуть, лег на землю и стал наблюдать, как прилежно трудится юный строитель, но скоро запас веточек кончился, и малыш, покрутившись в гнезде и убедившись, что в пределах досягаемости строительных материалов больше нет, уселся поудобнее и устроился в пространство, словно размышляя о чем-то серьезном и важном. Тогда я отыскал подходящий прутик и, осторожно подавшись вперед, протянул его маленькому альбатросу. С минуту он пристально глядел на меня, словно изучая, и осторожно взял прутик клювом с видом аристократки, принимающей слегка потрепанный букет из рук сопливого деревенского мальчишки. После секундного раздумья птенец деловито сунул прутик в ту часть гнезда, которая, по его мнению, нуждалась в починке. Ободренный его милостью, я подобрал другую ветку, подвинулся еще ближе и подал ему. Он взял ее сразу и заметно воодушевился. Примерил ветку с одной стороны гнезда, решил, что здесь она не на месте, вытащил и положил с другой стороны. Лишь после третьей или четвертой попытки он остался доволен результатом и устремил на меня выжидательный взгляд. Каким бы отвратительным я ему ни казался, в роли сборщика прутьев я его устраивал. За десять минут он наткал в гнездо кучу прутьев и позволил мне приблизиться, так что нас разделял всего какой-нибудь метр. Еще через полчаса мы стали закадычными друзьями, юный альбатрос даже позволил мне поправить две-три ветки, которые легли не совсем удачно (один прутик он по ошибке засунул себе под крыло).

Глядя на пушистого круглого птенца, который так усердно чинил свое гнездо, я просто не мог себе представить, что в один прекрасный день он превратится в красивую белую птицу с черными крыльями и желтым клювом и будет легко парить над волнами, распахнув свои «плоскости» на три с лишним метра. Через девять лет он (или то была она?) достигнет зрелости, найдет себе пару, и они вернутся на мыс Таиароа, чтобы соорудить гнездо и вырастить своего пушистого птенца. Родители будут по очереди насиживать яйцо, и оба будут заботиться о вылупившемся отпрыске. Когда же птенец подрастет и сможет сам за себя постоять, они улетят в море, а через два года вернутся, и все повторится. Королевские альбатросы соединяются в пары на всю жизнь, и возраст самых старых членов колонии — тридцать пять лет, но медленное созревание, долгий срок насиживания яиц (одина-

дцать недель, это почти рекорд), а также то обстоятельство, что у альбатросов бывает лишь один птенец в два года, — все это делает процесс создания колонии чрезвычайно длительным, требующим большого терпения.

Неохотно простившись с птенцами, мы пошли по тропе вниз и вдруг увидели одного из родителей: вдали, у самого горизонта, над седым морем парил черно-белый крест. Он падал и снова взмывал, скользя в воздухе так же легко, как камень скользит по льду. Крылья оставались неподвижными, только тело чуть наклонялось то в одну, то в другую сторону, помогая широким «плоскостям» лучше принаравливаться к воздушным течениям. Мы остановились и долго любовались этим парением, пока альбатрос окончательно не исчез из поля зрения. Тогда мы еще раз помахали на прощание птенцам и покинули заповедник.

Дальше наш путь лежал туда, где, по словам Стена, находилось одно из гнездовий желтоглазых пингвинов. Эти пингвины — одни из самых красивых представителей отряда, и некогда их было довольно много в районах побережья с благоприятными природными условиями, но всюду, где появлялся человек, они исчезали. Желтоглазые пингвины предпочитают гнездиться вдали от воды, в лесу или в кустах: подле бревна или камня они сооружают себе гнездо из прутьев и жесткой травы. Но люди сводили лес и кустарник; расчищая пастбища для своих драгоценных овец, они уничтожали естественную среду обитания птиц, и число пингвинов пошло на убыль. Если к этому добавить, что фермеры (и не только фермеры) грабили гнезда, разбивали яйца и истребляли беззащитных родителей, — и перед вами в миниатюре то же, что происходит по всему свету: гибнут сотни безобидных видов — птицы, млекопитающие, рептилии.

Стен привез нас на территорию большой овцеводческой фермы. Высокие скалы отгораживали ее от моря, но в этой части полуострова их во многих местах рассекали лощины, заросшие тем самым кустарником, в котором так любят гнездиться пингвины. Владелец фермы (должно быть, один из самых просвещенных фермеров Новой Зеландии) согласился оставить эти лощины в неприкосновенности, и они стали своего рода пингвиньим заповедником. Заодно — все равно он тут жил — фермер вызвался быть общественным смотрителем заповедника.

До этого гуманного и разумного шага численность пингвинов сократилась до каких-нибудь нескольких сот. В первые же годы создания заповедника начался прирост, и теперь здесь около двух тысяч пингвинов. Стен опасался, что мы никого не увидим, так как, выведя птенцов, пингвины большую часть времени проводят в море и ловят рыбу. Это нас не остановило, мы спустились по одной из лощин и вышли на длинный пляж, усеян-

Д ный множеством окатанных морем камней с бахромой из зеленых водорослей. Пробираясь между камнями, мы внимательно изучали и лощины и море — разве угадаешь, где могут оказаться пингвины. Прошло полчаса, а мы все еще ничего не заметили, если не считать нескольких чаек и бакланов. Я уже решил, что впервые в Новой Зеландии нам не повезло и мы не найдем искомого. Вдруг Стен, стоя на высоком камне, показал на море.

— Есть один! — торжествуяще воскликнул он. — Плывет к берегу!

Мы с Брайеном живо взобрались к нему по скользкой грани.

— Точно, — самодовольно подтвердил Брайен. — Он выйдет на берег метрах в пятидесяти отсюда.

Я напряг зрение, но мои глаза не могли сравниться с глазами Брайена и Стена, пришлось прибегнуть к биноклю, да и то я различил лишь голову, которая на таком расстоянии напоминала пучок соломы, быстро скользящий к берегу.

Мы терпеливо подождали на камне, пока пингвин не достиг мелководья и не вышел на сушу в полусотне метров от нас, как и предсказывал Брайен. С типичным для пингвинов серьезным видом он зашлепал через пляж. По совету Стена мы дали ему подняться на бугор в устье лощины, прежде чем начинать погоню. Отлогий бугор представлял собой грудку больших и малых камней, за которой начинались трава и кустарник. Я думал, что пингвин будет пробираться между камнями — ничуть не бывало. Он постоял, собираясь с силами, потом одним прыжком вскочил на первый камень и остановился с торжествующим видом, покачиваясь, будто был под хмельком. Затем прикинул расстояние до следующего камня и снова прыгнул, уповав скорее на удачу, чем на точный расчет. Один за другим следовали лихие прыжки. Иногда пингвина подводил глазомер, и он, приземлившись на камне, расправлял крылья, судорожно пытаясь удержать равновесие, но в конце концов грациозно съезжал вниз и пропадал из виду. Немного погодя он вновь показывался и храбро карабкался вверх, чтобы повторить попытку. Мне абсолютно непонятно, почему пингвин избрал столь сложный и утомительный способ движения. Если бы он шел между камнями, то достиг бы цели куда скорее и без ущерба для собственного достоинства.

Желтоглазый ушел так далеко от моря, что теперь, хотя бы и заметил нас, не успел бы спастись бегством. Поэтому я быстро поднялся на бугор и сквозь кусты прополз на четвереньках туда, где, по моим расчетам, он должен был появиться. Здесь я распластался на траве, стараясь слиться с окружающей растительностью. Я надеялся засечь пингвина на макушке бугра, до которой от меня было метров шесть.

Не сводя глаз с заветной точки, я прикидывал, каким способом лучше всего поймать этого прыгуна, чтобы мы потом могли снять его крупным планом, и вдруг его голова высунулась из-за кочки в каких-нибудь полуметра метрах от меня. Не знаю, кто из нас больше удивился. Пингвин, не веря своим глазам, уставился на меня, я таращился на него. Ведь я его видел только издали и совершенно не представлял себе, до чего он хорош. Перья на макушке — ярко-желтые, с поперечной черной полосой посередине; зеленовато-желтое пятно вокруг глаза переходило в полосу такого же цвета, опоясывающую всю голову; на коричневатом клюве — пепельно-голубые крапинки; глаза — лимонно-желтые.

Я замер неподвижно в надежде, что желтоглазый примет меня за камень или куст, хотя шансов на это было очень мало. Пингвин подозрительно осмотрел меня, наклонил голову в одну, в другую сторону, как бы проверяя свое впечатление, и наконец решил, что я — какой-то не совсем обычный, но вполне безобидный кусок дерева. Последнее усилие — он выбрался наверх и остановился, взмахивая крыльями и часто дыша. Теперь было видно, что спина у него дымчато-голубая, а крылья черноватые, с красивой желтой каймой. Манишка сверкала такой чистой, незапятнанной белизной, что какой-нибудь фабрикант стиральных порошков не сдержал бы слез восторга при виде такого зрелища. Широкие плоские ноги розоватого цвета заканчивались на редкость большими коричневыми когтями, которые, насколько я мог понять, помогали пингвину передвигаться по камням. Постояв и отдышавшись, он повернулся и целеустремленно зашагал вразвалку вверх по ложине. Я бесшумно встал, несколькими прыжками настиг его и схватил. Одной рукой я стиснул его шею сзади, полагая, что клюв дан желтоглазому не для украшения. Пингвин повернул голову, с ужасом воззрился на меня и испуганно пискнул. Ласково приговаривая что-то, я зажал под мышкой его тучное тело и, продолжая крепко держать шею, спустился на пляж к ожидавшим меня друзьям.

После того как все вдоволь повосхищались моим пленником и необходимые фотоснимки были сделаны, нужно было как-то поладить с пингвином, чтобы снять кадры для нашего фильма. Мы уже зафиксировали, как он выходил из моря и как поднимался на бугор, но издали; теперь нам хотелось запечатлеть его прыжки крупным планом. Совершенно неожиданно для нас пингвин не стал артачиться. Мы опустили его на песок в нескольких метрах от камней, и он сразу направился к ним. Минут пять мы снимали, как пингвин прыгал с камня на камень, и хотя ему, наверное, казалось, что он исполняет это с грацией серны, на самом деле он частенько оступался и шлепался на живот или же опрокидывался назад и, отчаянно махая крыльями, исчезал в какой-нибудь щели.

Д

Отсняв требуемое, мы решили, что с нашей стороны было бы неблагоприятно заставлять пингвина заново проделывать столь трудное восхождение, поэтому я взял его на руки и отнес в глубь лощины, куда он первоначально направлялся. Здесь я посадил его на траву. Он вопросительно посмотрел на меня. Я шлепнул его раз-другой сзади, чтобы подбодрить; пингвин неуверенно сделал несколько шагов и опять оглянулся, как бы сомневаясь — стоит ли идти дальше, вдруг я брошусь вдогонку и снова его схвачу?! Но я стоял неподвижно, тогда желтоглазый, решив, что ему больше не грозят никакие неприятности, засеменил к зарослям, аккуратно переступая через кочки, и вскоре пропал из виду. Я глядел ему вслед и вопрошал себя, каким жестоким надо быть, чтобы убивать этих красивых и безобидных птиц или хотя бы разорять их гнезда. Одно меня утешало: здесь, в этом нетронutom уголке побережья с уходящими в глубь острова зелеными приветливыми лощинами, пингвины в безопасности.

Мы вернулись в город, высадили Стена около его дома и поехали назад по той самой дороге, которая привела нас в Данидин. Нашей целью был Пиктон, порт в северной оконечности Южного острова; отсюда нам предстояло совершить экскурсию на острова Бразерс.

Благополучно добравшись до Пиктона, мы утром спустились на пристань и отыскиали судно, которое должно было доставить нас на Бразерс. Нашим глазам предстал маленький, неказистый катер с рулевой рубкой чуть побольше спичечной коробки. Джим, обвешанный аппаратами, словно рождественская елка игрушками, смотрел на эту скорлупку с явным беспокойством.

— Мы отправимся на этой калоше? — спросил он.

— Да. Тебе не нравится? Премилое суденышко, — сказала Джеки, и я заметил, как поморщился владелец катера.

— Очень уж маленькое, — сказал Джим. — И каюты нет.

— Нам всего-то час-другой идти. И зачем тебе каюта, скажи на милость?

— Но ведь куда-то надо же пойти, когда тебя начнет мутить, — с достоинством произнес Джим.

— А ты валяй через борт, — сказал бессердечный Крис.

— Лично я предпочитаю, чтобы это происходило не на глазах у людей, — возразил Джим.

— Тогда накрой голову пиджаком, — не унимался Крис.

— Шевелитесь, шевелитесь, пора трогаться, — поторопил нас Брайен, бегая взад и вперед с вещами.

Мы завершили погрузку аппаратуры и втиснулись сами. Капитан отдал швартовы, пустил мотор, и катер понесся по бухте Королевы Шарлотты.

Шлюпка скакала и подпрыгивала в кильватере, словно игривый щенок, ловящий хвост матери.

Гладкие воды бухты напоминали голубое зеркало, в котором с обеих сторон отражалась череда холмов с жухлой, пожелтевшей растительностью. Мы устроились на крохотной носовой палубе и, нежась в лучах бледного солнца, высматривали птиц. Вот когда Брайену представился случай отличиться — феноменальное зрение позволяло ему заметить и опознать птицу задолго до того, как мы могли что-либо различить среди голубых бликов на шелковистой воде. К счастью, большинство попадавшихся нам птиц были сравнительно непуганые, и они подпускали нас довольно близко.

Первыми (и самыми многочисленными), кого мы увидели, были буревестники-ласточки — небольшие изящные птицы с черновато-коричневым верхом, белым низом и пепельно-серыми пятнами на голове. Буревестники плавали стайками по четыре-пять штук. Подпустив катер метров на пять, они снимались и летели стремительными зигзагами над самой водой, часто-часто работая крыльями; за этот полет их и называли ласточками. Мы решили постараться и заснять хорошие кадры с буревестниками, но в это время Брайен указал мне на какой-то странный округлый предмет на поверхности воды.

— Пингвин! — коротко бросил он.

Я недоверчиво взглянул на шар — ничего общего с известными мне птицами! Вдруг «мячик» повернулся, и я увидел, что из него торчит клюв. Это и в самом деле был пингвин, который плыл под водой, выставив наружу голову, будто перископ.

Катер подошел ближе, и мы различили в прозрачной воде тело птицы, а также работающие ноги и лапы. Сбылась моя давнишняя мечта: передо мной был малый пингвин, самый мелкий представитель этого своеобразного отряда. Рост толстяка менее полуметра; у него невообразимо белая, сверкающая манишка, а все остальное оперение чудесного синего цвета, который красиво оттеняется белой каймой на крыльях.

Обнаруженный нами пингвин вел себя скорее осторожно, чем робко. Он то подпустит катер метров на десять, то нырнет, рассекая толщу воды, словно торпеда, оставляя позади цепочку серебристых пузырьков, то уйдет вперед, а затем всплывет и лежит на поверхности, с любопытством обзоревая нас, пока мы его опять не настигнем. Через некоторое время к нему присоединились шесть или семь собратьев, и они несколько километров сопровождали нас, будто какой-нибудь почетный караул. Прелестные птицы; чем больше мы на них смотрели, тем сильнее они нам нравились. Правда, иногда их соседство действует на нервы, в чем нам вскоре пришлось убедиться.

Д Примерно через час хода мы обогнули мыс и увидели ворота бухты Королевы Шарлотты, а за ними простирался широкий пролив Кука. Голубая гладь переходила в ярко-синее с переливами открытое море, расцвеченное пятнами и полосами белой пены.

— Похоже, нас ждет небольшая волна, — весело крикнул наш капитан.

При этих словах Джим, который до сих пор лежал на спине, закрыв глаза и блаженно улыбаясь, сел и тревожно поглядел вперед.

— Силы небесные, — сказал он, — это мы туда пойдем?

— Меня беспокоит другое, — заметил Брайен. — Если волны большие, мы не сможем высадиться ни на Бразерс, ни на Уайт-Рокс!

— Меня это не беспокоит, — сказал Джим. — Ни капельки. Давайте повернем назад и поснимаем пингвинов.

— Ну что вы, разве это волна, — успокоил нас капитан.

В эту минуту мы пересекли демаркационную линию, отделяющую тихие воды залива от буйных вод пролива. И тотчас катер, словно пугливая лошадь, попытался встать на голову, и на нас обрушился каскад брызг. Мы поспешно покинули палубу и забились в рулевую рубку — все-таки какая-то защита.

— Это сумасшествие, это полнейшее безумие, — твердил Джим, силясь сохранить равновесие и уберечь от морской волны линзу кинокамеры.

— Дует самую малость, — с довольным видом сказал капитан. — Правда, из-за этого трудновато будет высадиться на Уайт-Рокс.

— А как мы будем высаживаться? — спросил Джим.

— На шлюпке, — ответил капитан.

Джим посмотрел через корму назад — как раз в этот миг крохотная шлюпка на конце буксирного каната совершенно скрылась за очередной волной.

— Трудновато... — задумчиво произнес Джим. — Давненько не встречал я такого мастера преуменьшать.

Для того, кто привык ходить на малых судах, волнение было пустячным, но для человека с повышенной восприимчивостью к морской болезни это была настоящая буря. И все же я понимал капитана — если нет надежной якорной стоянки, в такую погоду и в самом деле будет нелегко высадиться на торчащую из воды почти отвесную скалу.

Вскоре сквозь побеленные солью иллюминаторы мы увидели Уайт-Рокс, и я воочию убедился, какие трудности нас ожидают. Над водой возвышалась средних размеров пирамида с шишковатой макушкой. Вверху камень казался белым от помета многочисленных поколений морских птиц, это придавало острову вид неумело выпеченного рождественского пирога, кое-как покрытого сахарной глазурью. Капитан обогнул остров и

подошел со стороны моря к выемке, которую даже с натяжкой нельзя было называть бухтой. Он сбавил ход до самого малого, а помощник подтянул к качающемуся катеру шлюпку. При таком волнении перейти в нее было не просто, а если еще нагрузиться хрупкой, но увесистой аппаратурой, требовалась поистине обезьянья ловкость. И когда Джим споткнулся, я решил было, что он сейчас ухнет в воду вниз головой и, увлекаемый тяжестью своего груза, пойдет ко дну.

Одного за другим — Криса, Джима, Брайена и меня — отвезли к подножию скалы и высадили на пляж размером не больше обеденного стола. Боюсь, что для пятого человека здесь уже не нашлось бы места.

Со слов Брайена мы знали, что королевские бакланы гнездятся на маленькой площадке на вершине Уайт-Рокс; чтобы попасть туда, надо было избраться по скале, у которой мы стояли. Джим поглядел на почти вертикальную стенку и закатил глаза. Вообще-то подъем оказался не таким уж сложным — ветер и дождь, источив поверхность скалы, понаделали в ней множество выемок и ступеней. Опасность заключалась в структуре породы — хрупкий камень крошился, словно сухой бисквит, его буквально можно было ломать голыми руками, поэтому каждую ступеньку приходилось проверять и дважды, и трижды. Риск усугублялся еще и тем, что ветер сыграл роль точильного камня и довел каждый выступ до остроты бритвенного лезвия.

С трудом мы одолели стенку, а когда добрались до верха, нас встретил такой сильный ветер, что мы едва не свалились в море вместе со всей аппаратурой. Вершина, за которую мы цеплялись, находилась примерно в полусотне метров над водой. Справа от нас нависала плита, напоминающая гроб; слева метров на семьдесят протянулся разрушенный гребень, который заканчивался довольно ровной площадкой размером пятнадцать на шесть метров. Там-то и разместилась колония королевских бакланов. На камне между гнездами сидели десятка два птиц. Едва мы высунули головы из-за края скалы, как птицы заковыляли к противоположному краю, взлетели и закружили около нас. У каждой из них на спине светилось, словно автомобильные фары, по два белых круглых пятна. Описывая все более широкие круги, бакланы поднимались ввысь, пока не превратились в точки на фоне голубого неба. Брайен заверил нас, что они скоро вернуться, и Джим, который мигом оценил кинематографические возможности ситуации, выполз на гробоподобный выступ и улегся там, сколько ему ни твердили, что выступ может обломиться под его тяжестью и тогда лететь ему пятьдесят метров до самого моря. Таков Джим: он будет изо всех сил внушать вам, что он последний трус, а стоит ему взять в руки камеру, и он готов пойти на такой риск, что кровь стынет в жилах.

Д

В ожидании бакланов мы съжились на резком ветру, стараясь, елико возможно, слиться с камнем. Тем временем я навел бинокль на гнезда и принялся их разглядывать. Они были круглые, диаметром около полуметра и высотой примерно сантиметров двадцать, сделаны из растений и водорослей, слепленных пометом. Гнезда каждый год надстраиваются, поэтому некоторые из них заметно выше других. Уайт-Рокс, разумеется, лишен всякой растительности, он гол, как бильярдный шар, поэтому за строительным материалом птицам приходится летать на соседние островки. Перечень растений, используемых бакланами для гнезд, кажется заимствованным у Льюиса Кэрролла: ветки таупаты, цинготная трава и мезембриантемум.

Бакланы не спешили возвращаться, и Брайен встревожился — погода явно ухудшалась, и перед нами возникла дилемма: либо отправиться во-свояси, ничего не засняв, либо махнуть рукой на то, что катер может уйти, и остаться на необитаемом острове. Последняя перспектива нам вовсе не улыбалась, ибо даже самый закаленный спартанец вряд ли согласился бы провести ночь на Уйат-Рокс. Но тут мы увидели кружащих в небе бакланов. На фоне темного оперения отчетливо выделялись ослепительные белые пятна «фар». Бакланы опускались все ниже, наконец один, самый храбрый, спикировал и сел подле гнезд. Его пример ободрил остальных, и через несколько минут вся стая присоединилась к храбрецу.

Камера Джима жужжала вовсю, а я тем временем наблюдал птиц в бинокль. Они были величиной с европейскую олушу, но с типичной для бакланов вертикальной посадкой. Спина очень красивого сине-зеленого цвета с металлическим отливом, манишка белая; кожа в основании клюва и вокруг глаз ярко-оранжевая и голубая. Взмахивая крыльями, бакланы ходили вразвалку между гнездами и подкладывали в них кусочки водорослей, причем не стеснялись воровать строительный материал у соседей, стоило тем засмотреться. Один рослый птенец, еще не сменивший своего серенького «юношеского» оперения, кружил по гнезду за матерью и назойливо выпрашивал у нее корм, разинув клюв и часто хлопая крыльями. Наконец мамаша, утомленная преследованием, остановилась и распахнула клюв; с радостным пронзительным криком птенец буквально нырнул ей в горло, так что вся голова и часть шеи исчезли в глотке родительницы. При этом он так отчаянно бил крыльями, что она с трудом сохраняла равновесие. Казалось, птенец вознамерился выпотрошить свою мать. Наконец, когда она, видимо, отрыгнула все, что было у нее в запасе, он неохотно выдернул голову обратно и сел, щелкая клювом и удовлетворенно попискивая и по-кряхтывая. Мамаша с явным облегчением отошла в сторону, выдернула из соседнего гнезда клоч водорослей, чтобы отвести душу, и принялась ремонтировать свою обитель.

Ветер все крепчал, и далеко внизу было видно, как подпрыгивает и качается на волнах наш катер, круживший около острова. Все, что требовалось, было заснять, и благоразумие подсказывало нам покинуть Уайт-Рокс, пока это еще в наших силах. Спуск оказался куда рискованнее, чем подъем, однако мы благополучно достигли крохотного пляжа — исцарапанные и обессиленные, но невредимые. Когда мы погрузились на катер и отошли от острова, несколько бакланов снялись со скалы, пролетели над нами, сделали вираж и вернулись к гнездовью. Я спрашивал себя, сколько еще просуществуют эти чудесные морские птицы, ведь во всем мире есть только два гнездовья королевских бакланов, причем Уайт-Рокс вряд ли можно назвать желанной обителью — каждый год прожорливые стихии отгрызают еще один кусочек острова. К тому же в Новой Зеландии среди различных видов бакланов есть и такие, которые, по словам рыбаков, наносят ущерб рыболовному промыслу, а потому их разрешено отстреливать в определенных районах, и один из этих районов находится как раз по соседству с Уайт-Рокс. Обыкновенный рыбак, не натуралист, не больно-то разбирается, какой баклан королевский, а какой нет, да его это меньше всего интересует. Он знает, что все бакланы едят рыбу, значит, их надо стрелять, так что будущее королевского баклана по меньшей мере неопределенно.

Примерно через полчаса хода мы сквозь забрызганные пеной иллюминаторы рулевой рубки увидели на горизонте два каменных горба, один побольше, другой поменьше, вроде верблюжьих. Я вышел на палубу и поглядел в бинокль на нашу цель. Меньший горб оказался попросту голой, безжизненной глыбой, только белая оборка прибоя несколько оживляла картину; зато на втором я рассмотрел какую-то растительность, и на краю острова вырисовывались очертания маяка. Так вот, Бразерс, где (если мы сможем высадиться) я увижу рептилию, известную под именем *Sphenodon punctatus*, или туатара! Брайен заблаговременно запросил телеграммой Алена Райта, который вместе с двумя товарищами обслуживал маяк, не смогут ли они приютить нас дня на два, а также не возьмется ли Алэн поймать для нас пару туатар. Вторая просьба объяснялась тем, что наш визит в Новую Зеландию, в общем-то, подходил к концу и мы могли посвятить островам Бразерс не больше двух дней, поэтому нам вовсе не хотелось тратить драгоценное время, гоняясь с кинокамерой за юркими туатарами. В ответ пришла телеграмма, гласящая, что Алэн Райт готов нас приютить и постарается что-нибудь сделать с туатарами и не может ли Брайен поставить за него десятку за и против рысака по имени «Бурное веселье», чьи шансы на победу в предстоящих бегах оценивались соотношением сто к одному. Брайен остался вполне доволен ответом Алена, я же воспринял несерьез-

Д

ный тон послания как дурное предзнаменование. Однако нам оставалось только ждать, как все обернется.

Подойдя поближе к «старшему брату», мы увидели вздымающиеся из моря отвесные скалы высотой до семидесяти метров. На площадке возле обрыва примостился маленький кран, похожий, как и все краны, на сюрреалистического жирафа. Катер направился к подножию скалы, и мы разглядели сверху возле крана группу из трех человек. Они как-то рассеянно помахали нам, мы помахали в ответ.

— Насколько я понимаю, этим краном на остров поднимают грузы? — спросил я Брайена.

— Этим краном на остров поднимают все, — сказал он.

— Все? — переспросил Джим. — Что вы имеете в виду?

— Если вы хотите попасть на остров, придется воспользоваться краном. Правда, снизу наверх ведет тропа, но в такую волну на берег не высадишься. Ничего, сейчас спустят сеть и в два счета вас поднимут.

— Как вы сказали — нас втащат на эту скалу сетью? — удивился Джим.

— Вот именно, — ответил Брайен.

В эту секунду капитан сбавил ход, и катер лег в дрейф, качаясь на зелено-голубых валах метрах в семи-восьми от зазубренных камней, на которые накатывался белопенный прибой. Высоко над головой у нас показалась стрела крана, а под ней на крайне непрочном с виду тросе болталась сеть, похожая на огромный мелкий сачок. Кран закрипел, заскрежетал, завизжал, так что было слышно даже сквозь гул ветра и прибоя, и сеть пошла вниз. Джим обратил на меня взгляд, исполненный муки, и, должен сказать, я ему сочувствовал. Я не переношу высоты, так что мне тоже не улыбалось совершить подъем на скалу в сетке, подвешенной к крану, который к тому же, судя по звуку, изрядно одряхлел и много лет не видел смазки. Кутаясь в теплое пальто, Крис, как никогда похожий на недовольного герцога Веллингтона, развил бурную организаторскую деятельность, причем глаза его горели одержимостью точно так же, как глаза Брайена в подобных ситуациях.

— Вот что, Джим, ты отправишься первым и установишь камеру рядом с краном, чтобы заснять Джерри и Джеки, когда их втащат наверх, — распорядился он. — Затем поднимусь я и сниму из сети катер, а за мной с остальной аппаратурой последуют Джерри и Джеки. Идет?

— Нет, — ответил Джим. — С какой стати я должен быть первым? Представь себе, что эта штука сломается, когда я буду у самой цели. Ты успел рассмотреть камни там, внизу?

— Если сломается, тем лучше, мы будем знать, что кран ненадежный, и отправимся обратно в Пиктон, — сказала Джеки.

Джим испепелил ее взглядом и неохотно ступил на сеть, которая уже опустилась на крохотную палубу. Капитан помахал рукой, послышался ужасающий скрежет терзаемого металла, и наш оператор, отчаянно цепляясь за ячею, медленно вознесся вверх вместе с непрерывно вращающейся сценой.

— А вдруг его одолеет морская болезнь? — осведомилась Джеки.

— Как пить дать одолеет, — безжалостно ответил Крис. — Насколько мне известно, он везде болеет морской болезнью: в поезде, в машине, в самолете. Значит, и здесь она его не минует.

Половина подъема была уже позади, а сеть не переставала вращаться, и через ячею мы могли видеть побелевшее лицо Джима.

— Мы все с ума сошли! — донесся до нас его голос сквозь шум прибора и адский скрежет крана. Джим кричал еще какие-то оскорбительные слова, но тут сеть исчезла за краем скалы.

Немного погодя она появилась вновь и легла на палубу; теперь в нее с видом стойка шагнул Крис. Он просунул свой нос и линзу кинокамеры в ячею и, едва сеть оторвалась от палубы, принялся снимать. Трос увлекал его все выше и выше, съемка продолжалась, но вдруг, посередине между катером и краном, сеть остановилась. Мы с тревогой смотрели на нее, но прошло минут пять, а Крис висел на том же месте, описывая вместе с сетью все меньшие круги.

— Как по-твоему, что случилось? — спросила Джеки.

— Не знаю. Может, Джим заклинил лебедку, чтобы отомстить Крису.

Не успел я договорить, как кран снова заработал, Крис возобновил свой величавый полет и скрылся вверх. Уже потом мы узнали, что Джим поставил треногу с камерой на самом ходу, где они мешали повернуть стрелу, а так как Ален Райт решил, что оператору нужна именно эта точка, он предоставил Крису болтаться в воздухе. Лишь когда Джим отошел от камеры, выбрал камень поудобнее, сел, вытащил из кармана плитку шоколада и принялся уплетать, Ален сообразил, что напрасно заставил Крису парить в воздухе, словно сказочную фею. Треногу отодвинули, и Крис ступил на площадку, громогласно требуя объяснить, почему его так долго держали в подвешенном состоянии между небом и землей.

Сеть еще раз отправилась вниз, мы погрузили аппаратуру и неохотно заняли места.

— Вот увидишь, мне это не доставит ни малейшего удовольствия, — убежденно сказала Джеки.

— Если станет страшно, закрой глаза.

Д — Дело даже не в высоте, — объяснила она, глядя вверх. — Меня смущает этот трос.

— А чего тут смущаться, — бодро сказал я. — Ведь он не первый год поднимает грузы.

— Это-то меня и пугает, — мрачно произнесла она.

— Ну, теперь уже поздно, — философски заключил я.

В ту же минуту послышался леденящий душу вой лебедки, и мы понеслись вверх со скоростью современного лифта. Из-за широкой ячеи у нас было неприятное чувство, будто мы летим в воздухе без всякой опоры. Кружась вместе с сетью, мы видели, как внизу на острые камни обрушиваются волны. Катер был словно игрушечный, а вершина скалы казалась намного выше Эвереста. Но вот мы достигли края, стрела повернулась и бесцеремонно швырнула нас на камни.

Мы выкарабкались из сети и выгрузили аппаратуру; в это время к нам подошел оператор крана — рыжеволосый, веснушчатый, с яркими голубыми глазами.

— Ален Райт, — представился он. — Рад познакомиться.

— Были минуты, — сказал я, поглядывая на кран, — когда я сомневался, что наше знакомство состоится.

— Ну что вы, — рассмеялся Ален, — на него вполне можно положиться. Немножко мяукает, когда его нагрузишь, а так ничего.

Заключительную часть пути до маяка наши вещи проделали на своеобразной длинной тележке, которую тянула вверх по склону лебедка с тросом. Мои товарищи пошли пешком, а мне захотелось прокатиться, и я уселся на камеры. Где-то на полпути, оглянувшись назад, я вдруг сообразил, что этот способ передвижения, в общем-то, так же опасен, как подъем в сети. Ведь если лопнет трос, тележка под действием груза покатится назад по рельсам и вымахнет со скалы в воздух, словно ракета. Я облегченно вздохнул, когда мой экипаж остановился возле маяка.

Как только аппаратура была благополучно сложена в деревянном домике, призванном служить нам и жильем и складом, я нетерпеливо обратился к Алену:

— Скажите, вам удалось поймать для нас туатару?

— Конечно, — небрежным тоном ответил он. — Все в порядке.

— Чудесно, — произнес я с воодушевлением. — Можно на нее посмотреть?

Ален лукаво поглядел на меня.

— Конечно. Пошли.

Он отвел Джеки, Криса и меня к маленькому сараю, который стоял неподалеку от нашего домика, отпер дверь и распахнул ее.

На мою долю выпадали всякие зоологические сюрпризы, но сейчас не припомню случая, чтобы я был так ошеломлен, как в тот раз, когда заглянул внутрь сарайчика на Бразерс. Я приготовился увидеть одну туатару, а на самом деле весь пол был буквально вымощен рептилиями. Тут были и прадедушки на полметра, и младенцы длиной сантиметров пятнадцать. Ален посмотрел на мое лицо, на котором восторг смешался с недоверием, и подумал было, что я в ужасе.

— Надеюсь, я не перестарался, — тревожно сказал он. — Но ведь вы не сказали, какие туатары вам нужны и сколько, поэтому я решил наложить всяких.

— Дружище, — вымолвил я чуть слышно, — вы не могли доставить мне больше радости. Я говорил себе — дай бог увидеть хотя бы одну туатару, а вы раздобыли мне целый легион. Просто невероятно. Долго вы их ловили?

— Да что вы, — ответил Ален, — вчера вечером всех и поймал. Я откладывал до последней минуты, чтобы не держать их слишком долго в неволе. Надеюсь, вам хватит для ваших съемок?

— А сколько их тут всего? — спросил Крис.

— Да штук тридцать наберется, — сказал Ален.

— Что ж... Постараемся на худой конец обойтись тремя десятками, — милостиво заключил Крис.

Мы вернулись к маяку ликующие, а после отличного ленча вновь отправились к туатарам, чтобы отобрать будущих «звезд». Удивительно интересно было сидеть в полутьме, на корточках, среди любопытствующих рептилий. Все детеныши были ровного шоколадно-коричневого цвета — защитная окраска, которую они сохраняют, пока не вырастут. Но больше всего меня поразила окраска взрослых туатар. До сих пор мне приходилось видеть туатар только в зоопарках, где они содержатся в павильонах с температурой, не превышающей 27—30 градусов, — такая температура абсолютно не подходит несчастным узникам, которые с горя становятся бурыми. А теперь передо мной были только что отловленные экземпляры, и они выглядели так, как положено выглядеть туатарам. Мне они показались прекрасными. Основная окраска кожи зеленовато-бурая, с серовато-зелеными и зеленовато-желтыми пятнами и полосами. Вдоль спины от головы до основания хвоста тянется гребень (причем у самца он шире и выше, чем у самки), он состоит из маленьких треугольников белой кожи, плотностью напоминающих толстую бумагу. Хвост украшают твердые шипы такой же формы, но если они по цвету не отличаются от хвоста, то гребень будто только что прошел отбелку. Самцов отличают тяжелая, царственная голова и огромные черные глаза — настолько большие, что напоминают совиные. Поразмыслив, мы выбрали трех туатар: великолепного самца, бойкую самку с

Д четкой раскраской и детеныша. Всех остальных мы пока надежно заперли — прежде всего потому, что до ночи их нельзя было выпускать, а кроме того, не мешало иметь дублеров на тот случай, если какая-нибудь из «звезд» удерет во время съемок. Правда, наши опасения не подтвердились, туатары отлично себя вели перед камерой и делали все, что от них требовалось.

Для человека непосвященного туатара — попросту крупная, внушительного вида ящерица; на самом же деле — и этим объясняется, почему натуралисты вроде меня не могут равнодушно смотреть на нее, — туатара вовсе не ящерица. Своим строением она настолько отличается от ящериц, что, когда туатару открыли, для нее учредили особый подкласс *Rhynchocephalia*, что означает «клювоголовые». А вскоре выяснилось к тому же, что туатара — настоящее, живое доисторическое чудовище, последний представитель некогда широко распространенной группы, обитавшей в Азии, Африке, Северной Америке и даже Европе. Большинство найденных скелетов относится к триасовому периоду, им около двухсот миллионов лет, и по ним можно судить о необыкновенном сходстве клювоголовых той поры и нынешних туатар. Столько лет оставаться практически неизменным — назовите мне другого такого консерватора! Многих поражает еще и то, что у этого красивого животного есть «третий глаз», помещающийся на темени между двумя настоящими глазами, но как раз эта особенность вовсе не так примечательна, чтобы о ней стоило столько говорить, ведь теменной глаз можно найти у многих ящериц, да и у других животных тоже.

У детеныша туатары, только что вылупившегося из яйца, рыло заканчивается своеобразным «клювом» (который помогает разорвать напоминающую пергамент скорлупу) и теменной глаз виден совершенно отчетливо. Он представляет собой голое пятнышко, окруженное чешуями, которые расположены подобно цветочным лепесткам. Со временем «третий глаз» зарастает чешуей, и у взрослых туатар его уже не разглядеть. Исследователи неоднократно пытались выяснить, есть ли туатаре какая-нибудь польза от теменного глаза. На него воздействовали лучами разной частоты, проверяли, воспринимает ли он тепло, но все результаты оказались отрицательными. Так и живет туатара со своими тремя глазами, ставящими в тупик биологов, живет на радость тем натуралистам, которым посчастливится ее увидеть. Прежде эти рептилии встречались и на двух главных островах Новой Зеландии, но там их давно истребили, и теперь их осталось совсем немного на некоторых островах в прибрежной полосе (таких, как Бразерс), где они охраняются государством — мера вполне оправданная.

Съемки закончились к закату, и тут совершенно неожиданно для себя мы обнаружили, что Бразерс — это не просто полуголые каменные глыбы, населенные одними лишь зрителями маяка да туатарами. Откуда-то

появились стаи пингвинов и запрыгали вверх по скале к своим норам, время от времени останавливаясь, чтобы запрокинуть голову и издать громкий крик, похожий на рев маленького, но на редкость восторженного осла. Потом начали слетаться похожие на ласточек изящные маленькие качурки. Любопытно, что туатары наладили своеобразное сожительство с этими птицами: качурки роют себе норы, чтобы откладывать яйца, а туатары вселяются в эти норы и живут там, по всем признакам, в полном согласии с хозяевами. Дело в том, что большую часть дня качурка проводит в море, охотясь за планктонными рачками, нора ей нужна только ночью, во всяком случае, пока она не насиживает яиц. А туатары выходят на охоту по ночам, когда они ловят жуков, сверчков и прочих насекомых. Вот и получается, что, когда качурки (дневная смена) на закате летят домой, туатары (ночная смена) как раз покидают квартиру. Похвальное сосуществование, хотя и несколько странное. Туатары вполне способны сами вырыть себе нору (и они это часто делают), однако качурки, по-видимому, никогда не возражают против жильцов. Правда, еще не выяснено, как туатары относятся к яйцам и птенцам качурки, но я не удивлюсь, если окажется, что они их едят, — рептилии не очень-то совестливы.

Итак, едва солнце коснулось горизонта, как на берег стали выходить отряды пингвинов; в воздухе призрачными тенями заскользили качурки, которые садились среди низкой поросли и как-то неуклюже, по-стрижиному забирались в свои норы. Исчезнув в подземелье, они начинали переговариваться, наполняя воздух отрывистым храпом, писком и голубиным воркованием. Норы находились довольно близко друг от друга, поэтому мы слышали двадцать-тридцать бесед одновременно. А так как весь этот гам сливался с ревом пингвинов, нам казалось, что земля дрожит у нас под ногами. Разумеется, ближние голоса звучали особенно громко, но, если хорошенько прислушаться, было слышно, что весь остров, подобно огромной арфе, гудит от неумолчного подземного хора.

Наконец солнце скрылось за морем, небо стало кроваво-красным, но красный цвет быстро сменился черным с бесчисленными крапинками звезд, и бдительный желтый луч маяка начал свое медленное вращение. После сытного ужина, усталые, но довольные, мы направились к своему домику. Пока мои товарищи разбирались, кому где спать, я взял фонарик и пошел прогуляться к обрыву. Качурки и пингины продолжали кричать с неослабевающей энергией. Вдруг луч моего фонарика упал на туатара. Здоровенный самец с гордо торчащим белым гребнем вдоль спины смотрел на меня своими огромными глазами, приподняв могучую голову. Я сразу выключил фонарик, потому что его вполне можно было наблюдать при

Д свете луны. Несколько минут он оставался неподвижным, потом медленно, с великим достоинством зашагал вперед через кусты. Земля дрожала от чириканья, рева, писка и храпа птиц, а он шел по своему лунному царству, величественный, словно дракон. Вот он снова остановился, надменно посмотрел на меня (впрочем, не так уж и надменно, потому что природа снабдила туатару «улыбающимся» ртом) и исчез в кустах.

Я вяло побрел назад в домик; мои друзья уже свернулись калачиком на раскладушках.

— А, это ты, Джерри! — Джим высунул голову из-под кучи одеял. — Ты, кажется, увлекаешься птицами? Тогда тебя, верно, обрадует, что под нами живут соседи — пара пингвинов.

Не успел он договорить, как у меня под ногами раздался хриплый рев, да такой, что разговаривать было невозможно. И не будь мы такими усталыми, спать тоже было бы невозможно, потому что всю ночь напролет, через каждые пять минут, пингвины голосили свои песни. Ничего, сказал я себе, накрывая голову подушкой, можно стерпеть и не такое ради того, чтобы увидеть, как туатара с полным пренебрежением к человеку шествует по острову — своему острову.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПТИЦА, КОТОРАЯ ИСЧЕЗЛА

А долина все уже и уже...
А вечер все холодней и темней...

«Охота Ворчуна»

В 1948 году в Новой Зеландии было сделано открытие, которое потрясло мир орнитологов и пробудило его от обычной спячки, а именно была открыта (точнее, вновь открыта) птица, исчезнувшая с лица земли, птица, которую вот уже пятьдесят лет считали вымершей. Имя этой птицы — ноторнис, или такахе (*Notornis mantelli*), а ее история — одна из самых увлекательных в анналах орнитологии¹.

¹ Здесь Даррелл допустил ошибку, слив воедино два самостоятельных вида. *Notornis mantelli* обитала на Северном острове и полностью вымерла (вернее, была истреблена) задолго до появления европейцев. Она известна (и описана как вид) по костным остаткам. На Южном острове обитает другой вид такахе (*N. hochstetteri*). Эту-то птицу и видел Даррелл. Внешне оба вида были, по-видимому, очень похожи. — Примеч. ред.

Впервые такахе обнаружили в прошлом веке, и это событие взбудоражило самых уравновешенных натуралистов той поры. Маори хорошо знали эту птицу; правда, на Северном острове она была известна только по находкам костей. На Южном острове, рассказывали маори, особенно по берегам двух больших ледниковых озер Те Анау и Манапоури, водилось много такахе, так много, что маори устраивали ежегодную охоту на них зимой, когда снегопад вынуждал птиц спускаться с гор в поисках пищи. Ко времени прибытия европейцев в этих районах можно было найти также одни лишь кости. Однако в 1849 году на острове Резолюшн в проливе Даски отряд зверобоев впервые поймал живую такахе, и ловцы поступили с ней так, как обычно поступают в таких случаях люди: они ее съели. Через два года поймали еще одну такахе, которую, вероятно, постигла та же участь, но, к счастью, шкурки обеих птиц были приобретены неким Мэнтеллом, и он отправил их в лондонский Музей естественной истории. Затем такахе на двадцать восемь лет исчезла столь же таинственно, как появилась, и только в 1879 году поблизости от озера Те Анау опять поймали одну птицу, а в 1898 году в этом же районе одну такахе поймала собака. После этого стало похоже, что такахе, подобно другой знаменитой нелетающей птице — додо (дронту), окончательно вымерла, ибо прошло полвека, а ее больше никто не встречал.

Однако нашелся ученый по фамилии Дж. Б. Орбелл, который не верил, что такахе разделила судьбу дронты, и в 1948 году отправился ее искать. Для поисков он избрал древнюю ледниковую долину высоко в горах западнее озера Те Анау. Экспедицию Орбелла нельзя назвать удачной, ибо он, хотя и видел какие-то следы и слышал необычные птичьи крики, не смог обнаружить никаких доказательств существования такахе. Нимало этим не обескураженный, доктор Орбелл через семь месяцев вернулся в ту же долину и на сей раз нашел небольшую колонию неуловимых птиц. Каждый натуралист мечтает о таком открытии, но только одному из миллиона удастся его сделать, так что я отлично представляю себе радость Орбелла, когда он впервые увидел настоящую, живую такахе, — и завидую ему. Разумеется, газеты всех стран на следующий же день возвестили о редкостной находке, и правительство Новой Зеландии, опасаясь нашествия в маленькую долину экскурсантов, орнитологов и прочих странников, способных распугать птиц, с похвальной оперативностью поспешило объявить весь район площадью около двух тысяч квадратных километров заповедником. Заповедник был закрыт для всех, кроме официально командированных ученых и натуралистов, да и их визиты контролировались правительством и Управлением природных ресурсов. Теперь такахе (а их числен-

Д

ность примерно определяли всего в тридцать-пятьдесят штук) могли наконец жить спокойно.

Сразу по приезде в Веллингтон я познакомился с биологом Гордоном Уильямсом, который работал в новозеландском Управлении природных ресурсов, когда была вновь открыта такахе. Он рассказал мне вторую половину истории, и она показалась мне еще примечательнее, чем первая.

Несмотря на то что район объявили заповедным и закрыли доступ для посторонних лиц, птицы отнюдь не были застрахованы от опасностей в своей уединенной долине. Прежде всего их было так мало, что неожиданное вторжение завезенных в страну ласок, опоссумов и горностаев могло привести к полному истреблению такахе. Не менее губительным могло стать вторжение также завезенных оленей, которые губят деревья и тем самым изменяют среду обитания птиц. Вот вам еще один пример, когда исконной новозеландской птице угрожали завезенные животные. Организовать патрулирование и следить, чтобы олени, опоссумы или хищники не проникли в долину, конечно, было невозможно, поэтому оставался только один способ защитить птиц: попытаться создать питомник такахе, но это было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Прежде всего для эксперимента требовался район, похожий на долину Такахе; далее, нужно было привлечь на свою сторону общественность, ибо множество доброжелательных людей, которые, естественно, не в состоянии были охватить всей проблемы в целом и не понимали, какая опасность угрожает вновь открытой птице, выступали против «заточения такахе в клетки». На горе Брюса, километрах в ста тридцати от Веллингтона, подыскивали вполне подходящий район — так была решена первая задача. И общественность удалось в конце концов убедить, что все это делается только для блага самих птиц. «Операция такахе» была утверждена.

А затем, рассказывал нам Гордон Уильямс, началось самое трудное. В те дни был только один способ попасть в долину: преодолевая всевозможные препятствия, карабкаться с берега Те Анау вверх по крутым лесистым склонам до узкой расщелины на высоте семьсот пятьдесят метров, через которую входят в долину. Это было достаточно трудно (в чем смогли убедиться предыдущие экспедиции), даже если вы намеревались просто снять фильм или собрать кое-какие научные данные; но забраться наверх, поймать живых такахе и снести их вниз — подобная задача привела бы в смятение самого искушенного зверолова. При таких трудностях было очевидно, что о поимке и транспортировке взрослых птиц говорить не приходится: ведь доставить что-нибудь в долину или из долины можно было только выюком, а взрослые птицы вряд ли вынесли бы такое путешествие. Ос-

тивался один выход — добыть птенцов. Но это решение автоматически породило тьму новых проблем. Прежде всего птенцам нужна приемная мать. Казалось бы, для этой роли лучше всего подходит всем известная курица-бентамка. Однако даже самая флегматичная бентамка вряд ли посмотрит милостиво на то, что ей сунут под крыло птенцов такахе и велят их греть. Значит, нужно найти яйца такахе и подложить их наседке. Но кто-то возразил, что самая кроткая и чадолюбивая курица не усидит на яйцах, если ее будет швырять и трясти всю дорогу. Авторы «операции такахе» совсем приуныли; казалось, что такахе невозможно выручить. И тут кому-то (подозреваю, что самому Уильямсу, уж очень он болел душой за этот план) пришло в голову подвергнуть кур психологической обработке, иначе говоря, научить их при любых обстоятельствах, что бы ни случилось, неохотно сидеть на яйцах. Надежд на успех было мало, но почему не попробовать? И вот был произведен тщательный отбор; из целой сотни кур выбрали несколько штук, которых отличала либо полнейшая тупость, либо предельная флегматичность, и принялись тренировать их так, словно речь шла о будущих десантниках. В картонные коробки положили для насиживания по несколько яиц на каждую курицу. Наседки заняли свои места, после чего их начали подвергать всевозможным толчкам, какие только могли им грозить на пути в долину и обратно. Коробки трясли, роняли, возили на машинах по ухабистым дорогам, перевозили в поездах, на быстроходных катерах и самолетах. Постепенно менее устойчивые натуры начали сдавать и покидать яйца, и к концу испытания остались всего три наседки. Из них отобрали одну по той простой причине, что коробку, в которой она насиживала яйца, сбросило веткой с крыши машины на землю вместе со всем содержимым (элемент тренировки, не предусмотренный программой); коробка прокатилась несколько метров по земле и остановилась вверх дном, а когда ее открыли, курица по-прежнему с мрачной решимостью насиживала яйца, причем ни одно из них не разбилось — очевидно, наседка своим телом защитила их от удара. Послушная долгу, бентамка стала самым важным участником экспедиции, проводившей «операцию такахе».

Представляю себе, сколько нервов стоила эта операция ее исполнителем. Прежде всего примерное поведение курицы внизу отнюдь не означало, что она поведет себя так же в горах, а члены экспедиции отлично сознавали, что неудача повлечет за собой протесты сентиментально настроенной общественности и о повторной попытке нечего и мечтать. К счастью, все обошлось как нельзя лучше. Были собраны яйца такахе, курица плотно утеслась на них, и, выждав на всякий случай день-другой, отряд приступил

Д к трудному спуску вниз по коварному склону к озеру Те Анау. Здесь их ждал быстроходный катер, который мигом домчал драгоценный груз до ближайшей дороги, затем курицу и яйца погрузили на машину и живо отвезли в Пиктон, из Пиктона самолет доставил их в Веллингтон; новый бросок на машине — и верная наседка вместе с яйцами наконец-то благополучно прибыла в заповедник на горе Брюса.

После этого героического, исполненного тревожностей путешествия членам экспедиции оставалось только выжидать и молить бога, чтобы яйца не оказались болтунами. Но в положенный срок вылупились два птенца, и ученые вместе с курицей начали даже слегка гордиться. Ведь они все-таки добились успеха.

Однако тут совсем некстати возникло новое препятствие. Приемная мать, разумеется, обращалась с птенцами, словно с цыплятами. Она водила их за собой, энергично рыла землю и клевала добытое, простодушно считая, что детки последуют ее примеру, но птенцы таковые — не цыплята, они растерянно ходили за курицей, пищали от голода, а куриного способа есть никак не могли усвоить. Стало ясно, что мамыши таковые сами кормят птенцов, а не учат их добывать пищу, как это делает курица. Причем кормить птенцов оказалось совсем не просто, поскольку выяснилось, что малыши таковые не разевают клюв, как обычные птенцы: мать держит добычу в клюве, а птенец берет ее сбоку.

В конце концов удалось придумать способ: мясных мух и другие лакомства накалывали на острие карандаша и скармливали птенцам. Благодаря этому способу кормления и материнской заботе бентамки, которая согревала их по ночам, птенцы таковые благополучно росли и процветали.

Не говоря уже о том, что речь шла о чрезвычайно редкой птице, эта история сама по себе не могла не вызвать у нас желания увидеть живую такую в естественной среде, и, как только мы прибыли в Веллингтон, я запросил разрешения посетить долину — разумеется, вместе с Брайеном, — чтобы гарантировать, что мы не украдем яиц и не унесем под полой парочку таковых. Наконец разрешение было дано, и мы отправились на озеро Те Анау.

Я уже говорил, что прежде до долины добирались только пешком, но теперь налажено сравнительно удобное сообщение. Вы садитесь на Те Анау в маленький гидроплан, он поднимает вас на шестьсот с лишним метров и садится на озерко, которое занимает большую часть долины. Брайен заказал самолет, но надо было сутки ждать, поэтому мы сняли номера в роскошном государственном отеле на берегу Те Анау и насладились великолепной кухней, превосходными винами и первоклассным сервисом. После скверных новозеландских отелей, с которыми мы сталкивались до сих пор, эта гостиница нам особенно понравилась.

— Пользуйтесь случаем, — сказал Брайен, прислушиваясь к тому, как и толковываю метрдетелю, какая марка шатобриана мне нужна. — Там наверху нас ждут суровые условия.

Я внял его предупреждению и вместо двух бутылок вина заказал три.

Утро преподнесло нам два неприятных сюрприза. Во-первых, выяснилось, что домик в долине Такахе занят охотниками и, следовательно, для Джеки не найдется места; во-вторых, было похоже, что мы вообще не сможем вылететь: над Те Анау нависли черные тучи, и видимость никак не подходила для полетов в такой местности. Все утро мы мерили шагами берег озера, проклиная погоду. К полудню небо несколько прояснилось, однако доверия по-прежнему не внушало. Но тут появился Брайен, который все это время держал связь с летной базой. Лицо его озаряла довольная улыбка.

— Пошли, — сказал он. — Живо несите снаряжение на пристань. Они прилетят за нами через полчаса.

— Превосходно! — воскликнул Крис. — А погода подходящая?

— Не очень-то, — беззаботно ответил Брайен. — Но они говорят, лучше рискнуть сейчас, чем ждать, когда облачность увеличится настолько, что в долину вообще нельзя будет проникнуть. Летчик считает, что справится.

— Прелестная перспектива, — с воодушевлением произнес Джим, обращаясь к Джеки. — Ты не жалеешь, дорогая, что не можешь лететь с нами? Вознестись в облака в поисках долины, которую все равно не рассмотришь, а когда доберешься туда, искать птицу, которой тоже не разглядишь? Все наше путешествие с самого начала — это сплошные радости и удовольствия. Я бы не променял его ни на что на свете.

Мы отнесли снаряжение на причал, и тут Брайен вдруг объявил, что гидроплан очень маленький и может взять только двоих пассажиров.

— Ладно, — сказал Крис. — Ты, Джим, забираешь аппаратуру и отправляешься первым...

— Почему это всегда я? — возмутился Джим. — Неужели нет других добровольцев?

— Постарайся побольше снять в полете, — продолжал Крис, пропустив мимо ушей его негодующую реплику, — а там установишь камеру и заснимешь наш прилет.

— А если они забросят меня туда, а потом застрянут здесь? — спросил Джим. — Что тогда? Я один в глухой долине, полной свирепых птиц... ни сды... ни товарищей... а когда-нибудь, лет через десять, вы забредете туда и отыщете в тумане мой белый скелет... старина Джим, скажете вы... ведь

Д ничего был парень... пожалуй, стоит послать открытку его жене. Изверги бесчувственные!

— Не унывай, Джим, — утешила его Джеки. — Если ты отправишься вперед с вещами, в твоих руках будет виски, которое припас Джерри.

— О! — Джим сразу просиял. — Это совсем другое дело. Было бы что поесть, тогда я могу и подождать немного.

Вскоре послышалось какое-то, я бы сказал, брюзгливое жужжание, показался гидроплан и пошел вниз, всем своим видом и гудением напоминая рассерженную стрекозу. Он плавно сел на воду, развернулся и медленно приблизился к причалу. Мы принялись грузить снаряжение, а Джим тем временем выяснил у летчика, который из братьев Райт — его брат и верит ли он, что летательные аппараты со временем заменят лошадь. В конце концов мы затолкали сопротивляющегося Джима в кабину, гидроплан заскользил по поверхности озера и поднялся в воздух, оставляя за собой след — мелкую рябь и белую пену. Через полчаса самолет вернулся; теперь настала очередь Криса лететь с оставшейся аппаратурой. По словам летчика, условия для посадки и взлета в долине были вполне подходящие, но облака сгущаются, так что лучше пошевеливаться. И Крис полетел к Джиму, а мы с Брайеном ходили по пристани, тревожно поглядывая на облачный покров, который с каждой секундой становился все чернее и гуще. Наконец гидроплан возвратился, мы поспешно заняли места и понеслись по озеру.

Озеро Те Анау — длинное, и мы довольно долго летели над водой, разглядывая крутые лесистые склоны с обеих сторон. Лес был густой, преимущественно буковый, а у бука темная листва, поэтому поднимающиеся к небу горы производили весьма мрачное впечатление. Сделав вираж, пилот прижался ближе к одному склону, и тот сразу показался нам вдвое мрачнее и круче. Я реагирую на полеты, как все нормальные люди, другими словами, твердо убежден, что либо у летчика будет разрыв сердца в критическую минуту, либо оба крыла самолета отломятся, — если не во время взлета, то при посадке или на полпути. Но все это относится к полетам на больших машинах. В маленьком же самолете я чувствую себя относительно безопасно — тут примерно та же разница, что между восьмицилиндровым автомобилем и велосипедом. Падая с велосипеда, вы не опасаетесь серьезных повреждений, и я почему-то тешу себя мыслью, что авария на маленьком самолете — пустяковое дело, две-три ссадины — вот и все, что вам грозит. Однако наш летчик все ближе и ближе прижимал машину к горному склону, и я начал сомневаться: в самом ли деле авария на маленьком самолете так безболезненна, как мне всегда представлялось? А затем вдруг случи-

...то, чего я много лет опасался: летчик потерял рассудок. Сделав крутой вираж, он направил машину прямо на стенку. Сперва я подумал, что мы перелетим через нее, но он упорно вел самолет по прямой. Уже можно было ясно различить макушки отдельных деревьев, они приближались к нам с угрожающей скоростью, и я примирился с мыслью о неминуемой гибели в результате маневров обезумевшего летчика, как вдруг в склоне открылась узкая щель (другого слова не подберешь), и мы ворвались в нее. Это было то самое ущелье, которое служит входом в долину Такахе и связывает верхнее озеро с Те Анау. По обе стороны высились источенные водой утесы с буковым лесом, причем расстояние от стенки до стенки было таким, что самолет только-только помещался. В одном месте деревья почти вплотную подступали к крыльям самолета, казалось, протяни руку — и можно сорвать горсть листьев. К счастью, ущелье было не особенно длинным, через полминуты мы благополучно выскочили из него и увидели перед собой долину. Долина Такахе тянется километров на пять и представляет собой как бы овал, зажатый между крутыми склонами с густым буковым лесом. Дно удивительно ровное, и большую часть его занимает мелкое, спокойное озеро Орбелл. Озеро, естественно, лежит ближе к выходу, откуда мы появились, а в дальнем конце простираются обширные луга, поросшие полевицей. Пролетая над озером, я не мог налюбоваться изумительным видом. Вдали, на фоне зловещего темного неба, вырисовывались главные вершины хребта Мерчисона, каждая увенчана зубчатой снежной короной; спадающие в долину склоны урюмого темно-зеленого цвета тут и там оживлялись пятнами более светлой зелени с седым налетом; озеро отличало серебром и казалось лакированным; полевица в пробивавшемся сквозь мрачные тучи жидком солнечном свете была золотистой и ярко-зеленой.

Чтобы сесть на озеро, нам пришлось сначала пролететь вдоль долины и разогнаться в дальнем конце. Самолет пошел на снижение, и серебристая гладь начала стремительно приближаться, когда летчик, решив, что именно сейчас такого рода информация представит для меня особый интерес, лаконично сообщил, что длина озера около тысячи двухсот метров — в обрыв для посадки (разумеется, при условии, что вы не промахнетесь). Малейший просчет — и машина с ходу проскользнет напрямик в ущелье, по которому мы поднимались. Я отлично представил себе эту картину, когда мы коснулись воды и понеслись по озеру, увлекая за собой расширяющийся равнобедренный треугольник серебряной ряби. Метрах в тридцати от берега гидроплан остановился, летчик выключил мотор и улыбнулся нам через плечо.

Д

— Приехали, — сказал он. — Долина Такахе.

Он открыл дверцу кабины, и меня поразила абсолютная, полная тишина. Если бы не слабый плеск воды вокруг поплавков, можно было подумать, что ты вдруг оглох. Я даже глотнул несколько раз, решив, что мне заложило уши из-за высоты, до того здесь было тихо. Джим снимал наше прибытие, стоя на берегу в полусотне метров от нас, а мы слышали стрекот камеры совсем отчетливо, как если бы он находился рядом. Безмолвие так подействовало на нас, что мы невольно стали говорить вполголоса; когда же мы приступили к разгрузке, малейший шум казался усиленным во сто крат.

Единственным способом доставить багаж на сушу было тащить его на себе, разувшись и подвернув брюки. Выйти из самолета прямо в воду ледникового озера глубиной почти в полметра — это удовольствие, о котором лично я предпочел бы забыть. Мне и в голову не приходило, что вода может быть настолько холодной, не обращаясь при этом в лед. Мы с Брайеном сделали два захода, пока не перенесли все, и за это время ноги у меня так онемели, что я их абсолютно не чувствовал, словно их отрезали ниже колен. К тому же я уронил один ботинок в озеро, что отнюдь не улучшило моего настроения.

— Послушай-ка, Джерри! — крикнул мне Крис; он стоял позади Джима с видом изможденной ламы. — Ты не мог бы пройти еще разок? Помогите, мы снимали не с той точки.

— Что за вопрос, дружище, конечно, могу! — саркастически вымолвил я, свирепо глядя на него и стуча зубами. — Все, что угодно, во имя искусства. Хочешь, разденусь догола и переплыву озеро? Ты только скажи. Сейчас столько новых лекарств повыпускали, говорят, от воспаления легких в два счета вылечивают.

— Только на этот раз пройдишь помедленнее, — ухмыльнулся Джим. — Будто тебе это доставляет подлинное наслаждение, понял?

Я показал им кулак, потом мы с Брайеном подняли с земли свою ношу и побрели назад к гидроплану. Наконец Крис остался доволен кадром, и нам было дозволено выйти из воды. Летчик помахал рукой на прощание, захлопнул дверцу кабины, вырулил в конец озера и понесся прямо на нас. Самолет пролетел метрах в двадцати над нами и скрылся в ущелье. Гул мотора звучал все тише, а затем, заглушенный деревьями, и вовсе смолк; нас снова объяла тишина, и долина сразу стала какой-то очень глухой и пустынной.

За озером, как раз напротив того места, где стояли мы со своим багажом, виднелся домик размерами не больше сарая, в котором садовник дер-

жит свои инструменты. Домик стоял на опушке леса, где начиналась обрмляющая озеро кайма полевицы.

— Что там такое? — полюбопытствовал Джим.

— Это и есть хижина, — сказал Брайен.

— Как, та самая хижина, в которой нам придется жить? — недоверчиво спросил Джим. — Да там и одному не поместиться, не то что вчетвером.

— Сегодня ночью нас будет семеро, — сказал Брайен. — Не забудьте охотников.

— Да, кстати, где они? — спросил я, потому что хижина выглядела совсем заброшенной и над длинной железной трубой (словно снятой с одной из первых паровых машин) не было видно никакого намека на дым.

— Они где-нибудь в горах, — объяснил Брайен. — Вечером должны вернуться.

Когда мы добрались до хижины и вошли внутрь, нашему взору представилась каморка площадью примерно двенадцать квадратных метров. В ней были две деревянные койки, словно вывезенные из какого-нибудь малонизвестного концентрационного лагеря худшего рода. В одной стене было широкое окно с зеркальным стеклом (неожиданная роскошь), из которого открывался великолепный вид на всю долину, а напротив коек помещался очаг. На первый взгляд казалось, что, когда наш багаж будет внесен внутрь, всем нам, включая охотников, придется спать снаружи. Однако после долгих трудов и споров удалось разместить вещи так, что койки и часть пола остались свободными. Тем не менее было очевидно, что семерым тут, мягко выражаясь, будет крайне тесно. Охотники оставили на столе записку, в которой они приветствовали нас и сообщали, что приготовили растопку и принесли воду, за что мы были им чрезвычайно благодарны. Пока Джим с Крисом возились со своей аппаратурой, мы с Брайеном натянули над очагом веревку, развесили мокрую одежду, развели огонь и поставили чайник.

Небо становилось все чернее, начало смеркаться, над озером заскользили клочья тумана. Мы зажгли лампы и в их мягком желтом свете принялись готовить ужин. Вдруг послышались голоса — казалось, что говорят за стеной, но когда мы вышли, то в сумерках с трудом различили три фигуры, которые двигались вдоль берега метрах в четырехстах от нас. Мы обменялись приветствиями, потом вернулись в дом, поставили чайник для охотников, и минут через пятнадцать они присоединились к нам.

Говорить о ком-нибудь, что он типичный представитель своей страны, неверно, ибо в каждой стране вы найдете множество разных типов. И все-таки я бы назвал этих троих типичными новозеландцами. Высокие, мускулистые, лица и руки обветренные. В своих плотных рубашках, вель-

Д ветовых штанах и тяжелых ботинках, в надвинутых на глаза помятых шляпах, с ружьями за спиной они выглядели чрезвычайно лихо. Правда, они не принесли с собой окровавленных туш, но это меня не удивило: Брайен уже успел нам объяснить, что убитых оленей оставляют на месте отстрела.

Чтобы хоть как-то контролировать численность оленей и опоссумов, Управлению природных ресурсов пришлось бы содержать целую армию штатных охотников, а на это нет средств. Но ведь есть множество охотников-любителей, и среди них Управление набирает людей, которым оплачивают издержки и позволяют охотиться в районах, где развелось слишком много вредителей. Так что охота, с которой возвратились наши новые знакомые (по-видимому, не очень-то успешная — они убили всего шестнадцать оленей), преследовала две цели: охотники получили удовольствие и помогли сократить поголовье оленей, грозивших наводнить долину и погубить такахе.

Плотно закусив и напившись чаю, мы расселись перед гудящим пламенем (ночь была на редкость холодная), и я откупорил бутылку виски из запаса, который предусмотрительно захватил с собой.

Рано утром, окостеневшие от причудливых поз, в которых нам пришлось лежать на полу всю ночь, мы встали и приготовили завтрак. Долину заволокло туманом, с порога хижины почти ничего не было видно, но Брайен не сомневался, что с восходом солнца прояснится. После завтрака охотники распрощались с нами и побрели сквозь туман вниз по ущелью к Те Анау, где их ожидала лодка. Славные ребята, и все же мы были рады, когда они ушли и освободили толику дефицитной площади.

Прогноз Брайена подтвердился: часам к восьми утра открылось почти все озеро и некоторые из окружающих вершин. День обещал быть хорошим, и мы в приподнятом настроении зашагали по берегу к широкому лугу, где, по словам Брайена, были найдены первые гнезда такахе. Наше хорошее настроение объяснялось еще и тем, что в опаловом утреннем свете озеро казалось меньше вчерашнего и мы надеялись за каких-нибудь полчаса прогулочным шагом дойти до цели. Однако нам предстояло вскоре убедиться, что долина Такахе обманчива. Я уже много лет охочусь за животными в разных концах света, но не припомню случая, чтобы где-нибудь было так неуютно, как здесь. В первый же день мы наглядно убедились, что ожидает тех, кто вздумает охотиться на такахе.

Начну с облаков. Они переваливали через гребень, заглядывали в долину и наконец, решив, что здесь вполне можно отдохнуть, неторопливо скатывались вниз, обволакивая и вас, и весь ландшафт, да к тому же прома-

чинив вас до костей. Но это, так сказать, мелкие неприятности. Полевица — мощные, высотой по пояс, желтоватые кусты — жадно собирала влагу и щедро делилась с вами своими накоплениями, когда вы проридались сквозь нее. Ко всем этим удовольствиям добавлялся сфагновый мох. Толстый слой ярко-зеленого моха дорогим ворсистым ковром выстилал почву между кустами полевицы. Он казался гладким, точно лужайка для игры в шары, и столь же приятным для ходьбы. Да, ковер был толстый, мечтами до четверти метра, нога буквально тонула в нем — тонула так, что вы с неимоверным усилием вытаскивали ее. В довершение всего этот зеленый ковер, разумеется, рос на воде, поэтому с каждым шагом вы набирали полный ботинок воды, а когда извлекали ногу из моха, звонкое чиканье отдавалось по всей долине, подобно выстрелу. Уверен, что через пятнадцать минут в пределах сотни километров не осталось ни одной такахе, которая не была бы предупреждена о нашем появлении и продвижении. Метр за метром прошлепали мы вдоль берега, потом ступили на луг. Время от времени мы заходили в буковый лес, потому что в то время года, когда такахе не насиживают яиц, они явно предпочитают держаться у опушки. Темные серо-зеленые стволы деревьев, как и мелкая темно-зеленая листва, были покрыты влагой. Тут и там с ветвей свисали длинные пряди лишайника, словно причудливые коралловые образования. На первый взгляд лишайник казался белым, издали можно было даже подумать, что некоторые деревья обсыпаны снегом, а посмотришь поблизи — и видишь, что тонкие филигранные пряди окрашены в нежный, приятный зеленовато-серый цвет.

Весь день мы пробирались сквозь мокрую полевицу и сумрачный буковый лес с его марсианской порослью лишайников. Мы иззябли, мы промокли насквозь, и мы видели все, что угодно, только не такахе. Однажды нам попался свежий помет, и мы окружили его с тем же чувством, с каким Робинзон Крузо рассматривал знаменитый след ноги; мы находили места, где птицы недавно кормились, пропуская сквозь клюв длинные стебли полевицы; находили на земле пустые гнезда, свитые из той же полевицы и ловко укрытые под нависающей травой; а один раз Брайен даже заявил, будто слышит крик такахе, но так как уже вечерело и в долине была такая тишина, что урони булавку — и все услышат, мы решили, что он просто хочет нас приободрить. А потом тучи начали опускаться все ниже и стало слишком темно для съемок, даже если бы нашлось что снимать. Мы уже дошли до конца долины, и Брайен предложил повернуть назад, ибо, бодро объяснил он, если в долину неожиданно спустится облако, мы можем заблудиться и будем всю ночь бродить по пояс в мокрой полевице, описывая

Д все более широкие круги. Напуганные столь ужасной перспективой, мы, преодолевая отвращение, зашагали обратно по своим чавкающим следам через луг и вдоль озера. И когда наконец, уставшие, озябшие, промокшие, удрученные, достигли хижины, о которой накануне отзывались столь пренебрежительно, она показалась нам верхом роскоши. Сбросить мокрую одежду и, сидя перед горящими поленьями, глотать горячий чай, основательно одобренный виски, — это ли не верх блаженства, и скоро мы уже говорили себе, что сегодня нам просто не повезло. Скверная погода сделала такахе нелюдимее обычного, а вот завтра, уверяли мы друг друга, в долину набьется столько птиц, что негде будет ногу поставить.

Наш энтузиазм несколько поумерился, когда мокрые носки Джима (старательно развешанные над очагом) с убийственной точностью свалились прямо в кастрюлю, в которой Брайен задумчиво помешивал закипающий суп. Правда, от этой необычной приправы суп не стал хуже, зато у Джима появился еще один повод брюзжать, и он с большим рвением предался этому занятию.

На следующее утро погода была, пожалуй, даже похуже, чем накануне, но это нас не остановило: дрожа от холода, мы натянули на себя сырую одежду и снова зашагали по берегу озера. Опять мы дошли до луга, опять очутились в ледяных объятиях полевицы и сфагнума, и опять нам попадались следы такахе, а самих птиц по-прежнему не было видно. Под вечер погода испортилась, и мы совсем пали духом. Завтра нам уходить из долины, и до чего же обидно — проделать такой путь, так промокнуть, столько зябнуть — и все впустую! И ведь такахе где-то тут: стебли полевицы только что объедены, помет свежий. Эти негодные птицы явно играли с нами в прятки, но нам было вовсе не до игры — не то место и не то настроение.

И вдруг — только что перед тем я оступился и шлепнулся на мокрый, особенно вязкий в этом месте мох — Брайен поднял руку, призывая нас к тишине. Мы замерли, боясь дохнуть, а меж тем ноги медленно, но верно погружались в мох.

— В чем дело? — выдохнул я наконец.

— Такахе, — ответил Брайен.

— Вы уверены? — Лично я слышал только плеск и чавканье, когда упал.

— Да, — сказал Брайен. — Прислушайтесь, и вы сами услышите.

Мы в это время находились под откосом, метрах в двадцати от линии, за которой буковый лес начинал восхождение на крутой склон; здесь кусты полевицы казались выше и гуще, чем на других осмотренных нами участках. Стоим и слушаем — мокрые, продрогшие, притихшие... Нежи-

ленно справа, из-за деревьев, донесся звук, услышанный Брайеном. Это был глухой рокот вроде барабанной дробы, очень похожий на звук, который издавали уэки ча Капити, но несравненно громче и какого-то особого, глубокого контральтового тембра. Первая дробь состояла из семи-восьми чистых ударов, затем, после короткой паузы, уже с другого места, чуть подлиннее, прозвучала новая дробь. Мы заметили какое-то движение в траве прямо перед нами, потом еще, но ближе к лесу. Не думая о том, что Крису и Джиму, нагруженным камерой и треногой, трудно поспевать за нами, мы с Брайеном стали подкрадываться к подозрительным точкам. Я говорю «стали подкрадываться», на самом же деле моему сверхчувствительному слуху казалось, будто мы шлепаем по моху, словно полк гиппопотамов, забредших в котел с густой кашей. Ближе, ближе... Вдруг трава опять зашевелилась — и мы застыли на месте. Через секунду мы снова двинулись вперед, еще осторожнее, чем прежде, потому что подозрительное движение происходило всего в нескольких метрах от нас. Опять колыхнулась трава... И шагнул в сторону, и тут из-за густой полевицы показалась такахе.

То, что я увидел, ошеломило меня: ведь до сих пор я знал такахе только по черно-белым фотографиям и считал, что они величиной с куропатку, с искривленным крапчатым оперением, как у уэка, а тут передо мной стояла птица ростом с крупную индейку, только покруглее, и на фоне темной буковой листвы и бледно-желтой полевицы ее оперение сверкало, словно ювелирное изделие. Мощный клюв, напоминающий клюв клеста, был алого цвета, ноги — тоже; голова и грудь яркой синевой могли поспорить со Средиземным морем; спина и крылья были дымчато-зеленые. Стоя на широко расставленных ногах, такахе настороженно повернула голову в мою сторону и издала короткую дробь. Я глядел на птицу с восхищением, она на меня — с величайшим недоверием. Внимательно рассмотрев меня, такахе опустила голову и с необыкновенной важностью прошествовала дальше. Мгновение — и она скрылась за кустиком полевицы. Мне бы не двигаться, и она, наверно, вышла бы снова, но я так боялся потерять из виду эту великолепную птицу, что сделал несколько шагов в сторону. И испортил этим все дело. Такахе испуганно оглянулась, издала низкий звук — сигнал тревоги — и довольно неуклюже, но достаточно быстро побежала в лес искать укрытие. Беглянка исчезла за деревьями, и потом, сколько мы ни подкрадывались, не увидели ни одной птицы, а слышали таинственное потрескивание да взволнованную дробь.

А тут еще облака опустились так низко, что Брайен посоветовал немедленно возвращаться в хижину. Иззябшие, промокшие и все-таки счастливые — ведь мы добились пусть маленького, но успеха, — мы зашлепали через луг

и по берегу обратно. До конца озера оставалось совсем немного, каких-нибудь пятьсот метров отделяли нас от теплой хижины (было видно, как вьется приветный дымок над высокой трубой), и в это время Брайен оглянулся назад.

— Посмотрите, — сказал он, — и вы увидите то, от чего я спешил вас увести.

Над лесистым гребнем в противоположном конце долины, совсем низко, показалось огромное серое облако. На наших глазах оно изогнулось и с невероятной скоростью покатилося вниз в долину. Через несколько секунд участок, где мы видели такахе, исчез, еще мгновение — и мягкая серая лапа накрыла луг за озером, затем облако распласталось по водной глади и понеслось к нам, заволакивая на ходу всю долину. Мы уже подошли к хижине, когда нас настигли невесомые щупальца. С чувством облегчения мы открыли дверь, на пороге обернулись и увидели глухую колышущуюся стену, а долина Такахе исчезла, словно ее никогда и не было. В итоге все мы пришли к убеждению, что нам удивительно повезло — ведь туман мог захватить нас по ту сторону озера. И пока туча дышала холодом на окно, мы подложили в очаг сухих дров, сбросили мокрую одежду и позволили себе повалиться в розовом свете огня, потягивая чай пополам с виски и почему-то испытывая глубокое удовлетворение от мысли, что нам удалось увидеть такахе и обмануть стихию.

— Ну так, — наконец заговорил Брайен, — завтра спускаемся на Те Анау, а оттуда можно отправляться на гору Брюса. Там вы снимете отличные кадры, ведь наши такахе, после того как переросли насадку, стали на диво ручными, ну прямо домашняя птица.

— Одного не могу понять, — сказал Джим, — почему мы сразу не отправились на гору Брюса, вместо того чтобы бродить здесь, рискуя схватить воспаление легких.

— А подлинность? — строго произнес Крис. — Нам ведь нужно показать места обитания птиц... передать обстановку.

— Что до меня, я-то эту обстановку узнал, — сказал Джим, глубоко-мысленно выжимая из своего носка полчашки воды.

За ночь облако исчезло, и на следующее утро вся долина сверкала в солнечных лучах, словно хрустальная. Мы собрали свое имущество и вышли в путь пораньше, потому что спуск до Те Анау, где нас должна была встретить лодка, занимает немало времени. Пробираясь через влажный буковый лес, спотыкаясь и скользя по толстому сырому ковру опавших листьев, я не переставал восхищаться выдержкой и сноровкой людей, которые карабкались по почти отвесному склону, неся на спине курицу, при-

званную спасти такахе. Шлепаясь на землю в третий раз и катясь вниз на «пятой точке», я повторял про себя пожелание, чтобы на свете было побольше самоотверженных людей, не жалеющих ни времени, ни сил для спасения вида, которому угрожает гибель.

Теперь, когда мы своими глазами увидели такахе в ее долине, я еще сильнее рвался на гору Брюса, где живут птицы, ради которых была проделана такая работа. Заповедник (разумеется, государственный) представляет собой обширный зеленый участок, тщательно огороженный и засеянный полевицей. Такахе, уже совсем взрослые, содержатся на воле. Когда мы вошли за ограду, на участке никого не было видно, но стоило птицам услышать наши голоса, как они тотчас выскочили из кустов и помчались к нам, низко опустив голову и топая большими ногами. Им так не терпелось отведать бананов, которые мы для них принесли, что они буквально набросились на нас, толкались, лезли на колени. Вблизи такахе выглядели еще великопнее, чем я думал; зеленоватое золото и пурпур их шелковистого оперения ярко блестели в солнечных лучах. Душа ликовала от сознания, что живые такахе суетятся у наших ног и едят из рук, совсем как домашняя птица. Мог ли я подумать, что меня ожидает еще большая радость.

В одном конце участка стоял большой птичник в виде полумесяца. Мы были настолько увлечены такахе, что я не обратил особенного внимания на эту постройку, только заглянул внутрь мимоходом.

Там лежали прутья и пучки травы, больше я ничего не заметил и решил, что птичник пустует. А может, его построили для такахе, когда те были поменьше? С трудом отделившись от бесцеремонных птиц, которые были убеждены, что у меня где-то еще спрятаны бананы, я спросил об этом Брайена.

— Нет, это какапориум, — с гордостью в голосе ответил Брайен.

— Что такое какапориум? — осторожно осведомился я.

— Это такое место, — объяснил Брайен, внимательно глядя на мое лицо, — где держат какапо.

Слова Брайена повлияли на меня так, как если бы он объявил, что у него есть полная конюшня разноцветных единорогов. Ведь какапо не только одна из самых редких, но и одна из самых своеобразных птиц Новой Зеландии, и хотя я мечтал увидеть какапо, мне это казалось несбыточным.

— Не хотите ли вы сказать, — продолжал я, — что у вас в птичнике есть какапо и вы до сих пор об этом молчали?

— Вот именно, — ухмыльнулся Брайен, — сюрприз.

— Ведите меня к нему, — потребовал я, дрожа от нетерпения. — Ведите меня к нему немедленно.

Д

Довольный моей бурной реакцией, Брайен отворил калитку птичника, и мы вошли. В углу стоял деревянный ящик, накрытый большой охапкой сухого вереска. Мы подошли, осторожно раздвинули вереск, и я увидел глядящие на меня с расстояния около полуметра глаза доподлинного, живого какапо.

Какапо еще называют совиным попугаем — очень меткое название, потому что он так похож на сову, что даже опытному орнитологу простительно ошибиться с первого взгляда. Он крупный, крупнее сипухи; оперение очень красивое, дымчатого серовато-зеленого цвета с черными крапинами. «Лицо» широкое и плоское, как у совы, с огромными темными глазами.

Обитатель ящика смотрел на меня свирепо, точно престарелый полковник, которого разбудил в клубе пьяный младший офицер. Помимо своеобразной внешности, у какапо есть еще две особенности. Во-первых, он редко летает, да и то очень неуклюже, чаще же всего совсем не по-попугаячьи бегают по земле; во-вторых, он ведет ночной образ жизни. На воле какапо во время своих ночных экскурсий протаптывают в траве маленькие тропинки, и сверху местность, где они обитают, кажется сплошь исчерченной пересекающимися проселками.

Пока мы снимали сердитую птицу, Брайен рассказал, что совиные попугаи находятся под серьезной угрозой, настолько серьезной, что мы, возможно, видим перед собой последнего живого какапо. Печальная мысль, которая должна встревожить всякого, особенно если вспомнить, что гибель грозит многим птицам, млекопитающим и рептилиям. Вероятно, единственная надежда на спасение для такахе и какапо заключена в таких заповедниках, и чем больше их будет на свете, тем лучше.

Завершив съемку такахе, мы собирались посвятить последние три дня Веллингтону и его окрестностям и запечатлевать на пленку все, что покажется нам интересным. Но судьбе в облике шуплого человечка, встреченного нами в баре, было угодно расстроить эти планы.

Надо сказать, что с первого же дня нашего пребывания в Новой Зеландии Крису не давали покоя и портили настроение две вещи. Во-первых, ему никак не удавалось прилично записать звук: только приготовит аппаратуру, как либо машина проедет, либо самолет пролетит, либо подует сильный ветер, а то и сам «артист» скроется — да разве перечислишь все, что мешает звукозаписи. Во-вторых, нас повсюду спрашивали, что мы уже засняли, а услышав ответ, удивленно восклицали:

— Как, неужели вы не сняли кеа?.. Что это за фильм о Новой Зеландии без кеа... без этого клоуна снеговых гор... ведь их так легко снять... они совсем ручные, вы их увидите повсюду...

Возможно, кому-нибудь еще эти крупные, ярко окрашенные попугаи и в самом деле встречались повсюду, но мы пока ни одного не видели, и это чрезвычайно раздражало Криса. И когда на вопрос уже упомянутого злополучного субъекта, что мы успели заснять, я начал перечисление, Крис опять стал полож на ламу.

— Как, — дивился человек, — вы не сняли кеа?

— Нет! — отрезал Крис, вложив в одно это коротенькое слово столько холода, что его хватило бы, чтобы сотворить небольшой айсберг.

— А вы бы поднялись на гору Кука, — продолжал наш собеседник, не подозревая, что ступает по краю пропасти. — Я только что оттуда, их там видимо-невидимо. Ничего нельзя оставить, сразу налетят и разорвут в клочья. Сущие комики... Честное слово, стоит попробовать их заснять.

Я поспешил наполнить стакан Криса.

— Да-да, разумеется, мы попробуем, — сказал я.

— Совершенно верно, — громко произнес Крис с внезапной решимостью. — И мы отправимся на гору Кука завтра же.

Он одним махом осушил стакан и сердито посмотрел на наши ошеломленные лица.

— Но это невозможно, — возразил Брайен. — У нас нет на это времени.

— Я не уеду из Новой Зеландии, пока не сниму кеа, — отчеканил Крис.

Что нам оставалось делать после такого ультиматума? Мы отправились на гору Кука, где поселились в превосходном государственном отеле с великолепным видом на гору и на ледник Тасмана, и безотлагательно приступили к лихорадочным поискам кеа. Все уверяли нас, что нет ничего проще, горы и долины кишат этими птицами, нельзя даже машину поставить, ибо сейчас же на нее опустятся несколько десятков кеа и примутся разбирать на части, словно какие-нибудь одержимые механики. Стоит только отъехать немного в горы — в любую сторону! — и позвать: «Кеа... кеа... кеа...», подражая их крику, как в тот же миг к вам отовсюду слетятся кеа.

Так мы и сделали. В первый же день отправились к горе Кука и стали кататься вокруг нее, останавливаясь перед каждой трещиной и расщелиной, чтобы позвать, как нас учили: «Кеа... кеа... кеа...» Но голые склоны оставались безжизненными. В тот вечер Крис, несмотря на чудесное вино и нежнейшую жареную форель, сидел с видом сердитого верблюда, который забыл дорогу к ближайшему колодцу.

На следующее утро ни свет ни заря, храня унылое молчание, мы поехали к леднику Тасмана у подножия горы Кука, чтобы возобновить поиски кеа. Дорога в этот неуютный уголок с каким-то лунным ландшафтом напоминает сухое русло, берущее начало на краю обрыва, с которого внизу вид-

Д

но могучий ледник, а сверху — снежную вершину горы. Ледник здесь широкий и представляет собой мощный бутристый пласт, начиненный, словно пирог, камнями, буреломом и, вне всякого сомнения, бесчисленными останками замерзших кеа. Стоя над ледником, мы явственно слышали, как он, покряхтывая, постанывая и потрескивая, миллиметр за миллиметром ползет вниз по долине на свидание с морем.

Заглушая бормотание ледника, над голым пустынным ландшафтом разнеслись наши крики: «Кеа!» — и со всех сторон отозвалось обманчивое эхо. И как же мы удивились, когда внезапно невесть откуда показался кеа и уселся на каменный шпиль за пределами досягаемости нашей кинокамеры. С округлившимися от возбуждения глазами Крис полез вверх по склону, хрипло вопя: «Кеа!» Птица взглянула на взъерошенное существо с безумным взором, вынырнувшее откуда-то из недр ледника, издала крик, полный недоумения и ужаса, и поспешно улетела. Когда мы пришли в себя после приступа неприличного хохота, то с удивлением обнаружили, что Крис отнюдь не обескуражен, напротив, первая встреча с кеа воодушевила его. Он считал, что успех почти обеспечен, теперь надо только снять вводные кадры. Под «вводными» Крис подразумевал кадры, показывающие, как «Лендровер» подъезжает к леднику, как мы выходим из машины и зовем кеа, и виды местности. Потом снимем крупным планом птицу и все смонтируем.

Съемки фильма — дело хитрое, подчас приходится сперва снимать отъезд, а уж потом прибытие. Мы выгрузили снаряжение и установили камеры, и, так как нам нужен был звук, Крис торжественно достал из футляра рекордер и водрузил его на груды камня.

После долгой беготни с проводами и микрофонами он объявил наконец, что все готово. Наша задача была несложной: подъехать на «Лендровере» к указанной точке, выйти и звать кеа. Камера запечатлеет наши движения, а рекордер увековечит отраженные склонами голоса. Я уже говорил, что другое такое глухое и уединенное место надо было поискать, не видно не только людей и построек, но даже животных, поэтому мы были просто поражены, когда, выйдя из машины и дружно прокричав «кеа!», внезапно услышали такой невообразимый шум, словно по соседству свихнулся какой-нибудь из заводов Форда.

Это был визг, вой и скрежет механизмов, подвергнутых неслыханным пыткам. Что вызвало эти звуки, откуда они идут? Мы видели только Криса, который присел около своего аппарата с наушниками на голове и выражением невообразимой муки на лице.

Вдруг из-за беспорядочно нагроможденных глыб показался огромный, величиной с полдома, экипаж, прашур всех бульдозеров. Звеня, гремя и дребезжа, он полз в нашу сторону, а на самом верху, на маленьком сиденье, прижился перемазанный машинным маслом человечек, который как будто пытался управлять этой машиной. Он приветливо помахал нам рукой. Крис сорвал с головы наушники и, отчаянно размахивая руками, подбежал к дьявольской колеснице.

— Выключите мотор! — заорал он. — У нас идет звукозапись!

— Чего? — крикнул в ответ человечек, переключая скорость с леденящим кровь скрежетом.

— Мы снимаем кино... Вы не могли бы выключить мотор? — ревел побавровевший Крис.

— Говорите громче... ничего не слышу... — твердил человечек.

— Выключите эту проклятую штуковину... **ВЫКЛЮЧИТЕ!** — вопил Крис, бурно жестикулируя.

Водитель сосредоточенно посмотрел на него, извлек из коробки скоростей еще одно короткое, терзающее слух созвучие, потом наклонился вперед, нажал какую-то кнопку, и могучая машина стихла.

— Так что вы там говорите? — спросил он. — Извините, мне тут было плохо слышно... Очень уж шумно.

Крис нервно вздохнул.

— Вы не могли бы несколько минут не пускать эту... эту... эту штуку? Понимаете, мы снимаем кино, нам нужно записать звук.

— Ах, кино, да? — заинтересованно произнес человечек. — Конечно, могу и не пускать.

— Спасибо, — с дрожью в голосе поблагодарил Крис и вернулся к рекордеру.

Только он надел наушники и подал нам знак начинать, как механическое чудовище вновь ожило, с той лишь разницей, что теперь водитель посредством какого-то волшебства пустил его задним ходом, и оно медленно поползло обратно за камни, из-за которых явилось. Крис, с лицом цвета незрелого персика, швырнул наушники на землю и, изрекая смачные фразы, которых продюсерам Би-би-си по штату знать не положено, кинулся следом за машиной. Через мгновение воцарилась благословенная тишина, и Крис вышел из-за камней, отирая лоб.

— А теперь, — хрипло произнес он, — попробуем снова.

На этот раз удалось снять кадр, но эпизод с бульдозером пагубно повлиял на нервы Криса, и весь остаток дня он подсказывал от малейшего шума, словно пугливый олень. В довершение всего мы не увидели больше ни од-

Дного кеа и вернулись в гостиницу совершенно убитые. У нас был такой удрученный вид, что наша очаровательная горничная-маорийка не выдержала и участливо спросила, в чем дело. Обрадованные, что нашелся сочувствующий слушатель, мы заговорили все разом. Когда гам немного стих и стало возможно разобрать, о чем идет речь, на лице горничной отразилось удивление.

— Кеа? — с недоумением переспросила она. — Вы хотели снять кеа? Что же вы мне не сказали?

— А что? — подозрительно спросил Крис.

— Пять диких кеа каждое утро прилетают во двор гостиницы, — объяснила она. — Я кормлю их хлебом с маслом. Каждое утро они тут как тут.

Комментарии излишни.

На следующее утро, едва рассвело, мы уже бродили в ожидании добычи по двору, вооруженные камерами, магнитофонами и солидным запасом хлеба с маслом, которое каким-то образом ухитрилось оставить свои следы на всей нашей аппаратуре и почти на всей одежде. И точно, едва рассеялся утренний туман и открылась гора Кука с розовой от восходящего солнца снежной макушкой, как между скалами в нижней части склона, начинающегося сразу же за гостиницей, раздались громкие крики. В сущности, они напоминали крики, которые мы пытались издавать накануне, рискуя заболеть острым ларингитом, но тембр был другой, какой-то звонкий, ликующий, буйный, не для наших голосовых связок. И вот показалась пятерка кеа. Они опустились на крышу гостиницы и стали ходить по ней, наблюдая за нами и время от времени крича свое «кеа... кеа... аррар...». Деревянная походка и напыщенный вид, словно они чувствовали себя господами вселенной, в сочетании с назойливым однообразным криком придавали им удивительное сходство с кучкой фашистов. Сперва они показались мне похожими на кака, которых мы видели на Капити, но когда солнце поднялось выше, я убедился, что это относится только к их общему виду, а не к окраске. Основной цвет оперения кеа — зеленый разных оттенков, от травяного до сероватого, но из-за пурпурного отлива оно издали кажется довольно темным. Крылья снизу изумительного огненно-оранжевого цвета, и, когда птица их расправляет или взлетает, на секунду кажется, что ее обьяло пламя.

Наконец-то кеа оказались в пределах досягаемости наших камер. А какое замечательное представление они устроили! Поглощали в огромных количествах хлеб с маслом, бегали по водосточным желобам, повисали вниз головой и кричали, потом по очереди начали съезжать по скату крыши, словно дети с горки. И опять кричали, горланили, ели хлеб с маслом, даже

попытались — правда, безуспешно — сорвать с «Лендровера» брезентовый верх. Когда пернатым механикам наскучила эта затея, двое из них, взлетев с машины, принялись кричать «кеа!» в окна спящих постояльцев, а остальные в это время разрушили замысловатое сооружение из картонных коробок у черного хода. Необузданные, шумные, озорные — ну просто неотралимые птицы... Глядя, как два кеа, вымазав клюв маслом с крошками хлеба, дерутся за очередь скатиться с крыши, бранят друг друга, взьерошив хохолок и хлопая крыльями, так что оранжевая подкладка горит на солнце, превращая их в ожившие костры, я думал о том, как жаль, что этих обаятельных птиц многие в Новой Зеландии считают врагом общества номер один. Дело в том, что кеа пристрастились к салу домашнего животного, которое новозеландцу дороже родной матери: овцы.

Спору нет, найдя овечью шкуру или тушу, кеа не упустит случая попирувать, но фермеры уверяют, будто дело этим не ограничивается, будто птицы нападают на живых овец и убивают их ради сала. Достоверные случаи действительно отмечены, но никто еще не исследовал, все ли кеа ведут себя так и в самом ли деле они причиняют такой ущерб, как это утверждают фермеры. Но попробуйте сказать об этом овцеводу, да еще добавьте, что, по-вашему, не жаль потерять несколько овец ради удовольствия иметь соседями кеа, — и можете вызывать «Скорую помощь». И тем не менее кеа — большой, красивый, шумный, озорной и своенравный кеа — олицетворяет край диких гор, Новую Зеландию. Этим веселым чудаком и безобразником надо гордиться. А вместо этого (и так ведь бывает со многим, что украшает нашу жизнь) его нещадно преследуют и убивают всюду, где только застигнут.

В качестве прощальной виньетки из Новой Зеландии предлагаю вам такую картинку: на заднем плане — гора Кука с обтрепанной по краям шапкой розового снега и лениво ползущими по склонам клочьями утреннего тумана, который мягко обволакивает скалы и скрывает шрамы после недавних обвалов, а на фоне горы стремительно летят энергичные птицы — только крылья вспыхивают огнем на солнце да веселые звонкие крики «кеа... кеа...» раздаются меж седых скал.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧЕРДАК МИРА

ПРИБЫТИЕ

Различая пернатых, что больно кусают,
И уса­тых, что рвут вас когтями.

«Охота Ворчуна»

Славный, надежный корабль «Ванганелла», на котором мы отплыли из Новой Зеландии, несомненно, одно из самых очаровательных судов, на каких мне когда-либо приходилось путешествовать. Поразмыслив, я пришел к выводу, что «Ванганеллу» проектировала какая-нибудь прижимистая кинокомпания, которая стремилась объединить на одном судне возможно больше различных стилей и эпох, начиная с елизаветинской и кончая двадцатыми годами нашего столетия с их гладкой, лишенной всяких украшений мебелью (не были забыты и худшие образцы эпох, носящих имя французских королей или английских Эдуардов). Куда ни пойдешь, всюду двери с надписью «Тюдоровские покои», или «Пальмовый уголок», или еще что-нибудь в этом роде, а откроешь — и в самом деле «Тюдоровские покои» или «Пальмовый уголок»! Стоило сесть на этот корабль хотя бы ради того, чтобы увидеть мозаичные колонны в столовой, подкупавшие своей откровенной вульгарностью. На этом судне, которое словно привиделось в кошмаре специалисту по интерьерам, мы и познакомились с Гертой.

После обеда, досыта налюбовавшись мозаичными колоннами, мы пошли пить кофе в некое подобие шекспировской библиотеки — кругом сплошные дубовые балки и подшивки «Панча» в пожелтевших переплетках — и наметанным взглядом приглянулись изучать наших спутников по плаванию. После нескольких лет морских путешествий у вас вырабатывается своего рода шестое чувство, вы легко определяете, кто из пассажиров будет на всех нагонять тоску, кто возьмет на себя роль затейника и так далее. После долгого, внимательного изучения сидящих за столиками я повернулся к Джеки.

— Здесь есть только один стоящий человек, — твердо сказал я.

— Кто именно? — спросил Крис, который был новичком в этой игре.

— Она сидит вон там, под тюдоровской жаровней.

Осмотрев мою избранницу, Крис и Джеки удивленно повернулись ко мне. Их можно было понять, потому что на первый взгляд она смахивала на одетого во все розовое гиппопотама средних размеров с волосами цвета переспелой ржи. Унизанные кольцами короткие толстые пальцы держали рюмку с жидкостью, которая, на мой взгляд, смахивала на джин, а устремленные в пространство круглые голубые глаза были так густо подведены, что придавали всему лицу что-то кукольное.

— Ты спятил! — убежденно произнес Крис.

— Просто он не может устоять против блондинок, независимо от их комплекции, — объяснила Джеки.

— А вот увидим, кто прав.

И я подошел к своей избраннице, уныло созерцавшей дубовые балки.

— Добрый вечер, — сказал я. — Извините, нет ли у вас огня?

— На кой черт он вам нужен? — любопытствовала она. — Пять минут назад я видела, как вы прикуривали вашу паршивую сигарету от зажигалки.

У нее был низкий голос глухого тембра, который достигается многолетней обработкой голосовых связок джином. Я понял, что недооценил бдительность моей новой приятельницы.

— Просто вы мне понравились, — признался я, — и мне захотелось выпить с вами.

— Господи, подъезжать ко мне, в моем-то возрасте... Нахал да и только, — игриво сказала она.

— Вы не беспокойтесь, — поспешно произнес я. — Я не один — там, за столиком, моя жена.

Она малость развернула свои могучие тела и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть наш столик, закрытый от нее широкими листьями на редкость непривлекательной аспидистры.

— Так и быть, — сказала она, и ее лицо осветилось озорной и неожиданно милой улыбкой. — Я выпью с вами... Вы хоть на живых людей похожи... А то здесь на корабле кругом одни паршивые дохляки...

С этими словами дама в розовом поднялась на ноги и пошла враскачку впереди меня. После церемонии взаимных представлений она с трудом втиснулась в кресло, добродушно улыбаясь. Как только принесли напитки, она схватила свою рюмку и подняла ее вверх.

— Ваше здоровье!

Она сделала добрый глоток, подавила негромкую благородную отрыжку, вытерла рот лоскутом, который некогда был кружевным платочком, и села поудобнее: я понял, что теперь только динамит сдвинет ее с места.

— Хорошо, когда есть компашка, — заговорила она так громко, что ее слова вполне могли разобрать за соседним столиком. — Я уже думала, что тут собрались одни ублюдки тупоголовые, как вы ко мне подошли.

С этой минуты успех нашего плавания на «Ванганелле» был обеспечен. Герта превзошла все мои ожидания. Трижды замужем, ныне вдова, она за те годы, что жила в Австралии, перепробовала все мыслимые профессии, и среди них такие контрастные, как медицинская сестра и буфетчица. В последнем качестве она заслуженно преуспела и теперь сама владела баром в одном из глухих уголков Австралии. Но больше всего нас потрясли ее медицинские познания. Мне кажется, что несчастный врач, который нанял Герту, вскоре очутился на грани нервного расстройства, ибо она твердо считала, что он никудышный диагност и что все его предписания основывались на неквалифицированных диагнозах и поверхностном представлении о том, как функционирует человеческий организм. Зато ее речь обогатилась великолепным набором нелепиц, в которых угадывались термины, услышанные ею от своего хозяина.

— Никакой уверенности в себе у него не было, — доверительно рассказывала она нам. — Чертовски славный малый, но тюфяк тюфяком. Я ему всегда говорила: у вас, говорю, шеф, никакой уверенности в себе, всегда паршивую овцу к другим посылаете. Вот приходит женщина, которая не сумела уберечься. Обыкновенное дело, скажете вы, так нет же, он ее посылает к геологу.

— К кому? — переспрашивали мы, заранее предвкушая ее ответ.

— К геологу... ну, знаете... из этих паршивых надувал, которые вообще ражают, будто им все известно про женские внутренности... помнет ваши овалоиды, и пять гиней кошке под хвост...

Какого бы вопроса медицины ни коснулись, Герта была на высоте.

Итак, благодаря Герте и изысканной обстановке кают наше плавание уподобилось путешествию Алисы в Страну чудес и протекало весьма приятно, завершившись в гавани Сиднея, куда «Ванганелла» вошла с большой помпой. Напоследок Герта порадовала нас еще одной выходкой. Одна пассажирка неопределенного возраста всю дорогу гордо выставляла напоказ всем мужчинам свой единственный капитал, чем заслужила крайнее неодобрение Герты. Стучилось так, что мы спускались по трапу как раз за этой женщиной, у которой, как говорится, все было впереди. В эту минуту наверху показалось розовое луноподобное лицо провожавшей нас Герты. Она

сразу заметила выступавшую перед нами пассажирку, столь щедро одаренную природой (если только это была природа), и брезгливо поджала губы при виде сего зрелища. Потом поглядела на нас и подмигнула.

— Таких накладных желез в Австралии еще не видели, — ликующе прогремела она.

Мы ступили на австралийскую землю в отличном настроении.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИРОХВОСТЫ И ДРЕВОЛАЗЫ

Они его искали, не жалея ни времени, ни ног.
Они за ним охотились с надеждой и с большим ружьем.

«Охота Ворчуна»

Мы полюбили Австралию с первой же минуты и всем сердцем. Если мне (не дай бог!) когда-нибудь придется навсегда осесть в каком-то одном месте, из всех виденных мною стран я, вероятно, выберу Австралию.

От Сиднея до Мельбурна мы ехали под ослепительно синим небом, расписанным невесомыми облачками. Кругом простиралась выцветшая на солнце волнистая степь с просвечивающей то тут, то там ржаво-красной землей.словно побелевшие кости, светились в рощах причудливо изогнутые стволы и ветви эвкалиптов. Казалось, будто эти на редкость изящные, красивые деревья исполняют некий фантастический танец. На деревьях постарше кора шелушилась и свисала широкими, напоминающими бороды гирляндами, а свежая кора вблизи отливала розоватым оттенком, словно стволы были вылеплены из живой плоти. Под вечер второго дня мы остановились выпить чаю. Среди необозримой золотистой степи стояла группа мертвых эвкалиптов с ослепительно белыми, похожими на коралловые, стволами и ветвями, а между ними извивалась разбитая красная дорога, по которой мы приехали на нашем «Лендровере». Заходящее солнце наполнило воздух нежной золотистой дымкой, и вдруг неведомо откуда явилась стая розовых какаду — шесть птиц упали с неба и сели на сухие ветви над нами. В этом свете, на фоне белых стволов они были невыразимо хороши — белые хохолки, пепельно-серые крылья и дымчато-розовые грудки и головы. Семена вдоль ветвей мелкими шажками, немного по-ящеричьи (как все представители отряда попугаев), они сверху поглядывали на нас, что-то неразборчиво бормотали и топорщили свои хохолки. А мы сидели

Д неподвижно, словно замороженные, любуясь ими: тогда они решили, что нас можно не опасаться, и слетели на землю такими облачками розовых лепестков. Медленно прошествовали по красной земле к глубокой автомобильной колее, где поблескивала лужица дождевой воды, и принялись жадно пить. Потом один из них обнаружил в траве какой-то соблазнительный кусточек, и завязалась постыдная драка. Какаду набрасывались друг на друга с раскрытыми клювами, кружили, хлопали пепельными крыльями. Кончилось тем, что вся шестерка стремглав улетела, только белые спинки сверкнули на фоне голубого неба.

Розовые какаду, или, как их здесь называют, гала, относятся к самым мелким, но зато и самым красивым австралийским какаду, и, провозжая взглядом этих птиц, я удивлялся, как у людей поднимается рука убивать их. А ведь в некоторых районах гала считают вредителями и каждый год отстреливают в огромном количестве.

Чем ближе к Мельбурну, тем сильнее мы зябли, а когда въехали в город, было холодно, как в промозглый ноябрьский день в Манчестере. К моему стыду, такая погода застала меня врасплох. Почему-то я представлял себе Австралию страной вечного солнца, хотя достаточно было взглянуть на карту и сделать простейшие подсчеты, чтобы убедиться, что это не так. Хорошо еще, что в расчете на суровый климат Новой Зеландии мы захватили вдоволь одежды, теперь она нас выручила.

Мы мечтали увидеть и, если представится возможность, снять прежде всего лирохвостов и сумчатых белок. Лирохвосты, на мой взгляд, одна из великолепнейших австралийских птиц, и я знал, что мельбурнское Управление природных ресурсов создало для них заповедник в Шервудском лесу. Но ведь если для какого-нибудь животного создан заповедник, это еще не значит, что там его легко увидеть и снять. Тем не менее мистер Батчер, начальник Управления, видимо, был настроен оптимистично, ибо он передал нас на попечение мисс Айры Уотсон, которая занималась лирохвостами и отлично знала район их обитания. Айра заказала для нас номер в небольшой гостинице на окраине заповедника, и в одно ясное прохладное утро мы отправились в путь, захватив с собой все снаряжение. Но к тому времени, когда мы прибыли в гостиницу и разобрали вещи, весь мир окутался серым туманом и изморозью, а температура явно упала намного ниже нуля. Мы взвалили аппаратуру на плечи и, дрожа от холода, без большой охоты последовали за Айрой в лес на поиски лирохвостов.

Огромные старые эвкалипты стояли в элегантных позах, кутаясь в рваные шали из шелушащейся коры, а между ними были вкраплены мощные,

приземистые древовидные папоротники; их длинные листья пышным зеленым фонтаном вздымались над волосатыми коричневыми стволами. В лесу было сумрачно от тумана, каждый звук отдавался гулко, как в пустом соборе. По извилистой тропе Айра вывела нас на широкую просеку, заросшую папоротниками и кустарником. Мы нашли подходящую полянку, сложили на землю снаряжение и отправились разыскивать лирохвостов.

Сами по себе лирохвосты не так уж и эффектны, скорее даже довольно бесцветны, вроде самки фазана. Вся их прелесть заключена в хвосте, в двух очень длинных, изящно изогнутых перьях, очертаниями напоминающих старинную лиру. Эта иллюзия тем сильнее, что пространство между лирохвостными перьями заполнено ажурным узором из тончайших белых перьев, похожих на струны. Когда подходит начало брачного сезона, самцы выбирают себе в лесу участки, которые превращают в «танцевальные залы». Своими сильными ногами они расчищают площадку, причем опавшие листья собирают в кучу в центре, так что получается своего рода эстрада. Затем начинаются брачные игры, и я затрудняюсь назвать более захватывающее зрелище. Хвост и пение — вот два средства, с помощью которых самец старается соблазнить всех дам в округе, и, возможно, они и устояли бы против хвоста, но против такого пения, по-моему, устоять невозможно. Лирохвост — подлинный мастер подражания, и он включает в свой репертуар песни других птиц, да и не только песни, а все звуки, которые ему придутся по душе. Казалось бы, должна получиться какофония, но на самом деле выходит нечто совершенно восхитительное.

Пробираясь через влажные заросли, мы то и дело видели следы лирохвостов — помет и борозды от когтей на подстилке; это нас ободряло. Затем нам попалась и «танцевальная площадка». Меня поразили ее размеры — она была около двух с половиной метров в поперечнике, а высота эстрады посередине составляла приблизительно восемьдесят сантиметров.

— Это одна из площадок Спотти, — объяснила Айра. — Он у нас один из самых старых и самых ручных. Я на него особенно рассчитывала, его намного легче снимать, чем других.

Но пока что не было видно ни Спотти, ни других лирохвостов. Вскоре мы дошли до лощины, где древовидные папоротники росли в окружении огромных валунов, облаченных в зеленые шубы из меха. По дну лощины журча бежал ручеек с крохотными белыми пляжами в излучинах. И вот тут-то, идя вдоль ручья, мы увидели первого лирохвоста. Айра, возглавлявшая нашу колонну, вдруг остановилась и подняла вверх руку. Мы тихонько подошли к ней, и она показала на малюсенький пляж метрах в пятнадцати от нас. Там на песке, чуть наклонив голову набок, стоял лирохвост и

Я смотрел на нас большими, блестящими темными глазами; его огромный хвост был подобен пышному кружевному жабо. Наконец лирохвост решил, что мы вполне безобидны, покинул пляжик и грациозно зашагал между толстыми стволами древовидных папоротников, то и дело останавливаясь, чтобы энергично поскрести подстилку своими мощными ногами. Мы было последовали за ним в надежде, что он свернет и выйдет на просеку, так как в ложине было слишком темно для съемки, но он весь ушел в добывание пищи и продолжал углубляться в чащу. Впрочем, уже то, что мы все-таки увидели лирохвоста, нас чрезвычайно воодушевило, и мы вернулись на просеку в приподнятом настроении. Согревшись горячим кофе, мы разделились и начали обследовать опушку леса вдоль просеки.

Мы так настроились на поиски лирохвостов, что встречи с другими лесными жителями явились для нас полным сюрпризом. Первыми нам попались три дородных птенца кукабурры — три «смешливых дурака», как называют в Австралии этих гигантских зимородков. Тройка сидела в ряд на ветке, красуясь шоколадно-серым оперением с нарядными синими заплаты крыльев. Полоска черных перьев на голове образовала как бы полумаску, придавая птенцам неожиданное сходство с тройкой толстых мальчишек, играющих в бандитов. К нашему удивлению, зимородки, завидев нас, издали резкий стрекочущий клич, слетели вниз и сели прямо перед нами, после чего запрыгали взад-вперед и принялись сипло кричать, взмахивая крыльями и просительно разевая свои широкие клювы. Айра, лучше нас знавшая обычаи Шервудского леса, преспокойно извлекла из кармана большой кусок сыра, и мы стали потчевать крикунов этим несколько неожиданным лакомством. Наконец, набив себе животы сыром, зимородки тяжело взлетели на сук и опять устроили засаду, подстерегая новые жертвы.

Следующий обитатель леса поразил нас еще больше, чем кукабурры. Я уныло стоял перед кустами, соображая, в какую сторону лучше направиться, чтобы найти лирохвостов, как вдруг тихонько хрустнули ветки и появился толстый серый зверь ростом с крупного бульдога. Я сразу узнал вомбата. В прошлом (когда я работал в зоопарке Уипснейд) у меня был как-то длительный и пылкий роман с очаровательным представителем этого вида, и с тех пор я к ним равнодушен. На первый взгляд вомбат напоминает коалу, но у него гораздо более плотное сложение, и он больше смахивает на медведя, так как приспособлен к наземному образу жизни. У него сильные, короткие, слегка искривленные ноги, и косолапит он совсем по-медвежьи: зато голова больше похожа на голову коалы — круглые глаза-пуговицы, овальная плюшевая заплатка носа и бахромка по краям ушей.

Выйдя из кустов, вомбат на секунду остановился и с каким-то грустным видом громко чихнул. Потом встряхнулся и, уныло волоча ноги, зашагал прямо на меня — этаким игрушечный мишка, который знает, что дети его разлюбили. Совершенно убитый, ничего не видя перед собой, он продолжал приближаться ко мне, явно поглощенный какими-то очень мрачными мыслями. Я стоял абсолютно тихо, и вомбат только тогда заметил меня, когда его отделяли от моих ног каких-нибудь два-три метра. К моему удивлению, он не бросился наутек, даже не убавил шаг, а подошел ко мне и с легким интересом во взоре принялся осматривать мои брюки и ботинки. Еще раз чихнул, потом горько вздохнул и, бесцеремонно оттолкнув меня, побрел дальше по тропе. Я пошел за ним, но вомбат вскоре свернул в лес, и я его потерял.

На мой вопрос, не знает ли она этого вомбата, Айра рассказала, что он уже лет десять пользуется славой патриарха здешнего леса. Он часто показывается днем — для ночного животного это необычно — и относится ко всем посетителям так же равнодушно, как отнесся ко мне. Очевидно, раз и навсегда решил, что, если этим нескладным двуногим нравится бродить по его лесу в поисках каких-то горластых птиц, — пусть себе бродят, лишь бы его не трогали.

Всю вторую половину дня мы прочесывали лес, надеясь застать лирохвостов на участках, пригодных для съемки, однако нам не повезло. Птиц было много, но все они таились в лесном сумраке. Мы вернулись в гостиницу хмурые, иззябшие и голодные.

На следующий день (это было воскресенье) погода выдалась лучше, и мы отправились в лес, окрыленные надеждой. Правда, Айра несколько обескуражила нас: по ее словам, в воскресенье заповедник привлекает особенно много посетителей, поэтому птицы могут оказаться пугливее, чем обычно. Она продолжала настаивать, что самое правильное — ориентироваться на старину Спотти, и мы пошли к лучшей из его «танцевальных площадок», которую нам удалось найти на лесной поляне среди невысоких, по пояс, кустов. Условия для съемки здесь были отменные, теперь все дело было за Спотти. Казалось, наша кампания кончится успешно — не успели мы расположиться по соседству с поляной, как явился долгожданный Спотти. Однако он ничего не стал исполнять, а, постояв неподвижно несколько минут с отсутствующим взглядом, опять скрылся в лесу. Так повторялось шесть раз; шесть раз мы хватали аппаратуру и делали стойку, словно терьер перед крысиной норой, но все напрасно. На седьмой раз Спотти подошел к нам и милостиво поклевал немного сыра, но стоило нам заикнуться, что, мол, теперь не худо бы и исполнить что-нибудь, как он величаво удалился.

Д

Мы продолжали терпеливо ждать. Мимо нас по тропе шли экскурсанты — пожилые дамы, молодые пары и отряды бойскаутов; всех их привлекала в лес надежда увидеть танцы лирохвостов. Как чудесно, говорил я себе, что есть такой заповедник, куда столько горожан могут приходить на пикник и с расстояния в несколько метров наблюдать одно из самых удивительных представлений в мире пернатых. А люди все шли и шли, неся свертки с бутербродами и дешевенькие фотоаппараты, и все желали нам доброго утра и справлялись, где сегодня танцуют птицы. Мы не без желчи отвечали, что сами хотели бы это знать.

Ожидание затянулось, а Спотти все не показывался. Тут послышался треск, и из леса выскочил пожилой священник в потрепанной панаме, который прижимал к себе сумку, набитую провизией. Заметив нас, он остановился, поправил модные очки, мягко улыбнулся и приблизился вкрадчивой походкой, чтобы рассмотреть извивающиеся провода, звукозаписывающую аппаратуру и кинокамеры, которые холодно поблескивали на своих треногах, словно марсианские чудовища.

— Вы хотите снимать лирохвостов? — спросил он наш унылый отряд.

— Да, — ответили мы, потрясенные его проникательностью.

— Так ведь их целые полчища вон там, в лесу, — сказал он, подчеркивая свои слова энергичным жестом. — Полчища... В жизни не видел так много лирохвостов. Вы бы туда пошли... вон туда.

Когда он проследовал дальше, выполнив дневную норму добрых поступков, Джим глубоко вздохнул.

— Если в пределах досягаемости появится еще один лирохвост, я своими руками сверну ему шею, — объявил он. И добавил: — Это относится и к священникам тоже.

Минул еще час. Крис расхаживал по поляне с видом герцога Веллингтона в канун битвы при Ватерлоо, и вдруг почти одновременно произошли две вещи. В лесу, метрах в трехстах-четырехстах от нас, запел лирохвост, и Джим, ругнувшись вполголоса, вскочил на ноги, схватил одну камеру и помчался туда. Только он исчез, как показался старина Спотти и решительным шагом направился к «танцевальной площадке».

— Живей, живей, — простонал Крис, хватая запасную кинокамеру. — Придется тебе записывать звук.

Прорвавшись сквозь кусты, он принялся лихорадочно устанавливать камеру на краю площадки; я последовал за ним, весь опутанный волочащимися по земле проводами. Нам повезло, мы сумели развернуть аппаратуру, прежде чем подоспел Спотти. Мы остановились метрах в двух от «эстрады», ближе подойти не решались, чтобы не спугнуть птицу. Крис нажал

кнопку, камера застрекотала, и в ту же секунду, словно он только и ждал этого сигнала, Спотти ступил на площадку. Он остановился, смерил нас царственным взглядом, затем поднялся на кучу листьев и начал свое выступление.

Я был готов услышать что-то замечательное, но Спотти был так великоличен, что мне стоило большого труда сосредоточиться на звукозаписи. Сперва прозвучали две-три пробные ноты, словно он настраивал свою флейту, а затем Спотти медленно опустил крылья, расправил хвост, так что над спиной у него засверкал белый каскад перьев, закинул голову — и из его горла полились звуки столь виртуозные, что описать их попросту невозможно. Наряду с трелями и фиоритурами, иногда даже сочного контральтового тембра, я услышал хриплый, резкий хохот кукабурры, крик австралийской трещотки (напоминающий свист и щелчок пастушьего бича) и звук, который можно сравнить лишь с дребезжанием набитой камнями жестяной банки, катящейся вниз по скале. И ведь что удивительно: все эти странные, немелодичные звуки так искусно сочетались с основной темой, что ничуть ее не портили, а только украшали. Я ухитрился подвесить микрофон примерно в метре от певца и был очень доволен своей ловкостью, но когда взглянул на рекордер, то с ужасом обнаружил, что он вот-вот лопнет от силы звука, врывающегося в микрофон. Энергичными жестами я попытался втолковать Крису, какая случилась оказия; говорить я не смел, опасаясь, что мой голос попадет на звуковую дорожку. Во что бы то ни стало (объяснял я руками) нужно отодвинуть микрофон. Крис бросил взгляд на пляшущую стрелку прибора, тоже пришел в ужас и понимающе кивнул мне.

Передо мной стояли одновременно две нелегкие проблемы: во-первых, отодвинуть микрофон так, чтобы не потревожить Спотти, во-вторых, при этом не влезть самому в кадр. Придется ползти под камерой на индейский манер... Я осторожно лег на живот и пополз, чувствуя, что именно здесь специально для меня собраны колючки со всей Австралии. Вообще-то я напрасно опасался реакции Спотти. Как истинный артист, он был настолько поглощен и восхищен собственным исполнением, что при желании я мог бы выдернуть ему все хвостовые перья. Но кто мог поручиться, что этот Нарцисс не пробудится от транса и не оборвет выступление? Поэтому я старался двигаться медленно и незаметно. Именно в эти минуты я постиг важнейшую житейскую мудрость: шип, что вонзается в вашу плоть постепенно, причиняет боль неизмеримо более сильную, чем шип, который вонзается мгновенно. Все же мне в конце концов удалось перенести микрофон в точку, где можно было не бояться, что он рассыплется от мощного голоса

Д лирохвоста. Четверть часа, пока Спотти изливал свою душу в песне, мы с Крисом пребывали в неловких позах. Но вот прозвучала восхитительная завершающая трель, после чего Спотти опустил хвост, поправил крылья и величаво удалился с площадки в кустарник.

Крис повернулся ко мне с округлившимися глазами и недоверчивым выражением лица, обычным для него, когда все идет на лад.

— Кажется, вышло неплохо, — вымолвил этот мастер преуменьшать.

Я освободил середину живота от многочисленных образцов австралийской растительности, встал и внимательно посмотрел на него.

— По-моему тоже, неплохо, — подтвердил я. — Конечно, было бы гораздо лучше, если бы он подписал контракт и приехал в Бристоль, чтобы повторить все на студии.

Крис испепелил меня взглядом, мы собрали снаряжение и пошли обратно к просеке.

— Удалось что-нибудь снять? — взволнованно спросила Джеки.

— Да, кое-что сняли, — ответил Крис с видом престарелого государственного деятеля, не желающего признаться, что ни он сам, ни его партия не знают толком, в чем суть его политики. — Но пока еще неизвестно, что получится.

— Это было как игра в кости, — объяснил я Джеки. — И почти все шансы против нас. В нашу пользу только одно: мы находились в полутора метрах от придурковатого лирохвоста, который исполнял свои лучшие номера. Ближе нельзя было подойти без риска, что певец проглотит микрофон, но, конечно, с точки зрения Парсонса, это типичный случай съемки наобум.

Крис яростно поглядел на меня, однако не успел дать сдачи, потому что в эту минуту из кустарника, весело и фальшиво что-то насвистывая, ленивой походкой вышел Джим. Он добродушно улыбнулся нам, положил на землю камеру и любовно ее погладил.

— Нет маленьких людей, — сказал он. — Не горюй, Крис... дело в шляпе... я все снял... положишь на Джима.

— Что ты снял? — недоверчиво спросил Крис.

— Все сокровенные тайны жизни и быта лирохвостов, — небрежно произнес Джим. — Прихожу, а они там бегают туда-сюда, топают ногами, из себя выходят. После Дворца танцев в Слау мне еще не приходилось видеть ничего подобного.

— Что ты снял? — резко повторил Крис.

— Я же тебе говорю — все. Как лирохвосты бегают и трясут хвостом друг перед другом. Пока вы тут копались, я отошел на несколько шагов и

один все сделал. Спас наш фильм. Ладно, так уж и быть, разделим Большой приз телевидения поровну.

Прошло еще несколько минут, прежде чем мы добились от него внятного и вразумительного рассказа, что именно он снял. Эти кадры и в самом деле оказались чуть ли не лучшими за всю нашу экспедицию.

Возмущенный нежеланием лирохвостов сотрудничать с нами, Джим немедленно ринулся в заросли, как только услышал их крики, и застал такую сцену, которую мало кому доводилось видеть, не говоря уж о том, чтобы как-то зафиксировать увиденное на пленку. В ложине с вполне достаточным для съемок освещением он обнаружил самца, преступившего границу территории соперника. Необыкновенное зрелище! Хозяин участка расправил в воздухе свой хвост, напоминающий белое облачко, наклонил голову и сделал выпад, топая ногами и раскачиваясь. Нарушитель отлично понимал, что провинился, однако, оберегая свой престиж, тоже расправил хвост и принялся топать ногами и раскачиваться. При этом оба громкими, раскатистыми голосами кричали друг другу что-то оскорбительное. Из-за пышных хвостов почти не видно было самих птиц, и они напоминали какие-то одушевленные искрящиеся водопады, к которым внизу приделали ноги, а хвостовые перья шуршали, будто осенние листья на ветру. Наконец нарушитель решил, что достаточно постоял за свою честь, и отступил, после чего Джим, ликуя, вернулся к нам. Пусть нас непрерывно поливал дождь и донимал холод, какого я не помню со времен путешествия в Патагонию, — мы все-таки сняли лирохвостов.

Следующей нашей задачей было попытаться снять сумчатую белку. Одно время казалось, что этот маленький, очень милый зверек совершенно исчез с лица земли. Впервые его открыли в 1894 году, и в музейных коллекциях хранилось немало шкурок сумчатых белок, но затем он внезапно пропал, и, так как область распространения вида была очень невелика, все решили, что он вымер. А в 1948 году, к удивлению скептически настроенных натуралистов, в эвкалиптовом лесу неподалеку от Мельбурна была обнаружена маленькая популяция сумчатых белок. Точное место держали в секрете из опасения, что натуралисты (из самых добрых побуждений) и экскурсанты нагрянут туда и все испортят.

Вот почему меня ничуть не удивила реакция мистера Батчера, когда в ответ на мои слова о том, что нам очень хотелось бы снять сумчатую белку, он смерил меня взглядом, в котором было столько же подозрительности, сколько сочувствия. Он сказал, что, хотя район обитания этих животных приблизительно известен, пока не определены ни границы ареала, ни количество особей, поэтому мы можем неделями бродить по лесу и ничего не

Д увидеть. Мои кости еще помнили промозглую сырость Шервудского леса, тем не менее я с храброй улыбкой ответил, что это ничего не значит, если есть хоть малейшая надежда выследить этих робких зверьков. Разумеется, добавил я, мы сохраним в секрете место их обитания, а если нам удастся заснять хотя бы несколько кадров с сумчатыми белками, это будет очень важно для нас и для фильма, который мы намереемся посвятить охране фауны. Только бы мистер Батчер отверз свои уста и доверил нам тайну, а мы, продолжал я (бесцеремонно распоряжаясь судьбой Джеки, Криса и Джима), готовы ночи напролет бродить по лесу ради того, чтобы хоть одним глазком взглянуть на сумчатую белку.

То ли тупость моя подействовала, то ли верность долгу, а может, то и другое вместе, во всяком случае, мистер Батчер печально вздохнул и сказал, что, уж так и быть, он отправит нас в район обитания белок в сопровождении молодого ученого, вновь открывшего пропавший вид, но за результат не ручается. А пока, на тот случай, если из этой затеи ничего не выйдет, он предлагает мне посмотреть кое-что. И мистер Батчер провел меня в принадлежащую Управлению обширную лабораторию, полную банок с заспиртованными зверьками, карт, диаграмм и прочих предметов ученого обихода. Перед небольшой вертикальной клеткой, напоминающей шкафчик с проволочной дверцей, он остановился, отворил дверцу, сунул руку внутрь и, к моему несказанному удивлению, извлек из маленького ящичка двух толстых, большеглазых и чрезвычайно добродушных сумчатых белок.

Это было так же невероятно и так же волнующе, как если бы мне вдруг преподнесли живых додо или детеныша динозавра. Лежа у меня на ладонях, плюшевые зверушки подергивали носами и ушками и глядели на меня большими темными глазами, еще мутноватыми от столь бесцеремонно нарушенной сладкой дремоты. Животные были ростом с галаго, мех — гладкий и мягкий, как у крота, с красивым узором из пепельных, белых и черных полос, а волосы на беспокойных хвостиках — тонкие, словно нити стеклянной ваты. У них были округлые, добродушные мордочки и крохотные, изящные лапки. Очнувшись от сна, они сели на задние лапы, степенные и дородные, и милостиво приняли от меня угощение в виде мучных червей. Тем временем мистер Батчер объяснил, что, когда эти обаятельные зверушки были открыты вновь, исследователи решили, что не худо бы поймав пару и попытаться приучить их к неволе на случай, если маленькую колонию постигнет какое-нибудь несчастье.

Налюбовавшись очаровательными существами, мы сжалились и вернули их в спальню: пусть спят дальше. Затем мистер Батчер представил нас Бобу Уонерку, рослому, плечистому молодому австралийцу с приятной

шечностью. Боб занимался сумчатыми белками, и он сказал, что охотно покажет нам их последний оплот, однако встречи с ними не гарантирует. Мы ответили, что все понимаем и ни на что не претендуем, так как это не первый случай в нашей практике.

Ночью, когда Боб заехал за нашей четверкой, чтобы проводить нас к сумчатым белкам, небо было безлунным и стоял страшный мороз. Мы забрились в «Лендровер», напялив на себя все, что нашлось из одежды, и все равно у нас зуб на зуб не попадал. Следуя за машиной Боба, мы выехали из Мельбурна; сперва дорога шла по сравнительно ровной, открытой местности, а потом начался подъем, и мы очутились в высоком, глухом эвкалиптовом лесу, причем в свете фар стволы казались еще более причудливо изогнутыми, чем днем. По мере подъема становилось все холоднее.

— Приезжайте в солнечную Австралию, — задумчиво произнес Джим. — Помните рекламу? В страну, где тридцать градусов в тени и все ходят смуглые... Типичное надувательство.

— Но ведь в Англии в самом деле так считают, — возразил я. — Вот уж не думал, что тут будет такой холод.

— Сейчас бы несколько хороших грелок, или электрический камин, или что-нибудь в этом роде, — донесся голос Джеки, приглушенный мехом куртки, в которую она куталась.

Наступила короткая пауза; я соображал, не завалялась ли где у меня бутылка виски.

— А вот я однажды, — предался воспоминаниям Джим, — поджег постель феном.

Мы молча переваривали эту информацию, пытаясь представить себе, как это могло произойти. Конечно, Джим все может, но... в конце концов мы сдались.

— Ну? — сказал я.

— Я тогда только что женился. Мы с женой снимали меблированную комнату. Хозяйка была настоящая собака, вы понимаете, о чем я говорю: того не делай, этого не делай. Я ее боялся как огня. А холод стоял страшный, и у нас нечем было согреть постель, только фен жены. Здорово он нас выручал. Кладешь подушки по сторонам, между ними сушилку, накрываешь одеялом — и все в порядке: через полчаса у вас приятная теплая постель.

Джим смолк и печально вздохнул.

— Но однажды ночью, — продолжал он, — что-то разладилось. Не успели мы оглянуться — пшшш! — вся постель загорелась. Дым, пламя, перья летят во все стороны. Мы больше всего боялись хозяйки, как бы она не пропыхала, а то выбросит на улицу среди ночи. Я всю кровать облил во-

Д

дой, когда тушил, представляете себе, сколько грязи было. Полночи мы занимались уборкой, а вторую половину провели на стульях. На следующий день пришлось потихоньку выносить матрац и покупать новый. С тех пор — никаких электрических штучек. Только обычные грелки с горячей водой.

Забираясь все выше в горы, мы углубились в эвкалиптовый лес и находились уже на изрядном расстоянии от Мельбурна. Наконец машина Боба свернула с шоссе на ухабистый проселок, который на первый взгляд вел в непролазную чащу, однако через двести-триста метров мы увидели поляну с крохотным домиком. Здесь машины остановились, мы выгрузились сами и выгрузили снаряжение. Боб захватил с собой охотничьи фонарики (из тех, что укрепляют с помощью ремешка на голове, а батарейку подвешивают на поясе), и теперь он раздал их нам. Приготовив всю аппаратуру, мы гуськом отправились по дороге в лес. Шли медленно, тихо, время от времени останавливаясь, чтобы прислушаться и посветить кругом. Тишина царилла полная. Как будто эвкалипты только что лихо исполняли буйную пляску, но, заметив нас, насторожились и застыли. Казалось, урони булавку, и все услышат: единственным звуком был шелест листвы под ногами. В такой жуткой тишине мы прошли с полкилометра. Это было похоже на то, как если бы мы очутились в пещере в недрах земли и кругом торчали не эвкалипты, а причудливые сталагмиты. Но вот Боб остановился и кивнул мне.

— Отсюда примерно на полтора километра простирается участок, где мы их обычно встречаем, — прошептал он и добавил: — Если вообще встречаем.

Наше продвижение возобновилось, а уже через несколько метров Боб вдруг замер на месте и направил луч фонаря на землю метрах в пяти от нас. Мы затаили дыхание. Впереди в кустах что-то еле слышно шуршало. Боб стоял неподвижно, только светил во все стороны, будто маяк. По-прежнему слышался шорох, но никто не показывался, и тут внезапно луч фонарика выхватил из мрака одного из самых причудливых зверьков, каких мне когда-либо доводилось видеть. Он был величиной с кролика, с длинным, посапывающим носиком, яркими бусинками глаз и заостренными, как у чертика, ушками. Шерстка грубая, коричневая с желтым отливом, хвост совсем крысиный. Зверек брел по опавшей листве и усиленно что-то вынюхивал; время от времени он останавливался, чтобы поскрести землю своей аккуратной лапкой, — видимо, искал насекомых.

— Кто это? — прошептала Джеки.

— Это длинноносый бандикут, — шепнул я в ответ.

— Не оstri, — прошипела она. — Ответь толком.

— Я не виноват, что их так называют, — рассердился я.

А длинноносый бандикут, не подозревая, что моя жена не верит в его существование, между тем вспахивал носом кучу листьев, словно бульдозер какой-нибудь диковинной конструкции. Внезапно он сел и с минуту чрезвычайно энергично и сосредоточенно чесался. Отведя душу, он еще несколько секунд посидел как бы в забытии, вдруг сильно чихнул и, продолжая вспахивать листья, скрылся в кустах.

Мы прошли крадучись еще несколько сот метров и очутились на лужайке. Здесь нас ожидало второе доказательство того, что лес не такой уж безжизненный, каким он казался. Мы остановились и направили фонарики на кроны ближайших эвкалиптов; неожиданно в лучах света огромными рубинами засверкали четыре глаза. Осторожно ступая, мы заняли более удобную позицию и разглядели тех, кому принадлежали светящиеся глаза. На первый взгляд эти животные напоминали большущих черных белок, но с гладкими хвостами. Они высунулись из дупла, которое образовалось на месте обломившегося сука. Свет потревожил зверьков, они выбрались на ветку, и это позволило нам лучше разглядеть их. Сходство с белкой оказалось чисто внешним. Уши у них пушистые и листовидные, мордочки — круглые, чем-то похожие на кошачьи, с маленькой пуговкой носа. Вдоль боков тянулась кожная перепонка, и, когда зверьки сидели, как теперь, она лежала на их ребрах складками, точно занавеска. Я сразу понял, что это какие-то сумчатые белки, но не знал, какие именно.

— Кто это? — шепотом спросил я Боба.

— Большие сумчатые летяги, — ответил он тоже шепотом. — Самые крупные из сумчатых летяг... Их здесь довольно много. Постойте, может, мне удастся заставить их спланировать.

Он поднял с земли палку и направился к дереву. Зверьки с благодушным любопытством наблюдали за ним. Подойдя к стволу, Боб раз-другой сильно ударил по нему палкой, и тотчас любопытство сменилось паникой. Животные заметались по ветке, испуганно вереща, словно две старые девы, обнаружившие под кроватью мужчину. Им было явно невдомек, что не меньше двадцати метров разделяет их и Боба, так что бояться нечего. Боб вновь принялся колотить по стволу; смятение сумчатых летяг возрастало, и наконец одна из них с каким-то кошачьим мяуканьем оттолкнулась от ветки и прыгнула в воздух. При этом она вытянула все четыре лапы, кожные перепонки по бокам расправились и превратились в «крылья», а сам зверек стал почти прямоугольным, если не считать, что спереди торчала голова, а сзади длинный хвост. Поразительно ловко, словно искусный планерист, бесшумно делая сложные повороты, он пролетел над прогалиной и с легкостью бумажного голубя приземлился на другом стволе, метрах в двадцати пяти от первого. Тут и второй зверек последовал за ним таким же

Д

манером и сел на то же дерево, чуть пониже. Воссоединившись, они принялись карабкаться вверх по стволу и вскоре исчезли в густой кроне. Полет этих милых созданий произвел на меня сильнейшее впечатление, особенно — расстояние, которое они покрыли, однако Боб заметил, что это далеко не предел: известны случаи, когда сумчатые летяги одним прыжком покрывали расстояние до ста метров, а шестью последовательными прыжками — до шестисот метров.

Но хотя увиденные нами животные были удивительно интересными, мы еще не выследили главную дичь, а потому продолжали углубляться в лес. Мы продвигались так медленно, описывая кривые в зарослях, что казалось, будто позади уже не один километр, на самом же деле мы не прошли и пятисот метров. Кто-то заметил на дереве еще какого-то зверька, но это была ложная тревога, зверек оказался малой сумчатой летягой. В свете фонарика она и внешностью, и размерами очень напоминала сумчатую белку, однако мы сразу ее опознали, как только она прыгнула и исчезла, паря среди ветвей, будто пепел над костром. Шел уже первый час ночи, от холода я не чувствовал ни рук, ни ног и с вожделием думал о горящем камине и о чае с виски. Внезапно Боб остановился и осветил молодую эвкалиптовую поросль перед нами, потом быстро шагнул в сторону и опять повел лучом по листве. А когда он поймал нужную точку, мы неожиданно увидели толстую, пушистую сумчатую белку, которая абсолютно невозможно лежала на ветке всего в трех-четыре метрах от нас.

Мне уже доводилось видеть этих редких животных в мельбурнской лаборатории Управления природных ресурсов, но это нисколько не умерило моего восторга от встречи с одним из представителей вида в его родном эвкалиптовом лесу. Направив на него фонарик, я жадно впитывал все подробности. Зверек лежал боком к нам и мигал своими большими темными глазами, словно давая понять, что яркий свет ему мешает. Немного погодя он попробовал сесть и причесать свои усы, однако опора была слишком узка для такого маневра, и зверек сорвался. В последнюю секунду ему удалось уцепиться за ветку, и он повис, силясь дотянуться до нее задними лапами — точь-в-точь как неопытный и весьма тучный акробат, впервые имеющий дело с трапедией. Наконец он подтянулся и, переведя дух, с озабоченным видом медленно побрел по ветке. Неожиданно зверек с поразительной при такой комплекции скоростью и энергией прыгнул, пролетел метра два по воздуху и легко, как пушинка, опустился на другую ветку. А тут — представляете себе нашу радость! — навстречу из листвы выбежала его супруга. Они взволнованно приветствовали друг друга тоненьким писком, затем она села на корточки и принялась расчесывать шерсть сво-

что повелителя, который воспринял эту процедуру с явным удовольствием. Ни свет, ни наш шепот их нисколько не тревожили, но тут я неосторожно наступил на сучок, и он сломался с таким звуком, словно выстрелила небольшая пушка. Белки замерли в разгар нежного объятия, потом молниеносно повернулись и тремя грациозными прыжками скрылись в сумраке леса. Проклиная свою неловкость, я утешал себя мыслью, как нам повезло, что мы вообще увидели сумчатых белок, и не просто увидели, а минут десять наблюдали их личную жизнь.

Мы возвратились на поляну, где стояли машины, и вошли в домик. И вот уже жаркое пламя гудит над душистыми эвкалиптовыми поленьями, и мы сидим перед огнем и изгоняем холод из окоченевших конечностей с помощью смеси из виски, горячей воды и большого количества сахара. Наконец, когда наши ткани обрели чувствительность, а щеки начали гореть, мы уселись в «Лендровер» и покатали обратно в Мельбурн. Путь предстоял долгий, зато позади был вечер, который я не променял бы ни на что на свете.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЛНО ДЕРЕВО МЕДВЕДЕЙ

«Он телом нескладен, он скуден умом...»
(Так часто говаривал Сторож.)

«Охота Ворчуна»

Температура в кабине «Лендровера» достигла тридцати с лишним градусов, и мы изнемогали от пыли, жары и усталости. Позади был долгий путь: выехав из Мельбурна, мы пересекли Новый Южный Уэльс и теперь катили по Квинсленду. После ледящей изморози, которая донимала нас в Мельбурне, контраст с безоблачным голубым небом и палящим солнцем казался особенно резким. И никто из нас не смел роптать — ведь всего сутки назад мы проклинали холод и молили небо послать нам немного солнца. Теперь солнца было столько, что мы обливались потом. Но вот дорога плавными петлями начала спускаться в долину, где плечом к плечу стояли шлепастые розовоствольные эвкалипты, и на обочине мы увидели дощечку с надписью:

ОСТОРОЖНО
НОЧЬЮ ЗДЕСЬ ПЕРЕХОДЯТ КОАЛЫ

Д

Я понял, что мы приближаемся к цели — заповеднику Дэвида Флея в Баррен-Пайпз.

Дэвид Флей, верно, один из самых известных натуралистов Австралии. Уже много лет он пишет об удивительной фауне своей страны, и это он первым добился того, что утконосы стали размножаться в неволе. Я давно слышал о деятельности Дэвида Флея и очень хотел познакомиться с ним лично. Многолетний руководитель заповедника Хилсвилл в Виктории, он недавно оставил эту должность, переехал в Квинсленд и основал свой собственный заповедник на Золотом Берегу — так называют полосу солнечных пляжей, слывущих австралийской Ривьерой. Через полчаса, миновав еще три предупреждающих знака, мы поравнялись с симпатичным домиком, примостившимся на склоне, с которого открывался вид на эвкалипты всех сортов и цветущие субтропические растения, радующие глаз яркими красками. Колокольчик висел на виду, мы позвонили и стали смиренно ждать. Наконец появился Дэвид Флей.

Если можно о ком-нибудь сказать, что он выглядит как типичный австралиец, так это о Дэвиде Флее. Он воплощает собой австралийца, каким его принято представлять себе, но какого вы очень редко увидите в жизни. Рост сто восемьдесят сантиметров с гаком, отличное сложение, однако не за счет мускулов — не тяжеловес, а скорее гибкий хлыст. Обветренное, морщинистое лицо, добрые, умные голубые глаза с лукавой искоркой. Портрет типичного «оси» довершала стетсоновская шляпа, в которой он выглядел так, словно только что вернулся из набега на какой-нибудь пограничный поселок.

Дэвид приветствовал нас сердечно и в то же время с какой-то приятной застенчивостью. Многие люди, достигнув тех же высот славы, что и он, склонны мнить о себе больше, чем это оправдывается их делами; Дэвид же держался так мягко и скромно, что беседовать с ним было одно удовольствие. О себе он не говорил вовсе, только о своих животных, которые составляли смысл его жизни. Об утконосах я уже упомянул, но, помимо них, Дэвид держал и разводил столько мелких и редких австралийских сумчатых, что тут никто на свете с ним не сравнится; его познания в этой области неоспоримы.

Многие из животных Дэвида — кенгуру, валлаби, эму и другие — содержались в просторных загонах, куда можно было войти через автоматически запирающиеся двери. В итоге посетитель оказывался, так сказать, в одной клетке с животными — превосходно придумано, ибо это способствовало более непринужденным отношениям с объектом исследования. Захватив большое ведро, полное хлебных корок, Дэвид провел меня к самому

иместительному загону, где бок о бок жили кенгуру, валлаби, ибисы и молоддой, метрового роста казуар по кличке Клод. Волосовидное оперение Клода выглядело так, словно он за всю свою жизнь ни разу не причесывался; откровенно говоря, больше всего он напоминал небрежно связанную метелку из перьев для смахивания пыли. Ноги толстые, страусиные, клюв как у знаменитого диснеевского утенка Дональда Дака, взгляд решительный и властный. И хотя Клод был намного меньше кенгуру и валлаби, с которыми делил загон, не оставалось никакого сомнения, кто здесь хозяин.

Мы с Дэвидом сели на поваленный ствол и начали раздавать угощение. В тот же миг нас окружила целая толпа суесящихся кенгуру и валлаби, которые нетерпеливо тыкались мягкими носами в наши руки, спеша получить корки. Клод в это время стоял в дальнем конце загона и, судя по его виду, размышлял о греховности мира сего; вдруг до него дошло, что он рискует прозевать бесплатный обед. Он стряхнул с себя оцепенение и вприпрыжку помчался к нам, громко топая своими ножищами. Осадившие нас животные преграждали ему путь, но Клод живо пробился в первые ряды, ризгоняя пинками всех мешавших ему кенгуру и валлаби. Они явно привыкли к подобным атакам и прытко отскакивали в сторону, а один раз, когда Клод хотел наподдать большому серому кенгуру обеими ногами, тот (нуг ведь трус!) увернулся, и казуар с размаху сел на землю. Сверкая глазами, он поднялся на ноги и с такой решимостью пошел на сумчатых, что они бросились врассыпную, словно стадо овец перед овчаркой. Любой из крупных кенгуру мог одним метким пинком уложить Клода наповал, но они были слишком хорошо воспитаны. Обратив в бегство соперников, казуар вернулся к нам и начал поглощать хлебные корки с такой жадностью, что кто не видел — не поверит. Однако кенгуру и валлаби вновь стали подступать, и Клоду то и дело приходилось отрываться от еды, чтобы отгонять их. Взрослые казуары достигают почти полутора метров, и я невольно подумал, что, если Клод и впредь будет столь же воинственно относиться к другим животным, пожалуй, лучше всего со временем отвести ему персональный загон.

В следующем загоне Дэвид держал своих эму — крупных медлительных птиц с крайне тупым и самодовольным видом. Один эму, с белым оперением и лазоревыми глазами¹, сидел на гнезде, в котором лежало четыре яйца. Семейная жизнь этих птиц налажена так, что она удовлетворила бы самую ярую суфражистку: испытав, так сказать, радости брачного ложа,

¹ Речь, несомненно, идет об эму-альбиносе. — *Примеч. ред.*

Д

самка откладывает яйца и спешит выбросить из головы всю эту гадость. Самец строит гнездо (если можно его так назвать), переносит в него яйца и преданно их насиживает, даже ничего не ест, а когда птенцы вылупятся, он пестует их, пока они не подрастут настолько, что могут сами о себе позаботиться. А самка все это время преспокойно развлекается в эвкалиптовых кущах — это ли не верх эмансипации!

Мне хотелось посмотреть на яйца, которые так старательно насиживал белый эму, и Дэвид сказал мне, чтобы я вошел в загон и попросту спихнул отца с гнезда — он, мол, совершенно ручной и ничуть не обидится. До этого дня я и не подозревал, как трудно столкнуть с гнезда сопротивляющегося эму. Во-первых, он кажется невероятно тяжелым, не меньше тонны, во-вторых, за него никак не ухватишься. Эму знай себе сидел на гнезде, и, сколько я ни возился с этим нескладным созданием, мне никак не удавалось сдвинуть его с места, только перья поддались моим усилиям. Наконец, подсунув ему под грудь колено и действуя им как рычагом, я заставил папашу встать и оттолкнул его, после чего, пока эму не улегся опять, поспешил наклониться над яйцами, словно сам собирался их насиживать. Стоя за моей спиной, белый эму сосредоточенно смотрел на меня. Несмотря на уверения Дэвида, что он совсем ручной, я не спускал с него глаз — ведь эму ничего не стоило прикончить меня одним ударом ноги, а я не представляю себе более унижительной смерти для натуралиста, чем смерть от пинка птицы.

Яйца длиной около пятнадцати сантиметров казались сделанными из оливково-зеленой керамики очень красивого темного оттенка с каким-то скульптурным узором по всей скорлупе наподобие барельефа. Разглядывая их, я увлекся, на миг забыл про хозяина гнезда и с ужасом обнаружил, что он воспользовался случаем и подкрался ко мне вплотную. Внезапно могучее тело эму навалилось на меня сзади, так что я едва не упал на яйца, а длинная шея легла на мое плечо, и, повернув голову, он благодушно уставился мне в лицо с расстояния менее четверти метра.

Одновременно в груди птицы родился рокошующий звук, словно некий обезумевший танцор в солдатских ботинках отплясывал чечетку на большом барабане. Не зная, как воспринять этот маневр эму, я предпочел стоять неподвижно, глядя в его голубые гипнотизирующие глаза. А папаша тем временем совсем вывернул шею, словно решил проверить — может, вверх ногами я выгляжу симпатичнее. Вновь прозвучал глухой рокот, и эму, упираясь ногами в землю, начал настойчиво подталкивать меня к гнезду. Очевидно, он полагал, что я должен разделить с ним его обязанности, но

у меня на очереди были более важные дела, чем насиживание страусовых яиц. Медленно, чтобы не обидеть его, я выпрямился и удалился. Эму пронодил меня печальным взглядом, и весь его вид свидетельствовал о том, что он был обо мне лучшего мнения. Наконец он решительно встряхнулся (при этом его перья зашелестели, точно дубовые листья на ветру), шагнул к гнезду и бережно лег на драгоценные яйца.

Как только я пришел в себя после интрижки с эму, Дэвид повел меня смотреть животных, которыми он чрезвычайно гордился, и не без основания, ибо речь шла о питомнике тайпанов — самых грозных змей Австралии. Держать змей в неволе само по себе нелегко, добиться от них потомства еще труднее, а заставить размножаться в неволе таких редких и путильных тварей, как тайпаны, — это настоящий подвиг. Тайпан — третья в мире по величине ядовитая змея (уступает только королевской кобре и черной мамбе), он достигает в длину трех с половиной метров. Крупный экземпляр выделяет при укусе до трехсот миллиграммов яда — вдвое больше, чем любая другая австралийская ядовитая змея, — а роль шприца играют зубы длиной почти в полтора сантиметра. Не так-то приятно получить такую инъекцию...

Питомцы Дэвида возлежали в элегантных позах в благоустроенной клетке и были очень хороши собой. Спина — цвета надраенной меди, живот перламутровый, голова светло-коричневая. Тонкая шея и большие яркие глаза подчеркивали красоту и грозный вид тайпанов. Дэвид рассказал о волнующих минутах, которые он пережил, ловя этих змей. Впрочем, не только волнующих, но и опасных, ибо укус тайпана способен за пять минут убить лошадь. Он показал мне двухметровую красавицу Александру — гордую мамашу, которая ежегодно откладывала до двадцати яиц. Эти яйца Дэвид переносил в особый инкубатор, и через сто семь дней из них вылуплились змееныши. Интересно, что при размере яиц шесть на четыре сантиметра из них выходят детеныши длиной около полуметра; тайпаны явно знают секрет, как влить море в наперсток. Дэвид регулярно «доит» своих змей и отправляет яд в лабораторию Содружества, где делают сыворотку, которая уже спасла жизнь многим жертвам тайпанов. «Доеение» происходит так: стакан или другой стеклянный сосуд накрывают марлей, берут змею, открывают ей пасть и просовывают ядовитые зубы сквозь марлю. Яд капает с зубов в сосуд.

В эту минуту властно прозвенел висящий снаружи дома колокольчик, и два австралийских журавля в загоне поблизости расправили крылья и принялись лихо отплясывать, закинув голову и громко трубя.

Д

— Чай готов, — объяснил Дэвид. — Они всегда танцуют, как услышат колокольчик. Очень удобно для съемок.

Журавли продолжали свой буйный танец, а мы пили чай и любовались этими красивыми птицами: оперение дымчатого, графитового цвета, на голове — яркие красные и желтые метины. Как и большинство журавлей, они танцевали превосходно, очень изящно выполняя разные па, пируэты и поклоны. На воле австралийские журавли иногда собираются большими группами и устраивают своего рода птичий бал, вальсируют и прыгают с партнерами под голубым небом. Я не раз слышал, что это одно из самых замечательных зрелищ, какие можно увидеть в Австралии.

После чая мы пошли смотреть животных, которым Дэвид больше всего обязан своей славой, — удивительных утконосов.

Об утконосах написано столько, что, как говорится, дальше некуда, и все-таки стоит еще раз перечислить самые примечательные особенности этих редкостных, невероятных созданий. У них упругий клюв и перепончатые ноги, как у утки; тело покрыто короткой, очень мягкой шерстью, как у крота; хвост короткий и веслообразный, как у бобра; задние ноги самца вооружены шпорами с ядом, который почти так же опасен, как яд змеи, и в довершение всего, хотя утконос — млекопитающее (то есть он теплокровный и выкармливает свое потомство молоком), его детеныши вылупляются из яиц. Правда, в отличие от других млекопитающих у него нет сосков, их заменяет так называемое железистое поле: молоко выделяется через мелкие отверстия, и детеныши не сосут его, а слизывают. Утконосы — насекомоядные, они питаются пресноводными рачками, червями и личинками, причем каждый утконос съедает за ночь столько, сколько весит сам. Чудовищный аппетит этого животного — одна из многих причин, почему его так трудно содержать в неволе.

Чета, которую нам показал Дэвид, обитала в специально устроенном им «платипусариуме» (платипус — утконос). Платипусариум состоял из большого мелкого пруда и размещенных на берегу деревянных «спален» — неглубоких ящичков, выстланных сеном и соединенных с водой длинными ходами, обитыми изнутри резиновой губкой. Дело в том, что утконосы всегда роют себе узкие ходы, и, когда они возвращаются из воды в нору, лишняя влага отжимается из шерсти трением о стенки. В неволе, как установил Дэвид, лучше всего выстилать ходы сеном или губкой, которые выполняют ту же функцию. Если утконос попадет в свою «спальню» мокрым, он почти неизбежно простудится и погибнет.

Пруд был пуст, когда мы подошли к нему; тогда наш любезный хозяин открыл одну «спальню», сунул руку в шуршащее сено и извлек оттуда утко-

ника. Мне никогда не доводилось видеть живых утконосов, но я уже давно знал их по фотографиям и по фильмам. Я читал про их своеобразное строение, сколько яиц они откладывают, чем питаются и так далее. Сложно, мне казалось, что я их основательно изучил, но, глядя на извивающуюся зверька на руках у Дэвида, я вдруг понял, что многолетнее заочное знакомство не дало мне равным счетом никакого представления об индивидуальности утконоса. Причудливый изгиб клюва создавал видимость постоянной благодушной улыбки; в круглых карих глазах-пуговках выражалась острая личность. Я бы сравнил утконоса с одним из милых родственников Дональда Дака, одетым в меховую шубу, которая была ему явно велика. Казалось, он сейчас закрикает, — и в самом деле, звук, издаваемый утконосом, напоминал недовольное квохтанье сердитой наседки. Дэвид опустил его на землю, и утконос заковылял, словно детеныш выдры, с любопытством обнюхивая все на своем пути.

Дэвид не только разработал методы содержания утконосов и первым в мире добился того, что они размножались в неволе, — он дважды брался за такое рискованное дело, как доставка утконосов в нью-йоркское Зоологическое общество. Страшно даже подумать обо всех трудностях, сопряженных с таким предприятием! Надо припасти на дорогу тысячи рачков, червячков и головастиков, изготовить специальный платипусариум; надо исподволь, осторожно подготовить животных к путешествию, ведь утконосы чрезвычайно впечатлительны, чуть что не так — откажутся от пищи и захихнут. О выдержке и сноровке Дэвида говорит уже тот факт, что оба раза он благополучно довез своих питомцев до США, и они много лет жили и здравствовали на новом месте.

— Знаете, в Англии в войну ходил один странный слух, — сказал я Дэвиду. — Это было примерно в сорок втором, если не ошибаюсь. Кто-то рассказал мне, будто в Лондонский зоопарк был отправлен утконос. Больше я ничего не слышал и решил, что все это пустые разговоры. Вы случайно не знаете об этом?

— Нет, то были не пустые разговоры, — усмехнулся Дэвид. — Это факт.

— Как, — удивился я, — в разгар мировой войны через все моря везли утконоса?

— Вот именно, — подтвердил Дэвид. — Чистое сумасбродство, верно? В самый разгар войны Уинстон Черчилль вдруг решил, что ему нужен утконос. То ли он рассчитывал, что это хорошее средство поднять дух людей, то ли собирался как-то обыграть это в пропаганде, то ли захотел получить

Д утконоса — не знаю. Так или иначе, Мензис обратился ко мне и поручил поймать утконоса, приучить его к неволе и подготовить к плаванию. Ну так вот, я поймал красивого молодого самца, готовил его полгода, потом решил, что можно его отправлять. Проинструктировал человека на судне, которое должно было везти утконоса, снабдил его кучей письменных наставлений. Команда страшно увлеклась этим заданием, все старались мне помочь, и вот утконос вышел в плавание на «Порт Филипе».

Дэвид остановился, внимательно посмотрел на утконоса, который вознамерился съесть его ботинок, нагнулся, осторожно взял озорника за хвост и водворил обратно в «спальню».

— Представьте себе, — продолжал он, — утконос пересек весь Тихий океан, прошел Панамский канал, пересек Атлантику, и вдруг в двух днях пути от Ливерпуля — подводные лодки! Понятно, пришлось бросать глубинные бомбы. А утконосы, как я уже говорил, страшно впечатлительны и очень восприимчивы к шуму. Разрывы глубинных бомб оказались для нашего путешественника последней каплей, и он испустил дух. В двух днях пути от Ливерпуля!

Мне эта история показалась одним из великолепнейших примеров донкихотства, о каких я когда-либо слышал. Человечество раскололось на два враждующих лагеря, идет самая лютая война в истории, а тут Черчилль с его неизменной сигарой приказывает, чтобы ему подали (подумать только!) утконоса. И вот уже на другом конце света Дэвид терпеливо растит молодого утконоса и старательно готовит его к долгому плаванию через моря, кишасшие подводными лодками. Жаль, что у этой истории не было счастливого конца. И все-таки: какой великолепный идиотизм! Сомневаюсь, чтобы Гитлер, даже в минуты умственного просветления, был способен на такое чудачество — в разгар войны потребовать утконоса!

Три дня мы занимались съемками, наслаждаясь очаровательным обществом Дэвида и его жены, а затем пришла пора укладывать снаряжение и отправляться в Мельбурн. Управление природных ресурсов организовало для нас особого рода «охоту», которую мы никак не хотели пропустить; к тому же мы надеялись по пути увидеть одну из удивительнейших птиц Австралии — глазчатую сорную курицу. Итак, мы простились с гостеприимными хозяевами, покинули их чудесный заповедник и направились на юг.

Первым «пунктом захода» был маленький городок Гриффитс в сердце Нового Южного Уэльса. По соседству с ним расположен довольно обширный район «малли»; здесь-то мы и надеялись найти глазчатую сорную курицу (она же курица-малли). В Гриффитсе нас встретил Бивэн Бауэн из Ор-

ганизации научного и промышленного исследования (ОНПИ). Под руководством Гарри Фрита, начальника Отдела природных ресурсов ОНПИ, Бивэн занимался изучением экологии и особенностей размножения сорной курицы, поэтому его попросили быть нашим проводником и консультантом.

Малли представляют собой кусты эвкалипта высотой от двух до четырех метров; местами они растут так густо, что их ветви переплетаются и образуют сплошной полог. На первый взгляд малли кажутся сухими и безотрадными, лишенными каких-либо обитателей, на самом же деле это один из самых интересных типов ландшафта в Австралии — многие виды птиц и насекомых приспособились к этой неблагоприятной среде, и их больше нигде не найдешь. Подобно тому как на изолированных архипелагах (так было на Галапагосе) нередко развивались уникальные виды, так и зарослям малли, протянувшимся цепочкой через весь континент, присуща своя особая фауна. И, несомненно, самый интересный вид, обитающий в малли, — глазчатая сорная курица, красивая птица с индейку величиной, которая (пользуясь выражением Гарри Фрита) строит «инкубаторы». К сожалению, мы попали в малли не в брачный сезон, но нам все-таки повезло увидеть и инкубатор, и его строителей.

Серо-зеленые заросли встретили нас жарой и безмолвием, и казалось, кругом нет ничего живого. Немного погодя Бивэн остановил машину и сказал, что дальше лучше идти пешком — больше шансов увидеть сорных кур, если они есть поблизости. И вот тут-то, во время нашей короткой прогулки, мы смогли убедиться, что малли вовсе не такие безжизненные, какими кажутся на первый взгляд. Спугнутые нами, шумно взлетали бронзовокрылые голуби; среди опавшей листвы у нас под ногами скользили тоненькие коричневые ящерки с золотистыми глазами. А перевернув гнилую колоду, я увидел притаившегося человеконенавистника — небольшого, но весьма злобного черного скорпиона. Я копнул рукой землю рядом и извлек на свет божий двух маленьких своеобразных тварей. Посмотришь — ну прямо золотые змейки длиной каких-нибудь десять сантиметров и со спичку толщиной, но приглядишься поближе, и различишь по бокам, в углублениях в коже, четыре крохотные ноги. Выходит, и это ящерицы, только с рудиментарными конечностями; когда надо двигаться, они их поджимают и ползут по-змеиному. Я был в восторге от своей находки, но Крис рвался вперед, ему не терпелось схватиться с большеногой курой. Я неохотно вернул ящерицу в лоно земли, и мы зашагали дальше.

Наконец, выйдя на поляну, мы в центре ее увидели что-то похожее на воронку от небольшой, но мощной бомбы. Окружность самой воронки не

Д превышала мусорный контейнер, зато ширина окружавшего ее земляного вала достигала четырех метров. Бивэн объяснил, что это и есть «инкубатор», и рассказал, как возникают эти странные земляные укрепления.

Зимой самец (иногда с помощью самки) вырывает здоровенную яму, заполняет ее отмершей растительностью, а сверху насыпает песок. Под действием дождя и солнца начинается гниение, и температура в инкубаторе повышается. Затем самец вскрывает гнездо, приходят самки и откладывают яйца в несколько слоев, тупым концом вверх. Самец тщательно засыпает их песком. Будь это рептилии, заботы самца на этом закончились бы, он удалился бы восвояси, предоставив солнцу «насиживать» яйца. Но сорные куры — не беспечные рептилии, самец следит за яйцами, и ему нужно, чтобы температура в «инкубаторе» держалась на уровне 35 градусов. Казалось бы, это непосильная задача для какой-то птицы, но самец сорной курицы отлично с нею справляется. То ли язык, то ли нежная оболочка внутри клюва (точно еще никому не удалось определить) служит термометром, и он с поразительной точностью определяет температуру в гнезде. Ежедневно самец погружает открытый клюв в песок и в зависимости от колебаний температуры либо снимает часть покрова, либо наращивает его. Шесть-семь месяцев он неотступно следит за тем, как бы драгоценные яйца не простыли или не испеклись. Его преданность долгу поразительна. Стоит показаться дождевой туче, как он со всех ног мчится к гнезду и насыпает конус из песка, чтобы дождевая вода стекала по этой «крыше». Попробуйте прийти с лопатой и добраться до яиц: тотчас прибежит самец и, стоя рядом с вами, будет засыпать гнездо ногами с такой же скоростью, с какой вы его будете раскапывать. В конечном итоге упорный труд самца вознаграждается — из яиц вылупляются птенцы, но им еще надо пробиться на волю сквозь более чем полуметровый слой горячего песка. Это дело долгое и нелегкое, птенцу требуется от двух до пятнадцати часов, чтобы выползти на поверхность. И когда он, совсем беспомощный, выберется из кучи, то обычно в полном изнеможении бредет в ближайшую тень, где ложится отдохнуть и набраться сил. Но через два часа птенец уже способен довольно быстро бегать, а через сутки он может летать.

Как только мы кончили исследовать кучу, Бивэн повел нас дальше в глубь малли. Продолжая поиски птиц, мы около часа безуспешно прочесывали заросли и уже готовы были сдаться, как вдруг Бивэн замер на месте и показал пальцем. Впереди на полянке, недоверчиво глядя на нас, стояли две глазчатые курицы. У них была очень приятная розовато-серая окраска, причем спину, крылья и хвост еще украшали рыжевато-коричневые, серые

и густо-золотые пятна. Ниже клюва на грудку спускался «шарф» с таким же узором. Птицы оказались намного красивее, чем я думал, и мне страшно хотелось подойти поближе. Мы начали подкрадываться к ним через заросли, но не прошли и нескольких метров, как курицы насторожились. С минуту они беспокойно ходили взад-вперед, потом направились в заросли, шагая четко и важно, словно встревоженные индейки, к которым подбирается повар.

Страшно подумать, что, если в ближайшие десять лет не будут приняты решительные меры, эти удивительные птицы могут исчезнуть с лица земли. Мало того, что завезенные лисы раскапывают «инкубаторы» и крадут яйца, опаснейшими конкурентами сорных кур стали кролики и овцы, которые наводняют малли и уничтожают растения и семена, составляющие их питание. Эти прожорливые и неразборчивые гости изменяют всю экологию зарослей, и лишенным пищи птицам остается либо уходить (если есть куда), либо погибать от голода. А недавно возникла еще одна угроза — со стороны земледельцев. Прежде никто из них не трогал малли, так как почва этих районов считалась неплодородной, но теперь открыли новые минеральные удобрения, позволяющие использовать эти земли под пшеницу. Значит, обширные площади малли, до сих пор служившие убежищем для сорных кур, будут расчищены и распаханы, а птица исчезнет. Разумеется, прогресс тормозить нельзя, но неужели во имя прогресса непременно надо уничтожать все на нашем пути? Сорные куры — одни из самых поразительных птиц на свете, уже поэтому они заслуживают права на жизнь. Немало времени и сил потрачено, чтобы привлечь внимание общественности и отстоять других представителей австралийской фауны, и это хорошо, так неужели нельзя сделать то же для глазчатой сорной курицы и хоть где-то сохранить эту птицу и ее специфическую среду обитания на радость грядущим поколениям?

Неподалеку от того же Гриффитса мы стали очевидцами картины, которая с потрясающей силой свидетельствовала о том, как важно наладить охрану животных. Рядом с дорогой, на колючей проволоке, ограждающей огромное поле, было развешано двадцать восемь орлов-клинохвостов. Их подстрелили и распяли вниз головой на ограде, устроив своего рода птичью Голгофу. Больше половины составляли едва оперившиеся птенцы. Пока мы снимали это жуткое зрелище, показался грузовик, в кузове которого сидели австралийцы.

— Нашли что снимать! — закричали они. — Из-за такой малости не стоит время тратить!

Д

— Из-за такой малости? Что они хотели этим сказать? — спросил я Бивэна. — По-моему, двадцать восемь убитых орлов — неплохая добыча.

— Они так не считают, — утрюмо ответил Бивэн. — Иногда на огаде можно увидеть до полусотни и больше убитых птиц.

Конечно, клинохвост — крупная и сильная птица, и он, несомненно, причиняет немалый ущерб фермерам, унося ягнят, так что этому хищнику нельзя позволять чересчур размножаться. Но хотя клинохвосты пока достаточно широко распространены, есть ли у них надежда выжить, если истребление будет продолжаться? На свете очень мало видов, хитрость и плодовитость которых позволили бы им выдержать подобный натиск.

Удрученные кровавым зрелищем, мы поехали дальше. Нас ждал Мельбурн, где мы надеялись запечатлеть на пленке пример успешной борьбы за спасение фауны с самым популярным животным Австралии в главной роли. Речь шла о медведе коала.

Разумеется, коала никакой не медведь, а сумчатое, которое, подобно многим другим австралийским животным, донашивает своих детенышей в выводковой сумке. Было время, когда коал нещадно отстреливали ради их шкурок. Трудно представить себе более беспомощную жертву — коалы совсем не боялись людей: сидя на деревьях, они преспокойно смотрели на охотников, которые убивали их сородичей. В 1924 году было экспортировано больше двух миллионов шкурок коал. А так как побоище пришлось на такое время, когда среди коал свирепствовала загадочная вирусная болезнь, косившая их сотнями, они вскоре оказались на грани полного уничтожения. К счастью, правительство своевременно вмешалось и приняло строгие постановления, охраняющие коал. Мало-помалу их число стало возрастать, а в последние годы возникла прямо противоположная проблема: коалы так быстро размножаются, что им уже не хватает корма. Вот и приходится Управлению природных ресурсов устраивать «охоту»: отлавливать часть коал и перевозить их в другие районы, пока они не начали умирать с голоду.

Отлов, на который нас пригласили, намечался в эвкалиптовом лесу под Мельбурном, в местности с несколько странным названием Стони-Пайнз (Каменные Сосны). В хмурый, дождливый, ветреный день мы прибыли к месту сбора: «охотники» приехали еще раньше на большом грузовике со всем необходимым снаряжением, включая множество деревянных клеток для отловленных коал. Управление природных ресурсов разработало превосходный способ, как ловить сумчатых медведей, чтобы не причинить им вреда и самому избежать укусов. Ловец вооружается длинным раздвиж-

ным шестом, на конце которого укреплена петля с фиксирующим узлом, не дающим ей затянуться слишком туго и удушить пленника. Кроме того, необходим круглый брезент вроде того, каким пользуются пожарные при спасении людей из горящего дома. Отлов происходит так: вы находите коалу, надеваете ему петлю на шею (против чего он несколько не возражает) и дергаете так, чтобы он упал на растянутый брезент, который держат наготове другие участники охоты.

Нагруженные снаряжением, мы углубились в лес и вскоре обнаружили восьмерку коал, в числе которых были три самки с детенышами. Зверьки спокойно сидели на деревьях, рассеянно глядя на нас и не проявляя ни малейших признаков тревоги. Увы, должен признаться, что в тот день у меня сложилось крайне невыгодное впечатление об интеллекте коал. Они как кинозвезды: на вид хороши, а в голове пусто. Мы начали с большого самца, который даже с петлей на шее продолжал нам улыбаться, явно не догадываясь о наших намерениях. Правда, когда петля натянулась, он крепче ухватился за дерево своими кривыми когтями и даже хрипло зарычал, словно тигр. Но веревка оказалась сильнее, и в конце концов он выпустил ствол и шлепнулся на брезент. После этого нас ожидала приятная работенка: надо было снять петлю с шеи пленника и поместить его в транспортную клетку. Кто считает коалу ласковым, кротким существом, пусть-ка попробует снять у него с шеи петлю.

Наш сумчатый медведь ворчал, рычал, отбивался острыми когтями и поровил укусить всякого, кто подходил близко. Мы немало помучились, прежде чем удалось затолкать свирепо рычащего зверька в клетку. На поминку всей «шайки» ушло часа два. Но вот наконец последний, восьмой коала оказался под замком, и мы повезли их на новое место. Здесь нас ожидал сюрприз: когда мы открыли клетки и вытряхнули коал на землю, они встали и замерли, глядя на нас; пришлось буквально гнать их к деревьям. По гладким стволам эвкалиптов они легко взобрались вверх, примостились на ветках и вдруг дружно заголосили, точно обиженные младенцы.

У коал есть интереснейшая повадка, которую я надеялся запечатлеть на киоленте, но, к сожалению, у нас ничего не вышло. Речь идет о способе выкармливания детенышей. Когда детеныш покидает сумку и для него настает пора переходить к твердой пище, мать при помощи некой внутренней алхимии вместо испражнений выделяет мягкую пасту из полупереваренных листьев — нечто вроде нашего детского питания в банках. Детеныш ест эту пасту, пока не подрастет настолько, что может сам жевать довольно жесткие листья эвкалипта. Более удивительного способа выкармливания детенышей я не знаю.

Д Хотя коалы и обаятельны на вид, меня разочаровало в них полное отсутствие индивидуальности и общая вялость. Но как охотники за пушной могли столь безжалостно уничтожать этих доверчивых, милых и безобидных животных — это выше моего разума.

Как только были завершены съемки «медвежьей охоты» и я перевязал большой палец, распоротый до кости ласковым коалой (я хотел помочь ему влезть на дерево), мы взяли курс на Канберру. ОНПИ организовала там крупную научную станцию с богатой коллекцией сумчатых, и я надеялся заснять немало интересных кадров. Мы увидели и сняли в Канберре одно из самых удивительных зрелищ, какие только мне приходилось когда-либо видеть, и вышло это чисто случайно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЧУДЕСНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Миг — и это страшилище дикое
Прямо в пропасть с размаху бросилось.

«Охоти Ворчуна»

Фауна Австралии — это такой предмет, о котором ни один уважающий себя натуралист не может говорить без волнения. Кто-то назвал Австралию «чердаком мира», подразумевая место, где хранится всякое старье; сравнение остроумное, но не совсем точное. Самые интересные группы австралийской фауны — однопроходные и сумчатые. Однопроходные наиболее примитивные среди млекопитающих, они сохранили много черт, подтверждающих, что млекопитающие произошли от рептилий. На первый взгляд однопроходные похожи на обычных млекопитающих: они дышат легкими, теплокровны, их тело покрыто шерстью. А главная и самая поразительная черта, унаследованная от рептилий, заключается в том, что они откладывают яйца, однако детенышей, вылупившихся из яиц, вскармливают молоком. Наиболее знаменит из однопроходных, конечно, утконос; другой представитель отряда — ехидна, странное существо с иглами вместо шерсти, этакий огромный марсианский дикобраз с длинным роговым клювом и сильными, вывернутыми наружу когтями на передних ногах.

У сумчатых целый ряд примечательных черт; хорошо известны такие, как очень короткий срок беременности у большинства видов и рождение совсем недоразвитых детенышей, чуть ли не зародышей. Новорожденный

пробирается в выводковую сумку матери, и там продолжается его развитие. Сумчатые чрезвычайно примитивны, и их счастье, что сухопутный мост, по которому они в свое время проникли в Австралию, затем разрушился, не то другие млекопитающие (такие, как тигры, леопарды, львы и прочие хищники) живо расправились бы с ними. Зато развитие этих животных, отрезанных от всего света и имеющих в своем распоряжении целый континент, шло по самым удивительным линиям. Происходила своего рода параллельная эволюция. Вместо огромных стад копытных, развившихся в Африке, Азии и Америке, нишу травоядных здесь занимают кенгуру и валлаби. Там, где в других частях света обитают лемуры и белки, в Австралии поселились кукусы, сумчатые белки, сумчатые летяги и сумчатые совы. Эквивалентом барсука здесь стал wombat; хищников представляет тасманский волк — на самом деле, конечно, не волк, а сумчатое животное, очень похожее на своего тезку. Словом, сумчатые не только приспособились к различным экологическим нишам, они повадками, а порой и внешностью напоминают совсем не родственных им животных, развившихся в других частях света. Как пример эволюции Австралийский континент с его ключевыми и сумчатыми не менее удивителен, чем Галапагосские острова, которые вдохновили Дарвина на создание эволюционной теории.

До прихода человека сумчатые вели, в общем-то, довольно идиллическое существование. Конечно, приходилось опасаться некоторых хищников, как то: сумчатого (тасманского) волка, орла-клинохвоста и змей, однако в целом им жилось достаточно вольготно. Но затем появились аборигены и с ними, как полагают, собака динго — коварнейший хищник, который наряду со своим хозяином, человеком, быстро стал врагом номер один местной фауны. Впрочем, хотя динго плодились и распространялись все шире, они почти не повлияли на природный баланс; не нарушили его и аборигены, их было слишком мало. А вот с приходом белого человека для сумчатых наступили черные дни. Мало того, что их нещадно истребляли, в их среду обитания вторглись завезенные животные, в частности европейская лиса и кролик; при этом лиса выступала как хищник, а кролик конкурировал с травоядными сумчатыми из-за корма. Когда же в Австралии появилась овца, крупные травоядные сумчатые окончательно попали в опалу — ведь они конкурировали с овцами, а овцы были нужны человеку. Фермеры возделывали обширные площади засушливых земель, на которых прежде не селились даже кенгуру и валлаби, колодцы и буровые скважины позволили им организовать тучные пастбища для своих стад. Но, к досаде овцеводов, кенгуру и валлаби тоже оценили их труд и устремились на осво-

Д

енные земли в количестве, равном, а то и превосходящем число овец. И возникла так называемая «угроза кенгуру».

Чтобы управлять популяцией дикого животного, надо кое-что знать об основах его биологии; если его просто убивать, это может не только поставить под угрозу вид, но и причинить огромный ущерб всей экологической системе страны. В разных концах света уже известны примеры того, какими бедствиями грозит пренебрежение спецификой биологии животных. Поэтому, если какое-то животное становится вредителем, постарайтесь возможно лучше изучить его — как говорится, «познай врага своего». Именно для таких задач и создали Отдел природных ресурсов ОНПИ. Стоит только какое-нибудь животное объявить вредителем, как вмешивается ОНПИ и тщательно изучает проблему. По сути дела, эта организация выступает в роли верховного судьи — ведь сколько раз животное, объявленное вредителем, оказывается после расследования совсем не таким уж вредным! В Канберре у ОНПИ есть крупная лаборатория, уделяющая особое внимание двум видам кенгуру: рыжему и гигантскому. И мы обратились туда, чтобы из первых рук узнать, какая судьба ждет двух самых крупных и самых великолепных сумчатых в мире.

Заведует Отделом природных ресурсов Гарри Фрит, один из виднейших биологов Австралии, известный, в частности, блестящими исследованиями экологии различных австралийских уток и гусей, а также глазчатой сорной куры. Коренастый, с курчавыми волосами, с лицом, выдубленным солнцем и ветром, а глаза — ехиднее надо поискать — таков внешний вид Гарри. Как работник он деловой, въедливый и на первый взгляд суховатый. Гарри Фрит уже помог нам письмами (и короткой беседой с Крисом, который встречался с ним на пути в Новую Зеландию); это благодаря его советам наши съемки до сих пор проходили так успешно. Теперь мы хотели снять несколько эпизодов, посвященных канберрской лаборатории, а для этого требовалось разрешение и поддержка Гарри. Я прежде никогда с ним не встречался, и, когда нас ввели в его кабинет, он показался мне человеком хотя и очень приятным, но внушающим немалый страх. Чувствовалось — малейший неверный шаг, и он замкнется, а тогда добиться от него сочувствия будет так же трудно, как от горы Эверест.

Услышав, что нам хотелось бы снять несколько эпизодов из их работы, Гарри довольно угрюмо посмотрел на меня.

— Я отведу вас к загонам и познакомлю с ребятами, — сказал он. — Я-то не против, снимайте, но последнее слово за ребятами. Они безумно заняты, пусть сами решают, хотят ли тратить время на вас. Если пошлют вас подальше, я ничего не смогу поделать. — И он ободряюще улыбнулся.

Надеясь, что «ребята» окажутся чуточку покладистее, мы пошли за Гарри Фритом к загонам, в которых содержали и разводили различные виды кенгуру и валлаби. Здесь мы познакомились с Джеффом Шерменом, ржущим, чрезвычайно обаятельным австралийским ученым, одним из лучших в мире знатоков биологии сумчатых. Втолкнув нас, так сказать, в логово льва, Гарри вернулся к своим делам, предоставляя мне самому налаживать отношения с Джеффом. К счастью, это оказалось намного легче, чем я ожидал. Этот симпатичный человек был так влюблен в свою работу, что охотно разговаривал со всяким, кто проявлял к ней малейший интерес.

— Мы собираем информацию, которая помогает нам в изучении диких популяций, — рассказывал он. — Например, измеряем кенгурят в сумках и следим, как они растут. Это позволяет вычертить кривые роста, а по ним можно определить возраст пойманных диких детенышей. А кроме того, мы осматриваем зубы — это очень важно, ведь по степени стертости зубов также можно установить возраст кенгуру. По этому признаку мы составляем представление о возрастном составе той или иной популяции на воле. Пробы берем этот вопрос здесь, в лаборатории, потом отправляемся в поле и метим пробы из дикой популяции кенгуру, чтобы можно было их опознать. А затем каждый раз, когда их поймает повторно, проверяем зубы и смотрим, развиваются ли они у диких кенгуру так же, как у наших.

— А как с плодовитостью самок? — спросил я.

— Ужасно, — ответил Джефф. — Это все равно что поточная линия на конвейере Форда. Посмотришь — один детеныш развивается в чреве, второй висит на соске в сумке, а третий уже бегает, но еще сосет.

Я спросил Джеффа, как происходят роды у кенгуру, — предмет, который всегда меня интересовал, — и тут он меня ошарашил.

— Ах, роды, — небрежно произнес он. — У меня есть небольшая лента на эту тему, могу показать.

— Вы засняли роды? — Я не верил своим ушам. — Но мне всегда казалось, что мало кто наблюдал роды у кенгуру, не говоря уж о том, чтобы снять их.

— Да, пожалуй, мы это сделали впервые, — сказал он. — Но ведь у нас все отработано до тонкостей, мы можем предсказать роды с точностью до нескольких часов.

Крис и Джеки в это время стояли у другого загона, флиртуя с очень милым и не по возрасту развитым валлаби, отделенным от них провололочной сеткой. Я подбежал к Крису.

— Крис, знаешь, что мне сейчас сказал Джефф Шермен?

— Что? — безучастно спросил Крис, продолжая совращать валлаби.

— Он сказал, что у него есть лента, на которой запечатлены роды кенгуру!

— В самом деле? — произнес Крис, слегка озадаченный моим волнением; по его лицу было заметно, что он не видит ничего особенного в том, что у кого-то есть лента, на которой запечатлены роды кенгуру. — Ну и что?

— Как ну и что? — возмутился я. — Пустая голова, неужели ты не понимаешь, что мало кто вообще видел роды у кенгуру. А уж чтобы снять их!.. Насколько мне известно, Джефф первым в мире сделал это.

— Гм. — Взор Криса стал более осмысленным. — А что, это так интересно?

— Конечно, интересно, — сказал я. — Когда детеныш появляется на свет, он всего-то с орех величиной. Это, по сути дела, зародыш, и, чтобы попасть в сумку матери, ему еще бог весть сколько до нее карабкаться.

— Похоже, это и в самом деле интересно. — Крис слегка воодушевился. — Как по-твоему, Джефф разрешит нам воспользоваться его лентой?

Мы подошли к Джеффу, который только что извлек голенящего и довольно непривлекательного кенгуренка из сумки матери и теперь с сосредоточенным видом взвешивал его в мешочке.

— Джефф, — льстиво заговорил я, — не могли бы вы дать нам свою ленту про роды у кенгуру?

— Пожалуйста, — сразу ответил он, однако тут же окатил меня холодным душем. — Только сперва спросите у Гарри.

— Разумеется, — сказал я, — я так и сделаю. Но скажите, если лента вдруг нам не подойдет, есть надежда снять этот эпизод заново?

— Конечно, это очень просто, у нас много самок, которые вот-вот должны родить, но опять же вам надо получить разрешение Гарри.

— А если Гарри даст согласие, вы не будете возражать? — спросил я, добиваясь полной ясности.

— Ни капельки, — ответил Джефф. — Я с радостью вам помогу.

Мы заранее условились с Гарри позавтракать вместе, и за ленчем я ловко уклонялся от разговора о родах у сумчатых, пока он не поглотил изрядное количество бараньих котлет и пинту-другую пива, после чего его суровое лицо самую малость смягчилось. Тогда я сделал глубокий вдох и приступил:

— Гарри... Джефф Шермен говорит, что у вас есть лента, на которую сняты роды кенгуру.

Гарри холодно посмотрел на меня.

— Есть, — осторожно произнес он.

— А нельзя нам снять с нее копию, чтобы включить в свой фильм?

— Почему же нельзя. Но решить этот вопрос должен Джефф.

— О, — сказал я, — тогда все в порядке, он уже согласился, только велел получить ваше подтверждение.

Гарри принял к сведению мои слова, и в глазах его сверкнула какая-то искорка.

— Но предположим, — я поспешно налил ему еще пива, — что эта ленточка не совсем подходит для телевидения?

— Предположим... что тогда?

— Можно будет снять этот эпизод заново?

— Полагаю, — сухо произнес Гарри, — что вы уже заручились согласием Джеффа Шермена?

— В общем-то, да, — признался я. — Но он сказал, что последнее слово за вами.

— Я не возражаю, — сказал Гарри. — Если Джефф считает, что съемки не помешают его работе и он может это организовать для вас, я нисколько не возражаю.

Я облегченно вздохнул и улыбнулся Кристоферу.

— Заруби себе на носу, дружище, — это будет гвоздь нашего фильма. Если сумеем заснять!

После ленча, ликующие, мы вернулись к Джеффу Шермену и сообщили ему, что Гарри не возражает. Джефф порадовался вместе с нами и живо установил в своем кабинете проектор, чтобы прокрутить заветную ленту. Увы, она нас разочаровала. Мы увидели все подробности, столь важные для Джеффа как ученого, но для телевидения этот материал не годился. Теперь вступал в силу план номер два: снимать эпизод заново.

— Пожалуй, вернее всего ориентироваться на Памелу, — сказал Джефф, пристально глядя на большеглазого серого кенгуру, который торопливо хватал своими обезьяноподобными передними лапами куски моркови и энергично их пережевывал. — Ей рожать примерно через неделю, и если она подведет, у нас есть в запасе Мэрилин или Марлен, у них срок сразу за ней.

— И какой же порядок мы установим? — спросил я.

— Понимаете, — объяснил Джефф, — первый признак — это когда самка принимается чистить сумку. Обычно она это делает за несколько часов до родов. Если вы в это время будете где-нибудь поблизости, мы вам позвоним, и вы успеете установить свои светильники и камеры.

— А камеры и свет ее не испугают? — поинтересовался Крис.

— Ни капли, — ответил Джефф. — Она у нас очень спокойная.

И потянулось ожидание. Первое время мы ходили вокруг загона, словно будущие отцы вокруг родильного дома, и снимали каждое движение Памелы. Но так как, кроме родов (если получится), нам хотелось запечатлеть на пленку все аспекты «проблемы кенгуру», Гарри и Бивэн Бауэн повезли нас на «участок» под Канберрой (этакое небольшое хозяйство площадью в каких-нибудь 200 тысяч акров), где они изучали один из вопросов биологии кенгуру.

— Мы пытаемся выяснить ряд вещей, — рассказывал Гарри, пока мы катили по жухлой траве между эвкалиптами. — Прежде всего нам важно разобраться в передвижениях группы кенгуру, узнать, какое расстояние они покрывают, скажем, за неделю или за месяц. Способ один: поймать их и снабдить метками, чтобы можно было опознать на расстоянии в бинокль. Мы надеваем на них цветные воротнички с номерами. Вы увидите, как это делается. Далее мы хотим установить, насколько сильно развита у кенгуру избирательность к пище. Возьмите, к примеру, Восточную Африку, она кормит тьму разного зверья, и если животные до сих пор не превратили страну в сплошную пылевую пустыню, то только потому, что они стенофаги, то есть каждый вид антилоп поедает какие-то определенные растения и почти совсем не трогает другие, которые, в свою очередь, служат кормом для антилоп другого вида. А вот когда завозят новый вид, который ест все без разбора, тут-то и происходит нарушение биологического равновесия природных ресурсов и кладется начало эрозии. В той же Восточной Африке основной ущерб причиняют несчетные стада тощих, совершенно непривлекательных на вид коров и коз, готовых жевать все, что попало. Возможно, мы выясним, что и здесь происходит нечто в этом роде, что кенгуру — стенофаг и фактически причиняет меньше вреда, чем кролик или овца. Но даже если это подтвердится, нам еще предстоит адский труд — убедить в этом овцеводов.

Он рассмеялся.

— Помню, как-то на севере я убеждал рисоводов, что полулапчатый гусь — вовсе уж не такой вредитель. Так меня чуть не линчевали, а однажды здоровенный верзила вытащил меня из машины, и была бы мне крышка, если бы не Бивэн.

— Вот уж не думал, что борьба за охрану животных может принимать такие жестокие формы!

— Представьте себе! Но вообще-то кенгуру и впрямь стали настоящей проблемой. Я знаю фермы, где численность кенгуру чуть не втрое превысила поголовье овец. Несомненно, это вредит интересам овцеводов, и что-то

надо предпринять. Мы надеемся, что сможем управлять численностью популяций, и тогда отпадет надобность варварски истреблять кенгуру. Почему бы не устроить так, чтобы и овцы были сыты, и кенгуру целы?

Уже некоторое время мы ехали вдоль колючей проволоки, как вдруг на краю этого огромного поля заметили странное сооружение. Вдоль ограды гнулся сужающийся ход, одной стенкой его служила сама ограда, а другой — проволочная сетка. Ход заканчивался небольшим загонем площадью около трехсот квадратных метров.

— Это ловушка, — объяснил Гарри. — А способ ловли такой: сперва мы находите кенгуру, потом потихоньку гоните их так, чтобы они бежали вдоль ограды. Постепенно увеличиваете скорость, но только очень осторожно — если вы поспешите, они испугаются, перескочат через ограду и поминай как звали. Главное — выбрать такую скорость, чтобы они ровно бежали вдоль ограды и через ход попадали прямо в загон. А уж тогда нажимай, спеша перехватить их, пока они не выпрыгнули из ловушки.

Он высунулся из кабины, прокричал что-то Бивэну, который вел второй «Лендровер», и обе машины, сорвавшись с места, начали кружить по огороженному полю в поисках кенгуру. Носиться со скоростью пятьдесят с лишним километров в час по ухабам, то и дело сворачивая, чтобы не вресть в эвкалипт, — удовольствие не из приятных. Первыми, кого мы спугнули, оказались несколько эму, и эти глупыши, испуганные и ошеломленные, вместо того чтобы бежать в сторону, бросились нам наперерез, и очутившись перед машинами, окончательно потеряли голову — не догадались свернуть, затопали впереди нас, работая своими ножищами так усердно, что едва не касались ими собственного клюва. Так мы доехали до ограды, но эму, к моему удивлению, и не подумали остановиться, а продолжали мчаться прямо на нее. Один с ходу проскочил насквозь, расставшись с изрядным количеством перьев, другой боком задел колючую проволоку и отскочил обратно, отступил на несколько шагов и затем сделал новый рывок, на сей раз успешный; правда, и он оставил возле ограды столько перьев, что хватило бы на небольшую подушку.

— Вот почему фермеры не любят и эму, — сказал Гарри. — Они без конца ломают ограды.

Мы колесили еще с четверть часа, вдруг Бивэн посигналил нам. Мы посмотрели в его сторону и увидели с десятков серых кенгуру, которые неподвижно сидели на опушке небольшого леса, настороженно глядя на нас. Гарри сделал лихой поворот вокруг дерева, и мы помчались прямо на кенгуру, а Бивэн заехал с другой стороны, отрезая им путь к отступлению.

Д

При нашем приближении кенгуру тронулись с места. Сначала они прыгали словно нехотя, но когда машины увеличили скорость, кенгуру испугались и побежали всерьез. Используя хвост как орган равновесия, они совершали такие огромные прыжки, что дух захватывало от этого зрелища. Скоро нам удалось завернуть их, они поскакали вдоль ограды к ловушке, и обе машины сразу развили бешеную скорость. Я никогда не поверил бы, что можно нестись по такой местности со скоростью восемьдесят километров в час. Надо было не только держаться изо всех сил, чтобы не выскочить из машины через тент или ветровое стекло, но и постоянно быть начеку, чтобы тебя не застал врасплох крутой поворот, когда впереди возникало очередное препятствие.

Кенгуру не на шутку встревожились, некоторые из них останавливались, намереваясь прыгнуть через ограду, но всякий раз мы прибавляли скорость и срывали их попытку. А вот и ловушка впереди. Еще один резкий бросок обоих «Лендроверов», и перепуганные насмерть кенгуру, промчавшись по ходу, очутились в тупике. Мы резко затормозили, выскочили и ринулись в загон прямо к мечущимся животным.

Есть только один верный способ поймать кенгуру: хватать его за хвост, но так, чтобы не пострадать от его могучих задних ног, которые могут и насмерть зашибить. Пленник будет прыгать на месте до тех пор, пока не выдохнется или пока кто-нибудь из ваших товарищей не подоспеет на помощь и не ухватится за какую-нибудь другую часть тела животного. Действуя таким образом, мы скрутили всех кенгуру одного за другим. Солнце нещадно палило, и бедняжки тяжело дышали и обливались потом от жары и усталости. На каждого кенгуру осторожно надели аккуратные целлулоидные воротнички разных цветов и с разными номерами, после чего пленников поочередно вынесли из загона и отпустили. Большинство из них, не скрывая радости, сразу пускалось вскачь, но один кенгуру, ростом поменьше, застыл на месте с оцепенелым взглядом, когда его опустили на землю. Гарри подошел и легонько шлепнул его, кенгуру тотчас в ярости повернулся к нему, и завязался на редкость потешный боксерский поединок. Гарри наступал на кенгуру, стараясь прогнать его, а тот пытался подловить Гарри на удар. А так как кенгуру был вдвое меньше человека, это напоминало отважный поединок Давида с Голиафом. В конце концов кенгуру решил, что выпустить Гарри кишки не удастся, и с явной неохотой поскакал вдогонку за своими сородичами.

Теперь уже совсем немного оставалось ждать родов, и мы поселились в мотеле, расположенном менее чем в километре от лаборатории. Ох и задавала нам жару эта Памела! Три дня подряд одна за другой следовали ложные

тревоги, причем она устраивала их с таким расчетом, чтобы вконец расстроить нам нервы. Стоило нам сесть за стол, или лечь в ванну, или погрузиться в сладкий сон — вдруг срочный вызов к телефону, и Джефф сообщает, что, по всем признакам, Памела собирается рожать. Мы начинали лихорадочно одеваться (если новость застигала нас в ванне или в постели), высканивали со всем снаряжением во двор, втискивались в «Лендровер», и машина с ревом срывалась с места. Наше странное поведение явно заинтериговало владельца мотеля и других постояльцев, и они стали поглядывать на нас с опаской; пришлось во избежание недоразумений объяснить, чего мы добиваемся. После этого все начали болеть за нас и дружно бросались к окнам с поощрительными возгласами, когда мы неслись к «Лендроверу», роняя второпях части снаряжения и сбивая друг друга с ног. А примчимся к загону — Памела как ни в чем не бывало уплетает какое-нибудь лакомство и с легким недоумением смотрит на нас: с какой это стати мы удостоили ее новым визитом?

Наконец однажды вечером владелец мотеля ворвался в столовую, где мы в это время обедали, и сообщил, что Джефф Шермен только что позвонил и сказал, что у Памелы вот-вот начнутся роды, это уже совершенно точно. Опрокинув бутылку вина и разметаив по полу салфетки, словно осенние листья, мы пулей вылетели из столовой, провожаемые криками «давай!» и пожеланиями удачи. Крис сгоряча так быстро тронул машину, что я еще стоял одной ногой на земле, когда он дал газ; с невероятным усилием, едва не вывихнув позвоночник, я ухитрился подтянуть ногу, и мы понеслись по дороге к лаборатории.

— Ну, на сей раз без обмана, — встретил нас Джефф. — Я абсолютно уверен.

Памела не могла выбрать лучшего времени. Стоял крошечный мрак, было страшно холодно, и все покрывала обильная роса. Мы поспешно развесили дуговые лампы и установили камеры. Памела сидела, прислонясь к ограде, и предусмотрительно чистила передними лапами свою сумку. Она делала это очень старательно, тщательно вычесывая когтями шерстку. Если не следить за сумкой, в ней накапливается липкое вещество вроде серы в наших ушах; это вещество Памела и извлекала теперь. Мы засняли ее за работой, потом сели и выжидательно уставились на роженицу. Чистка продолжалась еще с полчаса, затем Памела удрученно посмотрела вокруг и уцепилась в другой конец загона, чтобы подзакусить.

— Похоже, придется немного подождать, — сказал Джефф.

— А вы уверены, что это не очередная ложная тревога? — спросил я.

— Нет-нет, теперь уж точно. Она не стала бы так тщательно чистить сумку, если бы не готовилась рожать.

Д

Поеживаясь от холода, мы глядели на Памелу; Памела, мерно работая челюстями, глядела на нас.

— Зайдем пока в будку, — предложил Джефф. — Там потеплее. А то, если руки окоченеют, вы не справитесь с камерами.

Мы втиснулись в маленькую будку, и на радость всей компании я достал бутылку виски, которую предусмотрительно захватил с собой. Между глотками мы по очереди выходили и с надеждой смотрели на Памелу, но все оставалось по-старому.

— Н-да, вот это работенка, — заметил Джим. — Всю ночь не спать, глушить виски и ждать, когда появится на свет какой-то кенгуренок... В жизни не переживал ничего подобного.

— Вот и хорошо, есть чем пополнить твою коллекцию необычайных происшествий вроде случая с феном или с морской болезнью на понтонном мосту, — отозвался Крис.

— При чем тут фены и понтонные мосты? — заинтересовался Джефф.

Мы объяснили ему, что Джим не простой смертный, с ним на каждом шагу случается что-нибудь из ряда вон выходящее.

— Заставьте его рассказать, как у него велосипед застрял в дымоходе, — сказал я.

— Что? — удивился Джефф. — В дымоходе? Это как же?

— Врет он, — возмутился Джим. — Не было ничего такого.

— А я помню, как ты мне об этом рассказывал, — возразил я. — Правда, подробности забыл, но помню, что история была захватывающая.

— Нет, вы скажите, — в Джеффе заговорил ученый, — как это вам удалось засунуть велосипед в дымоход?

— Да врёт же он, говорю вам, — ответил Джим. — У меня сроду не было велосипеда, так что я его никак не мог засунуть в дымоход.

Не сомневаюсь, что все так и было, как я сказал, просто Джим из скромности не хочет рассказать о своем подвиге. Джефф и его сотрудники весь следующий час посвятили разбору того, как он мог справиться с такой задачей, и каждая новая загадка еще больше распаляла Джима.

Его вырубил один из помощников Джеффа, который распахнул дверь и сказал:

— Боевая тревога! Кажется, началось.

Мы живо выбрались из будки и заняли свои места. Памела металась по загону, и было видно, что ей не по себе. Наконец она вырыла неглубокую ямку и села в нее, прислонившись спиной к ограде, причем хвост лежал на земле у нее между ног. Некоторое время она пребывала в такой позе, потом ей, очевидно, опять стало не по себе, потому что она легла на бок и полежала так несколько секунд, после чего встала. Попрыгав, она вернулась

к ямке и уселась в прежней позе. Тот факт, что на нее были направлены дуговые лампы, две кинокамеры и глаза десятка зрителей, ее нисколько не смущал.

— Пожалуй, пора пускать камеры, — сказал Джефф.

Обе камеры застрекотали, и в ту же секунду, как по сигналу, появился на свет детеныш. Он упал на хвост Памелы и остался лежать там — розовато-белый поблескивающий шарик не больше первого сустава моего мизинца.

Я примерно знал, что увижу, и все-таки за все годы, что мне приходится наблюдать животных, редко доводилось видеть такое удивительное и поистине невероятное зрелище. По существу, перед нами был зародыш — ведь со времени зачатия прошло всего тридцать три дня. Абсолютно слепой, аккуратно сложенные вместе задние ножки совсем не действуют — в таком состоянии кенгуренок был исторгнут на свет божий, а тут ему еще предстояло взбираться вверх по обросшему шерстью животу матери и отыскивать вход в сумку. Напрашивалось сравнение с безногим слепцом, карабкающимся сквозь густой лес к вершине Эвереста, тем более что малыш не получал никакой помощи от Памелы. Мы установили (и наш фильм может подтвердить), что мать (вопреки распространенным утверждениям) не облизывает шерсть, чтобы проложить дорожку для детеныша. Как только кенгуренок родился, он, причудливо, почти по-рыбьи, извиваясь, покинул хвост и начал пробираться вверх сквозь шерсть. Памела не уделяла ему никакого внимания. Нагнувшись, она вылизала низ живота и хвост, потом принялась наводить чистоту позади ползущего малыша, который, очевидно, оставлял на шерсти влажный след. Несколько раз ее язык задел детеныша, но я уверен, что это было чисто случайно, а не намеренно.

Медленно и упорно пульсирующий розовый шарик прокладывал себе путь сквозь густой мех. От рождения малыша до того момента, когда он достиг края сумки, прошло около десяти минут. Существо весом всего в какой-нибудь грамм (вес пяти-шести булавок!) сумело одолеть такой подъем — это само по себе было чудом, но ведь ему надо было решить еще одну задачу. Выводковая сумка не уступает по размерам большой дамской сумке, и такую огромную площадь, да еще обросшую мехом, лилипутик должен был обследовать, чтобы найти сосок. Этот поиск длится до двадцати минут. Стоит детенышу захватить ртом сосок, как последний сразу разбухает так, что кенгуренок прочно пристает к нему — настолько прочно, что, если вы попытаете оторвать его от соска, нежные ткани рта кенгуренка будут изранены в кровь. Кстати, видимо, поэтому и возникло совершенно

Дошибочное представление, будто детеныши кенгуру рождаются «из соска», иначе говоря, отпочковываются от него.

Но вот наконец малыш перевалил через край выводковой сумки и скрылся внутри; можно было останавливать камеры и выключать свет с сознанием, что нами сняты замечательные, уникальные кадры. Крис и Джим были в восторге. Это и в самом деле было незабываемое зрелище, и я уверен, что даже самый закоренелый враг кенгуру из числа овцеводов был бы восхищен непреклонной решимостью, с какой детеныш выполнил геркулесов труд. Его произвели на свет недоразвитым и вынудили совершить столь тяжкое восхождение — так неужели он не заслужил права спокойно жить в своей выстланной мехом колыбели с центральным отоплением и встроенным молочным баром? Я от души надеюсь, что исследования Гарри Фрита, Джеффа Шермена и их товарищей позволят спасти самое крупное среди сумчатых от полного истребления.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЖУНГЛИ

ПРИБЫТИЕ

Конечно, Бобру было б лучше всего
Добыть подержанную кольчугу.

«Охота Ворчуна»

Я сидел под деревом, усыпанным огромными алыми цветами, и задумчиво потягивал пиво, когда послышался рокот моторной лодки. С высокой кручи открывался вид на широкие лесные просторы — словно персидский ковер с зелеными, красными, золотыми и кирпичными нитями, — а внизу, между крутыми берегами, глянцевой бурой веретеницей извивалась река Тембелинг. И сидел я около рестхауза на границе самого большого в Малайе Национального парка — раскинувшегося во все стороны громадного лесного массива.

Я сделал еще глоток; татаканье подвесного мотора звучало все громче. Интересно, кого везет эта лодка? Наконец она вышла из-за поворота и направилась к пристани подо мной. Насколько я мог разглядеть, она была битком набита компанией чрезвычайно веселых сикхов, которые, чтобы скрасить однообразное путешествие вверх по реке, не очень благоразумно, зато от души воздали должное какой-то опьяняющей жидкости. Любопытно было наблюдать, как они не совсем уверенно сходили на берег и, смеясь и обмениваясь шутками, брели вверх по кособокому. Проходя мимо дерева, под которым я восседал в одиночестве, они подчеркнуто вежливо приветствовали меня жестами и поклонами. Я поклонился и помахал им в ответ, и они проследовали к небольшой постройке — второму рестхаузу, приютившемуся среди деревьев в нескольких сотнях метров от первого. Один из сикхов задержался на пристани — заплетающимся языком он отдавал какие-то распоряжения лодочнику; вскоре и он, тяжело дыша, поднялся вверх по склону. Это был человек лет шестидесяти, с благородным лицом и великопной, как у Деда Мороза, бородой, в слегка сдвинутом набекрень тюрбане.

— Добрый вечер, добрый вечер! — приветствовал он меня, как только подошел поближе, махая рукой и благодушно улыбаясь. — Какой чудесный день, не правда ли?

Д

Я лично провел этот жаркий, душный день без толку в невероятно колючих зарослях, пивавки высосали из меня все соки, но не хотелось огорчать моего нового знакомого.

— Чудесный! — крикнул я в ответ.

Улыбающийся сикх остановился рядом со мной, с трудом переводя дух.

— Видите ли, мы сюда на рыбалку приехали, — объяснил он.

— В самом деле? — сказал я. — А что, здесь хорошая рыбалка?

— Чудесная, чудесная! — ответил он. — Лучшая рыбалка во всей Малайе.

Он поглядел на пивную кружку с видом человека, который в жизни не видал ничего подобного, но готов пойти на любой риск.

— Не хотите кружечку? — спросил я.

— Дорогой сэр, вы слишком добры, — сказал он и поспешно опустился на стул.

По моей просьбе официант принес здоровенную кружку пива, и мой новый приятель с такой силой сжал ее в руках, словно боялся, что она убежит.

— Желаю вам наилучшего здоровья, — сказал сикх и одним духом осушил полкружки, после чего задумчиво рыгнул и вытер губы белоснежным носовым платком.

— Это то, что мне было нужно, — солгал он. — От такого путешествия упаришься.

Около получаса сикх потчевал меня довольно запутанной и чрезвычайно забавной лекцией об искусстве рыбной ловли, и мне было искренне жаль, когда он наконец встал и, пошатываясь, объявил, что ему пора идти.

— Но вы должны позволить нам ответить на ваше радушие, — серьезно сказал он. — Приходите часам к шести в наш домик, выпьем рюмочку винца, хорошо?

Мне уже доводилось выпивать «рюмочку винца» с сикхами, и я знал, что это обычно затягивается до рассвета, но он так настаивал, что отказаться, право же, было бы свинством. Я вынужден был согласиться, и он направился зигзагами к своему рестхаузу, приветливо махая мне через плечо. В это время подошли Джеки и Крис.

— С кем это ты беседовал? — поинтересовался Крис. — С Дедом Морозом?

— Это был очень милый сикх, — ответил я. — Он пригласил меня на шесть часов, выпить рюмочку вина.

— Надеюсь, ты отказался, — встревожилась Джеки. — Ты ведь знаешь эти пьяные оргии.

— Знаю, — подтвердил я, — но отказаться было невозможно. Да ты не бойся, я попрошу Криса, чтобы он пришел за мной часиков в семь.

— Почему непременно меня? — недовольно спросил Крис. — Кажется, я все-таки режиссер, а не какой-нибудь странствующий эmissар Общества трезвенников.

В шесть часов, приняв ванну и переодевшись, я отправился в маленький рестхауз и был радушно встречен компанией рыболовов. Их было пятеро: четверо — дюжие молодцы, пятый — крохотного роста важный человечек в огромных роговых очках. После церемонии взаимных представлений мне налили бокал таких размеров, что я мысленно возблагодарил себя за предусмотрительный уговор с Крисом. Естественно, завязалась беседа о рыбной ловле и съемке животных. Когда эти темы были исчерпаны, наступила короткая пауза, все выпили по второй. А затем вдруг (до сих пор не помню, как это получилось) речь зашла о гомосексуализме. Превосходная, благодарная тема, и мы основательно ее обсудили, вспомнили и Оскара Уайльда, и Петрониуса, сонеты Шекспира и «Аравийские ночи» Бертона, «Камасутру» и «Благоуханный сад». Появился Крис, его усадили за стол и снабдили бокалом, и плавное течение беседы несколько не нарушилось.

Все это время важный человечек в непомерно больших очках сидел и помалкивал, крепко держа свой бокал и изучая сквозь очки каждого очередного оратора. Наконец (после того, как мы подробно обсудили причины упадка и крушения Римской империи) была исчерпана и эта тема, и воцарилась тишина. Маленький человек только и ждал этой минуты. Он наклонился, пристально посмотрел на меня и прокашлялся. Все выжидательно уставились на него.

— А по-моему, мистер Даррелл, — внушительно произнес он, одной меткой фразой подытоживая все наши разглагольствования, — по-моему, так: каждому — свое хобби.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕВЦЫ НА ДЕРЕВЬЯХ

Из нор появились ползучие твари
И воззрились на них с удивлением.

«Охота Ворчуна»

Таман Негара (прежнее название — Национальный парк имени короля Георга V) был создан в 1937 году. Это огромный сплошной массив девственного леса площадью свыше четырех тысяч квадратных километров на

Д

стыке штатов Келантан, Паханг и Тренгану. Лишь небольшая часть парка легко доступна для обычных посетителей. В основном же массив хотя и поддается исследованию, но с огромным трудом. Неудивительно, что здесь до сих пор есть совсем неизведанные районы. В пределах парка вы можете увидеть (если вам повезет) чуть ли не всех представителей фауны малайских джунглей. Одна из важнейших его функций заключается в том, что он служит убежищем для немногих уцелевших суматранских носорогов — их теперь насчитывается всего несколько сот. Подобно другим азиатским носорогам, суматранских, или двурогих, носорогов нещадно истребляли, чтобы заполучить рог — его размалывают в порошок и отправляют в Китай, где по бешеной цене сбывают престарелым, одряхлевшим и бесплодным, искренне верящим, что это средство увеличивает половую потенцию. Мне совершенно непонятно, почему жители этой чудовищно перенаселенной страны тратят время и энергию на подобное занятие, но факт остается фактом: из-за этого суеверия почти все азиатские виды носорога находятся на грани полного истребления. И так как найти их становится все труднее, началось избиение носорогов Африки.

Парк, несомненно, изобилует животными, однако нам от этого было не легче. Во-первых, попробуй отыщи их в густом лесу с высоченными деревьями; во-вторых, отыскав, попробуй-ка их снять! Все же мало-помалу нам удалось составить представление об обитателях парка и их повадках. В их числе были небольшие стада гауров, мощных, красивых диких быков шоколадно-коричневой или черной масти, с белыми чулками и изящно изогнутыми толстыми белыми рогами. С утра гауры пасутся на полянах в лесу, потом, когда начинает припекать солнце, уходят в прохладу под тень деревьев и дремлют до тех пор, пока не спадает жара, а вечером, стряхнув лень, встают и всю ночь бродят по лесу в поисках корма. Гаур — огромное, могучее животное, его очень легко привести в страшную ярость, поэтому мало какой хищник отваживается помериться с ним силой. Два главных его врага, конечно, тигр и леопард. Тигров в Малайе, судя по всему, становится все меньше, но леопард еще сравнительно широко распространен. Тигр, бывает, схватывается с взрослым гауром, леопард же, уступающий тигру и ростом, и силой, как правило, предпочитает нападать на молодняк. А вообще-то в лесу хватает дичи, с которой легче справиться, чем с диким быком.

Большинство обитателей леса ночью бодрствует. После захода солнца наступают быстротечные сумерки, лес и небо залиты бледным, прозрачным зеленоватым светом. Вдруг в небе возникает множество черных крапинок, они плывут над деревьями волна за волной, будто столбы дыма.

Это — летучие собаки; звонко гукая, они летят в глубь заповедника за кормом. Весь день летучие собаки провисели вниз головой на сухом дереве ниже по течению, километрах в трех от рестхауза. Право, не знаю, чем их так привлекло это голое дерево, но они висели на нем большими гроздьями, похожие на плохо закрытые зонтики, под нещадно палящими лучами солнца; время от времени они расправляли крылья и энергично ими обмахивались, чтобы охладить свои тела.

Когда летучие собаки снимаются с сухого дерева и рваными гомонящими тучами летят в свои «уголья» — значит, началась ночная смена.

И вот стронулись с места гауры; тигры и леопарды, зевая, потянулись и оценивающе, словно гурманы, приняхались к волнующим ночным запахам леса. На хрупких ножках толщиной с карандаш вышли из своих убежищ крохотные оленьки цвета красного дерева, с изящным камуфлирующим узором из белых пятен и полос. Излюбленная добыча почти всех хищников, оленьки сознают свою уязвимость и постоянно живут в состоянии предельного напряжения, граничащего с истерией. Они буквально порхают среди зеленых зарослей, малейший шум или движение — и они уносятся прочь так стремительно, что глазом не уследишь; невольно спрашиваешь себя: как хищники ухитряются их ловить? Вверху, в густых зеленых кронах, где дневной хор неугоминых, одержимых арфисток-цикад сменяется более искусным оркестром древесных лягушек, другие твари пробуждаются от сна с мыслью о пище. Тупайи — похожие на белок, но с длинными острыми мордочками и розовыми носиками, которые непрерывно подрагивают, будто стрелка счетчика Гейгера, — спуют по ветвям и перебегают с дерева на дерево по лианам, опутавшим все стволы своими петлями, словно катаются по «американским горам». С первого взгляда простительно принять тупайю за неудачную помесь белки и крысы, и вы бы, пожалуй, удивились, а возможно, и возмутились, скажи вам кто-нибудь, что перед вами — ваш родич, а ведь тупайя сродни многочисленной группе приматов, объединяющей и лемуров, и человекообразных обезьян, и аборигенов, и членов парламента. Больше того, от таких вот милых зверьков и произошли все приматы, но посмотрите на них, когда они, громко вереща что-то друг другу или уплетая жуков с развязностью дебютантки, дорвавшейся до перепелов, мечутся среди листьев, — не видно, чтобы они мучились угрызениями совести.

А вот другой ночной бродяга — толстый лори, чем-то напоминающий маленького, серебристо-розового игрушечного мишку. Его огромные совиные глаза глядят на вас из-за веток с таким отчаянием, словно лори находится на грани острого и необратимого нервного расстройства. Впечатле-

Д ние усугубляется тем, что глаза зверька окружены полоской темной шерсти — как будто кто-то наставил ему синяков. Обычно лори передвигается с живостью и прытью пожилого и весьма тучного священника, страдающего грудной жабой и вросшими ногтями. Подобная медлительность помогает подкрадываться к добыче, но она обманчива: попробуйте-ка поймать лори на дереве — он разовьет поразительную скорость!

Следом за лори появляется бинтуронг — странное создание, смахивающее на неряшливо сделанный коврик, с любопытными раскосыми глазами и кисточками на ушах. Вот он бредет по ветвям с видом лунатика, используя свой цепкий хвост как якорь во время остановок. Его «мельница» все перемелет: плоды, зеленые орехи, древесных лягушек, птенцов, яйца — он все пожирает с великой охотой. Бинтуронг тоже принадлежит к числу злополучных созданий, которым китайцы приписывают волшебные свойства. Спрос на кровь, кости и внутренности бинтуронга огромен, и численность этих миролюбивых, безобидных, абсолютно лишенных каких-либо магических свойств животных непрерывно сокращается.

Но вот все жители леса на ногах, и тогда наконец появляются самые внушительные: слоны. В жаркую дневную пору они стоят, покачиваясь, и дремлют в каком-нибудь прохладном уголке, теперь же стряхнули оцепенение и бредут в свои угодья; огромные серые тени так легко скользят сквозь подлесок, что слышится только слабый шелест листвы, словно от ласкового ветерка. Подчас слоны идут через заросли настолько тихо и осторожно, что вы заметите их лишь по звуку, над которым они не властны: гулкому, протяжному бурчанию в животе. Слоны обожают воду, и даже самые пожилые и степенные «матриархи» и «патриархи» стада при виде водоема превращаются в игривых котят.

Мы имели возможность наблюдать и снимать старую самку с детенышем, которого она под вечер привела к речке, чтобы освежиться. Войдя в воду, она остановилась в раздумье, точно проверяла температуру, потом сделала еще несколько шагов и медленно легла. В это время малыш, замешкавшийся на крутом спуске, тоже подошел к речке и от восторга взвизгнул потешным фальцетом, напоминающим звук жестяной дудочки. Затем он бросился в воду и поспешил к матери; она, лежа на боку, неторопливо поливала себе спину и голову. Для нее тут, конечно, было неглубоко, не то что для малыша. Впрочем, глубина его не испугала, он знай себе шагал, пока не скрылся с головой, только хобот торчал из воды, будто перископ. Вот он дошел до матери и, радостно повизгивая, вскарабкался на ее влажный бок. И тут началась игра в «подводную лодку». Слоноенок нырял и кружил под водой, атакуя мать с разных сторон, а она ловила его хоботом и

вытаскивала за ухо на поверхность. Мы наблюдали за ними около часа, пока не стемнело, — малыш все еще с неослабевающей энергией предавался своим подводным маневрам.

Когда над лесом, расписывая небо алыми, золотыми и голубыми полосами, занимается заря, большинство ночных животных уже укрылись в своих дуплах или норах, и на сцену выходят дневные животные. Звучит могучий, звонкий птичий хор; меж капелек утренней росы коротко прострекочет то одна, то другая цикада, готовясь к большому концерту, который они дадут в жаркие часы. Внезапно в лесу раздается самый характерный для него звук — буйные, ликующие крики гиббонов. Этих древесных певцов можно встретить повсюду, и во все часы дня слышится их веселое гиканье, переходящее в крещендо, которое, в свою очередь, сменяется истерическим хихиканьем. Самый крупный из гиббонов — сиаманг, огромная черная обезьяна; его горло во время «пения» раздувается до размеров небольшого грейпфрута и издает звуки поразительной силы и мощи.

День, когда нам посчастливилось увидеть сиамангов, стал для нас памятным во многих отношениях. Рано утром Крис объявил, что непременно должен снять меня и Джеки на вершине холма, расположенного вниз по течению. Убедить его, что эти кадры с таким же успехом можно снять в более доступном месте, оказалось невозможно, и мы отправились в путь на большой долбленке с подвесным мотором. Пристав к длинному светлому галечному пляжу, мы взвалили на плечи тяжелое снаряжение, вошли в лес и начали подъем. С каждым шагом склон становился круче, и нас все сильнее донимала жара. Подлесок малайских джунглей состоит из самых колючих и зловредных кустарников, с какими мне когда-либо доводилось соприкасаться. Идешь — кругом невинно мерцают смахивающие на папоротник нежные светло-зеленые растения, такие хрупкие на вид, что, кажется, они способны завянуть от одного вашего грубого слова. Поэтому вы очень бережно стараетесь убрать их с дороги, и тут оказывается, что снизу каждый лист усыпан острыми, как игла, кривыми шипами. Растение тотчас вонзается эти абордажные крючья в вашу плоть и одежду, и чем сильнее вы вырываетесь, тем глубже они впиваются, пока вы, обливаясь кровью, не начинаете чувствовать себя одним из мучеников периода раннего христианства. Джим еще чаще, чем я, попадал в плен к этим кровопийцам, поэтому мы продвигались крайне медленно. Поминутно приходилось останавливаться и помогать Джиму выпутаться, а заодно зажимать ему рот, чтобы он своими криками не распугал животных, которых мы надеялись увидеть. Наконец, окровавленные и взмокшие от невероятных усилий, мы достигли небольшой поляны на вершине холма и присели передохнуть.

Д

Малайские джунгли славятся обилием пиявок, но почему-то именно на этой поляне их было особенно много, и они отличались небывалой прожорливостью. Правда, в первые минуты мы не увидели ни одной пиявки. Не знаю уж, как они ухитряются проведать о появлении человека — то ли по колебаниям почвы, вызванным шагами, то ли по запаху, — но не успели мы сесть и закурить, как из кустов выполз настоящий живой ковер. Пиявки, словно маленькие черные гусеницы-землемеры, ковыляли через листья к нам. Иногда они останавливались и, вытянувшись торчком, вертели головой так, будто старались уловить запах. В этом лесу просто не было спасения от пиявок; оставалось только надеяться, что они не присосутся к одной из менее доступных частей вашего тела. Ведь они проникают в малейшие дырочки и двигаются с легкостью пушинки, так что вы ни о чем не подозреваете, пока вдруг не обнаруживаете, что на вас, словно мелкий инжир, висят раздувшиеся от крови черные паразиты. Есть лишь два средства справиться с ними (разумеется, при условии, что вы их заметили): зажженная сигарета или щепотка обыкновенной соли. С их помощью можно заставить пиявку ослабить хватку и отвалиться. Если же вы неосмотрительно начнете их отрывать, челюсти останутся в вашей плоти, и за свои муки вы будете к тому же награждены хорошей гноящейся ранкой.

Итак, мы сидели, стараясь отдышаться после подъема, а полчища пиявок пожирали нас.

— Прелестно! — с горечью произнес Джим. — Мне чудом удалось спасти несколько граммов крови от этих проклятых растений, а теперь последние жалкие остатки будут высосаны из меня этой дрянью.

Его настроение несколько не улучшилось, когда Крис упавшим голосом признал, что вершина этого холма не подходит для задуманных им кадров. Мы собрали свое снаряжение и с полным грузом пиявок побрели вниз. Спустившись на песчаный бережок, мы укрылись от посторонних глаз, разделись и с помощью горящих сигарет помогли друг другу избавиться от пиявок.

— Итак, — сказал Джим, натягивая брюки, — какую потеху Крис придумал для нас теперь? Может, поплывем через реку, Джерри? Глядишь, если повезет, встретим крокодила. Вот будет эпизод!

— Могу сказать, о чем я думаю, — медленно произнес Крис. — Помогите, если вы одолеете на лодке вон те пороги, могут получиться довольно впечатляющие кадры.

Я посмотрел на участок, о котором он говорил: через всю реку, будто потемневшие старые зубы, выстроились огромные коричневые камни. Протискиваясь между ними, вода разбивалась на бурлящие извилистые струи, и напор был ничуть не меньше, чем в пожарном рукаве.

— А ты часом не рехнулся? — осторожно спросил я.

— Нет, — ответил Крис. — Это только на вид страшновато.

— Верно! — горячо подхватил Джим. — Зато представляешь себе, как будет приятно, когда ты пройдешь там, а он скажет, что эти кадры ему, пожалуй, ни к чему.

После долгого спора мы решили предоставить лодочнику рассудить нас. К моей великой досаде, он заявил, что с удовольствием проведет лодку через пороги. Ничего не поделаешь... Джим и Крис заняли позиции с камерами, а мы с Джеки сели в лодку и тронулись в путь. Эта лодка еще утром, в начале нашего путешествия, показалась мне не очень-то надежной, когда же мы стали приближаться к порогам, я и вовсе потерял веру в ее прочность и ходовые качества. А лодочнику вся эта затея явно доставляла огромное удовольствие, он лихо работал шестом, время от времени издавая буйные «гиббоньи» крики, явно выражавшие упоение, которого мы с Джеки совершенно не разделяли. И так как он стоял на корме, а мы сидели ближе к носу, то, когда долбленка достигла порогов, все брызги достались нам. Большие шипящие волны ударили в скулы лодки и приняли нас в свои объятия; через тридцать секунд мы промокли столь же основательно, как если бы попытались одолеть пороги вплавь. К моему удивлению, мы миновали каменную преграду невредимыми и вышли на более спокойный участок.

— Великолепно! — орал Крис, прыгая на берегу. — А теперь повторите, чтобы мы могли снять вас крупным планом.

Бормоча непечатные эпитеты по адресу нашего режиссера, мы вторично форсировали пороги.

— Ну вот что, — сказала Джеки, когда вторая попытка была успешно завершена, — с меня хватит. Отвезите-ка меня обратно в рестхауз, чтобы я могла переодеться.

Крис сразу понял, что запахло бунтом, и согласился.

— В самом деле, — сказал он, — оставим Джеки в рестхаузе, а сами поднимемся вверх и еще поснимаем.

Джим выразительно посмотрел на меня.

Водворив в рестхауз мою промокшую и раздраженную супругу, мы отправились вверх против течения. Приблизительно через полчаса подвесной мотор вдруг издал какие-то странные хлопки и заглох. В наступившей давящей тишине Джим просвистел несколько тактов из песни о жертвах кораблекрушения.

— Что с ним случилось? — спросил Крис, возмущенно глядя на мотор.

— Заглох, — ответил я.

— Без тебя вижу, — отрезал Крис, — но почему?

Д Тем временем лодочник, всем своим видом выражая недоумение, набросился на мотор и принялся потрошить его гаечным ключом. Наконец, радостно улыбаясь, он извлек из внутренностей мотора какую-то часть, которая — даже я это сразу понял — была безнадежно искалечена, и сообщил, что должен вернуться в рестхауз, чтобы заменить эту необходимую деталь.

— Ну нам-то незачем с ним возвращаться, — заметил Крис. — Подождем здесь.

— Кто-нибудь из нас отправится с ним, — твердо сказал я. — Я уже попался на такие удочки. Он заболтается с женой своего лучшего друга и пропадет дня на три. Я предлагаю сделать так: мы с тобой останемся здесь со снаряжением, а Джим пусть едет с ним.

Мы выгрузили снаряжение на песок, проводили взглядом лодку с Джимом и углубились в обсуждение эпизодов, которые надеялись снять, когда (и если) Джим вернется. Сидя на корточках спиной к реке, мы ничего не замечали вокруг, и то, что произошло затем, немало потрясло нас обоих. Я повернул голову, чтобы швырнуть в реку окурок, и вдруг увидел метрах в пяти от нас приближающуюся с изрядной скоростью исключительно крупную и грозную на вид королевскую кобру. Голова с шеей возвышалась сантиметров на пятнадцать над водой, а сама змея была не менее трех метров в длину и, судя по ее большим сверкающим глазам, обладала довольно скверным характером. Продолжая плыть тем же курсом, она неизбежно пристала бы к берегу как раз между Крисом и мною. И хотя я страстный натуралист, столь тесное общение с королевской коброй мне вовсе не улыбалось.

— Берегись! — заорал я, вскакивая на ноги.

Крис бросил испуганный взгляд через плечо, тоже вскочил, и мы дружно обратились в бегство.

Тут, в соответствии с лучшими образцами литературы о джунглях, королевской кобре полагалось злобно зашипеть, броситься на нас и несколько раз обвиться вокруг тела Криса, а в ту самую секунду, когда ее зубы должны были вонзиться в трепещущую яремную вену Криса, мне надлежало разmozжить ей голову метким выстрелом из пистолета. Несомненно, все так бы и вышло, если бы не три вещи: во-первых, у меня не было пистолета, во-вторых, кобра явно не читала нужных книг, и, в-третьих, она испугалась нас не меньше, чем мы ее. Она плыла тихо-мирно по своим делам, нацелившись на симпатичный песчаный бережок, на котором торчали два гнилых пня. Внезапно — о ужас! — пни превратились в людей! Если можно говорить о выражении лица змеи, то у этой кобры оно было чрезвычай-

но удивленным. Она круто затормозила, остановилась и несколько секунд смотрела на нас, высунувшись из воды почти на полметра. Я утешал себя тем, что смерть от укуса кобры, если верить книгам по герпетологии, не так уж мучительна. Однако змея отнюдь не собиралась тратить на нас драгоценный яд. Она повернулась кругом и полным ходом поплыла вверх по реке. В тридцати метрах от нас кобра выбралась на берег и ринулась в лес с такой скоростью, словно за ней гнались по пятам.

— Ну вот, — сказал я Крису, — теперь ты сам убедился, какая опасная тварь эта королевская кобра. Бросается на людей без малейшего повода!

— Что ты хочешь этим сказать? — не понял Крис. — Она же испугалась нас ничуть не меньше, чем мы ее.

— Вот именно. И тем не менее о королевских кобрах пишут, что они нападают ни с того ни с сего.

— Жаль, что здесь нет Джима, — задумчиво произнес Крис. — Вот было бы разговору на целый день.

Когда Джим наконец вернулся с лодкой, мы прошли еще три-пять километров вверх по реке и высадились на берег, чтобы исследовать лес и проверить, не подойдет ли он для задуманных нами съемок. Не успели мы отшагать и двухсот метров, как на гребне холма, справа от нас, раздались дикие вопли. Эта какофония напоминала пение гиббонов, но голоса были басистее и громче, и каждый крик заканчивался странной гулкой дробью, словно кто-то стучал пальцами по барабану.

— Сиаманг! — сказал лодочник, и глаза Криса загорелись одержимостью.

— Попробуем подойти поближе и снять несколько кадров, — прошептал он.

Мы осторожно начали подниматься на бугор, стараясь поменьше шуметь, но с громоздким грузом продвигаться бесшумно сквозь обильно уснащенные шипами и колючками заросли было невозможно. Впрочем, сиаманги были слишком увлечены своими вокальными упражнениями, чтобы обращать на нас внимание, ибо пение не прерывалось. Мы подходили все ближе к деревьям, на которых, по нашему расчёту, сидели обезьяны, и уже приготовились увидеть певцов, когда голоса вдруг смолкли. И сразу в лесу стало так тихо, что на фоне этой тишины шум от нашего продвижения казался гулом идущих напролом танков. Внезапно лодочник остановился и указал вверх своим тесаком.

— Сиаманг! — повторил он с довольным видом.

На макушке стройного дерева, метрах в двадцати пяти над нами, устроилась пятерка сиамангов с поблескивающей на солнце угольно-черной

Д шерстью: взрослые самец и самка, два юнца и детеныш. Лениво свесив длинные руки с тонкими кистями, они небрежно восседали на ветвях, и я обратил внимание, как любопытно они распределились: самец сидел на толстом суку лицом к остальной четверке, которая примостилась на другом суку, метрах в четырех от него и чуть пониже. Можно было подумать, что он читает им небольшую лекцию о древней сиамангской музыке. А чтобы мы не воображали, что незаметно подкрались к нему, он то и дело поглядывал на нас и поднимал брови, точно его шокировал наш неряшливый вид. В конце концов сиаманг смирился с мыслью, что аудитория пополнилась новыми слушателями, и сосредоточил все внимание на своей семье. Глядя в бинокль, я увидел, как он уселся поудобнее, разинул рот и запел.

Первые три-четыре крика были короткими, отрывистыми; в это время с горлом гиббона происходило что-то удивительное, оно все больше раздувалось по мере того, как он накачивал воздух в розовый, словно светящийся горловой мешок. Наконец мешок достиг нужных размеров, и началась настоящая песня. Интересно, что после каждого, если так можно сказать, куплета горловой мешок начинал опадать, а следующий куплет снова накачивал его воздухом. Насколько я понимаю, именно эта «граммофонная труба» издавала странную барабанную дробь в конце куплетов, когда из мешка вырывался воздух. После очередного куплета наступала короткая пауза, во время которой семья, увлеченно слушавшая певца, продолжала пожирать его глазами. А затем самка и один из юнцов, иногда поддержанные самым маленьким, разражались пронзительными отрывистыми криками — очевидно, своего рода аплодисментами; во всяком случае, так их воспринимал самец, потому что он тут же опять принимался петь.

Это длилось около четверти часа; всякий раз как он останавливался, семья поощряла его продолжать, и он все больше возбуждался — ни дать ни взять исполнитель популярных песенок, который взвинчивает себя, чтобы последним, заключительным номером уложить поклонников наповал. Сначала он своими длинными руками срывал листья с ближайших веток, потом начал подпрыгивать на суку. Это вызвало настоящую овацию; тогда он забегал взад-вперед, согнув руки в локтях и болтая кистями с присущим гиббонам милым кокетством, чем окончательно привел семью в состояние экстаза. Финал был поистине великолепным — певец лихо прыгнул в воздух, камнем пролетел метров десять, совершенно расслабив руки и ноги, и вдруг, когда уже казалось, что сейчас ему придет конец, небрежно вытянул длинную руку, поймал подвернувшуюся ветку и закачался на ней таким черным косматым маятником, изливая в песне всю душу.

Встреча с этим прилежным и увлеченным хоровым коллективом доставила мне истинную радость. Сиаманги очень серьезно относились к своим музыкальным упражнениям и пели с наслаждением. Приятно сознавать, что в этом огромном заповедном лесу никогда не переведутся стаи гиббонов, весело поющих друг для друга в беседках из зеленой листвы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЯСЛИ ДЛЯ ВЕЛИКАНА

Он прыгал и скакал, он ползал и барахтался,
Пока не упал без сил.

«Охота Ворчуна»

Киносъемки — дело мудреное, и нет ничего удивительного в том, что через три дня после нашего отъезда из Национального парка можно было увидеть, как я стою на верхней перекладине высокой стремянки, Крис и Джим лежат внизу на траве, а Джеки и некоторые другие лица выстроились в круг, словно игроки в крикет во время подачи. Причиной стольких странных маневров было одно из самых любопытных животных, каких мне когда-либо доводилось встречать.

Из Таман Негара мы отправились в долгий путь до городка Дунгун на восточном побережье, где надеялись посмотреть на одну из крупнейших в мире рептилий, а по пути нам попала еще другая рептилия, не столь крупная, но ничуть не менее интересная. Часть пути пролегла по лесистым холмам, и дорога состояла из сплошных крутых поворотов; не припомню, чтобы мне когда-нибудь в жизни приходилось столько петлять. Поворотов было такое количество, и они так часто следовали один за другим, что Джим, лежавший в кузове «Лендровера», в конце концов попросил нас остановиться. Он возлежал среди снаряжения, словно какой-нибудь римский император, причем для вящего сходства прижимал к груди большущий ананас, приобретенный нами в деревне, которую мы недавно проехали. Лицо Джима было цвета зеленого горошка — тревожный признак.

— Что с тобой? — спросил Крис.

— Меня укачало, — робко произнес Джим.

— О господи! А от чего тебя не укачивает?

— Я не виноват, — обиженно возразил Джим. — Сплошные петли да повороты. Только настрою желудок, как вы уже закладываете новый шраг.

Д

— В самом деле, давайте сделаем остановку, — вмешалась Джеки. — Заодно позавтракаем.

Джим с тоской посмотрел на нее.

— Ты думаешь, мне до завтрака? — осведомился он.

— А я хочу есть, — безжалостно ответила Джеки.

Мы достали наши припасы и разместились на обочине; пока мы ели, Джим упорно смотрел в другую сторону. Наевшись холодного мяса и закусив ананасом, мы прилегли отдохнуть. В это время я заметил среди деревьев поодаль двух необычного вида птиц. Я достал бинокль и пошел по дороге в их сторону. Когда же подошел ближе, то обнаружил, что на макушках деревьев затеяла любовные игры пара вилохвостых дронго. Эти птицы величиной с черного дрозда, у них закругленные хохолки, а два наружных хвостовых пера сильно удлинены и заканчиваются расширенными опахалами, напоминающими ракетки; оперение снизу сине-зеленое с металлическим отливом, сверху — черное с матовым блеском. Они бегали по ветвям, пританцовывая и выписывая хвостами замысловатые кривые; они взлетали и пикировали друг на друга, и тогда опахала на конце хвостовых перьев становились похожими на странных круглых жуков, летящих вдогонку за птицами. Время от времени дронго что-то кричали низкими, хриплыми голосами.

Тут мое внимание привлекла небольшая сероватая ящерица, которая сновала по стволу, слизывая длинным языком древесных муравьев, поднимавшихся цепочкой в свою зеленую обитель. Но ящерица показалась мне бесцветной и неинтересной, и я уже хотел перевести бинокль обратно на дронго, когда эта маленькая рептилия выкинула такую штуку, что я, фигурально выражаясь, подскочил в воздух на несколько метров, — вдруг ни с того ни с сего на горле у нее вырос какой-то треугольный белый лоскут, похожий на парус. Несколько секунд ящерица то выдвигала, то убирала этот «воротничок», потом прыгнула в воздух, а когда начала падать, по бокам у нее раскрылись два широких, как у бабочки, крыла. Зафиксировав их в расправленном положении, ящерица легко пролетела около полусотни метров до следующего дерева. И тогда мне стало ясно, что эта заурядная с виду зверюшка, от которой я готов был отвернуться, на самом деле была одной из самых замечательных рептилий на свете. Я давно мечтал увидеть эту ящерицу, известную под именем *Draco volans* — летучий дракон, и с первой минуты нашего пребывания в Малайе упорно всех о ней расспрашивал. Сведения, которые я получил, были довольно скудными. «Попадают», — говорили мне таким тоном, из которого явствовало, что можно прожить в Малайе полсотни лет и ни разу не встретить летучих драконов, — и тут же переводили разговор на другую тему.

И вот передо мной настоящий, живой летучий дракон, которого я уж и не чаял увидеть! Я издал вопль, исполненный такой муки, что мои товарищи сорвались с места и бросились ко мне. Но прежде чем они добежали, *Draco volans* снова взлетел и скрылся в лесу.

— Что случилось? — спросила Джеки; она явно решила, что меня укусила какая-нибудь опасная тварь.

— *Draco volans*, *Draco volans*, — бессвязно твердил я.

Глаза моих спутников выражали изрядное недоумение.

— А что такое *Draco volans*? — спросила Джеки.

— Это такая летучая ящерица, — нетерпеливо ответил я. — Только что была здесь, летала с дерева на дерево.

— Солнечный удар, — рассудительно произнес Джим. — Я сразу смекнул, как только услышал его речь.

— Говорю вам, она была тут! Перелетела вон с того дерева на то, а когда вы побежали сюда, махнула в лес.

— Ты приляг, отдохни, и все пройдет, — сказал Джим. — А я выжму тебе на лоб ананасового сока.

Никакие мои слова не могли убедить их, ибо они тоже привыкли считать летучего дракона мифом. И мы поехали дальше, причем всю дорогу я не давал им покоя, все твердил о летучих ящерицах.

На ночь мы остановились в маленьком городке, где нас приютили — честь им и хвала — супруги Аллены, милейшие люди. После обмена любезностями мы вернулись к разговору о летучем драконе; Джефффри Аллен (кстати, превосходный фотограф-анималист) с легким недоумением слушал колкости, которыми мы обменивались.

В конце концов он не выдержал:

— Что это вы так расшумелись из-за какого-то летучего дракона?

Не будь он нашим хозяином, я бы его тут и нокаутировал, но Джефффри нас приютил, и к тому же он налил мне особенно большую порцию виски, поэтому я сдержал свой порыв и постарался объяснить ему, что произошло.

— Увидеть летучего дракона — давнишняя моя мечта. С первого же дня в Малайе я всех допрашиваю о летучих ящерицах, а толку не больше, чем если бы я попытался взять интервью в монастыре ордена Молчальников. Вдруг, по дороге сюда, мне на глаза попадается такая ящерица, а эти недоумки, с которыми я принужден путешествовать, отказываются мне верить!

— Странно, почему они не верят, — небрежно произнес Джефффри, — у меня их полный сад.

— Как? — Я не поверил своим ушам. — В вашем саду?

— Ну да, — подтвердил Джеффри. — У меня их десятки, летают целыми днями.

— Это все тропики, — серьезно молвил Джим, обращаясь к Крису. — Стоит кому-нибудь здесь поселиться — рано или поздно сойдет с ума.

— Как по-вашему, их можно снять? — спросил я Джеффри.

— А почему же нет, — ответил он. — Правда, они очень подвижные. Да вы завтра утром сами посмотрите и решите.

На рассвете я потащил Джеки, Джима и Крису в сад и с радостью убедился, что Джеффри ни капельки не преувеличивал — куда ни повернусь, всюду, будто бумажные голуби, порхали с дерева на дерево летучие драконы. Джим пристегнул к себе камеру и попробовал снять их в полете, заставив нас колотить палками по стволам, чтобы ящерицы летели на него. После часа-другого подобных упражнений мы взмокли, а Джим заснял около полуметра пленки и заверил нас, что лучших кадров пустого неба еще никому не удавалось получить.

— Это бесполезно, — объявил он. — Пока я ловлю этих тварей видеоискателем и навожу фокус, они уже успевают приземлиться. Боюсь, у нас ничего не выйдет.

— Есть только один выход, — сказал я, — поймать ящерицу.

— И что мы с ней будем делать? — спросил Крис.

— А вот что, — ответил я, — поднимемся на второй этаж и выбросим ее из окна спальни, как только Джим скажет, что готов.

— Гм... — скептически молвил Крис. — Впрочем, ладно, рискнем.

Вооружившись бамбуковыми шестами с петлей на конце, мы следующие два часа посвятили ловле летучих драконов. В результате удалось рассмотреть и поймать двух ящериц поглупее, после чего мы отправились на веранду, чтобы выпить по вполне заслуженному стаканчику, прежде чем приступать к съемкам. Я воспользовался случаем и поближе изучил добычу.

Белый горловой мешок дракона чем-то напоминал удлинненную ягоду клубники. Обычно он сложен и его не видно, но когда дракон хочет произвести впечатление (насколько я мог судить, самец вспоминал про это украшение, лишь когда кто-нибудь посягал на его территорию), он накачивает его воздухом, и мешок то раздувается, то спадает с промежутком примерно в одну секунду. Еще более необычны крылья: ребра рептилии удлинены, и на них, будто на спицах зонтика, держится перепонка. Когда крылья прижаты к бокам — опять-таки будто сложенный зонтик, — их и не различишь, настолько тонка кожа. Летучий дракон производил удивительное впечатление гостя из далекой-далекой древности. Глядя, как он, реагируя на прикосновение руки, то расправлял, то складывал крылья, нетрудно

было представить себе, как эволюция превратила сходных ящериц в известных нам ныне птиц.

Утолив жажду и слегка поостыв, мы начали подготовку к съемке. Чтобы получше запечатлеть на пленке полет и получить четкое изображение крыльев, надо было снять дракона силуэтом на фоне неба. Поэтому Крис и Джим, с камерами в руках, легли на траву, а Джеки, Джеффри и его жена Бетти стали поодаль и приготовились схватить ящерицу, прежде чем она успеет улизнуть.

Расставив по местам свою бригаду, я поднялся в спальню, извлек одну ящерицу из банки, в которую мы их заточили, и, по сигналу распростертых на земле операторов, швырнул ее в воздух. Дракон немедленно расправил крылья и спланировал на газон, где его ловко перехватил Джеффри. Однако операторы остались недовольны результатом, пришлось снова подниматься на второй этаж и бросать ящерицу в окно. После двадцать пятого раза мне и ящерицам это занятие слегка осточертело. Я объявил перерыв, мы обсудили проблему за кружкой холодного пива.

Вся беда заключалась в том, что, когда я выбрасывал дракона из окна спальни, камеры успевали захватить лишь маленький кусочек неба с силуэтом ящерицы. Окно явно не подходило.

— А если взять стремянку? — предложил Джеффри. — Ее можно поставить где угодно.

Загоревшись новой идеей, мы отправились в кладовку и извлекли на свет божий две до крайности разболтанные трехметровые лестницы. Если за нами в этот день наблюдал какой-нибудь непосвященный человек, он вправе был принять просторный сад Джеффри за территорию местной психиатрической больницы. Мы с Крисом, пошатываясь, волокли неуклюжего деревянного «жирафа», впереди шествовал Джим, который поминутно ложился навзничь на траву, а сзади плелись Джеффри, Джеки и Бетти, которые несли необходимые предметы снаряжения и двух летучих драконов в банке из-под варенья. Наконец, когда мы завершили третий круг, Джим выбрал место, мы воздвигли стремянку и приступили к операции. Был уже полдень, и вся Малайя нагрелась до температуры, при которой тело человека плавится.

Голый по пояс, напялив на голову огромную ветхую соломенную шляпу, одолженную мне Джеффри, я крепко сжал в одной руке летучего дракона и начал взбираться по лестнице. Стремянка скрипела, трещала и шаталась так, что я опасался за свое благополучие не меньше, чем какой-нибудь новичок, впервые огибающий мыс Горн на яхте. Удостоверившись, что «перехватчики» на местах, а Крис и Джим лежат на спине подле стре-

Д мянки, я подбросил дракона в воздух. Мне не пришлось наблюдать его полет, потому что стремянка неодобрительно относилась к резким движениям, и мой великолепный бросок из-за головы заставил это хрупкое сооружение угрожающе раскачиваться. Когда я наконец укротил его, то увидел, что Крис уже на ногах и довольно улыбается мне.

— Отлично, — сказал он. — Но все-таки лучше несколько раз повторить для полной уверенности.

Черт дернул меня вспомнить про этих летучих драконов... Под жгучим солнцем я почти до самого вечера качался на стремянке, словно какой-нибудь на редкость бездарный циркач, и время от времени подбрасывал ящериц в воздух. Наконец Джим объявил, что доволен снятыми кадрами, мы удалились в прохладные комнаты и приняли душ, предварительно выпустив на волю наших «звезд». Они до того изнемогли от всей этой кутерьмы, что даже не стали спасаться бегством, а примостились на ближайшей ветке, сердито глядя на нас.

Сообщаю для сведения, что весь эпизод (а удался он превосходно) на экране занял пятнадцать секунд и что ни одна душа не похвалила нас за наше достижение. Надеюсь, все те, кто мечтает стать оператором-анималистом, хорошенько поразмыслят над этим отрезвляющим примером, прежде чем выбирать профессию.

Когда путешествуешь по Малайе, важно не впадать в отчаяние от множества переправ. В большинстве тропических стран реки и речки образуют не менее сложную и запутанную систему, чем кровеносные сосуды в теле человека, и, чтобы добраться до места назначения, приходится пересекать до полусотни водных преград. Через мелкие вы проносите голову, лихо вспахивая мутную воду радиатором, через реки поглубже вас перетаскивают, если боги дождей милостивы к вам, но действительно широкие и могучие потоки, по виду которых кажется, что они состоят из густого, тягучего хереса, можно преодолеть только на пароме.

С паромами — как с автобусами, в различных частях света это дело поставлено по-разному; малайские паромы отличает то, что они всегда стоят у противоположного берега, когда вы подъезжаете к реке, и приходится ждать по меньшей мере полчаса, а то и больше. Иногда скучное ожидание скрашивалось тем, что рядом с дорогой простирались прелестные мангровые болота с деревьями, опирающимися на причудливо скрецающиеся корни, погруженные в восхитительно липкий и зловонный ил. Кто только не обитал тут! Там, где море подходило совсем близко и вода в болоте была солоноватая, водились ильные прыгуны, удивительные рыбы, голова которых так похожа на голову бегемота. Да и повадками ильный прыгун напо-

минает бегемота, он так же любит лежать у самой поверхности воды, выставив любопытствующие выпученные глаза. Но у ильных прыгунов есть свой, особый талант, способный при первой встрече с ними посеять тревогу и смятение в вашей душе, буде вы принадлежите к числу людей, убежденных, что истинное место рыбы — под водой. Этим рыбам очень нравится гладкая поверхность ила между корнями мангров; выбравшись из воды, они носятся по илу, будто по катку, порой даже взбираются на переплетение корней.

Другой приметный житель этих благоухающих болот — пестрый, как бабочка, краб-сигнальщик, обитающий в норках в иле. На берегах тропических рек всегда можно увидеть участки сырой почвы, где в огромных количествах скапливаются бабочки: Утоляя жажду, они то расправляют, то складывают свои крылышки, и ничем не приметный кусок берега внезапно испыхивает настоящим фейерверком красок. В мангровых болотах аналогичную эстетическую функцию выполняют крабы-сигнальщики. Покинув свои норы, они тихонько продвигаются вперед, причем непрерывно машут огромной клешней, одним и тем же жестом приманивая самок и устрашая соперников. Время от времени сверкающий на солнце краб останавливается, чтобы сунуть в рот лакомый комочек ила, из которого он извлекает свое питание — мельчайшие водоросли. Это выглядит очень потешно, как если бы какой-нибудь гурман расположился в выгребной яме и трапезничал там, помогая себе палочками для еды. Да и вся картина в целом совершенно необычная. Подходишь к обширному участку лоснящегося ила — словно какие-то разноцветные блики ныряют в многочисленные норки, которыми испещрена темная гладь. Присаживаешься на корточки и терпеливо ждешь; и вот уже показалась одна, вторая, третья клешня. Медленно и чрезвычайно осторожно крабы высовываются из своих убежищ и тут же останавливаются, чтобы удостовериться, что опасность миновала. Блестящие панцири напоминают алые, лиловые, зеленые и желтые огоньки. И пусть краб стоит неподвижно, проверяя, нет ли угрозы, — его большая клешня все время подергивается взад и вперед, словно от тика. Если у вас хватит выдержки сидеть неподвижно, самые храбрые в конце концов отважатся отойти от норы, а когда они примутся за еду, то и более робкие, видя, что опасаться нечего, внезапно вынырнут на поверхность, и на глазах у вас однообразная серая гладь разом преобразится в калейдоскопически пестрый персидский ковер. Причем сходство с калейдоскопом на этом не кончается: если вам наскучил один узор, достаточно пошевелить рукой — и, словно по волшебству, перед вами опять ровная, блестящая серая гладь. Крабы отступают в свои норки столь стремительно, что за ними просто не уследишь. Не

Д

ил, а «волшебная дощечка» из магазина игрушек с возникающими на ней красочными замысловатыми узорами, которые вы можете стереть одним движением руки.

Удивительно, но после шестой или седьмой переправы мои спутники совершенно перестали интересоваться как манящими крабами, так и ильными прыгунами. Они расхаживали взад-вперед по берегу и возмущались медлительностью паромщиков. Стремясь их умиротворить, я объяснял, что паромщики не спешат из осторожности, которая в этих местах вполне оправданна. Мое объяснение воспринималось с легким недоверием, пока я в подтверждение своих слов не рассказал, что дней десять-двенадцать назад огромный автобус, битком набитый бесшабашными малайцами, въехал на паром, а тот ни с того ни с сего опрокинулся и утопил больше половины пассажиров. Джим осведомился, почему бы нам не добираться до цели по суше.

Только у пятнадцатой переправы нам встретились первые указания на то, что рептилия, ради которой мы отправились в такую даль, существует на самом деле. Паром задержался несколько дольше обычного, и крабы на прилегающем болоте уже перестали нас развлекать. Но у дороги стоял домик, и я заметил, что в него то и дело заходят люди, которые тут же появляются вновь, держа в руках заманчивые на вид бутылки. И так как все мы остро нуждались в какой-нибудь освежающей влаге, я предложил Джеки исследовать этот феномен. Разумеется, я не рассчитывал найти в этой хижине, чуть ли не шалаше, столь экзотический напиток, как пиво, но в полдень, после нескольких часов езды на колесах, меня вполне устроила бы и кока-кола. Мы вошли в домик и — представьте себе! — увидели лоящиеся от всякой всячины полки, а также большой, уютно жужжащий холодильник с солидным запасом чудесного, холодного пива. Пока нас обслуживали, я заметил на краю прилавка большую тарелку, в которой лежало нечто вроде огромных, потускневших от частого пользования мячей для игры в пинг-понг.

— Ты только посмотри! — обратился я к Джеки.

— Что это такое? — спросила она подозрительно.

— Это, — я взял в руки один шарик, — яйца *Dermochelys coriacea*.

— Кого-кого?

— Того самого существа, из-за которого мы потратили столько времени, сил и денег, лишь бы посмотреть на него, — ответил я. — Это яйца кожистой черепахи.

Кожистая черепаха — не только одна из крупнейших, но и одна из интереснейших рептилий в мире. Она достигает трех метров в длину и весит

около тонны¹. В отличие от других представителей подкласса, обладающих твердым роговым щитком, ее спина покрыта кожей, но выступающие костные пластины-кили посреди спины свидетельствуют о родстве кожистой черепахи с обычными черепахами. Сведения об этом мощном и довольно унылом создании весьма скудные. Питается кожистая черепаха рыбой и другими морскими жителями, а иногда и водорослями; вероятно, некогда она была распространена гораздо шире, чем теперь. К тому времени, когда мы организовали свою экспедицию, было известно всего три места размножения кожистых черепах — в Пуэрто-Рико, на Цейлоне и в Малайе (там, куда мы направлялись). На беду черепах, откладываемые ими яйца очень некусы, поэтому места размножения в Пуэрто-Рико и на Цейлоне подверглись непомерной эксплуатации, и в конце концов черепахи ушли оттуда. Таким образом, берег под Дунгуном оставался последним местом в мире, где можно было осмотреть ясли кожистой черепахи. Я стремился попасть туда по двум причинам: во-первых, если вы не достережете кожистую черепаху, когда она выходит на берег откладывать яйца, вы можете ее вообще не увидеть; во-вторых, государственные организации страны недавно имели в действие весьма разумный способ охраны черепах, и мне хотелось убедиться, насколько он эффективен.

Берег, о котором идет речь, представляет собой пляж километров на восемь-десять; право на сбор черепаших яиц принадлежало одному местному жителю и приносило ему изрядный доход, так как яйца эти считаются деликатесом. Увы, подобно большинству людей, концессионер думал только о прибыли, ему было невдомек, что постепенно, из года в год, он изводит черепах, откладывающих золотые яйца. Тут-то и вмешалось правительство совместно с Малайским обществом естествоиспытателей. Было решено ежегодно закупать определенное количество гнезд по рыночной цене; яйца собирали, выводили черепашат и выпускали на волю. Таким образом, был соблюден обоюдный интерес: спасена кожистая черепаха и обеспечена семья концессионера. На бумаге подобное решение выглядело чрезвычайно дельным и прогрессивным, но я знал по горькому опыту, что самые замечательные постановления об охране животных на деле чаще всего терпят провал.

Приободренные видом яиц, мы поспешили завершить последний этап нашего путешествия и прибыли в маленький аккуратный городок Дунгун. Из книг и статей мы знали, что для съемки понадобится освещение, так

¹ Дж. Даррелл допускает ошибку: вес наиболее крупных кожистых черепах не превышает 600 кг. — *Примеч. ред.*

Д

как черепахи выходят на берег только по ночам. Наладить освещение для съемок на пляже в пятидесяти-шестидесяти километрах от ближайшего источника электроэнергии довольно сложно, но эту проблему для нас любезно разрешило Министерство сельского хозяйства, прислав в Дунгун электрика и переносной генератор. Электрик, кругленький коротыш, встретил нас и, радушно улыбаясь, сообщил, что забронировал номера в китайском отеле — лучшем в городе. Отель был чистенький и опрятный, правда, несколько спартански обставленный; нам с Джеки посчастливилось попасть в номер рядом с ванной.

Я намеренно говорю «посчастливилось», ибо это соседство позволило мне провести кое-какие научные исследования на тему о чистоплотности китайцев. Стена, отделявшая нашу комнату от ванной, сантиметров на пятнадцать не доходила до потолка, так что мы могли слышать каждое движение и с точностью до капли определить, сколько воды вытесняли из ванны купающиеся. Первые двое ограничились быстрым, но довольно основательным омовением, после чего удалились, весело насвистывая, но третий был человеком другого склада.

Он ворвался в ванную бегом, точно за ним гнались, захлопнул дверь и так энергично щелкнул задвижкой, что я испугался, как бы он ее не оторвал. Такого начала было достаточно, чтобы приковать мое внимание, и я продолжал слушать словно замороженный, сидя на своей кровати. Заперев дверь, он минут пять-шесть не мог отдышаться, будто ждал, что к нему вломятся преследователи. Уж не спасается ли он от какой-нибудь малайской банды?.. А что, если я пойду мыться и увижу его окровавленный труп на вешалке для полотенец?.. В конце концов ему, очевидно, удалось победить страх, потому что дыхательные упражнения прекратились, и он принялся, насколько я мог судить... стегать ванну. Станные звуки доносились через перегородку в нашу комнату — избиваемая ванна гудела, точно соборный колокол. Концерт затянулся, я уже хотел постучать в стену и сказать, что это не лучший способ скрыть свое пребывание от преследующих головорезов, но тут музыка кончилась. Дальше, судя по звукам, он принялся драить пол сухой щеткой; этого занятия ему тоже хватило надолго. Наконец, хорошенько отстегав ванну и надраив пол, он пустил воду. Некоторое время царила полная тишина, если не считать шума воды, и я представил себе, как он стоит, безмолвный, объятый страхом, глядя на наполняющуюся ванну.

Через четверть часа я забеспокоился. Даже самая большая ванна не вместит такого количества воды! Я озабоченно посмотрел на пол возле стены, но не заметил никаких признаков просачивающейся влаги. Может, он

утонул? Пустив воду, поскользнулся, упал и теперь лежит в ванне лицом вниз... Пойти и постучаться? Моя тревога за его судьбу несколько умерилась, когда он неожиданно завернул краны и (опять-таки ничего не утверждаю, только предполагаю, так как мог положиться лишь на свой слух) прыгнул в ванну с семиметровой высоты. Нужно было слышать этот гром и плеск! Завороженные мысленным видением того, что происходило у нас за стеной, мы с Джеки сидели на краешке кровати, нервно глотая пиво и ожидая следующего откровения.

Оно не заставило себя ждать. Человек-невидимка громко зафыркал, словно водяной буйвол, наслаждающийся жизнью в особенно смачной луже, и начал выбрасывать в воздух каскады воды, которые гулко шлепались обратно в ванну. Я по сей день убежден, что он пользовался кастрюлей или еще каким-нибудь подручным средством, ибо человеческие ладони, даже самые широкие, не способны захватить столько воды. Когда он пошел в ванную, я просто так, для интереса, посмотрел на часы, и вот теперь, снова взглянув на них, обнаружил, что прошло полчаса, как он заперся. Стрелки моих часов отмерили еще сорок пять минут, а он все продолжал фыркать, булькать и расплескивать воду.

— Господи, что он там такое творит? — сказала Джеки.

— Наверно, это какой-нибудь особенно рослый китаец, — предположил я.

— Но ведь он не моется, а просто расплескивает воду.

Прошло еще полчаса, шум не прекращался.

— Не может он столько мыться, — убежденно произнесла Джеки.

— Но чем-то он занят, — возразил я. — Если ты мне поможешь, мы пододвинем к стене вон тот комод, я влзу на него и погляжу в щелку.

— Этого нельзя делать!

— Почему нельзя? Это же научное исследование. Я напишу для «Ланцета» статью, которая принесет мне богатство и славу.

— Неприлично смотреть в щелку на людей, когда они моются, — твердо сказала Джеки.

— Хочешь, я спою для него несколько строф из «Бурного океана»? — предложил я.

— Нет, — ответила Джеки. — Но я хотела бы знать, чем он занят.

Не подозревая, какой зловещий интерес вызвала у нас его деятельность, китаец плескался и булькал, словно разбушевавшаяся русалка во хмелю, потом вдруг воцарилось безмолвие.

— Слава богу, — сказала Джеки, — наконец-то кончил.

— Или же выплеснул всю воду из ванны, — добавил я.

Долго тянулась жуткая тишина, прерываемая лишь глубокими вздохами. Внезапно — мы даже подскочили от неожиданности! — он пустил душ на полную мощность и снова принялся фыркать и булькать.

— Нет, я больше не могу, — не выдержал я. — Сейчас пододвину к стене комод и погляжу. Видит бог, я и сам не прочь понежиться в ванной, но ты обратила внимание, что он сидит там почти два часа?!

Невзирая на протесты Джеки, я взялся за комод и уже заканчивал передвижку, когда, к моей величайшей досаде, китаец выключил душ, щелкнул задвижкой и с такой поспешностью покинул ванную, будто угадал мои намерения. Я метнулся к двери и рванул ее, рассчитывая хоть одним глазком взглянуть на редкостного водолюба, но в коридоре было пусто.

Это происшествие так на меня подействовало, что все остальные дни, пока мы жили в гостинице, я в перерывах между съемками стерег лестничную площадку, мечтая увидеть неуловимого поборника чистоты. Я даже придвинул к стене комод и водрузил на него стопку книг, но единственным, кого мне удалось рассмотреть в щель под потолком, был моющийся под душем Крис — зрелище до того непривлекательное, что на этом я прекратил эксперимент.

В первый же день мы отвезли на черепаший пляж нашего кругленького электрика и генератор. Пляж находился довольно далеко от Дунгуна, по соседству с рыбацкой деревушкой, в которой жили сборщики яиц.

Длинную полосу ослепительного белого песка окаймляли пальмы. Сборщики не преминули нам сообщить, что до семи часов черепах не будет, зато после семи они могут появиться в любую минуту. Когда черепаха откладывает яйца, ее ничто не в состоянии отвлечь от этого занятия, вы можете даже потрогать ее руками, но пока она ползет через пляж и роет яму, лучше не пугать ее, не то она поспешит обратно в море, и поминай как звали. Отсюда следовало, что мы должны, как только обнаружим черепаху, подкрасться к месту, облюбованному ею для гнезда, и тихонько наладить генератор, а когда начнется кладка яиц, включить свет и снимать. Но пляж был огромный, и заранее не угадаешь, где именно черепаха выйдет из воды, — значит, будь готов к тому, чтобы тащить генератор легкой трусой с полкилометра, а то и больше. Мы устроили пробный забег, чтобы проверить, как это у нас получится, и я сразу же решил, что слово «переносной» в приложении к этому генератору — величайший эвфемизм, какой я когда-либо слышал. Во-первых, эта машина весила минимум тонну и была снабжена двумя такими крохотными ручками, что за них не ухватиться. Добавьте к этому среднюю дневную температуру в Малайе и тот факт, что с каждым шагом нога по щиколотку уходила в песок, и вы поймете, почему мы очень скоро оказались на грани истерического припадка.

Оставив в деревне электрика с его дьявольским изобретением, мы поехали в Дунгун обедать, а в половине седьмого погрузились со всем своим снаряжением на «Лендровер» и отправились на черепаший пляж. Был чудесный, теплый, безлунный вечер — идеальный с точки зрения черепах. Подъехав к деревне, мы увидели возле дороги прыгающих и возбужденно размахивающих руками старосту, нескольких сборщиков яиц и нашего электрика. Выяснилось, что в эту самую минуту в каких-нибудь трехстах метрах ползет по пляжу крупная самка. Невероятная удача! Покряхтывая под тяжестью камер и переносного генератора, мы затрусили следом за сборщиком, которому принадлежала честь открытия. Тяжело дыша, все в поту и в песке (ибо каждый из нас шлепнулся не меньше раза), мы прибыли к месту, где трудилась черепаха.

Я знал, что морские черепахи бывают очень большими, но никак не ожидал увидеть такую громадину. Казалось, на берегу лежит опрокинутая лодка. Голова — как у крупной собаки; огромные глаза кинозвезды печально глядели в пространство из-под тяжелых век. Задними ластами, поразительно подвижными и похожими на руки, она вырыла в песке яму свыше метра шириной и около полуметра глубиной, затем аккуратно сложила лапы лопаткой и выгребла влажный песок, так что получилось чашевидное углубление для яиц. Вся эта процедура потребовала от черепахи столько усилий, что она совсем запыхалась. Время от времени она прерывала работу для отдыха, издавая при этом протяжный вздох со всхлипом, так, что сердце обливалось кровью. Из глаз ее обильно текла слеза, которая смазывает глазное яблоко, предохраняя его от морской воды, и висающие под каждым глазом длинные струйки вкупе со страдальческими вздохами создавали впечатление, что душа черепахи объята чувством безысходного горя. Очень любопытно выглядел панцирь: цветом и формой он напоминал хорошо смазанное седло, только цепочка маленьких пирамидальных костных выступов в центре нарушала иллюзию.

Черепаха трудилась около получаса, затем, очевидно, довольная достигнутым, несколько изменила положение тела, так что ее хвост и задняя часть тела оказались над ямой. Внезапно, без всяких видимых усилий, она начала кладку. Прямо в гнездо упало первое яйцо — белое, поблескивающее в свете ламп, точно огромная жемчужина. После небольшой паузы последовала сразу целая очередь; яйца сыпались, будто здоровенные градины. Большинство было размером с бильярдный шар, но попадались и поменьше — с мячик для игры в пинг-понг, даже с маленький шарик. Не знаю, вылупляется ли что-нибудь из недомерков, во всяком случае, из девиности с лишним яиц мы насчитали штук десять-пятнадцать деформиро-

Данных. После кладки черепаха принялась засыпать гнездо песком, работая преимущественно задними лапами и время от времени делая перерывы, чтобы получше утрамбовать песок. Хорошенько засыпав яйца, она пустила в ход передние ласты. Движениями, напоминающими ход косы, черепаха своими широкими «веслами» загребала песок и бросала за спину, где его утапывали задние ласты. Когда вся яма была заполнена, черепаха накрыла ее своим могучим телом, чтобы окончательно утрамбовать песок. Потом подвинулась примерно на метр вперед и начала как попало швырять песок назад передними лапами. Я поначалу не понял смысл этого маневра, но потом сообразил, что черепаха попросту маскирует гнездо. Ровная, гладкая площадка сразу бросилась бы в глаза, а слой беспорядочно насыпанного песка делал гнездо неотличимым от окружения. Удостоверившись, что все следы уничтожены, черепаха поволокла свое огромное трехметровое тело к воде. Это был трудный и долгий процесс, она ползла около получаса, делая большие перерывы для отдыха, во время которых вздыхала, зевала и выдувала пузыри, и длинные струйки слизи под ее глазами все больше обрастали песчинками. Наконец она достигла воды, и набежавшая волна умыла ее. Несколько минут черепаха лежала, наслаждаясь прикосновением воды, потом заскользила дальше по влажному песку. Волны накатывались на нее и вдруг оторвали от песка. Тотчас она из тяжелого увальня превратилась в ловкое и быстрое существо. Легла на бок, не без ехидства помахала нам одним ластом на прощание и проворно удалилась.

За первой черепахой последовали другие, и около полуночи, сняв нужные нам кадры, мы возвратились в Дунгун — усталые, но счастливые.

На следующее утро мы вновь приехали на пляж. Теперь нам хотелось посмотреть (и снять), что делается для спасения кожистой черепахи. Речь шла о недавно разработанных мерах, которые впервые испытали в предыдущем сезоне. Руководил операцией сотрудник Министерства рыбного хозяйства, он же был нашим гидом.

Как я уже говорил, у концессионера выкупали по рыночной цене гнезда, затем их осторожно раскапывали и переносили яйца на другой, огороженный участок пляжа. Здесь выкапывали новую ямку положенных размеров, клали в нее яйца и тщательно засыпали их песком, стараясь возможно точнее воспроизвести настоящее гнездо. Возле каждого гнезда ставили маленький деревянный крест, на котором записывали дату кладки, количество яиц, а потом и количество вылупившихся черепахат. С этими крестиками, выстроившимися правильными рядами, огороженный участок напоминал военное кладбище лилипутов.

В первый год было выкопано девяносто пять гнезд, что отвечало примерно восьми тысячам яиц; из них вылупилось больше трех тысяч черепа-

шат. Обычно детеныши, вылупившись, выбираются на поверхность и со всех ног бегут через пляж к морю. В силу какой-то загадочной телепатии большинство морских хищников, таких, как акулы и барракуды, угадывают, где можно ожидать появления вкусных черепахат. Они выстраиваются вдоль мелководья, и детенышам надо одолеть этот кровожадный барьер. Многие гибнут, а если еще учесть рвение сборщиков яиц, то будущее кожистой черепахи выглядит довольно мрачно. Чтобы можно было обойти насыщенных акул и барракуд, каждую «могилку» своевременно окружают провололочной сеткой; теперь детеныши, вылупившись, никуда не уйдут. Их собирают в ведра и тазы и вывозят на катере министерства на три-пять километров в море, где выпускают, рассеивая на большой площади. Так у них гораздо больше шансов выжить.

Только что вылупившиеся черепахата не похожи на своих могучих родителей. Они около десяти сантиметров в длину и выглядят очень мило в своем ярком зелено-желтом наряде в мелкую полоску. Никто не знает, какой срок нужен этим полосатым малышам, чтобы достигнуть зрелости, но полагают, что проходит от двадцати до тридцати лет, прежде чем они возвращаются на родной пляж, чтобы вырыть ямы уже для своего потомства.

Пока что меры, принятые малайцами, приносят большой успех, и я надеюсь, что так будет и впредь. Что просторный белый пляж у Рантау всегда будет служить надежными яслями для этих исполинов моря.

ПОДВЕДЕМ ИТОГ

Незаметно и тихо он стигнул,
Ведь Ворчун был на деле Мычун.

«Охота Ворчуна»

Вот и завершилось наше путешествие, во время которого мы проехали по трем странам свыше 70 тысяч километров и познакомились с десятками интереснейших животных. Чувствую, однако, что, сделав упор на них за счет всего остального, я создал однобокое и чересчур радужное представление об охране животных. Постараюсь исправить свою ошибку.

Прежде всего, что такое охрана животных? Не только спасение от гибели таких видов, как такахе, сумчатая белка или кожистая черепаха, — это важное дело, но оно составляет лишь часть проблемы. Бессмысленно охранять тот или иной вид, если при этом не охраняют его среду обитания. Уничтожьте или хотя бы измените эту среду, и вид погибнет так же неизбежно, как если бы вы устроили поголовный отстрел. Охрана животных

Д означает, что надо охранять леса и луга, озера и реки, даже море. Это необходимо не только для спасения фауны, но для будущего самого человека — обстоятельство, которого многие люди явно не учитывают.

Мы получили в наследство невыразимо прекрасный и многообразный сад, но беда в том, что мы никудышные садовники. Мы не позаботились о том, чтобы усвоить простейшие правила садоводства. С пренебрежением относясь к нашему саду, мы готовим себе в не очень далеком будущем мировую катастрофу не хуже атомной войны, причем делаем это с благодушным самодовольством малолетнего идиота, стригущего ножницами картину Рембрандта. Из года в год повсеместно мы создаем пылевые пустыни и поощряем эрозию, сводя леса и подвергая луга чересчур интенсивному выпасу, загрязняем промышленными отходами одно из наших главных достояний — воду, плодимся, словно крысы, и еще удивляемся, почему не хватает пищи на всех. Мы настолько оторвались от природы, что возомнили себя богами. Такое воззрение никогда не приносило добра.

Средний человек эгоистично относится к миру, в котором живет. Когда я показываю посетителям моих питомцев, один из первых вопросов (если животное не наделено располагающей внешностью), который они задают, неизменно гласит: «А какая от него польза?» При этом они подразумевают, какая польза им от этого животного. На такой вопрос можно ответить только вопросом: «А какая польза от Акрополя?» Разве животное непременно должно приносить человеку утилитарную пользу, чтобы за ним признавали право на существование? Вообще, спрашивая: «Какая от него польза?» — вы требуете, чтобы животное доказало свое право на жизнь, хотя сами еще не оправдали своего существования.

Знакомясь с охраной животных в Новой Зеландии, Австралии и Малайе, я видел одну и ту же знакомую удручающую картину. Малочисленные отряды преданных своему делу, плохо оплачиваемых и перегруженных работой людей сражаются против равнодушия общественности и софистики политиков и промышленных воротил. Вообще говоря, люди безучастны только потому, что не отдают себе отчета в размахе бедствия. Опаснее всего апатия политических деятелей, ибо речь идет о вопросах, которые можно решить лишь на высшем уровне. Большинство политиков не станут рисковать своей карьерой ради животных. Во-первых, они считают, что дело того не стоит, во-вторых, они смотрят на борцов за охрану животных с таким же пренебрежением, как на какую-нибудь старую деву, причитающую над любимым мопсиком. В Новой Зеландии не кто-нибудь, а министр, член правительства, заявил мне, что никакой беды не случится, если какие-то альбатросы покинут свое гнездовье. Дескать, остров, где они обос-

повались, лежит так далеко, что люди, интересующиеся альбатросами, все равно туда не доберутся, так стоит ли беспокоиться? Я ответил, что в Европе есть немало картин и скульптур, которые мне вряд ли доведется увидеть, однако я не стану на этом основании предлагать, чтобы их уничтожили.

Если государственные деятели рассуждают так, на что надеяться борцам за охрану животных? Кто-нибудь скажет самоуспокоенно: «Но ведь есть большие национальные парки, там дикие животные в полной безопасности». Мало кто осознает, что большинство национальных парков отнюдь не являются неприкосновенными. Стоит обнаружить на их территориях золото, или олово, или алмазы, как государство сразу разрешит производить горные работы — и что останется тогда от заповедника? Это не ложная тревога, такие вещи случались. Как раз сейчас, когда я пишу эти строки, в Новой Зеландии собираются заложить рудники на острове, который считается одним из важнейших заповедников в стране, последним убежищем уникальных видов птиц. Есть много мест, где животный мир формально охраняется — охота и отлов запрещены. Но это чисто бумажная защита, не осуществляемая на деле по той простой причине, что — либо из-за равнодушия, либо из-за отсутствия средств — не создан аппарат для претворения запрета в жизнь. А это все равно что говорить: не смейте убивать соседа, если же вы это сделаете, мы не сможем вам помешать, потому что у нас нет полиции.

В последнее время люди постепенно начинают осознавать, как важно охранять диких животных и их среду обитания. Поздновато спохватились, ведь многих видов (их перечень составляет два пухлых тома) уже нет, а в целом ряде случаев численность вида сведена до такого минимума, что нужны поистине героические усилия, чтобы спасти его.

Всю жизнь меня чрезвычайно заботит эта проблема. По-моему, во многих случаях, если принять надлежащие меры, можно сохранить животное в его природной среде, но часто это оказывается невозможным, во всяком случае пока. Убедительным примером может служить бескрылый пастушок острова Инэксесэбл в архипелаге Тристан-да-Кунья. Эта крохотная птица обитает только на названном острове, вся площадь которого — около десяти квадратных километров. Ее нет больше нигде в мире. Формально она строго охраняется, и это превосходно, но один мой друг-орнитолог, служащий на флоте, заходил со своим эсминцем на Тристан-да-Кунья, и среди различных сувениров, предложенных местными жителями морякам, он увидел неряшливо сделанные чучела бескрылых пастушков. Если учесть, что вся популяция этих птиц исчисляется несколькими сотнями (остров больше просто не прокормит), представляете себе, какой ущерб

Д приносит такая расправа? На островах Тристан-да-Кунья нет никаких инспекторов, которые охраняли бы бескрылого пастушка, да их там и держать непрактично. Между тем стоит случайно завезти на этот клочок суши крыс, или свиней, или кошек, или кого-нибудь из приспешников человека — и бескрылый пастушок может исчезнуть в несколько недель или месяцев, как исчез дронг. Вот вам проблема. Как спасти такого пастушка? Допустим, остров объявят заповедником, но крысы, свиньи и кошки могут об этом и не узнать, и, если не будет наблюдения (а на это нужны деньги), никто не поручится, что заповедник не окажется еще одним бумажным мероприятием. Нет, чтобы спасти пастушка, ему нужно предоставить надежное убежище в таком месте, где он сможет жить и плодиться, не опасаясь четвероногих и двуногих хищников.

Случай с бескрылым пастушком не единственный, в мире насчитываются *тысячи* видов, которым грозит та же участь. В одном месте уничтожается среда, в другом месте люди истребляют само животное столь безжалостно, что воспроизведение не покрывает убыль. А то и просто в стране, где обитают такие виды, никогда не слышали об охране животных, и людям на это наплевать.

Было время, когда в ответ на предложение отлавливать представителей вымирающих видов и разводить их в неволе на вас обрушивались доброжелательные и не очень далекие защитники животных из числа тех, кто простодушно полагает, будто звери на воле ведут идиллическое существование. Однако постепенно даже эти люди уразумели, что подчас нет другого способа спасти вид. За последние сто лет было много убедительных примеров. Скажем, олень Давида водился только в садах при Императорском дворце в Пекине. Ценой немалых трудностей (ибо бамбуковый занавес в ту пору был даже толще, чем в наши дни) удалось доставить несколько экземпляров этого замечательного оленя в Европу. И очень кстати, потому что во время боксерского восстания стадо в садах Императорского дворца погибло. С большим трудом покойный герцог Бедфордский собрал немногие экземпляры, разбросанные по зоопаркам Европы, и создал небольшое стадо в Вобернском аббатстве. Понемногу оно росло и теперь насчитывает около четырехсот голов. Пары для развода разосланы в большинство крупнейших зоопарков мира, а недавно одну пару отправили даже на родину, в Китай.

Можно рассказать о таком же успехе с зубром, гавайской казаркой, североамериканским бизоном и многими другими животными. Наиболее свежий и яркий пример — белый орикс. За ним гонялись на автомобилях, вооруженные пулеметами, на него охотились даже (хороший «спорт»!) с са-

милетов, и в конце концов численность этих великолепных животных сократилась настолько, что стало ясно: орикс обречен. Никаких законов, которые охраняли бы его, не было, и охотников ничуть не волновала угроза полного истребления орикса. Тогда из числа уцелевших отловили несколько экземпляров и переправили по морю в Америку, где они теперь успешно размножаются. Когда-нибудь, если на их родине изменятся отношения к охране животных, можно будет привезти несколько пар для развода и снова заселить те места, на которых орикса извели.

Рассуждая о судьбе вида, люди всегда неверно толкуют цифры. «Ну, их много», — говорят обычно, увидев полторы сотни представителей какого-нибудь вида, причем говорящему невдомек, что, быть может, эти полторы сотни — последние. Даже самый многочисленный вид можно очень быстро истребить, пример тому — странствующий голубь, которого в Северной Америке было столько, что, пожалуй, нигде на свете не знали таких скоплений птиц. По скромным подсчетам, некоторые стаи насчитывали 2 230 272 000 голубей. Когда они устраивались на деревьях на ночлег, под их тяжестью обламывались сучья. Тут было известное основание сказать: «Их много!» А так как их было много, начался беспардонный отстрел. Собирали яйца, убивали птенцов — потому что их было много. Последний странствующий голубь умер в безбрачии в Цинциннатском зоопарке в 1914 году. Если бы кому-нибудь пришло в голову взять четыре-пять представителей этого плодовитого вида и разводить их в неволе, странствующий голубь мог бы уцелеть. А затем, когда в Северной Америке изменилось отношение к охране животных, можно было бы вернуть его домой.

Борцы за охрану животных и зоопарки совсем недавно осознали эти простые вещи. Теперь большинство зоопарков понимает, что их задача — не только служить местом развлечения и познания, но и держать и разводить вымирающие виды. Зоопарки должны стать своего рода резерватом, который предотвратит истребление сотен видов животных.

В 1959 году именно для такой цели я учредил зоопарк на острове Джерси (Нормандские острова). Как только зоопарк твердо стал на ноги, я преобразовал его в Джерсийский трест охраны животных. Задачи треста очень просты: во-первых, попытаться создать плодовитый резерв видов, которые в местах обитания не охраняются вовсе или охраняются только на бумаге, и тем самым спасти их от полного уничтожения. Больше того, мы надеемся когда-нибудь вернуть на родину пары для развода. Во-вторых, внушить людям, насколько необходима охрана животных, разумная охрана, основанная на том, что нам известно об устройстве нашего мира, и учитывающая нужды человечества. У нас маленькая коллекция, зато наш зоо-

Д парк — первый в мире, всецело занятый охраной вымирающих животных для создания резерва. И так как у нас маленькая коллекция, нам нужна ваша помощь.

Если вам понравилась эта книга и если вы с удовольствием читали другие мои книги, вам не нужно объяснять, что вы обязаны этим удовольствием животным. Теперь я прошу вас помочь *мне* спасти некоторых животных. Быть может, вы никогда в жизни не увидите тех, кого будете выручать из беды, но разве это так важно? Вы ведь не чувствуете себя обманутыми, не видя тех, кому помогают ваши взносы, когда происходит сбор средств в какой-нибудь фонд?

В отличие от нас животные не властны над своим будущим. Они не могут добиваться автономии, у них нет членов парламента, которых они могли бы засыпать жалобами, они не могут даже заставить свои профсоюзы объявить забастовку и потребовать лучших условий. Их будущее, само их существование — в наших руках. Джерсийский трест охраны животных приготовил множеству вымирающих видов убежище, где они смогут жить и размножаться, не опасаясь врагов, будь то люди или звери. А в дальнейшем, когда позволят условия, мы надеемся вернуть их вместе с их потомством в исконные места обитания. Можно сказать, что мы создали своего рода стационарный Ноев ковчег. Работа эта не терпит проволочки. Есть много животных, которым наша помощь необходима сейчас; через десять, даже через пять лет будет поздно, они исчезнут с лица земли. Вступив в наш трест, вы сделаете для них огромное дело, так что отложите эту книгу и напишите мне. Возможно, с вашей помощью удастся спасти десятки видов.

.

ЗВЕРИ
В МОЕЙ
ПОСТЕЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До чего же мне надоели вечные разговоры о том, какую «замечательную жизнь» я веду и как мне повезло заполучить такого знаменитого мужа.

— Чего еще, — восторженно восклицают люди, — может пожелать себе женщина!

Так вот, по правде говоря, я веду отнюдь не замечательную жизнь, и с любым супругом — знаменитым или заурядным — нужно, увы, как-то уживаться.

Хотя наше знакомство и последующее бегство отвечали лучшим традициям женского романа, ни в том, ни в другом не было абсолютно ничего романтического. Больше того, помню, как я потрясла одного человека, сказав, что вышла замуж за Даррелла лишь затем, чтобы получить обратно одолженные ему пятнадцать фунтов стерлингов¹.

Вторжение Джерри Даррелла в мою жизнь принесло одни тревоги и беспокойства моим родным и близким. Будучи по природе человеком склонным к уединению и критически относясь к людям, которые казались мне ограниченными, избалованными и лишенными духовных интересов², поначалу я смотрела на мистера Даррелла весьма подозрительно.

Один коварный приятель моего бедного недалекого отца убедил его обзавестись в качестве «доходного побочного занятия» какой-то убогой гостиницей. Я пришла в ужас, увидев это мрачное логово, и мой ужас только возрос, когда я познакомилась с населяющей его ватагой говорливых женщин. Оказалось, что они входят в состав оперной труппы «Садлерз-Уэллз», прибывшей в Манчестер на двухнедельные гастроли. При других обстоя-

¹ Беспардонная клевета. — *Дж. Д.*

² Я в ту пору был застенчивый, скромный, неприятный молодой человек, чьей робости позавидовала бы даже газель. — *Дж. Д.*

Д

тельстввах я отнеслась бы с сочувствием к бедняжкам, вынужденным переносить капризы здешнего климата, но мне быстро надоело слушать, как они без конца расписывают достоинства какого-то восхитительного двуногого, наделенного всем, чего только могла пожелать себе женщина¹.

И вот в один дождливый воскресный день покой нашей гостиной был нарушен хлынувшим в нее каскадом женских фигур, который увлекал за собой довольно хрупкого на вид молодого мужчину, чем-то похожего на поэта Руперта Брука. Судя по нелепым выходкам эскорта, это мог быть только сам Чудо-бой. Так оно и было. Присмотревшись к этому созданию, я посчитала его манеру рисоваться довольно забавной². Однако, заметив, что я разглядываю его, он уставился на меня взором василиска, и я поспешно обратилась в бегство.

В ближайшие дни недели наши пути, слава богу, почти не пересекались, пока однажды утром встревоженная мачеха не попросила меня проводить мистера Даррелла до железнодорожной станции, ибо этот молодой человек, бедняжка, совершенно не представлял себе, где она находится, — чему мне трудно было поверить. Поскольку все поклонницы были заняты на какой-то репетиции, больше некому было его выручить, однако я дала ясно понять, что соглашаюсь без особой охоты.

Убедившись, что я далеко не в восторге от его компании, мистер Даррелл постарался пустить в ход все свое многогранное обаяние, которое так восхищало женский пол. Обнаружив, что трудится зря, обратился к юмору и — надо же! — развеселил меня, да так, что мне даже было жаль расставаться с ним³. Я корила себя за то, что была к нему малость несправедлива, но, поскольку не ожидала больше с ним увидеться, легкое чувство сожаления недолго мучило меня.

Наконец наш большой дом опустел, и отец решил заняться ремонтом. Вскоре все помещения заполнили штукатуры, водопроводчики, плотники и обойщики, так что самим нам приходилось ютиться там, где позволяли рабочие. В разгар этого организованного хаоса вновь появился Даррелл. Нелзя ли ему пожить у нас несколько дней, пока он соберет в окрестных зоопарках заказы для своей звероловной экспедиции в Британскую Гвиану?

Моя мачеха, добрая (и простая) душа, не возражала, если он согласен терпеть шум и всякие неудобства и питаться вместе с нами. Его это вполне

¹ Сам факт написания этой книги говорит о том, что в конце концов она сама прониклась этим убеждением. — Дж. Д.

² Никогда в жизни не рисовался. И если мои утонченные манеры казались странными автору с его провинциальным мышлением, я в этом не виноват. — Дж. Д.

³ Клюет, клюет! — Дж. Д.

устроило, и он быстро освоился, перебрасываясь игривыми шутками с хохлячкой и затевая с моим отцом долгие сложные дискуссии о текущих событиях.

Вскоре он уже подружился со всеми. Кроме меня. Зная, как я к нему отношусь, он тем не менее набрался нахальства и попросил у моего отца разрешения пригласить меня в ресторан, и, что самое удивительное, — я была вовсе не против, мне даже было приятно его внимание. У меня как раз была пересменка в ряду ухажеров, и я подумала, что будет интересно провести вечер с таким «светским человеком». Как ни странно, мне было очень весело, и мы отлично ладили друг с другом¹. Даррелл рассказывал мне о своей работе зверолова, я поведала, как готовлюсь стать оперной певицей. Затем он повел речь о своей семье, и в его описании она выглядела удивительно интересной, совсем не похожей на моих родичей. Мои родители развелись, когда мне было два года, и я переходила, как говорится, из рук в руки, живя когда с бабушками-дедушками, когда с различными чудакватыми тетушками и дядюшками. Словом, у меня не было настоящей семьи, а потому я завидовала счастливому устроенному детству Джерри и позволила себе откровенничать с ним, как ни с кем прежде. И когда пришла пора возвращаться домой, я уже совершенно освободилась от чувства недоверия и враждебности, говоря себе, что наконец-то обрела друга, с которым могу свободно разговаривать и отдыхать душой.

Однако это меня порядком беспокоило — занятия музыкой требовали слишком много времени, чтобы я могла отвлекаться на такие вещи. Так что для меня явилось немалым облегчением, что Джерри на полгода исчез с моего горизонта, отправившись ловить зверей в Британскую Гвиану; правда, мы поклялись, что будем писать друг другу.

На самом деле я была настолько занята своей певческой практикой, что мне было просто некогда думать, чем там занимается Джерри. Какой же шок я испытала, увидев его в один майский день в нашей гостиной, причем он выглядел великолепно и (даже на мой предубежденный взгляд) весьма привлекательно. Джерри поспешил объяснить, почему вновь оказался в Манчестере. Дескать, в местном зоопарке размещено большинство отловленных им зверей, и теперь нужно возможно скорее сбыть их и отправить вырученные деньги его партнеру, оставшемуся в Гвиане, чтобы тот мог привезти остальных животных. Естественно, он снова убедил мою мачеху позволить ему остановиться у нас. Вполне разумное решение, поскольку он

¹ К этому времени я уже приобрел основательный опыт обращения с робкими животными, а потому безропотно соглашался со всем, что она изрекала. Вообще же мы отлично ладили. — Дж. Д.

Д

почти не бывал дома, днем и ночью занимался кормлением и уходом за своими подопечными, так что мы были избавлены от необходимости заботиться о госте.

Мысль об угрозе подвергнуться новым отвлекающим маневрам ужасала меня, и я пуще прежнего настроилась держаться отчужденно. Однако он не отступил и задумал планомерной осадой сломить мое сопротивление. Началось все очень просто. Не соглашусь ли я помочь составить список различных животных, чтобы он мог разослать его в различные зоопарки? Спски следует напечатать, и, поскольку я могу свободно пользоваться пишущей машинкой отца, желательно, чтобы это сделала я, тогда ему не придется просить разрешения поработать на этом драгоценном механизме. Сказав себе, что это может ускорить отъезд Джерри и позволит мне сосредоточиться на собственных занятиях, я взвалила на свои плечи исполинский труд. В жизни не подозревала, что на свете существует столько самых различных птиц и зверей. Что такое — макао и как это обезьяна может быть беличьей? Гигантский муравьед — что это за тварь? Я засыпала Джерри вопросами, и он терпеливо меня просвещал.

— Знаешь что, — заявил он наконец, — чем заниматься этой ерундой, лучше сходи-ка ты со мной в зоопарк и посмотри сама на моих зверей.

Мне эта мысль совсем не понравилась, ибо я почитала крайне неэтичным держать в неволе диких животных, не говоря уже о том, что большинство зоопарков, какие мне доводилось посещать, производили на меня самое удручающее впечатление. Грязь, зловоние — да я не стала бы и дохлую кошку держать в таком заведении. Как ни странно, Джерри на другой день не стал меня уламывать и уговаривать, не стал и защищать идею зоопарков как таковую. Вместо этого он попытался объяснить, какие цели должен преследовать хороший зоопарк, как важно, учитывая распространение цивилизации и демографический взрыв, сохранить дикую фауну для будущих поколений.

По мере того, говорил он, как растет численность человечества и люди наступают на среду обитания животных, зоопарки окажутся последним прибежищем птиц и зверей. Он рассказал, как в Центральной Африке неправильные методы борьбы с мухой цеце привели к истреблению полчищ крупной дичи. В других местах сооружали плотины и затопляли огромные площади естественных пастбищ. Где бы интересы человека ни вступали в противоречие с потребностями животных, последние были обречены на поражение. А потому его самая заветная мечта — учредить специальный зоопарк, где он мог бы держать и размножать некоторые виды, чтобы спасти от полного уничтожения. Еще он страстно желал, чтобы все зоопарки слу-

жили не только для показа животных, а стали подлинно научными учреждениями, где главное внимание уделялось бы заботе об их благополучии.

Он продолжал толковать в этом духе всю дорогу до зоопарка, и не успел я опомниться, как мы очутились в просторном деревянном строении, где стоял гул от птичьих и звериных голосов. Прежде всего я обратила внимание на отсутствие зловония, какое у меня обычно связывалось с посещением зоопарков. Вместо этого здесь приятно пахло соломой, кормами и теплыми телами зверей. Но больше всего поразили меня взаимоотношения Джерри с его подопечными. Легковесный, как мне казалось, молодой человек вдруг совершенно преобразился. Куда подевалась его беспечность — с сосредоточенным видом он обходил все клетки, потчuya своих питомцев лакомыми кусочками и разговаривая с ними. Он по-настоящему заботился о них, и они по-своему отвечали на его заботу и любовь¹. Словно маленькие дети, старались криками привлечь его внимание или нетерпеливо подпрыгивали, чтобы он посмотрел на них. Медленно следуя за ним по проходам, я не без робости заглядывала в клетки, восхищаясь чудесными созданиями. Гигантский муравьед с обтекаемыми формами, напоминающими какой-то суперсовременный автомобиль осторожно приблизился к прутьям клетки, чтобы его погладили... Красный макао кричал «Роберт!» на разные голоса... Очаровательные беллчи обезьянки сидели, наклонив голову набок, чем-то похожие на клоунов... Вне всякого сомнения, они чувствовали, что стали предметами особенного внимания, однако у меня не было чувства, что они недовольны моим появлением, напротив, мне казалось, что я пришла им по душе.

Мы довольно долго побыли в зоопарке. Джерри задавал животным корм и менял солому, где это требовалось, а я сидела на ящике, наблюдая за ним. Он работал неторопливо и эффективно, с явным удовольствием, и разговаривал с каждым из своих подопечных. Забыв о моем присутствии, он сосредоточил все внимание на животных. Замечательная картина, и я с великой неохотой нарушила молчание, чтобы задать интересовавшие меня вопросы.

— Что ж, — сказала я, когда мы вернулись домой, — теперь я хоть знаю, о ком пишу. И должна сознаться, это очаровательные создания.

После этого случая наша дружба заметно укрепилась. В то время я работала в конторе отца, и Джерри без конца звонил туда. Как насчет того, чтобы вместе перекусить днем, или выпить кофе утром, или встретиться за

¹ Ей еще предстояло узнать, что животные склонны отвечать на ласку укусами, что придает им сходство с друзьями и женами. — Дж. Д.

Д

чаем вечером? Может, сходим в театр или я предпочитаю посмотреть хороший фильм? Отец язвительно справлялся, не забыла ли я, кто платит мне жалованье, — меня почти никогда нет на месте.

— Не волнуйся, папуля, — успокаивала я его, — мы просто добрые друзья, к тому же он скоро уедет.

Отец только крикнул в ответ, но он явно опасался, что мне вскружат голову знаки внимания мужчины, столь разительно отличающегося от обычного круга моих приятелей.

К великому облегчению моего родителя, однажды утром мистер Даррелл спокойно возвестил, что вскоре покинет нас, поскольку все животные уже пристроены и больше ничто не удерживает его на севере. К тому же он еще не повидал свою матушку и просто обязан возвратиться в Борнмут. На этот раз я с особым нетерпением проводила его на вокзал.

Только я вернулась в контору, как зазвонил телефон. Мой отец желал удостовериться, что Джерри благополучно уехал.

— Все в порядке, — заверила я его.

— Надеюсь, мы наконец-то сможем заняться делами, — ответил он и перечислил целый ряд поручений.

Положив трубку, я повернулась к своему рабочему столу. В ту же минуту дверь конторы распахнулась — на пороге стоял Джерри Даррелл, прижимая к груди огромный букет увядших хризантем. Протянув мне цветы, он выпалил:

— Это тебе!

Помешкал и, поворачиваясь, чтобы уйти, добавил:

— Ты ведь не согласишься выйти замуж за меня, верно?

Пожал плечами, криво усмехнулся и заключил:

— Я так и знал.

С этими словами он удалился.

Облегчение моего отца длилось недолго, потому что с каждой почтой мне приходило письмо или открытка, а несколько раз — длинные телеграммы. Затем наступил ужасный день, когда почта доставила посылку на мое имя. Отцовское терпение лопнуло, и он вызвал меня к себе в кабинет.

— Послушай, Джеки, у вас с этим Дарреллом что-то происходит. Какой мужчина станет тратить время и деньги на то, чтобы писать письма девушке и посылать ей дорогие подарки, если не рассчитывает получить что-то взамен. Выкладывай правду, пусть даже она будет неприятной¹.

¹ К сожалению, до той поры правда, как он ее понимал, была отнюдь не неприятной. — Дж. Д.

С трудом удерживаясь от смеха над такой реакцией моего обычно вполне рассудительного отца, я безуспешно попыталась убедить его, что между мной и Джерри ровным счетом ничего не происходит. Мне пришлось выслушать длинную тираду о ловкачах, морочащих голову бедным невинным особам женского пола, и я почувствовала себя действующим лицом мелодрамы пуританского века. От веселого настроения не осталось и следа, я основательно разозлилась и на отца, и на Даррелла. Внезапно мне пришла в голову ужасная мысль: неужели Джерри всерьез полагает, что я хочу выйти за него замуж? Оставалось одно — послать телеграмму: «Срочно пошлю оплату разговора если необходимо». Я надеялась, что такое условие шокирует его¹. Ответ последовал почти немедленно: «Позвоню сегодня вечером». Я часами, как мне казалось, слонялась вокруг телефона, так что, когда наконец раздался звонок, ярость моя достигла предела, и я обрушила на Даррелла град упреков. Как он смеет ставить меня в такое дурацкое положение! Чтобы не было больше никаких писем, открыток и телеграмм, не говоря уже о посылках! Конечно, я ценю его доброе отношение ко мне, но то, что происходит теперь, выходит далеко за пределы обычной дружбы, и потому отныне всякая переписка должна быть прекращена! Я не давала бедняге слова вставить.

— Да что там у вас такое произошло? — твердил он, когда я останавливалась, чтобы перевести дух.

Я попыталась объяснить, как неодобрительно отец смотрит на наше общение, и, к моей досаде, Джерри реагировал весьма разумно, сказал, что вполне понимает озабоченность моего отца, и заявил, что лучше всего будет, если он при первой возможности выберется к нам, чтобы все уладить. Напрасно я уговаривала его не выбрасывать на ветер деньги, Джерри настаивал, что просто обязан восстановить мир и гармонию в нашей семье. Только я положила трубку, как вошел отец. Я рассказала ему, что произошло, что Джерри собирается приехать, чтобы повидаться с ним и лично все объяснить.

— Отлично, отлично, — ответил отец. — Уж я растолкую этому молодому человеку, что не одобряю его ухаживание за тобой. В самом деле, кто он такой? Что собой представляет? Что мы знаем о нем? Судя по его же словам, он возвращается в каком-то сомнительном окружении, и, уж конеч-

¹ Затрудняюсь по достоинству ответить на вечные намеки о моей скупости. Скажу лишь, что влюбленный молодой романтик готов был посылать еще более длинные телеграммы, зная я, что они будут оплачены адресатом. Что значит любовь! — Дж. Д.

Д но, у него нет состояния и никогда не будет, если я не ошибаюсь в оценке его моральных качеств¹.

Я снова заверила отца, что Джерри и его планы меня ни капли не интересуют, так что нечего волноваться по пустякам.

Два дня спустя кузнец моих проблем явился к нам самолично. К тому времени вся эта история перестала меня забавлять, и я мечтала только о том, чтобы восстановить мир и спокойствие в доме. Отец и Даррелл уединились для беседы, и я с нетерпением ожидала, чем это кончится. Однако вопреки моим ожиданиям разговор явно протекал спокойно, иногда до моего слуха доносился даже громкий смех, и когда собеседование закончилось, я была настроена весьма воинственно.

— Что ты ему сказал? — твердо осведомилась я.

— Ну, я прямо спросил твоего отца, почему он возражает против нашей дружбы, и он заверил меня, что отнюдь не настроен против меня лично и не против того, чтобы ты куда-то ходила вместе со мной. Просто ему, как и всякому нормальному родителю, нежелательно, чтобы весьма талантливая дочь, которую ждет блестящее будущее, тратила время на пустяки.

Я взорвалась. Это что же — родной отец предпочитает верить не мне, а, по сути, незнакомому человеку²? До сих пор я слышала от него совсем другие слова. Я ринулась было в его кабинет, но Джерри схватил меня за руку.

— Постой, остынь, бедняга искренне волнуется за тебя, но мне кажется, я сумел его убедить, что, хотя и мечтаю жениться на тебе, не стану навязываться, коли я не мил.

— Большое спасибо, — ответила я. — А как же мне теперь быть?

— А уж это ты сама решай.

— Когда ты собираешься возвращаться в Борнмут?

— Дня через два. И раз уж твой отец не возражает против того, чтобы мы с тобой ходили куда-то вместе, почему бы не воспользоваться этим?

Поведение отца возмутило меня. Так шумел, так бушевал, а тут вдруг дал задний ход. Ладно, постараюсь, чтобы у него и впрямь был повод для беспокойства... Он полагает, что у меня с Джерри серьезные отношения, что я способна бежать из дома и выйти замуж за него — ладно, пусть попробует.

Уговорить Джерри задержаться у нас на несколько дней не стоило большого труда, и я постаралась почаще проводить время вместе с ним, задер-

¹ Под сомнительным окружением подразумевались, видимо, мои родные. Обязанный выступить на их защиту, должен признать, что большую часть жизни я стараюсь загладить свою вину перед ними. — Дж. Д.

² Интересное выражение — «по сути, незнакомому человеку»! Она ведь сама признает, что у нас уже некоторое время были достаточно интимные отношения (насколько допускали довольно скучные влажные окрестности Манчестера). — Дж. Д.

живаясь где-нибудь допоздна, чтобы любоваться выражением лица родителей, который явно бесился, однако не мог ничего поделать после той беседы с Джерри.

Случилось, однако, то, чего никто из нас не предвидел. Я затеяла эту игру в отместку отцу за его дурацкое вмешательство, однако вскоре обнаружила, что наши отношения с Джерри изменились. Проводя вместе каждую свободную минуту, мы начали привязываться друг к другу и поняли, что нам не так-то просто будет расстаться. В то же время было очевидно, что сложилась невозможная ситуация. О женитьбе нечего было говорить: по первым, я не достигла совершеннолетия, во-вторых, у Джерри было плохо с деньгами, он располагал всего двумястами фунтов и нигде не служил. В довершение всего его здоровье внушало тревогу, и так как два года назад его чуть не свела в могилу малярия, даже мой отец начал беспокоиться за него. Мы с Джерри часами обсуждали наши проблемы и в конце концов решили, что ему необходимо найти себе работу. Это было не так-то просто, поскольку он умел только ухаживать за животными, а устроиться в зоопарк всегда было затруднительно. Так или иначе, он сел писать письма в различные зоопарки и людям, которые могли как-то помочь.

Началась мучительная для обоих пора, и, чтобы не усложнять ситуацию, Джерри вернулся в Борнмут — ждать, когда наше будущее как-то определится. Все наше общение теперь свелось к переписке и редким телефонным разговорам.

Тем временем мне исполнился двадцать один год, и я уже не нуждалась в разрешении отца выходить замуж, однако Джерри твердо стоял на том, что обязан найти какую-то работу¹. Отношения дома заметно осложнились, и я с радостью приняла приглашение навестить сестру Джерри в Борнмуте. У нас намечалась новая свадьба, и она решила, что недурно было бы всем собраться вместе, тем более что нас с Джерри явно ожидало такое же событие. После долгих уговоров отец разрешил мне отбыть на уикенд в Борнмут, и Даррелл сам приехал за мной. Это было дивное путешествие.

Мы прибыли на место поздно вечером, и я никогда не забуду свои первые впечатления. Мне в жизни не доводилось бывать в помещении, где камин был набит огромными корнями фруктовых деревьев. По мере того как дрова сгорали, кто-нибудь подталкивал их в глубь топки. Недурной способ согреться, и сидящий рядом с Маргарет крупный молодой человек явно не желал тратить драгоценную энергию на то, чтобы мелко порубить дро-

¹ Типично для кандидатки в жены. На самом деле в мои планы вовсе не входило искать работу. — Дж. Д.

Д

ва. Белые стены были украшены яркими восточными ковриками и открытками с изображениями разных мест, где побывали семья Дарреллов и их друзья. Царила весьма богемная атмосфера. Сестра Джерри восседала на диване, одетая в длинный клетчатый халат. Приветствуя нас улыбкой, она сообщила, что матушка устала ждать нас и отправилась спать. Еда — в кладовке, постели для нас приготовлены.

Мы расположились перед камином, болтая и закусывая. Маргарет интересовалась, что мы теперь думаем делать, коль скоро Джерри никак не может найти работу. Как и положено полным надежд молодым особам, мы оптимистически заверили ее, что непременно что-нибудь найдется.

— Понятно, но на случай, если ничего не выйдет, — небрежно заметила Маргарет, — у меня есть предложение. Боюсь, Джерри, я не могу вернуть деньги, которые должна тебе, но вы могли бы поселиться в моем доме и жить с нами одной семьей. Все равно мама собирается скоро переехать к Лесли тут по соседству, так что для вас освободится место, и мы как-нибудь перебьемся. Я не требую, чтобы вы решили что-то прямо сейчас. Подумайте. Захотите — комната ваша.

— Как скажет Джеки, — отозвался Джерри. — Не всякий захочет начинать супружескую жизнь, разделяя кров с чудаковатыми родичами.

Меня не устраивали скоропалительные решения, и я была против того, чтобы ускорять ход событий.

— Можно, я отвечу позже? — спросила я.

— Конечно, я могу ждать сколько угодно, — ответила Марго, зевая широко раскрытым ртом. — А сейчас вы, наверно, устали, и я предлагаю всем нам ложиться спать.

Я долго не могла уснуть, перебирая в уме все «за» и «против». Мне не хотелось показаться неблагодарной, но я совсем не знала своих будущих родичей, к тому же еще не решила окончательно — стоит ли выходить замуж за Джерри¹.

Проснувшись я оттого, что Джерри дергал меня за плечо, предлагая выпить чашку чая.

— Ты не спешి вставать. Горячей воды в доме хватит, и я буду ждать тебя внизу, когда ты будешь готова спуститься.

Я нарочно повалялась еще в постели, а потом в ванне, размышляя о том, какими окажутся остальные члены семьи. Я знала, что мать Джерри — вдова, что у нее четверо детей, из которых Джерри — младший. До

¹ Надо же так кривить душой! Решение было принято с первой минуты нашего знакомства, после чего я был всего лишь пешкой в ее руках. — Дж. Д.

сих пор мои представления складывались из того, что рассказывал Джерри, и предстоящее знакомство страшило меня. Больше всего пугала меня встреча со старшим братом Ларри, но он жил за границей, так что знакомство с ним, видимо, откладывалось. Зато дом Лесли находился где-то поблизости. Как-то он воспримет меня?..

— Члены нашего семейства не вмешиваются в дела друг друга за исключением тех случаев, когда убеждены, что тот или иной делает что-нибудь не так, а это случается постоянно, — заверил меня Джерри.

Да, несладко мне придется, если меня не признают... Собравшись с духом, я спустилась вниз. Из гостиной доносились голоса, но когда я вошла, разговор прекратился. Джерри живо подошел ко мне и подвел меня к маленькой пожилой леди, стоящей перед камином.

— Это моя мама, — сказал он.

Я была поражена. Она была совсем не похожа на образ, который я рисовала себе, вместо высокой суровой особы я увидела крохотную милую женщину с веселыми голубыми глазами и серебристыми волосами. Улыбаясь, она пожала мне руку.

— Слава богу, дорогая, что ты не блондинка, — молвила она лукаво.

В это время в гостиную вошла Маргарет, и все дружно расхохотались. Осмелев, я спросила:

— А что бы вы сделали, будь я блондинкой?

— Ничего, — ответила миссис Даррелл, — но все равно я рада.

Позднее я узнала, что все предыдущие подружки ее любимого сына были блондинки с кроткими (как у коровы, считала миссис Даррелл) голубыми глазами, и она с ужасом думала о том, что какая-то из них может стать ее невесткой¹.

Знакомство с Лесли состоялось позже в тот же день. Он ворвался в гостиную — темноволосый, невысокого роста (в этой семье только Джерри был заметно выше меня) — поздоровался с матерью, скользнул по мне пронзительным хмурым взглядом своих синих глаз, повернулся кругом и исчез на кухню. Джерри сходил за ним и представил нас друг другу. Лесли тоже произвел на меня приятное впечатление — при беглом знакомстве.

Уикенд пролетел быстро, и я с великой неохотой собралась в обратный путь; на сей раз я ехала одна, мы решили, что для всех будет лучше, если Джерри не станет появляться в Манчестере, пока я попытаюсь убедить

¹ Моя мать (причина была известна только ей самой) довольно подозрительно относилась к приводимым мною в дом утонченным эфирным созданиям. По тому, как развивались дальнейшие события, ей следовало с еще большим подозрением смотреть на бронежук. — Дж. Д.

Д

отца смириться с тем, что выхожу замуж, поскольку я более не нуждалась в его согласии.

Потянулись мучительные дни, я скоро убедилась, что отец не желает смягчаться, кончилось тем, что он вообще отказался обсуждать этот вопрос. А тут еще Джерри начал терять терпение, требовал, чтобы я наконец что-то решала. Пришло письмо от Маргарет — она повторила свое обещание помочь нам и заверила, что миссис Даррелл готова оказать Джерри материальную поддержку, пока его дела не устроятся. Я чувствовала себя ужасно, мне не хотелось ссориться с отцом, поступая против его воли, и в то же время я чувствовала, что мне представляется возможность раз и навсегда освободиться от опеки и зажить самостоятельно.

Неожиданно все разрешилось само собой. Отец на несколько дней уехал по делам, и тут же в Манчестере появился Джерри. Откладывать больше было нельзя.

Не один час мы с ним обсуждали нашу проблему, искали способ решить ее, никому не причиняя боли, и, конечно же, не находили толкового выхода. Я пыталась рассуждать логично, говорила, что нам нельзя сейчас жениться, мы не сможем прожить на те деньги, которыми располагал Джерри. В отчаянии я попросила отсрочки, пообещала дать ему окончательный ответ через сорок восемь часов. Мне очень хотелось сказать «да», но меня многое беспокоило. Не говоря уже об отсутствии денег — а я знала, что отец не даст ничего, если я выйду замуж против его воли, — как насчет темперамента? У нас было так мало общего, надолго ли хватит брачных уз после того, как схлынет первая волна радости от совместного бытия?¹ Меня ожидала многообещающая карьера, от которой я должна была отказаться, выйдя за Джерри. Он, конечно же, нуждался в человеке, разделяющем его стремления, готовом путешествовать вместе с ним, участвовать во всех его делах, к чему я вовсе не была готова². В то же время он был веселый, обаятельный товарищ, я чувствовала, что могу всецело положиться на него, и все больше склонялась к мысли, что мы придумаем какой-нибудь компромиссный вариант.

Даррелл честно соблюдал наш уговор и два дня не заговаривал о женитьбе. Когда кончилась отсрочка, мы решили сходить в кино, а затем поужинать вместе. Вернулись домой в приподнятом настроении, было поздно, все уже легли спать, и мы сидели вдвоем в теплой гостиной, говоря о

¹ В жизни не понимал все эти разговоры о необходимости общих интересов для прочных брачных уз. А убирать постель, готовить пищу, поддерживать ровное течение жизни — этого мало? Чего еще может пожелать себе девушка? — Дж. Д.

² Ха-ха! — Дж. Д.

чем угодно, кроме женитьбы. Вдруг я почувствовала сильную усталость и с ужасом обнаружила, что уже пять часов утра. Устремившись к выходу из гостиницы, мы столкнулись в дверях, и пока уступали друг другу дорогу, Джерри тихо спросил:

— Ну так как, ты хочешь выйти замуж за меня?¹

Поскольку моя способность к сопротивлению всегда ниже всего в это время суток, я ответила:

— Конечно, хочу.

И все.

Приняв наконец решение, я уже не позволяла закрадываться в душу никаким сомнениям. В предвидении на редкость удачной женитьбы мы не сомневались, что все препятствия будут преодолены. Тот факт, что наше состояние для начала ограничивалось какими-нибудь сорока фунтами, меня нисколько не смущал. Мы тщательно все рассчитали. Брачная лицензия обойдется примерно в три фунта; далее — железнодорожные билеты до Борнмута, такси, стоимость перевозки багажа, обручальное кольцо... Вполне уложимся, еще останутся деньги. Конечно, о медовом месяце нечего было и помышлять, но нас это не заботило, главное — женитьба.

Поскольку отец вот-вот должен был вернуться, мы решили не мешкая бежать в Борнмут и оформить там брачные узы. Жить в Борнмуте, говорил я себе, чем не свадебное путешествие!²

Деятельность наших профсоюзов никогда особенно не интересовала меня, но угроза забастовки железнодорожников побудила нас ускорить отъезд. Следующие сутки мы были по горло заняты упаковкой в ящики из-под чая и прочую тару моего личного имущества — книг, нот, патефонных пластинок, а также всякого хлама, которым успел обзавестись Джерри³. В разгар сборов мне вдруг показалось, что мы никогда не уедем. На утро следующего дня были заказаны два такси, и мы лихорадочно соображали, как разместить в них наш багаж. Но, несмотря на обилие чемода-

¹ Поразительно холодное описание весьма пикантной, на мой взгляд, сцены. Однако поскольку моя супруга не желает, чтобы эта книга подверглась запрету, тактично опускаюсь и ограничиваюсь тем, что выражаю свое несогласие петитом. — Дж. Д.

² Из чего видно, что я в последний момент спас ее от прелестей убогой провинциальной жизни, на кои обречен всякий, обитающий к северу от линии, соединяющей Бристоль и Лондон. Уже то, что переезд в Борнмут рисовался ей как свадебное путешествие, говорит само за себя. — Дж. Д.

³ Решительно возражаю против слова «хлам». Ни один разумный человек не назовет «хламом» череп мандрила, куклы-фетиши и пивную кружку, играющую мотив «Боже, спаси короля». — Дж. Д.

Д нов, сундуков и ящиков, тары явно не доставало, и я пустила в ход оберточную бумагу. Последний сверток был готов к трем часам утра.

По ходу всей этой бурной активности возрастало волнение моей мачехи, которой предстояло встретить моего разгневанного отца, когда тот вернется домой.

— Не беспокойся, я оставила ему письмо и настоятельно рекомендую вручить его прежде, чем отец хватится меня. Глядишь, может, все и обойдется.

Естественно, мои слова не очень ее успокоили.

— Ты вали все на меня, — продолжала я, зная, что шторм до меня не дойдет. — Скажи ему, что я уперлась и не желала ничего слушать. Опиши, как ты умоляла меня образумиться и уважить отцовское мнение, подчеркни, как уговаривала дождаться его возвращения и самой объясниться с ним.

Мне было все равно, что бы она ни наговорила про меня. Так и так я впаду в немилость, пусть не скупится на выражения.

До сих пор не представляю себе, как я смогла покинуть постель после всего трех часов сна, но в конце концов мы погрузились в ожидающие машины и началось наше путешествие. Утро было паскудное, хмурое, дождливое, совсем не подходящая атмосфера для веселого побега, но я была слишком измотана, чтобы думать о чем-либо сверх желания возможно скорее очутиться в вагоне проклятого поезда.

Пометавшись без толку по вокзалу, Джерри наконец ухитрился поймать одного из неуловимых зверей, именуемых носильщиками. Этот деятель был отнюдь не в расцвете лет и не в самом лучшем настроении, однако явился все же с тележкой, погрузил на нее наши вещи и, милостиво минуя весы, затрусил к платформе лондонского поезда, сопровождаемый двумя пассажирами, которые несли кучу бумажных свертков и настольную лампу. Наверно, мы смотрелись довольно странно в столь ранний час, судя по тому, какими взглядами нас провожали, расступаясь, степенные представители делового мира.

Пожилой кондуктор издалека приметил нас и показал носильщику, где разместить багаж. Когда мы поравнялись с ним, он мрачно поглядел на нас.

— Что — жениться собрались? — спросил он. Сияясь не выронить свою объемистую ношу, я ответила:

— Да.

— Помогай вам бог, — сказал он и махнул машинисту флажком¹.

¹ Уместное пожелание... К счастью, бог и впрямь нам помогает. — Дж. Д.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прибытие в тот же день в Борнмут явилось ослепительным контрастом тому, что мы оставили в Манчестере, и для меня было великим облегчением очутиться в кругу людей, всецело симпатизирующих нам и предстоящей женитьбе. Вся семья собралась встретить нас, энтузиазм бил через край, каждый жаждал, чтобы мы выслушали его. Миссис Даррелл рассказала, что получила письмо от Ларри — он в это время находился на дипломатической службе в Югославии, — который, как ни странно, тоже одобрял наши планы, что могло считаться окончательной санкцией, хотя Маргарет извещала, что мнение Ларри не играет никакой роли. Тем не менее приятно было сознавать, что глава семейства на нашей стороне.

— Ну так, дорогой, — обратилась миссис Даррелл к Джерри, — как ты представляешь себе ваше бракосочетание?

— Понимаешь, мы с Джеки хотели бы обвенчаться возможно скорее на случай, если сюда вдруг явится ее родитель с дробовиком, — ответил он.

А потому уже на следующий день началась Операция Бракосочетания. Все члены семьи рассыпались по Борнмуту с различными заданиями. Мы с Джерри отыскиали отдел записей актов гражданского состояния, где очаровательная сотрудница упорно не желала поверить, что мне исполнился двадцать один год, хотя я предъявила свидетельство о рождении. Все же дата обряда была назначена — 26 февраля. Маргарет назначила себя начальником отдела снабжения и обещала поставить съестное, включая свадебный торт, а миссис Даррелл и Лесли взялись позаботиться о том, чтобы не было недостатка в напитках, но когда мы сообщили, что венчание состоится через три дня, женщины — чего мы никак не ожидали — пришли в ужас. Разве смогут они уложиться в срок с приготовлениями!

— Да не волнуйтесь вы, — сказал Джерри. — Все будет в порядке.

Бедняжка Марго в отчаянии помчалась в город, распорядившись, чтобы мы в половине четвертого встретились с ней в ресторане, поскольку ей необходимо будет подкрепиться после битвы в кондитерской, где пекут свадебные торты. Разумеется, в половине четвертого мы не застали ее в ресторане, однако вскоре она появилась и опустилась на стул, сияющая и весьма довольная собой.

— Ну как дела, Марго? — спросил Джерри.

— Ох, если бы ты знал, чего мне стоило договориться с этими несносными кондитерами, чтобы через сутки был готов свадебный торт!

— Так давай, рассказывай.

Д

Итак, Марго вошла, улыбаясь, в кондитерскую и попросила принять заказ на одноярусный свадебный торт.

— Конечно, мадам, сделаем, назначайте срок.

— Понедельник, — сказала Марго.

— Что?! — ахнул помощник заведующего. — Но это невозможно!

— Я знаю, что времени мало, но и случай совершенно необычный, чрезвычайно романтическая история. Понимаете, они тайно сбежали.

Этот факт сыграл свою роль, и вот уже вся кондитерская была в курсе и счастлива участвовать в таком романтическом событии. «Как прекрасно...» — «Как необычно...» — «В газетах пишут про такие случаи, но кто бы подумал, что такое может случиться в нашем городе и с нашим участием!»

— Так или иначе, — заключила Марго, смеясь, — они поклялись уложиться в срок и заставили меня обещать, что я передам вам их поздравления.

В награду за усилия Марго мы заказали для нее большие пирожные с кремом, и она живо управилась с ними.

— А теперь, Джерри, — заговорила она деловито, — как насчет обручального кольца? Пошли, посмотрим что-нибудь подходящее.

В конце концов мы остановили выбор на скромном тонком золотом колечке, которого, предупредил практичный продавец ювелирного магазина, могло не хватить надолго, если мадам будет заниматься домашним хозяйством. Но мне оно понравилось, и кто знает — может быть, со временем мы сможем позволить себе купить новое?¹ Расставшись с еще несколькими нашими немногочисленными фунтами, мы в приступе расточительства втиснулись в такси и по пути домой заказали в цветочном магазине свадебный букет для меня и цветочные подношения для дома. Царила совершенно абсурдная атмосфера. Все кругом были страшно возбуждены, тогда как мы с Джерри вели себя словно почтенная супружеская чета, воспринимающая знаки внимания как должное.

Следующие два дня мы были заняты приведением в порядок нашего скромного жилья. Это была всего лишь маленькая комнатка в задней части дома, но такая очаровательная! Окно смотрело на большой сад, а вдаль были видны поросшие вереском холмы Сент-Катеринз-Хед. Среди сосен парили вяхири и другие дикие птицы, вызывая у меня такое чувство, будто я поселилась в сельской местности. Марго обставила комнату очень скромно, но нам здесь было уютно, особенно когда мы развели огонь в маленьком камине. Двухспальная кровать, маленький рабочий стол, гардероб, комод и

¹ Снова тот же мотив бережливости, а ведь мы тогда еще не обвенчались. — Дж. Д.

кресло — вот и вся мебель. Мы радостно принялись размещать наше имущество, вот только Джерри волновался из-за места для своих книг, но Марго живо решила эту проблему, принесла полку и поставив ее на комод. Она же примостила у кровати тумбочку и лампу. О посуде нам сейчас не надо было беспокоиться, поскольку мы собирались столоваться вместе со всеми внизу.

В разгар всей этой суматохи заглянул первый муж Маргарет — Джек Бриз.

— Вот ты-то нам и нужен, — объявил Джерри. — Завтра у нас свадьба, почему бы тебе не быть нашим шафером, или что там положено для регистрации? Да, кстати, вот та особа, на которой я женюсь.

С этими словами он подтолкнул меня вперед.

— Бедняжка, — сказал Джек. — Как это тебя угораздило связаться с этими Дарреллами?

И, подняв косматую бровь, он с хохотом добавил:

— Или у тебя уже не осталось выхода?

Продолжая смеяться, Джек заверил:

— Разумеется, Джерри, я буду присутствовать. Ни за что на свете не упустил бы такой случай, только не жди от меня свадебного подарка. У меня столько всяких обязательств, детей и жен, — я не могу себе позволить тратить заработанное горбом на разную мишуру.

Мне предстояло быстро убедиться, что хотя Джек обожал прикидываться бедняком и давно стал предметом постоянных шуток, на самом деле, как и все люди, изображающие из себя дядюшку Скруджа, он был добрейший человек.

Воскресный день завершился вечеринкой в семейном кругу, и мы, как положено, основательно отметили прощание с холостяцкой жизнью, так что на другой день на регистрацию явилась довольно смирная компания. Не припомню более мрачного и тоскливого дня.

Должно быть, мы являли собой диковинное зрелище, ведь ни у Джерри, ни у меня, естественно, не было подходящей к случаю новой одежды. Лишних денег у нас не было, пришлось обойтись тем, чем мы уже располагали. Тем не менее я постаралась соблюсти давнее правило: что-то старое (мое пальто), что-то новое, подаренное подругой (нейлоновые чулки), что-то одолженное (блузка Маргарет), что-то синее (мой шарф). Даррелл выглядел вполне опрятно, он даже — поистине потрясающий случай — начистил до блеска свои ботинки¹.

¹ Одно из тех ехидных замечаний, кои так омрачают всякое супружество. Намек, будто и никогда не чищу свои ботинки, чистая ложь. В моей записной книжке помечены все дни в том году, когда я их чистил. Вы видите, что вам сулит супружеская жизнь, видите камешки, за которыми последует лавина критики и порицания. — Дж. Д.

Д

Обряд длился недолго. Помню, я спрашивала себя, как меня утраздило ввязаться в эту затею, однако я вовремя взяла себя в руки и выразила согласие сочетаться законным браком с Джеральдом Малькольмом, и вот уже процедура закончена и мы едем домой. Джерри улыбнулся и крепко сжал мою руку.

— Поздно, — сказал он, — теперь я заполучил тебя¹.

Хотя гостей собралось немного, ритуал был выдержан во всех подробностях. Звучали речи и тосты, был разрезан торт, прибывший утром, как и намечалось. Не было недостатка в шутках и подначках, все от души веселились.

О каком-либо медовом месяце не заходила речь, на это у нас не было денег, но я была только рада, меня вполне устраивало бытие в нашей маленькой комнатке и в кругу семьи. О каких-то особых развлечениях не приходилось говорить, но мы не скучали и не чувствовали себя в чем-то обделенными. У нас была куча интересных книг, кругом — чудесные места для прогулок, и дружище Джек Бриз подарил нам старый радиоприемник.

Наши деньги были на исходе, и пришло время мне оценить ситуацию, обдумать вместе с Джерри, как быть дальше, и главное, следить за нашими скромными расходами. У Джерри были пока что всего два пристрастия — сигареты и чай, и я твердо настроилась не лишать его этих удовольствий. Прежде всего требовалось найти для Джерри какую-то работу. Все его попытки устроиться куда-нибудь в Англии оказались тщетными, и мы решили поискать что-нибудь за пределами страны, например в Африке, в каком-нибудь из тамошних охотничьих хозяйств, а то и вовсе эмигрировать в Австралию. Поскольку нам было не по карману покупать газеты, где обычно печатаются официальные объявления, мы ежедневно совершали паломничество в читальный зал Центральной библиотеки. Выбор мест для человека вроде Джерри — без высшего образования, без опыта в коммерции — был весьма невелик, но мы надеялись, что в конце концов найдется что-то связанное с животными. В частности, записывали названия и адреса всех зоопарков Австралии, Америки и Канады и разослали кучу писем с изложением немалых для столь молодого человека заслуг в данной области. Потянулись недели томительного ожидания ответов. Как ни странно, далеко не все зоопарки удосужились подтвердить получение наших писем, а те немногие, что все-таки ответили, ничего не могли предложить. Словом, поч-

¹ Не хочу показаться недобрым и готов, на худой конец, признать, что меня, возможно, подводит память, однако я твердо убежден, что на самом деле мною было сказано следующее: «Поздно. Теперь ты заполучила меня». — Дж. Д.

новые расходы пришлось списать в убыток. Однако я не пала духом, только злилась, и мы продолжали штудировать газеты.

В это время один из прежних партнеров Джерри спросил нас, не возьмемся ли мы присматривать за его зверинцем в Маргейте. Платить нам жалование он не мог, однако взялся обеспечить кров и стол и покрыть расходы на проезд. Даррелл был только рад возможности снова работать с животными.

— Кстати, — сказал он, — это и для тебя будет полезной практикой.

— Но я ровным счетом ничего не смыслю в содержании животных, — изложила я.

— Ничего, быстро научишься.

Зверинец составлял одну из частей приморской ярмарки, кроме собственно зверей, он включал в себя аквариум. И вот уже я по горло занята чисткой бананов и апельсинов, извлечением косточек из вишни, кормлением детенышей. Словом, я на собственном опыте познавала, как это непростое — ухаживать за животными. Теперь-то я понимаю всю справедливость слов о том, что нет хуже пребывать в учении у собственного мужа. Он ни в чем не давал мне спуска¹.

— Никак не могу очистить дно этой клетки от навоза, — жаловалась я.

— А ты поработай руками, — следовал совет. И хотя работа была утомительная и нудная, эти три недели много дали мне, я даже вошла во вкус ухода за дикими животными. Впрочем, я не стала горевать, когда пришло время возвращаться в Борнмут.

В свободные минуты между резкой фруктов и чисткой клеток я могла сосредоточиться на размышлениях о нашем будущем, и постепенно у меня начала созревать одна идея. Ларри Даррелл преуспевал на литературном поприще и всячески поощрял Джерри взяться за перо. Если один брат мог зарабатывать деньги писательством, почему бы другому не попытаться сделать то же? И началась операция «Пила». Бедный Джерри, я принялась изо дня в день уговаривать его написать что-нибудь для кого-нибудь.

— Я не умею писать, во всяком случае так, как пишет Ларри.

— Откуда ты можешь знать, что не умеешь, пока не попробовал?

И, доведенный до отчаяния, Джерри Даррелл стал делать какие-то наброски.

— Нет, в самом деле, о чем мне писать?

¹ На самом деле кое-какую школу она уже прошла, но женщины склонны к преувеличениям. — Дж. Д.

Д

— Пиши о твоих путешествиях.

— Полно, кому это интересно?

— Мне интересно, так что валяй, пиши.

Вскоре в Англию должен был приехать Ларри со своей женой Евой. Она ждала ребенка и предпочитала рожать в Англии, а не в Югославии. Сама мысль о встрече с семейным гением внушала мне благоговение, должна, однако, признать, что он оказался куда симпатичнее, чем я предполагала. Маленького роста, коренастый, типичный Даррелл с даррелловским юмором и обаянием, но с более изысканными манерами. Он и Ева отнеслись ко мне весьма радушно, и Ларри был очень озабочен тем, что Джерри никак не может найти работу.

— Почему бы тебе не написать книгу про эти твои ужасные путешествия и не заработать на этом? Англичане обожают истории про пушистых зверьков и про джунгли. Нет ничего проще — ты располагаешь подходящим материалом и возможностями.

Джерри явно не был настроен обсуждать этот вопрос, однако он чувствовал, как я сверлю его взглядом.

— Может быть, я и впрямь мог бы написать книгу о моих трех путешествиях, но мне страшно подумать, что из этого выйдет.

— Дружище, ты что — серьезно говоришь о том, чтобы посвятить трем путешествиям одну книгу? — ужаснулся Ларри. — Ты с ума сошел. Уверен, каждого путешествия хватит на отдельную книгу.

— Прости, Ларри, но я не могу с тобой согласиться. Ты забываешь, у меня в этом деле нет никакого опыта. Одно дело — ты, тебе нравится это занятие, и ты уже не один год пишешь книги, а для меня даже письма писать великий труд. Спроси маму — много ли писем я писал ей, когда путешествовал?

— Это совсем разные вещи. Как бы то ни было, почему бы тебе не попробовать? Я готов прочесть несколько первых глав и сказать свое мнение, хотя я не очень-то разбираюсь в книгах про животных. А еще я охотно свяжу тебя с моим издательством «Фейбер энд Фейбер». И послушай мой совет, не связывайся с литературными агентами, они только обманут тебя, наживутся на тебе и присвоят себе все заслуги, когда твои книги станут пользоваться успехом.

Было совершенно очевидно, что Джерри не спешит воспользоваться разумными благими советами брата, но я продолжала настаивать, чтобы он сделал хотя бы попытку. Несколько дней спустя мы услышали по радио чей-то нудный рассказ о жизни в Западной Африке. Глядя на стонущего от негодования Даррелла, я сказала:

— Если тебе кажется, что ты мог бы сделать это лучше, почему бы не предложить Би-би-си свой рассказ о Западной Африке?

— Так ведь это не то, о чем говорит Ларри.

— Конечно, но пусть это будет стартом, и ты хоть что-то заработаешь, — не сдавалась я.

— И вообще, что я такого могу написать для радио?

Я разозлилась.

— Знаешь, Джерри, не будь таким малодушным, сделай хотя бы одну попытку. С каким удовольствием я часами слушаю твои рассказы про африканцев и про зверей, которых ты ловил, попробуй поделиться своими наблюдениями с радиослушателями. Ну, обещай мне. Все лучше, чем просто сидеть тут и тухнуть.

Несколько дней мы не возвращались к этой теме, потом я услышала, как Джерри спрашивает Марго — не может ли кто-нибудь из ее друзей одолжить ему пишущую машинку.

— У Джека, помню, есть старая машинка. Спроси его, когда появится, — ответила она. — Если он поймет, что ты надеешься что-то заработать с ее помощью, наверно, не откажет.

На Даррелла вдруг что-то нашло, он решительно не мог ждать, когда появится Джек, машинка требовалась ему немедленно. Прокат обошелся бы в 30 шиллингов за неделю, у нас не было таких денег, и пришлось расстаться с некоторыми книгами из библиотеки Джерри, среди которых были довольно ценные экземпляры. Эта операция подстегнула Даррелла, и он принялся делать кое-какие заметки о своих африканских путешествиях, выбирая эпизоды, могущие пригодиться для радио.

— Нашел, — важно объявил он однажды утром. — Напишу про волосяную лягушку, как я поймал ее. Остается только узнать, сколько слов входит в пятнадцатиминутный текст.

— Наверно, это можно как-то выяснить.

Мы знали, что где-то в доме должен быть принадлежавший в прошлом Ларри «Ежегодник писателя и художника», и в конце концов миссис Даррелл обнаружила его среди книг, которые она взяла с собой, перебираясь к Лесли. Заклучив себя в стенах нашей комнатухи, Даррелл принялся горить на пробу, и по мере того, как была готова очередная страница «Охоты на волосатую лягушку», она поступала ко мне на предмет одобрения и исправления многочисленных орфографических ошибок. Просто удивительно, как скверно было у членов семейства Дарреллов с правописанием, несмотря на то что они обучались в привилегированных частных школах. И миссис Даррелл по праву хвасталась, что пишет правильное

Д своих получивших дорогое образование чад, хотя сама она училась в маленькой американской школе в Индии.

История странной амфибии с длинными волосовидными сосочками на бедрах, которую Джерри нашел, поймал и привез в Лондонский зоопарк, настолько увлекла меня, что я с нетерпением ждала каждую новую страницу. Сберегая время и щадя пальцы Джерри, я разработала простой метод правки — печатала исправленные слова на липкой ленте и наклеивала на рукопись. Естественно, работенка была утомительная, но в конце концов это чертово сочинение было готово, оставалось только отправить его в Лондон, в Би-би-си, и надеяться. Обычное наше внимание к поступающей почте приобрело особую остроту. Во всяком случае, для меня: Даррелл изображал полное равнодушие.

Однажды утром невесть почему Даррелл вдруг заявил:

— Почему бы тебе не постричься? Хватит тебе выглядеть наподобие беженки из Центральной Европы.

Не успела я оглянуться, как они с Марго затащили меня в ванную, вооружились ножницами и принялись кромсать мои роскошные волосы, не слушая возражения и не давая мне смотреться в зеркало. Они так беспощадно орудовали ножницами, что я почувствовала себя лысой. Наконец они остались довольны своим творением и позволили мне поглядеть на себя в зеркало. Я с удивлением обнаружила, что получилось совсем неплохо; позднее моя короткая стрижка стала популярной благодаря тому, что такую же прическу носила в одном из своих фильмов Одри Хэпберн. После многие уговаривали меня отрастить волосы, но Даррелл не желал и слышать об этом, и, глядя на свои старые фотографии, я вполне его понимаю.

А Лондон все молчал.

— Будто ты не знаешь, сколько раз Ларри возвращали его рукописи, — утешал меня мой дорогой супруг. — Так стоит ли связывать все свои надежды с какой-то маленькой вещицей.

В конце концов пришел ответ, и не сухой отказ, а весьма милое письмо от некоего мистера Рэдли, который просил Джерри позвонить по поводу его рукописи. Мы помчались в дом Лесли, чтобы всем показать письмо и воспользоваться телефоном. И не поверили своим ушам: мало того, что сочинение Джерри очень понравилось, они собирались в ближайшее время дать его в эфир и хотели, чтобы автор сам прочитал свой текст.

Выступление Джерри прошло с большим успехом, его заверили, что он рожден для работы на радио, сказали, что готовы и впредь брать такие хорошие тексты. Но меня еще больше обрадовал чек на пятнадцать гиней, убедивший Даррелла, что в предложении Ларри и впрямь был известный

смысл, стоит попробовать написать книгу о первом африканском путешествии. У Джерри было уже готово подходящее название — «Перегруженный ковчег», оставалось только сесть и творить.

И потянулись мучительные для нас обоих дни и ночи. Найдя, что сподручнее писать ночью, когда его никто не отвлекает, Даррелл перешел на ночной образ жизни. Это сильно осложнило наши взаимоотношения. Мы были заточены на ограниченном пространстве, я с моим чутким сном просыпалась от малейшего шума, но мы нуждались в деньгах, а потому надо было как-то приспособливаться. Когда последние наши шиллинги были на исходе и пришлось вернуть прокатную пишущую машинку, явился дружище Джек и предоставил нам свою портативку, на которой и был завершен эпос Джерри. Поскольку эта машинка работала куда тише прокатной, я была вдвойне благодарна Джеку.

Даррелл корпел над книгой с усердием, какого я прежде за ним не замечала, каждое утро меня ожидала кипа листов для чтения и правки, и постепенно книга обретала законченный вид. Нас охватила лихорадка, и я снова поймала себя на том, что читаю с огромным увлечением — весьма удивительно, так как обычно сочинения про животных и путешествия вызывали во мне отвращение. Но тут передо мной было нечто совсем не похожее на все читанное прежде, и в мою душу стало закрадываться чувство, что мы можем неплохо заработать. А Джерри продолжал выдавать страницу за страницей, и стало похоже, что он задумал сравниться с «Унесенными ветром».

— Сколько слов должно быть в твоей книге, Джерри? — спросила я однажды утром.

— Ну, что-нибудь около шестидесяти тысяч.

— Так, может быть, мне стоит начать подсчитывать?

— Валяй, если тебе так хочется.

— Джерри, — обратилась я к нему несколько позже, — пора бы тебе шкуртляться, ты уже написал шестьдесят пять тысяч.

— Отлично, — ответил он. — Завтра утром получишь последнюю главу.

После чего оставалось прошить всю рукопись вместе с двумя листами картона, напечатать наклейку с названием книги, именем автора, адресом и количеством слов и аккуратно завернуть в бандерольную бумагу. По совету Ларри, мы адресовали бандероль Эллану Принглю в «Фейбер энд Фейбер», приложив записку, поясняющую — кто отправитель, и доверили ее почтовому ведомству Ее Величества. К этому времени оба мы настолько устали от всех трудов, что мечтали только выспаться и забыть обо всем, тем более что Ларри предупредил нас — пройдет не одна неделя, прежде чем издатели пришлют какой-то ответ.

Д В это время Дарреллу были предложены на выбор два места работы — в Управлении охотничьего хозяйства Уганды и в Хартумском музее в Судане. Книга — книгой, а Джерри на всякий случай побывал на собеседованиях и сразу отверг второе предложение, так как не мог выезжать вместе со мной в Судан на два года, а то и больше. Угандийское предложение выглядело куда заманчивее, и он настроился принять его. Однако тут к власти вернулись консерваторы, настроенные всячески сокращать расходы, и должность в Уганде мигом упразднили. Джерри был в ярости, но я весело возразила — неужели он согласится стать егерем в дебрях Уганды, если преуспеет на писательском поприще?

— Не в этом дело, — заявил он. — Еще неизвестно, возьмут ли мою книгу, и даже если возьмут — много ли заплатят.

— Ну что ж, посмотрим, — бодро отозвалась я.

Ответ пришел через месяц, издательство сообщало, что рукопись очень понравилась, и приглашало Джерри в Лондон для переговоров. Непростой вопрос — у нас по-прежнему было худо с деньгами. Джерри не располагал фотографиями экзотических зверей, о которых рассказывалось в книге, а предстояло решать проблему иллюстраций. В конце концов издательство вызвалось заказать рисунки одному швейцарскому художнику и через полтора месяца после получения рукописи согласилось также взять на себя защиту авторских прав и выплатить нам аванс — сто фунтов (пятьдесят при подписании договора и еще пятьдесят три месяца спустя). На календаре был апрель 1952 года.

Нам еще предстояло как-то кормиться в ожидании выхода книги, и воодушевленный новым успехом Даррелл написал несколько статей для разных журналов и два текста для радио. Тем не менее наше материальное положение оставалось отчаянным. Нам не давала покоя мысль о том, что Ларри, возможно, напрасно уговаривал нас не связываться с литературными агентами, и кончилось тем, что мы решили обратиться за советом именно к его агенту — Спенсеру Кертису Брауну.

Естественно, сперва мы написали письмо, рассказывая, что нами сделано до сих пор, и прося его прочитать книгу. Мистер Кертис Браун ответил незамедлительно, что хотел бы прочесть рукопись. Мы обратились в «Фейбер энд Фейбер» с просьбой направить ему корректуру. Через несколько дней пришло новое письмо: мистер Кертис предлагал Джерри приехать в Лондон и повидаться с ним. Мы снова вторглись в обитель Лесли, чтобы воспользоваться его телефоном. У нас не было денег на поездку в Лондон, о чем я и велела Джерри сообщить Кертису Брауну. Вся семья с тревогой ждала в гостиной, чем закончится разговор Джерри с агентом.

— Вы только подумайте! — воскликнул он, врываясь к нам. — Ему так не терпится познакомиться со мной, что он согласен прислать денег на дорогу.

Фантастика! Впервые мы получили конкретное свидетельство того, что кто-то верит в способности Джерри. И мы в самом деле получили по почте чек на целых сто двадцать фунтов, чего хватило бы с лихвой не только на дорогу. Получили от человека, принадлежащего к ненавистному братству литературных агентов и не заработавшего на писаниях Джерри ни одного пенса.

— Какой же я был дурак, — стонал Джерри, — что позволил Ларри отговаривать меня. У меня явно было что-то с мозгами, но теперь я буду умнее и не повторю ошибки, даже если Кертис Браун не захочет заниматься моими делами.

Даррелл настаивал на том, чтобы я поехала с ним в Лондон.

— Сама знаешь, — твердил он, — я всегда забываю все, что мне говорит. Честное слово, я способен забыть, как его звать.

После восемнадцати месяцев в тесной комнатухе в Борнмуте я была только счастлива побывать в Лондоне.

— Позволим себе такую роскошь, возьмем такси. Мы ведь не знаем, где находится Генриетта-стрит, и нехорошо опаздывать на встречу с нашим благодетелем.

Контора Кертиса Брауна помещалась тогда в причудливом старинном здании по соседству с рынком Ковент-Гарден, и сам он — с рыжеватою щетиной и гусарскими усами — сидел в просторном светлом кабинете.

— Рад видеть вас обоих. Итак, обсудим наши проблемы.

Было очевидно, что книга ему очень нравится и он считает, что при правильном подходе она принесет изрядный доход.

— Если «Фейбер энд Фейбер» еще не оформляли права в Америке, — сказал он, — может быть, вы позволите мне показать вашу рукопись одному моему американскому другу, с которым я обедаю сегодня? Разумеется, без согласия «Фейбер энд Фейбер» я ничего не стану предпринимать. Одним словом, дружище, положитесь на меня, и я постараюсь что-нибудь сделать.

Мы стали благодарить его за чек, но он только отмахнулся.

— Пустяки...

По возвращении в Борнмут я свалилась с зверским гриппом. На душе было отвратительно, я ненавидела весь свет. От мрачных размышлений меня отвлекли чьи-то торопливые шаги на лестнице. Дверь распахнулась, и комнату ворвался Джерри.

Д

— Вот лекарство, от которого тебе сразу станет лучше, — сказал он, протягивая мне телеграмму.

«ПРОДАЛ АМЕРИКАНСКИЕ ПРАВА АВАНС ПЯТЬСОТ ФУНТОВ ПОЗДРАВЛЯЮ СПЕНСЕР».

Лед тронулся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поощряемый Спенсером Кертисом Брауном, Даррелл сел писать вторую книгу, посвященную путешествию в Британскую Гвиану. Спенсер весьма разумно посоветовал Джерри подготовить ее, не дожидаясь выхода «Перегруженного ковчега», дескать, если первая книга станет пользоваться успехом, психологически очень кстати сразу предложить издателю следующую. Мы все понимали, что в силу первого договора новую книгу надлежит показать «Фейбер энд Фейбер», но были твердо намерены запросить более щедрый аванс.

Пока что все складывалось для нас благополучно, после двух лет скудости, когда приходилось считать каждый пенс, мы могли немного вздохнуть. Новая книга — «Три билета до Эдвенчер» — получилась очень веселой, мне даже показалось, что в ней слишком много школярского юмора, но Спенсеру она понравилась, и на этот раз мы уговорили одного нашего друга перепечатать рукопись для нас, так что я была избавлена от возни с липкой лентой. Джерри вновь перешел на ночной образ жизни, машинка отлично попевала за ним, и книга была готова через полтора месяца. Обретенная нами уверенность в себе упрочилась, когда «Перегруженный ковчег» был отобран для популярного серийного издания, а газета «Дейли мейл» назвала его книгой месяца. Перед тем «Фейбер энд Фейбер» отказались заплатить за «Три билета» аванс в сумме, которую назвал Спенсер, зато горячий интерес к новой книге проявило издательство «Харт-Дейвис». «Фейберы» не захотели уступать, и возник спор — то ли выпустить книгу совместно, то ли отдать «Харт-Дейвису». Козыри второго перевесили, и так началось наше долгое счастливое сотрудничество с Рупертом Харт-Дейвисом и с Ральфом Томпсоном, который затем иллюстрировал почти все книги Джерри.

Осыпаемые деньгами (как нам казалось), мы могли теперь всерьез подумать о звероловной экспедиции. В знак особого расположения Джерри

позволил мне выбирать страну. Почему-то меня всегда странным образом привлекала Аргентина, и я не стала долго раздумывать.

Даррелл, само собой, бредил Южной Америкой, собирался включить в наш маршрут и Чили, и, если получится, Парагвай. Братец Ларри предупредил нас, что все южноамериканские планы надлежит обсуждать на высшем дипломатическом уровне, особенно в отношении Аргентины; по своему пребыванию там в роли сотрудника британской консульской службы он хорошо знал пристрастие латиноамериканцев к бюрократии.

— Тебе представляется отличный случай познать, как следует готовиться к такой экспедиции, — заявил мне Джерри. — И на твою долю выпадает привилегия писать необходимые письма.

— Спасибо, — сказала я. — Премного благодарна.

Помимо приготовлений к новому путешествию, Джерри был занят писанием своей третьей книги «Гончие Бафута», ибо, как заметил Спенсер, вряд ли он будет настроен писать сразу по возвращении из долгого странствия, а издательство «Харт-Дейвис» настроилось регулярно удовлетворять спрос на книги Даррелла, которые сулили нам верный приток денежек.

Словом, хлопот прибавилось. Тут и писание новой книги, и организация новой экспедиции, и куча всяких других дел, так что даже мне стало ясно — сами мы со всем не управимся, нам нужен секретарь. Но где найти человека настолько несмышленного, что он захочет связываться с нами? Один наш русский друг протянул руку помощи.

— Я знаю женщину, которая руководит секретарскими курсами. К ней часто приходят бывшие секретарши, чтобы попрактиковаться в стенографии, и я помню, что многие из них справляются насчет работы.

— Я не желаю иметь дело с какой-нибудь пустоголовой молодой особой, — сказал Даррелл. — Мне нужна женщина постарше, знающая свое дело, готовая во все дни являться на работу и, что еще важнее, способная приноровиться к моим причудам. Одним словом — святая¹.

Через несколько дней зазвонил телефон.

— Джерри, кажется, я нашел тебе подходящего человека. Можешь ты сегодня зайти к одному моему другу, чтобы познакомиться с кандидаткой в секретарши?

— Разумеется, — ответил Джерри.

Час спустя он вернулся из разведки в приподнятом настроении.

¹ Легкое недоразумение. На самом деле я предпочел бы привлекательную стройную блондинку, способную разделить чувства человека, состоящего в несчастливом браке. Увы... — Дж. Д.

— Ну так, похоже, у нас будет то, что надо. Ей около сорока, она тихая, даже застенчивая, кажется, иностранка, вероятно, беженка. Как бы то ни было, завтра она зайдет, мы договорились о трехдневном испытательном сроке, она сама это предложила, дескать, не уверена, что оправдает наши ожидания. Лично я считаю ее очаровательной особой, и, по-моему, она скромничает, говоря о своих способностях.

— Она что же, должна работать в этой комнате? — спросила я. — Она с ума сойдет.

— Нет-нет, все в порядке. Я договорился с Марго — она будет работать в свободной комнате рядом, во всяком случае, до конца недели, когда въедут новые жильцы.

— Ну что ж, неплохая идея — постепенно вводить ее в курс дела, — рассмеялась я. — Прежде чем сталкивать человека с батареей пустых бутылок и горами спитого чая в нашем жилище.

Мне не терпелось увидеть женщину, у которой достало отваги согласиться работать с Дарреллом, однако ни он сам, ни я по-настоящему не знали, что нас ожидает. Софи была среднего роста, с шапкой темных кудрей, белой кожей и на диво спокойным выражением лица. Джерри тщательно объяснил ей, как следует перепечатать рукопись, сколько экземпляров понадобится, и мы оставили ее трудиться, лишь изредка заглядывая, чтобы спросить, не желает ли она выпить чашку чаю.

— По-моему, она просто прелесть, — заключила я. — И если она сможет выносить нас, лучшего секретаря нельзя и пожелать.

Судя по всему, работа очень понравилась Софи, тем не менее она стояла на том, чтобы условие об испытательном сроке было соблюдено. Обнаружив на другое утро, что ей придется работать в нашей крохотной комнатухе, поскольку новые жильцы вселились в соседнюю комнату на два дня раньше, чем предполагалось, Софи слегка опешила.

«Ну вот, — подумала я, — теперь уж точно откажется».

— Я тут попробовала расчистить место для вас, — сказала я, убирая поднос с чаем и пепельницы с окурками, — но если этого будет мало, можете спокойно продолжить этот процесс, поскольку Джерри всегда уверяет, что точно знает, где что находится¹.

Софи спокойно обозрела комнату, больше всего напоминающую городскую свалку. Помимо обычного мусора, кругом валялись различные пред-

¹ Хотя до той поры это стоило мне огромных усилий, я все же ухитрился кое-как поминуть, где что лежит. Комбинация Джеки — Софи все перевернула. Наступило то, что я называю началом конца. — Дж. Д.

меты снаряжения, и войти к нам было не так-то просто из-за нагроможденных на лестничной площадке коробок и ящиков.

— Если что понадобится, постучите по полу, я буду на кухне готовить лич. — С этими словами я живо удалилась, оставив ее наедине с очередным эпосом Даррелла.

Много позже Софи поведала мне, что ей чрезвычайно понравилась такая перемена обстановки, она чувствовала себя легко и просто среди полного сумбура. Сдается мне, Софи даже не подозревала, как все в доме страдают ей — все, кроме Даррелла, который полагал, что лучшей практики не придумать для секретарши, чтобы знала, с кем имеет дело.

Когда истек трехдневный срок, мы ни за что не хотели расставаться с ней, и, к счастью, Софи согласилась остаться, если ей будет позволено считать работу у нас с другими, важными для нее делами. Она объяснила, смущаясь, что занята поисками жилья для своей престарелой матери и брата. Их дом в Эссексе уже продан, поэтому так важно найти новый. Естественно, нам было все равно, как она станет распределять свое время, лишь бы работа была сделана, пусть приходит и уходит, когда ей удобно. Далее последовали одни из самых трудных переговоров в моей жизни. Честное слово, я никогда не видела человека, так безразлично относящегося к дельгам, и мне стоило величайшего труда уговорить Софи получать жалованье, обеспечивающее прожиточный минимум¹.

Она до сей день не изменилась, что весьма осложняет мне жизнь, и не хочет понять мои терзания. Мы очень быстро осознали, как нам повезло. Милейший человек, она постоянно удивляла нас самыми неожиданными поступками. Так, вернувшись однажды из трехдневной поездки в Лондон, мы обнаружили, что наша комната сияет чистотой. В пишущую машинку была вставлена записка:

«Дорогой босс, управившись с работой, я решила сделать вам приятный сюрприз. Надеюсь, вы без труда найдете все, что вам нужно. Софи Кук».

Мы были потрясены, и Даррелл, как и следовало ожидать, набросился на родичей, допытываясь, как они позволили его секретарю заниматься уборкой, что отнюдь не входит в ее обязанности.

— Не дури, милый, — сказала миссис Даррелл, — как я могла ей помешать? И вообще, ты должен быть рад, что она так обо всем заботится.

А я мучилась угрызениями совести и поклялась себе, что постараюсь держать наше гнездышко в относительной чистоте, чтобы бедняжка Софи

¹ Джеки отвергла предложенный мной простейший выход из затруднительного положения: попросить Софи работать даром. — Дж. Д.

Д не чувствовала себя обязанной наводить порядок, как только мы отвернемся. При первом же ее появлении Джерри решительно заявил, что мы, конечно, ценим ее доброту, но впредь она ни в коем случае не должна делать ничего подобного.

— Но почему, Джерри? — спросила Софи. — Мне нечего было печатать, и я вдруг подумала, как приятно вам будет вернуться в чистую комнату. Всего-то немного времени понадобилось, и мне это только доставило удовольствие.

— Но смотри, чтобы это не вошло у тебя в привычку. Это было очень мило с твоей стороны, но я нанимал секретаршу, а не уборщицу.

— Ничего не поделаешь, Джерри, я не способна сидеть без дела и даром получать жалованье. Не берите в голову, дорогие, придется вам привыкать ко мне.

С той поры и вплоть до нашего отъезда в Аргентину Софи играла важнейшую роль в нашей жизни, мне даже трудно представить себе, как мы обходились без нее. Ее восхитительное чувство юмора, доходившее подчас до гротеска, вносило оживление и помогало разрядить напряженную атмосферу, в которой проходила наша трудовая деятельность. Она вспоминала потрясающие эпизоды своей охоты за жильем, как она во всех углах искала следы точильщика и гнили; мы представляли себе, как ее страшатся агенты по торговле недвижимостью... Бедная мать Софи предавалась отчаянию у себя в Эссексе, и мы уже потеряли надежду, что дочь когда-либо найдет что-нибудь подходящее, но все же настал наконец день, когда она объявила, что подыскала дом. Правда, не совсем то, чего она желала, но сойдет и этот.

Тем временем всю разворачивались наши приготовления к отъезду, и мы не уставали удивляться любезности совершенно незнакомых людей. Таких, как посол Аргентины, доктор Дериси, как персонал аргентинского консульства в Лондоне, сотрудники Британского совета и Министерства иностранных дел; все старались как-то помочь нам. Вопреки всем ожиданиям нам удалось найти пароход, капитан которого согласился везти нас через океан за смехотворно низкую цену, что должно было сразу насторожить нас, но мы были слишком поглощены мыслями о том, что станем делать по прибытии на место. Даррелл был особенно озабочен тем, чтобы я получила удовольствие от предстоящего вояжа; во-первых, я еще никогда не выезжала за пределы Европы, во-вторых, у нас не было медового месяца, и он надеялся, что экспедиция заменит нам свадебное путешествие.

Пока же мы были по горло заняты писанием писем, подготовкой рукописи «Гончих Бафута» для окончательной перепечатки, вылазками в Лондон для посещения различных учреждений, закупкой снаряжения, а заод-

но и приобретением надлежащей экипировки, что составляло особую проблему, поскольку мы, как значилось в наших паспортах, отправлялись за рубеж с «официальной миссией», а это означало, что нам предстоит посетить официальные мероприятия, требующие респектабельного вида. Марго пришла на выручку, сшила мне вечерние и более строгие платья, и я была ей бесконечно благодарна, хотя мне отнюдь не доставляло удовольствия тратить драгоценное время на покупку ткани и выкроек и подолгу стоять в одной позе для примерки и подгонки готовой продукции. Я никогда не придавала большого значения одежде и если всегда ухитрялась в нужный момент выглядеть вполне прилично одетой, то исключительно благодаря игре случая¹. Куда интереснее было заниматься подготовкой экспедиционного снаряжения. Так, мы заказали специальные сети для ловли животных, одна лондонская фирма изготовила для нас особые горшочки для кормления колибри; целая армия наших друзей рыскала по аптекам и зоомагазинам в поисках бутылочек и сосок для кормления детенышей. Никто не остался без дела — не то, так другое, включая поиски на чердаках давно забытых ящиков и чемоданов, которые могли служить нам тарой. Сколько дружеских уз подверглись непосильным испытаниям... Наша комнатка уподобилась лавке старьевщика, и бедняжке Софи стоило немалого труда протискиваться внутрь по утрам, не говоря уже о том, чтобы пробраться к рабочему столу между здоровенными жестяными сундуками. Но она никогда не роптала и не ныла, стойчески продолжая печатать и готовить чай — еще одна функция, которую она себе присвоила.

В это время возник наш врач с длинным списком прививок, без которых нам не следовало ступать на землю Южной Америки.

— Неужели все это необходимо? — взмолилась я.

— Может быть, и не все, — он покачал головой, — но у меня с вами и так достаточно хлопот, не хватало, чтобы вы приползли оттуда с какой-нибудь скверной тропической заразой. Вам необходимы прививки от оспы, столбняка, холеры, дифтерии, желтой лихорадки, тифа, брюшного тифа — всего и не припомню, так что давайте-ка лучше позвоните моей секретарше, она назначит вам время.

¹ Представление моей супруги о том, что значит «в нужный момент выглядеть прилично одетой», сильно варьируется. В тех чрезвычайно редких случаях, когда мне удастся вынести ее в свет, начиная от инвеституры, кончая простой вечеринкой, она полагает, что идеальное облачение — блеклые джинсы, непомерной величины свитер и туфли, из которых застенчиво выглядывают пальцы ног. Иногда я с великим трудом ухитряюсь втискиваться в вечернее платье, однако всякий раз это требовало таких физических усилий, что с возрастом я все реже отваживаюсь на такие операции. — Дж. Д.

Д По правде сказать, большинство уколов я перенесла легко, но прививку от тифа явно изобрели какие-нибудь садисты, чтобы принудить ни в чем не повинных, несчастных кандидатов в путешественники сидеть дома и не высовываться. В жизни не чувствовала себя так отвратительно... Даррелл, который, естественно, проходил через все это раньше, утешал меня тем, что мои муки окупятся; дескать, только представь себе, какова сама болезнь, если так тяжело переносится прививка. Невелико утешение, когда ваша голова раскалывается, а бедная левая рука отчаянно болит и совсем не двигается. К счастью, всем этим прелестям пришел конец, причем я уверена, что наш врач очень страдал от того, что его возможности мучить нас были ограничены. Непременно следует ввести золотое правило — ни в коем случае не заводить дружбу с врачом, ибо он способен повести себя самым коварным образом.

Основную часть багажа мы отправили вперед, что помогло отчасти расчистить площадь нашей комнаты, освободить место для укладки личного имущества. Помогло также навести относительный порядок — не нам, конечно, а Софи, потому что стоило нам на минутку отвернуться, как она начинала рыскать по комнате, сжимая в руках метлу и совок, чтобы, выражаясь ее словами, «расчистить тропу в мой уголок».

— Слава богу, что у меня хоть есть теперь в заделе одна книга, — вздыхал Джерри.

Мне представлялось разумным, прежде чем закапчивать упаковку личного багажа, осведомиться в транспортном агентстве, придется ли нам переодеваться к обеду на борту пассажирского парохода, ибо мне не улыбалось забираться в трюм за нужными вещами. Сотрудник агентства заверил нас, что мы вполне обойдемся без вечерних туалетов.

— И слава богу, — заметил Даррелл, — ненавижу эти плавучие отели.

Ровно за двадцать четыре часа до отплытия мы получили письмо от пароходства, которое напоминало нам, что мы плывем в обществе испанских и португальских иммигрантов, а потому будем вместе с ними пользоваться местами общего пользования — такими как уборные, столовые и пассажирские салоны. Во избежание каких-либо нежелательных последствий нам предполагалось подписать соответствующую бумагу, снимающую с пароходства всякую ответственность. Даррелл в ярости кинулся к телефону. Учтивый голос в трубке сообщил ему, что так у них заведено, они уже доставили в Аргентину множество пассажиров, и не было ни одной жалобы. Выслушав все уверения, Даррелл подписал бумагу и вернул ее в контору пароходства, однако мы не без содрогания думали о том, что нам предстоит.

— Сами виноваты, — произнес со стоном Даррелл. — Надо было обратиться к фирме, чьими услугами я всегда пользовался, а не полагаться на

незнакомую компанию. Ладно, теперь уже поздно, постараемся как-нибудь выжить.

С великой грустью мы прощались с Софи, которая успела стать неотъемлемой частью нашей маленькой семьи. Она тоже жалела, что приходится расставаться, предпочла бы поехать вместе с нами. И заверила, что, если будет свободна, когда мы вернемся, непременно продолжит работу у нас.

Вся семья провожала нас на Центральном вокзале в Борнмуте, и я не без печали покидала город, который больше трех лет был моим домом. В Лондоне мы пересели на поезд, идущий в порт, с огорчением отметили, что от наших попутчиков веет холодом, но утешились мыслью, что они, несомненно, еще оттают на солнышке.

В Тилбери нас без промедления провели от поезда через туннель к пароходу, где пассажиров встречал симпатичный молодой вахтенный помощник капитана. Даррелл предъявил наши билеты, и нас позабавила реакция помощника, когда он увидел, что мы путешествуем туристским классом.

— Простите, сэр, боюсь, вам не к этому трапу, а вон туда, — сказал он, показывая куда-то в самый конец железной громадины, где с палубы на пристань спускались простые деревянные сходни.

Поблагодарив его, мы стали пробираться между тросами и кнехтами, и когда дошли до сходней, не обнаружили никого, кто мог бы объяснить нам, куда следовать дальше. На палубе увидели укrywшегося в дверях от дождя стюарда и с тревогой убедились, что он ни бум-бум по-английски. Тем не менее Даррелл помахал у него перед носом нашими билетами, и они, очевидно, что-то сказали этому бездельнику, потому что он жестом предложил следовать за ним. Мы вошли в унылый темный салон с второй дверью в дальнем конце и беспорядочно расставленными, как в пивной, столами и стульями. За одним столом сидел небольшого роста чернявый джентльмен, который, изучив наши билеты, велел стюарду проводить нас вниз по трапу справа. Мы не увидели на лице деятеля ни тени улыбки, никаких признаков интереса, только выражение смертельной усталости. В конце концов, одолев лабиринт коридоров, мы достигли нашей каюты и с ужасом обнаружили, что она больше всего походит на вместилище гроба. Никаких иллюминаторов, двухэтажная койка, крохотный стол и минимум свободной площади.

— Черт знает что! — разбушевался Даррелл. — Сейчас же пойду к помощнику капитана и потребую, чтобы нас перевели отсюда, сколько бы это ни стоило. А когда вернусь в Англию, сниму шкуру с того типа в транспортном агентстве.

Я осталась ждать в «каюте», а Даррелл ринулся разыскивать помощника. Тем временем дверь каюты напротив отворилась, и оттуда вышла по-

Джилая седовласая дама с термосом в руках. Я вкрадчиво улыбнулась и поздоровалась. Она тоже поздоровалась и представилась:

— Миссис Пирс. Мы с мужем возвращаемся в Буэнос-Айрес.

Я поспешила в свою очередь представиться и сказала, как мы потрясены видом своей обители.

— Не говорите, дорогая. Когда плывешь сюда, еще куда ни шло, потому что в эту сторону не везут иммигрантов, но обратный нуть ужасен. Поверьте, мы ни за что не согласились бы нутешествовать вот так, но мой бедный супруг — пенсионер, бывший железнодорожник, и билет на хороший пароход стоит куда дороже. Но вы-то почему едете этим классом? Вас не предупредили в транспортном агентстве?

Я рассказала ей, как любезный сотрудник, с которым мы имели дело, расхваливал этот пароход и его удобства, уверил нас, что еще не получал ни одной жалобы от своих клиентов. Миссис Пирс широко улыбнулась:

— Милая девочка, жалоб хватает каждый раз, не столько из-за несчастных иммигрантов, которым все равно, сколько из-за тараканов, из-за обстановки в салоне, где, кстати, подают только пиво, и отвратительной пищи, но хоть бы кто обратил внимание. Вы еще не видели, где приходится спать этим беднякам иммигрантам. Животных так не перевозят, можно подумать, что вернулись времена работорговцев¹.

В эту минуту возвратился Даррелл, и лицо его выражало крайнее уныние.

— Извини, Джеки, но все билеты на этот чертов пароход проданы, так что нам придется остаться здесь. Но мне обещали дать знать, если кто-то вернет билет. Надо же мне было свалить дурака и поверить тому типу в агентстве.

Миссис Пирс еще не ушла, я извинилась перед ней и представила Джерри.

— Я понимаю, как вы разочарованы, — сказала она, — но на борту есть несколько англо-аргентинцев, и мы постараемся скрасить вам плавание. К тому же нам предстоят интересные заходы, кое-где будем стоять по два дня, это внесет какое-то разнообразие. Жаль, конечно, что в отличие от нас вам досталась каюта без иллюминатора, так что у вас порой будет очень жарко, но, может быть, в пути кто-нибудь сойдет и вы сможете поменять каюту.

С этими словами она извинилась и ушла, предоставив нам ломать голову над тем, как разместить наши личные вещи.

¹ Чистая правда. Нет слов, чтобы описать, как обращались с иммигрантами. Сходство с работорговлей бросалось в глаза, только кандалов не хватало. Полагаю — всей душой надеюсь! — что ныне такая практика прекращена. — Дж. Д.

— Придется отнести все в багажное отделение, — заключил Даррелл.

— Но как же мы сможем, когда понадобится, доставать одежду?

— Тогда и придумаем что-нибудь, а сейчас давай решим, какие чемоданы нам нужны в первую очередь.

С великим трудом, преодолевая сопротивление нашего стюарда, мы переместили большую часть вещей, после чего попытались как-то разместиться в каюте.

Несколько лет спустя мне довелось встретиться с бывшими военными, на чью долю выпало сомнительное удовольствие в годы войны плавать именно на этом пароходе, и все они дружно выражали свое сочувствие, когда я описывала прелести нашего путешествия. Их удивляло только одно: как это «чертово судно» все еще держится на плаву.

— Не иначе тараканы не дают ему утонуть, — заметил один из них.

По чести, у меня от всего нашего плавания до Буэнос-Айреса остались в памяти только приятные вещи. Все пассажиры, с кем мы общались, были совершенно очаровательные люди, даже те, чьего языка мы не понимали; особенно запомнился веселый эпизод в столовой, когда могучего сложения стюард-испанец с гомосексуальными наклонностями решил поухаживать за Джерри. Даваясь от смеха, один наш говорящий по-испански попутчик попытался объяснить любвеобильному господину, что Джерри к нему равнодушен, больше того, англичанин женат, и вот его жена рядом. Однако стюард отказывался этому верить, дескать, у сеньора нет обручального кольца, стало быть, его никак нельзя считать женатым. После долгих уговоров стюард решил, что Джерри просто упрямится. Были потешные сцены и в уборных, особенно в женских, куда постоянно наведывались неграмотные иммигранты мужского пола, которые норовили утащить все сиденья с унитазов, очевидно, полагая, что они годятся на красивые рамки для фотографий. В итоге до конца плавания сиденья так и не появлялись.

Еще одной дивной привычкой наших испанских и португальских друзей было разбрасывание на палубе апельсиновых корок и прочего мусора, коему по правилам надлежало отправляться за борт. Пользоваться ванными было невозможно — они вечно выглядели так, точно в них только что искупался линяющий медведь-гризли.

Несмотря на эти мелкие изъяны, нам было очень весело в компании с нашими попутчиками. Каждый вечер они пели под гитару и танцевали, и мы отлично ладили, хотя не понимали друг друга. Теперь я понимаю, что мне представился отличный случай познать испанский и португальский темперамент; заодно я выучила несколько обиходных испанских фраз, что нам очень пригодилось, когда мы покинули пределы Буэнос-Айреса. Сло-

Д

вом, я чувствовала себя великолепно, но бедный Даррелл не уставал жаловаться на скверную каюту и отвратительное питание.

Мы побывали в чудесных местах — рыбный порт Виго в Испании; красавец Лиссабон с его старинными зданиями и небесно-синей черепицей; Канарские острова с их корабейниками и дешевым испанским бренди; Ресифе в Северной Бразилии, с потрескавшимися небоскребами в окружении буйной ползучей флоры и с множеством красивейших женщин; Рио с его мозаичными мостовыми, настырным визгом автомобильных гудков и диковинной горой, напоминающей сахарную голову; кофейный порт Сантос — ворота величественного Сан-Паулу, самого большого (тогда) города Бразилии; убогий и приветливый Монтевидео с могилой «Графа Шпее»; оттуда — вверх по грязной Рио-де-ла-Плата к возвышающимся над утренней дымкой очертаниям зданий Буэнос-Айреса, где наступил конец терзаниям Даррелла.

В разгар прощания с Пирсами в коридоре перед нашими каютами нас грубо прервал раскрасневшийся молодой член команды, за которым следовал по пятам элегантно одетый мужчина, похожий на американскую кинозвезду Адольфа Менжу.

— Джордж Гиббс из британского посольства, — представился «Менжу». — Мне поручено помочь вам пройти через таможенную и отвезти вас на квартиру миссис Гринслет. Не так-то просто было найти вас, — продолжал он, смеясь. — Наверху, в первом классе, никто даже не знал, что вы находитесь на борту.

— Охотно верю, — кисло ответил Джерри. — Все, что происходит ниже первого класса, ничуть не интересует команду. И все-таки я предпочитаю наших здешних попутчиков паскудным обитателям первого класса, с которыми мы сталкивались во время заходов.

Гиббс понимающе улыбнулся:

— Хорошо, рассказывайте, какой у вас багаж, кроме того, что в трюме?

Наше уважение к мистеру Гиббсу чрезвычайно возросло, когда мы увидели, с какой легкостью он провел нас с нашим имуществом через таможенную, меж тем как остальные пассажиры были заняты горячими дискуссиями с таможенниками в белой форме. Из порта нас быстро провезли по обсаженным деревьями красивым улицам Буэнос-Айреса и поселили в чудесной квартире миссис Гринслет с видом на гавань. Добрейшая хозяйка состояла в дружбе с Ларри Дарреллом и весьма неразумно вызвалась пригласить нас у себя, когда мы прибудем, о чем у нее было предостаточно поводов жалеть впоследствии. А еще Ларри снабдил нас целым списком людей,

с которыми нам следовало связаться, и главное место среди них занимала некая сеньора Бебита Феррейра.

— Вы просто обязаны познакомиться с этой милейшей женщиной и передать, что я буду любить ее до гроба, — сказал он. — Она спасла мой раскладок в Аргентине.

После таких слов нам оставалось только подчиниться. Когда Джерри позвонил Бебите Феррейре, она пригласила нас к себе на ленч. В ту пору, в 1954 году, такси относилось к числу наиболее неуловимых предметов, и мы скоро усвоили, что надо либо ждать свободную машину полчаса, либо следовать пешком к месту назначения. Правда, на этот раз нам повезло, мы прождали всего четверть часа и на весьма ломаном испанском языке попросили отвезти нас в Калль-Посадос. Квартира Феррейры стала для нас спасительным прибежищем на те восемь месяцев, что мы провели в Южной Америке, а сама Бебита — нашим ангелом-хранителем, буквально творившим чудеса. Ей ничего не стоило найти пристанище для коллекции зверей или уговорить сердитого таксиста подвезти шестерку черношеих лебедей. Для нее не существовало невыполнимых задач, и к кому бы она ни обращалась, все это были прелестные, кроткие, милые люди — во всяком случае, в общении с ней.

Квартира сеньоры Феррейры была восхитительна — тихая и прохладная, и хозяйка явно заботилась о том, чтобы все вкусы гостей были удовлетворены — кругом лежали журналы и книги о современном искусстве, литературе, музыке, балете, а в маленькой гостиной стоял рояль, на котором были разложены ноты. Но больше всего наше внимание привлек висящий на одной стене большой портрет удивительно красивой женщины в роскошной шляпе с перьями, сидящей перед роялем.

— Уверена — это не она, — сказала я.

— Почему же, — возразил Джерри. — Была такой когда-то, только не теперь.

В эту минуту появилась сеньора Феррейра — еще краше своего изображения.

— Я Б-б-б-бита Феррейра, счастлива видеть вас. Ларри мне столько рассказывал про вас, Джерри, когда служил здесь в представительстве Британского совета.

— Извините, что мы к вам вторгаемся, — ответил Джерри, — но Ларри настаивал на том, чтобы мы зашли.

— Ну-н-ну конечно. Я была бы очень обижена, если бы вы не появились у меня. Как поживает душка Ларри?

— Просил передать, что будет любить вас до гроба и надеется скоро увидеть вас в Европе.

Д

— Пошли, дети, идем к столу, и вообще приходите сюда в любое время, я охотно помогу вам всем, чем смогу.

Наши планы включали посещение Чили, чтобы добыть там кое-каких птиц для коллекции Питера Скотта в Слимбридже, но все тот же услужливый деятель из транспортного агентства не удосужился предупредить, что мы окажемся в Южной Америке в разгар отпусков, когда невозможно купить билеты на самолет. Негодующий Даррелл излил свою душу Бебите.

— А куда еще вы хотели бы попасть, Джерри?

— Ну, при нынешнем положении дел это может быть непросто, но хотелось бы выбраться в Парагвай и попытаться поймать гигантского броненосца.

— Возможно, кое-что удастся сделать, — улыбнулась Бебита. — Завтра я переговорю с моим братом, Боем, потом позвоню вам.

А пока один из друзей Джерри — Иэн Гибсон пригласил нас погостить на ферме своего родича в приморье, в нескольких километрах от Буэнос-Айреса. Старинная усадьба «Лос Инглесес» располагается в чудесном уголке; по слухам, именно здесь останавливался известный натуралист У.-Г. Гудзон, когда собирал материал для своего знаменитого труда о птицах реки Ла-Плата. Семейство Бутов, очаровательные люди, встретили нас очень тепло и вскоре стали принимать живейшее участие в отлове зверей. Мне очень повезло, что именно им я обязана настоящим знакомством с аргентинскими пампасами, и во многом благодаря Бутам я полюбила эту страну. Пастбища фермы простирались на много километров, чередуясь с озерами, окаймленными серебристой пампасной травой и кучами деревьев и кустов. На территории, прилегающей к дому, были посажены тополя, эвкалипты и сосны, вечно шуршащие на легком ветерке, неотъемлемой части аргентинской природы. Сам дом представлял собой гасиенду в испанском стиле, с каменными полами, керосиновым освещением и самой простой мебелью. Нам предложили спальню с огромной кроватью, маленьким комодом, двумя стульями и туалетным столиком.

За несколько дней, проведенных там, мы скоро обзавелись причудливым собранием обитающих в округе диких животных, от броненосцев до птенца паламедеи, которого мы прозвали Эгбертом. Он смахивал на небрежно изготовленную мягкую детскую игрушку, покрытую темно-желтым пухом от выпуклой головы до ярко-красных ног. Эгберт обладал яркими круглыми глазами, длинным любопытным клювом и парой непомерно больших для детеныша лап, которые совершенно не слушались его. Когда он бродил по саду, ноги по собственной прихоти распоряжались своим незадachtливым хозяином, который принимался жалобно кричать, когда они

живодили его в какие-нибудь дебри. Мы все обожали Эгберта, однако у нас возникла жуткая проблема, потому что никак не могли подобрать ему пищу по вкусу. Одна из дочерей хозяина, Элизабет, предложила выпустить его в огород, весьма разумно полагая, что он сам сообразит, какая зелень ему годится. Эгберт храбро затопал по грядкам, проверяя клювом на ходу капусту, морковь, лук, наконец забрался, попискивая, в гущу шпината и остановился.

— Победа! — воскликнул Даррелл, однако Эгберт не спешил приниматься за еду.

— Знаешь, — сказала я, — даже такой тупице, как я, очевидно — если птенцы паламедеи кормятся тем, что для них отыгривают родители, нам остается действовать соответственно. Ты рассказывал мне, что паламедеи питаются люцерной. Так вот, из маминого клюва она выходит в виде липкой кашицы. Почему бы нам не разжевать шпинат и не проверить — вдруг ему понравится?

— Отличная идея, — отозвался Даррелл. — Но кто должен жевать шпинат? Боюсь, я для этого не гожусь.

— Это почему же?

— Я курю, и никотин может очень скверно подействовать на бедняжку.

— Ладно, — сказала я. — Попробую сама.

Я никогда не была великой любительницей шпината, а после тех славных дней мне противно смотреть на него в любом виде. Единственным утешением для моих ноющих челюстей явилось то, что Эгберту наш корм очень понравился и птенец поправлялся на глазах.

С неохотой покидали мы «Лос Инглесес» и Бутов, когда пришло время покинуть наш смешанный набор тварей в столицу.

— Послушай, милый Джерри, а где мы будем держать всех этих животных, пока не представится возможность отправить их самолетом в Англию?

— Не беспокойся, я обращусь в посольство к мистеру Гиббсу, а если он не сможет помочь, придумаю что-нибудь еще¹.

Бедняга Джордж Гиббс был потрясен, услышав по телефону просьбу подыскать пристанище для диких зверей. Тем не менее он взялся опросить своих друзей, а меня вдруг осенило. Кто, как не Бебита, сумеет нас выручить!

¹ Не вижу ничего потешного в моем убеждении, что британские посольства учреждены в самых глухих уголках мира затем, чтобы помогать приезжающим звероловам. Из того факта, что большинство посольств не согласны со мной, ясно, почему я считаю необходимым серьезный пересмотр всей нашей внешней политики. — Дж. Д.

— Предоставьте это мне, дети, и я позвоню вам через полчаса, — сказала она, когда мы обратились к ней. — Вечером жду вас к обеду, а пока не беспокойтесь, я отыщу вас.

Через полчаса она и впрямь позвонила:

— Я нашла подходящее место, дети. У одного моего друга есть гараж, где вы можете разместить своих животных. Записывайте адрес.

«Дом с гаражом» оказался большим роскошным особняком в одном из фешенебельных районов Буэнос-Айреса, но так или иначе наша проблема разрешилась, что дало повод для жарких прений в британском посольстве, ибо «друг» Бебиты оказался одним из самых богатых людей Аргентины. Подозреваю, ей пришлось крепко нажать на него, чтобы он согласился принять нас с нашей добычей.

Вечером за обедом Бебита рассказала, что еще один ее друг ждет нас в гости в свое поместье в Парагвае.

— Все очень просто: вы летите в Асунсьон, оттуда его личный самолет доставит вас в поместье Пуэрто-Касадо, и можете там остановиться и ловить ваших обожаемых зверей. Тебя это устроит, Джерри?

Надо ли говорить, что мы были в восторге, однако нас смущало скверное знание испанского языка.

— Бебита, любовь моя, мы были бы счастливы отправиться в поместье твоего друга, но как мы справимся там без переводчика?

— Нет проблем, дети. Вы помните Рафаэля Сото — младшего сына моего друга-художника? Так вот, у него сейчас каникулы, я уже говорила с его матерью, и она рада помочь, так что все в порядке. А теперь ешьте, все остывает.

И через несколько дней мы вылетели с Рафаэлем в Асунсьон, где нас ожидала страшная жара, сменив безбрежные пампасы Аргентины на болотистые районы и кактусы Парагвая. В пути мы испытали сомнительное удовольствие полета на одномоторном самолете, ведомом лихим бразильским пилотом, над Мату-Гросу. Впрочем, мы были вознаграждены зрелищем ландшафта с причудливыми плосковершинными горами вдалеке, и «Затерянный мир» Конан Дойля показался нам вполне реальным.

— Не хотел бы я совершить здесь посадку, — заметил Джерри. — Нас тут никогда не нашли бы.

Когда мы наконец приземлились на крохотном аэродроме, нас встретил довольно кислый субъект — управитель поместья, который отнюдь не был рад нашему появлению. Правда, ему было велено предоставить нам кров и стол, а также оказывать необходимую помощь, однако толковал он это распоряжение, увы, по своему разумению. Нас поместили в дряхлом бунгало в поселке при дубильне, составляющей основу владения Пуэрто-Каса-

до. В роли домоправительницы выступала тучная «мадам» Паула, которая, как быстро выяснил Рафаэль, владела местным домом свиданий.

— Вот и хорошо, Джерри, — заключил он. — Если нам что понадобится, обратимся к Пауле.

Рафаэль проявил незаурядный талант организатора. В этом краю был только один способ путешествовать — по извивающейся через топи странной узкоколейке на причудливых экипажах с мотором от «Форда». Кузова были установлены на железных колесах и лихо раскачивались со звоном на полных рельсах, соединяющих станции, где грузили растительное сырье для производства танина. Было очевидно, что от несчастных угнетенных индейцев, обитающих в Касадо, нам проку не будет, остается катить по рельсам до конечной остановки, расставляя по пути ловушки в наиболее подходящих местах. Были среди тамошних зверей такие, которым мы вовсе не были рады и которые неотступно следовали за нами, а именно комары, огромные полосатые твари, целыми роями осаждавшие нас всюду, где мы по недомыслию делали остановки. Ничто не защищало наши бедные тела от их укусов. Они жалили даже через плотную ткань брюк; прихлопнешь дюжину — тут же на место убитых садятся другие. Истребляя ладонями эту пакость, я все время вспоминала веселое лицо нашего пилота, как он уверял, когда мы садились в самолет в Асунсьоне, что уже через неделю станем молить его, чтобы он отвез нас обратно в столицу. Должна признать, что, познакомившись с местными комарами, я была готова поймать его на слове. Тем не менее мы ухитрились — как и следовало ожидать — свыкнуться с этими докучливыми спутниками.

Местность вокруг Касадо производила фантастическое впечатление — немыслимая смесь топей, всякого рода кактусов, пальм и каких-то странных деревьев с разбухшим стволом.

— Скажи, ради бога, Рафаэль, как называются эти деревья? — спросила я.

— По-нашему — пало бораче, это будет «пьяное бревно» по-английски.

— Правда фантастика? — заметил Джерри. — Ни дать ни взять участинки доброй вечеринки.

Все индейцы, с которыми мы общались, были словно чем-то запуганы, и жили они в ужасных условиях. Через Рафаэля я узнала, что им платят очень мало за тяжелейший труд; жильем служат предоставленные от щедрот компании лачуги, сколоченные из жести. Большую часть получаемых жалких грошей эти бедняги, подобно большинству южноамериканских индейцев, приобщенных к благам цивилизации, тратили на дарующую забвение огненную воду с местным названием «кана». С возмущением наблюдая, как в дни зарплаты компания выдает деньги и тут же получает их об-

Д ратно за «кану», вместо того чтобы продавать качественную еду и одежду для работяг и их детей.

Мы с Рафаэлем подробно обсуждали положение индейцев. Всецело разделяя мои переживания, он объяснял, что парагвайцы презируют индейцев, ставят ниже рабочего скота, и все потому, что они-де не «христиане». Из всех людей, с кем я встречалась, только парагвайцы способны скорее убить приглянувшееся вам животное, чем принять предложенную вами цену; лично я убеждена, что парагвайцы сами себя не уважают! Мне хотелось поскорее вернуться в Аргентину, и даже Рафаэль иной раз возмущался поведением местных жителей, говоря: «Они нехорошие люди».

Между тем коллекция животных, размещенная в бывшем курятнике, быстро росла, и среди наших подопечных было много прелестных экземпляров. Естественно, у меня появились любимчики, в том числе купленная у одной индианки маленькая обезьяна дурукули, получившая имя Кай. Меня это приобретение особенно порадовало; мало того что дурукули — единственные обезьяны, ведущие ночной образ жизни, наша Кай была удивительно красива. Величиной с небольшую кошку, одетая в серебристо-серый мех, который сменялся светло-оранжевым пухом на груди и кремовым на животе. Огромные, как у совы, глаза светло-янтарного цвета обведены белой шерстью, отороченной черными волосками, крохотные уши почти не видны. Особенное очарование этой обезьянке придавала постоянная улыбка. Правда, должна признать, эта улыбка отнюдь не соответствовала переменчивому нраву дурукули, но все то время, что Кай находилась на нашем попечении, она была сама кротость и дружелюбие.

Еще у нас были четыре прелестные кукушки гуйра, милейшие пичуги, которые то выглядывали снизу из клеток, проверяя, что делается на белом свете, и перекликаясь пронзительными голосами, то принимали солнечные ванны, расправив крылышки и уподобляясь растрепанной метелочке из перьев. Гуйра величиной с английского скворца, коричневато-кремовое оперение расписано серовато-черными полосками, голову украшает редкий рыжеватый хохолок, а хвост длиной не уступает сорочьему. Просто поразительно, как гуйры сразу делаются ручными. Они и любопытны, как сойки, обожают лазить клювом в ваши уши или волосы, а то и просто посидеть на вашем запястье, топорща хохолок и громко перекликаясь друг с другом. Признаюсь, эти потешные птицы пришлись мне очень по душе. Они любят, чтобы им чесали голову; эта процедура повергает их в нечто вроде транса.

Назову еще серого лисенка Фокси, пристрастившегося поедать окурки с пагубными последствиями для его внутренностей, енота-ракоеда Пу, го-

гоюго пожирать все, до чего только дотягивались его лапы с длиннейшими пальцами, наконец — Сару Хаггерзак, детеныша гигантского муравьеда, которого приходилось кормить из бутылочки и которому доставляло величайшее удовольствие вцепляться своими острыми когтями в Джерри или в меня, но предпочтительно — в набитый соломой мешок. Джерри просто обожал Сару, а она обожала его, и ее кормлению он уделял такое же внимание, как отец, пекущийся о благе своего первенца. Он не жалел ни сил, ни времени для блага Сары, и она быстро научилась пользоваться его особым расположением. Ночью она спала вместе с ним («не дай бог простудится»), каждая свободная минута принадлежала ей («очень важно, чтобы она ощущала любовь, ведь в нормальных условиях детеныш не расстается с матерью»). В эти дни Джерри совершенно не уделял мне внимания¹, приходилось довольствоваться общением с другими животными, и они относились ко мне с любовью и доверием.

Кроме ухода за животными, мы были заняты съемкой нашего первого фильма для телевидения и старались как-то приспособливаться к причудам мистических жителей и особенностям окружающей природы. В целом я была довольна собой: сумела освоиться с необычной обстановкой, и даже Дарреллу нравилось, как я управляюсь со своими обязанностями. Он уверял совершенно серьезно, что видит у меня врожденный талант, а ведь услышать от Даррелла похвалу в таком деле, как уход за животными, было достаточно трудно. В то же время он жестоко насмеялся надо мной, когда я обнаружила, что в нашей уборной поселилась летучая мышь из семейства мимипиров; впрочем, я скоро привыкла к тому, что эта маленькая тварь всякий раз пролетала над моей головой, когда я открывала дверь в заветное убежище. А еще Даррелл осуждал мое нежелание пускать в свою постель таких гостей, как трехпоясный броненосец, детеныш носухи и прочие твари, коих индейцы притаскивали в наше бунгало.

— Мне все равно, Даррелл, с кем ты делишь ложе, — твердо произнесла я, — но я на этот счет более разборчива.

На что Рафаэль и Даррелл ответили громким смехом, причем мои слова не помешали Джерри носить ко мне на кровать самых разных животных. Что может сравниться с матрацем, мокрым от звериной мочи? Невольно ощутишь, что весь мир твоя родня!

Близилось время нашего прощания с Парагваем, а Даррелл все переживал, что мы никак не можем раздобыть гривистого волка, и не мог по-

¹ Несправедливое замечание. Ничто не мешало Джеки делить постель со мной и Сарой. — Дж. Д.

Д нять, в чем дело, ведь местные леса кишели этими волками, хотя мы не видели ни одного во время наших вылазок. Но вот однажды Рафаэль ворвался к нам в бунгало, чтобы поделиться только что услышанной новостью. Дескать, один индеец километрах в пяти по железной дороге поймал чудесного зверя, о чем и дал знать начальству в Касадо, да только никто не удосужился передать нам его слова. Даррелл был вне себя от ярости и тревоги.

— Если мы скоро не заполучим этого зверя, он погибнет. Это чрезвычайно хрупкие животные. Где живет тот индеец, Рафаэль?

— Не беспокойся, Джерри, я договорился, чтобы сегодня волка привезли тебе сюда.

Бедняга Даррелл поминутно мчался на станцию, боясь прозевать прибытие драгоценного груза. Около пяти часов прибыл долгожданный «поезд», Рафаэль и Джерри осторожно сняли с платформы клетку и отнесли к курятнику. Несчастный зверь страшно исхудал и еле держался на ногах; мне казалось, что он вот-вот умрет.

— Сколько дней этот индеец держал его у себя, Рафаэль?

— Честно сказать, Джерри, не знаю, но, должно быть, много дней, вон как плохо он выглядит.

А жаль, потому что зверь был очень красив — длинные стройные ноги, как у оленя, длинные острые уши, желтовато-рыжие спина и бока.

— По-моему, у него пневмония, — решил Джерри. — Давай переведем его в клетку побольше и попробуем кормить.

Что мы и сделали, соблюдая великую осторожность; впрочем, волк был так слаб, что не пытался сопротивляться или укунить нас.

— Это возмутительно — надо же было довести его до такого состояния. Знай я, кто в этом виноват, задал бы взбучку тому человеку.

— Знаешь, Джерри, — вмешалась я, — мне понятны твои чувства, но такие вещи случаются даже в самых лучших зоопарках, так что попробуем лучше вылечить бедного зверя.

Можно было подумать, что волк ощутил наше желание помочь ему, он охотно лакал молоко с сырым яйцом и глюкозой. Поел также фарш и печень, но все равно стало ясно, что наши усилия тщетны. Пневмония успела развиваться до такой степени, что как мы его ни кормили, как ни ухаживали за ним, беднягу нельзя было спасти. Убитый горем Джерри настоял на том, чтобы произвести вскрытие трупа. И обнаружил, кроме признаков пневмонии, следы внутренних повреждений, вызванных какими-то сильными ударами.

Этот случай на сутки поверг нас в глубокое уныние, а затем наши мысли всецело заняло одно неожиданное событие. В Асунсьоне произошла ре-

июлюция. Сперва известие об этом вызвало у нас только смех, ибо всем известно, что революции самое любимое — после футбола — занятие жителей Южной Америки. Но тут по радио пришло сообщение от одного милейшего американца, жившего выше по реке. Он знал, что мы готовимся везти нашу коллекцию речным транспортом до самого Буэнос-Айреса, и его весьма обеспокоило известие о том, что остановлены все рейсы. Американец предложил нам воспользоваться его четырехместным самолетом. Отличное предложение, вот только как нам быть с нашими животными? Задержаться в Парагвае мы не могли — нам непременно надо было успеть в Буэнос-Айрес к пароходу, который повезет нас обратно в Лондон. Я видела только одно решение: оставить большую часть коллекции, взять с собой только то, что поместится в самолете... Два дня Джерри ломал себе голову над этой проблемой. Его беспокоило то, что многие из остающихся животных уже не смогут самостоятельно находить себе пропитание. В конце концов пришлось ему смириться с тем, что другого выхода нет. Лисенка мы отдали обожающей его Пауле, а всех взрослых особей выпустили на волю, оставив только наших любимчиков-детенышей. С великим удивлением мы обнаружили, что оказавшиеся на свободе звери отнюдь не спешат уходить, многие из них еще долго бродили около курятника, ожидая кормежки, однако Джерри строго следил за тем, чтобы кормление кончилось.

— Иначе все будут слоняться здесь, пока их не пристрелит кто-нибудь из местных жителей. А так они в конце концов уйдут, когда поймут, что регулярных трапез больше не будет.

— Чего стоит вся эта сентиментальная болтовня, на которой я выросла, о том, что все божьи твари нуждаются в свободе! — вырвалось у меня.

— Вспомни, что я говорил тебе в Манчестере, — при надлежащем уходе животные быстро привыкают к неволе. А ты все никак не хотела в это поверить.

— Верно, тогда не поверила, зато теперь убедилась в этом.

Тем временем воюющие стороны затеяли переговоры, и на какое-то время наступило затишье. Наш американский друг настаивал, чтобы мы позволили воспользоваться передышкой и уезжали, пока возобновятся авиарейсы до Буэнос-Айреса. Вскоре его самолет прилетел в Касадо, и мы втиснулись со своими подопечными в крохотную кабину. Пилот был явно озабочен при виде такого груза, однако с третьей попытки сумел все же оторвать машину от земли.

— Ну так, — сказал он, — взлетели. Будем надеяться, что сумеем благополучно сесть.

Посадка была кошмарной, тем более что летное поле аэроклуба сильно намокло после недавних ливней. Едва наше шасси коснулось земли, как

Д самолет стало качать в разные стороны и мотор принялся реветь, точно бедствующий миноносец. Я ждала, что мы вот-вот перевернемся, но машина все-таки выровнялась и благополучно остановилась.

— Вы уж извините, — улыбнулся пилот, — но мы шли с небольшой перегрузкой, что не очень хорошо для легкого самолета. Главное — добрались до цели.

С чувством благодарности мы выбрались из кабины и поспешили через весь город в коммерческий аэропорт, где в самый раз успели на самолет, вылетающий в Буэнос-Айрес.

— Слава богу, управились, — выдохнул Джерри. — Хотя были минуты, когда мне казалось, что дело кончится плохо.

Наконец внизу замелькали огни Буэнос-Айреса, и мы приземлились на аэродроме, где нас встречал все тот же мистер Гиббс.

Шагая к зданию аэропорта, мы вкратце поведали ему о наших приключениях.

— Кстати, у вас могут быть кое-какие затруднения с этими вашими животными. Вы запаслись справкой от санитарного надзора?

— Какие еще справки? — отозвался Даррелл. — У них там революция.

— Я как раз напирал тут на это, но ты сам знаешь чиновничью психологию. Ладно, пошли поговорим с начальником ветеринарной службы, он, кажется, приличный парень.

Репутация приличного парня оправдалась — после усиленных уговоров Джерри.

Бebита была рада снова видеть нас и, конечно же, заранее договорилась, что наши звери переночуют в доме бабушки Рафаэля, а на другой день переедут к одному ее другу в предместье Буэнос-Айреса.

Мы пополнили наше собрание, отправившись вместе с Рафаэлем в поместье его семьи сразу за городом и прикупив кое-какие экземпляры в зоомагазинах в самом городе. Я лихо мастерила клетки и торговалась на испанском языке, помогала добывать разрешения на вывоз животных и готовила их к предстоящему трехнедельному плаванью.

После заключительного дня изнурительных объяснений с таможей и предъявления налево и направо наших бумаг на причале мы наконец очутились на борту парохода компании «Блу Стар» и, стоя у поручней, помехали на прощание всем нашим милым друзьям. С великим сожалением покидала я чудесную страну, мысленно обещая себе непременно еще побывать в Аргентине и уж тогда ни за что не выезжать за ее пределы в соседние страны.

На носу наши подопечные готовились к ночному отдыху под предоставленным капитаном брезентовым навесом, да и мы постарались лечь пораньше, ибо нам предстояло основательно потрудиться на другой день, составляя клетки и кормя животных, как только рассветет. Однако напоследок Джерри покормил на ночь и приласкал Сару.

— Она такая прелесть, — сказал он. И уныло добавил: — Жаль, что нельзя взять ее с собой в каюту.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Везти по морю коллекцию животных было для меня еще одним неизвестным испытанием, и я с ужасом думала о том, что меня ждет. Во-первых, меня сильно укачивает, во-вторых, я не сомневалась, что постоянная тревога за животных сведет на нет все вероятные радости от обратного плавания. Как ни странно, мне просто некогда было не то что почувствовать — даже вспомнить о морской болезни, настолько заняты мы были делом с самого первого дня. Очень быстро был разработан четкий распорядок. На рассвете, подкрепившись чашкой чаю, мы брели вниз на палубу, чтобы чистить клетки и мыть кормушки. Что было не так уж сложно, пока держалась тихая и теплая погода, но по мере приближения к европейским широтам, где дуют ледяные ветры, стало удовольствием ниже среднего. Капитан «Звезды Парагвая» и его команда не пожалели сил, чтобы удобно устроить наших зверей, и нам не стоило большого труда разместить маленькую коллекцию в нехитром убежище, которое судовой плотник смастерил из досок и старого брезента. Идя на север вдоль бразильского побережья, мы могли регулярно обливаться животных водой (за неимением ванны), не опасаясь простудить. Сара чувствовала себя великолепно, три раза в день ей позволялось с громким хрюканьем бегать по палубе, преследуя ноги Джирелла. Молодые помощники капитана охотно помогали нам, и один из них навлек на себя гнев шефа, опоздав на вахту из-за того, что взялся носить для нас воду. Пассажиров на грузовую палубу в носовой части судна не пускали, и мы могли любоваться потешным зрелищем, когда за окнами в переборках возникали физиономии многочисленных ротозеев. Наши привилегии восстановили против нас большинство пассажиров постарше, жителей южноамериканского побережья, зато мы отлично поладили с полудюжиной путников нашего возраста и хорошо повеселились, в частности на костюмированном балу, когда мы с Джерри, вырядившись парагвайцами, завоевали первый приз, к зависти остальных конкурсантов. Последо-

Д

вавшая в тот вечер шумная гулянка в каюте одного из наших новых друзей дала повод капитану обрушить свой гнев на еще нескольких молодых подчиненных.

Уборка испражнений — не самое приятное занятие для человека, страдающего от похмелья и приступов тошноты, тем более на борту парохода. Видит бог, я до сих пор не понимаю, как управилась на другое утро с этим делом, не принося жертв Нептуну.

В портах захода первый помощник любезно назначал присматривать за животными вахтенных, что позволяло нам сходить на берег и закупать свежие продукты. И я уверена, что в тот день, когда мы причалили к пристани в Лондоне, на судне был человек, который вздохнул с великим облегчением, — капитан «Звезды Парагвая».

Большая часть нашей маленькой коллекции нашла приют в Пейнтонском зоопарке, где Сара не замедлила обрести новых поклонников, хотя так и не забыла своего любимого приемного отца. Тяжело было расставаться со всеми этими прелестными созданиями, и я начала понимать, что должен был чувствовать Даррелл во время предыдущих путешествий, почему так жаждал обзавестись собственным зоопарком, чтобы избавиться от необходимости отдавать в другие руки привезенных зверей.

Весть о нашем возвращении в Борнмут быстро дошла до ушей Софи. Без нас она поступила на службу в одну местную строительную фирму, но хотя новая работа ей нравилась, нам не стоило труда уговорить ее вернуться в наш дом.

К великому недовольству Джерри, в наше отсутствие издательство «Харт-Дейвис» решило выпустить «Гончих Бафута». Это был для него подлинный удар, поскольку он надеялся на передышку, а тут его уже ждала корректура книги об африканской экспедиции.

— Надеюсь, они не станут повторять этот трюк всякий раз, когда у меня появится задел, — стонал он. — Иначе я сойду с ума. Похоже, придется мне прямо сейчас приступить к новой книге, пока вы не принялись пилить меня.

Так началось писание «Под пологом пьяного леса», правда, должна сознаться, не слишком прилежное, пришлось нам с Софи поочередно подталкивать автора.

— Когда вы, фурии, поймете, что я не машина, что не могу просто открыть кран — и поехали. Если бы только это было возможно... Я должен ждать, когда на меня найдет вдохновение. А вы ведете себя, точно эти отвратительные субъекты, когда твердят мне, что нет ничего легче, чем сочинить книгу, они и сами взялись бы, будь у них время. Так вот, предлагаю вам — попробуйте сами!

Несмотря на все препирательства и сердитые взгляды, книга в конце концов была написана, и я даже не знаю, кто из нас испытал большее облегчение. Нежелание Даррелла отчитаться именно об этой экспедиции легко объяснить, ведь как-никак она сложилась неудачно, однако Спенсер Кертис Браун успокаивал нас:

— Пойми, Джерри, люди обожают читать про неудачи. Это помогает им чувствовать, что автор тоже человек. Даже если затея частично удалась — все равно интересно.

Нас ободрило известие, что «Гончие Бафута» вошли в одну весьма престижную серию, и в честь этого события Спенсер закатил в отеле «Савой» шикарный обед для нас. В приливе энтузиазма Даррелл поддался уговорам и пообещал написать для издательства «Коллинз» детскую книгу по материалам экспедиций в три разные страны, вошедшим в «Перегруженный ковчег», «Три билета» и «Под пологом пьяного леса». Отличная, казалось бы, идея, да только нам с Софи в жизни не доводилось переживать столько страданий на ниве литературы. Почему-то Даррелл никак не мог заставить себя закончить эту книгу, и мы с Софи, доведенные до отчаяния, сами сочинили заключительную главу. Разумеется, гений с презрением отверг ее, но наша попытка вдохновила его на решающее усилие, и он довел дело до конца.

— Джерри, дорогой, — обратилась я к нему однажды, — почему бы тебе не ввести систему вроде той, какой руководствуется Ларри? Каждое утро он пишет две тысячи слов, чтобы остальную часть дня посвятить другим занятиям.

Даррелл тяжело вздохнул.

— Поверь, я был бы рад, но в том-то и разница, что он любит писать, а я нет. Для меня писание — просто способ заработать деньги, чтобы работать с животными, и все. Меня нельзя назвать серьезным писателем в строгом смысле слова, я лишь литературный поденщик, которому повезло со сбытом всего, что он сочиняет.

Мы уже начали действовать друг другу на нервы, так что весьма кстати Ларри, назначенный в это время заведующим бюро информации на Кипре, пригласил нас в гости. Зная, с каким увлечением Джерри занимается кино съемкой, он предложил ему сделать фильм об этом острове. Джерри не нуждался в предложениях, чтобы на время отдохнуть от «Острова пудингов» (то бишь Великобритании), и вот мы уже снова копаемся во всевозможных видах снаряжения.

Однако перед отъездом Джерри попросили выступить с лекцией в Королевском фестивальном зале в Лондоне. Даррелл был в ужасе, но Харт-

Д

Дейвис считал, что лекция может стать хорошей рекламой для его книг, и в конце концов он согласился. Вся семья переживала вместе с ним предстоящее тяжкое испытание, поскольку мы знали, как он ненавидит публичные выступления, считая себя никудышным лектором, хотя на самом деле Даррелл великолепный рассказчик, и публика замечательно воспринимает мгновенные рисунки, которыми он иллюстрирует свои лекции. И так как было решено, что под конец выступления Джерри представит публике живьем какого-нибудь из своих зверей, мы попросили Пейнтонский зоопарк одолжить нам Сару Хаггерзак.

В день великого события мы все в полном составе явились в Фестивальный зал. Саре, прибывшей раньше нас, выделили отдельную костюмерную, тогда как мы, простые смертные, были предоставлены самим себе. Как и следовало ожидать, лекция прошла с огромным успехом, причем в центре внимания оказалась Сара Хаггерзак, которая носилась по сцене, возбужденно хрюкая и играя с Джерри. Всеобщие восторги пришлись ей по вкусу, и она так разошлась, что упорно не желала возвращаться в транспортную клетку. В том, что Саре понравились огни рампы, мы убедились лишь раз немного позже, когда она впервые выступала по телевидению и завоевала сердца самых суровых сотрудников телецентра. Правда, подобно большинству великих звезд, она проявляла характер, требовала похвалы.

Наше путешествие на Кипр было омрачено с самого начала — первая бомба взорвалась во время вечеринки, устроенной Ларри, чтобы познакомиться нас с местным обществом. Можно подумать, что наше прибытие на остров послужило для киприотов последним поводом для выражения их нелюбви к англичанам как таковым. Активность террористов, естественно, вынудила нас отказаться от вылазок со съемочной аппаратурой. Правда, тут же возник альтернативный проект: мы расположились в доме Ларри в живописном селении Беллапаисе к северу от Кирении, и Джерри затеял снимать документальную ленту, призванную показать, как много значит водоснабжение для местных деревушек. Мы быстро наладили отношения с селянами; они уже успели проникнуться симпатией и уважением к Ларри, а Джерри благодаря своему детству на Корфу достаточно хорошо говорил по-гречески и знал немало греческих песен, чем расположил к себе здешних жителей. Особенно хорошие отношения установились у нас с мэром, и он возил нас по всему острову, даже в так называемые твердыни террористов. И, несмотря на все рассказы об антибританских акциях, мы ни разу за все время пребывания на острове не испытали на себе проявлений неприязни. С великим прискорбием думали мы о недостатке взаимопонимания, расстроившем так долго царившее на Кипре добрососедство; позже Ларри очень хорошо поведал об этом в своей книге «Горькие лимоны».

Подходившие к завершению переговоры с британским телевидением вынудили нас досрочно покинуть Кипр. Наши друзья в Англии предложили нам пожить две недели в их квартире в пригороде Лондона, пока сами они будут в отъезде, и в то время Даррелла угроздило заболеть желтухой. И всегда относилась с юмором к этому недугу, привыкла к тому, как эстрадные комики обыгрывают выражения типа «разлитие желчи», а потому была изрядно напугана, когда врач объявил, что речь идет о весьма серьезном заболевании, чреватом фатальным исходом, если не соблюдать строгую диету. Две недели я героически трудилась над приготовлением блюд, способных преодолеть отсутствие аппетита, причем до той поры совершенно не представляла себе, каким испытанием для супружеских уз может стать безжировая диета, особенно когда один партнер может свободно потреблять самые обычные продукты, вроде масла, яиц, сыра, молока, сливок, а также деликатесы, скрашивающие наше существование, а другой вынужден довольствоваться парной рыбой, жареным без масла мясом, сухим хлебом и совершенно отказывать себе в спиртном¹.

По истечении указанных двух недель Маргарет приехала к нам в Лондон, чтобы транспортировать заметно осунувшегося Даррелла в лоно семьи в Борнмуте. Здесь после дней вынужденного безделья им вдруг овладело неудержимое желание написать книгу, о которой он помышлял не один год. В 1935 году семейство Дарреллов в полном составе переехало на не подозревавший последствий этого акта греческий остров Корфу, где они и прожили пять идиллических лет, пока не разразилась война. По тому, как они рассказывали об этой поре, было очевидно, что остров очаровал их, и миссис Даррелл часто говорила мне, что за всю свою жизнь только там ни разу не превышала свой банковский кредит. Никогда не видела, чтобы Джерри так трудился, он выдавал страницу за страницей, и бедняжка Сюфи едва поспевала за ним. Спустя шесть недель и сто двадцать тысяч слов Даррелл предался благостному изнеможению. Книга была закончена — и автор тоже едва не отдал концы.

«Мою семью и других зверей» ждал огромный успех, в чем никто из нас и не сомневался. У этой книги были все элементы бестселлера — экзотический остров, сумасшедшее семейство и множество животных. Она излучала солнечный свет и свободу и даже критикам пришлось по нраву. Много лет спустя она по тиражам превосходит другие книги Даррелла, и хотя благодаря ей мы приобрели множество друзей во всем мире, эта книга, увы, превратила

¹ Можно мириться с парной рыбой, жареным мясом и сухим хлебом, но в таких условиях быть лишенным спиртного — такого ни один разумный человек не потерпит долго.
Дж. Д.

Д

Корфу в туристский аттракцион. Великое благо для корфян и греческой экономики, но весьма печальный факт для Дарреллов, полюбивших остров, каким он был в прошлом. И как же повеселилась вся семья, когда именно эту книгу включили в обязательный список литературы для сдающих экзамен на аттестат зрелости. Даррелл не получил систематического образования, его обучением занимались различные эксцентричные субъекты, которые учили его чему угодно, кроме обязательных школьных дисциплин. Тем не менее он получает много писем от благодарных школяров, заверяющих его, что наконец-то хотя бы экзамен по английской литературе стал приносить им радость.

Бедняга Даррелл потратил столько сил на «Мою семью», что совершенно выдохся, и ему было предписано отдохнуть на островах Силли. Он прекрасно знал эти чудесные острова, я же впервые попала туда, и мы провели две тихие недели на овеваемых ветрами клочках земли, обозревая заводи на скалах, наблюдая птиц и смакуя домашнее вино из пастернака в обществе женщины-орнитолога, с которой там познакомилась.

Оправившись от переутомления, Джерри стал помышлять о новом путешествии. Однако на этот раз он решил уделить побольше внимания кино съемкам, а потому купил довольно дорогую немецкую камеру, и несколько недель мы ходили, опутанные недодержанной пленкой, пока Даррелл осваивался с новой аппаратурой. Основательно поразмыслив, Джерри пришел к заключению, что для съемок хорошего фильма о звероловной экспедиции лучше всего подойдет Камерун, и в частности — королевство его старого друга и собутыльника Фона Бафута. Он уже побывал там два раза и теперь уверял, что для успеха столь сложного дела, как съемка кино, следует направиться в хорошо знакомые места, к людям, с коими он поладил, и главное — к животным, которые его не подведут.

Поскольку намечалась явно небывалая по размаху экспедиция, я предложила взять с собой Софи — если она согласится. Ее не пришлось долго уговаривать. А еще мы решили обратиться за содействием к различным фабрикантам, просить не деньги, а нужную нам продукцию, суля взамен хорошую рекламу. Сочинили надлежащее письмо, и хотя Софи в тексте излишне напирала на телевизионную популярность Джеральда Даррелла и заверяла получателей, что одна из главных целей экспедиции — сбор сырья для нового алкогольного напитка¹, результат превзошел все ожидания.

¹ В тот раз она сверх того написала одному фирмачу, прося прислать дезинфектант и туалетную бумагу и обещая, в числе прочего, что пришлем фотографии, показывающие, как мы пользуемся в экспедиции этой продукцией. — Дж. Д.

Экспедиторы Британских железных дорог и наш почтальон устали доставлять нам огромные посылки, мы же не уставали вскрывать упаковки и восхищаться богатым содержимым. Тут было все — от пластиковых тазов и пил до плотницкого инструмента, медикаменты для зверей и для нас, элегантные нейлоновые рубашки и носки, обувь, походные кровати, раскладываемый чай, проволочные сетки, лодка с подвесным мотором, электрогенератор, словом, нашего снаряжения хватило бы на небольшую армию. Остальные обитатели дома чертыхались, наталкиваясь в подъезде на людей, склоненных над упаковочной клетью, и цепляясь ногами за валяющуюся повсюду проволоку. Бедняжке Маргарет стоило немалого труда умиротворять своих разгневанных жильцов. В конце концов понадобились два вместительных фургона, чтобы доставить наше имущество в Саутгемптон к ожидающему нас банановозу.

К этому времени наш отряд пополнился еще одним человеком. Впервые мы приняли предложение о помощи от будущих покупателей нашего улова и остановили свой выбор на молодом знатоке рептилий, поскольку Кимерун сулил самые причудливые находки. Близилось Рождество, а потому Софи договорилась, что присоединится к нам позже, так как хотела встретить праздник вместе со своими родичами. В итоге нас на пароходу было только трое, если не считать капитана и его команду. Это было восхитительное плавание, мы чувствовали себя так, будто стали обладателями собственной яхты.

Африканский континент никогда не манил меня, и уж во всяком случае не так, как он манил Ливингстона, тем не менее спустя десять дней я стояла на пристани в столице Британского Камеруна, Виктории, наблюдая, как наш багаж сгружают с лихтера на берег и переносят на два мощных грузовика. Путь до Бафута нам предстояло проделать в два этапа, с короткой остановкой в Мамфе, где Джерри уже доводилось располагаться лагерем на берегу реки Кросс. Как обычно, не обошлось без препирательств с таможеней, которой почему-то вздумалось конфисковать сборную алюминиевую клетку (чем-то похожую на огромный детский «конструктор»), щедро предоставленную нам фирмой «Дексион». Мы подняли страшный шум и в конце концов отстояли свое имущество, к великому негодованию начальника таможи, носившего не совсем обычное имя Пайн Кофин (сопловый гроб). В Мамфе нас ожидало новое столкновение с таможеней из-за «противозаконного обладания» револьвером, на владение коим в Западной Африке требовалось специальное разрешение самого губернатора Нигерии. К несчастью для таможенников, такое разрешение у нас было.

Первый этап нашего пути внутрь страны был ничем не примечательным, если не считать облака красной пыли и изрытые колеями дороги —

Д неперменная черта африканских ландшафтов в британских протекторатах. Меня постоянно удивляет, почему французы и бельгийцы могут строить вполне приличные дороги на контролируемых ими территориях, тогда как максимум, на что способно большинство созидателей Британской империи, — посыпать щебенкой окраинные улицы главных городов. Впрочем, все это только добавляет прелести путешествию, ибо ничто так не поощряет вас почаще останавливаться, как головная боль и ноющая спина.

Первую остановку мы сделали в деревушке Бекебе, знакомой Джерри по ранним экспедициям, и один из его прежних боев — Бен тотчас подбежал к нему, предлагая свои услуги и первую добычу — детеныша черноногой мангусты, которого мы тотчас назвали Тикки и которого Джерри сунул себе за пазуху, поскольку у нас под рукой не было никакого подобия клеток. Убедившись, что Бен присоединился к другим боям в кузове грузовика (в Виктории мы с помощью старого помощника Джерри — Пия наняли нужных рабочих), мы снова тронулись в путь и около девяти вечера подъехали к дому управляющего ОАК в Мамфе. Джерри выбрался из кабины и исчез в весьма элегантно с виду современном бунгало. Вскоре он появился вновь, сопровождаемый управляющим — Джоном Хендерсоном. Джон оказался радушным хозяином и милейшим человеком и вместе со своими подчиненными все шесть недель, что мы с нашим «проклятым зверьем» (как он выражался) наводняли его жилище, не жалел сил, помогая нам. Он охотно признавался, что не выносит наших животных, но готов терпеть их ради нас.

Крохотное селение Мамфе расположилось на высоком берегу реки Кросс; оно не лишено своих прелестей, если останавливаешься там ненадолго, однако не скажу, чтобы я его полюбила. Климат там отвратительный, круглые сутки царит жара и духота, из-за чего мы с Софи никак не могли избавиться от сыпи, несмотря на частые купания и прилежное пользование всякими лосьонами, которые, по словам производителей, обязаны были защитить кожу от раздражений. В селении обитало, помимо управляющего ОАК, еще около десятка европейцев, все они приняли нас одинаково радушно и обещали «распространить в округе слух» о приезде помешанных любителей животных. Мало-помалу веранда вокруг дома Джона уподобилась зоомагазину.

— Знаете, я все время ловлю себя на том, что заблудился, когда вижу это проклятое зверье, — пожаловался Джон. — Сегодня чуть не поехал дальше искать свой дом.

— Послушай, Джон, — озабоченно произнес Джерри. — Если они и впрямь так противны тебе, мы освободим помещение.

— Глупости, дружище, я пошутил, на самом деле я только рад вам и вашим питомцам.

Даррелл стремился возобновить контакты с охотниками, и мы стали готовиться к прелестям вылазок в тропический лес, где располагались далекие деревушки. На рассвете следующего дня пересекли реку на долбленках, прихватив рюкзаки с бутербродами и термосами с холодной водой. Высадившись на другом берегу, довольно прытко зашагали гуськом по битой тропе. Меня сразу поразила царившая в лесу тишина и липкая духота. Редко-редко можно было услышать птичий голос или шорох от движения невидимых животных. Вот тебе и жуткие тропические дебри, кишасщие зверьем и ядовитыми змеями!

После двух часов утомительной ходьбы мы вышли на поляну, где увидели опирающихся на длинные посохи двух худых пожилых туземцев.

— Здорово, Бо, — поздоровался Джерри.

— Добро пожаловать, маса, — дружно откликнулись они и принялись что-то толковать на пиджин-инглиш.

Для меня это была китайская грамота, но Джерри, к счастью, явно понимал их. Наконец он угостил обоих сигаретами и попрощался.

— О чем они говорили так долго? — спросила я.

— Ничего серьезного, просто так поболтали, — ответил он, и мы двинулись дальше.

Около полудня мы достигли деревни Эшоби. Предупрежденные «лесным телеграфом» ее обитатели столпились на главной «улице», чтобы встретить нас. Было очевидно, что они рады снова видеть Джерри. Улыбались и пощелкивая пальцами, они распевали: «Добро пожаловать, добро пожаловать!» — и одаряли нас большими свежими кокосовыми орехами. И уж поверьте мне, ничто не освежает так после длительного перехода через жаркий африканский лес, как сок кокосового ореха. Нам с Джерри были предложены два весьма шатких стула; вся в поту, я с благодарностью опустилась на один из них и принялась обозревать деревню. Она была грязнее и непригляднее других селений, виденных мной на пути из Виктории, дети выглядели жалкими и тощими. Не может быть, подумала я, что это та самая деревня, в которой Джерри жил и которую так расхваливал. Но оказалось, что это она; он стал показывать мне разные ориентиры, включая место, где помещался его лагерь. Минуло восемь лет после предыдущей экспедиции Даррелла в Камерун, за это время многое изменилось, во всяком случае, на политическом уровне. Теперь нередко наиболее смышленные члены общин занимали видные должности; так было и со старыми охотниками, помогавшими Джерри во время его первого визита. Сидя

Д на земле вокруг нас, они внимательно слушали Джерри. Он объяснил, что намерен вернуться в Эшоби и остановиться здесь на несколько дней и что особенно его интересует необычная птица — плешивая сорока. Вот только подходящее ли сейчас время для отлова птенцов, которых будет легче приучить к неволе? Элиас успокоил его.

— Точно, сэр, иногда мы держим птенцов в доме. Я поищу.

Договорились, что Джерри снова придет в Эшоби на следующей неделе, оставив нас с Софи в Мамфе присматривать за коллекцией.

Базируясь в Мамфе, мы приобрели двух животных, которые стали моими любимцами: детеныша редкого вида галаго (я назвала его Пучеглазым) и не менее редкую разновидность белки, получившей за свои малые размеры прозвище Малютка. Поскольку в обоих случаях речь шла о детенышах, забота о них была поручена мне. Даррелла бесило, как мы с Софи сюсюкаем с нашими подопечными, но мы не обращали на него внимания.

Пучеглазый и Малютка стали нашими повелителями во всяком случае. Малютка вполне повелевала мной. Очаровательное крохотное создание, еще слепое и совсем беспомощное, она всецело зависела от тепла и внимания, которое я могла уделять ей. Очень важно было смастерить для нее гнездышко, где поместилась бы и небольшая грелка.

В конце концов я отыскала квадратную жестяную банку, куда положила застеленную ватой грелку, и ватой же выложила стенки. Получилась этакая переносная колыбелька, и я всюду носила ее с собой, потому что Малютка, как и все младенцы, нуждалась в частом и регулярном кормлении и начинала беспокоиться, если я оставляла ее одну. Первое время она получала разные виды детского питания и глюкозу, разведенные в теплой воде, причем кормить ее приходилось с помощью пипетки. Она была образцовым ребенком и вскоре стала хватать пипетку передними лапками; мне оставалось только следить за ровной подачей пищи и делать остановки, чтобы Малютка могла отдышаться. Она быстро росла и стала очень милым зверьком с оранжевой головой и обрамленными черной каймой аккуратными ушками. Розовое тельце было одето болотно-зеленым мехом с рядами белых пятен по бокам. Но особенно хорош был хвост — длинный, пушистый, сверху зеленый, снизу ярко-оранжевый, он изгибался над спиной белочки так, что кончик висел над самым носом. Малютка была абсолютно ручная и с того момента, когда у нее открылись глаза, позволяла мне делать с ней все, что угодно. Особенно ей нравилось почесывание, тут она впадала в транс. Я не сомневалась, что Малютка окажется умненьким зверьком, хотя Даррелл только посмеивался над таким предположением.

Однажды утром, когда за разными делами я забыла про утреннее кормление, она решила сама напомнить мне о моих обязанностях. Каким-то образом выбралась из оставленной подле моей кровати банки, сама отыскивала вход в просторную гостиную и возникла на пороге, издавая резкие звуки. Подбежала ко мне и вскарабкалась на мое плечо, продолжая кричать, что пора кормить ее. Негодование Малютки было так велико, что она не желала ждать, когда я вооружусь пипеткой, а соскочила на стол, где я готовил корм, и попыталась влезть в чашку. В конце концов мне удалось успокоить ее, но с того дня она каждое утро забиралась на мою кровать и верещала мне в ухо, а после кормления с великим интересом принималась исследовать наши постели.

— Знаешь, Джеки, — заявил Даррелл, — придется тебе посадить Малютку в настоящую клетку, не то останемся мы без белочки.

Я понимала, что Джерри заботится о ее сохранности, но знала также, что ему решительно не нравится, как она роется в его постели и покусывает за пятки¹. Пришлось поместить Малютку в специально оборудованную клетку, с кроваткой наверху и ворохом увлекательных гнилушек на дне. Освоившись в новой обители, она занялась приготовлением постели с таким рвением, подобного какому я не видела ни у каких других белок. Запасением более гигиеничного материала я выстлала ее кроватку бумажными салфетками, однако мой вариант благоустройства не удовлетворил Малютку, и она не один час потратила на то, чтобы навести свой порядок. Вытащив салфетки, принялась рвать их на мелкие кусочки и делать комки, которые несла обратно на кроватку и с шумом что-то мастерила. Когда и некоторое время спустя заглянула внутрь клетки, на меня из вороха клочков уставились яркие глаза белочки, но она тут же забыла про меня, продолжая сооружать замысловатое гнездо наподобие тесного кокона. Укрывшись в нем, Малютка могла закупорить вход кусочком салфетки и отдыхать, надежно защищенная от шума и сквозняка. Все то время, что белочка находилась у нас, я готова была часами наблюдать активность этого шибавного создания.

Совсем другой, независимый нрав был у Пучеглазого. Он уже не был сиротком, когда мы его получили, его не надо было кормить из бутылочки, и мы быстро обнаружили, что его любимое блюдо — насекомые. Однажды

¹ Я вовсе не против разделять постель со зверьем, однако мне совсем не нравится прогибаться в пять утра оттого, что озорная белка пытается затолкать мне в ухо земляной орех. — Дж. Д.

Д

вечером мы подверглись подлинному нашествию крылатых муравьев, они залетали в комнаты, в клетки, и наши бои расставили повсюду миски с водой, куда падали муравьи. Полученного таким способом улова нам хватило на несколько дней, чтобы кормить наших питомцев. Бегаю по комнатам за крылатыми насекомыми, я услышала доносящийся из клетки Пучеглазого страшный шум и обнаружила, что наш галаго, окруженный роем муравьев, с вытаращенными глазами гоняется за ними. Рот Пучеглазого уже был набит, обе лапы заняты добычей, но он не прекращал охоту, не задумываясь о том, куда девать все это богатство.

Пучеглазый тоже любил поиграть с нами, носился по клетке, не даваясь в руки. Вскочит мне на руку, тихонько ущипнет и тут же прыгает дальше. А иногда он вел себя смирно, поднимал переднюю лапу, чтобы вы могли пощекотать его под мышкой. Но больше всего любил, лежа на спине, подставлять для чесания живот, слегка отбиваясь для вида.

Наша коллекция пополнялась все новыми экземплярами, и мы задержались в Мамфе намного дольше, чем предполагали, однако нам пришлось освободить помещения в доме Джона Хендерсона, поскольку он собирался в отпуск, а его заместитель не обязан был мириться с такими жильцами. Джон предложил нам переселиться в маленький африканский домик по соседству, с глинобитными стенами и кровлей из банановых листьев. Довольно запущенное строение, но после свежей побелки и обновления кровли там стало вполне уютно, и на веранде нашлось достаточно места для всех наших зверей. Правда, в этом доме было куда жарче, чем у Джона, и в нем кишели огромные пауки; один из них как-то ночью забрался на раскладушку Даррелла и прогулялся по его груди — к великому ужасу Джерри и к вящему моему облегчению, что не я привлекла внимание этой твари. Уборной в этом доме не было, все удобства, как водится, во дворе, и ночные вылазки туда были чреваты самыми тяжелыми переживаниями, ибо никогда нельзя было предугадать, что тебя ждет в пути или на месте. Чаще всего уборную навещали здоровенные тараканы, иногда наведывались пауки, а то и змеи. Чувствуя, что, если мы еще задержимся в Мамфе, мне грозит серьезное помешательство, я стала упрашивать Даррелла поскорее продолжить наше путешествие курсом на Бафут.

— Ладно, — сказал Джерри, — только сперва я должен написать Фону и предупредить его. Сегодня же напишу и завтра отправлю письмо с рейсовой машиной.

Что он и сделал, приложив к письму две бутылки виски. Оставалось надеяться на скорый ответ.

*Дворец Фона,
Бафут, Баменда*

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 23-го получил с большой радостью. Я был счастлив, когда прочел его и узнал, что ты снова в Камеруне.

Я буду ждать тебя, приезжай в любое время. Оставайся у нас, сколько захочешь, никаких возражений. Мой рестхауз всегда открыт для тебя, когда бы ты ни приехал. Пожалуйста, передай мой искренний привет своей жене и скажи ей, что у нас найдется о чем поболтать, когда она придет.

Преданный тебе
Фон Бафута

Милая Софи любезно вызвалась задержаться в Мамфе на несколько дней и привезти в Бафут остающуюся часть нашего снаряжения и животных, и мы поклялись, что при первой же возможности организуем ее переезд.

Дорога на Бафут была ужасная — сплошные ямы, выбоины и камни, но местность кругом дивная. Поначалу мы ехали через густой лес в речной долине, нас окружали окутанные лианами высоченные деревья, и на этот раз мы увидели кое-каких птиц — турако, птиц-носорогов и ярко окрашенных карликовых зимородков. Наш путь пересекали сотни речушек, через которые мы переезжали по шатким деревянным мостам; в воде резвились, галдя и махая нам вслед, африканские ребятишки, над сырыми берегами тучами кружили красивейшие разноцветные бабочки. Постепенно, почти незаметно дорога стала подниматься вверх, потом лес вдруг расступился, и перед нами до самого горизонта простерлась побеленная солнцем саванна. Теперь, вырвавшись из зеленых щупальцев леса, я могла, оглядываясь назад, любоваться им, но и здесь кругом клубилась красная пыль, проникая сквозь все щели в кузове грузовика, и когда мы уже вечером подъехали к обители Фона, нас вполне можно было принять за краснокожих индейцев.

После липкой духоты Мамфе и жары на лесной дороге так легко дышалось в прохладном воздухе Бафута... В тусклом вечернем свете можно было рассмотреть просторный двор и скопление хижин, составляющих усадьбу Фона, а справа от нас, на макушке некоего подобия ступенчатой пирамиды, высился внушительный рестхауз Фона, чем-то похожий на итальянскую виллу, с широкой верандой и аккуратной черепичной крышей. Впрочем, сейчас нам некогда было изучать окрестности.

— Ну-ка, давайте выгрузим животных, разместим их на веранде и покормим, пока совсем не стемнело! — распорядился Даррелл.

Д

Бои засуетились, разбирая наше снаряжение, мы с Джерри перенесли клетки на наиболее прохладную часть веранды, а отвечающий за кухню Пий принес мне теплого молока, чтобы развести детское питание. Зажгли керосиновые лампы, приготовили себе еду, кое-как умылись и повалились в изнеможении на раскладушки.

Утром явился нарочный с письмом от Фона:

Мой добрый друг!

Я рад, что ты снова прибыл в Бафут. Я приветствую тебя. Когда отдохнешь после путешествия, приходи ко мне.

Твой добрый друг
Фон Бафута

Почти всю первую половину дня мы наводили порядок в своем зверинце, чистили и кормили его обитателей и готовились к тому, чтобы должным образом устроить животных, кои могли поступить в ближайшие дни. Принимали также необходимые меры, чтобы Софи возможно скорее могла присоединиться к нам. Не менее важно было засвидетельствовать свое почтение хозяину. За нашим двором помещался осененный ветвистой гуавой дворик поменьше, где и располагался собственный дом Фона, уменьшенная копия рестхауза, где мы остановились. На верхней ступеньке крыльца стоял сам Фон Бафута, высокий стройный мужчина в отороченном синей вышивкой простом белом халате и с такого же цвета ермолкой на голове. По лицу его было видно, что он счастлив видеть Джерри.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, мой друг, ты приехал...

— Да, я снова в Бафуте. Как поживаешь, мой друг?

— Отлично, отлично. — Он и впрямь выглядел отлично. Затем Джерри представил Фону меня, и, стоя рядом, мы, наверно, представляли забавное зрелище — великан ростом около двух метров возвышался над моими полутора метрами, и моя ручонка совершенно исчезла в его могучей пятерне. — Пойдем в дом, — сказал он, жестом предлагая следовать за ним.

Мы очутились в приятном прохладном помещении, всю обстановку которого составляли леопардовые шкуры на полу и украшенные изумительной резьбой деревянные кушетки с горами подушек. Мы сели; одна из жен Фона тотчас принесла поднос с неизбежной бутылкой виски и стаканами. Держа в руке стакан, наполненный до краев «Белой лошадью», Джерри осторожно заговорил об одном непростом деле.

— Мой друг, я опасался снова приезжать в Бафут, потому что один человек говорил мне, будто ты сильно сердишься на меня из-за книги, где я рассказывал, как весело мы проводили время в прошлый раз¹.

Фон был явно удивлен и недовольно осведомился:

— Кто же это тебе говорил?

— Один европеец там, в Буза.

— А, европеец! — Фон пожал плечами, удивляясь, как это мы могли поверить словам какого-то белого. — Ложь это. Я никогда на тебя не сердился.

Он подлил нам виски и продолжал:

— Эта книга, которую ты написал, она мне здорово понравилась. Через нее весь мир узнал мое имя. Всекие люди узнали его, ты молодец. Когда я сидел в Нигерию на встречу королевы, там у всех европейцев была твоя книга, и они просили меня написать в ней мое имя.

Его слова обрадовали нас с Джерри, потому что нам говорили, будто Фон воспринял написанное Дарреллом как страшное оскорбление. Не задерживаясь на этой теме, мы спросили Фона, как ему понравилась королева.

— Очень даже понравилась, отличная женщина. — Он рассмеялся. — Совсем, совсем маленькая, вроде тебя. — Он показал на меня. — Но ей пришлось там выдержать нагрузку. Ва! Очень сильная женщина.

Мы поинтересовались, как ему понравилась Нигерия.

— Не понравилась, — твердо сказал Фон. — Слишком жарко. Я весь обливался потом, а эта королева, ей хоть бы что, идет себе и совсем не потеет, замечательная женщина.

Он с явным удовольствием вспоминал свою поездку в Лагос и рассказал нам, как преподнес королеве резной бивень слона в дар от народа Камеруна.

— Я подарил его от имени всех людей Камеруна. Королева села там на такое кресло, и я тихо так подошел к ней, чтобы вручить бивень. Она взяла его, а тут все европейцы стали говорить, что не годится показывать королеве свой зад, поэтому все только пятились. И я тоже стал пятиться. Ва! А там ступеньки, смекаете? Я боялся упасть, но шел очень тихо и не упал — а как мне страшно было!

Я поймала взгляд Джерри и подала ему знак, озабоченная не только тем, что рисковала остаться без ленча, но и тем, что этот разговор мог затянуться надолго.

¹ Мне говорили, что местные политические деятели сообщили Фону, будто я изобразил его бабником и пьянчужкой. — Дж. Д.

Д

Фон взял с нас обещание, что мы придем снова вечером, и обратился ко мне, широко улыбаясь:

— Вечером я покажу тебе, как мы веселимся здесь, в Бафуте.

Стараясь улыбаться так же широко, я поспешила сказать:

— Хорошо, хорошо.

Вернувшись в рестхауз, мы застали стоящих на заднем крыльце людей, один из которых тут же протянул нам калebas, говоря:

— Маса, маса, гляди.

Джерри осторожно вытащил из горлышка калebasа банановые листья, служившие пробкой.

— Ну, и что у тебя там?

— Там бери-ка, сэр.

— Бери-ка? — удивилась я. — Это что же такое?

— Первый раз слышу, — отозвался Даррелл.

— Может, лучше спросить, вдруг там сидит какая-нибудь ядовитая тварь?

— Пожалуй, ты права... Это плохой зверь? Он укусит меня?

— Нет, сэр, никогда. Это детеныш.

Джерри заглянул внутрь и увидел крохотную белочку длиной семь-восемь сантиметров.

— Ну как? — обратился он ко мне. — Берешь? Скорее всего она умрет.

— Конечно, возьму. Вспомни, ты говорил, что Малютка умрет, но она выжила.

Так еще одна африканская белочка поселилась в яслях, устроенных мной в углу одной из комнат, обогреваемом инфракрасной печкой. Мамфе, как мы называли ее, не стала такой ручной, как Малютка, но тоже обожала, когда ей почесывали животик.

После обеда, вооружившись двумя керосиновыми лампами и двумя бутылками виски, мы явились к плясовому дому Фона. Как же не похож был этот вечер на душевные вечера в Мамфе! Температура воздуха была вполне терпимой; иногда, ложась спать, здесь достаточно было укрыться тонким одеялом. Через несколько дней я обнаружила, что моя сыпь проходит — очень кстати, ибо вряд ли можно рассчитывать на симпатию публики, если на тебя вдруг нападает чесотка в самых сокровенных местах.

Одетый в красно-желтую мантию, Фон выглядел великолепно, и рука его, само собой, сжимала стакан, наполненный виски.

— Сегодня ночью все мы повеселимся, — возвестил он.

Мы разместились на стульях в конце плясового зала, напоминающего армейский манеж. Большие плетеные стулья были расставлены на невысоком помосте под бдительным надзором портретов всех членов британской

династии, начиная с королевы Виктории. Фон посадил Джерри справа от себя; перед нами стоял столик с неперменной бутылкой виски и стаканами. Ивился королевский оркестр в составе четырех юношей и двух жен Фона, вооруженных барабанами, флейтами и наполненным сухой кукурузой каллабасом. Их сопровождали еще несколько жен Фона. Сам правитель с улыбкой обратился к Джерри:

— Мой друг, ты помнишь европейский танец, который показывал мне и прошлый раз, когда был в Бафуте? Как ты его называл — конга? Так вот, сейчас я покажу тебе кое-что.

По его знаку оркестр принялся играть что-то отдаленно напоминающее конгу, и шеренга жен Фона пришла в движение. Так вот как выглядит бафутская версия конги! Даррелл был весьма тронут этим зрелищем и, когда танец закончился, сказал:

— Это просто замечательно!

Фон радостно расхохотался. Я поспешила похвалить его музыкантов и танцующих жен.

— Ва! Я от них очень устаю, они мне голову морочат.

— Джерри тоже говорит, что я морочу ему голову, — отозвалась я.

— Хорошо твоему мужу, у него только одна жена, а у меня их куча, и они все время морочат мне голову.

— Что ж, — деловито отметила я, — у кого нет жен, нет и детей.

Мои слова вызвали у Фона такой приступ веселья, что я испугалась, как бы его не хватил удар, но все обошлось, и он, одной рукой вытирая слезы, другой похлопал Джерри по спине.

— А твоя жена неплохо соображает. — Он ткнул меня пальцем в бок, погладил по голове и добавил: — Мне бы такую жену.

К счастью, его излияния были прерваны звуками оркестра, который рьяно принялся отчебучивать какой-то лихой мотив.

— Почему бы тебе не потанцевать с ним, Джеки? — заметил Джерри.

Я пришла в ужас. Правда, возвращаясь из Аргентины, я на пароходе постигла секреты танца ча-ча, но здесь речь шла о настоящих танцах, и Фон, как и все африканцы, был наделен чудесным чувством ритма, в чем ни один европеец не мог бы сравниться с ним.

— Глупости, — ответила я. — Это исключено. Не говоря уже о том, что он чуть не в два раза выше меня. Только людей насмешим.

Однако Даррелл не унимался и обратился к Фону:

— Мой друг, ты не мог бы показать свой танец моей жене?

— Как же, как же, отлично.

Я И не успела я опомниться, как он повлек меня в круг танцующих. Оркестр в это время исполнял нечто похожее на самбу, и я предложила Фону научить его этому танцу. Фон пребывал в весьма приподнятом настроении, и вот уже мы лихо кружимся в танце, который весьма заинтриговал бы специалистов из Латинской Америки. Ничего, главное — нам было очень весело. Джерри потом рассказывал, какое потешное зрелище мы являли собой: я то и дело исчезала за развевающимися полами мантии Фона, и порой казалось, что у него появилась еще одна пара ног. Мы отплясывали так с полчаса, и я совершенно выбилась из сил. В награду за мои старания Фон поднес мне большой калebas с мимбо — местным пальмовым вином. Мне уже доводилось, увы, дегустировать сей драгоценный напиток, на вид похожий на разбавленное молоко, пахнущий, как жженная резина, что же касается вкуса, то я бессильна подобрать достойное сравнение, скажу только, что он отвратителен. Фон лично дегустировал содержимое пяти калebasов, прежде чем остановил свой выбор на одном из них, и налил мне полный стакан. Как быть? Незаметно вылить — невозможно, а потому, сделав глубокий вдох, я глотнула вина и — дивись, читатель! — даже широко улыбнулась Фону и заверила его, что мимбо и впрямь первоклассное. Поскольку он пристально следил за мной, оставалось только и дальше делать маленькие глотки, изображая удовольствие.

— Ты позволишь твоим женам выпить вместе со мной? — спросила я.

— Конечно, конечно.

Он жестом подозвал их, и я с облегчением поспешила разлить вино в их сложенные чашечкой ладони.

Не успели мы оглянуться, как начался рассвет. У меня раскалывалась голова, пора было закругляться, и Фон настоял на том, чтобы проводить нас до самого рестхауза.

— Спокойной ночи, — сказал он на прощание, — мы с вами хорошо повеселились.

Вскоре к нам присоединилась Софи. Она выглядела очень усталой, но в прохладном климате саванны заметно ожила. Наша коллекция сильно разрослась, и мы решили разделить ее на три части — отдельно млекопитающие, птицы и рептилии. Поделили между собой и обязанности по уходу за подопечными. Было разработано несложное расписание. На рассвете — обычно около пяти утра — нам приносили чай, затем мы кормили детенышей и меняли подстилки, после чего производили общий смотр. Каждое животное тщательно осматривали, прежде чем чистить клетки, при этом надлежало проверить, сколько корма съедено, сколько осталось, как вы-

глядит помет, нет ли в поведении данного экземпляра каких-либо отклонений, требующих медицинского вмешательства. Мы старались управиться с этими процедурами до завтрака, чтобы в остальные утренние часы вымыть посуду, приготовить корм для животных и договориться с нашим поваром Филипом, что необходимо закупить на местном рынке. Если оставалось время до ленча, готовили аппаратуру для съемок. После ленча требовалось хоть немного доспать, особенно после ночных увеселений с Фоном. Отдохнув, пили чай и принимались готовить корм для вечерней трапезы, а кроме того, кормили детенышей, принимали новые экземпляры и, что было особенно важно, оказывали медицинскую помощь тем, кто в этом нуждался. Пожалуй, самым трогательным пациентом за все время нашего пребывания в Бафуте была крупная самка шимпанзе, угодившая в проволочную ловушку. Оба ее запястья были распороты до кости, началось заражение крови. Мы тщательно очистили раны и присыпали их антибиотиком, сделали инъекцию пенициллина, но обезьяна очень ослабла, и кожа ее приобрела необычный оттенок. К счастью, в Баменде служили и настоящий врач, и ветеринар, и мы послали за ними, чтобы осмотрели нашего пациента. После тщательного осмотра они решили взять у шимпанзе кровь на исследование, так как ветеринар заподозрил, что у нее сонная болезнь.

— Интересный случай, — сказал он, — однако боюсь, вы напрасно тратите время, пытаясь спасти ее. Но все равно спасибо, что обратились к нам. Я договорюсь с людьми в ОАК, чтобы они дали вам знать, что покажет анализ крови. И вообще, если вам понадобится моя помощь, не стесняйтесь дать знать, хотя я вижу, что вы отлично сами со всем справляетесь.

Шимпанзе умерла на другой день, и анализ крови подтвердил диагноз ветеринара; оставалось утешиться сознанием, что мы при всем желании не смогли бы ее спасти. К счастью, в остальном наши медицинские вмешательства сводились к избавлению животных от глистов и от песчаных блох — весьма широко распространенных паразитов, которые селились на конечностях обезьян и которых было несложно удалить при помощи обычной булавки. Приходилось нам заниматься и переломами, вызванными грубым обращением или плохой конструкцией ловушек; частенько поступающие к нам животные страдали кишечными заболеваниями. Так я узнала, что, вопреки распространенным убеждениям, дикие твари живут отнюдь не в какой-то утопической среде, где все создано для их блага. Иные получаемые нами экземпляры находились в ужасающем состоянии.

Пожалуй, одним из самых ярких событий нашего пребывания в Бафуте явился вечер, когда Фон провозгласил Джерри своим заместителем и

Д

преподнес ему комплект своих великолепных мантий — великая честь, тем более что наш хозяин не скрывал своего отрицательного отношения к большинству европейцев.

В разгар посвященного сему уникальному событию праздника мне пришлось извиниться и покинуть общество, ибо размеренное бытие нашей маленькой счастливой общины в рестхаузе было нарушено весьма беспокойным фактором в лице маленького тощего детеныша шимпанзе. На первых порах он был сплошное очарование, чем-то похожий на японскую куклу. Софи, как и следовало ожидать, души в нем не чаяла и оправдывала все его шалости, говоря, что он совсем еще крошка. Но с ростом шимпанзенка росло и его озорство. Один лишь Джерри умел как-то управляться с ним, да и его терпению стал приходиться конец, когда Чамли взял в привычку каждое утро на рассвете кувыряться и прыгать на его кровати и вообще всячески безобразничать. Следует отметить, что его отличала великолепная память, и он быстро усваивал то, чему его учили. Как я уже сказала, он облюбовал кровать Джерри, а не мою (слава богу!), почему было важно научить его не мочить постель. После одного-двух фальстартов он научился при нужде свешивать свою корму с кровати, однако иногда впопыхах забывал об этом правиле.

Еще одного шимпанзе, Минни, нам преподнес местный владелец кофейной плантации, и Даррелл целый день промаялся, заманивая новое приобретение в клетку, которую мы привезли на «Лендровере» Фона. Минни оказалась весьма подозрительным существом и совершенно не желала иметь дело с нами и нашей клеткой, и Джерри пришлось затеять с ней этукую игру в фанты. Я восхищалась его терпением, и Минни успела поглотить великое разнообразие лакомых фруктов, тогда как нам за весь день пришлось ограничиться бутылкой пива и двумя-тремя бананами. В конце концов Даррелл все же заманил ее в узилище, и когда уже в рестхаузе мы выпустили пленницу в специальную сборную клетку, она спокойно восприняла смену обстановки. Вообще же Минни была очаровательное существо, вот только когда ей требовалось привлечь наше внимание, она поднимала такой визг, на какой только шимпанзе способны. В этом не было ничего страшного, поскольку в селении Фона никто особенно не реагировал на шум, но я с тревогой спрашивала себя, что будет на борту парохода, когда мы направимся домой в Англию. Но, как всегда говорил Даррелл, зачем ломать себе голову над проблемой прежде, чем она возникнет...

Готовясь покинуть Бафут, мы с Софи испытывали смешанные чувства. Было решено, что мы поедem к морю по британской территории с наиболее хрупкими экземплярами, тогда как Джерри повезет по гудронному шоссе

по французской части Камеруна рептилий и основную часть нашего снаряжения. Снова на помощь пришла ОАК, предоставив нам два тяжелых грузовика, из которых один был с приводом на четыре колеса, чему мы были особенно благодарны, поскольку начался сезон дождей и дороги порой становились совсем непроходимыми. Первую остановку мы сделали в Мамфе. Эта часть пути прошла довольно гладко, легкий дождичек прибил пыль, так что к дому управляющего ОАК мы подъехали не слишком грязные. Джон Хендерсон уже уехал в отпуск, но его заместитель Джон Топэм и миссис Топэм не жалели сил, помогая нам. Топэмов весьма беспокоило состояние следующего этапа, до Кумбы.

— Вам необходимо выехать возможно раньше завтра утром, — предупредил Джон. — Водители опасаются, что ближе к вечеру пойдет сильный дождь, и хотели бы одолеть большую часть пути до того, как дорогу размоет. Я договорился, чтобы вы могли переночевать в рестхаузе, и после обеда отвезу вас туда. О животных не беспокойтесь, мой сторож присмотрит за ними.

Мы были очень благодарны Топэмам, они еще помогли нам покормить животных, чтобы мы могли лечь пораньше.

На другой день мы поднялись чуть свет, покормили зверей, почистили тех, кто в этом особенно нуждался, и приготовились выезжать, рассчитывая достаточно рано прибыть в Кумбу, где начиналось хорошее шоссе и где мы могли уделить нашим подопечным достаточно внимания, дать им передохнуть сорок восемь часов, прежде чем продолжать путь до Тико и грузиться на пароход. Увы, двое из наших слуг, один из которых пользовался особым доверием Софи, куда-то запропали. Водители были вне себя от ярости и лишь с большой неохотой позволили нам послать людей за недотемками. Было очевидно, что скоро пойдет дождь, и я уже решила ехать дальше без них, но тут они наконец появились с пристыженными физиономиями. Водители были не прочь задать им трепку, но я думала только о том, чтобы поскорее тронуться в путь.

— Подождем с разборками до Кумбы, — сказала я. — Обещаю, что там они получают выволочку, какую надолго запомнят.

Как я и опасалась, хлынул ливень, и дорога уподобилась клееварке. Мягкая африканская красная пыль превратилась в вязкую массу, ехать стало не просто трудно, но опасно. Чем дальше — тем хуже, дорога походила на танкодром, на каждом метре — ямы и ручейки. Кончилось тем, что, к великому моему ужасу, один грузовик развернулся, скользя, под прямым углом и угодил двумя колесами в кювет. Водитель живо выключил мотор, я выскочила наружу и погрузилась выше лодыжек в грязь. Но меня

Д слишком тревожила судьба Софи и наших зверей, чтобы я стала думать о состоянии своей обуви и брюк. С помощью слуг и водителей мы извлекли Софи из ее кабины. Она здорово перепуталась, но обошлась без ушибов и, подобно мне, беспокоилась за состояние животных в кузове. Живо забравшись внутрь, я заключила, что все вроде бы в порядке, однако окончательный вывод можно было сделать лишь после того, как грузовик будет извлечен из кювета. К этому времени я пришла в такое неистовство, что была отнюдь не расположена вести любезный диалог с едущими следом африканцами, которые громогласно требовали, чтобы мы освободили дорогу и пропустили их. Я послала к ним одного из наших боев — пусть перестанут орать и вместо этого помогут нам выбраться из кювета.

— Мадам, — сообщил он, вернувшись, — этот люди говорить, он не может нам помогать.

— Это почему же?

— Я не знать.

— Ладно, я сама узнаю! — крикнула я и подбежала к чужим грузовикам.

Разыгралось нечто вроде комической оперы с элементами сатиры: я бранилась, уговаривала, требовала, наконец выдала длинную политическую тираду — дескать, как они рассчитывают добиться независимости и самоуправления, если не в состоянии даже помочь путникам на дороге. Как ни странно, эти слова задели их самолюбие, они вдруг вскричали: «Ура!» — соскочили на землю, вооружились досками, на которых сидели, через десяток минут наш грузовик занял нормальное положение, и мы принялись дружно нахваливать друг друга за сноровку. Когда я попыталась извиниться за то, что употребляла нехорошие слова, они столь же дружно стали заверять меня, что все в порядке, я была права, они только рады, что я не побоялась отчитать их за дело.

Заглянув в кузов нашей злополучной машины и убедившись, что все обошлось благополучно, я велела водителям развить максимально возможную скорость, чтобы побыстрее добраться до Кумбы и как-то устроить там на ночь наших бедных испуганных зверей. Последний участок пути прошел под знаком всеобщего веселья, и мы не без грусти простились с нашими добрыми самаритянами, когда в Кумбе остановились у микробиологической лаборатории доктора Крю, который любезно согласился приютить нас на ночь. Выгрузив из кузовов нашу коллекцию, мы принялись чистить все клетки и тщательно осматривать их обитателей, а тем нужно было только, чтобы их покормили и позволили отоспаться. Лежа вечером на своих раскладушках, мы с Софи говорили друг другу, что ни за какие блага не согла-

чили бы повторить это путешествие, и радовались, что наши звери перенесли его тяготы так благополучно.

— Вот увидишь, — сказала Софи, — у нашей лапочки Джерри будет чудесное путешествие, солнце всю дорогу.

— Ничего, — рассмеялась я, — на нашу долю выпала хорошая практика перед предстоящим плаванием домой.

Путь от Кумбы до Тико прошел без приключений, ехать по гудрону было сплошным блаженством. В Тико наши подопечные разместились в ричтхаузе этажом ниже нас. До отхода банановоза было четыре дня — слава богу, потому что и мы, и наши звери нуждались в передышке после жуткого переезда из Баменды. Как мы и полагали, Даррелл явился в положенный срок, его странствие сложилось отменно — ни дождей, ни каких-либо происшествий, даже жары особенной не было.

— Похоже, нам суждено всегда оставаться в дураках, верно, Джерри? — заметила Софи. — Ничего, в следующий раз заставим его отдуваться. Если доживем до следующего раза.

На ранней стадии нашей экспедиции, когда мы обсуждали, что станем делать с нашей коллекцией по возвращении в Англию, я в приливе бредового энтузиазма предложила Дарреллу подумать о том, чтобы сохранить ее и нажать на мэрию Борнмута — пусть предоставят нам площадь для собственного зоопарка. Моя идея воодушевила Джерри, оставалось только надеяться, что мэрия поддастся шантажу.

Обратное плавание прошло вполне благополучно, если не считать восьмibalльный шторм на широте Дакара, когда из нашего отряда одна я держалась на ногах и мужественно сражалась два часа с ветром, укрепляя сорванный с привязи брезент. Душке Чемли — без ведома капитана — было дозволено плыть в компании с Дарреллом; у нас с Софи была своя каюта, Джерри разместился вместе с кем-то еще. Стюарды влюбились в нашего шимпанзе и терпели все его безобразия; когда он однажды намочил койку, они кротко поменяли постель. И другие члены команды всячески помогали нам, если не считать одного оригинала, который почему-то невзлюбил нас и наших животных. Один раз он отправил за борт целую кучу наших кормашек, а накануне прихода в Ливерпуль, выбрасывая клетки из трюма на палубу, постарался сделать это так, что все дверцы пооткрывались. В итоге тут же погиб новорожденный детеныш черноухой белки, а другая белка прыгнула с испугу за борт и утонула. Думаю, Даррелл был способен убить сегодня, если бы смог до него добраться.

— Терпеть не могу людей, срывающих зло на беспомощных существах вроде детей и животных, — бушевал он.

Д

Это был первый случай в нашей практике; обычно моряки с любовью относятся к животным и всячески о них пекутся.

Заключительный этап экспедиции едва не доконал нас всех, во всяком случае, двуногих прямоходящих. Для транспортировки нашей коллекции от Ливерпуля до Борнмута нам выделили товарный вагон, и мы, естественно, рассчитывали, что нас прицепят к идущему до Лондона пассажирскому поезду, а там — опять же к поезду Лондон — Борнмут. Увы, такой простой вариант не устраивал железнодорожников, в итоге мы провели четырнадцать часов в товарном вагоне с одним сиденьем на троих, то и дело меняя составы и оказываясь на запасных путях, прежде чем добрались наконец до Борнмута. От этакой перетряски был в восторге один лишь Чемли, которому представилась возможность целую ночь истязать нас троих. Тот факт, что мы проголодались, хотели пить и жутко устали, ничуть не волновал этого милого зверя. Он получил положенный корм, попил молока и блаженствовал на руках того, чья очередь была воспользоваться единственным сиденьем.

На Борнмутском вокзале нас встретили фургоны и живо доставили домой на Сент-Олбанс-авеню. Чемли с удовольствием приняла на свое попечение мать Джерри; для наиболее выносливых животных мы воздвигли большой шатер на лужайке за домом, а хрупкие твари разместились в гараже, который по нашей просьбе утеплил брат Софи. Наши животные как будто благополучно перенесли все испытания, требовалось только накормить их и оставить в покое. Мы же мечтали о горячей ванне, стаканчике спиртного и сытной трапезе. Однако наша мечта исполнилась лишь через несколько часов. Только после того как Чемли, основательно избалованный матерью и сестрой Джерри, наконец был уложен спать в большой бельевой корзине, мы с Дарреллом смогли подняться к себе и поваляться на кровать.

— Ты всегда мечтал о зоопарке в своем багаже, Даррелл, — сказала я. — Ну вот ты его и получил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На первых порах наш дворовый зверинец привлек благожелательное внимание соседей, они прилежно справлялись о благополучии и здоровье наших «друзей», а мы из кожи вон лезли, следя за чистотой и порядком в нашем хозяйстве и истребляя мух. Наиболее выносливые животные, вроде цивет, мангустов и крупных обезьян, обитали в шатре на лужайке, а хищ-

ных птиц мы поместили в сборных клетках, накрытых изготовленным по нашему заказу одной щедрой фирмой брезентом. Более хрупкие животные — белки, некоторые птицы и галаго — поселились, как я уже сказала, в оборудованном братом Софи гараже. Серьезную проблему представляли собой рептилии, но тут нас выручил Пейнтонский зоопарк, изъявив готовность приютить всех наших пресмыкающихся. Великое облегчение для нас, потому что мы при всем желании не могли обеспечить рептилий теплыми террариумами. Крупная шимпанзе Минни поначалу жила в огромной сборной клетке, но ее привычка чуть что громко визжать вызвала град протестов со стороны соседей, так что и тут пришлось нам воспользоваться милостью Пейнтонского зоопарка.

В общем и целом, все было отлично налажено, и если наши животные страдали от чего-нибудь, так это от избытка внимания. Один местный землевладелец проникся к нам таким расположением, что снабжал нас самыми разнообразными фруктами и овощами — в ущерб, подозреваю, собственному кошельку, а в расположенном поблизости магазине для любителей домашних животных мы приобретали необходимое мясо. Большим подспорьем для нас было доброжелательное отношение Общества защиты животных и санинспекции, чьи представители в первые же дни навестили нас и доложили начальству, что наши звери устроены как положено. Они дали нам положительные оценки по всем статьям, хотя один сосед упорно твердил, будто наши животные заразили блохами его кур¹.

Чемли, естественно, роскошествовал в доме, окруженный сюсюкающими особами женского пола, которые спускали ему все проказы. Только мы с Джерри кое-как держали его в узде. И совсем ему вскружило голову нескончаемое шествие газетчиков, телевизионщиков и просто зевак, коим непременно требовалось посмотреть на этого негодника. День Чемли складывался просто: утром его будили, предлагая большую чашку чаю с молоком, и одевали в яркий свитер, связанный моей свекровью, чтобы «бедняжка не мерз». Весь остальной день он, как мог, измывался над обитателями дома, пока вечером, доведенные до бешенства и полного изнеможения, мы не укладывали его спать, выдав напоследок кружку шоколадно-молочного напитка. Первое время он спал в комнате миссис Даррелл, но тут выяснилось, что она не может ночью читать, опасаясь, что электрическое освещение будет беспокоить мохнатое чудовище. Тогда мы перевели Чемли в свою комнату, где он безо всякого ущерба для своего здоровья и благополучия быстро привык к свету, шуму, табачному дыму и прочим неудобст-

¹ Подаром я о соседях вообще самого плохого мнения и советую их не слушать. — Дж. Д.

Д вам. Его любимой забавой было раскачиваться на занавесках в большой гостиной, где он устраивал ежедневные представления для соседских детишек. Еще он подружился с сынишкой одного из жильцов Маргарет, и они отлично веселились, причем верх потехи наступал, когда бедняжка Джон Хокер, сопя, красный от натуги, катал тяжелого шимпанзе на тачке в саду. Еще одним любимым местом Чемли была площадка для игры в гольф в конце аллеи. Здесь он лазил по деревьям, кувыркался, гонялся за собакой по имени Джонни и мешал сосредоточиться спортсменам, изо всех сил старающимся обойти соперника. Наигравшись всласть, он с видом восточного владыки разваливался на складном детском стуле на колесиках и разрешал (обычно все тому же юному Джону) катить себя по аллее домой.

Развлекая Чемли, мы не забывали и о представителях местной и центральной печати, которые сочувственно слушали, как Даррелл излагает свои планы учреждения зоопарка в Борнмуте. Отцы города приязненно относились к этой идее, нам предлагали даже какие-то участки; к сожалению, они по разным причинам не подходили для зоопарка.

Именно к этому времени относятся наши первые попытки сделать что-то серьезное для телевидения. Нас связали с Тони Сопером, ведущим одной популярной программы, он приехал в Борнмут посмотреть материал, отснятый в Бафуте, и, после того как основательно потрудились над монтажом, телезрители увидели наш первый сериал — «За животными в Бафуте». Тони отказался от привычной схемы, когда два участника передачи, сидя на жестких стульях, тупо таращатся в камеру и ведут малоувлекательную беседу. В студии восстановили обстановку нашей комнаты, причем так удачно, что наш пес Джонни сразу почувствовал себя как дома, однако мы допустили промашку, сделав главным действующим лицом трех серий Чемли, который, как и положено животным, делал совсем не то, что от него ожидалось. Я заранее знала, что наш дорогой сородич, не раз выступавший в таких августовских программах, как «Сегодня вечером», настолько проникся сознанием собственной важности, что никому не уступит пальму первенства. Так или иначе, зрители и критики восприняли наш сериал с весьма смешанными чувствами, но мы все равно посчитали этот опыт полезным, поскольку он помог нам многое узнать о телевидении и о себе. Пожалуй, главный урок сводился к тому, что Даррелл неуютно чувствовал себя в телевизионной студии, предпочитал, если впрямь делать что-то для телевидения, проводить съемки на натуре. Лично я обожаю телевидение, но если говорить о наших делах, то для нас оно скорее служит витриной, позволяющей демонстрировать важность усилий по охране природы.

Мы уже потеряли всякую надежду найти пригодное место для нашего зоопарка, когда получили письмо от секретаря городского совета Пула; из письма следовало, что тамошний муниципалитет загорелся идеей учредить в городе зоопарк и располагает для этого отличным местом. Даррелл сразу завелся, ибо близился конец года, когда холодная погода не позволит держать животных под открытым небом. Требовалось возможно скорее что-то предпринять. Однако всякий, кому когда-либо доводилось иметь дело с местными властями, знает, что это такое — слова «быстро» и «скоро» не входят в их лексикон. Предложенное нам место само по себе выглядело соблазнительно — старинная усадьба и прилегающий участок земли по соседству с гаванью. Все хорошо, да только дом был сильно запущен и на приведение его в порядок ушла бы уйма денег. То же можно было сказать о нарядных постройках и коттедже садовника; их вернее всего было бы вовсе снести и строить заново. Но мы не сдавались и целых полтора года не жалея времени и денег, пытались поладить с мэрией Пула и выжимая из нашего лондонского банка кредит в размере десяти тысяч фунтов.

Тем временем стало очевидно, что до зимы мы все равно не успеем пристроить наших зверей, но тут Дарреллу пришла в голову отличная мысль:

— Что, если обратиться в какой-нибудь большой магазин и предложить им оборудовать маленький зоопарк в цокольном этаже как элемент рождественского оформления?

— Стоит попытаться, — согласилась я, и в конце концов нам удалось договориться с торговым центром Дж. Аллена.

По нашим чертежам там разместили в цокольном этаже клетки, оборудовав в центре нечто вроде детской комнаты для нашего драгоценного Чема. От нас требовалось выделить животных, служителя, чтобы кормил их и следил за чистотой, и обеспечивать обитателей клеток кормом; барыш (если будет) условились делить поровну. Нам было не до того, чтобы торговаться, лишь бы хватило денег платить жалованье служителю, хоть часть проблем будет решена. Остальных зверей соглашался взять Пейнтонский зоопарк, и мы были весьма благодарны его администрации, которая бралась приютить и кормить наших подопечных, освобождая от тяжелого бремени наш скромный бюджет. К тому же затянувшиеся переговоры с властями Пула отбивали у Даррелла всякую охоту приниматься за писание новой книги.

Дела с универсамом складывались как нельзя лучше вплоть до одного прекрасного дня, когда мы с утра решили расслабиться и благодарили небо за то, что сегодня свободны от всяких забот. Но тут зазвонил телефон, и к нам в комнату вбежала Маргарет:

Д

— Джерри, звонят из полиции. В универсаме что-то произошло. Возьмешь трубку?

Даррелл пулей выскочил из кресла и вскоре вернулся, на ходу надевая пальто.

— Этот чертов бабуин Георгина каким-то образом выбралась из клетки и учинила разгром в витринах. Я вызвал такси по телефону, вы догоняйте!

С этими словами он скатился по лестнице вниз на первый этаж. Приехав в магазин, мы с трудом пробились через толпу зевак. Георгина чудно веселилась, лихо отплясывая на кроватях в большой витрине. Навстречу нам выбежал встрепанный Даррелл.

— Вы с Марго займите позицию у выхода, а я попытаюсь вместе с двумя полицейскими поймать негодницу.

Обилие зрителей снаружи и внутри магазина воодушевляло Георгину, она упивалась вниманием публики, однако до нее быстро дошло, что Даррелл не разделяет ее ликование, напротив, он явно негодует. Георгина всегда была трусихой — следствие перенесенных ею лишений и побоев, когда она «выступала» в одном африканском баре, откуда мы ее извлекли. Сейчас она вдруг бросилась к одному из полицейских и обхватила его за ногу, громко визжа. Джерри велел полицейскому не двигаться, освободил его от Георгины и поспешил вернуть ее обратно в клетку.

— Господи! — произнес несчастный блюститель порядка, вытирая потный лоб. — Я уж думал, сэр, что мне конец.

— Вы отлично держались, огромное спасибо вам за помощь.

— Не за что, сэр, пустяки, это не то что усмирять подростков.

Срочно вызванный из дома директор магазина бродил среди пострадавшего интерьера, прикидывая размеры ущерба. К счастью, все оказалось не так страшно, как могло быть, но весь остаток дня мы просидели у телефона, ожидая нового вызова. Слава богу, обошлось.

После того никаких происшествий не было, и наш зверинец в торговом центре пользовался таким успехом, что оставался там еще несколько недель после Рождества. наших доходов вполне хватало на корм для животных, но мы ничуть не огорчились, когда пришло время забирать их. Наш друг-зеленщик снова пришел на помощь, предоставив свой грузовик, что бы мы могли отвезти их — кроме Пучеглазого и Малютки — в Пейнтонский зоопарк, и вскоре соседи снова стали улыбаться нам¹. После многомесячной лихорадочной деятельности как-то странно было получить возможность валяться в постели до восьми часов утра, вместо того чтобы с рассве-

¹ См. предыдущее примечание. — Дж. Д.

тум торопиться проверять, как там наши подопечные, или сражаться с непогодой, как это было в одну лунную ночь, когда штормовой ветер грозился порвать растяжки большого шатра. Чемли тоже оставался с нами в Ворнмуте, он был слишком избалован, чтобы жить в зоопарке, но мать Джерри обожала его и ухаживала за ним, как за малым дитем, исполняя все его желания. Даже Софи (где был ее ум?) вела себя точно так же; в один прекрасный день я увидела, как она ходит по гостиной с восседающим на голове шимпанзе.

— Но ему это нравится, — возразила она в ответ на мое замечание. — И ведь он еще совсем ребенок.

Нашим переговорам с мэрией Пула, казалось, не будет конца, но все же мы пришли к устраивающему обе стороны предварительному соглашению, и Харт-Дэйвис вызвался гарантировать для нас банковский заем в размере десяти тысяч фунтов, под обещание, что зоопарк обеспечит материал для бесконечной серии книг, эксклюзивные права на которые будут принадлежать издательству.

Увы, предложенные нам условия аренды оказались неприемлемыми. Было очевидно, что большая часть десяти тысяч будет поглощена одним только ремонтом усадьбы и надворных строений, что вовсе не входило в наши планы. Нам ведь еще надо было соорудить вольеры и различные специальные постройки, провести свет, отопление и так далее. Даррелл страшно огорчился, и с великой неохотой пришлось нам признать, что из идеи учредить зоопарк в Пуле ничего не выйдет. Городские власти посчитали, что мы их здорово подвели, но им следовало учесть, сколько времени и денег мы потратили на все переговоры. К тому же необходимо было в этом году организовать новую экспедицию, чтобы выполнить наши обязательства перед издателем. Бедняга Даррелл не находил себе места.

— Если мы срочно что-нибудь не придумаем, лишимся животных, размещенных в Пейнтонском зоопарке.

У нас было условлено, что, если мы к определенной дате не заберем шимпанзе, они станут собственностью зоопарка. Абсолютно справедливое условие, ведь там почти год содержали и кормили их.

— Почему бы нам не совершить новое путешествие, — предложила и, — подальше от всего этого кавардака?

Моя идея понравилась Джерри, и мы решили снова отправиться в Аргентину, но на этот раз работать только в ее пределах.

Прежде чем уезжать, требовалось решить ряд проблем. Главное — определиться с будущим нашего зверинца и придумать, как быть с Чемли, который окончательно перестал кого-либо слушаться, кроме самого Даррелла.

Д — Все равно, — заключил Джерри, — будем готовить аргентинскую экспедицию, а со зверинцем и Чемли разберемся, когда завершим подготовку.

И мы с Софи принялись за дело. Наши планы вызвали большой интерес у Би-би-си. Правда, компания не могла выделить нам в помощь кинооператора, но предложила подписать контракт на любой фильм, снятый нами самими. Мы снова обратились к нашим друзьям в Министерстве иностранных дел и в посольстве Аргентины, и к нам отнеслись так же доброжелательно, как четыре года назад.

— Знаешь, мне кажется, мы просто обязаны предложить Харт-Дэйвису еще одну книгу, прежде чем уезжать, — сказал Даррелл. — Но за такой короткий срок я не в состоянии сочинить что-то о последней африканской экспедиции.

— А как насчет того, чтобы издать все то, что ты писал для Би-би-си?

— Ты о чем это?

— О цикле передач, который ты назвал «Встречи с животными». Вспомни, какой популярностью они пользовались, сколько людей писали на радио, прося прислать им копии текстов.

— Думаешь, они понравятся Харт-Дэйвису?

— Во всяком случае, это лучше, чем ничего, — настаивала я. — И ты можешь посоветоваться со Спенсером.

Спенсер одобрил мою идею, но попросил познакомить его с текстами, прежде чем он займется этим делом. Тексты ему понравились, после чего оставалось только скомпоновать их и сочинить небольшое вступление. Ральф Томпсон снабдил книгу прелестными иллюстрациями, и, ко всеобщему удивлению (исключая меня), она была хорошо принята и неплохо разошлась.

— Что может быть лучше — дважды получить деньги за одну работу, — смеялась Софи. — Однако не думаю, чтобы нам позволили повторить этот номер.

Так или иначе, издателю было над чем поработать в наше отсутствие.

Конечно, главной нашей заботой оставалась подготовка экспедиции. Одержимый книгой Дарвина «Путешествие на «Бигле», Джерри втайне мечтал попасть в Патагонию, чтобы своими глазами увидеть обитающих там в приморье пингвинов, котиков и морских слонов.

— Я еще никогда не общался близко с крупными животными, — признался он. — Это, должно быть, увлекательно.

Мы с Софи обменялись выразительными взглядами.

— Во всяком случае, — отозвалась я, — отдохнешь от банков, процентов, налоговых инспекторов, зоопарков и мэрий. Лично я предпочла бы снова думать о сборных клетках и плохих дорогах.

Мы запросили компанию «Ровер» — не предоставят ли они нам машину для целей рекламы. Там справедливо посчитали, что реклама мало что даст ввиду ограниченности рынка в Южной Америке, однако вызвались отпустить со скидкой специальную экспедиционную модель «Лендровера» с двойным бензобаком и прочими приспособлениями. Нам это было очень кстати; на тех же условиях мы приобрели прицеп. Не желая повторения предыдущего опыта, на сей раз я сама позаботилась о выборе парохода. Бидияге Дарреллу тяжело пришлось за последние месяцы, и я полагала, что путешествие пойдет ему на пользу. Компания «Блу Стар» весьма предупредительно предложила воспользоваться каютами на одном из ее грузовых пароходов.

Я уже решила, что Даррелл окончательно поставил крест на идее учреждения собственного зоопарка, однако не учла силу его упрямства.

— Должны же где-то еще быть здравомыслящие деятели, свободные от пут бюрократии, не кивающие на всех этих милых планировщиков и градостроителей, — молвил он однажды со стоном.

И тут, сама не знаю почему, я вдруг назвала остров Джерси.

— Там и климат получше здешнего, и своя собственная администрация, почему не попробовать.

— Превосходная идея, вот только мы не знаем там никого, кто мог бы нам помочь, а сроки поджимают.

Помощь последовала, притом совсем с неожиданной стороны. Даррелл инвестил Руперта Харт-Дэйвиса, чтобы поблагодарить его за содействие с получением банковского займа и объяснить, почему эти деньги нам не понадобятся. Руперт не меньше нашего был огорчен неудачным исходом переговоров с властями Пула.

— Неужели нельзя найти другое место, Джерри? Уверен, стоит только поискать.

— Конечно, ты прав, но в Британии, куда ни сунься, наткнешься на землеустроителей. Джеки советует попытать счастья на Норманнских островах, но беда в том, что мы там никого не знаем.

— Зато я знаю, — сказал Руперт. — Там живет один мой старый приятель по армейской службе. Не сомневаюсь, он охотно поможет тебе. Я напишу ему сегодня же — глядишь, и извлечет из шляпы какую-нибудь диковину.

Друг Руперта и впрямь вызвался нам помочь, и вскоре мы прибыли на Джерси, где майор Фрейзер встретил нас и предложил совершить экскур-

Дсию по острову, осмотреть выставленные на продажу участки. Однако ни один из них не устраивал нас по разным причинам. Тогдашние цены на землю на Джерси были нам совершенно не по карману, оставалось искать что-нибудь для длительной аренды, и чтобы на участке были надворные постройки, пригодные для размещения животных.

— Не отчаивайся, дружище, — сказал майор. — Поедем обратно ко мне, выпьем по стаканчику, поговорим.

Поместье Огр майора Фрейзера выглядело чудесно. Сложенное из гранита главное здание напоминало букву Е без средней палочки; два флигели оканчивались красивыми арками, сооруженными в XVI веке. Хью Фрейзер явно был горд своим владением и с удовольствием показал нам надворные постройки — старинный пресс для сидра, коровники, гаражи. Гранитные стены, одна из которых была покрыта альпийскими растениями, окружали чудесный сад. Еще мы увидели озеро и заливной луг.

— У тебя тут просто замечательно, Хью, — сказал Даррелл.

— Верно, по-моему, это одно из самых красивых поместий на острове, — отозвался хозяин. Даррелл повернулся ко мне, улыбаясь:

— Тебе не кажется, тут можно было бы устроить отличный зоопарк?

— Конечно, — ответила я.

— Вы это серьезно? — спросил Хью.

— Я вполне серьезно считаю, что получился бы превосходный зоопарк, однако вряд ли тебя может заинтересовать такая идея.

— Почему же, дружище? Содержание поместья мне не по карману, да и жена не прочь вернуться на материк.

— Но и мне такая покупка не по карману, Хью.

— Конечно, конечно. Я думал о том, чтобы сдать тебе поместье в аренду. Лучше пошли в дом, потолкуем за стаканчиком виски.

Так мы, что называется, в последний момент нашли убежище для наших зверей, и Пейнтонский зоопарк любезно согласился держать их у себя, пока не будет оборудован наш зверинец. Хью Фрейзер взялся разрешить все вопросы с местными властями.

До отъезда в Аргентину оставалось меньше месяца, и через несколько дней мы снова отправились на Джерси для встречи с главой департамента туризма, сенатором Кричевски. Он весьма одобрительно отнесся к нашим планам и обещал всяческую поддержку. Другие местные чины проявили не меньшую благожелательность, понимая, как важно ускорить завершение всех формальностей. Адвокат Хью Фрейзера составил приемлемый для сторон контракт об аренде, который мы и подписали за двадцать четыре часа до отплытия из Плимута. Тем временем Джерри договорился с одним

своим прежним сотрудником, чтобы тот взял на себя роль управляющего и занялся обустройством зоопарка.

— Как мне хотелось бы остаться на Джерси и самому все оборудовать, — печально произнес Джерри, стоя на палубе парохода и глядя на удаляющуюся панораму Плимута.

— Понимаю тебя, но сам знаешь, тебе нельзя останавливаться, особенно теперь, когда ты связал свое будущее с этим поместьем. Зато теперь тебе предстоит удовольствие привезти зверей в свой собственный зоопарк, и эта мысль должна тебя утешить.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Как чудесно было снова очутиться в Буэнос-Айресе, увидеть цветущие жакаранды и бутенвиллеи, хотя вечерний город встретил нас проливным дождем. Пройти через таможенную со всем нашим снаряжением мы уже не успевали, а потому решили захватить самое необходимое и вернуться завтра за остальным имуществом. Бебита забронировала места в нашей знакомой гостинице и встретила нас там. Похоже было, что все, включая хозяина гостиницы и его подчиненных, рады снова нас видеть.

Софи и на этот раз приехала с нами, а еще мы взяли с собой миссис Даррелл — ей нездоровилось, и врач решил, что морское путешествие до Аргентины и обратно прибавит ей сил, чтобы легче перенести предстоящую зиму. Как мы и ожидали, обе они сразу влюбились в Буэнос-Айрес. Бебита потрясла нас известием, что уже приготовилась навсегда покинуть Аргентину и поселиться в Нью-Йорке, когда получила письмо, извещающее о нашем прибытии. Пришлось ей задержаться на неделю, чтобы позаботиться о нас. Типичный поступок для этой чудесной женщины, и мы с грустью думали о скорой разлуке.

Освоившись и поймав всех друзей, Джерри вместе с Рафаэлем поспешил в гавань, чтобы получить наше снаряжение, включая «Лендровер». И начались интриги с таможенней... Когда мы приезжали в прошлый раз, в стране правил Перон, и его благословение помогло убрать преграды, все шло как по маслу. Однако за прошедшие годы Перон уступил место более демократичным правителям, в итоге никто не пожелал брать на себя ответственность за наш беспрепятственный въезд с нашим имуществом. Нам приходилось сражаться за такие драгоценные предметы, как старая одежда и брезенты. Относительно гладко прошли через таможенную кинокамеры, половина пленки к ним и «Лендровер», однако невеста почему были задер-

Д

жаны прицеп, вторая половина пленки и все звероловное снаряжение. Чтобы выручить их, понадобился целый месяц ежедневных споров и уговаривания. Нелепая ситуация — ведь аргентинское посольство в Лондоне, как и в прошлый раз, дало свое добро, снабдило нас всеми привилегиями официальной научной экспедиции, однако в самой Аргентине никому не было до этого дела. К счастью, я была избавлена от участия в набегах на таможенню, всеми операциями руководил Даррелл, и сопровождавшие его мученики заверили меня, что его англосаксонский лексикон был неподражаем.

Ожидая, когда очередной чинуша решит наконец, стоит ли отдавать наши вещи, мы бесцельно слонялись по городу.

— Необходимо найти водителя для «Лендровера», — объявил Даррелл однажды утром. — Я отнюдь не желаю рисковать жизнью, сядя за руль, аргентинцы носятся по дорогам как бешеные.

Так в нашу жизнь вошла Жозефина — маленькая женщина с кудрявой шапкой рыжих волос, огромными карими глазами и ослепительной улыбкой, благодаря которой у нее не было проблем с парковкой. Жозефина была первоклассным водителем и чудесным товарищем. Оставалось лишь пожалеть, что она не сможет участвовать в поездке на юг — если такая поездка вообще состоится. Езда по улицам Буэнос-Айреса с Жозефиной за рулем изобиловала острыми ощущениями, включая ее перепалки с незадачливыми водителями других машин, кои отваживались ей перечить. Размахивая кулаками и не скупясь на брань, она весьма откровенно излагала свое мнение о бедняге и его предках. К сожалению, сверх того она переняла у Даррелла кое-какие сочные англосаксонские выражения, на которые тот не скупился, когда бывал не в духе; довольно дико было слушать, как Жозефина на ломаном английском языке обзывает человека «грязным ублюдком».

Желая внести какое-то разнообразие в наше бытие, омраченное монотонными визитами в таможенное управление, наши друзья Де Сото предложили нам отдохнуть денек в их загородном поместье. Миссис Даррелл оставалось еще несколько дней до отбытия в обратный рейс в Англию, и мы взяли ее с собой. За рулем сидел Карлос Де Сото, другие члены семейства набились в машину вместе с нами. Мы провели чудесный день в поместье, любуясь птицами на озере за усадьбой и носясь верхом по степи; на душе сразу стало легче. Миссис Даррелл была в восторге оттого, что увидела хотя бы одно из тех мест, про какие мы ей рассказывали, и она даже глазом не моргнула, когда наша машина чуть не опрокинулась, буксуя на мокрой грязи после дождя. Для аргентинских дорог типично, что малей-

нные дожди превращают их в подобие клееварки, а стоит пригреть солнцу, как грунт становится твердым, и над дорогой, совсем как в Африке, носится пыль.

Грустно было прощаться с матерью Джерри, когда она садилась на парюход, но перемена обстановки пошла ей на пользу, и миссис Даррелл смогла познакомиться с нашими многочисленными друзьями.

Тем временем битва с таможней продолжалась с прежней силой, правда, у нас возникла слабая надежда на успех, когда главный чин обещал принять Джерри на следующей неделе. До той поры мы располагали еще одним уик-эндом, и Де Сото снова пригласили нас в свое поместье. На сей раз нам повезло с погодой, и мы с удовольствием побродили кругом, фотографируя природу и наблюдая птиц. Пока все сели пить мате — распространенный в Южной Америке травяной чай, я решила навести чистоту в «Исидровере», освободить его от окурков, фантиков и пыли. Опустив откидной борт сзади, я, должно быть, чересчур энергично принялась за дело, потому что верхняя створка сорвалась с запора и долбанула меня по голове, когда я выпрямилась, чтобы полюбоваться результатами своих усилий. Отчаянно чертыхаясь и ощущая легкое головокружение, я продолжила уборку; в это время появился Даррелл, решивший проверить, чем я занимаюсь.

— Ничего особенного, — сообщила я. — Просто навожу чистоту в кузове.

— Что-то ты бледная какая-то? Ты здорова?

— Насколько можно быть здоровой, когда тебя стукнет створкой по башке. В остальном все в порядке.

Ухмыляясь, он потер быстро растущую шишку на моей голове.

— Бросай это дело, лучше отдохни. Подумаешь — немного пыли, как-нибудь переживем¹.

Вернувшись в Буэнос-Айрес, мы узнали, что в понедельник утром некий сеньор Данте вдруг постановил немедленно выдать нам все снаряжение. Мы так и не узнали, что подвигло его на такое решение. То ли этого вообще никто не знал, то ли нас не пожелали просветить.

— Скажите спасибо, что в конце концов заполучили свое имущество, — сказала сестра Рафаэля, Мерседес. — И не допытывайтесь о причине. Забирайте снаряжение, да поскорее.

¹ Моя жена никак не усвоит один из основных жизненных принципов: если оставить вещи в покое, случится одно из двух. Либо они постепенно утратят всякое значение, либо обретут такой масштаб, что поневоле придется что-то предпринять. В последнем случае ты будешь во всеоружии благодаря тому, что отдыхал, по мере того как они набирали силу. — Дж. Д.

За консультацией относительно поездки на юг мы обратились к доктору Годой, начальнику Департамента фауны в Министерстве сельского хозяйства. Он посоветовал нам поехать в Пуэрто-Десеадо, там капитан Гири знает, где находится колония пингвинов, и поможет нам со съемкой.

— А где помещаются колонии морских слонов и котиков? — спросил Джерри.

— Их вы найдете на полуострове Вальдес, а чтобы попасть туда, вам нужно в Пуэрто-Мадрине повидать охотников, я назову вам их имена, они точно знают расположение колоний.

И доктор Годой показал нам свежие аэрофото котиковых колоний. Даррелл сразу загорелся.

— Мне не терпится поехать туда, — объявил он. — Я всегда был равнодушен к котикам. Пообщаться с ними — это же будет здорово!

Никто из нас не разделял его энтузиазм, к тому же надо было еще найти водителя, знающего дорогу. Кроме того, мы нуждались в переводчике. Рафаэль учился на ветеринара в университете и не мог сейчас оставить занятия, однако он предложил нам воспользоваться услугами его родственницы — Марии Рене, надо было только дождаться конца года, когда она сможет взять отпуск на службе. Мы условились собраться вместе и обсудить этот вариант.

Между тем я начала чувствовать недомогание и однажды вечером в ресторане едва не потеряла сознание, чего со мной еще никогда не случалось. Похоже было, что все члены семьи Де Сото разбираются в медицине, и нам не стоило труда упросить одного из них осмотреть меня.

— Все ясно, — объявил он. — У нее легкое сотрясение мозга от того удара по голове, а потому предлагаю ей провести дня два в темной комнате, соблюдая полный покой, никаких переживаний. Если к концу недели ей не станет лучше, дайте знать, сделаем рентген.

Сказал и удалился с ласковой улыбкой. Он оказался прав — через два дня я снова была в полном порядке и стала носиться кругом, готова все необходимое для выезда на юг.

Мария Рене согласилась ехать с нами и даже нашла для нас водителя — молодого юриста Дикки Соло. Он прилично знал интересующий нас район, однако оставаться там с нами не мог, должен был сразу же возвращаться в Буэнос-Айрес. Не скажу, чтобы это нас особенно беспокоило, мы полагали, что сами сумеем проделать обратный путь. И вот назначена дата отъезда — утро 1 января. Что весьма позабавило наших друзей, убежденных, что мы будем просто не в состоянии покинуть Буэнос-Айрес в первый

день нового года. Они недооценивали силу нашего энтузиазма; однако в последний момент, когда все уже было готово, случилось неприятное происшествие. Направляясь на вечеринку, мы решили по пути заехать домой к Марии Рене и выпить там по стаканчику. За рулем сидела Жозефина, и, как всегда, она без умолку болтала, не очень следя за обстановкой. Когда мы приблизились к единственному тогда в Буэнос-Айресе перекрестку со светофорами, я со своего места рядом с Жозефиной увидела, как зеленый свет сменился красным, она же явно этого не заметила.

— Светофор! — крикнула я.

В ту же секунду меня бросило на ветровое стекло. Даррелл тотчас подтянул меня к себе, и нас обоих обдали брызги крови. Меня волновало только одно: не пострадал ли наш «Лендровер» от столкновения с впереди стоящей машиной. Со всех сторон к нам устремились люди, предлагая помощь, и я чувствовала себя совсем нормально, вот только кровь не переставала течь.

— Жозефина, живей к моему дому, — распорядилась Мария Рене. — Мой отец осмотрит голову Джеки.

— Может, лучше отвезти ее в больницу? — вступила Софи, которую тоже основательно трянуло.

— В этом нет необходимости, дорогая, — отозвалась Мария. — Вот если отец сам не справится, тогда он назовет нам подходящую больницу. А сейчас жми на газ, Жозефина, надо остановить кровь.

К сожалению, оказалось, что отец Марии — кардиолог, у него не было под рукой необходимых средств для обработки ран вроде моей, и он договорился по телефону, чтобы нас приняли в одной частной лечебнице. К этому времени я уже не так храбрилась, любому было ясно, что мое состояние составляет желать лучшего.

В лечебнице меня сразу провели в операционную, нашли небольшой порез, но кровотечение было обильным, как всегда при травмах головы. Глядя на нас с Джерри, можно было подумать, что мы участвовали в каком-то побоище. В итоге мне наложили на лбу пять швов, велели не слишком напрягаться и прийти через неделю, чтобы они сняли швы. Почему-то я совсем не чувствовала боли.

— Не волнуйся, — утешил меня Даррелл, — завтра почувствуешь себя будь здоров. И я не удивлюсь, если оба глаза украсят роскошные синяки.

Бедная Жозефина страшно расстроилась и кляла себя за неосторожность.

— Глупости, — заявил Даррелл. — Ничего серьезного не произошло. Лучше поехали, отметим стаканчиком, что легко отделались.

Д Пока я находилась в операционной, Джерри стоял рядом, сжимая мою руку, и по его бледному лицу было видно, что он встревожен куда больше, чем я¹.

Мы решили по пути на вечеринку заглянуть в какое-нибудь кафе и подкрепиться хорошим глотком бренди.

— По правде говоря, Даррелл, мне кажется, что при том, как мы выглядим, следовало бы воздержаться от вечеринки. Что скажешь?

Мы обвели унылым взором свою одежду, испачканную кровью.

— Все равно мы уже не успеем вернуться в гостиницу и переодеться, — ответил он. — Давай уж доедем туда, куда нас пригласили, объясним, что случилось, и сразу возвратимся к себе.

Устроители вечеринки были малость испуганы нашим видом, однако отнеслись к случившемуся с пониманием и настояли на том, чтобы мы вошли в дом и выпили чего-нибудь покрепче. Собравшиеся встретили нас очень любезно и уговаривали остаться, но к этому времени мне больше всего хотелось уединиться в темной комнате и отдохнуть от всех. Весь другой день я провела в постели, ничего не делала и ела очень мало, но на третий день заставила себя встать и больше днем не ложилась. Обошлось даже без синяков.

Утром первого января наша троица бодро встала чуть свет, однако Мария Репе и Дикки не показывались.

— Вот тебе и ранний старт, — заметила я. — Бьюсь об заклад, что они хорошенько встретили Новый год и теперь отсыпаются после пьянки.

Оставалось только ждать, и наконец около половины седьмого на пороге нашей спальни возникли два очень усталых субъекта.

— Вы уверены, что готовы ехать сегодня? — спросил Даррелл. — Если хотите подождать до завтра, я не стану возражать.

Эти слова заметно взбодрили их, и оба принялись горячо возражать, дескать, несмотря на сонный вид, они готовы хоть сейчас трогаться в путь. Мы погрузили снаряжение в «Лендровер» и в прицеп, оставив место в машине для меня и Софи сзади; Джерри, Мария и Дикки сели впереди. День выдался ясный, и розовая окраска неба предвещала жгучий зной, так что я без тени сожаления покидала Буэнос-Айрес.

Обаятельный трепач Дикки без устали потешал нас всякими рассказнями, но водитель он был бесподобный, так что после устрашающих маневров Жозефины было сплошным удовольствием ехать с ним в сторону

¹ По правде говоря, в эту минуту я силенка вспомнить, уплачены ли все взносы по страховке. — Дж. Д.

Мар-дель-Плата, знаменитейшего аргентинского курорта. Ни один уважающий себя столичный житель не станет засиживаться дома в январе и феврале, они мигрируют либо на юг, где расположен названный (довольно мерзкий, на мой взгляд) курорт, либо на запад, в горы и к озеру Науэль-Уапи. Наше появление на набережной Мар-дель-Плата вызвало изрядный переполох. Дело в том, что на кузове «Лендровера» красовались большие буквы «ЭКСПЕДИЦИИ ДАРРЕЛЛА», золотистое изображение дронта и список всех путешествий Даррелла. Нас осадила разноязычная толпа желающих познакомиться с членами отряда, и почему-то людей страшно удивляло, с какой стати в составе английской экспедиции оказались два аргентинца. Как бы то ни было, мы воспользовались случаем перекусить (бутерброды с мясом и пиво) и наполнить термосы горячим черным кофе. Дикки поспал полчаса, остальные просто сидели, наблюдая радующихся жизни отдыхающих. У нас было задумано вечером сделать остановку в поселке Никочеа, где жили наши знакомые. Надо ли говорить, что мы не предупреждали их о визите, однако не сомневались, что они будут нам рады и сумеют разместить нас в гостинице. В итоге мы едва не попали впросак: забыли про праздничные миграции, и одному из наших знакомых лишь с великим трудом удалось помочь нам с ночлегом.

На другой день мы тронулись в путь около десяти утра, полагая, что нам не мешает выспаться. Следующим пунктом назначения был город Вийя-Бланка, к которому я прониклась самыми теплыми чувствами. Он расположен в основании выступа на правой стороне Южной Америки и представляет собой важный транспортный узел: отсюда расходятся дороги на запад в сторону Анд и Чили и на юг, к Огненной Земле и Патагонии. К сожалению, здесь тогда кончались мощеные шоссе. Мы прибыли туда раньше намеченного и решили ехать дальше, сколько успеем. Вскоре пампасы уступили место сухим кустарникам Патагонии, и дальше пошли дороги, чьи выбоины были сглажены где грязью, где гравием. Даррелл уверял, что, если все дороги Патагонии такие же, он под конец путешествия заработает хроническое подергивание. Относительно ровные участки тоже встречались, но, увы, очень редко, и, несмотря на все искусство Дикки, нам не удавалось объезжать многочисленные ямы и ухабы. Очень скоро у меня разболелась голова, а спина и шея ныли так, будто по ним прошлись копыта на редкость злобного коня. Никакие подушки не могли смягчить толчки; в конце концов мы перестали обращать на них внимание. Нам надо было попасть в город Кармен-де-Патагонес, который Дарвин упоминает в своем «Путешествии на «Бигле», да только из-за темноты и сырости мы сбились с дороги, ведущей в этот злополучный город, и Дикки сгорая

Д чуть не въехал вместе с нами в озеро. В конце концов мы все-таки сориентировались и очутились на слабо освещенной городской площади. Теперь надо было найти гостиницу. Единственным человеком, готовым общаться с нами, оказался местный полицейский. Он был чрезвычайно учтив и посоветовал обратиться в отель «Аргентина» в соседнем квартале. Горячо поблагодарив его, мы проехали вокруг указанного квартала и нашли-таки незамысловатое здание с плотно закрытыми дверями и ставнями. Полчаса барабанили мы в двери и ставни, доводя себя до истерики. Покинув машину и обливаясь слезами, описывали круг за кругом в поисках входа. В конце концов Дикки нашел его и вернулся к машине, чтобы поставить ее на обнесенный им же просторный двор, а мы вошли внутрь. Как-то сразу всюду загорелся свет, и Мария Рене, сдерживая истерический смех, объяснила растрепанной толстушке, которая явилась откуда-то из недр отеля, держа в руках керосиновую лампу, что нам нужно пять спальных мест.

— Пожалуйста, пожалуйста, сеньора, — ответила толстушка, — у нас сейчас совсем мало постояльцев, выбирайте номера по своему вкусу.

Оживленно беседуя, мы заходили в номера и проверяли кровати, причем Мария причитала, будто греческий хор, что они, несомненно, полны блох или клопов и никто не заставит ее спать в этих клоповниках. Наконец мы с Джерри присмотрели себе номер с окнами, обращенными на улицу, Софи поместилась рядом, и Мария сказала, что подберет себе что-нибудь, но спать сегодня не собирается; Дикки наши переживания ничуть не волновали.

Тем временем появился хозяин гостиницы, неся тарелки с бутербродами и пиво, за что мы были чрезвычайно благодарны, поскольку с утра не ели как следует. Напротив нашего номера помещалась ванная, и, убедившись, что из крана течет чудесная горячая вода, мы с Джерри решили смыть с себя часть патагонской пыли. Тут снова всполошилась Мария, уверенная, что мы подхватим какую-нибудь гадкую заразу, и сдается мне, она даже расстроилась, когда ее пророчество не оправдалось.

В лучах утреннего солнца Кармен-де-Патагонес выглядел просто очаровательно. Оказалось, что вчера мы выбрали лучший номер во всей гостинице — маленький, но чистый, и кровати удобные, хотя они были похожи на больничные койки. За высокими окнами находился крохотный балкон с видом на улицу внизу и на поблескивающие воды Рио-Негро поодаль.

— А что, прелестный вид, — заметил Даррелл. — Я рад, что мы решили остановиться здесь.

Разбудив остальных, мы спустились в столовую, где налегли на горячий кофе, гренки и аргентинские сладости, напоминающие вкусом мягкие ири-

ски. Основательно подкрепившись, мы нежно попрощались с отелем «Аргентина», втиснулись в свой «Лендровер» и пересекли по мосту довольно широкую реку, отделяющую остальную Аргентину от собственно Патагонии. Продолжая трястись на ухабах, то и дело видели на обочине несущихся наперегонки с нами патагонских зайцев — потешных зверьков, которые сидели на задние лапы, подобно кенгуру, провожая нас взглядом. Встречались также броненосцы и фазаны; последние бесстрашно переходили дорогу, каким-то образом ухитряясь не попадать под колеса проезжающих машин.

И с интересом рассматривала ландшафт. Засушливый и почти совсем голый, с непрестанно дующими ветрами, он тем не менее чем-то завораживал.

Погода снова выдалась изменчивая — то солнце, то проливной дождь. Доехав до маленького портового городишки Сан-Антонио-Оэсте, мы решили перекусить и нашли симпатичное кафе, где нам предложили нехитрую гринсузу — суп, огромные бифштексы с чипсами и все те же сладости. Мы просидели здесь целых два часа, однако нисколько не пожалели об этом, полагая, что не вредно дать отдохнуть нашим скорченным конечностям перед предпоследним этапом на пути в Пуэрто-Мадрин, где у нас была условлена встреча с управляющим гостиницы «Пласа». К сожалению, в Пуэрто-Мадрин мы прибыли поздно вечером, и нам были предложены весьма спартанские условия. Впрочем, кровати и здесь были удобные, а мы основательно устали, это особенно относилось к старине Дикки, который столько часов вел машину по скверным дорогам.

На другое утро мы увидели управляющего, он быстро разыскал обещанных нам двух охотников, и они провели нас на скалу поблизости, откуда мы через бинокль смогли полюбоваться довольно крупной колонией котиков. Правда, охотники, как и Годой до них, заверили нас, что лучшее место для наблюдения за котиками и морскими слонами — дальняя оконечность полуострова Вальдес. В тот день мы не могли задерживаться в Пуэрто-Мадрине, важно было вовремя добраться до колонии пингвинов, пока те не перебались в другое место, но мы пообещали вернуться через десять дней.

По пути в Пуэрто-Десеадо мы проехали через нефтяной терминал Комодоро-Ривадавия, где в то время кипела жизнь в связи с тем, что американцы получили концессию на добычу нефти в этом районе. Из-за наплыва людей в гостиницах было туго с номерами, пришлось нам с Софи и Марией спать втроем на двойной кровати, а Джерри и Дикки ночевали в «Лендровере». Мы без печали расстались на другой день с Комодоро. Дальше пошел

Д

совсем необычный ландшафт, довольно долго мы ехали среди черных песчаных дюн. Решили не делать остановок, чтобы возможно скорее добраться до Десеадо. Прибыв туда, отыскивали рекомендованные нам в Мадрине гостиницы, однако и здесь они были битком набиты нефтяниками, оставалось всей нашей пятерке ночевать в «Лендровере». Утром мы смогли вполне оценить прелести Десеадо: было пасмурно, холодно, ветрено, и город сильно смахивал на заброшенный поселок из голливудских вестернов.

— Человек, назвавший этот город Десеадо (предмет желаний), явно пребывал в крайне удрученном состоянии, — заключил Дикки.

Казалось, мы так и не найдем себе пристанища, но тут нам случайно встретился местный почтмейстер, у которого были британские корни и который вполне прилично говорил по-английски. Один из столпов местного общества, он взялся нажать на владельцев гостиниц, чтобы приютили нас, однако и они ничем не смогли нам помочь, тогда он отправился в Клуб аграриев и добился того, что там нам выделили две комнаты. Пока мы решали проблему ночлега, Дикки выследил представителя местной аэротранспортной компании и убедился, что примерно через час вылетает самолет на север. Расставание с Дикки было окрашено в грустные тона, хотя, подозреваю, в душе он был только рад вернуться к значным местам Буэнос-Айреса.

Наш друг почтмейстер помог нам также найти капитана Гири, и тот пообещал помочь нам расположиться в одном поместье по соседству с колонией пингвинов. На другой день в клуб знакомиться с нами пришел владелец поместья — сеньор Уичи. Позже мы узнали, что он наполовину индеец; должно быть, этим объясняется забота и радушие, окружавшие нас те несколько дней, что мы провели в его владениях. Уичи заявил, что будет счастлив принять нас у себя в поместье, и мы условились завтра же отправиться туда. Чтобы не возить весь наш багаж, договорились с управительницей клуба, что оставим прицеп на его дворе; она пообещала также не сдавать никому наши комнаты до нашего возвращения.

Поместье Уичи было великолепно; он сам построил себе дом несколько лет назад — простой и лишенный ряда «современных удобств», но мы с Софи чувствовали себя так, будто очутились в каком-то другом мире. Сам дом стоял в глубокой впадине, однако к нему прилегал обширный пляж, где Софи и я прогуливались часами в обществе одних только редких овец да ловцов устриц. Вода в море дивного изумрудного цвета была холоднющая. После шумного Буэнос-Айреса и убожества Десеадо нам с Софи было так хорошо в здешней тишине, что мы были готовы навсегда тут остаться.

Запах колонии пингвинов можно услышать задолго до того, как вы увидели ее. Ничто не сравнится с этим сладковатым рыбным запахом, и ничто не сравнится с глупостью этих птиц. Колония простиралась на несколько километров, и снимать ее обитателей не составляло никакого труда, они совсем не обращали на нас внимания, поглощенные размножением, добычей пищи в море и кормлением птенцов. Участок их обитания напоминал лунный пейзаж, земля была изрыта воронками гнезд. Основное скопление птиц помещалось под прикрытием высокой песчаной дюны, через которую этим тупицам приходилось карабкаться, направляясь за рыбой к морю. Маленьким птицам было адски трудно под жгучими лучами солнца карабкаться вверх по склону: правда, зато потом они могли скатываться вниз с гребня дюны. Учитывая путь туда и обратно, им приходилось покрывать в общей сложности больше шести километров; мне такое регулярное путешествие не представило бы удовольствия. И я не могла взять в толк, почему самые жаркие часы дня они проводили, стоя на солнце и тяжело дыша, вместо того чтобы укрыться в своих прохладных норках. А еще я с тревогой отметила высокий уровень смертности — кругом валялись высохшие трупы птенцов, причем они явно не были жертвами хищников. Сам климат тоже можно было назвать лунным, поскольку в тени царил холод, а на солнце ничего не стоило сильно обгореть. Не могу сказать, чтобы я с грустью покидала колонию пингвинов: лично мне они показались довольно скучными, отнюдь не отвечающими тому представлению, какое у меня сложилось при наблюдении их собратьев в зоопарках. До сих пор я не могу без боли смотреть на этих бедняг.

Когда мы не были заняты съемками птиц, то, стоя на четвереньках, копаясь в песке, отыскивая следы поселения патагонских индейцев, о котором нам рассказал Уичи, и нашли множество искусно изготовленных, ярко окрашенных наконечников для стрел, а также скребки и даже древнее оружие охотников — бола (три круглых камня, привязанных к длинному ремню, который при метании обматывался вокруг ног страуса или гуанако). А в ложбине за дюной Джерри раскопал индейский череп.

— Какая жалость, что этот замечательный народ исчез, — заметил он с горечью. — И почему так называемые примитивные люди и дикая фауна непременно должны уходить в небытие перед лицом прогресса?

Мария Рене перевела его слова нашему хозяину, и тот ответил, что эти места всегда наводят на него печаль, он постоянно ощущает присутствие одиноких душ индейцев.

— Здесь и сейчас живут индейцы, но я с тоской думаю о горемычных духах.

Д

И впрямь тут ощущалась атмосфера скорби и невзгод¹. А пингвинам хоть бы что, знай себе ковыляли взад-вперед через дюны, безучастные к глупости человека.

С облегчением взяли мы курс обратно на север, к полуострову Вальдес с его колониями морских слонов и котиков. Сам полуостров пленил наш взгляд, разительно отличаясь и красками, и рельефом от остальных частей Патагонии — плоской, почти совсем безжизненной равнины. Здесь волнистые гряды были покрыты высокими зелеными кустами с желтыми цветками, даже дороги другого цвета — красные вместо серых. И фауна отличалась разнообразием: шестерка рыжеватых гуанако, родичей ламы, спокойно созерцала, как мы проезжаем мимо, однако поспешила удалиться, когда Джерри задумал их снять, явно полагая, что он, подобно местным фермерам, вознамерился стрелять; вдоль дороги трусили броненосцы; над кустами порхали ржанки; множество мелких пестрых пичуг пролетали над нами, когда мы тряслись на ухабах курсом на Пунта-Норте, где надеялись получить нужные сведения и — что было еще важнее — запастись водой, какой Патагония отнюдь не богата.

Добравшись до цели, мы были радушно встречены тремя батраками. Для них, пасущих овец в глухомани, всякий иноземный гость — событие: нам тотчас предложили перекусить и выпить вина, и они решительно отказывались отвечать на наши вопросы, пока мы не управились с предложенной нам отличной жареной бараниной. Мария Рене вкратце изложила им, что нас интересует, зачем мы приехали в Аргентину. Они слушали как завороженные, мне показалось даже, что их потрясли слова о том, что мы прибыли из далекой Британии ловить и снимать здесь животных. Как бы то ни было, они охотно вызвались нам помочь. Сказали, что котиков найти будет нетрудно, они недавно произвели на свет потомство и держатся кучно на берегу недалеко от поместья, а вот с морскими слонами дело обстоит сложнее. Эти уже покинули привычные лежбища, теперь могут обретаться в самых разных местах вдоль побережья. Правда, у них есть кое-какие излюбленные убежища; и пастухи пометили на наших картах несколько точек.

Мы не пали духом и выбрали недалеко от лежбища котиков подходящий уголок для своего лагеря. Наши новые друзья вызвались обеспечивать нас питьевой водой и мясом, когда понадобится. Обосновавшись в ложбине по соседству с дорогой, мы занялись благоустройством, выкопали яму для

¹ Лично я ощущал не столько скорбь, сколько легкую меланхолию. — Дж. Д.

очага, запили баранину чаем и легли спать. Три женщины разместились в «Лендровере», а Даррелл улегся под машиной, укрывшись брезентом. Не скажу, чтобы мы устроились удобно, все же, поворочавшись, все крепко уснули¹.

Когда мы утром разобрались в наших конечностях и выбрались из машины, Даррелл уже развел костер и приготовил кофе. Пока мы наслаждались этим напитком, он рассказал, что на рассвете его навестил крупный самец гуанако. Явно недовольный вторжением каких-то мерзких тварей на его территорию, он негодуяще кряхтел и фыркал, потом удалился так же быстро и бесшумно, как появился.

— Великолепный зверь, — сказал Даррелл. — Просто безобразие, что их так нещадно истребляют.

Налив себе по второй чашке, мы обсуждали наши планы на день; в это время со стороны берега донесся какой-то странный звук.

— Силы небесные, что это такое? — воскликнула Мария.

— Котики, надеюсь, — отозвался Даррелл. — Ну-ка, заканчивайте кофеинитие, поехали туда, посмотрим. Не для того мы проделали такое путешествие, чтобы вы сидели тут и таранились на костер. Пока вы дрыхли, я приготовил бутерброды и наполнил две фляжки водой, так что ленч нам обеспечен.

Джерри развил небывалую для столь раннего времени суток энергию: не успели мы оглянуться, как он отделил от машины прицеп, погрузил в «Лендровер» наши припасы и съемочную аппаратуру, и мы затряслись на ухабах курсом на звук.

— Держись подальше от края скал, Джерри, — взмолилась я. — Не то мы свалимся прямо на голову котикам. Лучше вовремя остановимся и пройдем к краю пешком.

Как ни странно, он не стал возражать, и мы подкрались к обрыву, вооружившись биноклями и камерами.

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул Даррелл, стоя на самом краю. — До чего же хороши, черти!

В самом деле, зрелище было потрясающее. И на берегу внизу творилась такая кутерьма, что невдомек, на чем остановить свой взгляд.

— Какой очаровательный детеныш! — Софи показала на существо, смахивающее на мармеладного зверька.

¹ Настоятельно советую всякому, кому не доводилось спать под «Лендровером», в котором три женщины храпят на разные голоса, постараться и впредь избегать такого испытания. — Дж. Д.

Д

— А какой великолепный самец! — восхищался Даррелл, любуясь могучим зверем, который лежал, задрав морду кверху, в окружении золотистых поклонниц.

Но зрительные впечатления уступали звуковым. Оттеняемый шумом моря, сплошной рев, напоминающий гул просыпающегося вулкана, встретил нас ударной волной. Ошеломляющее впечатление производили также краски. На фоне изумрудного прибоя и покрытых зелеными водорослями камней поблескивали на солнце красновато-коричневые и золотистые шубки. Я села, любуясь и вслушиваясь. А Даррелл принялся лихорадочно снимать, меняя объективы и отчаянно чертыхаясь, когда малейшее облачко заслоняло солнце. Он был в экстазе, он буквально влюбился в котиков, и нам лишь с великим трудом удалось через несколько дней оторвать его от них, чтобы отправиться на поиски морских слонов.

Два дня мы метались вдоль побережья, проверяя указанные нам точки. Тщетно... Джерри дико переживал.

— Похоже, мы опоздали, они уже уплыли к Огненной Земле, — стоял он.

— Поищем еще, — настаивала Софи. — Вдруг повезет.

Наше терпение было вознаграждено. Нагрузившись снаряжением, мы брели вереницей по очередному галечному пляжу, когда путь преградили огромные серые каменные глыбы. Карабкаясь через них со своим грузом, спустились на маленький пляж, обрамленный причудливыми валунами. Основательно запыхавшись, сели, чтобы перекусить.

— Не сдавайся, Джерри, — уговаривала я его. — Глядишь, завтра найдем что-нибудь.

— Черта с два, я сам, балда, виноват. Надо было начинать отсюда, вместо того чтобы столько времени тратить на котиков. Морские слоны точно ушли на юг, я знаю, чувствую нутром.

В ходе нашего диалога я развлекалась, пиная ногой гальку, и один камешек угодил в лежащий в нескольких метрах от нас валун, который вдруг глубоко вздохнул, открыл большие влажные глаза и уставился на нас.

— Да мы тут окружены ими! — ахнула я. В самом деле, кругом безмятежно возлежали около дюжины этих великанов, и мы закусывали чуть ли не на их спинах. Присмотревшись, мы определили, что тут три самца, шесть самок и три крупных детеныша длиной около двух метров. Самки достигали в длину четырех с лишним метров, но самое внушительное зрелище являли самцы — от 5,5 до 6,5 метра, с огромной мордой, напоминающей хобот, откуда название этого зверя. Они продолжали невозмутимо лежать, пока мы фотографировали и измеряли их, подходя вплотную к мордам.

— Как мне быть? — сказал Даррелл. — Я же снимаю фильм, надо все же заставить их двигаться.

— Ну, какое-то движение можно видеть, когда они лапами забрасывают себе на спину мокрую гальку, — заметила я.

— Верно, но мне нужно, чтобы они спускались в воду и поднимались на дыбы, как об этом говорится в описаниях.

Мария Рене решила проблему, принялась бросать морским слонам на хвост пригоршни мокрой гальки, и наконец один могучий самец решил, что мы ему надоели — как вам надоедает муха, которая вертится перед носом, — поднялся перед нами на дыбы, зашипел по-змеиному и медленно поплыл в море, сгибаясь, точно гусеница. Этого оказалось достаточно, чтобы и остальные ожили и поспешно отступили в гостеприимную зеленую морскую обитель.

Не без грусти возвращались мы в лагерь, чтобы собираться в обратный путь в Буэнос-Айрес. Предоставив нам заканчивать сборы, Софи спустилась к морю, чтобы омыть свои «бедные ноющие ступни в чудесной прохладной воде». Почти сразу она вернулась бегом, вся мокрая, покатываясь со смеху.

— Ты не поверишь, Джерри, но там, на пляже, за мной погнался морской слон, я упала в какую-то яму и промокла насквозь.

Впрочем, невольное купание ее ничуть не огорчило; мы же решили, что Софи постигла кара за то, что она нарушила мирный сон великанов.

Даррелл уверенно вел машину всю дорогу обратно до Буэнос-Айреса, причем мы с ужасом думали о городской жаре после прохладных просторов Патагонии. Последние полчаса пути я чувствовала себя отвратительно, голова раскалывалась, ныла спина, и я с трудом выдержала заключительный этап. Софи видела, как мне плохо, но Даррелл был слишком занят съемками, чтобы обращать на меня внимание, да я и сама не желала ему мешать и все-таки прибыла в Буэнос-Айрес в прескверном настроении.

В городе царил невыносимая духота, и это, в дополнение к недомоганию, побудило меня заключить, что разумнее всего будет возможно скорее возвращаться в Англию, пока я не стала бременем для Софи и Джерри. И уже переговорила с Софи, и она согласилась со мной, но как сказать об этом Дарреллу? Поупиравшись, он все же признал верность моего решения, и, по счастью, на отплывающем через два дня почтовом пароходе нашлось место для меня. Я чувствовала себя страшно виноватой, что покидаю их, особенно жаль было Софи, на чьи плечи ложилась двойная тяжесть, но она твердила, что справится, и Джерри, судя по всему, не сомневался, что без труда выполнит стоящие перед экспедицией задачи.

Д

Прощаясь с ним у парохода, я подумала о том, как мне повезло, что я побывала в Патагонии. Никогда не забуду совершенный покой и тишину, чудесных зверей на полуострове Вальдес. Я сказала себе, что когда-нибудь непременно вернусь туда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Мое плавание домой протекало мирно и без происшествий; остеопат, к которому я обратилась в Лондоне, заверил меня, что я поступила правильно, решив возвращаться домой, предоставляя Дарреллу и Софи без меня управляться со всеми делами. От этих слов мне сразу стало легче на душе.

Вернувшись в Борнмут, я первым делом связалась с управляющим зоопарком, чтобы узнать, как идут дела, и организовать переезд на Джерси. Это был увлекательнейший этап в развитии нашей затеи, все лихорадочно трудились, чтобы Великое Открытие могло состояться через месяц. Меня немного беспокоили отклонения от первоначальных наметок Джерри, но напрямую это меня не касалось, и я решила не вмешиваться — пусть он займется этим делом, когда приедет.

Сама же я тем временем начала приготовления к реконструкции нашей новой квартиры. Мне страшно нравилось строить планы и закупать новую мебель. Я разыскала сантехника, который взялся оборудовать для нас кухню, уговорила помочь мне опытного маляра, закончившего работы в зоопарке. Каким-то чудом все было сделано за десять дней, и к концу этого срока квартира выглядела и пахла гораздо лучше.

Величайшей моей проблемой было найти достаточно большой ковер для гостиной и достаточно длинные занавески для окон, и я металась между Борнмутом и Джерси, озабоченная тем, чтобы наш уголок приобрел вполне обитаемый вид к возвращению Джерри в июне. Он уговаривал меня отложить эти хлопоты до его приезда, но мне представлялось, что для него будет приятным сюрпризом увидеть, что все уже готово. Мы впервые со времени свадьбы расстались на какой-то срок, и за всеми делами я даже как-то не задумывалась над этим. Даррелл частенько звонил из Буэнос-Айреса, чтобы убедиться, что я еще существую на свете, и как ни приятно мне это было, я испытала легкое потрясение, получив счет на семнадцать гиней.

Мне было невдомек, сколько разного хлама накопилось за годы в нашей комнатухе, но удалось найти сговорчивого подрядчика, и наступил день, когда все наше движимое имущество было загружено в два железно-

дорожных контейнера. Грустно было покидать радушную обитель, но мать Джерри тоже переезжала к нам на Джерси, и Софи собиралась жить там же, так что в новой обстановке должно было сохраниться что-то от старой атмосферы.

Несмотря на тщательное планирование, требовалось напоследок еще кое-что доделать впопыхах, прежде чем отправляться в Лондон, чтобы встретить пароход Джерри, но я уложились в срок и вовремя стояла на пристани, глядя, как «Сен-Джон» проходит через шлюзовые ворота. Первый шок я ощутила, увидев, что Даррелл отрастил коричневатую бороду.

— Это я для тебя постарался, — сообщил он. — Надеюсь, она тебе нравится.

Она мне понравилась, но у меня было тайное подозрение, что он отрастил ее скорее в личных интересах. Возможно, Джерри не приходило в голову, что борода придает ему сходство с Эрнестом Хемингуэем и отвечает представлению широкой публики об охотнике на крупную дичь: во всяком случае, я не стала об этом заикаться. Софи выглядела превосходно, но она явно устала, и мне вскоре довелось услышать, как некоторые ее любимцы измывались над ней во время плавания; она явно мирилась со всеми их капризами и выходками. Один раз, во время особенно сильного волнения, корабль вдруг резко накренился, и Софи с размаху села на черное резиновое ведро, полное грязной воды.

— Слава богу, что оно было резиновое, иначе мой зад мог крепко пострадать, — серьезно заметила она.

Докладывая мне обо всем, что происходило, Даррелл в то же время был озабочен тем, как поскорее погрузить животных в фургон, который должен был доставить их на вокзал Ватерлоо, откуда им предстояло отправиться в Саутгемптон, а из Саутгемптона плыть на пароходе до Джерси. Между тем я вспомнила про наш «Лендровер».

— Где он?

— Там, внизу, в трюме.

— Когда мы его заполучим?

— Понимаешь, я должен тебе кое-что рассказать.

Я приготовилась к самому худшему.

— Перед самым отплытием случилось небольшое происшествие, и я боюсь, что он малость поврежден.

К счастью, я заранее договорилась с фирмой «Ровер», что машина будет доставлена в ее лондонский гараж для профилактики. Это оказалось весьма кстати, потому что наш «Лендровер» явно не был в состоянии перемещаться своим ходом. Желая успокоить меня, Даррелл рассказал, что вто-

Д

рому участнику происшествия досталось куда хуже, его машина превратилась в металлолом.

— И кто же был виноват? — осторожно справилась я.

— Только не мы, — выпалил Даррелл. — Этот болван выехал откуда-то сбоку прямо перед нами, столкновение было неизбежно. Мы думали, что убили беднягу, но аргентинцы, видимо, похожи на греков — чем сильнее удар, тем меньше травма. Во всяком случае, мы ладили с ним, иначе до сих пор сидели бы в Аргентине.

Джерри повез животных на пароходе, я же вечером вылетела из Лондона на Джерси, чтобы быть в зоопарке, когда утром следующего дня придет ковчег Даррелла. Софи заслужила отдых и на неделю отправилась к себе домой в Борнмут. Спеша не опоздать в аэропорт, я не успела толком ознакомиться с коллекцией, но по пути на вокзал Ватерлоо Джерри рассказал мне, чем она пополнилась, и мы успели обменяться новостями о прочих наших делах и о друзьях по обе стороны океана.

На вокзале мы проследили за погрузкой зверей и багажа на поезд и успели даже пообщаться с друзьями, которые пришли проводить Джерри.

На другое утро я встретила Даррелла и его питомцев в зоопарке на Джерси. Он так волновался, что не знал, с чего начать — то ли осмотреть сперва всю территорию, то ли проследить за размещением зверей. Как бы то ни было, персонал быстро управился с вселением новичков в клетки и вольеры. Разумеется, пуме, оцелоту и другим кошкам предстояло выдерживать карантин. Как я и ожидала, Даррелл был недоволен тем, что его заметки не во всем были выполнены, но огорчение с лихвой компенсировалось сознанием, что все африканские животные благополучно вернулись к своему хозяину.

В наше отсутствие моя любимая белка Малютка умерла от какого-то диковинного вируса. Я чувствовала себя виноватой, что бросила ее, но ведь животные, как и люди, могут подхватить какую-нибудь заразу и умереть, как бы тщательно за ними ни ухаживали. О чем склонны забывать многие посетители зоопарков.

Если раньше звери обитали в моей постели, то теперь они населяли гостиную. Одно время казалось, что этим гостям не будет конца: то туда вселялся больной пекари, то шимпанзе Чемли со смещением межпозвоночного хряща, то большая сейшельская черепаха с какой-то инфекцией во рту, то шимпанзе Лулу с воспалением внутреннего уха, то различные птицы, среди которых выделялась клушица Дингл. Мы получили ее птенцом от одной леди в Дорсете, это было очаровательное существо, обожающее исследовать клювом чайные чашки и все уголки гостиной. Попадали к нам и об-

литые нефтью чайки, но, пожалуй, самым знатным гостем была горилла Н'Понго. Мы приобрели ее в рассрочку; нам предложил купить гориллу один торговец животными в Бирмингеме, который запросил огромную сумму — полторы тысячи фунтов. Разумеется, у нас не было таких денег, но это не смутило Даррелла, он сказал торговцу: «Берем» — и принялся добывать деньги. Обзвонил всех состоятельных обитателей острова, спрашивая, не согласятся ли они оплатить часть человекообразной обезьяны, и то ли это нахальство сработало, то ли необычность предложения, но некоторые простодушные, совершенно незнакомые люди отозвались, довольно скоро нужная сумма была собрана, и первые два дня своего пребывания на Джерси Н'Понго провела в нашей гостиной. Да что там гостиная — она ходила по всей квартире, и по сравнению с многочисленными представителями рода человеческого, коих на мою долю выпадало сомнительное удовольствие развлекать, вела себя образцово. Единственный, кто в нашем доме мученически переносит нашествие четвероногих и пернатых гостей, — многострадальный пес, боксер Кипер, чьи глубокие вздохи и выразительные взгляды красноречиво говорят, что он уже перестал удивляться нашим выходкам и ужасным тварям, коих мы упорно тащим в дом.

Софи недолго прожила с нами на Джерси, серьезная болезнь матери вынудила ее оставить нас, чтобы ухаживать за родительницей. Мы все очень переживали, и жаль было расставаться с Софи, ставшей как бы членом нашей семьи. Без нее в доме чего-то не хватало, и, сменив кучу молодых кандидаток в секретари знаменитого писателя¹, мы поняли, что никто по-настоящему ее не заменит. Силясь не оставить без ответа ни одно из многочисленных писем почитателей, я с тоской вспоминала дни, когда Софи спокойно забирала почту и делала все необходимое.

Поскольку наша казна, как обычно, была почти пуста, Даррелл в конце концов сел писать новую книгу и после чудовищного нажима с моей стороны закончил «Зоопарк в моем багаже», повествующий о нашем визите к Фону Бафута и водворении на Джерси.

Джерри понимал, что для дальнейшего прогресса зоопарка нужны деньги. Наше предприятие все еще оставалось мало кому известным, посетители не валили гуртом, а потому мы решили обратиться в банк с просьбой о дополнительном кредите в размере десяти тысяч фунтов. Вместе с предыдущим займом получалось двадцать тысяч — огромная сумма. Харт-Дэйвис снова помог нам, предоставив гарантии на новый займ. Все это мне

¹ Надеюсь, все ревностные молодые женщины, кого занесет в мой загон, запомнят эти слова. Разумеется, это относится и к молодой особе, печатающей эту рукопись. — Дж. Д.

Джутко не нравилось, я ненавижу покупать даже кофемолку в рассрочку и не спала по ночам, ломая голову над тем, как мы станем рассчитываться. Мне представлялось, что зоопарк вряд ли будет окупаться, из чего следовало, что нам придется самим за все отвечать. С самого начала было решено, что мы с Джерри работаем, как говорится, на общественных началах, возмещением за наш труд служит квартира. Многие друзья почитали нас сумасшедшими, но Даррелл был решительно против того, чтобы накладывать на зоопарк дополнительное бремя в виде жалованья нам. Он мечтал лишь о том, чтобы зоопарк был платежеспособным, самокупаемым, предпочитал не вмешиваться в административные дела, сосредоточив свои силы на собственной работе, которая могла быть лучшей рекламой зоопарка и его целей.

В это время Джерри следом за «Зоопарком в моем багаже» написал повесть о нашем путешествии в Аргентину под названием «Земля шорохов». Кроме того, его статьи печатались в «Обсервере», в еженедельнике для детей, он подготовил две детские книги: «Зоопарк на острове» в сотрудничестве с чудесным фотографом Сушицким и «Знакомьтесь с зоопарками» — путеводитель для юных любителей животных. Недурная производительность, если добавить выступления по радио и телевидению.

А тут еще я прибавила Джерри забот, угодив в больницу, где мне удалили половину внутренностей. Его матушка поведала мне, что он переживал куда больше, чем я сама¹. Когда я через десять дней вернулась домой, он настоял на том, чтобы следующие пять недель быть моей нянькой. Дошло до того, что я отнюдь не спешила расстаться с привилегированным положением инвалида. Обеспеченная всем необходимым, я могла целыми днями ничего не делать, только читать да слушать пластинки, пользуясь услугами любящего супруга. Могу и вам, читатель, рекомендовать такую профессию — профессию больного².

Далее последовало наше второе крупное телевизионное предприятие. Один продюсер из Би-би-си, наш близкий друг, предложил Джерри подготовить сериал для детей о различных семействах животных. Надо было все основательно спланировать, предполагалось показывать в студии живых зверей. Как это сделать без решеток, без оград из стекла? Даррелл обожает решать такие проблемы и с головой ушел в работу над сериалом, получившим название «Зоопакет». По уровню организации это мероприятие направлялось на сравнение с военной операцией, телевизионщики выполняли

¹ Упущение с моей стороны: я до сих пор не проверил страховку. — Дж. Д.

² Спешу заверить всех женщин, готовых поверить этим словам, что уход за лежащим больным (со всеми деталями) — кратчайший путь к разводу. — Дж. Д.

ные наши пожелания, вплоть до того, что нам предоставили военный паром для перевозки «Лендровера», нагруженного животными, и клеток с дополнительной порцией зверья. Из Борнмута грузовики Би-би-си доставляли живой груз в Бристоль, где производились съемки. Просторное помещение было отведено под зверинец, а в студии номер один смонтировали замысловатые конструкции для «артистов». И хотя мы здорово вымотались, думаю, никто из нас не пожалел, что взялся за это дело¹. Никогда прежде перед телекамерой не выступали вместе живьем одиннадцать представителей отряда приматов. И судя по тому, чего это нам стоило, вряд ли такой показ когда-либо повторится. От всех участников передачи требовалось изрядное мастерство, чтобы «артисты» были чем-то заняты, чтобы не дать им слезть на пол или исчезнуть где-то под потолком.

Получилось все великолепно. У гориллы Н'Понго была отдельная костюмерная, и она, как всегда, вела себя превосходно, явно понимая всю важность мероприятия. В отличие от гигантского муравьеда Сары Хаггерли она не выпендривалась, воспринимала все как само собой разумеющееся. Сериал и на этот раз получился весьма необычный и вызвал смешанный отклик². Все же, судя по полученным нами многочисленным письмам, большинство зрителей смотрели его с удовольствием, сочли содержательным и интересным. Правда, один разгневанный джентльмен бурно протестовал, утверждая, что он отнюдь не состоит в родстве ни с какими обезьянами, как это посмели утверждать мы.

Нас часто спрашивают, отвечаем ли мы на все письма зрителей и читателей. Поскольку наша жизнь зависит от расположения людей, покупающих книги или смотрящих нас по телевизору, было бы крайне глупо и весьма грубо не отвечать, хотя бывают и не совсем приятные письма. С ругательными мы стараемся обходиться осторожно и доброжелательно, что же до злопыхательских анонимок, то мы отправляем их туда, где им и надлежит быть, — в огонь. Благодаря книгам мы обзавелись множеством друзей по всему миру. Некоторые из них каждый год шлют нам прелестные рождественские открытки, а бывая в их странах, мы нередко встречаемся с ними.

Прошло два года, как Джерри вернулся из Аргентины, и мы почувствовали, что пора осваивать новые регионы. К тому же появилась возможность, если придумаем что-нибудь очень интересное, привлечь к экспедиции операторов из Би-би-си, что избавило бы нас от необходимости самим мучиться со съемками. Неделями мы сидели над атласом: Индия — не пой-

¹ За исключением меня. — Дж. Д.

² Более чем смешанный со стороны участвовавших в нем зверей. — Дж. Д.

дет, мы не уложимся в срок с необходимыми приготовлениями; Восточная и Центральная Африка — там уже столько наснимали, что Би-би-си не клюнет на такую приманку. Так продолжалось, пока мы однажды не отправились по делам в Лондон. Я нежилась в ванне в гостинице, размышляя над все той же проблемой, и вдруг меня осенило. Выскочив из ванны, я завернулась в большое полотенце и ворвалась в спальню, крича:

— Джерри, нашла! Отличная идея и совершенно не похожая на все, что ты делал прежде!

— погоди, успокойся и излагай все толком. Я готов одобрить твою идею, если она сулит нам интересное путешествие.

— Так вот, тебе непременно надо, чтобы экспедиция преследовала исключительно звероловные цели?

— Да нет, это вовсе не обязательно, если твоя идея позволит собрать материал для новой книги и телесериала.

— Отлично. Как насчет того, чтобы отправиться в Новую Зеландию, Австралию и Малайзию, сосредоточившись на изучении вопросов охраны дикой фауны? Будет тебе не только новая книга и телесериал, ты еще сможешь лично выяснить, что делают и чего не делают в этих трех странах, а на обратном пути можно посетить Восточную Африку, ознакомиться там с национальными парками, хотя они вряд ли заинтересуют наших дорогих друзей из Би-би-си, у них хватает материала из этого региона. Ну, что ты думаешь, Даррелл?

— Что ж, идея хорошая, вот только не знаю, можно ли ее осуществить. Давай сперва позвоним мистеру Майлзу в «Гриндлейс Бэнк», попросим его выяснить, как там насчет пароходного сообщения. Если возьмется организовать, будем действовать дальше.

Мистеру Майлзу не раз доводилось маяться с нашими головоломками, однако он, как всегда, спокойно воспринял новое задание.

— Думаю, мистер Даррелл, это вполне осуществимо. Как долго вы собираетесь пробыть в каждой стране?

— Ну, недель так шесть или семь.

— Хорошо, я займусь этим делом и сообщу результат через несколько дней.

Дальше нам следовало уломать киноредакцию Би-би-си в Бристоле. Среди незадачливых продюсеров, коих угораздило подружиться с нами, был Кристофер Парсонс, и его наша идея сразу заинтересовала.

Таким образом, лед тронулся, и вот уже мы носимся взад-вперед по улице Странд, посещая представительства Австралии, Новой Зеландии и Малайзии, и всюду нам охотно называют адреса и названия правительственных учреждений, куда надлежит обращаться. Непосредственный на

чильник Криса тоже проникся интересом к нашим планам, однако желал, прежде чем включаться, узнать побольше деталей, а потому Крис прилетел на Джерси¹, и вместе мы сочинили подробнейшую записку, которая явно удовлетворила не только представительство Би-би-си в Западном районе, но и верховное начальство в Лондоне. Небольшая проблема возникла в связи с тем, что ребята из Би-би-си, занятые другими делами, могли выехать только в апреле, поэтому мы пересмотрели свой график и договорились встретиться в Новой Зеландии 5 апреля.

Фирма «Ровер» снова вызвалась нам помочь: предоставлять машину нам и тогда, когда в этом возникнет нужда. Би-би-си взялась улаживать вопросы с таможей в каждом случае, за что особенно я была безумно благодарна. Мы разослали письма важным персонам в названных странах и получили любезнейшие ответы с обещаниями всяческого содействия.

Губернатором Джерси тогда был ныне покойный сэр Джордж Эрскин. Он и его супруга горячо интересовались нашими делами, и, услышав о нашем путешествии, сэр Эрскин взялся снабдить нас рекомендательными письмами своим знакомым. Его письмо лорду Кобэму, тогдашнему генерал-губернатору Новой Зеландии, пришлось очень кстати, ибо лорд тотчас обратился в местную администрацию и привел в движение нерасторопный механизм, от которого зависело открыть нам все ворота, за что мы остаемся в вечном долгу перед ним.

Вооруженные всевозможными письмами и девятью чемоданами (в этом путешествии нам могла понадобиться самая разная одежда), мы покинули Джерси в типичный февральский день, когда с неба сыпались мягкие снежинки. Из Роттердама с его североευропейской зимней погодой взяли курс на юг, в теплое Южное полушарие, и после двух заходов — в Геную и Аден — прибыли в Окленд 4 апреля. Плавание прошло замечательно, но нам не терпелось штурмовать Новую Зеландию.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Фантастическая встреча в Окленде превзошла все наши ожидания. На пристани нас ожидали не только представитель администрации в лице Грэйена Белла из Управления внутренних дел, но и руководитель местного отделения нашего издательства «Харт-Дейвис». Однако самым большим

¹ Он готов прилететь по любому поводу, с немалым ущербом для моего винного погребка. — Дж. Д.

Д сюрпризом явилось знакомство с двумя почитателями Джерри — мистером и миссис Уоррен, которые специально приехали вместе с двумя детьми из-за города, чтобы приветствовать нас. Мы давно с ними переписывались и все же были глубоко тронуты этим первым проявлением огромного внимания и радушия, с каким нас принимали повсюду в Новой Зеландии.

— Это похоже на официальный королевский визит, — заметил Джерри.

С первых шагов нас взяло под свою опеку Управление природных ресурсов, за что мы были чрезвычайно благодарны; на весь срок нашего пребывания в стране к нам прикрепили Брайена Белла, и он служил нашим гидом и наставником. Брайен уже заполучил из Веллингтона наш «Лендровер» и теперь быстро составил бригаду носильщиков из членов команды корабля и таможенников. Вообще же с сервисом в Новой Зеландии обстоит как-то странно. Всякий житель этой страны почитает себя ничуть не хуже других людей (мнение, кое я отнюдь не собираюсь оспаривать), а потому полагает ниже своего достоинства оказывать другим услуги. Это наложило свою печать на наше общее представление о Новой Зеландии.

Нагрузив «Лендровер» личным багажом и съемочной аппаратурой, мы поехали в город; по пути Брайен изложил предлагаемую нам программу на ближайшие полтора месяца.

— Кинооператоры Крис Парсонс и Джим Сондерс прибыли в Веллингтон, — сообщил он, — и мы заказали машину, которая доставит их в Гамильтон, где вы встретитесь с ними послезавтра. Нам представлялось, что вам двоим будет не вредно освоиться с обстановкой, прежде чем всерьез приступить к работе. Затем мы полагали, что вы не откажетесь посмотреть на черных лебедей, которые в изобилии водятся на большом озере вблизи Гамильтона, и поснимать их. Оттуда мы отправимся в Роторуа, а потом в Веллингтон.

Мы с Дарреллом едва поспевали за потоком его слов и попросили Брайена сделать перерыв. К этому времени мы подъехали к роскошной гостинице, где обаятельный представитель Отдела информации Терри Иген подготовил встречу с прессой. Осаждаемые фотографами, мы отвечали на вопросы благосклонных репортеров относительно наших планов. Тут уж Брайен Белл отвел душу; из его реплик следовало, что наш визит в страну расписан по минутам, и он постарается проследить за тем, чтобы мы по-настоящему узнали Новую Зеландию и ее животный мир. Надо сказать, Брайен стал самым желанным членом нашего отряда, и это ему мы обязаны, что удалось снять замечательные сюжеты.

Остаток дня мы провели, отбиваясь от назойливых журналистов, если не считать короткий антракт, во время которого на долю Даррелла выпало

сомнительное удовольствие приобщиться к прелестям новозеландских пивных с их знаменитым пятичасовым пойлом¹.

В качестве предварительного знакомства с дикой фауной Новой Зеландии Терри Иген предложил нам осмотреть редкую колонию зуйков, имеющих кривоклювами, расположенную недалеко от Окленда. Только страстное увлечение Даррелла естественной историей смогло оторвать его от кровати, где он приходил в себя после пивной, чтобы проехать изрядное количество километров для лицезрения очаровательных пернатых. Стайки крохотных серых пичуг с изогнутым клювом прыгали на одной ножке, напоминая подбрасываемые струями фонтана шарики для пинг-понга. Эта экскурсия вдохновила нас, и мы вернулись в Окленд, чтобы собраться с мыслями и подготовить наш объемистый багаж к выезду в Гамильтон, где нам предстояло приступить к работе.

Встреча с Крисом и Джимом Сондерсом состоялась в кафе небольшого городка в новозеландской глубинке. Местные активисты Общества любителей дикой природы подготовили для нас программу и дружно явились знакомиться с нами. Генри Арифилд, много лет назад эмигрировавший из Англии, присоединился к нашему отряду, и благодаря ему и его удобному катеру мы смогли поплавать по озеру Вангане, снимая тысячи обитающих там черных лебедей. Этих птиц завезли в Новую Зеландию первые поселенцы, и, подобно многим другим интродуцированным видам, они стали подлинным бичом для здешней среды, из-за чего Управление природных ресурсов вынуждено было разрешить их отстрел. Никто не собирался вовсе истреблять черных лебедей, но без строгого регулирования их численности не осталось бы места для аборигенных пернатых, требовалось обеспечить баланс.

День выдался чудесный, мы сняли много интересных кадров, сопровождаемых звукозаписью. Во время неперемennого перерыва на файф-о-клок мы еще раз обсудили программу, разработанную Брайеном. Все выглядело превосходно, однако успех его замыслов зависел от погоды, особенно на прибрежных островах. Кроме того, нам следовало помнить о сроках, так как на 5 мая намечалось отплытие в Австралию. Брайен не сомневался, что погода не подведет.

— Ладно, когда мы застрянем на необитаемом острове посреди пролива Кука, я напомню тебе эти слова, — протянул Крис.

Брайен рассмеялся.

— Не беспокойся, я везучий, гарантирую — все будет в порядке.

¹ Никогда больше! — Дж. Д.

Д — Как бы то ни было, — вступил Даррелл, — программа выглядит замечательно. Боюсь даже, Крис, что у нас будет перебор с материалом, если не станем ограничивать себя.

— На этот счет можешь не беспокоиться. Был бы материал хороший, я и три программы посвящаю Новой Зеландии.

Закончив снимать черных лебедей, мы направились дальше — в Роторуа, город, известный на весь мир гейзерами, грязевыми озерами и запахом сероводорода¹.

Мы и впрямь ощутили амбре Роторуа задолго до того, как увидели его, и я спрашивала себя, как только люди могут жить здесь, дыша ароматом тухлых яиц. Сверх того, по словам Брайена, жить тут было опасно, потому что в любой момент у вас под ногами может разверзнуться провал, извергающий пар или газ. Он даже привел пример: не успел один человек открыть в Роторуа новую лавку, как весь фасад снесло извержением газа. Катя по главной улице, мы видели в конце ее пар над районом гейзеров и ощущали все более сильное зловоние.

— Такие кадры, — объявил Крис, — помогут нам как следует отобразить облик Новой Зеландии. Сами знаете, большинство людей в Англии совершенно не представляют себе, как выглядит эта страна, и нам важно заполнить этот пробел.

Жертвуя собой в интересах телевидения, мы спустились в долинку с потоками кипящей воды, гейзерами и бурлящими грязевыми озерами. В разгар эффектных съемок пробудился самый большой гейзер, обдав нас и нашу аппаратуру мелкими брызгами мутной воды и едва не сбив с ног беднягу Даррелла, который стоял совсем близко от жерла. Он не дождался от нас сочувственных слов, поскольку мы предупреждали его об опасности.

— Хорошо вам покатываться со смеху, — пробурчал он, вытираясь, — я мог остаться калекой на всю жизнь.

— Не переживай, Джерри, получились отличные кадры, зрители будут в восторге, — заверил его Джим.

Вся эта местность производила жуткое впечатление, напоминая мим-кадры из «Фантазии» Уолта Диснея, изображающие сотворение мира. Я не могла оторвать глаз от озер, смахивающих на чаны с кипящей карамелью.

— Ладно, ребята, поехали, — поторопил нас Крис. — Не забыли — нам еще надо поснимать фауну. От нас ждут неочередной географический фильм в техникоре.

¹ Запах отдаленно напомнил мне амбре английской привокзальной гостиницы в Чилченце. — Дж. Д.

— Типичный пример Ворчуна, верно, Джим? — вступила я. — Ни минуты передышки не дает.

Джим только и ждал этих слов.

— В самом деле, Крис, как насчет того, чтобы денек отдохнуть? А то ищ работа, работа, даже выспаться некогда.

Крис живо уклонился от этого выпада и повернулся к Брайену, чтобы спросить, где находятся его друзья из Управления природных ресурсов, которые должны были ознакомить нас с проблемами лесоводства.

— Они придут к нам в гостиницу после ленча, тогда и решим, с чего начать, а то похоже, что скоро пойдет дождь.

— Подумаешь — дождь! Ты ведь не боишься промокнуть в интересах телевидения, Джим? — осведомился Даррелл.

— Нисколько, Джерри, камера-то не моя. И если сериал не будет снят, огдуваться Крису, а не нам.

Бедняга Крис был постоянной мишенью насмешек и довольно скоро перестал обращать на них внимание¹.

После ленча местный представитель УПР Элан Халл пришел за нами, и остаток дня мы занимались съемками на озере Роторуа, заглянули также в хозяйство, где разводят форель.

На другой день рано утром мы поехали в сопровождении представителя лесничества на научно-исследовательскую станцию в центре обширной плантации сосны, где познакомились с лесничими и научными сотрудниками, занимающимися вопросами регулирования численности опоссумов и оленей. Эти интродуцированные животные распространились по всей Новой Зеландии, нанося огромный вред лесам, что влекло за собой усиление борьбы.

Катя по лесным просекам, наш отряд напрашивался на сравнение с траурным corteжем. Время от времени мы останавливались, чтобы осмотреть деревья и подлесок, а доехав до особенно пострадавшего участка, уговорили одного из лесничих дать интервью для телевидения. После чего часть эскорта покинула нас; видимо, кое-кто испугался, что его тоже уговорит стоять перед объективом. Продолжая путь, мы добрались до пожарной вышки в центре плантации. Здесь нас познакомили с очаровательным мужчиной, который мягким голосом сообщил нам, что дежурит здесь каждое лето в обществе одной только собаки. Вид с вышки был великолепен, и мы рассмотрели конус считающегося потухшим вулкана Эгмонт. Позднее мы узнали, что «пожарный» — один из крупнейших писателей Но-

¹ Почти на все, что ему говорили. — Дж. Д.

Д

вой Зеландии и нашел себе идеальную работу, чтобы писать в покое. Двойная польза для страны!

В гостиницу мы вернулись здорово уставшими и, поскольку нам — к великому ужасу Джима — на другой день предстояло выезжать в Веллингтон в пять утра, решили пораньше лечь спать. Джим Сондерс — большой любитель поспать, без восьми часов сна он не работник¹, о чем и твердил постоянно Крису, однако без видимого успеха.

— Отдохнешь в Веллингтоне, Джим, — пообещал он, но Джим не очень-то в это поверил, поскольку плотность нашего графика начала сказываться даже на бедном Ворчуне, самом выносливом члене отряда. — Сам знаешь, нам до пятого мая надо покрыть изрядные расстояния.

— Верно, Крис! — дружно отозвались мы. — Но хотелось бы сохранить достаточно сил, чтобы в конце путешествия хватило энергии подняться по трапу на пароход, идущий домой, а с такими темпами даже ты успеешь выдохнуться.

Надо сказать, что старый, заслуженный «Гранд Отель»² в Роторуа из давня обслуживал путешествующих членов королевской семьи, так что он не привык к тому, чтобы пятеро странников, нагруженных своими вещами и аппаратурой, наполняли шумом его священные коридоры в четыре тридцать утра.

Из-за дефицита в носильщиках мы потянули не одно сухожилие и не одну мышцу за полтора месяца пребывания в Новой Зеландии. Правда, некоторые гостиницы компенсируют отсутствие носильщиков, предоставляя постояльцам тележки для багажа. Не очень-то удобно при лифтах с автоматически закрывающимися дверями: только примеришься втолкнуть в кабину скрипучую тележку, как створки аккуратно смыкаются. Перед моими глазами по сей день стоит такая картина — Даррелл и Парсонс истерически хохочут, лежа под грудой багажа на полу перед лифтом в «Гранд Отеле». Подозреваю, почтенная гостиница ничуть не горевала, расставаясь с такими знатными постояльцами.

Путь до ветреного Веллингтона, столицы доминиона, был ужасен. Всю дорогу до самого города нас преследовал бешеный ветер, и мы мечтали поскорее добраться до роскошной гостиницы. Нас снова ожидало разочарование. Некому было помочь нам с багажом, и невозможно получить что-ни

¹ Стоит ли упоминать, что и с восемью часами сна он не был полноценным работником. — Дж. Д.

² Одна из многих и, пожалуй, главных причин, почему я не хотел бы быть членом королевской семьи. — Дж. Д.

будь поесть и попить до без пятнадцати шесть, когда начинался обед. Обслуживание в номерах всецело зависело от прихоти горничной, которую при правильном подходе¹ можно было убедить принести чаю утром.

У нас было намечено несколько вылазок из Веллингтона. Кроме того, подлежало посетить начальников всех управлений, имеющих отношение к нашей экспедиции, и Даррелла ожидал ленч с правительством Новой Зеландии в полном составе, так что нам следовало энергично двигаться, чтобы всюду успеть.

У самого берега Северного острова находится большой остров Капити, превращенный в птичий заповедник, где Джордж Фокс с супругой заботливо опекают порученных им пернатых. Фокс самолично встретил нас на своем катере рано утром и перевез через узкий пролив. Остров был покрыт густым лесом, который кишел птицами, но звездой первого ранга, несомненно, были попугаи кака. На редкость ручные птицы, они прилетали на лав Джорджа или его жены. Удивительно было наблюдать, как эти крупные попугаи — Джордж дал каждому свое имя — кружат все ниже и ниже, наконец спускаются на кормушку и даже садятся на голову Джорджа, принимая угощение из его рук. Их несколько не испугало наше появление с камерами, а один чуть не снял скальп с Даррелла, опустившись на его шевелюру. Крис был в восторге.

— Не спугни его, Даррелл, отличный кадр.

— Спасибо, — отозвался Джерри. — Ты возместишь мне ущерб от гривм?

Крис ответил, что этот эпизод сильно прибавит популярности Дарреллу.

Попугаи кака оказались истинными комедиантами, как, впрочем, все крупные новозеландские попугаи. Они перебранивались, отнимали друг у друга кусочки фиников, чуть не сваливаясь с кормушки от натуги. Насытившись, исчезли так же быстро, как появились. До нас доносились только их хриплые крики, но Крис был счастлив.

— Великолепный материал, Даррелл, и я очень благодарен вам, мистер Фокс, за то, что вы позволили нам прибыть сюда и оторвать вас от ваших дел.

Столь бурное выражение благодарности явно смутило Джорджа Фокса.

— Не за что. Я только рад был помочь вам, вы всегда желанные гости.

Позднее Брайен объяснил, что такие слова Фокса — высокая оценка, обычно супруги отнюдь не рады назойливым заморским орнитологам и не скрывают своего отношения к ним.

¹ При неправильном подходе могло случиться все, что угодно. — Дж. Д.

Д — Ну что ж, значит, сегодня ночью сможем мирно поспать, — прохрипел Джим, когда мы поехали обратно в город. — Крис весьма доволен собой, глядишь, и позволит нам отлучиться вечером на несколько минут.

Целью следующей нашей экскурсии была гора Брюса, и Даррелл не скрывал своей радости оттого, что узрит тамошние раритеты.

— Подумать только, наконец-то я увижу настоящего живого ноторнуса, никогда не думал, что это возможно.

Его энтузиазм объяснялся тем, что эту птицу считали вымершей, пока в 1948 году не открыли заново на Южном острове. Стремясь спасти ноторнуса (он же такахе), УПР отловило несколько птенцов и поместило в питомник для размножения. Этот питомник мы и намеревались осмотреть. Птицы помещались в вольере сразу за домиком охотинспектора. Он как раз собирался кормить их, так что мы прибыли вовремя. Сперва в кустах послышался страшный шум, затем оттуда выкатилось нечто вроде свалки реббистов, из которой стали по одной отделяться птицы изумительного вида. Величиной с небольшую индейку, одетые в синие перья с отливом, с ногами и клювом цвета красного сургуча, они словно вышли из книг про Алису. Все их внимание было обращено на кормушки, и они совершенно игнорировали нас, пока я не предложила одной птице банан. Тут они сразу заметили нас, и Джим, Крис и Даррелл поспешили воспользоваться случаем, чтобы нацелить на такахе свои камеры. Даррелл был в полном экстазе, непрерывно восхищался вслух птицами, которые и впрямь были чудо как хороши. Такахе принялись препираться из-за корма, и, зараженный энтузиазмом Даррелла, Крис снимал их во всех позах — бегущих, идущих, дерущихся, клюющих корм, стараясь ничего не пропустить.

Наконец он закончил съемку, а Даррелл уже предвкушал встречу с какапо, самым крупным попугаем Новой Зеландии, ведущим ночной образ жизни; считалось, что эти птицы сохранились только в неволе. Управление природных ресурсов приняло меры, чтобы спасти их от вымирания. К сожалению, один из двух экземпляров, доставленных в питомник, умер; тем заботливее относился к уцелевшему охотинспектор. Какапо отличается робким нравом, поэтому Дарреллу было дозволено в одиночку подойти и посмотреть на сидящую в отведенном ей ящике удивительную птицу.

В приподнятом настроении мчались мы в тот день обратно в Веллингтон, очень довольные проделанной работой.

С присущей нам предусмотрительностью мы решили отправиться на пароме в Пиктон на Южном острове в разгар пасхальных праздников. В итоге попасть на этот паром нам удалось только с помощью любезных чиновников новозеландской администрации, ибо все палубы были заполне-

ны людьми, лежащими в обнимку с башмаками и рюкзаками, каковые, судя по всему, служат принадлежностью каждого новозеландца. Поскольку у нас были билеты в каюту «люкс» (во всяком случае, так она сама называла себя), мы, не дожидаясь чьих-либо указаний, живо разместились в ней и нажали на кнопку звонка, вызывающего обслугу. Подождав полчаса, позвонили еще раз.

— Я предупреждал тебя, Джерри, — сказал Брайен, — что на этом пароме бывают проблемы, особенно в пасхальные дни.

— Пойдем поищем стюарда, — предложил Даррелл, — если вообще существует таковой, добудем содовой — разбавить наше виски.

Они с Брайеном ушли, оставив нас с Джимом терпеливо ждать в окружении былой роскоши. Вскоре они вернулись, гордо неся шесть бутылок содовой.

— Ну и пароход, черт бы его побрал, — простонал Даррелл. — Все закрыто, только коррупция и взятки помогли нам добыть хоть что-то.

Слегка повеселев после первого стаканчика, мы были ошарашены внезапным вторжением некоей особы, сильно смахивающей на плечистых хоккеисток, которая грубо осведомилась, кто будет спать в этой каюте. Мы робко признались, что места принадлежат нам и что мы не прочь утром получить в каюту чай, если это возможно. Удовлетворенная нашим ответом, «хоккеистка» удалилась.

— Что это за особа такая? — выпалил Даррелл.

— Это, — пробурчал Брайен, — наша стюардесса.

— По мне, так она больше похожа на надзирательницу из концлагеря. Меня восхищает, как вы, новозеландцы, не жалеете сил, чтобы вашим гостям было уютно. Редкостная предупредительность, любезнейший сервис по первому знаку или зову. Восхитительно.

Мы продолжали изливать свои чувства в том же духе, покуда бедняга Брайен не уприсил нас остановиться.

На другое утро в 6.30 нам сердито швырнули поднос с отвратительным чаем; тут же появились Крис, Джим и Брайен, изгнанные из своих кают стюардессами, коим не терпелось приступить к уборке. Паром прибыл в Пиктон.

Утро было чудесное, с розовой мглой над морем, и в свете румяного солнца даже наша старая посудина выглядела живописно. В портовом кафе мы отлично позавтракали, ожидая катера, который должен был доставить нас на острова Бразерс в проливе Кука. Нас с Джимом не очень-то прельщала эта экскурсия: мало того, что обоих нас крепко укачивало, так на нужный остров можно было попасть, только совершив полет над волна-

Д

ми и камнями в сети, подвешенной к крану, которым управляли смотрители маяка. Мы говорили себе, что можно бы избрать более простой маршрут для съемок животных, однако отступать было поздно. На пристани в Пиктоне собралась тьма провожающих, и местная пресса прилежно интервьюировала нас, информируя читателей во всех уголках страны о каждом нашем движении.

Плыть через бухту Королевы Шарлотты было сплошным удовольствием — царил штиль, и мы лежали на палубе, греясь на солнышке и любуясь белокрылыми пингвинами и другими морскими птицами, которые резвились вокруг катера. У входа в бухту торчат из воды скалы, служащие последним убежищем крупных королевских бакланов; местные рыбаки нещадно их истребляют, утверждая, что они наносят ущерб рыболовному промыслу.

— Может быть, на обратном пути поснимаем их, Крис? — предложил Даррелл. — Будут хорошие кадры и интересный природоохранный сюжет.

— Почему же не снимать, если не слишком сложно будет подойти к скалам. Я за любой сюжет, говорящий в пользу охраны природы. Какая там обстановка, Брайен?

— Думаю, можно подойти, если хозяин катера не против и погода позволит. Я спрошу его.

Тем временем вдаль показались острова Бразерс, и мы увидели, как два смотрителя спускаются к крану, который должен был перенести нас на берег. Мы с Джимом выразили друг другу соболезнование, не сомневаясь, что нам не пережить транспортировки возвышающимся над водой хрупким краном.

— Джим, — обратился к нему Крис, — ты не мог бы первым отправиться наверх с камерами, чтобы немного поснимать при подъеме? Это поможет зрителю составить себе представление о нашей работе.

Джим нехотя согласился и вскоре закачался в воздухе над нами. За ним последовал Крис, потом мы с Джерри вместе забрались в сеть и крепко зажмурились. Мне было очень не по себе, я облегченно вздохнула, когда нас опустили на платформу крана, и поспешила вылезть из сети, пока кому-нибудь не пришлось в голову снова отправить нас в полет.

Наверху наш отряд встречали с разной степенью энтузиазма трое — два новозеландца и один уроженец Северной Англии. Билл Райт, сочетающий обязанности смотрителя маяка с увлечением естествознанием, обратился к Брайену.

— Я получил от тебя весточку, Брайен, и отловил несколько туатар для ваших съемок. Хочешь посмотреть на них? — спросил он Джерри.

Чтобы Даррелл да не захотел!

Ровесники древних рептилий, туатары почти без изменений дожили до наших дней, у них даже сохранился теменной глаз, расположенный между двумя настоящими глазами. К счастью, они уцелели на ряде прибрежных островов Новой Зеландии и, подобно другим представителям новозеландской фауны, тщательно охраняются, хотя местные власти не считают, что им грозит вымирание.

Билл Райт отвел нас к маленькому сараю, распахнул дверь, и мы увидели невероятное множество туатар, притом совершенно не похожих на их сородичей, знакомых нам по зоопаркам. Бросалась в глаза яркая окраска — зеленовато-бурое туловище со светлыми пятнами и беловатым гребнем вдоль спины. Билл поднял одну туатару и протянул Джерри, который принял ее так, будто она была сделана из стекловолокна, а рептилия спокойно примостилась на его ладонях, ничуть не возражая против того, чтобы ее рассматривали так близко.

— Правда, Крис, они великолепны? — восторженно произнес Джерри. — Какие чудесные краски! В зоопарках такого не увидишь, и я подозреваю, что все дело в повышенной температуре в террариумах. Если мне удастся в следующем году приобрести пару туатар, построю для них особый павильон, постараюсь создать подобие их природной среды, буду следить за температурой и не сомневаюсь, что они приживутся.

Он принялся горячо обсуждать с Биллом Райтом, как лучше содержать в неволе туатар, и эта беседа грозила затянуться на весь день, не напомни им Крис, что мы прибыли для съемок.

— Отложите вашу дискуссию до вечера, — предложил наш продюсер, — когда начнет темнеть.

Туатары вели себя образцово, как будто желали выглядеть возможно лучше на телеэкранах. Там же, на Бразерс, мы сняли белокрылых пингвинов, обитающих рядом с туатарами. Однако впечатление от этих прелестных птиц было испорчено тем, что они всю ночь напролет хрипло голосили под полом домика, где для нас были поставлены раскладушки. Даже Джерри не нашел добрых слов для участников этого хора.

Ничто не сравнится с обильным завтраком, когда вы уписываете бекон, яйца и бобы, запивая их горячим кофе и любуясь восходом солнца. Вы проникаетесь чувством полного удовлетворения, даже самодовольства.

Правда, ветер со вчерашнего дня переменился, и погода не сулила ничего хорошего.

— Сомневаюсь, придет ли за нами катер сегодня, — покачал головой Брайен. — Владельцы малых судов не любят такие волны.

Д

— Вот и выдерживай график, — произнес Крис с легкой укоризной.

Ближайшие часы мы тревожно обозревали море и наконец увидели, как наш катер приближается, сражаясь с волнами. Джим застонал:

— Похоже, сегодня мне не обойтись без пилюль от морской болезни.

Спуск в сети на качающуюся палубу катера прошел не так нервно, как подъем накануне, и вскоре мы расположились в тесной кабине, иди курсом на Уайт-Рокс.

— Как по-твоему, Брайен, сумеем мы подойти к скалам? — спросил Джерри.

— Капитан готов попытаться.

Джим, Брайен, Крис и Джерри отправились на шлюпке на остров, мне же выпала сомнительная привилегия оставаться на катере. Беднягу Джима сильно укачало, тем не менее он взобрался на скалу и снял великолепные кадры королевских бакланов. Вернувшись на катер, он тяжело опустился на скамейку и крепко уснул.

Хотя в бухте Королевы Шарлотты не было такого сильного волнения, думаю, все мы были только рады покинуть катер и ощутить под ногами твердую почву. Позднее Брайен рассказал, что, по словам капитана катера, тот ни за что не стал бы выходить в море, если бы знал, что делается в проливе. Не скажу, чтобы эта новость утешила меня.

Следующим местом захода был Крайстчерч; здесь нам предстояло посетить лесопитомник, которым заведовал ревностный борец за охрану природы Джон Холэвей. Мы вновь увидели, какой ущерб наносят растительности опосумы, однако должны были, не задерживаясь, продолжить путь до Данидина, к гнездовью королевских альбатросов, охраняемому сотрудником Управления природных ресурсов Стеном Шарпом.

Королевские альбатросы — великолепные птицы, а на мысу Таиароа расположено единственное в Новой Зеландии гнездовье, посему его охраняют самым тщательным образом. Нам посчастливилось увидеть птенца, уныло восседавшего на кучке прутьев, изображающих гнездо, каким его представляют себе альбатросы. Пока мы обменивались впечатлениями, Стен спросил, не хотим ли мы поснимать желтоглазых пингвинов, чье гнездовье недалеко от Данидина тоже находилось под охраной. Эти пингвины были спасены от полного истребления благодаря решительным действиям Управления природных ресурсов — отличный пример того, как разумные меры могут помочь спасению вида, — однако УПР не удалось бы добиться успеха без поддержки общественности и местных фермеров, вызвавшихся быть общественными смотрителями заповедника. Гнездовье помещалось на берегу прелестной бухты достаточно далеко от города, чтобы проект их

спасения оказался осуществимым. Спуститься на пляж было достаточно просто, и мы разошлись в разные стороны в поисках птиц.

В конце концов Дарреллу удалось поймать одного из этих симпатичных пернатых со светло-желтой головой и ярко-желтыми глазами. Пока он тщательно рассматривал свой улов, Джим снимал его. Как только съемки кончились, пингвин живо взбежал вверх по склону и скрылся в своей норе.

— Такие красивые особи — большая редкость среди пингвинов, — заметил Даррелл. — УПР заслуживает самой большой похвалы за спасение желтоглазых.

Стен промолчал, но по его улыбке было видно, как он рад, что мы оценили его труды.

Неохотно простившись с этим милым, мягким человеком, мы направились в Национальный парк в районе озера Те Анау. Именно там надеялись мы поснимать такахе, хотя шансов на то, чтобы хоть мельком увидеть эту робкую птицу, было чрезвычайно мало. Оставив меня в роскошной правительственной гостинице на берегу озера, четверка мужчин села на маленький гидроплан, который должен был забросить их на озерко в глубине долины. Я отказалась лететь с ними по ряду причин, но главным образом потому, что надо было разобраться с полученной нами обильной почтой и отправить благодарственные письма множеству людей, оказавших нам содействие по ходу путешествия, что составляет немаловажную часть всякой экспедиции.

Все время, что мы находились в районе Те Анау, шел сильный дождь, горы были окутаны туманом. Даррелл все же увидел одну такахе, но снять ее они не успели.

У нас было условлено, что я встречу участников вылазки на другом берегу Те Анау. Из-за плохой погоды гидроплан не мог забрать их с верхнего окера, пришлось им пробираться вниз по крутому склону через влажный буковый лес, сжимая в руках камеры, пленку и походное снаряжение. К катеру, с которым я их встречала, вышла весьма унылая и мокрая компания. Я же, несмотря на работу с письмами, успела отдохнуть и готова была тотчас трогаться в путь, но Крис забастовал. Он жаловался, что они не увидели толком такахе, хуже того — не встретили даже ни одного горного попутая кеа, хотя нас уверяли, что их крутом видимо-невидимо.

Наслышавшись про кеа, Крис заявил, что не уедет из Новой Зеландии, пока не снимет этих птиц.

Поскольку нам уже не терпелось отплыть в Австралию, необъяснимая страсть Криса к этим «клоунам снеговых гор» грозила стать серьезной помехой для наших дальнейших планов. Новозеландцы очень тепло относят-

Д ся к кеа, исключение составляют фермеры, утверждающие, будто эти птицы нападают на ягнят, чтобы полакомиться их салом. Полное отсутствие доказательств таких нападений не мешает фермерам нещадно отстреливать кеа. А потому, если не охранять этих попугаев, они могут совершенно исчезнуть в некоторых районах.

— Единственное, кроме Те Анау, место, где можно попытаться увидеть кеа, — гора Кука к северу отсюда, — сказал Крису Брайен.

Сроки поджимали, а потому мы сломя голову помчались к горе Кука. Надо ли говорить, что мы не увидели там никаких кеа, и бедняга Крис совсем пал духом. Одна из горничных в тамошней гостинице услышала его сговора.

— Вы желаете поснимать кеа? — спросила она. — Почему не обратились ко мне? Они каждое утро прилетают к окнам нашей кухни, и я кормлю их на крыше.

— О нет... Это невероятно. Мы тут носимся кругом без толку, а она преспокойно заявляет, что они каждое утро садятся на крышу перед нашими окнами! Это уж слишком...

И в самом деле, на другое утро четыре потешных тучных зеленых попугая затеяли перепалку на крыше, вырывая друг у друга кусочки хлеба с маслом. Джим поспешил зарядить камеру и принялся снимать этих безалаберных пернатых, решительно не желающих вести себя так, как подобает уважающим себя попугаям. Кеа носились вокруг гостиницы, вскрывая клювом картонные коробки и творя прочие безобразия, даже попытались сорвать брезентовый верх с нашего «Лендровера».

— Теперь, дружище Крис, можем мы наконец отплыть в Австралию? — осведомились мы.

— Теперь я вполне счастлив, думаю, есть кое-какой материал для отличных программ.

Друзья из Управления природных ресурсов устроили для нас роскошную вечеринку, и нам лишь с огромным трудом¹ удалось вырвать Даррелла из их объятий, чтобы завершить сборы. Джим решил лететь в Сидней и ждать нас там, мы же расположились в каюте «люкс» на борту очаровательного старого парохода «Ванганелла» и пять дней усердно трудились, готовя сценарий нашего следующего, австралийского этапа.

¹ Поскольку в новозеландских учреждениях общепита приличной еды не получишь, неудивительно, что мне не хотелось расставаться с добрыми винами, вкусными запахами и веселой компанией. Бывают, однако, времена, когда моя супруга ведет себя как лишенный сана церковный староста и придерживается противоположных взглядов. Что я могу только объяснить тем, что она воспитывалась на пуританском севере Англии. — Дж. Д.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Капитан «Ванганеллы» настоял на том, чтобы мы поднялись на рассвете и полюбовались гаванью Сиднея, и должна сказать, что я не пожалела о раннем подъеме¹. Обычно, когда уроженцы той или иной страны восторженно описывают красоты своего края, действительность разочаровывает меня, но в данном случае вид на гавань с озаренным солнцем знаменитым мостом был великолепен.

На берегу нас встречали Джим Сондерс и австралийские представители издательства «Харт-Дейвис», Британского совета и Би-би-си. Таможенники были на редкость предупредительны, и не успели мы оглянуться, как уже катили по кипящему жизнью огромному Сиднею. Благодаря тому, что мистер Уильямс из Британского совета назначил встречу с прессой в своем офисе на вторую половину дня, у нас было несколько часов на то, чтобы собраться с мыслями. Представитель Би-би-си устроил для нас роскошный ленч, едва не лишившись при этом своей машины. Бедняга вызвался подвезти нас в ресторан, но мы почему-то не подумали о месте для него, и, пока наш отряд ехал в его машине, ему пришлось добираться до ресторана пешком. После ленча мы отправились в гостиницу, причем Крис сообщил, что это отель для трезвенников.

— Кой черт дернул тебя заказать места в цитадели трезвенников? — возмутился Даррелл.

— Здесь самые дешевые номера.

— Ты подумал обо мне и о моем желании мирно выпить стаканчик на закате?

— Ничего, — вступил Джим. — Можно что-нибудь пронести тайком.

— Конечно, и потом жевать перечную мяту, чтобы перебить запах.

И уж чего мы совсем не ожидали, так это того, что для входа в эти священные врата полагалось дать надлежащую подписку. К счастью, нам предстояло провести в этом отеле всего одну ночь, и мы решили хорошенько выпить за его пределами, прежде чем располагаться на ночлег.

Вид предоставленного нам «Лендровера» стал причиной еще одного нервного потрясения.

— Что это за чудовище? — дружно воскликнули мы.

¹ Тогда я, окруженный со всех сторон плечистыми, волосатыми, подозрительными австралийцами, вынужден был громко восхищаться открывшимся видом. На самом деле даже райские врата, подними вас кто-нибудь на рассвете любоваться ими, произвели бы, мягко говоря, удручающее впечатление. — Дж. Д.

Д

— Машина, на которой мы будем разъезжать по Австралии, — ответил Джим, хихикая.

— Да она и ста метров не протянет, ее место на свалке.

— Ничего не знаю, — посетовал Джим. — Таковую машину мне выделили в сиднейском гараже, а когда я возмутился, предложили обратиться в главное агентство в Мельбурне.

Мало сказать, что этот дряхлый рыдван давно пережил расцвет своей юности, он явно находился при последнем издыхании. Тем не менее мы втиснулись в кабину и поехали регистрироваться в гостинице. После чего начались самые кипучие сутки, какие когда-либо выпадали на мою долю. Пресса на сей раз вела себя отнюдь не благожелательно, мы даже начали огрызаться. Добавьте к этому бесконечное число людей, с коими нам «следовало повидаться», выражаясь словами Криса. У него явно сложилось впечатление, что Сидней дурно влияет на нас, потому что ему не терпелось вывезти нас из города. Мы так и не успели толком познакомиться с Сиднеем.

Для Криса Меккой была Канберра, федеральная столица, где помещался Отдел природных ресурсов УНПИС (Управления научных и промышленных исследований Содружества), и он вознамерился возможно скорее доставить нас туда. И надо же было нам, прибыв глядя на ночь в Канберру, обнаружить, что ни в одной гостинице нет мест, пришлось довольствоваться каким-то занюханным салуном из вестернов в десяти километрах за городом. Казалось, здесь только что побуянили индейцы; все же нам удалось кое-как выспаться.

По пути в город на другой день Крис просветил нас, с кем нам надлежит встретиться в Канберре, и предупредил, что лучше настроиться на нелегкий разговор с шефом УНПИСа Гарри Фритом, с которым он успел перекинуться парой слов по пути в Новую Зеландию. Австралийцы похожи на уроженцев Северной Англии — середины не признают — либо вы им нравитесь, либо нет. Если понравитесь, сделают для вас все возможное. Что весьма пришлось мне по душе после нескольких лет жизни в Южной Англии, где невозможно добиться от людей, что они думают на самом деле¹. Итак, мы входили в офис мистера Фрита, затаив дыхание. Все зависело от готовности этого человека сотрудничать. Не скажу, чтобы он был счастлив нас видеть, однако держался вполне учтиво, даже предложил присесть. Это был не тот деятель, с кем можно говорить обиняками и точить

¹ Моя жена, простая душа, не понимает, что уклончивость людей, коих она почему-то называет «южными бабочками», вполне обоснованна. Если бы они говорили ей то, что думают на самом деле, она, вероятно, предпочла бы больше никогда не разговаривать с ними. — Дж. Д.

лисы, занимая его драгоценное время, а потому Крис и Даррелл сразу же принялись излагать суть дела. Гарри Фрит молча слушал, иногда кивая и делая какие-то пометки, наконец подумал несколько секунд и сказал:

— Так вот, лично я готов помочь вам, чем могу, но не берусь заставить своих парней ради вас бросать свои дела, если они сами того не пожелают. У меня через несколько минут совещание, но я провожу вас на двор, где вы сможете познакомиться кое с кем из них. Если они скажут о'кей — с богом.

На «дворе» за зданиями офиса мы увидели просторные вольеры, где исследователи содержали млекопитающих — кенгуру, ехидн и прочих. Гарри Фрит познакомил нас с теми, кто занимался в основном кенгуру. Проблема выживания кенгуру — предмет самых тщательных исследований, и на долю УНПИСа выпала неблагодарная задача вынести вердикт за или против этих животных. Один из ведущих специалистов в области воспроизводства млекопитающих — доктор Джеф Шэрмен; именно энтузиазму и горячему желанию этого человека оказать нам содействие мы обязаны тем, что наша австралийская программа хоть в чем-то удалась. Встретившись в тот же день снова с Гарри Фритом, мы договорились, что 1 июня вернемся в Канберру, чтобы попытаться снять появление на свет кенгуренка. Прежде таких съемок не проводилось, Крис заранее ликовал, полагая, что эти кадры станут кульминацией всего сериала, и пообещал в благодарность за содействие предоставить УНПИСу копии всех будущих лент.

Весьма довольный собой, Крис снова щелкнул бичом, и вскоре мы уже сидели в Мельбурне у мистера Альфреда Батчера, главы Управления природных ресурсов штата Виктория. На пути туда наш престарелый «Лендронер» решил, что его отнюдь не прельщает перспектива участия в экспедиции. Задний дифференциал полетел, и только с помощью владельца одного местного гаража и проходящей полицейской машины удалось вернуть колымагу агенту в Мельбурне, который с великой неохотой согласился предоставить нам более молодое и надежное четырехколесное творение.

Тем временем мисс Айра Уотсон из УПР договорилась, к великой радости Даррелла, о нашем размещении в комнатах при одной пивной, чья владелица-англичанка почитала важнейшим делом своей жизни кормить постояльцев до отвала.

Целью нашей первой вылазки был заповедник в Шервудском лесу, недалеко от центра Мельбурна. Здесь удивительные птицы — лирохвосты — развлекали экскурсантов, устраивая пляски на кучках листьев и подражая пению других пернатых. Звезду ансамбля звали Скотти; он и впрямь скоро вышел к нам, охотно принимая угощение, однако упорно отказывался

Дсплясать перед камерой. Несколько холодных дождливых дней мы продолжали гоняться за Скотти, но он был непоколебим. Нам встретились три удивительно ручных кукабурры, а Джерри набрел на тучного индифферентного вомбата, похожего на объевшегося медом Винни Пуха, однако тот поспешил удалиться в свою нору при виде грязных ботинок Даррелла.

Крис совершенно пал духом, и Джим в отчаянии скрылся в гуще леса, сжимая в руках камеру и оставив нас дежурить с другой камерой у «танцевального зала» лирохвостов. Час спустя он появился снова, сияя всем лицом.

— Порядок, Крис, — доложил он. — Можешь не волноваться больше, я все снял. Запечатлел танцы не одного, а целых двух лирохвостов! Еще один маленький шедевр.

Крис отказывался поверить, пока пленка не была проявлена и он сам все не увидел.

— Чертовски здорово, Джим, — радостно выпалил он, и Джим был весьма доволен собой.

Разумеется, никакая программа об Австралии не могла обойтись без коал. Правда, мы не очень представляли себе, как отыскать их, не отвлекаясь от центральной темы, но нас снова выручила мисс Уотсон. УПР не один год занималось охраной милых зверьков, и бывшая угроза виду миновала. Зато возникла другая проблема — с увеличением численности коал стали страдать эвкалипты, чьей листвой они питаются. Самим коалам недоставало ума перебираться в районы с более пышной растительностью, а потому сотрудники УПР временами отлавливали небольшие группы и перевозили на новый участок, куда мы теперь и направились.

Нас очень интересовало, как именно ловят этих пухлых «мишек». Всякий, кто когда-либо пробовал поднять за шиворот медвежонка, знает, что ухватиться рукой трудно, а у коал особенно толстая шкура. Однако некий мудрец придумал способ, причиняющий мишке минимум неудобств. Главное, найти дерево, где сидят коалы. После чего следует вооружиться длинным раздвижным шестом с петлей на конце. Коалы — поразительно доверчивые создания, они совсем не сопротивляются, когда им надевают петлю на шею. Разумеется, фиксирующий узел не дает петле затянуться слишком туго и удушить добычу. Пока один человек орудует шестом, другие держат внизу наготове брезент, играющий роль ловчей сети. Рывок — и мишка падает, живой и невредимый, на растянутую сеть. После чего его миглом отправляют в транспортную клетку. Все делается так быстро, что коалы не успевают сообразить, что происходит. Мы поймали около десятка коал разной величины, и, хотя они выглядят такими милыми и безобидны-

ми, Дарреллу, когда он после задумал помочь тучному экземпляру влезть на дерево на новом месте, довелось на себе испытать, какие у этих зверьков острые когти. Главный враг туповатых коал в наши дни — лесные пожары: они продолжают цепляться за свое дерево, пока не превратятся в угольки. Ужасный конец для такого обаятельного и мирного существа.

В штате Виктория на нашу долю выпала привилегия увидеть еще одно животное, которое долго считалось вымершим. Я говорю о крохотном млекопитающем — опоссуме Ледбитера. Два этих маленьких зверька содержались в лаборатории УПР в Мельбурне, но нам очень хотелось побывать на участке их обитания в Данденонге. Расположение этого участка — великий секрет, но мы опасались, как бы случайный лесной пожар не уничтожил всю популяцию. Не припомню, чтобы я, даже в разгар английской зимы, мерзла так, как в ту холодную осеннюю ночь, когда мы рыскали в зарослях, стараясь уловить звуки движения зверьков среди ветвей. Мы вооружились фонариками, в свете которых сразу увидели бы искомое. Нам попадались и другие опоссумы, и летяги, только опоссумы Ледбитера не показывались, и мы уже потеряли всякую надежду на успех, когда наш проводник вдруг остановился и поднес палец к губам, призывая соблюдать полную тишину, после чего направил яркий луч на дерево поблизости, и мы увидели на ветке сидящего неподвижно и глядящего на нас Ледбитера. Он показался мне чем-то вроде помеси белки и галаго, и его нисколько не смущало внимание таращившихся людей. Мы даже забыли о необходимости стоять тихо. Внезапно зверек пискнул и скрылся в листве.

— Ну как, Крис, стоило померзнуть ради такого зрелища? — спросил Даррелл.

Крис был не в состоянии говорить, и лишь когда мы перед горящим каминном в хижине согрелись горячим чаем с виски, нам удалось выжать из него несколько слов.

— Чудесно, чудесно, — через силу вымолвил он. — Отличный сюжет для нашего сериала.

В гостинице нас ожидал такой холодный номер, что Джерри разделся только после того, как забрался под одеяло. Под конец пребывания в штате Виктория мы посетили заповедник Хилсвилл, которым долго руководил великий австралийский натуралист Дэвид Флей. Теперь им заведовали Билл Гэскинг с супругой. Хотя весь день шел проливной дождь, нам удалось снять отличные кадры, запечатлеть вомбатов, коал и утконосов; увидели также замечательную клетку для лирохвостов, подаренную заповеднику Королевским автомобильным клубом. Однако сильнее всего врезалась в мою память картина следов недавнего лесного пожара, едва не

Д

уничтожившего весь заповедник. Несмотря на отчаянные усилия сотрудников, несколько кенгуру получили сильные ожоги, и лишь заботливый уход помог им оправиться. Мы в Европе часто слышим про лесные пожары в Австралии, но только увидев обугленные деревья и погибших животных, постигаешь весь ужас этого бедствия, причем трагедия состоит в том, что в большинстве таких пожаров повинны беспечные субъекты. Ущерб, причиняемый людям и животным, не поддается измерению, неудивительно, что виновных ожидает суровая кара.

Каким-то образом нам удалось в срок поспеть в Канберру, к Джэфу Шэрмену и его беременной кенгурихе Памеле, однако она посчитала, что время рожать еще не пришло, и мы удалились ждать сигнала в роскошный мотель поблизости. Это было почти все равно что ждать появления на свет собственного младенца, и при каждом движении Памелы мы хватались за камеры. Два дня она тянула с родами, и наши мужчины одну ночь провели у ее загона, готовые в любую минуту начать съемку. Подозреваю, что вся Канберра знала о наших переживаниях, потому что мы метались туда и обратно как одержимые. Надо ли говорить, что роды начались, когда мы все сидели в мотеле. Никогда еще отряд киношников не срывался с места с такой скоростью. В своем загоне Памела присмотрела удобный уголок и тщательно чистила сумку, прислонясь спиной к ограде. Не успели мы оглянуться, как крошечный кенгуренок явился на свет и начал карабкаться вверх по маминому животу, пока не добрался до сумки, где тотчас захватил ртом сосок. Казалось просто невероятным, каким образом этот слепой детеныш, почти еще эмбрион, ухитрился без всякой помощи со стороны матери найти дорогу через густой мех. А родительница, занятая приведением себя в порядок, не обращала никакого внимания на своего нового отпрыска.

Мы снимали роды двумя камерами, и все были довольны результатом. Кенгуренок Босуэлл, успев с тех пор стать красивым серым самцом, прославил английское телевидение. Впервые широкий зритель смог наблюдать на экране рождение кенгуру.

Желая познакомить нас с еще одной стороной своей работы, Гарри Фрит и его помощник Бивен Браун предложили нам посетить овцеводческую ферму по соседству с маленьким городом Гриффит, принадлежащую одному другу Гарри, который помогал УНПИСу исследовать вопросы регулирования численности кенгуру. Катя по пыльной дороге, мы на каждом шагу видели крупных серых и рыжих кенгуру и эму, попадались в наше поле зрения и лисы. В воздухе над нами кружили с криками попугайчики и какаду; я сразу вспомнила пампасы Аргентины. Гарри и его люди смеете-

рили специальную ловушку для кенгуру, чтобы надевать воротнички, позволяющие следить за их передвижениями. Мы провели малоприятный час, гоняясь по равнине на «Лендроперах» за кенгуру и снабжая их метками.

Район Гриффита в Новом Южном Уэльсе примечателен еще и тем, что там находятся заросли акации и эвкалипта, служащие местом обитания глазчатой курицы, похожей на индейку крупной птицы, которая откладывает яйца в сооруженный самцом «инкубатор» в земле, причем самец же регулирует температуру в «инкубаторе». По пути к заповеднику глазчатых кур мы увидели распятых на колючей проволоке молодых орлов-клинохвостов. Этих несчастных птиц, подобно кеа в Новой Зеландии, отстреливают охотники, уверяющие, что они уносят ягнят.

После этой вылазки Крис решил, что нам необходимо отправиться в Квинсленд к Дэвиду Флею, управляющему заповедником в районе Берли-Хедс, у самой границы Квинсленда и совсем близко от популярных у австралийских любителей серфинга пляжей Золотого Берега. Джерри не один год рассказывал мне об этом человеке, посвятившем свою жизнь охране природы Австралии и преуспевшем в выращивании в неволе утконосов.

С первой минуты их встречи было очевидно, что Даррелл и Флей родственные души, и вскоре они были всецело поглощены обменом мнениями о проблемах дикой фауны и ее выживания во всем мире.

Мы с Крисом воспользовались случаем прокатиться в Брисбейн за деньгами. Несмотря на осень, в Квинсленде царила чудесная погода, и было так приятно отогреться после студеной Виктории и холодных ветров Канберры. Джим, пользующийся каждой возможностью улизнуть, когда Парсонс был занят чем-то другим, провел день на пляже и едва не был съеден акулами.

Мы провели несколько изумительных дней в обществе Дэвида Флея и его жены Ингрид, и они с удовольствием показывали нам своих подопечных. Прежде всего мы увидели колонию коал, в том числе детеныша, который был крайне недоволен, когда его извлекли из маминой сумки, и поспешил вернуться туда, как только Дэвид выпустил малютку. Один эму-альбинос с ходу проникся великим расположением к Дарреллу и следовал за ним по пятам, влюбленно заглядывая ему в лицо из-за спины, даже попытался убедить его помочь насиживать лежащие в гнезде большие яйца. Но самой яркой персоной в коллекции Дэвида был властный молодой казуар по имени Клод; он чувствовал себя хозяином в загоне и меткими пинками отгонял кенгуру, мешающих его прогулкам.

Д

Главной прелестью коллекции Флеев я назвала бы то, что все животные были ручные и сразу узнавали Дэвида. Даже утконос (а эти животные известны своим строптивым нравом) позволял ему брать себя на руки. В подвале дома Дэвида помещалась отличная коллекция рептилий, а также несколько выращенных им мелких млекопитающих. Дэвид Флей — один из немногих австралийцев, кто вопреки равнодушию, а то и враждебности фермерских кругов всей душой отстаивает право дикой фауны на существование наряду с овцами и крупным рогатым скотом.

Мне было грустно, когда съемки кончились, и мы оставили Криса и Джима наслаждаться заслуженным отдыхом, а сами помчались в Сидней, чтобы поспеть на пароход, идущий в Сингапур. В Сиднее нас опять перехватила пресса, и на этот раз мы были во всеоружии, рассказали, как нам понравилась страна и ее фауна, чем немало удивили большинство журналистов.

Прибытие в Малайзию сильно отличалось от нашего появления в Новой Зеландии и Австралии. Сойдя на берег в Сингапуре, мы обнаружили, что Крис и Джим оторвались от усадьбы Большого Барьерного рифа, чтобы встретить нас. Крис даже разрешил нам задержаться в городе на целые сутки, что, впрочем, нас не так уж обрадовало — в Сингапуре царила жара, и город страдал от нехватки воды.

Даррелл был счастлив снова оказаться в тропиках; он всегда мечтал посетить Малайзию, в основном потому, что много хорошего слышал об этой стране от друзей. На дамбе, отделяющей Сингапур от материка, не обошлось без небольшого происшествия: наш «Лендровер» едва не остался без колеса, но британские военные вовремя пришли нам на выручку. Ближе к вечеру нас ожидал прием в офисе британской прессы в Куала-Лумпуре, однако на полпути туда полетел один сальник, и со скоростью десять километров в час мы с трудом доковыляли до маленького городка, где хозяин китайского гаража подремонтировал машину. В итоге мы прибыли в малайзийскую столицу с большим опозданием и на прием не попали.

Нас разместили в роскошной гостинице с кондиционером, с ванными в каждом номере. И кормежка была отличная — на выбор европейские и китайские блюда. Джим упрямо заказывал только мясо с двумя видами овощей, тогда как мы трое позволяли себе вкушать более экзотические блюда. Джим постоянно подозревал, что местные жители стоворились его отравить, и, хотя оставался верен европейской кухне, достучался-таки до легкой дизентерии.

Наша гостиница, судя по всему, служила центром притяжения для китайской общины, посему я великодушно вызвалась сидеть в ресторане спиной к залу, чтобы наши трое мужчин могли без помех глазеть на входящих китайок¹. Я всегда знала, когда появлялось очередное экзотическое создание, потому что в ту же секунду разговор за нашим столом прекращался и три головы, три пары глаз обращались в ту сторону. Европейские женщины явно не смотрятся в Малайзии, да и вообще на Востоке: не тот климат², да и грациозностью они не идут в сравнение с местными дамами. Однажды мы поднимались в лифте вместе с одной малайзийкой, так Джима и Криса едва не расплющили закрывающиеся двери, когда они жадно провожали ее глазами. Увидев на другое утро ту же особу в обществе уродливого европейца, они были поражены.

— Чем таким он обладает, чего мы лишены? — пробурчал Джим.

— Деньги? — предположила я.

Еще одна черта Куала-Лумпура, привлекавшая внимание наших мужчин, — обилие массажных кабинетов, как здесь для отвода глаз называют бордели. Правда, сколько я их ни подбадривала, ни один не решился прошерить, что кроется за вывеской³.

Еще до прибытия в Малайзию мы с Джерри предупредили Криса, что чиновники в тропиках — совсем не то что их собратья в умеренном поясе. Он пообещал не лезть на стену и не беситься, если возникнет какая-нибудь лиминка, но когда по истечении полутора недель еще не было снято ни одного метра пленки, Крис уже собрался покончить с собой. Однако тут наметился наконец просвет, и мы решили отправиться в Национальный парк Таман Негара, расположенный на стыке штатов Келантан, Паханг и Тренгану. По отличным дорогам мы доехали до небольшого города Куала-Липис на реке Джелай, где старший охотинспектор предложил нам свой катер, который и доставил нас вверх по реке в Национальный парк площадью свыше 400 тысяч га. Куала-Липис не так уж мал, в нем есть современного вида банк и кинотеатр, и мы переночевали здесь в не очень приглядном рестхаузе. На другой день рано утром пришел местный катер, и мы помчались по реке с умопомрачительной скоростью. Джим, купивший шляпу армейского типа, сидел рядом со мной на носу, когда внезапный порыв ветра лишил его головного убора. Он совершенно серьезно уверял, что даст дуба от солнечного удара, и мы пообещали, что купим ему узорный тропический

¹ В жизни никогда не глазел на женщин. Разве что подмигну или как бы невзначай уроню толстый бумажник. — Джс. Д.

² Европейские женщины нигде не смотрятся, включая Европу. — Джс. Д.

³ Беспардонная ложь. — Джс. Д.

Д шлем, когда вернемся в Куала-Лумпур... Вскоре, миновав излучину, мы увидели на высоком берегу деревушку, и рулевой решил причалить, чтобы кого-то навестить. Джим обрадовался и возвестил, что пойдет с ним, поищет себе шляпу. Не обращая внимания на наш саркастический хохот, он полез наверх, пообещав принести попить чего-нибудь холоденького. И пристыдил нас, вернувшись минут через десять в шляпе, держа в руках четыре бутылки кока-колы со льдом. Где-то в гуще глинобитных хижин он отыскал крохотную лавку с холодильником и широким выбором головных уборов.

Затем возвратился и рулевой, и мы продолжили плавание. Миновали пасущихся на мелководье буйволов, несколько туземных хижин. Наш катер разработанной в Новой Зеландии конструкции лихо форсировал пороги.

Вот только плавающие на поверхности воды листья тормозили, наматываясь на винт, и бедняге-рулевому пришлось раза четыре вылезать в реку, чтобы освободить его.

Казалось, мы находимся в пути уже не один час, и, хотя рулевой снова и снова твердил, что рестхауз находится за следующим поворотом, мы начали терять надежду, что сегодня доберемся до цели, когда наконец все же увидели вдали приметное здание. Тут, ко всему, хлынул проливной дождь, какой бывает только в тропиках. Естественно, надо было уберечь от дождя не нас, а аппаратуру, так что мы промокли насквозь.

На пристани нас встретила толпа носильщиков, оспаривающих друг у друга честь нести наш багаж, сами же мы ринулись вверх по ступенькам к тропе, ведущей к зданию рестхауза. К нашему ужасу, оно было наводнено отрядом английских школьников, прибывших из Куала-Лумпура, чтобы всласть побродить по Национальному парку. Правда, среди них оказались толковые ребята, которые поделились с нами тем, что знали о парке и о Малайзийской федерации.

Старший охотовед пригласил нас к себе, чтобы обсудить наши планы. Очаровательный старый бродяга, страшась своего босса в столице, он всячески старался помочь нам. Поручил одному из объездчиков сводить нас в джунгли на другой день, чтобы показать места засидок, и пообещал предоставить в наше распоряжение катера, чтобы мы могли продолжать вылазки вверх по реке и исследовать притоки. Не знаю даже, кто из нас двоих — Джим или я — с большей тревогой думал о предстоящих вылазках. Оба мы не любили тропики, к тому же я в тропических лесах страдаю клаустрофобией, чего не скажешь о пиявках. Мы приняли все меры предосторожности, надели на ноги надлежащую обувь, призванную защитить их от пиявок, но стоило выйти за пределы территории, прилегающей к рестхау-

ду, как на нас нападала целая армия. Даррелл справлялся с пиявками двумя способами — прижигал сигаретой или посыпал солью. Тем не менее они ухитрились отыскивать какие-то лазейки, в чем мы убеждались, разделившись по возвращении в рестхауз. Изю всех тварей, населяющих тропические чащи, эти, на мой взгляд, самые отвратительные. Особенно жуткое впечатление производит обилие крови, когда вы отрываете пиявку от себя; можно подумать, вас всего изранили. Во время одной вылазки пиявка таки добралась до моей ноги, и, поскольку на мне были узкие джинсы, пришлось раздеваться, избавляясь от нее, к великому удовольствию жестоких мужчин.

Снова главные страдания выпали на долю Джима. На сей раз ему было поручено часами дежурить в тесной засидке, подстерегая бродящих в джунглях носорогов. К счастью, гиббоны скрашивали монотонное ожидание. Они всюду возникали на деревьях над нами, весело прыгая с ветки на ветку и громко перекликаясь.

Туземцы дали им звукоподражательное прозвище вах-вах; мне гиббоны показались самыми симпатичными из всех обезьян. В Куала-Лумпуре мы познакомились с одним голландцем, который держал черного гиббона (он же — сиаманг), предоставив ему в доме полную волю. Право, мне кажется, что гиббоном он дорожил больше, чем своими детьми. Избалованный любимчик катался вместе с хозяином по городу в его машине и очень любил сигналить.

Занимаясь съемками на реке, Крис и Даррелл однажды застряли с катером на отмели. Выбравшись на берег, они обсуждали варианты дальнейших съемок, когда увидели вдруг плывущую в их сторону большую королевскую кобру. Оба замерли, а змея, подплыв вплотную и рассмотрев людей, испуганно остановилась и поспешно направилась в другую сторону. Естественно, Крис испытал легкое потрясение, что же до Джерри, то он потом приводил этот случай как пример того, насколько змеи боятся людей. На той же реке нам встретился олень, очаровательное маленькое создание величиной с собаку; мясо оленька высоко ценится лесными жителями. Иногда, покинув качающиеся ветки прибрежных деревьев, над нами проносились ярко окрашенные птицы-носороги, а вот крупные млекопитающие упорно сторонились нас, что весьма сильно расстраивало Криса.

Следующий этап киноэкспедиции должен был привести нас на восточное побережье Малайзии, где в районе города Дунгун находятся последние в мире «ясли» огромной кожистой черепахи. Малайское общество естествоиспытателей убедило правительство помочь с организацией заповедника. Безобидные великаны из года в год возвращались к здешнему берегу, что-

Д бы старательно вырыть гнезда в золотистом мягком песке и отложить в них яйца — только затем, чтобы местные жители откопали их и продали любителям деликатесов. Словом, без энергичных мер защиты этим черепахам грозило вымирание. А потому за два года до нашего приезда большой участок берега был объявлен заповедным; туда-то мы и направились.

По пути в Дунгун нам предстояло переправиться через несколько больших рек на паромах, производивших весьма ненадежное впечатление, которое подтверждалось тем, что недавно один такой паром затонул вместе с автобусом, полным пассажиров. К счастью, мы проделали весь путь без происшествий, и в Дунгуне нас встретили директор рыбного хозяйства и его помощник. В свою очередь, они познакомили нас с малайцем, коему принадлежало право на сбор черепаших яиц, и тот разрешил нам снимать на пляже. От него мы узнали, что черепахи выходят на берег ночью и что очень важно не беспокоить их, пока не начнется кладка, иначе самка уплывет и может вообще больше не вернуться.

Поздно вечером мы спустились на пляж с мощными фонарями. Брести по берегу, погружаясь по щиколотку в мягкий песок, с тяжеленным грузом, при температуре воздуха около тридцати градусов — не самое приятное времяпрепровождение, когда вас окружает тропическая ночь. Казалось, мы прошли не один километр, прежде чем наконец очутились у цели.

— Живей, живей, — поторапливал нас Крис. — Не мешкайте, мы должны быть готовы к решающему броску, как только получим сигнал.

— Есть, сэр! — дружно отзывались мы.

И вот мы терпеливо ждем сигнала, кое-как отбиваясь от пикирующих комаров; как всегда, было похоже, что они избрали меня своей главной мишенью.

— Скорей, сюда! — прокричал кто-то в ночи. — Черепахи приплыли.

Стараясь не шуметь, мы побрели на голос.

— Самка здесь, — сообщил малаец. — Теперь ждите тихо, пока не начнется кладка... Есть!

Тотчас загорелся яркий свет, и как только наши глаза привыкли к нему, мы увидели кожистую черепаху. Огромное неуклюжее создание, пыхтя и кряхтя на жаре, опускало в яму целую очередь яиц, похожих на мячики для пинг-понга. При этом из глаз черепахи струились густые слезы. Наконец кладка завершилась, и самка принялась засыпать их песком. Мощные задние лапы утапывали его; в заключение она накрыла гнездо своим могучим, почти трехметровым телом, чтобы окончательно утрамбовать песок. Посчитав, что яйца надежно скрыты, тяжелая рептилия медленно поползла к воде, работая передними лапами и оставляя след, как от

банка. Добравшись до воды, поспешила окунуть голову, словно желая освежиться, затем вся погрузилась в море, и только поднятая ластами темная волна сказала нам, где она нырнула.

Между тем хозяин пляжа уже начал откапывать яйца, но на сей раз не для продажи гурманам, а чтобы перенести их на участок, огороженный проволочным забором. Днем этот участок можно было принять за небольшое воинское кладбище: над каждой ямкой с яйцами высился простой деревянный крест, на котором была записана дата кладки и количество яиц. Пройдет несколько недель, и из песка на поверхность выберутся очаровательные черепашата, расписанные аккуратными полосками. Их соберут, поместят в ведро с водой и на катере рыбхоза отвезут в море подальше от этой зоны, где обычно малышей подстерегают хищники.

Пока еще рано судить, насколько эффективны охранные меры, но начло сделано, кожистые черепахи спасены от полного истребления.

Наш продюсер развил кипучую деятельность, и мы продолжали двигаться на север — сперва до города Ипох, где собирались встретиться с орнитологом Джеффри Алленом и его женой. Они хорошо знали местную флуну и обещали показать нам летучего дракона. Аллены очень тепло приняли нас, всячески обихаживали и разрешили разместить в их саду всевозможную аппаратуру для съемок летучего дракона. На первый взгляд — инцирица как ящерица, но это лишь до той минуты, когда вы рассмотрите тонкие перепонки на ребрах, которые расправляются, уподобляясь крыльям, когда дракон легко перелетает с дерева на дерево. Я даже не знаю, кто испытал большее облегчение, когда кончились съемки этого сюжета, — то ли несчастное животное, кое мы снова и снова заставляли совершать полет, то ли наша бригада. Да и после того мы не получили передышки: Джим Сондерс принялся снимать цикад, пауков, рогатых жуков и прочих насекомых, кому не повезло стать предметом его внимания.

— Это все необходимо для общего антуража, — твердил Крис.

Джеффри Аллен неосторожно рассказал Крису о каких-то интересных тварях еще дальше на севере, в районе Тайпинга, но на сей раз мне было позволено отдыхать, и я осталась у Алленов, пока мужчины отправились за новыми сюжетами. Мы с Бетти Аллен отлично поладили, и я бродила с ней по лесу, где она фотографировала интересующие ее растения. Нам было так хорошо вместе на воле, что я даже огорчилась, когда мужчины возвратились и повезли меня обратно в столицу.

Мы были глубоко тронуты тем, как тепло и радушно нас принимали везде в Малайзии, и все же мне очень хотелось снова очутиться на безбрежных просторах саванны Восточной Африки.

Джим и Крис улетели домой, и после стольких недель совместной работы было как-то странно оказаться только вдвоем; нам по-настоящему не хватало их. Однако вести о недомогании матери Джерри и о каких-то неладах в зоопарке вынудили и нас срочно изменить свои планы и возвращаться в Англию, отложив на другой раз экспедицию в Африку. При помощи сотрудников нефтяной компании «Шелл» нам удалось получить каюту на одном из пароходов «Глен Лайн», и я не помню другого плавания, которое доставило бы мне столько удовольствия, сколько эти пять недель в море. До чего же приятно было плыть свободной от необходимости пестовать коллекцию животных! Правда, мы сумели приобрести в Малайзии трех белок и четырех висячих попугаев, но уход за ними казался пустяком, если вспомнить наши проблемы на пути домой из Африки и Южной Америки. Это плавание я сравнила бы с чудесным отпуском.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дома нас встречали друзья и мать Джерри, но запущенный вид зоопарка потряс нас. Несмотря на рекордное число посетителей, с деньгами дело обстояло совсем плохо, становилось очевидно, что пришло время нам самим брать в руки бразды правления. Чтобы вернее оценить состояние дел, мы поручили нашим бухгалтерам проверить работу администрации и ежедневные текущие расходы. Результат подтвердил самые худшие ожидания. Не говоря уже о финансовых осложнениях, кое-кто из самых ценных сотрудников настроился уходить.

Поскольку ни Джерри, ни я ничего не смыслили в финансах, требовалось найти человека, способного навести порядок в нашем хозяйстве.

Без особой надежды мы поместили в местной газете объявление, и, к нашему удивлению, нас засыпали предложениями. Были среди них совсем неприемлемые, но знакомство с миссис Уэллер все решило. Страшно подумать, что было бы с нами без такой помощницы: она взялась вести все административные дела, предоставив нам без помех заниматься животными. Мы будем вечно перед ней в долгу. Медленно, но верно она навела порядок, и при помощи наших многочисленных друзей все наладилось. Доброта и поддержка, оказанные нам в это тревожное время, поразительны.

С легкой руки одного нашего друга удалось заинтересовать делами зоопарка группу влиятельных деятелей, и Джерри решил, что пришла пора осуществить давнюю мечту — учредить трест охраны животных, общест-

ичную организацию со своим консультативным советом. Цель треста — сосредоточиться на содержании и размножении некоторых из бесчисленного множества животных, которым грозит полное уничтожение. Идея смелая и амбициозная, но ее охотно подхватили люди, играющие теперь важную роль в жизни Джерсийского зоопарка.

По совету экспертов было решено, что прежде всего следует погасить задолженность в размере пятнадцати тысяч фунтов и начинать с чистого листа. Тут неоценимую помощь оказала нам джерсийская «Ивнинг пост». Газета поместила письмо, подписанное двенадцатью связанными с зоопарком видными деятелями, и оно вызвало неслыханный отклик. Мы получали пожертвования размером от тысячи фунтов до карманных мальчишеских пенсов, но больше всего тронули нас пять гиней от сотрудников зоопарка.

Снова проявилась замечательная щедрость джерсийцев, которые и прежде предлагали нам бесплатно овощи, фрукты и мясо. Мы быстро приближались к поставленной цели. Сам Джерри отказался пользоваться поступающими в трест средствами, чтобы рассчитаться с собственным долгом в двадцать тысяч. Поскольку он всецело зависит от того, что получает за книги и телевыступления, ему предстояло не один год рассчитываться с кредиторами. Многие называли его глупцом, но Джерри был убежден, что только так может он, на радость будущим поколениям, спасти некоторые виды фауны.

Надо было готовиться к новому сезону. Химический концерн Ай-си-ай любезно вызвался нам помочь с текущим ремонтом, и мы трудились, не жалея сил, чтобы зоопарк похорошел и стал более привлекательным для посетителей. Словом, забот о будущем зоопарка хватало, а тут еще Джерри постиг тяжелый удар — его мать внезапно умерла от разрыва сердца. Это явилось для нас большой потерей, потому что миссис Даррелл была из тех редких людей, к которым все с первого взгляда проникаются симпатией. Без нее в доме стало очень тоскливо. Хорошо еще, что в эти дни к нам на время вернулась Софи и взяла на себя секретарские обязанности. Обращение двенадцати сделало свое дело, трест все прочнее становился на ноги, и наша коллекция получила кое-какие пополнения. Правительство Новой Зеландии подарило нам двух туатар и две пары кеа; Джерри купил пару молодых орангутанов; от одного торговца животными мы получили в обмен на менее редкие экспонаты очкового медведя по кличке Педро, совершенно обаятельное создание, ставшее одной из главных достопримечательностей нашего зоопарка.

Пока мы сражались со своими проблемами, Крис трудился над телесериалом, названным по предложению Джима Сондерса «Двое в буше». Ма-

Д материал был великолепный, притом в таком количестве, что Крис был готов сделать семь серий вместо задуманных шести, сделав рождение кенгуренки кульминацией сериала. Таким образом, наряду с прочими делами Дарреллу надлежало сочинить живой комментарий, и он часами просиживал в затемненном офисе, снова и снова прокручивая сырые копии, пока они нам не осточертели. Требовалась срочная помощь, и Крис прибыл на Джерси¹.

Воспользовавшись его присутствием, мы стали обсуждать идею нового фильма. Изначальным автором идеи был Ларри, он изложил ее нам, когда годом раньше мы гостили у него в районе Камарга, где выращивают известных бойцовскими качествами быков. Сами французы устраивают только игры с быками, не убивая их. Во многих селениях и городах Прованса есть арены, иногда это сохранившиеся до наших дней древнеримские амфитеатры, иногда просто круглые площадки, где в определенное время года каждый уик-энд собираются энтузиасты, чтобы не хуже футбольных болельщиков бурно реагировать на подвиги своих фаворитов. Суть игр состоит в том, что от двенадцати до двадцати молодых парней должны исхитриться выдернуть помещенные между рогами быков красные кокарды, стараясь при этом самим не попасть на рога. Игра продолжается двадцать минут, и, если быку удастся сохранить все кокарды, в честь победителя исполняют увертюру из «Кармен», и престарелая корова сопровождает его к выходу с арены.

Ларри не сомневался, что этот сюжет годится для прекрасного документального телефильма, поскольку в нем было все, чего может себе пожелать продюсер: путешествие, краски, возбужденные толпы, арена с быками и никакого кровопролития. Джерри зажегся и даже сочинил предварительный вариант сценария, чтобы Крис показал его начальству. А потому Крис во время краткого визита на Джерси то работал в затемненном офисе на первом этаже, то поднимался в наши неубранные апартаменты наверху, чтобы допоздна обсуждать проект фильма о быках.

Наконец сопроводительный текст к «Двоим в буше» был готов, и мы назначили день, когда прибудем в Бристоль для записи. К этому времени у нас возникли опасения по поводу здоровья Даррелла, и мы ничуть не удивились, когда в разгар звукозаписи у него от какой-то таинственной аллергии начали распухать руки.

А издатели Джерри уже требовали новой книги. Он несколько раз брался за «Поместье-зверинец», но не так-то просто сосредоточиться на со-

¹ Поскольку у Криса весьма своеобразные представления о помощи, легче от его прибытия не стало, скорее наоборот. — Дж. Д.

чтении веселого, беззаботного текста, когда тебя со всех сторон осаждают проблемы, связанные как раз с тем предметом, который ты описываешь. Не будь нас с Софи, он все испортил бы; никогда еще я не испытывала такого горячего желания написать всю книгу за него. Когда наконец была поставлена точка, мы были не в восторге от результата. И оказались в меньшинстве, потому что книга пользовалась огромным успехом. Ее издавали выпусками в Англии и в США, в других странах тоже печатали отрывки, и Би-би-си отвело ей (как и предыдущим книгам Даррелла) место в своей программе «Чтение на ночь».

Громадным успехом пользовался и телесериал «Двое в буше», что особенно нас обрадовало, учитывая, сколько труда в него вложили Джим и Крис. Как мы и надеялись, большое впечатление произвело на зрителей рождение кенгуренка.

Тем временем Крис порадовал нас известием, что идея фильма о быках одобрена, однако ему требовалось лично побывать в Камарге, познакомиться с обстановкой. Мы были только рады взять его с собой на разведку. В зоопарке дела шли гладко, главные трудности преодолены, так что можно было спокойно отлучиться на две-три недели.

А потому мы втиснулись в наш мини-фургон и понеслись как сумасшедшие через восхитительную французскую провинцию до Нима, где Дирри заказал для нас номера в очень милом отеле. После чего две недели мы разъезжали по Камаргу, посещая игры с быками, осматривая быков разного возраста, знакомясь с людьми, чья помощь могла нам понадобиться, и изучая обстановку для будущих съемок. Крис был в восторге и мечтал снять цветную ленту, однако все упиралось в деньги. Он надеялся решить этот вопрос, когда вернется в Бристоль.

Пусть даже вопрос еще не решился окончательно, мы немного отдохнули от забот, связанных с зоопарком, а когда возвратились на Джерси, оказалось, что дела идут вполне нормально.

— Знаешь, — сказал Джерри, — мне кажется, все работают куда лучше, когда меня нет.

Его слова меня весьма порадовали.

— Вот и хорошо, тогда нам, может быть, стоит почаще выезжать и проводить время по своему усмотрению, — предположила я.

В ответ он только крикнул.

Спустя недели две Крис торжественно сообщил, что идея фильма о быках утверждена, вот только на цветной вариант денег не хватит, и снова прибыл на Джерси обсудить с Джерри сценарий. Крис полагал, что понадобятся три вылазки в Камарг — весной, летом и зимой, и хотя на первых

Д двух этапах он вполне мог обойтись без нас, предпочел бы, чтобы мы участвовали на заключительном этапе. Я была всецело за, меня устраивал всякий повод отведать французской кухни и вин и ненадолго отлучиться из зоопарка! Когда ты заточен в границах зверинца на маленьком острове и круглые сутки обязан быть наготове куда-то бежать, поневоле потянет куда-нибудь уехать. Даже Даррелл, всей душой преданный своему зверю, согласен со мной. К тому же небольшая передышка позволяет лучше осмыслить проблемы и привести в порядок нервы, так что с совестью вполне можно поладить, когда физический акт отъезда сочетается с убедительным основанием для такового.

Тем временем и прочие дела шли на лад. Джерсийский трест охраны животных обрел реальные формы; ежемесячно заседали учредители треста, собирался Совет; два члена Совета вошли в администрацию зоопарка, что малость облегчило бремя ответственности и забот Джерри и Кэт Уэллер. Тем не менее Даррелл с головой уходил в работу в тресте и зоопарке, постоянно был окружен людьми, и нам редко удавалось поговорить с ним о чем-то другом. Я начала потихоньку ненавидеть зоопарк и все с ним связанное. Наша квартира превратилась во второй офис с бескончаемым потоком посетителей. В конце концов я взбунтовалась и добилась от Даррелла обещания, что все вопросы, касающиеся треста и зоопарка, будут обсуждаться только в офисе внизу, а наша обитель останется тихой гаванью, где можно будет отдыхать без помех. Увы, обещание — обещанием, а у меня частенько было такое чувство, будто я вышла замуж за зверинец, а не за человека.

Пытаясь сохранить в неприкосновенности хоть частицу нашей личной жизни, я вышла из Совета и из администрации, после чего принялась лихорадочно соображать, как бы вырваться на волю. И тут пришел на выручку Крис:

— Послушай, Джерри, почему бы нам не совершить еще одно путешествие, пока не померкло сияние «Двоих в буше»?

— Дружище, я всей душой за, но где такое место, которое уже не отрицано другими или не потребует слишком долгих приготовлений? Скажем, я был бы счастлив еще раз отправиться в Аргентину, но на организацию такой экспедиции уйдет не меньше четырех месяцев. Гвиана тоже заслуживает внимания, но там продолжаются политические стычки, а я сыт по горло тем, что довелось испытать в Парагвае, предпочитаю держаться подальше от такого рода смут. Индия тоже потребует долгих приготовлений, остается, по сути, только Западная Африка, а я уже написал три книги о тех краях, не могу снова ехать в Камерун. Что ты предлагаешь?

Последовала небольшая пауза (разговор шел по телефону).

— Ну, кажется, ты как-то раз называл Сьерра-Леоне.

— Допустим, и когда ты хотел бы отправиться в путь?

— Во всяком случае, не раньше февраля, и я должен вернуться к маю, чтобы закончить работу над фильмом про быков.

— Ты не очень щедр на сроки... Ладно, я посмотрю, может, что-нибудь случится.

С этой минуты все мысли Даррелла сосредоточились на чем-то помимо кинокара, чему я была чрезвычайно рада. Правда, я знала, что он ненавидит, когда его торопят, ему противна сама мысль о плохо организованных экспедициях. И если он все же согласится с предложением Криса, то лишь с великой неохотой, ибо полтора месяца — чересчур короткий срок для тщательной подготовки. Для себя я решила, что не поеду с ними в Сьерра-Леоне, и Даррелл ничуть не удивился, когда я заявила:

— Без меня. Я не люблю Западную Африку, не выношу липкую жару и тропические леса, в которых страдаю от клаустрофобии, и вообще, тебе известно, как мне противны африканцы. Так что, если не возражаешь, я лучше пропущу эту экспедицию.

Даррелл сказал, что был готов к такому ответу. Но чем я собираюсь заняться без него?

— Ты ведь не пожелаешь оставаться здесь?

Разумеется, я не желала торчать на Джерси, и мы решили, что я отправлюсь в Аргентину, разведая обстановку для возможной экспедиции зимой 1966 года.

— Возьму наш «Лендровер», чтобы свободно передвигаться по стране, побываю во всех инстанциях, с которыми мы имели дело в прошлый раз, и сообщу тебе, какова ситуация в сравнении с тем, что было пять лет назад.

Мне удалось завербовать двух друзей, чтобы было кому сменять меня за рулем и выполнять роль переводчика. Миссис Хоуп Плэтт не меньше моего мечтала снова попасть в Аргентину. Она прожила там не один год и свободно изъяснялась по-испански, отлично водила машину, а ее крупные габариты как нельзя лучше подходили для роли матроны, буде возникнет в том необходимость. Со второй моей спутницей, Энн Питерс, мы познакомились, когда отдыхали на Корфу. Она тоже была первоклассным водителем; несколько лет живя в Африке, научилась ездить по пересеченной местности. Поскольку мы с Энн были намного моложе миссис Плэтт, это приводило к потешным осложнениям, так как ее все время принимали за нашу мать. В конце концов мы отчаялись что-либо объяснить и просто называли ее «мама».

Д Как я радовалась, что снова окажусь в Аргентине! Пока никто не успел передумать, связалась со своим банком, который помог мне получить места на грузовом судне, выходящем в рейс примерно в то же время, что пароход Даррелла. Поскольку мое участие в экспедиции в Сьерра-Леоне исключалось, я без малейших утрызнений совести предоставила заниматься ее организацией Дарреллу и заведующему отделом рептилий Джону Хартли, причем Софи была готова в любой момент прийти на помощь, если у них что-нибудь не заладится. Пока что они успешно справлялись со своими задачами, и я не очень-то задумывалась об их планах, предвкушая собственный день отъезда. И едва не осталась на берегу, потому что аргентинское судно, где были заказаны места для меня и моих спутниц, застряло в порту на материке из-за забастовки. К счастью, мой банк сумел найти английский пароход, отплывающий примерно в то же время, и, что было особенно приятно, каюты на нем обошлись нам дешевле. В итоге я дня два бездельничала в Лондоне, ходила в кино и усиленно питалась, после чего поехала через всю страну в Ньюпорт, чтобы перехватить там Даррелла и Хартли на их пути в Ливерпуль. Мы с Джерри малость переживали, что расстаемся на четыре месяца, но я взяла с него обещание, что они тотчас дадут знать, если что-нибудь случится и понадобится моя помощь. И поклялась, что сразу приеду, однако подчеркнула — причина должна быть уважительной.

Оба наши парохода потрепали январские штормы, и когда маршруты их пересеклись в Лас-Пальмесе, нам с Дарреллом удалось часок провести вместе. Испанские власти едва не арестовали его, когда он, после того как судно было очищено от таможенных и портовых сборов, ринулся вниз по трапу, держа в руках бутылки с шампанским. Плечистый полисмен-испанец остановил его и заставил вернуться на борт. Кипя от злости, Даррелл метался от одного помощника капитана к другому, добиваясь разрешения сойти на берег, а я, стоя внизу, поторапливала его, потому что мой пароход вот-вот должен был отчалить. В конце концов он нашел благожелательного человека, который дал желаемое разрешение, услышав, что нам предстоит такая долгая разлука. Торжествующий Даррелл прибежал на мой пароход, где старший стюард выделил нам шампанское, поскольку свои бутылки Джерри вынужден был оставить на своем судне¹.

Я продолжила плавание при тихой погоде до Южной Америки, где меня встречала целая армия ликующих друзей, и после всего лишь недель

¹ Единственный пока случай в моей жизни, когда меня дважды арестовывали и я напился теплым шампанским до 8.30 утра. — Дж. Д.

ных препирательств с таможей заполучила свой «Лендровер» и покинула Буэнос-Айрес.

Поскольку я уже повидала Патагонию, уговорила своих спутниц взять курс на Анды. Наш путь пролегал по чудесной местности, плоские плато чередовались с глубокими долинами. Меня сильно огорчало, что по сравнению с предыдущими поездками в Аргентину нам встречалось очень мало диких животных. Причин, как мне кажется, две: растущее число поселений и обширная культивация земель с применением ядохимикатов. Правда, в одном поместье мы увидели много пернатых, дорогу перед машиной то и дело пересекали морские свинки, и вслед нам кричали птицы-печники. Зато почти совсем пропали кроличьи совы; если прежде они сидели чуть ли не на каждом дорожном столбе, то теперь и одну-то приметить было целым событием.

Что испортило мне все это путешествие, так это плохая погода. Я-то отправилась в Южную Америку наслаждаться солнцем, а вместо этого, особенно в горах, над нами постоянно низко нависали тучи, дул холодный ветер и моросил дождь, так что мне не стоило большого труда убедить моих спутниц отступить в более теплые регионы. Даже в Буэнос-Айресе, обычно в феврале изнывающим от зноя, было сравнительно прохладно, чему, во всяком случае, я была только рада.

Затем мы поехали в Мендосу, там я рассчитывала связаться с одним аргентинским ученым, знакомым Даррелла, чтобы расспросить его, есть ли шанс заполучить весьма редкого малого плащеносца. Даррелл был буквально одержим мечтой добыть этого зверька. Позвонив тому ученому по телефону, я услышала, что он располагает несколькими экземплярами и они идут, когда Даррелл приедет за ними. Естественно, я пообещала передать Джерри приятную новость.

Мы задержались в Мендосе на два дня, любуясь городом и его окрестностями, посетили местный зоопарк. Осень не позволила мне насладиться великолепным зрелищем аллей с золотистыми тополями, которые так восхитили Даррелла, когда он побывал в Мендосе в 1959 году, но все же город был очень хорош, с обилием зелени, красивыми парками и чудесным климатом.

Мы думали ехать обратно в Буэнос-Айрес не спеша, но миссис Платт получила телеграмму, требующую ее срочного возвращения в Англию, а потому пришлось нам сломя голову мчаться в столицу, чтобы она успела на пужный самолет. Я собиралась немного задержаться в Аргентине, но добыть обратный билет на грузовое судно оказалось непросто, и, когда мне

Д предложили места на отплывающем вскоре голландском пароходе, я согласилась, хотя это подразумевало пересадку в Роттердаме.

Все время, что я находилась в Аргентине, из Сьерра-Леоне не было никаких вестей. Меня это не особенно тревожило, хотелось только своевременно вернуться в Англию, чтобы в мае встретить прибывающую коллекцию. Итак, мы отплыли из Буэнос-Айреса, после чего начались непредусмотренные длительные заходы в разные бразильские порты, чему я была только рада, тем более что в Северной Европе, как мы слышали по радио, царили обычные для этого времени года холода.

Кэти Уэллер слала мне с Джерси телеграммы, в том числе с пожеланием от Джерри встретиться со мной в Фритауне. Начался продолжительный сложный обмен телеграммами с нашим лондонским банком: я просила организовать пересадку на судно, которое успело бы прийти в Фритаун до 1 мая, когда отряд Даррелла должен был возвращаться домой. Выяснилось, что лишь один рейс позволял мне уложиться в срок, но попаду ли я вовремя в Англию, чтобы воспользоваться им? При темпах, с какими продвигался наш голландец, это казалось невозможным. И все же, ко всеобщему (включая, сдастся мне, капитана) удивлению, мы прибыли в Роттердам 5 апреля. В моем распоряжении оставались сутки, чтобы вернуться в Лондон, организовать доставку домой «Лендровера», собраться с мыслями и ринуться в Ливерпуль, откуда отплывал пароход «Аккра». Не хотелось бы мне еще раз пережить такую гонку: после пяти недель на голландском грузовом судне я так мечтала немного пожить на суше.

Плавание до Фритауна было сплошным удовольствием, команда всячески старалась, чтобы я чувствовала себя хорошо. Даррелл перед тем тоже плыл со своим отрядом на «Аккре» и должен был возвращаться на нем. Матросы и начальство заранее предвкушали, как повезут в Англию новую коллекцию, и никак не хотели поверить, что я не знаю, каким уловом может похвастать Даррелл.

Странно было спустя пять дней снова очутиться в Лас-Пальмасе, но мы не задержались там надолго. Меня предупредили, что в Фритаун мы придем около шести утра, и чуть свет я уже стояла на носу, всматриваясь в окутанные утренней мглой очертания города и уповая на то, что мой супруг, зная, как я неслась к нему через весь земной шар, ждет меня на пристани. Увы... Всех прочих встречали друзья, знакомые, родные, только мой Джерри отсутствовал. В конце концов меня отыскал судовой агент и сообщил, что Даррелл тщетно пытался пробиться на причал. Как всегда, он забыл получить положенное разрешение и теперь сражался где-то там с полицией и прочими чинами.

— Придется нам пойти спасать его, — сказал агент.

Мы спустились на пристань, поспешили к зданию таможни и увидели на балконе над нами обросшего густой бородой, замученного Даррелла. Он энергично размахивал руками и громко жаловался нам, что ему не позволяют спуститься ко мне. Наконец все недоразумения были улажены, и мы встретились лицом к лицу, причем Джерри предупредил, чтобы я не очень бурно проявляла свою радость, ибо у него, похоже, сломано ребро. После чего он представил мне довольно странного, нескладного молодого человека, члена Американского корпуса мира, который любезно согласился подвезти Даррелла от его базы за городом в порт для встречи со мной. Не успела я опомниться, как Джерри сунул мне небольшую картонную коробку.

— Она живая, так что ты уж открывая поосторожнее, — предупредил он.

Зная, что в коробках Даррелла могут помещаться самые мерзкие твари, я предельно осторожно подняла крышку и увидела на подстилке из бумажных салфеток крохотную белочку, похожую на Малютку. Очаровательное, совершенно ручное создание...

— Ее родила одна из белок нашей новой коллекции, и я подумал, что это идеальный случай подарить тебе что-то взамен Малютки.

Не сомневаюсь, многие женщины с негодованием отнеслись бы к такому дару в честь воссоединения, но я привыкла по торжественным случаям получать в подарок животных и сама однажды попросила преподнести мне в день рождения пару восхитительных венценосных голубей. Это хотя бы спасает меня от необходимости хранить множество ненужных пузырьков с духами и прочих бесполезных вещей.

— А где все остальные? — спросила я.

— Они еще там, на базе. Завтра приедут со всей коллекцией. Я захватил только самые нежные экземпляры, они пока в доме посла.

Даррелл был явно рад видеть меня и, похоже, испытывал в душе некоторое облегчение. Сломанное ребро сильно болело, а его угораздило забыть, что в аптечке экспедиции есть предусмотрительно положенные туда нашим причом болеутоляющие снадобья. Я отыскала их на самом дне ящичка, и Дарреллу стало полегче. Он рассказал, что сломал ребро в «Лендровере», когда нетерпеливый Крис рванул с места, не дожидаясь, когда Джерри вполне усядется, так что бедняга грохнулся на задний борт. Причем случилось это еще в марте, однако он решительно отказывался бросить все и лечь домой.

Стало очевидно, что без дополнительной помощи нам не обойтись. Джерри нужно было побольше отдыхать, чтобы он смог сопровождать кол-

Д лекцию до Англии и завершить на борту парохода съемки фильма. Его молодой ассистент Джон Хартли никогда не участвовал в морских перевозках животных, и, поскольку ему тоже предстояло фигурировать в сериале, я решила взять на себя основное бремя ухода за коллекцией, а для подстраховки послала телеграмму Энн Питерс, которая ездила вместе со мной в Аргентину. Она прилетела через сутки с первым же самолетом, и, когда коллекция прибыла в Фритаун и была размещена в роскошном особняке Алмазной корпорации, где все мы остановились, я смогла оценить ситуацию в целом.

Освободить Даррелла от ухода за животными не составляло труда, но ходить по разным министерствам и таможенным конторам должен был он сам. И мы составили нехитрый распорядок. Нашему американскому другу и Джону Хартли было вменено в обязанность совершать ежедневные покупки корма для животных. Крис и Даррелл навещали в различные департаменты и отвечали за срочную корреспонденцию, тогда как мы с Энн занимались животными, исключая таких крупных зверей, как леопарды, о них мы предоставили заботиться молодым мужчинам. Эта схема вполне себя оправдала, и за две недели, что оставались до отплытия из Фритауна, наши подопечные благополучно освоились с бытием в новых условиях.

Не так-то просто было отвезти зверей и снаряжение на пристань, поэтому на помощь нам пришли вооруженные силы Сьерра-Леоне в лице майора Дженджера, с которым Джерри успел подружиться сразу по прибытии в Фритаун. Он пообещал предоставить в наше распоряжение три армейских грузовика — и в самом деле, в шесть утра 1 мая к нашему дому подъехали три мощных «Бедфорда».

В порту нами лично занялся один очаровательный деятель из таможни, и очень скоро наши животные, два «Лендровера» и мы сами расположились на палубе «Аккры». Нам отвели очень удобный полутрюм на самом носу. В плохую погоду животным там было достаточно тепло и уютно, а в жару мы преспокойно открывали люки, да и в бортах были иллюминаторы.

Два-три дня ушло на то, чтобы войти в колею. К счастью, поблизости от нашего зверинца находился камбуз с кипятильником, которым нам было позволено пользоваться. Даже Крис, оправившись от морской болезни, помогал с кормлением животных. Хотя море вело себя смирно, парусный ход был малоустойчивый и испытывал качку даже при самой слабой волне, что особенно ощущалось на носу. Джон и Джерри прогуливали наших двух леопардов, пока мы с Энн чистили клетку. Такой же распорядок действовал в отношении трех юных шимпанзе и маленького речного кабана. Отдельные клетки можно было чистить, не удаляя их обитателей.

Прежде по телевидению никогда не показывали обратное плавание с коллекцией животных, а потому Крис задумал снять, как на пассажирском судне продолжается нормальная жизнь, несмотря на присутствие зверей. Биталер «Аккры», мистер Райен, познакомил нас с пекарем и мясником, показал, где хранится провизия, запасенная для нас в Англии. Каждое утро определенные порции выдавались нам африканскими стюардами. Бесценную помощь оказывал нам и судовой плотник; когда мы узнали, что ожидается ухудшение погоды, он поспешил основательно закрепить все клетки.

Поскольку на борту было много детей, мы попросили капитана и судового казначея предупредить всех, чтобы не подходили слишком близко к клеткам во избежание укусов. И после того как двух-трех зевак пришлось нежливо увести подальше от зверинца, пассажиры все остальное время соблюдали дистанцию. В хорошую погоду мы выводили наших шимпанзе наверх, чтобы погрелись на солнце и поиграли на люках. Естественно, это вызывало всеобщий интерес, и казалось, что все пассажиры высыпают на верхнюю палубу, чтобы посмотреть на них. Однако по мере того, как дул все более сильный и холодный ветер, приходилось ограничиваться прогулками в помещении, чему был особенно рад шимпанзе Джимми, которому решительно не нравилось, как ветер свистит в его больших ушах.

Капитан проникся симпатией к Джимми и пригласил его на мостик, где тот быстро освоился и, сидя на поставленном для него стуле, весьма профессионально помогал рулевому крутить штурвал. Потом капитан угостил что и нас обедом в своей каюте, и Джимми с большой неохотой покидал ее после трапезы.

Наша стюардесса была милейшее создание. В любое время дня она могла вдруг появиться с полным термосом чая или кофе; если же мы находились в каютах, по первой просьбе приносила что-нибудь горячее выпить, и то и что-нибудь покрепче. Еще нас очень выручала прачечная, ведь так легко испачкать одежду, ухаживая за животными на качающемся пароходе.

Когда «Аккра» зашла в Лас-Пальмас для заправки, мы рассыпались по всему городу в поисках свежей зелени и фруктов, которыми надеялись сблизить наших колобусов. У нас было целых семь этих очень редких обезьян, обычно питающихся листьями, и если они пережили плавание и живы по сей день, то исключительно благодаря усилиям Энн Питерс, которая взяла на себя заботу об их кормлении. Она поистине поддерживала в них волю к жизни, часами стоя перед клетками и кормя колобусов из рук. И когда мы пришли в Ливерпуль, Энн с великой неохотой простилась с ними, чтобы сесть на поезд и возвращаться домой в Лондон.

Д Что до нас, то мы задумали лететь чартерным рейсом прямо на Джерси. В основу этого плана была заложена весьма здравая идея. Во-первых, такой вариант позволил бы Крису и его бригаде быстрее завершить съемки, во-вторых, нам представлялось, что так будет легче доставить нашу коллекцию на Джерси без лишних переживаний для животных. Однако техника внесла свои поправки.

День начинался отлично, для английского мая погода была хорошая. Таможня живо оформила наш багаж, вскоре все животные были выгружены на пристань и размещены в паняхтах нами для доставки в аэропорт двух огромных мебельных фургонах. Однако тут же началось торжество бюрократии, которая грозила связать нас по рукам и ногам разными параграфами. Для начала выяснилось, что куда-то запропали все бумаги, касающиеся наших «Лендроверов», и несчастный представитель Королевского автомобильного клуба оказался в затруднительном положении. Машины были собственностью фирмы «Ровер», любезно предоставившей их нам во временное пользование, но у нас не было на руках документов, подтверждающих это. В конце концов постановили оставить «Лендроверы» на таможню до уплаты пошлины и предложить фирме внести эту пошлину. Мы чувствовали себя страшно неловко, хотя бумаги пропали не по нашей вине; оставалось только надеяться, что фирма все поймет и простит нас.

Отсутствовали и другие документы, а именно разрешение Министерства сельского хозяйства на ввоз животных, и в частности, двух леопардов. Из-за особых карантинных правил, касающихся кошек и собак, требовалось специальное решение министерства, без чего мы не могли перевозить леопардов из Ливерпуля на Джерси. Кэти Уэллер и секретарь Криса в Бристолье своевременно обратились в министерство и получили нужное разрешение, однако оно не дошло до Ливерпуля.

После долгих препирательств с дежурным чином он согласился напик связать с министерством; в итоге выяснилось, что по вине какого-то клерка бумага была направлена прямо на Джерси вместо Ливерпуля. В другое время нас вся эта бестолковщина только позабавила бы, но мы поднялись чуть свет, успели основательно проголодаться и устать. К тому же пришло время кормить некоторых из животных, запертых в фургонах, и еще мы боялись опоздать на самолет. Мы не испытывали ни капли сожаления, расставаясь с ливерпульским портом...

Доехав до аэропорта, мы с облегчением узнали, что наш грузовой самолет еще не прибыл, и решили промочить глотку перед тем, как выгружать животных из фургонов и ставить клетки на весы. Процедура весьма нерв

рующая и для зверей, и для нас, но необходимая, поскольку требовалось равномерно распределить груз внутри самолета. Только мы приготовились начать погрузку, как пилот объявил, что недоволен работой левого мотора. Естественно, нас обрадовала забота о нашей безопасности, однако радость сменилась тревогой, когда мы услышали, что единственный механик, имеющий права работать со злополучным двигателем, сейчас находится в Минчестере, и пройдет не один час, прежде чем он доберется до Ливерпуля. В аэропорту хватало своих механиков, но ни один из них не располагал нужными правами.

Мы перенесли зверей из фургонов в свободный ангар подальше от шумных моторов, и началось томительное ожидание. Наконец механик прибыл и около половины девятого сообщил, что самолет готов к вылету. Мы живо погрузили своих подопечных, заняли места, застегнули привязные ремни, помахали в окошко немногочисленным провожающим, и самолет занял исходную позицию на взлетной полосе. Пилот прибавил оборотов, и, когда они достигли максимума, забастовал другой мотор. Мы уже не удивились, когда покатали обратно. К счастью, наши помощники не уехали, механик тоже не улетучился. Осмотрев мотор, он заявил, что ничего не может сделать, пока завтра утром не получит запасные части.

Посоветовавшись с начальником аэропорта, мы решили выгрузить самые ценные экземпляры и поместить их в ангаре, накрыв брезентом. Остальные без ущерба для здоровья могли переночевать в самолете. Нам были предоставлены места в гостинице, мы поспешили покормить животных в ангаре, после чего, еле волоча ноги, добрались до отеля, приняли ванну и около половины двенадцатого легли спать¹.

А в два часа нас разбудил директор гостиницы и сообщил, что явился какой-то дюжий полицейский, озабоченный тем, что какой-то из зверей в самолете ведет себя очень буйно. Бедный Даррелл живо оделся и спустился вниз. Вскоре он вернулся и рассказал, что и впрямь один из патрулей услышал какие-то странные звуки и поднял тревогу. Его не предупредили, что груз этого самолета составляют звери... На всякий случай Джерри пошел проверить, в чем дело. Оказалось — ничего страшного, просто леопарды почему-то громко фыркали в своих клетках.

Накануне мы условились с владельцем фургонов, которые доставили животных в аэропорт, что он приедет в семь утра и привезет свежий салат-латук и фрукты. Он не подвел и даже любезно помог нам почистить

¹ Экономьте время — выбирайте воздушный транспорт! — Дж. Д.

Д клетки и покормить шимпанзе и колобусов. Сколько мы ни допытывались, когда кончится ремонт самолета, никто не мог ничего толком сказать. Весь персонал аэропорта и сам пилот чудесно относились к нам, но это ничуть не умаляло нашу тревогу за животных, находящихся в самолете.

Ближе к полудню он все еще не был готов к вылету, тогда мы решили выгрузить зверей и покормить их, а одновременно принялись названивать в управление авиатранспортной компании в Лондоне, требуя прислать другой самолет. И уже решили, что нам вообще не суждено когда-либо улететь из Ливерпуля, когда нам предложила свои услуги другая компания. Не представляю, как Даррелл с его сломанным ребром и при такой усталости, озабоченный состоянием животных, выдержал все напасти; мне казалось, что он вот-вот свалится. Между тем возникла еще одна проблема: в самолете, высланном за животными, было только два сидячих места для людей, а наша группа насчитывала шесть человек. Присутствие в Джерси операторов для съемки прибытия коллекции было просто необходимо, и нас выручила фирма «Кембрийские авиалинии», предоставив четыре места на свой джерсийский рейс. После долгих споров Даррелл и Хартли остались с животными, я же вылетела на Джерси вместе с Крисом и его командой.

В джерсийском аэропорту встретить нас собралась куча народу. Вдоль посадочной полосы выстроились все работники зоопарка, один «Лендрювер», автофургон и три грузовика, и, совершив первыми посадку, мы с тревогой обзоредали небо — как бы полосу не накрыл один из тех морских туманов, коими знаменит остров Джерси. Однако мы напрасно волновались: точно в срок зашел на посадку могучий грузовой самолет и остановился прямо напротив нас.

Джерсийские таможенники были сама предупредительность; хотя они ничего не знали о наших ливерпульских злключениях, казалось, здешние ребята стараются сделать все, чтобы помочь нам забыть тяжелые переживания. Джерри с радостью вручил своих зверей на попечение сотрудникам зоопарка, и вскоре животные обосновались в новых обителях, причем большинство из них благополучно перенесли тяготы долгого странствия. Как обычно, было похоже, что основное бремя страданий пришлось на долю людей.

На другое утро Джерри и Крис совершили обход зоопарка. Там все уже суетились, проявляя максимум заботы о новом пополнении, и я воспользовалась случаем рассказать, как привередливы колобусы.

— Если с ними что-нибудь случится, вас ждет головомойка от мисс Питерс, когда она прилетит на следующей неделе. Она нянчилась с колобусами всю дорогу из Фритауна, так что, ради бога, поберегите их теперь, когда они прибыли на место.

Леопарды как ни в чем не бывало играли с Джоном. Белки и мангусты тоже отлично освоились на новом месте, а птицы, особенно совы, были накормлены лишь тем, чтобы съесть возможно больше, возможно быстрее. Даррелл, как и все мы, был счастлив. Теперь он мог позволить себе свалиться — во всяком случае, на ближайшие двадцать четыре часа.

Крис и его команда улетели на другой день, да и мы с Дарреллом собирались куда-нибудь уехать, как только все дела будут улажены и ребро Джерри срастется. Какое там... Зоопарк со всеми его заботами все больше искагал на наше время, так что мы и сейчас тут. И вообще, я знаю наперед — куда бы мы ни подались, везде с нами будут звери, и моя постель никогда не будет свободной¹.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА

Уважаемый сэр!

Мы вынуждены еще раз напомнить, что Ваш кредит по-прежнему превышен...

Читатель, я не знаю, знакомы ли вам мои предыдущие книги, но если вы прочитали хотя бы эту и она доставила вам удовольствие, то этим удовольствием вы обязаны животным. Работаете ли вы в деревне, на заводе или в учреждении, животные — пусть даже вы этого не сознаете — так же, как леса и поля, нужны вам хотя бы потому, что снабжают людей вроде меня материалом для книжек, развлекающих вас. Лично я не захотел бы жить в мире без птиц, без лесов, без животных — всяких, малых и больших. Да человек попросту и не смог бы жить в таком мире! Между тем скорость, с которой развивается цивилизация, и следовательно, скорость, с которой люди опустошают нашу удивительно прекрасную планету, растет из года в год, из месяца в месяц. Долг каждого попытаться предотвратить ужасное осквернение нашего мира, и в эту борьбу каждый может внести

¹ Во всяком случае, пока жив. — Дж. Д.

Д свой пусть маленький, пусть скромный вклад. Я делаю то, что мне посильно, единственным способом, который знаю, и я рассчитываю на вашу помощь. Обычно мне претит роль зазывалы, но ради такого важного и неотложного дела я готов отбросить все колебания. И если вам захочется помочь мне в этом деле, напишите, пожалуйста, по такому адресу:

*Джерсийский трест охраны диких животных
Джерсийский зоопарк
Поместье Огр
Тринити
Джерси
Нормандские острова*

А я, пока на свете еще есть животные и зеленые уголки, буду стараться их навещать и писать о них.

ПТИЦЫ,
ЗВЕРИ
И РОДСТВЕННИКИ

РАЗГОВОР

Зима в тот год была суровой, и, даже когда подошло время весне, крокусам — так трогательно и неколебимо верившим во времена года — пришлось с трудом пробиваться сквозь корку снега. Серое и низкое небо готово было в любую минуту обрушить новый поток снега, а вокруг домов завывал резкий ветер. Одним словом, погода не была идеальной для сбора семьи, особенно такой, как наша.

Мне было жаль, что, когда впервые после войны они встретились в Англии, их встреча скорее напоминала бурю. Она не выявила лучшие их черты, а сделала всех более раздражительными, чем обычно, и более чувствительными к обидам. Менее всего они могли прислушиваться к чьей-либо точке зрения, кроме своей собственной.

Словно стая сердитых львов, они сидели вокруг огня, такого обширного и яркого, что он мог в любую минуту перекинуться на каминную доску. Моя сестра Марго поддерживала огонь простым способом, втаскивая один конец принесенного из сада деревца в огонь, тогда как остаток ствола оставался снаружи. Мама вязала, по ее слегка рассеянному взгляду и мерному движению губ можно было подумать, что она молится, но на самом деле ее занимало меню к завтрашнему ленчу. Брат Лесли зарылся в учебник по библистике, а старший брат Лоренс, одетый в свитер, какие обычно носят рыбаки (довольно великоватый для него), стоял у окна и непрерывно чихал и сморкался в большой красный платок.

— Вот уж ужасная страна, — сказал он, поворачиваясь к нам так воинственно, словно все мы были повинны в непрерывной дурной погоде. — Стоит только вступить на берег у Дувра, и вас встретит прямо-таки заграда гриппозных микробов... Понимаете ли вы, что это моя первая простуда в этом году? Просто потому, что у меня хватило разума подальше держаться от Острова Пуддингов. Все, кого я встретил до сих пор, были простужены.

Д

Такое впечатление, будто все население Британских островов целый год совершенно ничего не делает, а только топчется хороводом один за другим и с упоением чихает друг другу в лицо... Своего рода инфекционная карусель. И как можно спастись от этого?

— Только потому, что ты подхватил простуду, ты злишься так, будто всему миру пришел конец, — сказала Марго. — Не понимаю, почему мужчины всегда так волнуются из-за пустяков.

Ларри уничтожающе посмотрел на нее слезящимися глазами:

— Беда ваша в том, что вам нравится быть мучениками. Ни один человек без мазохистских наклонностей не остался бы в этом... этом вирусном раю. Вы все инертны, вы любите барахтаться в этом мире инфекций. Простительно тем, кто никогда не видел ничего иного, но вы-то все вкусили солнце Греции, вам бы не мешало знать, что это такое.

— Да, милый, — сказала мама, желая его утешить, — но ведь ты приехал в самое плохое время. Ты же знаешь, здесь бывает очень славно. Весной, например.

Ларри метнул на нее злой взгляд.

— Мне бы не хотелось вытряхивать тебя из транса Рип ван Винкля, — сказал он, — но ведь это и есть весна... а ты только посмотри на нее! Нужна команда здоровяков, чтобы спуститься вниз и отправить письмо.

— Полдьюма снега, — фыркнула Марго. — Ты явно преувеличиваешь.

— Я согласен с Ларри, — сказал Лесли, выглянув из-за своего учебника. — На улице чертовски холодно. Прямо ничего не хочется делать. Нельзя даже прилично пострелять.

— Совершенно верно, — сказал, торжествуя, Ларри, — тогда как в такой разумной стране, как Греция, можно завтракать во дворе, а потом спуститься к морю для утреннего купания. Здесь же зубы у меня ходят таким ходуном, что я с трудом вталкиваю в себя завтрак.

— Я бы очень хотел, чтобы ты не заводил волынку с Грецией, — сердито сказал Лесли. — Это напоминает мне об ужасной книге, которую написал Джерри. Понадобилось несколько лет, чтобы забыть все это.

— Несколько лет, — язвительно произнес Ларри, — а что он сделал со мной? Вы себе представить не можете, какой вред нанесла эта карикатура в духе Диккенса моему писательскому облику!

— Между прочим, он написал обо мне так, будто я ни о чем другом никогда не думал, кроме ружей и лодок.

— Но ты действительно ни о чем больше не думал, кроме ружей и лодок.

— Больше всех пострадала я, — заявила Марго. — Он только и говорил о моих прыщах.

— Я думаю, — сказала мама, — это было вполне точное изображение всех вас, но меня он выставил настоящей дурочкой.

— Я не возражаю, — заявил Ларри, — чтобы на меня писали памфлеты хорошей прозой, но быть высмеянным дурным английским языком просто невыносимо.

— Одно название чего стоит, — сказала Марго, — «Моя семья и другие звери». Мне надоело отвечать людям на вопрос: «Каким же из зверей изображена ты?»

— По-моему, заглавие довольно забавное, — сказала мама. — Только почему он не изобразил самые интересные события?

— В самом деле, — поддержал ее Лесли.

— Какие интересные события ты имеешь в виду? — с подозрением спросил Ларри.

— Например, твое плавание на яхте Макса вокруг острова. Это было чертовски забавно.

— Если бы эта история появилась в печати, я бы подал на него в суд.

— Не понимаю почему, — сказала Марго, — это было очень забавно.

— А что ты скажешь о спиритизме? — язвительно спросил Ларри. — Что, если бы он написал об этом, тебе бы это очень понравилось?

— Нет, нет! Он не посмел бы написать об этом! — со страхом сказала Марго.

— Ну вот, получай, — торжествовал Ларри. — А что вы скажете о судебном деле Лесли?

— Не понимаю, зачем меня впутывать в это дело, — воинственно заявил Лесли.

— Ведь это ты возмущался, что он не включил в книгу самые забавные случаи.

— По правде говоря, я уж забыла все эти истории, — сказала мама, посмеиваясь. — Но думаю, они были забавнее тех, что описал ты, Джерри.

— Рад это слышать, — сказал я задумчиво.

— Почему? — спросил Ларри, глядя на меня с подозрением.

— Потому что я решил написать еще одну книгу о Корфу и использовать все эти истории, — объяснил я с самым невинным видом.

Все сразу зашумели и заволновались.

— Я запрещаю это, — закричал Ларри, громко чихая, — категорически запрещаю!

— Ты не можешь писать о моем спиритизме, — вскрикнула Марго. — Мама, скажи ему, чтобы он не писал об этом.

— И о моем судебном деле, — закричал Лесли. — Я не потерплю этого.

— И если ты заикнешься о яхтах... — начал Ларри.

Д

— Ларри, дорогой, говори потише, — попросила мама.

— Ну тогда запрети ему писать продолжение, — кричал Ларри.

— Не говори глупостей, дорогой, я не могу запретить ему, — сказали мама.

— Ты хочешь, чтобы все повторилось сначала? — спросил Ларри хриплым голосом. — Опять посыплются письма из банка: не будете ли вы так любезны снять ваш вклад, опять лавочники будут смотреть на вас с подозрением, опять у дверей появятся анонимные бандероли со смиренными рубашками, и все родственники отвернутся от вас. Ты считаешься главой семьи, так запрети ему писать об этом!

— Ты все преувеличиваешь, Ларри, дорогой, — сказала мама. — А кроме того, я никак не могу запретить ему, если он хочет написать об этом. Не думаю, что это причинит какой-нибудь вред. Все это отличные истории, и я не вижу, почему бы ему не написать продолжение.

Все семейство разом поднялось со своих мест, и все принялись громко растолковывать ей, почему нельзя писать продолжение. Я ждал, пока уляжется шум.

— Помимо этих историй, есть еще немало других, — сказал я, припоминая.

— Каких же, милый? — с интересом спросила мама.

Все семейство, с покрасневшими лицами, рассвирепевшее, рассерженное, уставилось на меня в выжидательном молчании.

— Ну, — сказал я в раздумье, — мне бы хотелось описать твой роман с капитаном Кричем, мама.

— Что? — возмутилась мама. — Ты, конечно, не напишешь ничего подобного... Вот еще, роман с этим противным стариком. Не позволю, чтобы ты писал об этом.

— Ну, а по-моему, это самая лучшая история из всех, — елеинным голосом произнес Ларри, — трепетная страсть романтической истории, ласковое, старинное очарование героя... манера, с которой ты обращалась со старым приятелем...

— Да успокойся же, Ларри, — сердито сказала мама, — ты раздражаешь меня такими вот разговорами. Не думаю, Джерри, что ты затеял доброе дело, написав эту книгу.

— Я тоже не думаю, — сказал Ларри. — Если ты опубликуешь ее, мы все подадим на тебя в суд.

Перед лицом такой спаянной, единой семьи, рассвирепевшей в своей решимости помешать мне любой ценой, у меня оставался единственный выход. Я сел и написал эту книгу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОНДОН: ПРЕЛЮДИЯ

СХВАТКА С ДУХАМИ

Все началось в те дни, когда Марго вдруг стала прибавлять в весе. К ее ужасу, за короткое время она сделалась почти круглой. Мама вызвала нашего доктора Андручелли, чтобы он взглянул, в чем тут дело. Он произнес целую серию горестных «по-по-по», когда увидел ожиревшую Марго, и назначил ей множество пилюль и микстур и разные диеты, но все оказалось безрезультатно.

— Он говорит, — сообщила Марго однажды со слезами за завтраком, — что, он думает, это миндалевидная железка.

— Миндалевидная? — спросила мама с тревогой. — Что это значит — миндалевидная железка?

— Не знаю, — всхлипнула Маргарет.

— Надо ли нам, — спросил Ларри, — обсуждать ваши болезни во время еды?

— Ларри, дорогой, Андручелли говорит, что это миндалевидная железка, — сказала мама.

— Ерунда, — беззаботно ответил Ларри, — это попросту щенячий жир.

— Щенячий жир! — пропищала Марго. — Да знаешь ли ты, какой у меня вес?

— Тебе надо побольше двигаться, — сказал Лесли. — Почему бы тебе не заняться парусным спортом?

— Не думаю, что удастся найти лодку подходящих размеров, — заметил Ларри.

— Скоты! — сказала Марго, раздражаясь слезами. — Вы бы так не говорили, если б знали, как я себя чувствую.

— Ларри, милый, — сказала мама умиротворяюще, — не очень любезно говорить подобные вещи.

— Я бы и не говорил, если бы она не блуждала кругом, словно арбуз, покрытый пятнами, — заявил Ларри с раздражением. — Можно подумать, что это по моей вине вы все тут без конца топчетесь на одном месте.

— Что-то надо предпринять, — сказала мама. — Завтра я снова повидаюсь с Андручелли.

Но Андручелли повторил, что, по его мнению, это миндалевидная железа и он думает, что Марго нужно ехать в Лондон для лечения. И вот после потока телеграмм и писем Марго была отправлена в Лондон на попечение двух единственно стоящих родственников, с которыми мы все еще поддерживали отношения, — маминой племянницы Пруденс и ее матери, тетушки Фэн.

После коротенького письма, где сообщалось, что она благополучно доехала и вместе с кузиной Пру и тетушкой Фэн поселилась в отеле вблизи Ноттинг-Хилля-Гейт и что она познакомилась с хорошим доктором, от Марго довольно долгое время не было никаких известий.

— Хорошо бы получить от нее письмо, — сказала мама.

— Не беспокойся, мама, — сказал Ларри, — о чем ей писать, разве что о ее теперешнем объеме?

— Да нет, я хочу знать, что там происходит, — сказала мама, — как-никак она в Лондоне.

— Какое отношение имеет к этому Лондон? — спросил Ларри.

— В таком большом городе, как Лондон, все может случиться, — мрачно сказала мама. — Сколько приходится слышать всяких историй о девушках в больших городах.

— Право же, мама, ты напрасно беспокоишься, — с раздражением сказал Ларри. — Скажи, ради бога, что, по-твоему, с ней может случиться? Ты думаешь, ее завлекут в какой-нибудь притон? Да ноги ее там никогда не будет!

— Это не шуточное дело, Ларри, — сурово сказал мама.

— Но ты совсем напрасно поддаешься панике, — ответил Ларри. — Сама подумай, какой уважающий себя мужчина дважды посмотрит на Марго? А кроме того, где взять такого здоровяка, который решился бы ее похитить?

— И все равно я беспокоюсь, — сказала мама с вызовом, — и намерена послать телеграмму по этому поводу.

Она и в самом деле послала телеграмму на имя своей племянницы Пруденс, и та ответила наконец, что Марго связалась с людьми, которых она не одобряет, и что неплохо было бы маме приехать, чтобы поговорить с Марго как следует. Что тут началось! Обезумевшая мама послала Спиро, нашего добровольного и безотказного советчика, философа и друга, купить билеты и принялась поспешно упаковываться. Затем она вдрут

вспомнила обо мне. Чувствуя, что это может принести больше вреда, чем пользы, если оставить меня под присмотром двух старших братьев, она решила взять меня с собой. Спиро еще раз послали за билетами и теперь уже дополнительно упаковали мои вещи. Я смотрел на все приготовления как на дар небес — дело в том, что мне только что дали нового учителя, мистера Ричарда Кралевского, который стремился — с твердой решимостью и несмотря на мое сопротивление — обучать меня неправильным французским глаголам, и эта поездка в Англию, думал я, принесет мне желанную передышку.

Путешествие на поезде прошло без особых происшествий, если не считать постоянного маминого страха быть арестованными фашистскими карбинерами. Этот страх тысячекратно возрос, когда в Милане я нарисовал на запыленном стекле вагона карикатуру на Муссолини. Мама минут десять стирала ее носовым платком с самоотверженностью опытной прачки, пока наконец не решила, что от рисунка не осталось и следа.

Контраст между тихими, долгими, солнечными днями на Корфу и приездом в Лондон поздно вечером был для нас большим испытанием. Столько незнакомых людей на станции, сновавших взад-вперед с серыми озабоченными лицами. Язык, на котором говорят носильщики, почти непонятный, а Лондон — сияющий огнями и набитый людьми. Такси осторожно пробиралось по Пиккадилли, словно жук сквозь фейерверк. Холодный воздух делал дыхание заметным, будто дым около губ, когда вы говорили, так что вы казались фигуркой из комикса.

Наконец такси остановилось возле покрытых копотью фальшивых коринфских колонн отеля «Балаклава». С помощью швейцара, пожилого кривоногого ирландца, мы внесли свой багаж в отель. Однако нас никто не встретил. Видимо, телеграмма о нашем приезде где-то еще блуждала. Молодая леди, сказал нам швейцар, ушла на свою встречу, а мисс Хьюз и старая леди отправились кормить собак.

— Что он говорит, милый? — спросила мама, когда швейцар вышел из комнаты, — его акцент был настолько сильным, что звучал как иностранный язык. Я сказал, что Марго пошла на встречу, а кузина Пру и тетюшка Фэн кормят собак.

— Что бы это могло значить? — недоумевающе спрашивала мама. — На какую встречу пошла Марго и о каких собаках он говорит?

Я сказал, что не знаю, но, насколько мне удалось видеть Лондон, собак в нем маловато.

Д — Хорошо, — сказала мама, неумело вставляя шиллинг в счетчик и зажигая газ. — Я думаю, что нам надо устроиться поудобнее и ждать, пока они не вернутся.

Мы прождали час, когда вдруг раскрылась дверь и с криком «Лу, Лу, Лу» вбежала Пру, протягивая руки, словно удивительная болотная птица. Она обняла нас обоих, ее черные, как терновая ягода, глаза светились любовью и волнением. Красивое лицо приятно пахло и было нежное, как фиалка, когда я послушно прикоснулся к нему губами.

— Я уж думала, вы никогда не приедете, — сказала она. — Mamочки еще поднимается. Она с трудом ходит по лестнице, бедняжка. Вы оба чем-то обеспокоены, ну, расскажите-ка мне все. Тебе нравится этот отель, Лу? Он дешевый и удобный, но здесь много самого странного люда.

Сквозь открытую дверь послышалась тихая одышка.

— А, это мамочка, — крикнула Пру. — Mamочка, мамочка, Лу приехала.

В дверях показалась тетя Фэн. На первый взгляд, подумал я довольно бессердечно, она была похожа на ходячую палатку. На ней был ржаво-красный твидовый костюм невероятного стиля и размера. На голове красовалась слегка изношенная бархатная шляпка такого фасона, какие новят феи. Сквозь сверкающие очки глаза ее казались совиными.

— Лу! — закричала она, распахивая объятия и возводя глаза к небу, словно мама была божественным видением. — Лу и Джеральд! Вы прибыли!

Меня и маму сердечно обнимали и целовали. Это не было легкое, словно цветок, объятие Пру. Это было сильное, до хруста в ребрах, объятие и крепкий поцелуй, от которого, казалось, синели губы.

— Я так сожалею, Лу, дорогая, что нас не было дома, но мы не были уверены, когда вы приедете, и нам надо было кормить собак.

— Каких собак? — спросила мама.

— Ну, моих бедлингтонских щенят, конечно, — сказала Пру. — Разве вы не знаете? Мы с мамочкой завели собак. — Она залилась звонким, как колокольчик, смехом.

— Но, помнится, у вас появилось еще кое-что в последнее время, — сказала мама. — Кажется, козы.

— О, мы их до сих пор держим, — сказала тетя Фэн, — да еще моих пчел и цыплят. Но Пруденс решила, что неплохо было бы завести еще и собаку. Она такая деловая.

— Я и впрямь думаю, что это доходное дело, Лу, дорогая, — серьезно сказала Пру. — Я купила Тинкербелла, а потом Люсибелла...

— А затем Тайнибелла, — перебила ее тетя Фэн.

— И Тайнибелла, — сказала Пру.

— И Люсибелла, — сказала тетушка Фэн.

— Успокойся, мамочка. Я уже сказала о Люсибелле.

— Есть еще Тинкербелл, — сообщила тетя Фэн.

— Мамочка плоховато слышит, — сказала Пру, что и без того было очевидно. — И у всех есть щенята. Я привезла их в Лондон на продажу и в то же время не спускаю глаз с Марго.

— Да, где же Марго? — спросила мама.

Пру на цыпочках подошла к двери и тихонько ее закрыла:

— Она на сеансе, дорогая.

— Я знаю, но что это за сеансы? — спросила мама.

Пру с беспокойством огляделась.

— Спиритические сеансы, — прошептала она.

— И затем, есть еще Люсибелл, — сказала тетя Фэн.

— Успокойся, мамочка.

— Спиритические сеансы? — спросила мама. — С какой стати она ходит на эти спиритические сеансы?

— Лечится от ожирения и от прыщей, — ответила Пру, — но, помините мое слово, добра от этого не будет. Это злая сила.

Я заметил, что мама начинает волноваться.

— Но я не понимаю, — сказала она. — Я отправила Марго в Лондон, чтобы ее посмотрел доктор, забыла, как его имя.

— Я знаю, дорогая, — сказала Пру. — Но после приезда в отель Марго попала во власть этой злой женщины.

— Какой злой женщины? — спросила мама, теперь уже по-настоящему обеспокоенная.

— Козы — это тоже хорошо, — сказала тетя Фэн, — но в этом году они дают чуть меньше молока.

— Ой, мамочка, да помолчи же ты, — сквозь зубы процедила Пру. — Я имею в виду эту злую женщину, миссис Хэддок.

— Хэддок, Хэддок, — растерянно повторила мама. Ее мысли всегда несколько отвлекались, стоило при ней произнести слово, связанное с кулинарией.

— Она медиум, моя дорогая, — сказала Пру, — и она расставила для Марго ловушки. Она сказала Марго, что ей нужен гид.

— Гид? — спросила мама, теряя силы. — Какой гид?

По ее состоянию я мог видеть, что она теперь думает, будто Марго занялась альпинизмом или чем-то в этом роде.

— Духовный гид, — сказала Пру. — Его зовут Мауэйк. Должно быть, он индеец.

Д

— У меня теперь десять ульев, — сказала тетя Фэн с гордостью. — Мы получаем в два раза больше меда.

— Помолчи, мамочка, — сказала Пру.

— Я не понимаю, — жалобно сказала мама, — почему она до сих пор не идет к доктору для уколов.

— Потому что Мауэйк ей не разрешает, — торжественно произнесли Пру. — Три сеанса назад сказал он — по словам Марго, и все это в передаче миссис Хэддок, так что в достоверности сказанного можно усомниться, — так вот, по словам Марго, Мауэйк сказал, что ей не нужны больше проколы.

— Проколы? — спросила мама.

— Ну, я полагаю, индеец имел в виду уколы, — сказала Пру.

— Как приятно повидаться с тобой, Лу, — сказала тетя Фэн. — Не пить ли нам чайку?

— Очень хорошая мысль, — едва слышно произнесла мама.

— Я не спущусь туда, чтобы заказать чай, — сказала Пру, взглянув на дверь, как будто за нею скрывались все демоны ада. — Во всяком случае, не теперь, когда у них там сеанс.

— Почему, что случилось? — спросила мама.

— И хорошо бы сделать тосты, — сказала тетя Фэн.

— Да помолчи же, мамочка, — сказала Пру. — Ты представления не имеешь, что происходит на этих сеансах, Лу. Миссис Хэддок входит в транс, затем начинает покрываться эктоплазмом.

— Эктоплазмом? — спросила мама. — Что такое эктоплазм?

— У меня в комнате есть горшок моего собственного меда, — сообщила тетя Фэн, — я уверена, он тебе понравится, Лу. Не сравнить со всей этой синтетикой, какую вы теперь покупаете.

— Это такое вещество, которое производят медиумы, — сказала Пру. — Оно похоже на... ну, на такое... Я сама его никогда не видела, но говорят, что оно похоже на мозги. Потом они заставляют летать трубки, и все такое. Скажу тебе одно, моя дорогая: я никогда не спускаюсь вниз, когда у них сеанс.

Как я ни был зачарован разговором, мне не хотелось упустить случая увидеть женщину по имени миссис Хэддок, покрытую мозгами и с парой трубок, летающих вокруг, поэтому я вызвался спуститься вниз и заказать чай.

К моему разочарованию, на нижнем этаже отеля я не увидел ничего хотя бы отдаленно напоминающего описание Пруденс. Но чай я раздобыл, его принес на подносе швейцар-ирландец. Мы попили чай, и я попытался

объяснить тете Фэн, что такое эктоплазм, когда вошла Марго с большим кочаном капусты под мышкой и в сопровождении маленькой коренастой женщины с выпуклыми голубыми глазами и редкими волосами.

— Мама! — драматическим тоном произнесла Марго. — Ты приехала!

— Да, милая, — мрачно сказала мама, — и, кажется, как раз вовремя.

— Это миссис Хэддок, — сказала Марго, — она совершенно очаровательна.

Сразу бросилось в глаза, что миссис Хэддок страдает странной болезнью. Казалось, что она не может дышать, когда говорит, поэтому ее речь получалась бессвязной, все слова сливались в одну гирлянду, и затем, когда у нее прорывалось дыхание, она останавливалась и втягивала воздух, производя шум, звучащий как «уаааха».

Теперь она обратилась к маме:

— Рада вас видеть, миссис Дрелл, конечно мой духовный гид сообщил мне, на моем приезде надеюсь вы хорошо доехали... уаааха.

Мама, которая собиралась оказать миссис Хэддок весьма холодный и достойный прием, была сбита с толку этой странной дикцией.

— О да. А как вы? — сказала она, нервничая и напрягая слух, чтобы понять, о чем говорит миссис Хэддок.

— Миссис Хэддок спиритуалистка, мама, — с гордостью сказала Марго, как будто она представляла по меньшей мере Леонардо да Винчи или изобретателя аэроплана.

— В самом деле, милая? — сказала мама, холодно улыбаясь. — Это очень интересно.

— Очень приятно узнать, что те, кто уехал раньше, теперь соединились... уаааха, — сказала миссис Хэддок серьезно. — Так много людей... уаааха... не знает о духовном мире, который лежит так близко.

— Ты бы повидала щенят, Марго, — заметила тетя Фэн. — Маленькие шалунишки изодрали всю свою подстилку.

— Помолчи, мамочка, — сказала Пру, оглядывая миссис Хэддок так, как будто ожидала, что у той в любой момент вырастут рога или хвост.

— Вашей дочери очень повезло так как он... уаааха... сумел получить одного из лучших гидов, — сказала миссис Хэддок, как будто Марго перелистывала Дебретта, прежде чем решить, какой дух вызвать, чтобы получить совет.

— Его зовут Мауэйк, — произнесла Марго. — Он просто прелесть!

— Кажется, он пока не принес тебе много добра, — резко ответила мама.

— Нет, принес, — возмутилась Марго. — Я похудела на три унции.

— Это требует времени и терпения и полной веры в будущую жизнь... уаааха... моя дорогая миссис Дррелл, — сказала миссис Хэддок, улыбаясь маме сладенькой улыбкой.

— Да, я верю, — сказала мама, — но я бы предпочла, чтобы Марго находилась под присмотром врача.

— Я не думаю, что это они нарочно, — сказала тетушка Фэн. — У них, наверно, режутся зубы и поэтому болят десны.

— Мамочка, мы говорим не о щенках, — сказала Пру. — Мы говорим о гиде Марго.

— Это будет славно для нее, — сказала тетя Фэн, ласково улыбаясь Марго.

— Мир духов намного мудрее любых существ на земле... уаааха... ваша дочь не могла бы быть в лучших руках... Мауэйк был великим врачом в своем племени один из лучших во всей Северной Америке... Уаааха.

— И он дал мне такой добрый совет, мама, — сказала Марго. — Правда ведь, миссис Хэддок?

— Нет больше проколов белая девушка не должна больше делать проколов... Уаааха, — произнесла миссис Хэддок.

— Ну вот! — сказала Пру торжествующе. — Я же тебе говорила.

— Поешьте немного меду, — радушно предложила тетя Фэн. — Это не та синтетическая дрянь, какую теперь продают в магазинах.

— Помолчи, мамочка.

— Я все же предпочитаю, миссис Хэддок, чтобы у моей дочери был разумный врач, а не этот Мауэйк.

— О, мама, ты такой отсталый и старомодный человек, — в сердцах сказала Марго.

— Моя дорогая миссис Дррелл вы должны научиться верить огромному влиянию духовного мира который только и старается помогать и руководить... Уаааха... — Миссис Хэддок перевела дух. — Я чувствую что если бы вы пришли на один из наших сеансов вы бы убедились в огромной силе духовного мира который в конечном счете единственный старается помочь и направить нас... Уаааха... Я чувствую что если бы вы пришли на один из наших сеансов вы бы убедились в огромной силе добра которое есть у наших духовных гидов. Уаааха.

— Благодарю вас. Я предпочитаю руководствоваться своим собственным духом, — с достоинством сказала мама.

— Мед теперь не такой, как раньше, — сказала тетя Фэн, следившая за разговором.

— У тебя просто предубеждение, мама, — сказала Марго. — Ты порицашь вещь, даже не испробовав ее.

— Я чувствую уверенность что если бы ты смогла убедить свою маму присутствовать на наших сеансах... Уаааха... она бы нашла целый новый мир открывшийся перед нею.

— Да, мама, — сказала Марго, — тебе надо прийти на сеанс. Я уверена, что ты будешь убеждена в том, что увидишь и услышишь! В конце концов, нет дыма без огня.

Я видел, что мама страдает от внутренней борьбы. Много лет она проявляла глубокий интерес к суевериям, народной магии, колдовству и подобным вещам, и теперь соблазн принять предложение миссис Хэддок был очень велик. Я ждал, затаив дыхание, надеясь, что она примет предложение. В тот момент мне больше всего хотелось увидеть миссис Хэддок, покрытую мозгами и трубками, летающими вокруг ее головы.

— Ну ладно, — сказала мама нерешительно. — Там будет видно. Мы поговорим об этом завтра.

— Я уверена как только мы прорвем барьер для вас мы сможем оказать вам большую помощь и руководство... Уаааха... — сказала миссис Хэддок.

— Да, да, — сказала Марго, — Мауэйк просто прелесть!

— У нас будет завтра вечером еще один сеанс здесь в отеле... уаааха... и я очень надеюсь что и вы и Марго будете на нем. Уаааха.

Она чуть заметно, словно бы нехотя, улыбнулась нам, прощая все наши грехи, потрепала Марго по щеке и удалилась.

— Право же, Марго, — сказала мама, когда закрылась дверь за миссис Хэддок, — ты заставляешь меня злиться.

— Ох, мама, ты такая старомодная, — ответила Марго. — Этот доктор не принес мне никакой пользы своими уколами, а Мауэйк творит чудеса.

— Чудеса, — фыркнула мама с презрением, — по мне — так ты выглядишь точно такой, как была.

— Клевер, — сказала тетя Фэн, жуя тост, — считается самым лучшим, хотя я предпочитаю вереск.

— Послушай, дорогая, — сказала Пру, — эта женщина зажала тебя в тиски. Она злая. Поостерегись, пока не поздно.

— Я только прошу, чтобы вы пришли на сеанс и посмотрели, — ответила Марго.

— Никогда, — сказала Пру, содрогаясь. — Мои нервы этого не вынесли бы.

— Интересно, — сказала тетя Фэн, — что для опыления клевера нужны шмели.

- Д** — Ох, я слишком устала, — сказала мама, — чтобы обсуждать это теперь. Мы поговорим об этом утром.
- Не поможете ли вы мне с капустой? — спросила Марго.
- Что сделать? — спросила мама.
- Помочь мне с капустой, — ответила Марго.
- Я всегда интересовалась, — в раздумье сказала тетя Фэн, — можно ли разводить шмелей.
- Что ты делаешь с капустой? — спросила мама.
- Она кладет ее на лицо, — презрительно сказала Пру. — Просто смех.
- Ничего смешного, — рассердилась Марго. — Это приносит моим прыщам мир добра.
- Что? Ты варишь ее или как? — спросила мама.
- Нет, — ответила Марго, — я положу листья на лицо, а ты завяжешь их на мне. Так посоветовал Мауэйк, и это делает чудеса.
- Один смех, Лу, дорогая. Ты должна остановить ее, — сказала Пру, ошестинившись, как котенок. — Это не что иное, как колдовство.
- Я очень устала, чтобы спорить об этом, — сказала мама. — Не думаю, чтобы это могло принести тебе какой-нибудь вред.
- Марго села на стул и приложила большие морщинистые листья капусты к лицу, а мама торжественно привязала их красной ленточкой к голове. Я подумал, что в таком виде Марго похожа на странную зеленую мумию.
- Это же язычество, вот что это такое, — сказала Пру.
- Ерунда, Пру, напрасно ты волнуешься, — ответила Марго заглушенным капустными листьями голосом.
- Я иногда думаю, — сказала мама, завязав последний узел, — вся ли моя семья в своем уме.
- Марго собирается на маскарад? — спросила тетя Фэн, с интересом следившая за происходящим.
- Нет, мамочка, — захохотала Пру. — Это для ее прыщей.
- Марго встала и ошупью направилась в двери:
- Пойду прилягу.
- Если тебе встретится кто-нибудь на лестничной площадке, он испугается до смерти, — сказала Пру.
- Повеселись хорошенько, — сказала тетя Фэн. — Не возвращайся слишком поздно. Знаю я вас, молодых.
- Когда Марго ушла, Пру повернулась к маме:
- Вот видишь, дорогая Лу? Я не преувеличивала. Эта женщина имеет злое влияние. Марго ведет себя как ненормальная.

— Да ладно, — сказала мама, чей жизненный принцип был всегда защищать молодых, как бы не правы они ни были. — Просто она несколько неблагоразумна.

— Неблагоразумна! — воскликнула Пру. — Капустные листья на все лицо! Никогда ничего не делает, если Мауэйк ей не скажет. Это вредно для здоровья.

— Я нисколько не удивлюсь, если она возьмет первый приз, — засмеялась тетушка Фэн. — Вряд ли там найдутся другие, изображающие капусту.

Спор продолжался с перевесом то в одну, то в другую сторону, перемежаясь с воспоминаниями тети Фэн о балах-маскарадах, на каких она была в Индии. Наконец Пру и тетушка Фэн ушли, и мы с мамой приготовились ко сну.

— Мне иногда кажется, — сказала мама, снимая одежду и выключая свет, — мне иногда кажется, что я единственный нормальный человек в семье.

На следующее утро мы решили походить по магазинам, так как на Корфу не было многого, что маме хотелось бы купить и взять с собой. Пру сказала, что это отличный план и она может занести по дороге бедлингтонских щенят их новым владельцам.

И вот в девять часов мы все собрались на тротуаре у отеля «Балаклава» и, должно быть, представляли занятную картину для прохожих. Тетушка Фэн, наверное, в честь нашего приезда, надела шляпку феи с большим пером. Она стояла на тротуаре, обвитая, словно майское дерево, поводками носьюми бедлингтонских щенков, которые дрались, играли и мочились вокруг нее.

— Я думаю, нам лучше взять такси, — сказала мама, с беспокойством глядя на прыгавших щенят.

— Ой нет, Лу, — сказала Пру, — подумай о расходах! Мы можем поехать на метро.

— Со всеми щенками? — с сомнением спросила мама.

— Да, дорогая, мамочка привыкла справляться с ними.

Тетя Фэн, связанная теперь почти до неподвижности поводками щенят, вынуждена была выпутаться, прежде чем мы могли спуститься к станции метро.

— Сироп из дрожжей и клена, — сказала Марго. — Ты не должна, мама, позволить мне забыть о сиропе из дрожжей и клена. Мауэйк говорит, что это отличное средство от прыщей.

— Если ты еще раз упомянешь имя этого человека, я рассержусь всерьез, — ответила мама.

Д Наше продвижение к станции метро было медленным, так как щенки обходили каждый предмет на нашем пути в обратном направлении и мы без конца останавливались, чтобы размотать поводок и освободить тетю Фэн от фонарного столба или почтового ящика, а иногда и от прохожих.

— Маленькие проказники! — восклицала она, теряя дыхание после каждой встречи. — Это они не нарочно.

Когда мы наконец прибыли к билетной кассе, Пру долго и язвительно спорила о цене для провоза бедлингтонов.

— Но ведь им всего восемь недель, — протестовала она, — а вы не берете платы с детей до трех лет.

Но вот наконец билеты были куплены, и мы направились к эскалаторам, навстречу потоку теплого воздуха, идущего от отверстий в земле. Щенят это, по-видимому, подбадривало. Рыча и твякая, в путанице поводков, они рвались вперед и тянули за собой тетушку Фэн, как тяжелый галион. И только увидев эскалаторы, они стали опасаться того, что до сих пор казалось им чудесным приключением. Судя по всему, им не нравилось стоять на чем-то, что двигалось, и в своем решении они были единодушны. Вскоре все мы образовали тугой узел на верху эскалатора, сражаясь с истерически визжавшими щенками.

Позади нас образовался хвост.

— Это следовало бы запретить, — сказал строгого вида мужчина в котелке. — Собак нельзя пускать в метро.

— Я за них заплатила, — задыхнулась Пру. — У них столько же прав ехать в метро, как и у вас.

— Черти проклятые! — сказал другой мужчина на ярко выраженном кокни. — Я очень спешу. Пропустите меня.

— Маленькие мои проказники! — заметила тетя Фэн, смеясь. — Они такие веселые в этом возрасте.

— Может быть, каждый из нас возьмет по щенку? — предложила мама. Ее все больше смущал ропот толпы.

В этот момент тетя Фэн оступилась на первой ступеньке эскалатора, поскользнулась и упала в водопад твиды, потащив за собой твякающих щенят.

— Слава богу, — сказал мужчина в котелке, — теперь мы, может быть, пройдем.

Пру стояла на верху эскалатора и смотрела вниз. К этому времени тети Фэн достигла половины эскалатора, но не могла подняться из-за облепивших ее щенков.

— Мапочка, мапочка, у тебя все в порядке? — кричала Пру.

— Я уверена, дорогая, что все в порядке, — успокаивала ее мама.

— Маленькие мои шалунишки! — с трудом говорила тетя Фэн, когда неслось по эскалатору.

— Теперь, когда ваши собаки убрались, мадам, — сказал мужчина в котелке, — быть может, и мы наконец воспользуемся удобствами этой станции?

Пру повернулась к нему, исполненная решимости вступить в битву, но Марго и мама утихомирили ее и поехали вниз по лестнице, к груде твида и бедлингтонов, представлявшей собой тетю Фэн.

Мы подняли ее, отряхнули и распутали щенят, после чего направились к платформе. Теперь щенки являли собой подходящий сюжет для афиши. В обычное время бедлингтоны — весьма воспитанные собаки, но в критические моменты мне не приходилось видеть более жалкого зрелища. Дрожащие от страха щенки стояли на платформе, издавая высокие жалобные звуки, словно миниатюрные морские чайки, и то и дело приседали на криных ножках, чтобы украсить платформу результатом своего страха.

— Бедняжки, — посочувствовала проходившая мимо толстая женщина, — стыдно так обращаться с животными.

— Нет, вы слышали, что она говорит? — воинственно сказала Пру. — Хотелось бы мне пойти за ней и сказать ей пару теплых слов.

К счастью, в этот момент с шумом, изрыгая потоки теплого воздуха, подошел поезд и отвлек всеобщее внимание. На щенят его приход оказал немедленное действие. С минуту они продолжали стоять, дрожа и воя, словно стадо полумертвых от голода серых ягнят, затем бросились вдоль платформы не хуже упряжки лаек и потянули за собой тетю Фэн.

— Мамочка, мамочка, иди назад! — закричала Пру, когда мы бросились им вслед.

Пру совсем упустила из виду метод тети Фэн вести собак на поводке, который та мне подробно объяснила: никогда не тянуть за поводок, это может повредить им шею. Следуя новому методу, тетушка бежала по платформе, а бедлингтоны бежали впереди. Наконец мы догнали ее и сдержали щенков как раз в тот момент, когда двери поезда закрылись с самоуспокоенным шипением и он с грохотом умчался от станции, так что нам вместе с бедлингтонами пришлось ждать следующего поезда. Когда мы наконец затащили их в вагон, щенки оживились. Они весело боролись друг с другом, рычали и визжали, обматывая поводками ноги пассажиров, а один из них так разошелся, что подпрыгнул и вырвал газету «Таймс» из рук пассажира, который сидел с видом управляющего Английским банком.

Когда мы прибыли на место, голова у нас шла кругом, только тетя Фэн чувствовала себя отлично и была в восторге от живости щенят. Следуя со-

Д вету мамы, мы переждали, пока схлынул людской поток, и только тогда рискнули воспользоваться эскалатором. К нашему удивлению, подъем щенков вверх не доставил особых хлопот. Судя по всему, они стали закаленными путешественниками.

— Слава богу, все позади, — сказала мама, когда мы наконец оказались наверху.

— Боюсь, что щенята были несколько надоедливы, — волновалась Пру, — но ведь они привыкли жить за городом, а в городе им все не по нраву.

— А? — спросила тетя Фэн.

— Не по нраву, — крикнула Пру. — Щенкам. Им кажется, что все не так.

— Какая жалость, — сказала тетя Фэн и, прежде чем мы успели ее остановить, повела собак к другому эскалатору, и они исчезли в недрах земли.

Избавившись от щенков, мы благополучно справились с покупками, хотя и были несколько утомлены. Мама купила все, что ей было нужно. Марго достала свой сироп из дрожжей и клена, а я, пока они занимались приобретением всех этих ненужных мне предметов, сумел обзавестись красивым красным кардиналом, пятнистой саламандрой, толстой и лоснящейся, как атласное стеганое одеяло, и чучелом крокодила.

Удовлетворенные каждый своими покупками, мы вернулись в отель «Балаклава».

По настоянию Марго мама решила вечером побывать на сеансе.

— Не делай этого, дорогая Лу, — сказала Пруденс, — это связано с неведомым.

Но мама оправдывала свои действия весьма логично:

— Я чувствую, что должна встретиться с этим Мауэйком, он все же лечит Марго.

— Ну вот что, дорогая, — сказал Пру, видя мамину непреклонность, — я считаю это сумасшествием. Но я считаю своим долгом пойти с тобой. Нельзя же позволить, чтобы ты одна присутствовала на подобных вещах.

Я попросил взять и меня с собой, ссылаясь на то, что недавно в мои руки попала книга об искусстве разоблачения псевдомедиумов, так что мои знания могли пригодиться.

— Мне кажется, не следует брать мамочку, — сказала Пру. — Это на нее может плохо подействовать.

И вот в шесть часов вечера в сопровождении Пру, трепещущей, словно только что пойманный птенец, мы отправились на нижний этаж, где жила

миссис Хэддок. Там уже собралось довольно много народу. В числе других были миссис Глат, управительница отеля, высокий мрачный русский, говоривший с таким сильным акцентом, будто его рот был набит сыром, молодая, очень серьезная блондинка и вялый молодой человек, который, по слухам, собирался стать актером, но единственным занятием которого было дремать безмятежно в пальмовом шезлонге. К моей досаде, до начала сеанса мама не позволила мне обыскать комнату, чтобы обнаружить спрятанные веревки или фальшивый эктоплазм. Но мне все же удалось сказать миссис Хэддок, какую книгу я читал: если она не шарлатанка, думал я, это ее заинтересует. Однако взгляд, который она бросила на меня, был далеко не доброжелательный.

Мы сели в кружок, держась за руки. Начало сеанса было довольно неблагоприятным, потому что, едва погасили свет, Пру с пронзительным криком вскочила со стула, на котором сидела. Как оказалось, кожаная сумочка, которую она прислонила к ножке стула, соскользнула и коснулась ее ноги. После того как мы успокоили Пру и убедили ее, что это не козни злого духа, все вернулись на свои места и снова взялись за руки. Комната освещалась свечой на блюде, она оплывала, мигала и посылала волнистые тени, поэтому лица у всех выглядели так, будто они только что восстали из мертвых.

— Теперь никто не должен разговаривать и я должна просить всех держать руки крепко сжатыми так чтобы мы не теряли ни единой сущности... Уаааа, — сказала миссис Хэддок на одном дыхании. — Я знаю что среди нас есть неверующие тем не менее я прошу вас держать свой рассудок спокойным и восприимчивым.

— Что она имеет в виду? — шепотом спросила Пру у мамы. — Я не могу считать себя неверующей. Наоборот, я верю слишком сильно.

Проинструктиввав нас, миссис Хэддок уселась в кресло и с напускным спокойствием погрузилась в транс. Я пристально следил за ней, решив не пропустить эктоплазм. Вначале она просто сидела с закрытыми глазами и все было тихо, за исключением шороха и поскрипывания стула, на котором вертелась возбужденная Пру. Но вот миссис Хэддок начала глубоко дышать, потом раздался храп с громким резонансом. Казалось, на чердаке кто-то рассыпает по полу мешок картошки. На меня это не произвело впечатления, ведь храп легче всего подделать. Рука Пру, сжимавшая мою руку, стала влажной от пота, и я почувствовал, как по ней пробегает дрожь.

— Ааааа, — произнесла вдруг миссис Хэддок, а Пру подпрыгнула на своем стуле и отчаянно вскрикнула, словно ее ударили кинжалом.

Д

— Аааааааа, — повторила миссис Хэддок, извлекая полные драматизма возможности из этого простого звука.

— Мне это не нравится, — прошептала дрожавшая всем телом Пруденс. — Лу, дорогая, мне это не нравится.

— Успокойся, не то ты все испортишь, — прошипела Марго. — Расслабься и постарайся сделать свой ум восприимчивым.

— Я вижу среди нас новичков, — сказала вдруг миссис Хэддок с таким сильным индийским акцентом, что я чуть не рассмеялся. — Новичков, которые пришли в наш кружок. Я говорю им: добро пожаловать.

Мне показалось странным, что миссис Хэддок больше не соединяли свои слова вместе и не производила удивительных вдохов. Она побормотала и поворчала с минуту что-то непонятное, а потом сказала ясно:

— Это Мауэйк.

— Ооо! — воскликнула Марго с восторгом. — Он пришел! Вот и он, мама! Это Мауэйк!

— Кажется, мне сейчас будет плохо, — сказала Пру.

Я внимательно смотрел на миссис Хэддок в тусклом мерцающем свете, но, как ни старался, не заметил ни единого следа эктоплазма или летающих трубок.

— Мауэйк говорит, — объявила миссис Хэддок, — что белой девушке не нужны больше проколы.

— Вот! — сказала Марго торжествующе.

— Белая девушка должна слушаться Мауэйка. Ей не нужно влияние неверующих.

Я услышал, как мама воинственно фыркнула в темноте.

— Мауэйк говорит, что, если белая девушка доверится ему до наступления двух лун, она будет здорова. Мауэйк говорит...

Но, что собирался сказать Мауэйк, мы так и не узнали, потому что в эту минуту кошка, которая разгуливала, незамеченная, по комнате, прыгнула на колени Пру. Раздался оглушительный крик. Пруденс вскочила на ноги и с отчаянным призывом «Лу, Лу, Лу!», как ослепленный светом мотылек, ошупью заблуждала по комнате вокруг сидящих людей, вскрикивая всякий раз, когда касалась чего-нибудь.

Кто-то догадался включить свет, прежде чем Пру в своей цыплячьей панике не причинила бы какого-нибудь вреда.

— Послушайте, не слишком ли это, а? — заметил вялый молодой человек.

— Вы могли нанести ей большой вред, — сказала девушка, глядя на Пру сверкающими глазами и обмахивая миссис Хэддок носовым платком.

— Меня что-то задело. Что-то коснулось, оказавшись у меня на коленях, — со слезами сказала Пру. — Эктоплазм.

— Ты все испортила, — рассердилась Марго, — как раз тогда, когда приходил Мауэйк.

— Мне кажется, мы достаточно слышали Мауэйка, — сказала мама. — Теперь самое время кончить валять дурака с этой чепухой.

Миссис Хэддок, которая невозмутимо похрапывала в течение всей сцены, вдруг проснулась.

— Чепухой? — повторила она, уставившись на маму своими выпуклыми глазами. — Вы смеете называть это чепухой?.. Уаааха.

Это был один из крайне редких случаев, когда я видел маму по-настоящему рассерженной. Она выпрямилась во весь свой рост и рассвирепела.

— Шарлатанка! — бросила она в лицо миссис Хэддок. — Я сказала, что это чепуха, и повторяю: чепуха. Я не позволю, чтобы моя семья имела какое-нибудь отношение ко всякому вздору. Пойдем, Марго, пойдем, Джерри, пойдем, Пру. Мы уходим.

Нас так удивило проявление решительности обычно спокойной мамы, что мы кротко последовали за ней и вышли из комнаты, оставив разгнепанную Хэддок в окружении нескольких ее учеников.

Едва мы очутились в безопасности своих комнат, Марго разразилась потоком слез.

— Ты все испортила, испортила, — говорила она, ломая руки. — Миссис Хэддок больше никогда не станет разговаривать с нами.

— И правильно сделает, — сказала мама непреклонно, наливая бренди дюжавшей и все еще не пришедшей в себя Пруденс.

— Хорошо ли вы провели время? — спросила проснувшаяся вдруг тетя Фэн, глядя на нас совиными глазами.

— Нет, — ответила мама резко. — Плохо.

— Я не могу отделаться от мысли об эктоплазме, — сказала Пру, судорожно глотая бренди. — Это похоже на... похоже... ну знаете, на что-то влажное.

— Как раз когда появился Мауэйк, — стонала Марго. — Когда он собирался сказать что-то важное.

— Хорошо, что рано вернулись, — продолжала тетя Фэн, — потому что даже в это время года вечерами холодно.

— Я уверена, что *это* исколо мое горло, — сказала Пру, — хотело наброситься на горло. Это было похоже на... нечто вроде влажной руки.

— Только Мауэйк мог принести мне пользу.

Д

— Мой отец всегда говорил, что в это время года погода неустойчивая, — сказала тетя Фэн.

— Марго, прекрати болтать глупости! — сердито сказала мама.

— Лу, дорогая, я просто чувствовала, как ужасные влажные пальцы нащупывали мое горло, — сказала Пру, не обращая внимания на стенания Марго, поглощенной расцвечиванием своих переживаний.

— Отец всегда брал с собой зонтик и зимой и летом, — говорила тетя Фэн. — Все смеялись над ним, но он считал, что даже в самые жаркие дни должен иметь зонтик при себе.

— Ты вечно все портишь, — хныкала Марго, — вечно вмешиваешься.

— Беда в том, что я недостаточно вмешиваюсь, — ответила мама. — Еще раз говорю, чтобы ты прекратила все эти глупости, перестань плакать, и мы сию же минуту едем обратно на Корфу.

— Если бы я не вскочила, — сказала Пру, — это впилось бы мне в вену.

— Отец всегда говорил, что нет ничего лучше, чем пара калош, — сказала тетя Фэн.

— Не поеду я на Корфу. Не поеду. Не поеду.

— Ты поступишь так, как тебе сказано.

— *Это* обвилось вокруг моего горла так ужасно.

— Он никогда не одобрял резиновых сапог, считал, что от них кровь приливает к голове.

Я перестал слушать. Все мое существо ликовало. Мы едем обратно на Корфу. Покидаем каменный, бездушный Лондон. Едем назад к чудесным оливковым рощам и синему морю, к теплу и смеху наших друзей, к долгим, золотистым, ласковым дням.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРАМА

КРЕЩЕНИЕ

Корфу лежит между албанскими и греческими берегами подобно длинному, изъеденному ржавчиной кривому турецкому ятагану. Там, где эфес ятагана, расположена гористая местность острова, большей частью бесплодная и каменистая, с высокими отвесными скалами, излюбленное место голубых каменных дроздов и соколов. Однако в долинах, где с красных и золотистых скал струятся потоки воды, вы найдете целые леса миндаля и грецкого ореха, отбрасывающих тень, прохладную, как родник, батальоны пирамидальных кипарисов и густые заросли фиговых деревьев с серебристой коркой и крупными, как поднос, листьями. Лезвием ятагана служат растущие уступами серебристо-зеленые раскидистые гигантские оливы — говорят, что некоторым из них не менее пятисот лет, — и каждая отличается своей особой изогнутой формой, а стволы их усеяны сотнями дыр наподобие пемзы. На конце лезвия вы найдете Лефкими с его ослепительно сверкающими дюнами и обширными соляными топами с зарослями бамбука, который скрипит, шуршит и тайно перешептывается друг с другом.

Возвратиться на Корфу значило для меня возвратиться домой. Впервые мы приехали туда год или два назад и быстро устроились в светлом розовом доме с зелеными ставнями в форме кирпичиков. Он приютился в роще олив, спускавшейся по склону холма к морю, и был окружен крошечным садиком, цветные клумбы которого выложены с геометрической точностью в викторианском духе, и весь садик обнесен высокой густой оградой из фуксий, где таинственно шелестели птицы.

Как ни роскошны были разные сады, которые я видел в Англии, они никогда не давали мне такого ассортимента живности. Я находился под очень странным впечатлением нереальности, словно родился впервые. В этом сияющем хрупком свете я мог в полную меру оценить красные крылышки божьей коровки, великолепный шоколадный и янтарный цвет ухоретки и темный блестящий агат муравьев. Затем моему взору представи-

Д лось множество неизвестных доселе существ. Большие пушистые шмели плотники, подобно голубым игрушечным медвежатам, с гудением перелетали с цветка на цветок; ярко-желтые в черную полоску бабочки-парусники в своих элегантных визитках совершали пируэты над оградой из фуксий, исполняя сложные па менуэта друг с другом; бабочки-колибри неподвижно висели в воздухе перед цветами, исследуя каждый цветок своим длинным тонким хоботком. У меня не было сведений, даже простейших, об этих созданиях и не было книг, чтобы узнать о них. Я мог только наблюдать за ними, когда они хлопотали в саду, или ловить их, чтобы изучить более тщательно. Очень скоро моя спальня заполнилась множеством банок из-под варенья и жестянок из-под бисквитов, набитых трофеями, которые я находил в нашем маленьком садике. Все это приходилось проносить домой тайком, так как вся семья, разве что за исключением мамы, с тревогой смотрела на внедрение фауны в дом.

Каждый сверкающий день множил загадки о поведении насекомых, словно бы подчеркивал мою неосведомленность. Одним из созданий, которое особенно интриговало и раздражало меня, был навозный жук. Обычно я лежал на животе с Роджером, моей собакой, припавшей к земле рядом со мной подобно горе черных кудряшек, и наблюдал за двумя черными блестящими жуками, каждый с изящно изогнутым носорожьим рогом на голове. Они катали между собой (с огромной самоотверженностью) чудесной формы шар из коровьего помета. Прежде всего мне хотелось узнать, как им удастся сделать совершенно круглый шар. По собственному опыту с глиной и пластилином я знал, как это трудно сделать, сколько бы вы ни терли и ни мяти материал, тогда как жуки, пользуясь только своими заостренными ногами как инструментом, без циркуля и другой помощи ухитрялись лепить очаровательные шарики навоза, круглые, как луна. Вторая загадка: зачем они делают эти шарики и куда их несут?

Я разрешил эту проблему или часть ее, посвятив однажды целое утро парочке навозных жуков и отказавшись от наблюдений за другими насекомыми в саду. Даже тихое твяканье и зевота скушающего Роджера не могли отвлечь меня от этой задачи. Медленно, на четвереньках, я следовал за жуками фут за футом через сад, такой маленький для меня и такой обширный мир для них. Наконец они подползли к небольшому склону под оградой из фуксий. Катить шарик вверх по склону было им очень трудно, несколько раз нога то одного, то другого жука срывалась, и шарик скатывался к подножию. Тогда жуки спешили к нему и, как представлялось моему воображению, бранили друг друга за оплошность. Мало-помалу они все-таки

игаскивали его наверх и затем направлялись вниз по противоположной стороне. У основания склона я впервые заметил круглое отверстие вроде колодца, уходившее в глубину земли; туда-то и направились жуки. Когда они были дюймах в двух от отверстия, один из жуков продвинулся вперед и попытлся к отверстию, где и уселся, отчаянно работая передней ножкой, тогда как другой с большим усилием (я почти убедил себя, что слышу его тяжелое дыхание) подкатил шарик к краю ямки. Какое-то время они толкали и тянули его, пока он вместе с жуками не скрылся под землей. Меня жила досада. Ведь они, несомненно, собирались что-то сделать с навозным шариком, но если они делают это под землей, как я мог увидеть, что именно? Надеюсь пролить некоторый свет на эту проблему, я поставил ее перед родными, когда мы собрались за ленчем. Что, спросил я, делают навозные жуки с навозом? На минуту воцарилась неожиданная тишина.

— Ну, я полагаю, они извлекают из него пользу, милый, — неопределенно сказала мама.

— Надеюсь, ты не собираешься тащить их в дом? — спросил Ларри. — И отказываюсь жить в доме, где весь пол украшен навозными шариками.

— Нет, нет, милый, он этого не сделает, — миролюбиво сказала мама, но в ее тоне чувствовалось сомнение.

— Ну, мое дело было предупредить вас, не более, — сказал Ларри. — Кажется, в его спальне спрятаны все самые опасные насекомые из сада.

— Может быть, они нужны им для тепла, — произнес Лесли после некоторого раздумья. — Очень теплое вещество навоз. Ферменты.

— Не нужно ли нам обзавестись центральным отоплением? — спросил Ларри. — Пожалуй, я об этом подумаю.

— Может быть, они едят их, — сказала Марго.

— Марго, милая, — сказала мама, — только не за завтраком.

Как обычно, недостаток биологических знаний у моей семьи разочаровал меня.

— Что тебе нужно почитать, — заметил Ларри, рассеянно накладывая себе в тарелку еще жаркого, которое, как он только что втолковывал маме, было совсем невкусное. — Что тебе нужно почитать — это Фабра.

Я просил, что такое или кто такой этот Фабр, скорее из вежливости, чем по другой причине, так как, поскольку совет исходил от Ларри, я был убежден, что Фабр мог оказаться каким-нибудь незаметным средневековым поэтом.

— Натуралист, — сказал Ларри с полным ртом, махнув вилкой в мою сторону. — Писал о насекомых и прочем. Постараюсь достать тебе книгу.

Пораженный таким неожиданным великодушием моего старшего брата, я был очень осторожен в течение следующих двух-трех дней, стараясь

Д

ничем не вызвать его гнева, но проходили дни, а книга не появлялась, и в конце концов я забыл о ней и занялся другими насекомыми в саду.

Но слово «почему» преследовало и обескураживало меня на каждом шагу. Почему шмель вырезает маленькие круглые кусочки из листьев розы и улетает с ними? Почему муравьи ведут себя так, будто они страстно влюблены в огромную массу тли, которой заражены многие растения в саду? Что это были за странные янтарного цвета насекомые или раковинки, которых я находил на стеблях травы и на оливковых деревьях? Они представляли собой пустую оболочку, хрупкую, как пепел, каких-то созданий с круглым телом, выпуклыми глазами и парой толстых колючих передних ног. Почему у этих раковин распорота спина? Может быть, на них падали и высосали из них все жизненные соки? Если так, то кто это сделал и кто они сами? Вопросы сыпались на меня как из рога изобилия, но никто из моего семейства не мог дать ответа.

Я был на кухне, когда утром несколько дней спустя прибыл Спиро и показал маме мое последнее приобретение, длинную, тонкую, цвета жженого сахара сороконожку, которая, как я утверждал, вопреки ее недоверию сияла по ночам белым светом. Спиро ввалился в кухню весь в поту и по обыкновению со свирепым и озабоченным видом.

— Я принес вам почту, миссис Даррелл, — сказал он маме и затем взглянул на меня: — Доброе утро, мастер Джерри.

Полагая по своей наивности, что Спиро разделяет мой восторг по поводу моего последнего приобретения, я протянул ему под нос банку из-под варенья и пригласил полюбоваться на нее. Он бросил быстрый взгляд на сороконожку, которая крутилась на дне банки, как часовой механизм, выронил почту на пол и быстро отступил за кухонный стол.

— Право, мастер Джерри, — сказал он хрипло, — что вы с ней делаете?

Озадаченный его реакцией, я объяснил, что это всего-навсего сороконожка.

— Эта тварь ядовитая, миссис Даррелл, — серьезно сказал Спиро маме. — Честное слово, мастер Джерри не должен возиться с такими вещами, как эта.

— Возможно, вы и правы, — сказала мама неуверенно. — Но ему все это так интересно. Вынеси ее, милый, чтобы Спиро не мог ее видеть.

— Держитесь подальше, — услышал я слова Спиро, когда выходил из кухни со своей драгоценной банкой. — Честное слово, миссис Даррелл, держитесь подальше от всего, что этот мальчик находит.

Мне удалось унести сороконожку в свою спальню, не встретив по пути никого из других членов семьи, и поместить ее в маленькую миску, укра-

шенную мхом и кусочками коры. Я решил, что родня оценит мою находку — ведь сороконожка светилась в темноте, — и строил планы, как затею настоящий пиротехнический спектакль после обеда. Однако все мысли о фосфоресцирующей сороконожке улетучились из моей головы, так как среди прочего в почте оказался толстый коричневый пакет, который Ларри перебросил мне, когда мы сидели за ленчем.

— Фабр, — сказал он кратко.

Забыв о еде, я разорвал пакет, и там внутри была толстая зеленая книга, озаглавленная «Священный жук и другие» Жана Анри Фабра. Открыв ее, я пришел в восторг, так как на фронтисписе была картинка с изображением двух навозных жуков, столь хорошо мне знакомых, словно это были близкие родственники моих собственных жуков. Жуки катили красивый круглый шарик из навоза. В восторге, смакуя каждую страницу, я медленно листал книгу. Текст был восхитительный. Это не была ученая шумная книга. Написана она была таким простым, ясным языком, что даже я мог понять его.

— Оставь книгу на попозже, милый, — сказала мама. — Ешь завтрак, пока он не остыл.

Несмотря на то, что я положил книгу на колени и набросился на еду с такой скоростью и свирепостью, что у меня потом полдня болел живот. Однако это несколько не помешало мне зарыться в книгу Фабра. Пока семья отдыхала, я лежал в тени мандаринового дерева и пожирал страницу за страницей, и, когда наступило время чая, я — к моему огорчению — закончил книгу. Но моему восторгу не было предела. Теперь я был вооружен знаниями, я чувствовал, что знаю все, что нужно, о навозных жуках. Они больше не были таинственными насекомыми, с трудом ползающими по оливковым рощам, они стали моими близкими друзьями.

К этому времени мой интерес к естественной истории расширило и подстегнуло еще одно обстоятельство — хотя не могу сказать, что я оценил это тогда, — встреча с моим первым репетитором Джорджем, другом Ларри. Джордж был высокий, худощавый молодой человек с темной бородкой, в очках, обладающий неброским и сардоническим чувством юмора. Одно утро в неделю он посвящал исключительно естественной истории. Это было единственное утро, когда я выходил ему навстречу. Я шел через оливковые рощи на полпути к его маленькому дому, и затем мы с Роджером скрывались в зарослях миртов и ждали его приближения. Вскоре появлялся Джордж. Все его одеяние составляли пара сандалий, выцветшие шорты и огромная рваная соломенная шляпа; под мышкой он нес связку книг, а свободной рукой размахивал длинной изящной тросточкой. Мы с Родже-

Д ром сидели на корточках среди душистых миртов и держали пари друг с другом, станет ли Джордж и в это утро сражаться с оливковым деревом.

Джордж был искусный фехтовальщик, подтверждением чему служили многочисленные кубки и медали; неудивительно, что желание пофехтовать часто находило на него. Он размашисто шагал по тропинке, поблескивал очками и размахивая тростью, когда внезапно одно какое-нибудь оливковое дерево превращалось в злого противника, которому следовало преподать урок. Отбросив книги и шляпу, Джордж осторожно продвигался к дереву, его правая рука держала трость, превратившуюся теперь в шпагу, а левая была изящно откинута назад. Медленно, напрягая ноги, словно терьер, приближавшийся к мастифу, он обходил вокруг дерева, наблюдая прищуренными глазами за его первым недружелюбным движением. Внезапно он делал выпад, и конец трости исчезал в одном из отверстий на стволе оливы. Он произносил довольное «ха» и немедленно отступал назад, прежде чем дерево могло ответить ему тем же. Я заметил, что, если ему удавалось загнать свою шпагу в одно из маленьких отверстий в стволе оливы, это не означало смертельной раны, а только легкую царапину, которая, надо полагать, приводила его противника в ярость, потому что через секунду он боролся так беспощадно, словно от этого зависела его жизнь, легко танцевал вокруг оливы, делая выпады и отступления, отскакивая в сторону, рубил сверху вниз шпагой, увертываясь от страшного выпада оливы, но так быстро, что я не успевал заметить движений. С некоторыми деревьями он расправлялся совсем легко, нанося смертельный удар в большое дупло, где его шпага исчезала почти до эфеса, но иногда олива оказывалась достойным противником, и около четверти часа между ними шел бой не на жизнь, а на смерть. Лицо у Джорджа было суровое, и он пускал в ход все хитрые трюки, какие знал, чтобы пробить оборону гигантского дерева. Убив противника, Джордж тщательно вытирал кровь со шпаги, надевал шляпу, поднимал книги и, напевая про себя, продолжал свой путь вниз по тропинке. Я всегда давал ему пройти значительное расстояние, прежде чем присоединиться к нему, из опасения, как бы он не догадался, что я наблюдал за его воображаемым сражением, и это смутило бы его.

Джордж познакомил меня с человеком, который сразу стал самой важной личностью в моей жизни: доктором Теодором Стефанидесом. Теодор — самый замечательный из всех людей, которых я когда-либо встречал (и тридцать три года спустя я по-прежнему держусь того же мнения). Со своими пепельными волосами и бородой, с прекрасными орлиными чертами лица, Теодор был похож на греческого бога и, конечно, казался мне таким же всеведущим. Он был не только хорошим врачом, но также биоло-

гом, поэтом, писателем, переводчиком, астрономом и историком. А между многими многочисленными занятиями он еще находил время и помогал вести ричитеновский кабинет, единственный на Корфу. Побывав впервые в его квартире в городе, я спросил маму, можно ли мне пригласить его к нам на чай.

— Думаю, что да, милый, — ответила мама, — надеюсь, он говорит по-английски.

Сражение мамы с греческим языком окончилось неудачей. Только день назад она потратила целое утро, приготавливая какой-то особенно вкусный суп для ленча. Наконец, когда все было готово, с чувством удовлетворения она перелила суп в супницу и вручила служанке. Та вопрошающе посмотрела на нее, и тогда мама произнесла одно из немногих греческих слов, какие она могла припомнить. «Эксо, — сказала она твердо, махнув руками, — экзо». Затем она продолжала свою стряпню и повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как служанка выливала остатки супа в раковину. Это, естественно, вселило в маму страх перед собственными лингвистическими способностями.

Я с возмущением заявил, что Теодор превосходно говорит по-английски; если уж на то пошло, лучше, чем мы. Успокоенная этим, мама предложила написать Теодору записку и пригласить его в следующий четверг. И провел два мучительных часа, бродя по саду в ожидании его приезда во власти самых ужасных чувств, и поминутно выглядывал сквозь ограду из фуксий. Что, если записка не дошла до него? Или, быть может, он положил ее в карман и забыл о ней и в этот самый момент слоняется где-то на южной оконечности острова в поисках знаний? А может быть, он наслышался о нашем семействе и просто не захочет прийти? Если так, я поклялся, что не прощу им этого. Но вскоре я увидел Теодора в изящном костюме из твида и в фетровой шляпе, аккуратно сидевшей на голове. Он шел среди олив, размахивая тростью и напевая про себя. Через плечо у него была перекинута сумка для коллекций, такая же неотъемлемая часть его самого, как руки и ноги.

К моей великой радости, Теодор сразу же и бесповоротно пришелся по душе моей родне. Ему ничего не стоило с застенчивой учтивостью беседовать с Ларри о мифологии, греческой поэзии и истории Венеции; говорить с Лесли о баллистике и лучших охотничьих местах на острове; с Марго обсуждать диету для похудения и способы лечения прыщей; делиться с мамой деревенскими рецептами и рассказывать ей детективные истории. Вся семья вела себя так же, как и я, когда пришел к нему на чашку чая. Он оказался таким кладезем знаний, что все засыпали его вопросами, и Теодор

Д

непринужденно, как ходячая энциклопедия, отвечал на все из них, сдобривая их для полноты картины невероятно плохими каламбурами и веселыми анекдотами об острове и его жителях.

К моему негодованию, Ларри сказал, что Теодор не должен поощрять моего увлечения естественной историей, так как наш дом небольшой и уже забит до отказа всякими отвратительными жуками, каких я только мог поймать.

— Не это меня беспокоит, — сказала мама, — а беспорядок, в который он приводит себя. Право, Теодор, после прогулок с Роджером он должен менять всю одежду. Я не знаю, что он с нею делает.

Теодор весело хрюкнул.

— Я помню, как однажды, — сказал он, отправляя в рот кусок пирога и медленно жуя, при этом борода его приподнялась, а глаза светились радостью, — я пошел пить чай с некоторыми... э... знаете ли, моими друзьями здесь, в Пераме. В то время я служил в армии и очень гордился тем, что меня произвели в капитаны. Итак... э... вы знаете... э... чтобы похвалиться, я надел униформу, которая, в числе прочего, включала отлично начищенные сапоги со шпорами. В Пераму меня перевезли на пароме, и, когда я проходил через маленький болотистый участок, мне бросилось в глаза незнакомое растение. Я подошел ближе, чтобы сорвать его. Наступив на то... знаете ли... что казалось твердой землей, я вдруг обнаружил, что погрузился под самые подмышки. К счастью, поблизости росло маленькое деревце, и я... э... сумел ухватиться за него и выбрался наверх. Но теперь я был покрыт от самой талии черной вонючей грязью. Море было... э... знаете ли... совсем близко, так что я... э... подумал, что лучше обмыться чистой морской водой, чем быть в грязи, поэтому я вошел в море и принялся ходить взад-вперед. Как раз в этот момент по дороге вверх проходил автобус, и, когда они увидели меня в фуражке и мундире, разгуливавшего в море, водитель остановился, чтобы все пассажиры могли... э... получше разглядеть меня. Все они были сильно удивлены, но удивились еще больше, когда я вышел из моря и они увидели на мне сапоги с шпорами.

Теодор торжественно ждал, когда успокоится смех.

— Я думаю, знаете ли, — сказал он с задумчивым видом и вполне серьезно, — что я подорвал их веру в здравомыслие армии.

С тех пор Теодор приходил к нам по крайней мере раз в неделю, а иногда и чаще, если мы могли отвлечь его от бесчисленных дел.

К этому времени у нас уже было много друзей среди крестьян, живших вокруг, и все они были столь гостеприимны, что даже короткая прогулка затягивалась на неопределенное время, так как в каждом домике, мимо ко-

того мы проходили, нас непременно угощали стаканом вина или угощали отведать фруктов и побеседовать с хозяевами. В чем-то это было несомненно полезно для нас, так как каждая такая встреча укрепляла наше довольно нетвердое владение греческим языком и вскоре мы обнаружили, что в состоянии вполне умело вести довольно сложные беседы с нашими сельскими друзьями.

Затем произошло посвящение — акт, который доказал нам, что мы приняты всей общиной: нас пригласили на свадьбу. Замуж выходила Катерина, сестра нашей служанки Марии, — пышная девушка с широкой сверкающей улыбкой и карими глазами, большими и мягкими, как анютины глазки. Веселая, дерзкая и певучая как соловей, она в свои двадцать лет разбивала сердца во всей округе. Теперь она остановила свой выбор на Стефаносе, крепком, красивом парне, который немел при одном взгляде на Катерину и краснел от любви.

Когда вас приглашают на свадьбу, как мы вскоре обнаружили, дело не ограничивается полумерами. Празднества начинаются с помолвки, когда вы приходите в дом невесты и приносите подарки, а она горячо благодарит вас и подносит вино. Угостив гостей, жених и невеста отправляются в свой будущий дом, возглавляемые деревенским оркестром (две скрипки, флейта и гитара), играющим веселые мелодии, и в сопровождении несущих подарки гостей. Подарки Катерины представляли собой довольно смешанную массу. Самой важной была огромная двуспальная латунная кровать — ее во главе процессии несли четыре друга Стефаноса. Вслед за ними тянулась цепочка гостей, несших простыни, наволочки, подушки, деревянный стул, сковородки, большие бутылки оливкового масла и прочие дары. Сложив подарки в новом доме, мы пили за здоровье четы и тем самым отмечали новоселье будущей семьи. Затем все, слегка опьяневшие, возвращались домой и ждали следующего акта спектакля, самой свадьбы.

Несколько неуверенно мы спросили, может ли Теодор присутствовать с нами на свадьбе. И невеста, и ее родители чрезвычайно этому обрадовались, потому что, как они объяснили с подкупающей искренностью, очень немногие свадьбы в округе могли похвастаться присутствием в качестве гостей английской семьи и настоящего доктора.

Великий день настал, и, надев свои лучшие наряды и прихватив из города Теодора, мы направились к дому родителей Катерины, стоявшему среди олив у самого сверкающего моря. Там должна была происходить церемония венчания. Когда мы прибыли туда, дом гудел как улей. Из отдаленных деревень на ослах приехали родственники. Вокруг дома группками сидели старики и дряхлые старухи, поглощая вино в изрядных количест-

Д вах. Все непрерывно и оживленно болтали, словно сороки. Для них это был великий день — не только из-за свадьбы, но и потому, что, живя далеко друг от друга, они, возможно, впервые за двадцать лет получили возможность обмениваться новостями и сплетнями. Деревенский оркестр был в ударе; жалобно плакали скрипки, брэнчала гитара, флейта периодически издавала жалобный писк, словно заброшенный ценок, и под эту музыку гости помоложе танцевали под деревьями, а неподалеку под огромной пламенеющей хризантемой из горячих углей на вертелах шипели и пузырились туши четырех ягнят.

— Ага! — сказал Теодор, его глаза засветились интересом. — Танец, который они исполняют, — это национальный танец Корфу. Он... э... и мотив возникли здесь, на Корфу. Конечно, найдутся люди, которые скажут, что этот танец — так сказать, его па — впервые появился на Крите, но что касается меня, то я считаю, что это... э... целиком детище Корфу.

Девушки в нарядных золотистых костюмах образовали красивый полукруг, перед ними скакал смуглый молодой человек с алым носовым платком. Он прыгал, крутился, наклонялся — ни дать ни взять цветистый петушок в окружении восхищенных курочек. Катерина в сопровождении всей семьи подошла к нам, чтобы приветствовать и провести на почетное место за шаткий дощатый стол, накрытый белой скатертью, за которым уже сидел величественный старый священник — это ему предстояло провести церемонию венчания. Старец был огромных размеров в обхвате, со снежно-белыми бровями, усами и бородой, столь пышными, что они закрывали все лицо, оставляя открытыми лишь два оливково-черных озорных глаза и большой выступающий красный нос. Услышав, что Теодор врач, он по доброте душевной принялся живописать со всеми подробностями бесчисленные симптомы своих болезней (которые господь счел нужным ниспослать на него) и под конец громко рассмеялся, услышав наивные рекомендации Теодора о том, что поменьше вина и побольше движений — и все его недуги как рукой снимет.

Ларри внимательно рассматривал Катерину, которая в белом подвенечном наряде присоединилась к кружку танцующих. В тугом белом атласе живот Катерины выступал рельефнее и заметнее, чем обычно.

— Эта свадьба, — сказал Ларри, — происходит не слишком рано.

— Потихе, милый, — прошептала мама. — Некоторые из них могут знать английский.

— Любопытно, — сказал Теодор, пропустив слова мамы мимо ушей, — что на многих свадьбах вы можете увидеть невесту... э... гм... в подобном положении. Крестьяне здесь придерживаются весьма устаревших взглядов.

Если молодой человек... э... *серьезно* ухаживает за девушкой, ни одна семья ни на минуту не допустит, что он на ней не женится. Если он попробует... гм... знаете ли... ускользнуть, обе семьи, и его собственная, и невесты, удержат его. Поэтому, когда молодой человек... э... ухаживает, его поддразнивают, то есть подначивают, все окрестные парни, которые говорят, что они сомневаются в его... гм... доблести как... гм... возможного отца. Они ставят беднягу в такое положение, что он почти вынужден... э... знаете ли... гм... доказать обратное.

— Очень неумно, я бы сказала, — заметила мама.

— Нет, нет, — сказал Теодор, стараясь исправить мамин ненаучный подход к проблеме. — На самом деле беременность считается хорошим признаком для невесты. Это доказывает ее... гм... плодовитость.

Но вот священник поднял свой упитанный корпус на подагрические ноги и направился в главную комнату дома, приготовленную для церемонии. В это время Стефаноса, сильно вспотевшего — костюм был маловат для него — и слегка ошеломленного своим счастьем, со смехом и шутками подталкивали к дому молодые парни, а группа пронзительно кричавших женщин то же проделывала с Катериной.

Главная комната была слишком мала, так что, когда грузная фигура священника втиснулась в нее и туда же препроводили все принадлежности его профессии, там едва нашлось место только для счастливой пары, чтобы стать перед ним. Остальные довольствовались заглядыванием в двери или в окна. Служба была невероятно длинной и для нас непонятной, хотя я слышал, как Теодор переводил отрывки для Ларри. Мне казалось, что обряд включает в себя совершенно ненужное количество речитативов, сопровождаемых бесчисленными осенениями креста и окроплением волнами святой воды. Но вот над головами Катерины и Стефаноса появились два маленьких цветочных венка, словно два парных ореола, и пока священник продолжал гудеть, их время от времени меняли местами. Поскольку люди, державшие венки, прибыли на церемонию уже давно, они от усталости иногда неправильно понимали указания священника, и над головами сочтенной пары происходило, если можно так выразиться, столкновение венков. Наконец жених и невеста обменялись кольцами, их надели на загорелые, мозолистые от работы пальцы, и Катерина со Стефаносом по-настоящему стали мужем и женой, как мы надеялись, на всю жизнь.

Во время церемонии тишина стояла почти полная, ее нарушало лишь случайное сонное кудяхтанье курицы или пронзительный, тут же подавляемый крик ребенка, но когда торжественная часть церемонии была окончена, празднество расцвело с новой силой. Оркестр старался выдать весь свой

Д репертуар и с каждым разом исполнял все более веселые и живые мелодии. Смех и рискованные шутки раздавались со всех сторон. Вино, булькая, лилось из бутылок, и гости, раскрасневшиеся и счастливые, кружились, и кружились, и кружились в танце, неустойчивые, как стрелки часов на циферблате.

Веселье кончилось далеко за полночь. Гости постарше разъезжались по домам на понурых ослах. Костры с остатками бараньих туш угасали в пелене серого пепла, и только отдельные гранатовые угольки изредка вспыхивали в них. Мы выпили последний стакан вина с Катериной и Стефаном и, сонные, направились через оливковые рощи, посеребренные луной, огромной и белой, как цветок магнолии. Совы печально перекликались друг с другом, и отдельные светлячки мерцали на нашем пути изумрудно-зеленым светом. Теплый воздух пах дневным солнечным светом, росой и сотней ароматических листьев. Опыневший и разомлевший от вина, проходя между большими изогнутыми оливами и полосатыми от прохладного лунного света стволами, я думал о том, что все мы наконец по-настоящему дома, что мы приняты островом. Под спокойным мягким светом луны мы чувствовали себя истинными жителями Корфу. Ночь была прекрасной, а завтра, мы знали, нас ожидает еще один тигрово-золотистый день. Кажется, Англии не было и в помине.

БУХТА СРЕДИ ОЛИВ

Если от нашего дома спуститься через оливковые рощи вниз по холму и выйти на дорогу, покрытую толстым слоем белой, мягкой, как шелк, пыли, а потом пройти по ней еще немного, вы попадете на крутую козью тропку, сбегаящую сквозь заросли олив к маленькой бухточке в форме полумесяца. Бухта окаймлена белым песчаным пляжем и горами сухих бурых водорослей, выброшенных сюда во время зимних штормов и теперь похожих на большие растрепанные гнезда птиц. С двух сторон в бухте поднимаются мелкие скалы, и там, среди скал, видимо-невидимо всякой морской живности.

Как только мой учитель Джордж понял, что ему не удастся овладеть моим вниманием, если он будет держать меня каждое утро в четырех стенах, он сделал новый шаг в педагогике и учредил «уроки под открытым небом». Песчаный пляж и косматые груды водорослей сразу превратились в знойные пустыни или непроходимые джунгли, где мы вели свои исследова-

ния, а неповоротливые крабы и мелкие рачки-бокоплавы исполняли у нас роль Кортеса или Марко Поло. Теперь уроки географии стали для меня необыкновенно привлекательными. Несколько позднее мы задумали выложить из камней карту мира, расположив ее вдоль самого берега, так что карта у нас была с настоящим морем. Работа эта растянулась надолго. Во-первых, не так-то легко было найти камень, похожий на Африку, Индию или Южную Америку. Иногда, чтобы получить желаемый континент, приходилось складывать вместе по два или по три камня. Во-вторых, разыскав нужный камень, мы обнаруживали под ним кучу всяких морских животных и занимались ими добрых четверть часа, пока Джордж вдруг не спохватывался, сообразив наконец, что так мы с нашей картой мира далеко не продвинемся.

Этот заливчик стал одним из любимейших моих мест, куда мы с Роджером ходили каждый день в жаркие послеполуденные часы, когда в доме все отдыхали. Мы проходили через застывшие оливковые рощи, пронизанные звоном цикад, и брели по дороге. Роджер вздымал своими огромными ладонями белую пыль и все время сладострастно чихал, как от нюхательного табака. Добравшись до бухты, которая в это время была такой тихой и прозрачной, словно в ней и вовсе не было воды, мы купались на мелком месте, а затем каждый отправлялся по своим делам.

У Роджера они заключались в отчаянных и безуспешных попытках поймать шнырявших по мелководью рыбок. Уставившись в воду и наострив уши, он медленно крался за рыбками и что-то тихо ворчал про себя. Потом голова его вдруг исчезала под водой, слышался лязг сомкнувшихся челюстей, и вскоре он снова вытаскивал из воды голову, громко чихал и встряхивался, а бычок или морская собачка, за которой он охотился, успевала тем временем проскочить ярда на два вперед и, пристроившись у камня, оборачивала к нему свою надутую мордочку и кокетливо махала хвостом.

В этой крохотной бухте ютилось столько разнообразных животных, что я просто не знал, с чего начать свой сбор. Повсюду на камнях виднелись известково-белые ходы кольчатых червей, будто сложный извилистый узор из сахарной глазури на пироге, а в местах чуть поглубже из песка торчали прямо-таки обрубки миниатюрного шланга. Если постоять и понаблюдать внимательно, можно увидеть, как на концах шлангов появляется пучок нежных, пушистых, переливчато-синих, красных и бурых щупалец. Это гидатрии многощетинковые черви. Очень неблагозвучное, на мой взгляд, название для таких прекрасных созданий. Иногда они встречались небольшими скоплениями, напоминая цветочную клумбу, где все цветы непре-

Д

станно шевелились. Подходить к ним надо очень осторожно, так как при слишком быстром передвижении от ваших ног по воде разойдутся волны и уведомят их об опасности. Щупальца тогда сразу сцепятся вместе и с невероятной быстротой исчезнут в трубке.

Кое-где на песчаном дне бухточки чернели полумесяцы блестящих водорослей ламинарий — словно кто-то разбросал по песку боа из темных перьев. И там среди них можно было увидеть морскую иглу. Голова ее удивительно напоминает вытянутого морского конька, приставленного к длинному гибкому телу. Морские иглы держатся среди ламинарий в вертикальном положении и почти сливаются с ними, сразу их и не разглядишь.

Около берега у подножий скал можно разыскать маленьких крабиков или пурпурных актиний — настоящие подушечки для булавок, расшитые алым и голубым бисером. Встречаются там и другие актинии с нежной, кафейного цвета ножкой и длинными извивающимися щупальцами, которым позавидовала бы сама Медуза горгона. Все камни были покрыты розовыми, белыми или зелеными кораллами и нежной порослью миниатюрных морских водорослей, среди них — изящная *Acetabularia mediterranea* с тонкими, нитевидными стеблями. На конце каждого стебля красовался маленький зеленый зонтик, как бы вывернутый наизнанку каким-то подводным ветром. Иногда на скале виднелась большая черная губка с открытыми высокими устьицами, похожими на конусы вулканов. Такую губку неплохо оторвать от скалы и разрезать бритвой пополам, внутри у нее иногда можно найти какое-нибудь интересное животное. Правда, в отместку губка зальет ваши руки слизью с отвратительным запахом чесночного перегара, который очень долго не проходит.

У берега и между скалами я собирал новые раковины для своей коллекции, и мне доставляла удовольствие не только красивая форма раковин, но и их необычайно выразительные названия. Я узнал, например, что остроконечная раковина, у которой один край вытянут наподобие полуперепончатых пальцев, называется «нога великана», а белая, почти круглая в основании коническая раковина, сходная по форме с улиткой-блюдечком, носила название «китайская шляпа».

Были там еще раковины «ковчег». Разъятые створки этой удивительной вроде сундучка раковины вполне можно сравнить (если у вас есть хоть капля воображения) с двумя маленькими ковчегками. Скрученная раковина «башня» заострена, как бивень нарвала, а раковина «волчок» расписана яркими зигзагами алого, черного и синего цвета. У подножия больших скал встречались блюдечки с названием «замочная скважина». На верхушке у этой раковины необычное, действительно в форме замочной скважины от-

перстие, через которое дышит ее обитатель. Но особенно радостно найти «морские ушки» — уплощенную слоисто-серую раковину с рядом отверстий на одной стороне. Если перевернуть эту раковину и вытащить из нее законного владельца, вам откроется вся ее внутренность, сияющая опаловыми и радужными красками невероятной красоты. В то время у меня еще не было аквариума, поэтому в одном уголке бухты я отгородил камнями заводь — футов восемь в длину и четыре в ширину, — где мог держать всю свою разнообразную добычу, почти не сомневаясь, что найду ее там и на следующий день.

Именно в этой бухточке мне удалось поймать своего первого краба-наука. Я бы наверняка прошел мимо него, вообразив, что это покрытый водорослями камень, если бы краб не сделал неосторожного движения. И по величине, и по форме тело его напоминало небольшую плоскую грушу с шипами на верхнем суженном конце и двумя выступами над глазами вроде рогов. Ноги и клешни у него были очень тонкие и длинные, но больше всего я удивился тому, что вся спина его и ноги были густо усеяны мелкими морскими водорослями, словно они росли у него из скорлупы. Меня очаровало это необыкновенное создание, я поднял его и торжественно понес в свою заводь. Держать его надо было очень крепко, так как он уже сообразил, что в нем распознали краба, и отчаянно пытался убежать, поэтому, когда мы добрались до заводи, почти все водоросли с него были содраны. Я посадил краба на мелком месте и, растянувшись на животе, стал следить сквозь прозрачную воду, что он будет делать дальше. Краб поднялся на своих высоких ногах, словно паук в погоне за жертвой, отбежал примерно на фут от того места, где я его посадил, и застыл как неживой. Так он просидел довольно долго, я уж даже решил, что он будет сидеть неподвижно всю первую половину дня и приходить в себя от пережитого потрясения, но краб вдруг вытянул тонкую, длинную клешню и очень деликатно, почти застенчиво, сорвал кусочек водоросли с ближайшего камня, понес ко рту и стал жевать. Я думал, он ее ест, но это было вовсе не так. С угловатой грацией краб занес клешню за спину, осторожно нащупал местечко и прикрепил туда кусочек водоросли. Очевидно, он смочил основание водоросли слюной или каким-то сходным веществом, чтобы можно было прилепить ее к щитку. Я продолжал наблюдать за ним, а он медленно колесил по всей заводи и с самоотверженным усердием ученого-ботаника собирал разнообразные водоросли. Уже примерно через час спина его покрылась таким густым слоем растительности, что, если б я на минуту отвел глаза, а краб застыл бы на месте, мне не сразу удалось бы определить, где он находится.

Д

Заинтригованный таким хитроумным камуфляжем, я тщательно обыскал весь залив, нашел еще одного краба-паука и отгородил для него особый маленький бассейн с песчаным дном, где не было и признаков водорослей. Когда я посадил туда краба, вид у него был вполне довольный. На следующий день я принес из дому щеточку для ногтей (хозяином ее оказался Ларри) и, схватив несчастного краба, стал немилосердно скрести, пока ни на спине, ни на ногах у него не осталось и следа водорослей. Потом набросал в его запруды всякой всячины (раковинок волчков, кусочков коралла, миниатюрных актиний, мелких осколков бутылочного стекла, превращенных морем в невиданные драгоценности) и, присев рядом, стал наблюдать.

Несколько минут краб сидел не шелохнувшись — видно, приходил к себе после той унижительной чистки, какую я ему учинил. Затем, как бы не в состоянии до конца поверить в постигшую его злую участь, он поднял обшкелки над головой и очень осторожно потрогал спину. Наверно, вопреки всякой очевидности, надеялся найти там хоть веточку водорослей. Он сделал несколько неуверенных шагов, остановился и с полчаса просидел в мрачном унынии, но потом все же преодолел свою подавленность и подошел к краю бассейна, пробуя протиснуться под темные камни ограды. Так он и остался сидеть, предаваясь грустным мыслям об исчезнувшей маскировке, а мне уж подоспело время возвращаться домой.

На следующее утро я пришел к заливу очень рано и, к своему восторгу, увидел, что в мое отсутствие краб времени даром не терял. Стараясь не поддаваться отчаянию, он украсил свой панцирь всем тем добром, что и для него оставил. Вид у него стал очень потешный, точно он оделся для карнавала. На спине попеременно с обломками коралла торчали расписные раковинки волчков, а ближе к голове была прикреплена актиния — прямо-таки шикарная шляпка с лентами. Я наблюдал, как краб ползет по песчаному дну, и думал, что теперь он стал слишком уж бросаться в глаза, но вот он подполз к облюбованному им местечку под скалой и, на мое удивление, превратился просто в кучку раковин и коралловых обломков с парочкой актиний на верхушке.

Слева от моей бухты, примерно на расстоянии четверти мили от берега, расположен остров Пондиконисси, или Мышиный остров, — по форме почти равнобедренный треугольник. Весь он зарос олеандрами и высокими старыми кипарисами, приютившими белую церквушку и маленький домик рядом с ней. Жил на острове вреднящий старый монах в длинном черном одеянии и головном уборе наподобие цилиндра. Днем ему, очевидно, полагалось временами звонить в колокол в своей крохотной церквушке, а вечером он не торопясь отправлялся на лодке к видневшемуся невдалеке

мысу, где стоял маленький монастырь и жили три древние монашки. Там он получал еду и чашку кофе, вел беседы (должно быть, о греховности современного мира), а когда заходящее солнце превращало тихие воды вокруг его острова в разноцветный шелковый муар, медленно плыл обратно, сторбившись, словно черный ворон, в своей скрипучей, подтекавшей лодке.

Как раз в те времена Марго, разочаровавшись в воздушных ваннах, решила попробовать другое целебное средство Матери Природы — морские купания. Каждое утро она поднималась около половины шестого, вытаскивала меня из постели, и мы вдвоем шли к морю, окунались в прозрачную воду, все еще прохладную от лунного сияния, и потом не спеша плыли к Пондиконисси.

Марго сразу же растягивалась на солнышке, а я с увлечением копался в мелкой воде. К сожалению, визиты наши на остров очень не нравились монаху. Не успевала Марго опуститься на скалу и принять эффектную позу, как по каменным ступеням длинной, ведущей к церквушке лестницы уже топал монах, грозил ей кулаком и извергал из глубин своей большой, косматой бороды потоки непонятных греческих слов. Марго встречала монаха светлой улыбкой и дружески махала рукой, что приводило его в бешеную ярость. Рассекая воздух своим черным одеянием, он носился в разные стороны и дрожащим, замусоленным перстом указывал на небеса, а потом на Марго. Это повторялось изо дня в день, и, поскольку словарный запас монаха не был обширным, мне в конце концов удалось запомнить несколько его излюбленных выражений. Когда я потом спросил у своего друга Филемона, что они значат, тот покатился со смеху. От хохота он почти не мог говорить, но все же я наконец понял, что монах осыпал Марго бранными словами и самое мягкое среди них было «белая ведьма».

Однако со временем все это превратилось просто в игру. Отправляясь теперь на остров, мы прихватывали для монаха несколько сигарет, а он, завидев нас, слетал вниз по каменным ступеням, потрясал кулаком и грозил божьей карой. Исполнив таким образом свой долг, монах поддергивал рясу, садился на каменную ограду и благодушно курил наши сигареты. Иногда он даже возвращался к церквушке, чтобы принести нам горсть инжиру со своего дерева или свежего, сочного миндаля, который мы кололи на берегу двумя гладкими камнями.

Между Пондиконисси и моим любимым заливом цепочкой тянулись рифы, некоторые размером не больше стола, но иные и с маленький садик. Почти все они были с плоской верхушкой и не доходили до поверхности моря лишь дюйма на два, так что, если залезть на них и стоять наверху, издали может показаться, будто вы ходите по воде. Мне уже давно хотелось

Д исследовать рифы, потому что там водились морские животные, каких не встретишь в мелких водах залива. Однако тут я столкнулся с непреодолимыми трудностями, потому что не мог взять с собой необходимого снаряжения. Как-то я попытался доплыть к одному из рифов с двумя большими стеклянными банками на шее и с сачком в руке, но на полпути обе банки вдруг разом наполнились водой и потянули меня вниз. Прошло несколько секунд, прежде чем я сумел избавиться от них и вынырнуть на поверхность. Пока я отдувался и отплеывался, банки мои уже лежали в глубине вод, покачивались, поблескивали и были так же недоступны, как если бы оказались на Луне.

Однажды в знойный день я возился в своей бухточке, разыскивая там под камнями длинных, разноцветных червей немертин, и так увлекся своим занятием, что не заметил, как подошла лодка. Только когда под носом лодки зашуршал песок, я оглянулся. На корме, опершись о весло (все рыбаки гребли там одним веслом, взмахивая им в воде наподобие рыбьего хвоста), стоял молодой парень, загоревший почти до черноты. У него были темные кудрявые волосы, блестящие глаза, черные, как тутовая ягода, и ослепительно белые зубы, сверкавшие на загорелом лице.

— Ясу, — сказал он, — будь здоров.

Я ответил на приветствие, глядя, как ловко парень выскочил из лодки с небольшим ржавым якорьком в руках и закрепил его на берегу позади широкой гряды сухих водорослей. Потом он вернулся и по-приятельски сел рядом со мной, достав из кармана жестянку с табаком и папиросной бумагой. Одет он был только в драную фуфайку и штаны, бывшие когда-то синими, но теперь выгоревшие почти до белизны.

— Жарко сегодня, — поморщившись, сказал парень, а в это время его толстые загрубелые пальцы с необычайным проворством скрутили сигаретку.

Он прикурил от большой металлической зажигалки, глубоко затянулся и вздохнул, а потом, вздернув бровь, поглядел на меня своими ясными, как у малиновки, глазами.

— Ты не из тех иностранцев, что живут на том холме? — поинтересовался он.

К тому времени я уже вполне сносно говорил по-гречески и ответил ему, что да, мол, я из тех иностранцев.

— А другие? — спросил он. — Другие в доме, они кто?

Я уже давно знал, что все жители Корфу, в особенности крестьяне, любят порасспрашивать вас обо всем, да и сами расскажут вам все подробности своей личной жизни. Я объяснил ему, что другие в доме — это моя мама, два брата и сестра. Он кивнул с серьезным видом, будто это были сведения исключительной важности.

— А твой отец? — продолжал он расспросы. — Где твой отец?

Я объяснил, что отец умер.

— Бедняга, — откликнулся он с живым сочувствием. — И твоя несчастная мать осталась с четырьмя детьми на руках!

Он горестно вздохнул от столь тяжелых мыслей, но потом успокоился и философски заметил:

— Такая уж она, жизнь. Ты что ищешь там под камнями?

Я постарался растолковать ему это получше, хотя мне всегда было трудно объяснить, почему меня так интересуют все эти противные на вид и совсем несъедобные животные.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Я объяснил, что в греческом языке моему имени Джеральд больше всего подходит Герасимос, но что друзья называют меня Джерри.

— А меня зовут Таки, — сказал он. — Таки Танатос. Я живу в Беницесе.

Я спросил, что же он тут делает, в такой дали от своей деревни.

— По пути из Беницеса, — сказал он, — я все время ловил рыбу. Сейчас я поем и посплю, а к ночи зажгу огонь и поплыву обратно. Снова буду ловить рыбу.

Это известие сильно взволновало меня. Совсем недавно мы возвращались поздно вечером из города и, остановившись на дороге перед своим холмом, видели, как внизу медленно проплыла лодка с большой дуговой лампой на носу. Рыбак не торопясь вел лодку по мелкой темной воде, и круг света от его лампы ярко освещал морское дно, а когда лодка проходила мимо рифов, они все вспыхивали желтыми, бурыми, розовыми и лимонно-зелеными красками. Я сразу понял, какое это чудесное занятие, только у меня еще не было знакомых рыбаков. Теперь я с восторгом поглядел на Таки и сразу спросил, в какое время он начнет рыбную ловлю и собирается ли огибать рифы между этой бухтой и островом Пондиконисси.

— Я отправляюсь в десять часов, — ответил он. — Обойду остров, потом поплыву домой.

Я спросил, не может ли он взять меня с собой. И пояснил, что на рифах водится множество интересных животных, которых без лодки я добыть не могу.

— Отчего же не взять? — ответил он. — Я буду ждать напротив Менелаоса. Приходи туда в десять. Обойдем рифы, и я снова высажу тебя у Менелаоса, а потом уж поплыву домой.

Я горячо заверил его, что в десять буду на берегу, потом свистнул Роджеру, схватил сачок и бутылки и поспешил убраться, пока Таки не переду-

Д

мал. Оказавшись на порядочном от него расстоянии, я замедлил шаг и стал напряженно думать, как бы уговорить своих домочадцев, и в особенности маму, отпустить меня в десять часов в море.

Маму, как известно, всегда беспокоило мое нежелание отдыхать в жаркую пору дня. Я объяснял ей, что это самое лучшее время для насекомых и подобной живности, только мама не считала это веским доводом. А по вечерам, как раз в то время, когда происходило что-нибудь особенно интересное (например, словесная перепалка между Ларри и Лесли), мама сердито ворчала:

— Пора в постель, милый. Не забывай, что днем ты совсем не спал.

Я понимал, что именно это обстоятельство может стать препятствием для моей ночной рыбной ловли. Сейчас еще только три часа, и, конечно, и эту пору все в доме спят без задних ног за закрытыми ставнями. Лишь к половине шестого они начнут просыпаться и загудят, как сонные мухи.

Я что есть духу помчался к дому, а ярдах в ста от него на минуту оставившись, снял рубашку и старательно обернул ею банки, чтобы не выдать себя ни стуком, ни звоном, а Роджеру наказал молчать под страхом смерти. Мы осторожно прокрались в дом и, словно тени, скользнули в мою спальню. Роджер, затаив дыхание, уселся посреди комнаты и с заметным удивлением стал следить, как я раздеваюсь и ложусь в постель. У него во все не было уверенности, что такое поведение можно одобрить. Ведь впереди у нас, думал он, еще целых полдня чудеснейших приключений, а я вдруг собрался спать. Пес попробовал было заскулить, но я так свирепо цыкнул на него, что он, поджав обрубок хвоста, залез под кровать и улегся там с печальным вздохом. Я взял книжку и попытался читать. Комната с закрытыми ставнями превратилась как бы в прохладный зеленый аквариум; на самом же деле воздух в ней был горячий и душный, и по моим ребрам струйками стекал пот. Я ворочался на взмокшей уже простыне и удивлялся: что уж такого хорошего находят люди в этом послеполуденном сне? Какой им от него прок? Мне было неясно, как они вообще могут уснуть. И именно в этот момент я мигом погрузился в сон.

Проснулся я в половине шестого и, заспанный, вышел на веранду, где все уже пили чай.

— Боже мой! — воскликнула мама. — Неужели ты спал?

Я сказал, как бы между прочим, что сегодня мне было полезно отдохнуть.

— Может, ты нездоров, милый? — забеспокоилась мама.

Я ответил, что совсем здоров, а отдыхать решил для того, чтобы сбросить к вечеру силы.

— А что случилось, милый? — спросила мама.

Стараясь держаться со всей возможной для меня небрежностью, я сказал, что отправляюсь в десять часов в море с одним рыбаком, который берет меня с собой на ночной лов. Потом объяснил, что некоторые животные выходят только ночью и это самый лучший способ добыть их.

— Надеюсь, — угрожающе произнес Ларри, — это не означает, что у нас в доме на пол начнут шлепаться спруты и морские угри. Ты лучше не пускай его, мама, а то не успеешь опомниться, как весь дом и по виду, и по запаху станет похож на рыбные ряды.

Я в запальчивости ответил, что вовсе не собираюсь тащить животных в дом, я посажу их прямо в свой специальный бассейн в заливишке.

— Десять часов — это очень поздно, милый, — сказала мама. — Когда же ты вернешься?

Я отважно солгал, что рассчитываю вернуться к одиннадцати.

— Ладно, оденься только потеплее, — сказала мама. Она всегда думала, что если на мне не будет шерстяной фуфайки, то, несмотря на тихие, теплые ночи, я обязательно схвачу двустороннее воспаление легких.

Честно пообещав тепло одеться, я допил чай и потом около часа проверял и осматривал снаряжение. С собой я брал сачок с длинной ручкой, большую бамбуковую палку с тремя проволочными крюками на конце, чтобы подтягивать к себе для осмотра скопления морских водорослей, восемь стеклянных банок с широким горлом и несколько коробочек и жестянок для ракушек и крабов. Удостоверившись, что мамы поблизости нет, я надел под шорты купальные трусики, а на дне коллекционной сумки спрятал полотенце. Ведь за некоторыми образцами мне наверняка придется нырять. Если б мама знала, что я собираюсь прыгать в воду, ее страх перед двусторонним воспалением стал бы в сто раз сильнее.

Без четверти десять я закинул за спину сумку и с фонариком пошел через оливковые рощи. На звездном небе виднелся бледный, тусклый серпик луны, почти не дававший света. В темноте среди олив мерцали изумрудные огоньки светлячков и было слышно, как окликают друг друга совы — то инк, то инк!

Когда я подошел к берегу, Таки сидел в лодке и курил. Он уже зажег на носу лампу. Она отбрасывала в воду круг яркого света и сердито шипела, распространяя сильный запах чеснока. Я сразу заметил, как много живности привлекал ее свет. Из своих норок выплыли бычки и морские собачки, расположились на покрывших камни водорослях и, поглатывая воду, сидели там с надутыми мордочками — совсем как публика в театре, ждущая поднятия занавеса. Кругом сновали береговые крабы, на каждом шагу они

Д останавливались и, деликатно отщипнув кусочек водоросли, затискивали ее в рот. То и дело появлялись раковины волчков, их таскали на себе маленькие, сердитые на вид раки-отшельники, сменившие законных владельцев.

Я положил свое снаряжение на дно лодки и со вздохом удовлетворения сам забрался в нее. Таки оттолкнулся от берега, взял одно весло и, действуя им как шестом, повел лодку через мелководье по скоплениям бурых водорослей, которые тихо шуршали, задевая борта лодки. На глубоком месте он приладил оба весла и стал грести. Двигались мы очень медленно, Таки не отрывал глаз от светлого нимба, озарявшего морское дно футов на двенадцать в разные стороны, и что-то напевал про себя. Ритмично поскрипывали уключины. У одного борта лежал восьмифутовый шест с пятью устрашающими зубьями на конце. На носу я заметил бутылочку с оливковым маслом — непременно часть снаряжения рыбака. При легком ветре, когда на воде появляется рябь, стоит только побрызгать из бутылочки — и взбаламученная поверхность моря чудесным образом успокаивается. Мы медленно подбирались к черному треугольнику Пондиконисси, туда, где были рифы, и, когда подошли к ним, Таки на минуту перестал грести и сказал:

— Сначала мы поколесим тут немного, пока я не поймаю что-нибудь, а потом уж высаживайся на рифах и лови что хочешь.

Я охотно согласился. Мне очень хотелось посмотреть, как Таки будет действовать своей огромной острогой. Лодка медленно стала огибать самый большой риф. Свет озарял удивительные подводные скалы, покрытые розовыми и багряными водорослями, похожими на пушистые дубы. Склонившись над водой, я вообразил себя птицей, парящей на распахнутых крыльях над пестрым осенним лесом.

Вдруг Таки перестал грести и осторожно погрузил весла в воду, чтобы затормозить ход. Лодка была уже почти неподвижной, когда он взялся за острогу.

— Гляди, — сказал он, показывая на песчаное дно под нависшей подводной скалой. — Скорпиос.

Сначала я ничего не увидел, но потом понял, куда он показывает. Там, на песке, лежала рыба фута два в длину. На спине у нее поднимался целый лес острых колючек наподобие гребня дракона, по песку распластались огромные плавники. Голова у рыбы была необычайно широкая, с золотыми глазами и сердитым, надутым ртом. Но больше всего меня поразила ее расцветка. Рыба была окрашена в красные тона — от алого до винного — и усеяна белыми точками и пятнами. Вид у этой яркой красотишки, лежавшей на песке, был очень самоуверенный и очень опасный.

— У нее вкусное мясо, — прошептал, к моему удивлению, Таки, потому что рыба казалась мне исключительно ядовитой.

Таки осторожно опустил острогу в воду и постепенно, дюйм за дюймом, стал подводить к рыбе зубцы с зазубринами. Все было тихо, слышалось только сердитое шипение лампы. Острога медленно приближалась к рыбе. И затаил дыхание. Эта крупная, златоглазая рыба, думал я, уж наверняка заметит свой надвигающийся рок. Взмахнет вдруг хвостом, поднимет вихрь песка — и поминай как звали. Но нет, она все еще лежит там и с важным видом поглатывает воду. Когда зубцы были уже в фуге от нее, Таки остановился. Я видел, как его рука, сжимавшая острогу, чуть переменяла положение. Какую-то секунду, хотя мне она показалась вечностью, он стоял не шелохнувшись и вдруг с такой быстротой, что я попросту не увидел этого движения, всадил все пять зубьев прямо в затылок большой рыбьей головы. Взметнулось облако песка и крови, и рыба закрутилась и задергалась на зубьях. Она так извивалась, что колючки на ее спине втыкались в острогу. Но вырваться ей было невозможно: Таки слишком ловко нанес свой удар. Быстро перебирая руками, он вытащил из воды шест, и рыба, переброшенная через борт, забилась на дне лодки. Я пододвинулся ближе, чтобы помочь Таки снять ее с зубьев, но он резко оттолкнул меня назад.

— Осторожно, — сказал он. — Скорпиос опасная рыба.

Я смотрел, как он лопастью весла снимает рыбу с остроги, и, хотя ей, по существу, уже полагалось быть мертвой, она все еще извивалась и билась и норовила вонзить в борт лодки свои острые спинные колючки.

— Гляди, гляди, — сказал Таки. — Понимаешь теперь, почему мы называем ее скорпиос? Если бы ей удалось вонзить в тебя эти колючки, святой Спиридион, какая бы это была боль! Тебе пришлось бы немедленно идти в больницу.

Ловко действуя веслом и острогой, Таки поднял скорпену в воздух и швырнул в пустую банку из-под керосина, где она никому не могла причинить вреда. Я спросил, почему ее считают вкусной, если она такая ядовитая.

— А-а, — произнес Таки, — это только ее колючки. Их срезают, а мясо у нее сладкое как мед. Я тебе ее отдам, когда будешь уходить домой.

Он снова взялся за весла, и лодка, поскрипывая, заскользила вдоль рифа. Через некоторое время Таки опять остановился. Дно в этом месте было песчаное, лишь кое-где зеленели пучки молодых водорослей. Он вновь замедлил ход лодки и взялся за острогу.

— Гляди, — сказал он. — Осьминог.

От волнения у меня захватило дух, потому что до сих пор я видел только мертвых осьминогов, которых продавали в городе, и был уверен, что

Д

они совсем не похожи на живых. Но как я ни таращил глаза, песчаное дно казалось совсем безжизненным.

— Вон там, там, — показывал Таки, осторожно опуская острогу в воду. — Не видишь? У тебя что, глаза на затылке? Ну вот, смотри, я почти касаюсь его.

Но я все еще ничего не видел. Таки опустил острогу еще на фут.

— Ну, теперь видишь, дурачок? — засмеялся он. — Как раз под зубьями.

И вдруг я увидел. Я и раньше смотрел туда, но осьминог был такой серый и так сливался с песком, что отличить его от морского дна было почти невозможно. Он лежал на песке, окруженный щупальцами, из-под его лысой куполообразной головы на нас смотрели жутко человеческие, несчастные глаза.

— Большой, — сказал Таки.

Он слегка передвинул пальцы, сжимавшие острогу, но движение было неосторожным. Осьминог мгновенно сменил свою тусклую, песочно-серую окраску на яркую, зеленую, с изумительными переливами, выпустил из сифона струю воды и под ее прикрытием бросился сквозь тучи песка наутек. Он неся по воде с откинутыми назад щупальцами, напоминая летящий аэростат.

— А, гаммото! — воскликнул Таки.

Он бросил острогу, схватился за весла и быстро последовал за осьминогом. Осьминог, по-видимому, трогательно верил в свой камуфляж, так как футов через тридцать снова опустился на дно.

Таки опять подвел к нему лодку и стал опускать острогу в воду. На этот раз он действовал осторожнее. Когда зубья были всего в футе от куполообразной головы осьминога, Таки крепче сжал в руке острогу и направил ее в цель. Закружился облаком серебряный песок, задержались, заколотились щупальца, обвилились вокруг остроги. Из тела осьминога вылетела струя чернильной жидкости, заколыхалась черным кружевным занавесом и, как дым, поползла над песком. Таки теперь смеялся от радости. Он быстро вытащил острогу наверх, и, когда переваливал осьминога в лодку, два щупальца присосались к борту. Таки сделал резкий рывок, и щупальца отстали с таким звуком, будто отдирался липкий пластырь, только в тысячу раз громче. Ухватившись за круглое скользкое тело осьминога, Таки ловко снял его с зубьев, а потом, к моему изумлению, подхватил эту корчившуюся голову Медузы и приставил к своему лицу. Щупальца обвилились вокруг его лба, шеи, щек, и присоски оставляли белые следы на смуглой коже. Старательно выбрав местечко, Таки вдруг впился зубами в самую сердцевину осьминога, мотнул головой и хрустнул зубами, будто терьер, перело-

мивший крысиный позвоночник. Очевидно, он перекусил какой-то жизненно важный нервный узел, потому что щупальца сразу оторвались от его головы и повисли как плети. Только у самых кончиков они еще чуть дергались и извивались. Таки бросил осьминога туда же, где лежала скорпена, сплюнул за борт и, зачерпнув в сложенные ладони морской воды, прополоскал рот.

— Ты принес мне удачу, — сказал он с улыбкой и вытер губы. — Не каждую ночь мне попадается и осьминог, и скорпиос.

Но, видно, удача Таки на этом и оборвалась. Сколько мы потом ни обшажали вокруг рифа, нам больше ничего не удалось поймать. В одном месте мы видели голову мурены, высунувшуюся из отверстия в рифе, — злющая на вид голова размером с голову небольшой собаки. Но когда Таки опустил в воду острогу, мурена спокойно, с большим достоинством и мягкой грацией скрылась в глубинах рифа. Больше мы ее не видели. Лично меня это только обрадовало, так как мурена была, вероятно, не меньше шести футов в длину, а схватиться в едва освещенной лодке с шестифутовой муреной было таким испытанием, что даже я, страстный натуралист, мог вполне без него обойтись.

— Ну что ж, — философски заметил Таки. — Поедем теперь за твоей добычей.

Он подвез меня к самому большому рифу и со всем снаряжением высадил на его плоскую верхушку. Вооружившись сачком, я бродил вдоль краев рифа, а Таки вел лодку футях в шести позади и освещал эту затаенную красоту. Там было столько разнообразных животных, что я не надеялся поймать их всех.

Были там хрупкие золотисто-алые морские собачки и какие-то крохотные, размером с половину спички, ярко-красные рыбки с большими черными глазами и еще одни такого же размера — серо-голубые попеременно с лазурью. Кроваво-красные и ломкие офиуры, или змеехвостки, с их тонкими, длинными, колючими лучами, которые беспрерывно то скручивались, то раскручивались. Захватывать их сачком надо очень осторожно, малейший толчок — и они с отчаянной щедростью расшвыривают все свои лучи.

Были там улитки-туфельки; если их перевернуть, то с обратной стороны на одной половине увидишь отчетливый выступ, так что вся раковина действительно похожа на разношенную домашнюю туфлю для подагрической ноги. Были там еще раковины ципреи, одни белоснежные, слегка ребристые, другие бледно-кремовые, густо усеянные багряно-черными точками. По расщелинам скал, как огромные мокрицы, торчали раковины хитонов длиной около двух с половиной дюймов. В одном месте я заметил

Д маленькую каракатицу размером со спичечный коробок и чуть не свалился с рифа, пытаясь поймать ее. К моему величайшему огорчению, ей удалось удрать. Уже через полчаса я обнаружил, что все мои банки, склянки и коробки набиты до отказа, и мне волей-неволей пришлось сворачиваться.

Таки в очень веселом расположении духа доставил меня к моей любимой бухте и стал с интересом наблюдать, как я осторожно вынимаю свои образцы и пересаживаю их в заводь. Потом мы поехали к пристани Мене-лаоса. Когда я вышел из лодки, Таки взял веревочку, продел ее сквозь жабры теперь уж мертвой скорпены и вручил мне.

— Передай своей маме, — сказал он, — что ее надо готовить с красным перцем и оливковым маслом и есть с картошкой и молодыми кабачками. Это очень вкусно.

Я поблагодарил его за рыбу и за то, что он так долго возился со мной.

— Порыбачим еще разок, — сказал он. — Я буду здесь через неделю. В среду или четверг. Дам тебе знать, когда приеду.

Я поблагодарил и сказал, что буду ждать с нетерпением. Таки оттолкнул лодку от берега и с шестом в руках повел ее через мелкие места, направляясь к Беницесу.

Вслед ему я крикнул: «Будь счастливи!»

Я повернулся и устало побрел вверх по холму. К моему ужасу, оказалось, что уже половина третьего ночи. У мамы теперь, конечно, нет никаких сомнений, что я утонул, попал в пасть акулы или со мной случилось что-нибудь не менее страшное. Однако я надеялся задобрить ее скорпеной.

МИРТОВЫЕ ЧАЩИ

Примерно в полумиле от нашего дома, с северной стороны, оливковые рощи редуют и их сменяет плоская котловина площадью акров в пятьдесят-шестьдесят. Оливковых деревьев здесь нет, кругом раскинулись только заросли миртов с сухими, каменистыми прогалинами, где красуются необыкновенные канделябры чертополоха, сияющие яркими голубыми огнями, и большие чешуйчатые луковичы морского лука.

Это было мое любимое место охоты, так как здесь обитало множество замечательных животных. Мы с Роджером устраивались в пахучей тени миртовых кустов и наблюдали, как мимо нас проносятся масса разнообразных насекомых. В определенное время дня среди миртовых ветвей царило такое же оживление, как на главной улице города.

В миртовых чащах было полно богомоллов, крупных, дюйма в три, с ярко-зелеными крыльями. Они раскачивались среди ветвей на своих тонких ногах, подняв в притворной молитве переднюю пару ног, оснащенных страшными коготками. Их заостренные личики с выпуклыми, соломенного цвета глазами вертелись то в одну, то в другую сторону, ничего не пропуская. Если белая капустница или перламутровка опускалась на глянцевый листок мирта, богомол приближался к ней с большой осторожностью, двигаясь почти незаметно. Он то и дело останавливался, чтобы покачаться на ногах и тем самым заставить бабочку поверить, будто это всего лишь взбурюшенный ветром листок.

Однажды я видел, как богомол подкрался и напал на большого махаона, который, пошевеливая крыльями, грелся на солнышке и в задумчивости о чем-то мечтал. Однако в последнюю минуту богомол оступился и вместо того, чтобы схватить махаона за тело, как он собирался сделать, вцепился ему в крыло. Вздрыгнув, махаон вышел из транса и взмахнул крыльями с такой силой, что передняя часть богомола приподнялась над листвой. Еще несколько сильных взмахов — и, к досаде богомола, махаон, припадая на один бок, улетел с оборванным крылом. С философским спокойствием богомол уселся на лист и стал уничтожать кусок крыла, оставшийся у него в коготках.

Под камнями среди чертополоха ютилось поразительное множество всевозможных тварей, хотя земля в этом месте, выжженная солнцем, была сама как камень и такая горячая, что на ней можно было зажарить яичницу. Здесь водились зверюги, от которых меня всегда пробирала дрожь. Это были плоские многоножки около двух дюймов в длину, с густой бахромой очень длинных тонких ног с обеих сторон. Многоножки были такие плоские, что сумели бы проникнуть в самую незначительную щель, и двигались с огромной скоростью, скорее скользили по земле, чем бежали, — так катится плоский камешек по льду. По-латыни они называются *Scutigeridae*¹, и я не представляю себе более подходящего названия для этих созданий, которые так противно передвигаются.

В разных местах среди камней можно было увидеть пробуравленные в твердой земле отверстия, каждое размером с монету в полкроны или побольше. Внутри они обтянуты шелковой паутиной, а над входом паутина расстилается кольцом в три дюйма. Это норы тарантулов, огромных жирных пауков шоколадного цвета в рыжих крапинках. С раскинутыми ногами они занимают пространство, равное, пожалуй, величине кофейного

¹ *Scutigeridae* (лат.) — многоножки плоские. — Прим. ред.

Д блюдечка, а тело у них — с половинку небольшого грецкого ореха. Это очень сильные, быстрые и безжалостные охотники, удивительные по своей злой смывлености. Охотятся тарантулы в основном ночью, но иногда и в дневное время можно увидеть, как они торопливо шагают среди чертополоха на своих длинных ногах и выискивают жертву. Обычно при виде человека они удирают и скрываются среди миртов, но однажды я видел паука, который так увлекся охотой, что подпустил меня совсем близко.

Он сидел на стебле голубого чертополоха футах в шести или семи от своей норы, шевелил передними ногами и внимательно оглядывал все вокруг, напоминая охотника, который вскарабкался на дерево, чтоб посмотреть, нет ли поблизости дичи. Так продолжалось минут пять. Затем паук слез с чертополоха и с решительным видом устремился куда-то, словно высмотрел для себя добычу со своей наблюдательной вышки. Оглядевшись, я нигде не заметил никаких признаков жизни. К тому же я вовсе не был уверен, что у тарантула может быть такое острое зрение. Однако шагал он очень уверенно и вскоре оказался у зарослей коикса (или слез Иова), красивого дрожащего злака, у которого головки с семенами напоминают плетеные батончики хлеба. Подойдя ближе, я вдруг сообразил, за какой дичью охотился тарантул. Под нежными метелочками светлой травы виднелось гнездо жаворонка и в нем четыре яйца. Из одного яйца только что вылупился розовый, пушистый птенчик, который все еще барахтался в обломках скорлупы.

Прежде чем я успел сделать что-нибудь разумное для спасения птенчика, тарантул перешагнул через край гнезда. Секунду помедлив, это страшное чудовище быстро притянуло к себе дрожавшего малыша и запустило ему в спину длинные изогнутые жвалы. Птенчик раза два чуть слышно пискнул и, широко раскрыв рот, задергался в волосатых объятиях паука. Скоро подействовал яд. Малыш на мгновение застыл и потом, обмякнув, безжизненно поник. Паук сидел неподвижно, пока не убедился, что яд сделал свое дело. Тогда он повернулся и зашагал прочь, сжимая в своих челюстях болтавшегося птенца. Он напоминал длинноногую собаку со своей первой в сезоне куропаткой в зубах. Нигде не останавливаясь, тарантул быстро добрался до своей норы и исчез там вместе со слабеньким, жалким тельцем птенчика.

Меня эта встреча поразила по двум причинам: во-первых, я даже не представлял, что тарантул может справиться с таким крупным живым существом, как птенец, во-вторых, мне было непонятно, откуда он знал, что в траве есть гнездо. А он, несомненно, это знал, так как без колебания шел прямо к нему. От чертополоха до гнезда было около тридцати пяти футов

(как я определил шагами); с такого расстояния, думалось мне, ни один паук не сумеет увидеть так хорошо замаскированное гнездо и птенца в нем. Оставался только запах, но и тут (хотя я и знал о способности животных улавливать тончайшие запахи, недоступные нашим грубым ноздрям) надо было обладать сверхъестественным обонянием, чтобы в такой безветренный день учуять на расстоянии тридцати пяти футов птенца жаворонка. Я мог придумать только одно объяснение: паук обнаружил это гнездо во время своих прежних прогулок и потом время от времени проверял, не появился ли там птенец. Однако такое объяснение меня не удовлетворяло. Ведь я наделял паука способностью мыслить, а этой способностью он, конечно, не обладал. Даже мой оракул Теодор не смог удовлетворительно разрешить эту загадку. Я же знаю только одно: несчастной паре жаворонков в тот год не удалось вырастить ни единого птенца.

Из других обитателей миртовой чащи мое воображение особенно занимали личинки муравьиного льва. Взрослые муравьиные львы бывают разной величины и почти всегда отличаются довольно серой расцветкой. Они похожи на свихнувшихся, растрепанных стрекоз. Крылья у них вроде бы совсем не пропорциональны телу, и при полете муравьиные львы отчаянно колотят ими воздух, словно им приходится прилагать огромные усилия, чтобы не хлопнуться наземь. Это очень добродушные, ленивые создания, не способные никого обидеть, чего не скажешь об их личинках. Так же как хищная личинка стрекозы в пруду, действует и личинка муравьиного льва на сухих песчаных участках среди миртовых кустов. На присутствие этих личинок указывают лишь необычные конические ямки в тех местах, где почва достаточно мелкозернистая и мягкая для рытья. Когда мне первый раз встретились такие воронки, я даже представить себе не мог, кто их нарыл. Может, это мыши раскапывали тут какие-нибудь корешки? Я и не знал, что у основания каждой воронки, зарывшись в песок, сидит архитектор, всегда наготове, всегда начеку, опасный, как скрытый капкан. Потом я увидел одну из этих воронок в действии и впервые понял, что это не только жилье личинки, но и гигантская ловушка.

Вот суетливо пробегает какой-то муравей (мне неизменно представлялось, что, бегая по своим делам, муравьи всегда напевают про себя), это может оказаться мелкий черный хлопотливый муравей или же один из тех крупных красных одиночных муравьев, которые шныряют кругом, обратив к небу, как зенитное орудие, свое красное брюшко. Но какого бы вида ни был муравей, стоит ему только переступить через край одной из этих ямок — и он сразу же почувствует, что ее склоны движутся, он сам соскальзывает вниз, к основанию воронки. Муравей повернет обратно и по-

Д пробует выкарабкаться из ямки, но земля или песок под его ногами начнет сползать вниз маленькими лавинами. Когда одна из лавин достигает основания воронки, это служит для личинки сигналом, что пора начинать действия. И тут на муравья скорым пулеметным огнем обрушивается песок или земля, которую личинка с поразительным проворством выбрасывает головой со дна ямки. На неустойчивом склоне под непрерывным обстрелом муравей теряет точку опоры и позорно катится на дно. Из песка мгновенно высовывается голова личинки, плоская, похожая на муравьиную, с парой огромных, изогнутых наподобие серпов челюстей. Они вонзаются в тело несчастного, и личинка снова скрывается под песком, унося отбивающегося муравья в его могилу. Так как я считал, что личинки муравьиного льва одерживают нечестную победу над простодушными и довольно серьезными муравьями, я без сожаления выкапывал их из ямок, относил домой и держал в маленьких марлевых клетках, пока они не превращались во взрослых муравьиных львов. Если это были новые для меня виды, я присоединял их к своей коллекции.

Как-то нас с Роджером захватила одна из тех бурных гроз, когда небо становится иссиня-черным и молнии покрывают его густой серебряной филигранью. Вскоре начался дождь. Он сыпался крупными, тяжелыми каплями, теплыми, как парное молоко. Когда гроза отошла, промытое небо засияло чистой голубизной, словно яйцо завирушки. От влажной земли поднимались удивительно пряные, почти гастрономические запахи — яблочного пирога или кекса, а подсыхающие на солнце стволы олив дымились, будто охваченные огнем.

Мы с Роджером любили эти летние грозы. Хорошо было шлепать по лужам и чувствовать, как твоя одежда намокает под теплым дождем. Роджеру, кроме того, было очень приятно полагать на молнии. Когда дождь прекратился, мы прошлись по миртовым зарослям. Я надеялся, что после грозы некоторые животные выйдут из своих укрытий, где они обычно прячутся от жары. И в самом деле, по миртовой ветке навстречу друг другу тихо скользили две жирные улитки медово-янтарного цвета и призывно шевелили рожками. Я знал, что в разгар лета эти улитки обычно впадают в спячку. Прикрепившись к подходящей ветке, они затягивают вход в раковину тонкой, как бумага, крышечкой и отступают в глубину своих спиралей, чтобы сберечь влагу в теле, защитить ее от палящих лучей солнца. Бурная гроза, очевидно, пробудила улиток и привела в радостное, романтическое настроение. Они продолжали ползти навстречу друг другу, пока их рожки не соприкоснулись.

В этот момент улитки остановились и посмотрели в глаза друг другу долгим, серьезным взглядом. Потом одна из них слегка переменила поло-

жение, давая дорогу другой. Когда обе улитки оказались рядом, произошло нечто такое, что заставило меня не поверить собственным глазам. Из бока одной улитки и одновременно из бока другой выскочило что-то вроде маленьких белых стрел на тоненькой белой ниточке. Стрела из первой улитки пронзила бок второй улитки и исчезла там, а стрела из второй улитки таким же образом вонзилась в бок первой. И вот они сидят рядышком, бок о бок, связанные двумя белыми ниточками, словно два парусных корабля, счаленные канатами.

Уже одно это было настоящим чудом, но потом пошли еще более удивительные чудеса. Ниточки стали постепенно укорачиваться и притягивать улиток друг к другу. Я глядел во все глаза, чуть ли не задевая улиток носом, и сделал невероятный вывод: каждая улитка с помощью какого-то механизма в своем теле (наподобие лебедки) сматывала канатик и подтягивала к себе другую улитку, пока обе они не оказались крепко притиснутыми друг к другу. Тела их были сцеплены слишком плотно, и я не сумел разглядеть, что там в точности происходило. В таком экстазе улитки просидели минут пятнадцать, а потом, даже не кивнув, так сказать, друг другу на прощание, расползлись в разные стороны. Ни у той, ни у другой не осталось и следа от стрел или ниточек, и ни одна не выражала какого-либо восторга по поводу успешного завершения романа.

Меня так потрясло все виденное, что я едва дождался следующего четверга, когда к нам пришел Теодор и я смог рассказать ему обо всем. Слушая мое красноречивое описание, Теодор чуть покачивался на носках и серьезно кивал головой.

— Ага, да, — произнес он, когда я закончил свой рассказ. — Тебе, знаешь ли... гм... необыкновенно повезло. Я много раз наблюдал за улитками и никогда этого не видел.

Я спросил, не померещились ли мне все эти стрелы и ниточки.

— Нет, нет, — сказал Теодор. — Все абсолютно правильно. Стрелы состоят из такого... гм... вещества... нечто вроде кальция, и, когда они проникают в улитку, они исчезают... растворяются. Видимо, можно считать, что стрелки вызывают своего рода покалывание, которое улиткам... гм... очевидно, нравится.

Потом я спросил, верно ли, что улитки сматывают свои ниточки.

— Да, да, совершенно верно, — сказал Теодор. — У них, видно, есть... гм... какой-то механизм внутри, который может тянуть ниточку обратно.

Я сказал, что никогда не видел ничего более удивительного.

— Да, конечно. Это удивительно, — согласился Теодор и потом добавил нечто такое, от чего у меня захватило дух: — Когда они сближаются...

Д

гм... мужская половина одной улитки соединяется с женской половиной другой и... э... наоборот, так сказать.

Прошло несколько секунд, прежде чем я сумел осмыслить это поразительное сообщение, а потом осторожно спросил, верно ли я понял, что каждая улитка одновременно и самец, и самка.

— Гм. Да, — сказал Теодор. — Гермафродит.

Он потерял бороду, в глазах его сверкнул огонек. Ларри, у которого обычно с лица не сходило страдальческое выражение, когда мы с Теодором обсуждали вопросы естествознания, тоже был изумлен этой поразительной новостью о жизни улиток.

— Вы, конечно, шутите, Теодор? — спросил он. — Неужели вы хотите сказать, что каждая улитка одновременно и самец, и самка?

— Да, конечно, — ответил Теодор и с великолепной сдержанностью добавил: — Это очень любопытно.

— Вот это да! — выпалил Ларри. — Я считаю, что это несправедливо. Все эти проклятые слизняки блуждают как помешанные по кустам и обольщают друг друга, переживая и те, и другие чувства. Почему же человеческий род не получил такого дара? Вот что мне интересно.

— Ага. Но ведь тогда вам пришлось бы откладывать яйца, — заметил Теодор.

— Действительно, — сказал Ларри, — зато какой бы это был чудесный предлог отказаться от приглашения на коктейль. Вы, например, говорите: «Ужасно сожалею, что не могу прийти. Мне надо высидивать яйца».

Теодор фыркнул.

— Улитки не высидивают яиц, — объяснил он. — Они зарывают их во влажную землю и больше о них не думают.

— Замечательный способ воспитывать детей, — неожиданно и с большой убежденностью произнесла мама. — Если б я могла зарыть всех вас во влажную землю и больше ни о чем не думать!

— Очень нехорошо, жестоко так говорить, — сказал Ларри. — Это может оставить у Джерри комплекс на всю жизнь.

Но если разговор и оставил у меня комплекс, то он был связан с улитками, и я уже замыслил с Роджером крупные экспедиции по сбору улиток. Собрать их целые десятки, принести домой и держать в банках, чтобы можно было наблюдать сколько душе угодно, как они будут пускать друг в друга любовные стрелы. Однако, хотя я и собрал за несколько недель сотни улиток, держал их в банках и окружал всяческой заботой и вниманием (даже изображал для них с помощью лейки грозовой ливень), добиться от них я ничего не мог.

Только еще раз увидел я эту необычную любовную игру, когда мне удалось добыть пару огромных виноградных улиток, которые водились на каменистых склонах горы Десяти святых. А добраться туда и поймать этих улиток я смог только потому, что мама купила мне ко дню рождения маленького ослика, о котором я страстно мечтал.

Хотя с самого приезда на Корфу я видел, что тут очень много ослов — на них, можно сказать, держалось все сельское хозяйство острова, — но они как-то не занимали особенно моих мыслей, до тех пор пока мы не побывали на свадьбе Катерины. Там я увидел массу ослов с ослятами, многим из которых было всего лишь несколько дней от роду. Меня очаровали их вздутые коленки, огромные уши, неуверенные, дрожащие шаги, и я решил, что у меня непременно будет свой собственный ослик.

Стараясь обработать маму в этом направлении, я объяснил ей, что ослик, который будет возить меня и мое снаряжение, позволит мне забираться гораздо дальше от дома. Почему, спрашивал я, мне нельзя было бы его получить, скажем, к Рождеству? Потому, отвечала мама, что, во-первых, они стоят очень дорого, во-вторых, именно в то время не бывает новорожденных ослят. Но если они так дорого стоят, продолжал я, то пусть это будет один подарок — и к Рождеству, и ко дню рождения. Я бы охотно отказался от всех других подарков и променял их на осла. Мама сказала, что она посмотрит, а это, как я знал по горькому опыту, в общем, означало, что она забудет обо всем в самое ближайшее время. Когда подошел день моего рождения, я еще раз выложил все свои доводы в пользу приобретения осла, но мама только повторила, что мы, мол, посмотрим.

Спустя некоторое время в оливковой роще, как раз за маленьким садиком, появился Костас, брат нашей служанки, с огромной связкой бамбука на плечах. Весело насвистывая, он принялся рыть в земле ямки и забивать в них бамбуковые колья, так что они образовали небольшой квадрат. Глядя на Костаса сквозь ограду из фуксий, я заинтересовался, что это он там такое делает, и, свистнув Роджеру, отправился посмотреть.

— Строю дом, — сказал Костас. — Для твоей мамы.

Я удивился. Для чего это маме понадобился бамбуковый дом? Может, она решила спать тут, на воздухе? Нет, это маловероятно. Зачем, спросил я у Костаса, нужен маме бамбуковый дом?

— Кто его знает? — ответил он и поглядел на меня туманным взором. — Может, она хочет держать тут растения или хранить сладкий картофель на зиму.

Я подумал, что это тоже маловероятно. Через полчаса мне уже наскучило смотреть на Костаса, и мы пошли с Роджером гулять.

На следующий день остов бамбукового домика был уже готов, Костас переплетал теперь его камышом, чтобы стены и крыша стали крепкими и плотными. Еще день — и постройка была закончена. Выглядела она точь-в-точь как хижина Робинзона Крузо, которую он построил в самом начале. Когда я спросил у мамы, для чего ей нужен этот домик, она ответила, что в точности еще не знает, но для чего-нибудь он пригодится. Такой неопределенной информацией мне и пришлось довольствоваться.

Накануне моего дня рождения все стали вести себя несколько более странно, чем всегда. Ларри, например, ходил по всему дому и выкрикивал «ату!», «апорт!» и другие охотничьи словечки. Поскольку подобные штучки случались с ним довольно часто, я не придал им значения.

Марго таинственно шныряла по дому с какими-то свертками под мышкой. Однажды я столкнулся с ней в прихожей нос к носу и с удивлением заметил, что она держит в руках разноцветные украшения, оставшиеся с Рождества. Увидев меня, Марго испуганно вскрикнула и с видом пойманной преступницы бросилась в свою спальню, а я только рот раскрыл от изумления.

Даже Лесли и Спиро были сами не свои. Они то и дело уходили в садик на тайные совещания. Из тех обрывков фраз, которые мне удалось подслушать, я не сумел понять, что же они замышляют.

— На заднем сиденье, — говорил насупившись Спиро. — Честное слово, мастер Лесли, я уже такое делал.

— Ну, если вы уверены, Спиро, — с сомнением отвечал Лесли, — только смотрите, чтоб не было никаких сломанных ног.

Тут Лесли увидел, что я без стеснения подслушиваю их, и грубо спросил, какого черта я позволяю себе слушать чужие разговоры. Шел бы лучше к морю и прыгал там со скалы. Чувствуя, что все в доме плохо настроены, мы с Роджером ушли в оливковые рощи и до конца дня попусту гонялись за зелеными ящерицами.

А вечером, только я загасил лампу и улегся в постель, из оливковых рощ вдруг донеслось хриплое пение и взрывы хохота. Через некоторое время я уже мог различить голоса Лесли и Ларри и голос Спиро. Все они, кажется, пели разные песни. Должно быть, куда-то ходили и слишком хорошо там повеселились, решил я. По сердитому шепоту и шарканью ног в коридоре я мог заключить, что Марго и мама пришли к тому же выводу.

Продолжая громко смеяться над какими-то остротами Ларри, компания ворвалась в дом, где мама и Марго встретили их сердитым шиканьем.

— Тише, — сказал мама. — Вы разбудите Джерри. Расскажите, что вы пили?

— Вино, — величественно произнес Ларри и икнул.

— Вино, — повторил Лесли. — А потом мы танцевали. Спиро танцевал, и я танцевал, и Ларри танцевал. И Спиро танцевал, и потом Ларри танцевал, и потом я танцевал.

— Ложитесь-ка лучше в постель, — сказала мама.

— И потом Спиро опять танцевал, — сказал Лесли.

— Хорошо, хорошо, милый, — сказала мама. — Иди, ради бога, спать. Знаете что, Спиро, по-моему, не надо было разрешать им столько пить.

— Спиро танцевал, — сказал Лесли, и на сей раз кстати.

— Я уложу его в постель, — предложил Ларри. — Только я один и трезвый.

До меня донесся шум их нестройных шагов по каменным плиткам, когда они, обняв друг друга, выходили из коридора.

— Теперь я танцую с тобой, — послышался голос Лесли, которого Ларри втащил в спальню и посадил на кровать.

— Вы извините меня, миссис Даррелл, — проговорил Спиро осипшим от вина голосом. — Я не мог их остановить.

— Вы его привезли? — спросила Марго.

— Да, мисс Марго, не беспокойтесь, — ответил Спиро. — Он там, у Костаса.

Спиро наконец ушел, вслед за тем отправились спать мама и Марго. Так непонятно закончился этот и без того необычный день. Но скоро я забыл о странном поведении своих близких и с мыслями об ожидавших меня подарках погрузился в сон.

Проснувшись на следующее утро, я некоторое время лежал и думал, что это такое особенное было в сегодняшнем дне. Потом вспомнил. Это — мой день рождения. Я лежал и наслаждался мыслью, что впереди у меня целый день, когда все будут подносить мне подарки, а родным придется уступать любой моей просьбе.

Только я собрался встать с постели и пойти посмотреть, какие мне приготовили подарки, как в прихожей поднялась суматоха.

— Держите ему голову. Голову! — послышался голос Лесли.

— Осторожно! Вы испортите украшения, — причитала Марго.

— На черта они сдались, твои дурацкие украшения, — сказал Лесли. — Держите ему голову.

— Тихо, тихо, милые, — успокаивала мама. — Не бранитесь.

— Господи, — возмутился Ларри, — сколько крутом навоза!

Весь этот загадочный разговор сопровождался странным постукиванием, как будто по кафельному полу прихожей прыгали шарики пинг-понга.

Д

Что же они там затеяли, думал я. Обычно в такое время все только еще продирают глаза и, не вставая с постели, одурело тянутся за чашкой чаю. Я собрался идти в прихожую и принять участие в общем веселье, когда дверь вдруг распахнулась и в мою спальню галопом вбежал ослик, весь обвешанный разноцветными бумажными гирляндами и елочными украшениями. На голове у него, ловко прицепленные между ушами, торчали три огромных пера. Лесли с силой тянул ослика за хвост и орал:

— Тиру, зануда!

— Язык, милый, — сокрушалась стоявшая в дверях мама.

— Ты портишь украшения! — кричала Марго.

— Чем раньше эта скотина уберется отсюда, — сказал Ларри, — тем лучше. Вся прихожая завалена пометом.

— Это ты его испугал, — заявила Марго.

— Я ничего не делал, — возмутился Ларри. — Я его только чуть толкнул.

Ослик остановился у моей кровати и посмотрел на меня большими карими глазами. Вид у него был недоумевающий. Он с силой встряхнулся, так что перья между его ушами повалились набок, и, изловчась, задней ногой долбанул Лесли в голень.

— Господи Иисусе! — взревел Лесли, прыгая на одной ноге. — Сломал мне ногу, зараза!

— Лесли, милый, — сказала мама. — Зачем так сильно ругаться? Не забывай о Джерри.

— Чем скорее вы уберете осла из этой комнаты, тем лучше, — сказал Ларри. — Иначе тут будет пахнуть как от навозной кучи.

— Вы погубили украшения, — жаловалась Марго, — а мне это стоило немалого труда.

Но я уже не обращал ни на кого внимания. Ослик подошел еще ближе к моей кровати, с минуту разглядывал меня пытливыми глазами, а потом, издав радостный гортанный крик, ткнулся мне в протянутые ладони своей серой мордой, такой мягкой и нежной, как все самое мягкое и нежное, о чем я только мог подумать: коконы шелковичных червей, новорожденные щенята, морские камешки или бархатистые на ощупь древесные лягушки. Лесли тем временем снял брюки и приступил к осмотру ушиба на ноге, извергая при этом потоки проклятий.

— Он тебе нравится, милый? — спросила мама.

Нравился ли он мне! Да я просто онемел от восторга.

Ослик был густо темно-бурого цвета, почти фиолетовый, с большими, похожими на цветок каллы ушами и в белых чулочках над крохотными цо-

лированными копытцами, складными, как башмаки у чечеточника. Вдоль спины у него тянулся широкий черный крест — гордый знак, свидетельствующий, что племя его возило Христа в Иерусалим (и всегда с тех пор продолжало быть самой оклеветанной домашней скотиной), а большие блестящие глаза были обведены белыми кругами, знак того, что родом он из деревни Гастури.

— Помнишь ослицу у Катерины? — спросила Марго. — Она еще тебе так понравилась. Ну вот, это ее дочка.

Такое сообщение, разумеется, сделало ослика еще милей моему сердцу. А он, убранный как в цирке, стоял и сосредоточенно жевал кусочек мишуры. Я быстро оделся и почти не дыша спросил у мамы, где я буду держать своего ослика. Конечно, в доме его оставлять нельзя, Ларри и без того уже сказал маме, что при желании она может вырастить в прихожей недурной урожай картофеля.

— Для этого Костас и выстроил домик, — сказала мама.

Я был вне себя от радости. Вот какие у меня благородные, добрые, хорошие родные! Как ловко они от меня все скрывали, как много сил потратили, чтобы так разукрасить ослика! Медленно и бережно, словно это был хрупкий фарфор, я провел своего скакуна через садик в оливковую рощу, открыл дверь бамбукового сарайчика и пустил его туда. Мне хотелось прикинуть размеры, ведь Костаса я считал никудышным строителем. Сарайчик был великолепный. Как раз по ослику. Я снова вывел его наружу, привязал длинной веревкой к дереву и с полчаса стоял как зачарованный, разглядывая ослика со всех сторон, пока он мирно пощипывал травку. Наконец я услышал, как мама зовет меня к завтраку, и блаженно вздохнул. Конечно, подумал я, без всякого сомнения и без малейшего преувеличения можно сказать, что этот ослик самый замечательный на всем острове Корфу. И, не знаю почему, я решил дать ему имя Салли. Потом быстро поцеловал его в шелковистую мордочку и побежал в дом завтракать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КОНТОКАЛИ

КАРЛИКОВЫЕ ДЖУНГЛИ

Был теплый весенний день, и я с нетерпением дожидался приезда Теодора. Мы собирались совершить с ним прогулку за две или три мили от дома — к маленькому озеру, одному из наших любимых мест. Эти дни, проведенные с Теодором, эти «экскурсии», как он их называл, имели для меня исключительное значение, но Теодора они должны были утомлять, потому что с первой же минуты его появления и до самого момента отбытия я засыпал его бесконечными вопросами.

Наконец экипаж Теодора со стуком и звоном подкатил к дому, и Теодор вышел из него, одетый по обыкновению самым неподходящим для нашего похода образом: изящный костюм из твида, дорогая, начищенная до блеска обувь и серая фетровая шляпа, надетая ровно и аккуратно. В этой нарядной городской одежде было только одно несоответствие: переброшенная через плечо коллекционная сумка, набитая пробирками и пузырьками, да маленький сачок с бутылочкой на конце, прикрепленный к его трости.

Гм, — произнес он с серьезным видом, пожимая мне руку. — Здравствуй, здравствуй. Я вижу, сегодня выдался... гм... прекрасный денек для нашей экскурсии.

В такое время года прекрасные деньки тянулись многие недели кряду и вовсе не были дивом, однако Теодор отмечал это всякий раз, как будто видел в этом особую милость, ниспосланную нам богами.

Мы, не теряя времени, забрали приготовленную мамой сумку с едой и глиняными бутылочками имбирного пива и забросили ее за спину вместе с моим снаряжением, которое было побольше, чем у Теодора, поскольку мне шла впрок всякая добыча и приходилось быть ко всему готовым.

И вот мы вместе с Роджером проходим сквозь полосатые тени залитых солнцем роц, а впереди у нас весь остров, по-весеннему свежий и сияющий. В такую пору оливковые роцц все в цветах. Бледные анемоны с красноватым отливом по краям, точно их лепестки обмакнули в вино, ятрышник, как бы из розовой сахарной глазури, и желтые крокусы, такие

мисистые и глянцевитые и так похожие на воск, что кажется, они будут гореть как свеча, если поднести к их тычинкам спичку. Около мили мы прошли по дороге, обсаженной высокими старыми кипарисами, сильно запорошенными белой пылью — настоящие малярные кисти в известке, потом свернули в сторону и направились к гребню невысокой горы. Тут перед нами открылось озеро размером акра в четыре, заросшее у берегов тростником и зеленое от водных растений.

В тот день на спуске к озеру я шел немного впереди Теодора и вдруг остановился как вкопанный, с изумлением разглядывая тропинку впереди себя. Вдоль края этой тропинки тянулось русло ручья, сбегавшего в озеро. Ручеек был так мал, что даже весеннее солнце успело его высушить почти целиком, на дне у него оставалась лишь тоненькая струйка воды. Поперек ручья, подымаясь затем на тропинку и опять спускаясь в ручей, лежал, как мне показалось, толстый канат, и он был как живой. Приблизившись, я увидел, что канат состоит из множества каких-то маленьких, покрытых пылью змеек. Я сразу крикнул Теодору и, когда он подошел, показал ему на это чудо.

— Ага! — сказал Теодор, и в глазах его загорелось любопытство. — Гм, да. Очень интересно. Elveg.

Я спросил, к каким змеям относятся эти elveg и почему они передвигаются все вместе?

— Нет, нет, — сказал Теодор. — Это не змеи, это молодые угри, и, кажется, они... гм... понимаешь ли... пробираются к озеру.

Я с восторгом склонился над колонной этих маленьких угрей, решительно пробивающих себе путь по камням и траве, среди колючего чертополоха. Кожа у них была сухая и запыленная. Их было там, наверно, миллионы. Кто бы мог подумать, что в этом пыльном, сухом месте можно встретить живых угрей!

— Вся история... гм... угрей, — сказал Теодор, опустив на землю сумку и устроившись поудобнее на камне, — очень любопытна. Видишь ли, в определенные периоды взрослые угри покидают пруды и реки, где они обитали, и... э... устремляются к морю. Это происходит со всеми европейскими угрями и со всеми североамериканскими. Куда они все уходят, долгое время оставалось загадкой. Ученые только знали, что обратно они никогда не возвращаются и что через какое-то время появляются молодые угри и заселяют те же реки и водоемы. Только гораздо позднее люди узнали, что происходит на самом деле.

Теодор задумчиво провел рукой по бороде и продолжал:

Д

— Все утри направляются в море. Через Средиземное море они попадают в Атлантический океан и плывут к тому месту, которое называется Саргассово море, оно расположено, как ты знаешь, против берегов Южной Америки. Угрям... гм... Северной Америки, конечно, не приходится столько плыть, но они тоже идут к тому же месту. Там они мечут икру и погибают. Личинка угря, когда она выходит из икры, выглядит совсем необычно... э... знаешь ли... она прозрачная и имеет форму листа. Эти личинки так непохожи на взрослых угрей, что долгое время их выделяли в особый род. Так вот, личинки медленно плывут обратно, направляясь к тем местам, откуда пришли их родители. К тому времени, когда они достигнут Средиземного моря или берегов Северной Америки, они выглядят так, как вот эти.

Теодор остановился, снова потрогал бороду и осторожно просунул конец трости в живую массу угрей, так что те сердито зашевелились.

— Видимо, в них очень... э... гм... очень силен инстинкт родного дома, — продолжал Теодор. — Ведь отсюда до моря не меньше двух миль, и, однако же, все эти маленькие утри оказались здесь, пробивая себе путь к тому самому озеру, где жили их родители.

Теодор внимательно огляделся и показал мне на что-то тростью.

— Путешествие это довольно опасно, — заметил он, и я понял, что он имел в виду. Как раз над полоской угрей в небе черным крестиком плавала пустельга. Мы видели, как она камнем упала вниз и потом, крепко зажав в когтях клубок угрей, унеслась прочь.

Пока мы шли вдоль полосы угрей (они следовали в том же, что и мы, направлении), мы видели, как действуют другие хищники. При нашем приближении в воздух поднимались стайки галок, сорок, взлетела пара соек, и краем глаза мы успели заметить, как мелькнул и исчез в миртовых кустах огненный хвост лисицы.

Добравшись до озера, мы обычно действовали по заведенному уже порядку. Прежде всего определяли, под какой оливой нам лучше сложить еду и снаряжение, какая из них будет давать в полдень самую густую тень. Выбрав дерево, мы складывали под ним в кучку свои вещи, а потом с сачками и сумками шли к озеру и трудились все утро. Медленно, с сосредоточенным видом, словно пара цапель, высматривающих рыбу, шагали мы по воде и погружали в нее сачки сквозь путаницу водных растений. Здесь Теодор превосходил самого себя. Вокруг него звенящими стрелами носились большие алые стрекозы, а он стоял в воде и извлекал из ее глубин чудеса, каким позавидовал бы сам волшебник Мерлин.

Здесь, в спокойных, золотистых водах, раскинулись карликовые джунгли. По дну озера среди остатков прошлогодней листвы пробирались страшные, коварные, как тигры, хищники — личинки стрекоз. На отмелях, словно стадо толстых бегемотов в какой-нибудь африканской реке, резвились черные головастики, гладкие и блестящие, как лакричные леденцы. Среди зелени подводных дебрей суежилась и порхала, напоминая стаю экзотических птиц, разноцветная микроскопическая живность, тогда как внизу, у корней, в темной глубине этого леса извивались и вытягивались вечно голодные пиявки и тритоны. А там, куда проникало солнце, среди волнистых холмов мягкой черной грязи в своих косматых шубах из обломков и веточек сонно ползали личинки ручейников — как только что очнувшиеся от спячки медведи.

— Ага, это вот довольно интересно. Видишь... гм... вон того червячка? Так это личинка огневки. Тебе, между прочим, не мешает взять ее для коллекции. Огневка интересна тем, что это одна из немногих бабочек, у которых личинка развивается под водой. Она живет там до тех пор, пока не настанет пора... гм... превратиться в куколку. Интересно, что у этого вида существуют... э... гм... две формы женских особей. У самца, конечно, полностью развиты крылья, он летает, как только выведется. Одна из самок тоже летает, но у другой, когда она выйдет из куколки... гм... крыльев нет, она продолжает жить под водой и плавает при помощи ног.

Теодор прошел чуть дальше по берегу, покрытому грязью, уже подсохшей и потрескавшейся на весеннем солнышке. С ветки ивы голубым фейерверком взлетел зимородок, а к середине озера спустилась и грациозно проскользила на своих серповидных крыльях крачка. Теодор погружал сачок в воду и тихонько водил им из стороны в сторону, будто гладил кошку. Потом выхватывал его и поднимал вверх, чтобы подвергнуть самому тщательному осмотру болтавшийся на конце пузырек.

— Гм, да, — говорил он, разглядывая пузырек сквозь лупу. — Несколько циклопов. Две личинки комара. Ага, это интересно. Видишь, вон там личинку ручейника, которая соорудила свой чехлик целиком из раковин маленьких улиточек? Это... знаешь... очень красиво. А вот тут у нас, я думаю... да, да, тут у нас несколько коловраток.

Отчаянно стараясь угнаться за этим непрерывным потоком сведений, я спросил, что такое коловратки, и сквозь увеличительное стекло стал глядеть в пузырек, где прыгали и скакали эти немые обитатели вод.

— Прежде натуралисты называли их колесиками, — сказал Теодор, — из-за этих вот любопытных конечностей, которыми они так необычно размахивают, что становятся похожи... гм... э... на колесики часов. Когда ты

Д

в следующий раз придешь ко мне, я покажу их тебе под микроскопом. Это исключительно красивые создания. Все это, конечно, самки.

Я спросил, почему они обязательно должны быть самками.

Это одна из наиболее интересных особенностей коловраток. Самки откладывают неоплодотворенные яйца. Гм... э... ну, вроде как у кур бывают яйца-болтуны. Только из яиц коловраток выводятся самки. Но в определенные периоды самки откладывают более мелкие яйца, из которых выходят самцы. Вот когда я покажу их тебе под микроскопом, ты увидишь, что у самки, как бы это сказать?... довольно сложное тело, пищевой тракт и все прочее... у самца же совсем ничего нет. Это всего лишь... э... плавающей мешок со спермой.

Я нестал от сложностей личной жизни коловраток.

— Они интересны еще тем, — продолжал Теодор, весело нагромождая одно чудо на другое, — что в определенные времена... э... если лето выдалось жаркое или еще там что-то произошло, отчего пруд может пересохнуть, они опускаются на дно и покрываются такой твердой оболочкой. Это своего рода анабиоз, так как пруд может оставаться сухим... э... скажем, лет семь или восемь, и они так и будут лежать в пыли. Но при первом же дожде, когда пруд наполнится водой, они вновь оживут.

Мы шли с ним дальше и опять опускали в воду сачки среди шарообразных скопления лягушачьей икры и вытянутых ожерелий жабьей икры.

— Вот посмотри-ка... э... возьми на минутку лупу и посмотри... очень красивая гидра.

Под лупой зашевелился крохотный обрывок водоросли, к которому был прицеплен длинный, тонкий, кофейного цвета столбик с пучком нежных щупалец на конце. В это время откуда-то появился круглый серьезный циклоп с двумя большими и, очевидно, тяжелыми сумками розовых яиц и резкими скачками подплыл слишком близко к извивавшимся щупальцам гидры. Он был проглочен в одно мгновение, успел лишь раза два дернуться перед смертью. Я знал, что, если наблюдать подольше, можно по перемещению вздутия на столбике гидры проследить, как постепенно поглощается циклоп.

Вскоре мы определили по солнцу, что пора уже есть, и вернулись к оливковому дереву. Разложили свои припасы, достали имбирное пиво и приступили к трапезе под сонное пение только что появившихся весенних цикад и тихое, недоуменное воркование кольчатых горлиц.

— По-гречески, — сказал Теодор, неторопливо прожевывая бутерброд, — кольчатая горлица называется *dekaostura*, то есть восемнадцать монет. Есть легенда, что, когда Христос... гм... нес крест на Голгофу, один

римский солдат, заметив, как он изнемогает, пожалел его. Как раз в том месте у дороги сидела старуха и продавала... гм... молоко. Солдат спросил у нее, сколько стоит кружка молока. Она ответила, что просит за нее восемнадцать монет. У солдата оказалось только семнадцать. Он... э... понимаешь... попросил старуху, чтобы она продала ему кружку молока для Христа за семнадцать монет, но жадная женщина настаивала на восемнадцати. И вот, когда Христа распяли, старуха превратилась в кольчатую горлицу. До конца дней ей суждено было летать кругом и повторять dekaocto, dekaocto — восемнадцать, восемнадцать. Если она когда-нибудь скажет dekaepta, семнадцать, то снова превратится в женщину, если же из упрямства произнесет dekaennaea, девятнадцать, наступит конец света.

В прохладной тени оливы мелкие черные муравьи, похожие на ясные зернышки икры, разворовывали остатки нашего завтрака, суетясь среди сухой прошлогодней листвы, пожелтевшей и побуревшей под солнцем минувшего лета. Теперь она шуршала и хрустела, как крекер. По склону позади нас прогоняли козье стадо. Уныло звякал колокольчик вожака, и было слышно, как пощелкивают челюсти коз, объедающих все на своем пути. Вожак подошел к нам вплотную и с минуту пялил на нас свои желтые глаза, обдавая запахом чабреца.

— Их нельзя оставлять... э... без надзора, — сказал Теодор, отгоняя козу палкой. — Они просто разоряют сельскую местность. Ничто ее так не губит.

Вожак насмешливо мекнул и ушел, уводя за собой свою банду опустошителей.

После еды мы с часок повалялись под деревом, разглядывая сквозь листву рассыпанные по небу мелкие белые облачка — словно отпечатки детских ладошек на синем замерзшем окне.

— Послушай, — сказал наконец Теодор, поднимаясь с земли. — Надо бы пойти на другую сторону озера... э... взглянуть, что там есть.

И вот мы снова бредем вдоль берега. Постепенно наши пробирки, бутылки и банки заполняются всевозможной микроскопической фауной, а мои коробки, ящички и мешочки уже до отказа набиты лягушками, маленькими черепашками и разными жуками.

— Мне кажется, — произносит Теодор и с сожалением смотрит на заходящее солнце. — Мне кажется... гм... что пора идти домой.

Мы с трудом поднимаем ставшие очень тяжелыми сумки и, закинув их за спину, устало тащимся домой. Впереди бодрой рысцой бежит Роджер, язык его свисает, как розовый флаг. Добравшись до дому и разместив своих пленников по более просторным квартирам, мы с Теодором отдыхаем,

Д

обсуждаем события минувшего дня и целыми галлонами поглощаем горячий, бодрящий чай, налегая как следует на сдобные, румяные, только что испеченные мамой лепешки.

Однажды я ходил на это озеро без Теодора, и в тот раз мне удалось совершенно случайно поймать одного водяного обитателя, с которым я давно хотел встретиться. Вытащив из воды сачок, я стал разглядывать спутанный клубочек водных растений и вдруг увидел, что там — можете себе представить! — притаился паук. Я был в восторге. Мне уже приходилось читать об этих интересных пауках, самых, должно быть, необычных пауках в мире, так как они ведут совершенно удивительный, водный образ жизни. Паук был размером с полдюйма и в чуть приметных серебристо-бурых крапинках. Я с торжеством посадил его в одну из своих жестяных банок и бережно понес домой.

Дома я отвел для него аквариум, набросал туда всяких веточек и водных растений, посадил паука на выступавший из воды прутик и принялся наблюдать. Паук тотчас же спустился по прутику в воду, где сразу оделся в красивое, блестящее серебро — благодаря множеству воздушных пузырьков, приставших к его волосатому телу. Минут пять он бегал под водой, исследуя все веточки и листики, и наконец выбрал себе место для жилья.

Паук этот — истинный изобретатель водолазного колокола, и я, усевшись перед аквариумом, наблюдал, как он его создает. Сначала паук протянул между веточками несколько длинных шелковых прядей, служивших основными растяжками, потом уселся примерно посредине и начал плести плоскую паутину неправильной овальной формы более или менее обычного типа, только с ячейками помельче, так что она напоминала скорее тонкую ткань. Эта работа заняла у него почти два часа. Заложив основу своего дома, паук должен был снабдить его теперь запасами воздуха. Для этого он стал совершать бесконечные рейсы к поверхности воды и выныривал на воздух. Когда паук возвращался, все его тело было в серебряных пузырьках. Он спешил вниз, садился под паутиной и начинал сметать с себя лапками пузырьки, которые тут же поднимались вверх и останавливались под паутиной.

После пятого или шестого рейса все эти мелкие пузырьки слились в один большой пузырек. По мере того как паук добавлял туда все новые и новые порции воздуха, пузырек становился все больше, начиная давить на паутину, и вот наконец паук получил то, что ему нужно. Крепко расчаленный между веточками и водными растениями, в воде возникал колокол, наполненный воздухом. Теперь это был дом паука, где он мог жить вполне спокойно, не имея нужды часто наведываться на поверхность, потому что

воздух в колоколе, как мне было известно, пополнялся кислородом от водных растений, а выделяемый пауком углекислый газ просачивался сквозь шелковые стены его домика.

Я глядел на этот удивительный образец мастерства и размышлял, как же сумел самый первый водяной паук (который только еще собирался стать водяным пауком) создать такой хитроумный образ жизни под водой. Но пауки эти интересны не только своим подводным строительством. В отличие от большинства других видов самец водяного паука вдвое больше самки, и после оплодотворения супруга не пожирает его, как нередко случается в семейной жизни пауков. По размерам моего паука я определил, что эта самка, и брюшко у нее, кажется, было вздуто. Решив, что она находится в счастливом ожидании, я старался давать ей побольше добротной пищи. Она любила толстых зеленых дафний, которых умела ловить с необычным проворством, когда те проплывали мимо. Но, видимо, больше всего ей нравились новорожденные тритончики, и, хотя это была слишком крупная для нее дичь, она бросилась на них без колебаний. Все, что ей удавалось поймать, она уносила в свой колокол и там поедала среди тишины и покоя.

В один прекрасный день я увидел, что самка расширяет свой колокол. Трудилась она над этим не спеша, и работа заняла два дня. И вот, заглянув утром в аквариум, я, к своему восторгу, увидел, что питомник заполнился круглыми яичками. В положенный срок из них вышли крохотные паучки — точная копия мамаша.

Теперь водяных пауков у меня было в избытке. Но вскоре я с негодованием заметил, что их мать, начисто лишенная родительских чувств, преспокойно поедает собственное потомство. Пришлось отсадить малышей в другой аквариум. Однако, когда паучки подросли, они стали поедать друг друга, так что в конце концов я оставил у себя только двух наиболее умных с виду отпрысков, а остальных отнес на озеро и выпустил.

КРАБЫ И КАРАКАТИЦЫ

Каждое утро, когда я просыпался, комната моя была вся в полосках солнечного света, проникавшего сквозь закрытые ставни. Собаки уже умудрялись без моего ведома залезть ко мне под кровать и теперь, растянувшись, спали безмятежным, крепким сном. У окна сидел Улисс и с крайним неудовольствием шурился на золотые солнечные полосы. За окном

А раздавались хриплый, насмешливый крик петуха и тихое, умиротворяющее (словно овсяная каша булькала на плите) квохтанье кур, рывшихся под лимонными и апельсиновыми деревьями, отдаленный звон козьих колокольчиков, громкое чириканье воробьев на карнизах и неожиданный суетливый щебет, озпачавший, что в гнездо под моим окном вернулись заботливые ласточки и принесли своему выводку полный клюв еды. Сбросив простыню и прогнав собак на середину комнаты, где они встряхивались, потягивались и зевали, скрутив листиком свои яркие розовые языки, я шел к окну отворять ставни. Затем, пока мои глаза привыкали к яркому свету, я растягивался на подоконнике, выставив на утреннее солнце свое голое тело, на котором виднелись маленькие розовые пятнышки от укусов собачьих блох, и в задумчивости почесывался. Перестав наконец жмуриться, я бросал взгляд через серебряные верхушки олив на берег и на море, синевшее в подумиле от нашего дома. Именно здесь, на этом берегу, появлялись время от времени рыбаки со своими сетями, что всегда было для меня чрезвычайным событием, поскольку в сетях, вытащенных из синих глубин залива, всегда оказывалось много замечательных морских животных, каких я сам добыть бы не смог.

Едва заведя на волнах маленькие рыбацьи лодки, я живо одевался и, прихватив нужный скарб, вылетал через оливковые рощи на дорогу и дальше к морю. Почти всех рыбаков я знал по имени, но особую дружбу водил с одним высоким и сильным парнем с копной темно-рыжих волос. Имя его было Спиро, в честь неизменного святого Спиридиона, и поэтому, чтобы отличать его от всех других Спиро, каких я знал, я называл его Кокино, что значит «рыжий». Кокино охотно добывал для меня образцы животных, и, хотя сами животные его ничуть не интересовали, ему доставляло удовольствие видеть мою неподдельную радость.

Однажды я пришел на берег как раз в то время, когда вытаскивали невод. Загорелые рыбаки тянули за мокрые веревки, с силой упираясь в песок босыми ногами, и все ближе подводили тяжелые сети к берегу.

— Будь здоров, кирие Джерри, — крикнул мне Кокино, махнув большой веснушчатой рукой. Волосы его вспыхнули на солнце костром. — Сегодня у нас будут для тебя интересные животные. Мы забросили невод на новом месте.

Я присел на песок и стал терпеливо ждать, а рыбаки с веселой болтовней и шутками продолжали свое дело. Через некоторое время в воде показалась и вскоре вышла на поверхность верхняя часть невода. Уже было видно, как блестит и сверкает в сетях рыба. Когда невод вытащили, он был

несь как живой, дрожал от бившейся в нем с шумом рыбы — ровное, глухое стаккато рыбьих хвостов, отчаянно хлеставших друг друга.

Рыбаки поднесли корзины и стали выбрасывать в них из невода рыбу. Красная рыба, белая рыба, рыба в темно-красных полосках, скорпена, похожая на огненно-красный гобелен. Иногда попадались осьминог или каракатица со своими человеческими глазами, тревожно глядевшими из глубины сетей. Когда вся съедобная часть улова была благополучно разложена по корзинам, наступил мой черед.

На дне сетей всегда оставалась большая куча камней и морских водорослей, вот там-то и были мои трофеи. Однажды я нашел плоский круглый камень, из середины которого поднималось очень красивое коралловое дерево безупречной белизны. Оно было как молодая березка зимой, покрытая слоем пушистого снега. Иногда мне попадалась кожистая морская звезда, пухлая, как бисквитный торт, и почти такого же размера. Цвет у нее светло-коричневый, с яркими алыми точками, а по краям не вытянутые, как у всех звезд, лучи, а круглые фестоны. Один раз я вытащил из кучи двух удивительных крабов, у которых ноги и клешни, когда они их подбирают, точно совпадают с краями овального панциря. Окрашены они в белый цвет, и на спине ржаво-красный рисунок — настоящая маска туземца.

В то утро Кокино, разложив по корзинам последнюю рыбу, подошел мне помочь. В большой куче водорослей был обычный ассортимент мелких кальмарчиков, морских игл, крабов-пауков и разных рыбок, которые, несмотря на свои малые размеры, не смогли проскользнуть сквозь ячейки сети. Вдруг Кокино хмыкнул от радостного удивления, вытащил что-то из спутанного клубка водорослей и протянул мне на своей жесткой ладони. Я поглядел и глазам не поверил, потому что это был морской конек. Буро-зеленый, очень складный, удивительно похожий на шахматную фигурку, он лежал на ладони Кокино и хватал воздух своим открытым, сильно выступавшим вперед ртом. Хвост его судорожно скручивался и раскручивался. Я в один миг сгреб его с ладони и опустил в банку с морской водой, мысленно вознося молитву святому Спиридону за то, что он помог мне спасти конька. К моей радости, конек сразу расправился и повис посреди банки, плавнички по бокам его лошадиной головы мелко-мелко дрожали, сливаясь в неясное пятно. Убедившись, что с коньком все в порядке, я снова начал рыться в водорослях с лихорадочным волнением золотонкаателя, промывающего песок со дна реки, где он нашел самородок. Усердие мое было вознаграждено, и через несколько минут в банке у меня уже сидели шесть коньков разной величины. Вне себя от такой удачи, я быстро попрощался с Кокино и остальными рыбаками и полетел домой.

Д

Дома я бесцеремонно выдворил из аквариума живших там четырнадцать веретениц и предназначил его для своих новых питомцев. Я знал, что кислорода в банке, где сидели морские коньки, надолго не хватит, поэтому, если я не хочу, чтобы они погибли, надо поторапливаться. Я схватил аквариум и пошел к морю. Вымыл там его как следует, насыпал на дно песку и быстро вернулся домой, а потом еще три раза бегал к морю с ведрами, чтобы наполнить аквариум водой. Когда я выливал последнее ведро, пот лил с меня градом, я даже подумал: стоило ли так стараться из-за коньков? Ну конечно, стоило! Это я увидел сразу, как только коньки шлепнулись из банки в аквариум. Они моментально расправились, а потом, словно табунчик выпущенных на волю пони, закружились около раскидистой веточки оливы, которую я укрепил в песке на две аквариума. Плавнички их двигались так быстро, что были совсем не видны, казалось, будто каждый конек движется с помощью какого-то внутреннего моторчика. Обозрев свои новые владения, все коньки собрались у ветки оливы, зацепились за нее хвостами и с серьезным видом застыли на месте.

Морские коньки сразу всем понравились. Это были почти единственные из всех животных, каких я приносил в дом, заслужившие единодушное одобрение всей семьи. Даже Ларри тайком наведывался ко мне в кабинет, чтобы взглянуть, как резвятся коньки в своем водоеме. У меня морские коньки отнимали очень много времени. Вода в аквариуме быстро портилась, и приходилось раза четыре или пять на дню бегать с ведрами к берегу моря. Это было совсем не легким делом, но я радовался, что не бросил его, иначе мне не пришлось бы увидеть необыкновенное чудо.

У одного из коньков, очевидно старого, так как он почти весь почернел, было очень большое брюшко. Я приписывал это только возрасту. Но вот как-то утром мне бросилась в глаза полоска на его брюшке, будто проведенная лезвием бритвы. Я стал следить за ним, пытаюсь узнать, не было ли драки между морскими коньками, а если была, то что они использовали в качестве оружия (ведь на вид коньки были такие беспомощные), но тут, к моему величайшему изумлению, разрез на брюшке чуть расширился, и оттуда выскочил крохотный морской конечек. Я едва мог поверить своим глазам. Как только этот малыш чуть отплыл в сторону и повис в прозрачной воде, из брюшка появился другой, за ним еще один, потом еще и еще, и вот уже двадцать микроскопических коньков крутились облачком дыма около своей гигантской мамы. Испугавшись, как бы другие взрослые коньки не съели малюток, я поставил другой аквариум и отсадил туда, как мне представлялось, мамашу и ее отпрысков. Наполнять свежей водой два аквариума было еще труднее, чувствовал я себя как загнанная лошадь, одна-

ко решил держаться до четверга, когда приедет Теодор и можно будет показать ему свои сокровища.

— Ага, — сказал Теодор, с профессиональным любопытством заглядывая в аквариум. — Это и в самом деле интересно. Судя по литературе, морские коньки, конечно, должны быть в этих местах, но сам я... никогда их здесь раньше не видел.

Я показал Теодору другой аквариум, где плавала мамаша со стайкой малышей.

— Нет, — сказал Теодор. — Это не мать, это отец.

Сначала я подумал, что Теодор просто разыгрывает меня, но он объяснил, как все происходит на самом деле. Когда самка выметет икру и самец оплодотворит ее, он забирает икринки в свою специальную выводковую камеру, и они там у него развиваются. То, что я принял было за гордую мамашу, оказалось на самом деле гордым отцом.

Скоро мне стало совсем не по силам держать конюшню с морскими коньками и снабжать их свежей водой и запасами пищи. С величайшим сожалением я вынужден был выпустить их на волю.

Кокино не только добывал животных для моей коллекции, но и показывал мне один из самых удивительных способов рыболовства.

Как-то я встретил его на берегу, где он возился в своей утлой лодочке, ставил в нее банку из-под керосина, наполненную морской водой. На дне банки лежала большая, благодушная на вид каракатица, обвязанная веревкой в том месте, где голова ее соединялась с большим яйцевидным телом. Я спросил Кокино, куда он собрался, и он ответил, что собрался ловить каракатиц. Это меня удивило, потому что в лодке не было ни удочек, ни сетей, ни даже остроги. Я спросил, как же он думает ловить каракатиц.

— С помощью любви, — загадочно сказал Кокино.

Я считал, что долг естествоиспытателя велит мне исследовать все способы ловли животных, и сразу же спросил Кокино, может ли он взять меня с собой. Мы вышли в голубой залив и остановились в тех местах, где глубина достигала двух саженей. Здесь Кокино вытащил конец веревки, за которую была привязана каракатица, и намотал его на большой палец ноги, потом достал каракатицу и бросил за борт лодки. Каракатица поплавала немного на поверхности, поглядела на нас как бы с подозрением и, выпустив струю воды, скачками поплыла прочь в голубые глубины залива. Веревка понемногу выскальзывала из лодки и вскоре туго натянулась. Кокино закурил сигарету, взъерошил свою огненную гриву.

— Теперь, — сказал он с улыбкой, — мы увидим, что может делать любовь.

Д

Склонившись над веслами, Кокино медленно повел лодку по заливу, то и дело останавливал ее и с напряженным вниманием следил за веревкой на своем пальце. Вдруг он слегка хрюкнул, отбросил весла, так что они прижались к бортам лодки, как крылья бабочки, и, схватившись за веревку, стал тянуть ее к себе. Я перегнулся через борт лодки и во все глаза глядел сквозь прозрачную воду, стараясь увидеть конец туго натянутой веревки. Кокино стал тянуть быстрее. Через некоторое время в глубине появилось неясное пятно, и вскоре я разглядел каракатицу. Когда она приблизилась, я с удивлением увидел, что это не одна каракатица, а две, крепко сцепившиеся вместе. Кокино быстро подтянул их к себе, выдернул из воды и опустил на дно лодки. Самец, видно, был слишком увлечен возлюбленной, и даже внезапный переход из родной стихии на открытый воздух ничуть его не обеспокоил. Он так крепко вцепился в самку, что Кокино не сразу удалось оторвать его и бросить в банку с морской водой.

Меня очень увлекла необычность такого способа ловли, хотя в глубине души я чувствовал, что это немного нечестно, не по-спортсменски. За час мы на сравнительно небольшом пространстве выловили пять каракатиц-самцов. Я удивлялся, что залив так густо населен, ведь днем тут каракатиц редко увидишь. Все это время каракатица-самка исполняла свою роль с безразличием стойка, но я все равно считал, что она заслужила награду, и уговорил Кокино отпустить ее на волю, хотя он сделал это с явным сожалением.

Я спросил, откуда Кокино знает, что каракатица привлечет самцов.

— Такое время, — пожал он плечами.

Значит, в это время, спросил я, можно с тем же успехом привязать любую каракатицу?

— Да, — сказал Кокино. — Но, конечно, одни каракатицы могут, как и женщины, быть привлекательней других, и, значит, проку от них будет больше.

Жаль, что этот способ нельзя применять к другим животным. Как было бы чудесно, например, забросить на нитке в воду самку морского конька и вытащить ее потом, обвешанную страстными поклонниками!

Насколько мне было известно, такой своеобразный способ лова применял один лишь Кокино, я никогда не видел, чтобы им пользовались другие рыбаки, а те, с кем я говорил, даже ничего не слышали о нем и не очень-то верили моим рассказам.

У изрезанных берегов напротив нашего дома водилось особенно много разных животных, и, так как места эти были сравнительно мелкие, ловить там животных было нетрудно. Как раз в то время я уговорил Лесли постро-

ить для меня лодку, которая намного облегчила мне исследования. Эта плоскодонная, почти круглая посудина с сильным креном на правый борт, получившая название «Бутл Толстогузый», была после осла самой дорогой для меня собственностью. Уставив дно лодки банками, коробками и сачками и прихватив большой пакет еды, я пускался в вояж с командой из трех собак — Вьюна, Пачкуна и Роджера, а иногда брал с собой сову Улисса, если он изъявлял на то желание. В жаркую, безветренную пору мы целыми днями исследовали дальние заливчики и скалистые, покрытые водорослями архипелаги и пережили в этих экспедициях немало интересных приключений. Однажды нам попалась огромная стая «морских зайцев» (улитки тетис). У этих улиток пурпурное, яйцевидное тело с гофрированной оборочкой по краю и два странных выступа на голове, которые действительно очень похожи на длинные заячьи уши. Улитки скользили над песчаным дном и над камнями, направляясь куда-то к югу от острова. Друг к другу они не проявляли никакого интереса, и я заключил, что собрались они вместе не для спаривания, а просто мигрируют целым скоплением.

В другой раз, когда мы стояли на якоре в небольшой бухточке, к нам подплыла стайка толстых, добродушных дельфинов. По-видимому, их привлекла яркая, оранжево-белая окраска «Бутла». Дельфины резвились вокруг нас, прыгали, плескались, подплывали к самой лодке, выставив из воды улыбочивые лица, и выпускали через свои дыхальца глубокие, страстные вздохи. Один молодой дельфин, более решительный, чем взрослые, нырнул даже под лодку, и мы почувствовали, как его спина проехала по плоскому дну «Бутла». Я с восторгом смотрел на это восхитительное зрелище и в то же время старался подавить бунт своей команды, которая реагировала на появление дельфинов совсем по-разному. Вьюн, никогда не отличавшийся храбростью, забился на нос лодки, дрожал там от страха и тихо скулил. Пачкун решил, что спасти свою жизнь можно только одним путем — покинуть корабль и пуститься вплавь к берегу, поэтому мне приходилось удерживать его силой, как и Роджера, убежденного, что, если бы только ему позволили прыгнуть в море, он сумел бы один за несколько минут расправиться со всеми дельфинами.

Однажды я привез из такой экспедиции совсем необыкновенный трофей. В тот день все были в городе, за исключением Лесли, только что перенесшего жестокую дизентерию. Он лежал на диване в гостиной, слабый как котенок, пил чай со льдом и читал объемистый труд по баллистике. Мне Лесли сразу же заявил, и довольно ясным языком, чтоб я не надоедал ему и не вертелся перед глазами, а так как в город ехать мне не хотелось, я взял собак и направился к «Бутлу».

Д

Когда мы плыли по заливу, я еще издали заметил на его спокойной поверхности большой клубок, как мне показалось, желтых водорослей. Морские водоросли всегда заслуживают внимания. В них неизменно оказывается масса разных мелких животных, а иногда, если вам повезет, то кое-что и покрупнее. Я, конечно, устремился к этому месту, но, когда подплыл ближе, увидел, что это вовсе не водоросли, а какой-то камень желтоватого цвета. Только какой же камень может плавать тут в воде, в заливе глубиной двадцать футов? Я пригляделся повнимательней и, к своей невообразимой радости, увидел, что это была черепаха, и довольно большая. Подняв весла, я цыкнул на собак, перешел к носу лодки и ждал там, сгорая от нетерпения, пока «Бутл» все ближе подплывал к черепахе. Черепаха лежала на поверхности воды и, казалось, крепко спала. Надо было поймать ее, прежде чем она успеет проснуться. Сачки и прочее снаряжение, бывшее у меня в лодке, вовсе не предназначались для ловли черепах длиной не меньше трех футов. Мне казалось, что поймать ее можно, только нырнув в воду, ухватить как-нибудь и перекинуть в лодку, пока она еще не проснулась. Я был слишком возбужден, и мне даже в голову не пришло, что черепаха такого размера может обладать немалой силой и вряд ли сдастся без борьбы.

Когда лодка была футах в шести от черепахи, я набрал воздуха в легкие и нырнул. Нырять я решил прямо под черепаху, чтобы отрезать ей путь к отступлению. Погружаясь в теплую воду, я произнес коротенькую молитву, дабы всплеск от моего тела не разбудил черепаху, а если она все же проснется, то чтобы спросонья не успела быстро удрать. Нырнул я довольно глубоко и сразу повернулся на спину. Надо мной, как огромная золотая гиней, лежала черепаха. Я бросился вверх и крепко ухватил ее за передние ласты, свисавшие из панциря наподобие серпов. К моему удивлению, черепаха не проснулась даже от таких действий. Когда я, отфыркиваясь и все еще сжимая ласты, поднялся на поверхность и проморгался, я понял, в чем дело. Черепаха была дохлая. Издохла она уже давно, как о том свидетельствовали мое собственное обоняние и стайки мелких рыбок, клевавших ее чешуйчатые конечности.

Досадно, что и говорить, но все же мертвая черепаха лучше, чем ничего. Я подтянул ее тело к лодке и крепко привязал у борта за один ласт. Собаки были страшно заинтригованы, они решили, что я раздобыл специально для них какое-то невиданное лакомство. «Бутл» из-за своей формы никогда не был легко управляемым судном, а теперь, когда у него на боку болталась дохлая черепаха, он и вовсе норовил крутиться на одном месте. И все же после целого часа напряженной гребли мы благополучно добра-

лись до пристани. Привязав лодку, я вытащил черепаху на берег и как следует рассмотрел ее. Это была черепаха-бисса. Из панциря черепах этого вида выделывают оправу для очков, так что чучело ее иногда можно увидеть в витрине магазинов оптики. У биссы массивная голова с морщинистой желтой кожей и с загнутым наподобие клюва носом, что придает ей необыкновенное сходство с ястребом. Панцирь у моей черепахи был местами побит — следы морских штормов, а может, акульих зубов — и украшен гроздьями белоснежных мелких рачков, морских уток. Нижний щит желтоватого цвета вминался, как толстый размокший картон.

Только недавно я произвел замечательное анатомирование дохлой речной черепахи, и теперь мне представлялся идеальный случай сравнить внутреннее строение морской черепахи со строением ее пресноводного собрата. Я быстро сбегал наверх за садовой тачкой, отвез на ней к дому свой трофей и торжественно разложил его на веранде. Затем приготовил тетрадь для записей, аккуратно, как в операционной, разложил свои пилки, скальпели, бритвенные лезвия и приступил к делу.

СУМЯТИЦА ПОД ОЛИВАМИ

К маю сбор олив шел полным ходом. В жаркие летние дни плоды налились и созрели и теперь падали и лежали, мерцая в траве, словно россыпь черных жемчужин. Крестьянки являлись толпами с жестяными банками и корзинами. Они располагались вокруг оливкового дерева и, переговариваясь пронзительно, как воробьи, собирали плоды в банки и корзины. Некоторые деревья приносили столь обильный урожай уже в течение пяти веков, и в течение пяти веков крестьяне собирали оливы точно таким способом.

В эту пору удавалось вдосталь и поболтать, и посмеяться. Я обычно переходил от дерева к дереву, от группы к группе и, присаживаясь на корточках, помогал собирать блестящие оливы, слушая сплетни о родственниках и приятелях сборщиц и от случая к случаю разделяя с ними трапезу под деревьями, которую они поглощали с волчьим аппетитом; а состояла она из черствого черного хлеба и небольших плоских лепешек, приготовленных из прошлогоднего сушеного инжира и завернутых в виноградные листья.

Собирая оливки, крестьянки пели песни, и, как ни странно, их голоса, такие грубые и хриплые, когда они разговаривали, звучали жалобно-нежно, слитые в единой гармонии. В эту пору года, когда восково-желтые кро-

Д кусы только-только начинают проглядывать между корнями олив, а косо горы покрываются сплошным ковром из пурпурных колокольчиков, крестьянки, сгрудившиеся под оливами, казались живыми цветочными клумбами, а их песни эхом отдавались между рядами старых олив, печальные и мелодичные, как звон колокольчика на шее козы.

Когда банки и корзины наполнялись доверху, их ставили на головы и длинной переговаривающейся вереницей сносили к прессу, в хмурое, мрачное здание в нижней части долины, по которой протекал крохотный светлый ручеек. Прессом заправлял папаша Деметриос, крепкий старик, скрученный и согнутый, как сами оливковые деревья, с совершенно лысой головой и огромными — как говорили, самыми большими на Корфу — белоснежными усищами с желтыми подпалинами от никотина. Папаша Деметриос был человек резкий и раздражительный, но, сам не знаю почему, я пришелся ему по душе, и мы с ним отлично ладили. Он даже допустил меня к своему святой святых — прессу для выжимания оливкового масла.

Это была большая круглая лохань наподобие декоративного пруда с вделанным в нее гигантским жерновом, в центре которого торчала деревянная укосина. К ней была припряжена древняя коняга папаши Деметриоса. Она ходила по кругу с мешком, накинутым на глаза, чтобы не кружилась голова, и таким образом вращала огромный жернов, давивший оливки, сыпавшиеся на него сверкающим водопадом. Мятые оливки источали резкий, кислый запах. Единственными звуками, сопровождавшими этот процесс, были тяжелый топот лошадиных копыт, погромыхивание жернова и непрерывное «кап-кап» оливкового масла, сочащегося из отверстий лохани, золотистого, словно профильтрованный солнечный свет.

В углу помещения высилась черная рассыпчатая груда выжимок — раздробленные косточки, мякоть и кожура оливок, слипшихся в черные твердые лепешки наподобие торфа. От нее исходил густой кисло-сладкий запах, отчего впору было подумать, что выжимки годятся в пищу. В действительности же их скармливали скоту и лошадям вдобавок к зимнему корму, а также использовали как исключительно добротное, хотя и чрезвычайно вонючее топливо.

Из-за неуживчивого характера папаши Деметриоса крестьяне с ним не общались, а просто сдавали собранные оливки и со всех ног спешили прочь: как знать, может, у папаши Деметриоса дурной глаз. Вот почему одинокий старик с радостью воспринял мое вторжение в его сферу деятельности. От меня он узнавал все местные сплетни: кто родил и кого — мальчика или девочку, кто за кем приударяет, а иногда ему перепадал и более лакомый кусочек, как, например, весть о том, что Пепе Кондос арестован

на контрабандную торговлю табаком. В награду за то, что я служил ему своего рода газетой, папаша Деметриос ловил для меня животных. Иногда это был бледно-розовый, хватящий ртом воздух геккон, иногда богомол или гусеница олеандрового бражника, вся в розовых, серебристых и зеленых полосах, словно персидский ковер. И не кто иной, как папаша Деметриос, добыл одного из самых очаровательных любимцев, каких я держал в то время, — жабу-чесночницу, которую я окрестил Августус Пошекочи-Брюшко.

Я был внизу в оливковых рощах, помогал крестьянам собирать урожай и вдруг захотел есть. Я знал, что папаша Деметриос всегда держит изрядный запас съестного у пресса, и пошел проведать его. Стоял искрящийся день, шумливый смеющийся ветер тренькал в оливах, словно на арфе. Было свежо, я бежал всю дорогу, окруженный прыгающими и лающими собаками, а когда, раскрасневшийся и запыхавшийся, добрался до пресса, то застал папашу Деметриоса склоненным над костром, который он соорудил из оливковых «лепешек».

— А! — сказал он, свирепо глядя на меня. — Так ты прибежал, да? Где ты был? Я два дня тебя не видел. Надо полагать, теперь, когда настала весна, у тебя не находится времени для старого человека вроде меня.

Я объяснил, что был занят множеством дел, как, например, изготовлением новой клетки для моих сорок, поскольку они только что совершили палет на комнату Ларри и их нужно было немедленно заточить ради их же собственной безопасности.

— Гм, — хмыкнул папаша Деметриос. — Ну ладно. Хочешь кукурузы?

Я ответил как можно небрежнее, что ничего так не люблю, как кукурузу.

Он встал, прошествовал на своих кривых ногах к прессу и вернулся с большой сковородой, листом жести, бутылкой оливкового масла и пятью золотисто-коричневыми высушенными початками кукурузы — ни дать ни взять золотые слитки. Поставив сковороду на огонь, он прыснул на нее масло и выждал, пока оно заурчало, пошло пузырьками и слегка задымилось. Затем схватил кукурузный початок и стал быстро выкручивать его своими подагрическими руками, так что золотые зерна посыпались на сковороду, будто дождь прошелестел по крыше. После этого старик прикрыл сковороду листом жести, что-то бормотнул про себя и, закулив сигарету, откинулся назад.

— Слышал новость про Андреаса Папоаякиса? — спросил он, перебирая пальцами свои роскошные усы.

— Нет, — сказал я. — А что?

— А, — радостно произнес старик. — Он в больнице, дурачок.

Д — Очень жаль это слышать, — ответил я: я любил Андреаса. Это был веселый, добросердечный, жизнерадостный парнишка, вечно делавший что-нибудь не так. В деревне о нем говорили, что он поехал бы на осле задом наперед, если б сумел.

— Что же с ним приключилось? — спросил я.

— Динамит, — сказал папаша Деметриос, выжидающе глядя на меня — интересно, как я прореагирую на это.

Я присвистнул, как бы от ужаса, и медленно покачал головой. Папаша Деметриос, уверившись в моем безраздельном внимании, уселся поудобнее.

— Это случилось так, — начал он свой рассказ. — Ты сам знаешь, Андреас глупый мальчишка. У него в голове пусто, как в ласточкином гнезде зимой. Но он все же славный малый. Никому никогда не делал зла. Так вот, он задумал глушить рыбу динамитом. Знаешь маленькую бухточку возле Бенитесса? Ну, стало быть, он пригнал свою лодку туда, потому как ему сказали, что местный полицейский на весь день отправился дальше на юг по побережью. Разумеется, ему, глупому мальчишке, и в голову не пришло проверить, навести справки, что полицейский и вправду ушел дальше на юг по побережью.

Я сожалеюще прищелкнул языком. За глушение рыбы динамитом дают пять лет тюрьмы и налагают немалый штраф.

— Так вот, — продолжал папаша Деметриос, — он сел в лодку и не спеша пошел на веслах вдоль берега, как вдруг заприметил впереди на мелководье большой косяк барбуни. Он бросил весла и поджег фитиль динамитного патрона, который у него был.

Папаша Деметриос выдержал трагическую паузу, взглянул, как поджаривается кукуруза, и закурил еще одну сигарету.

— Все бы хорошо, — продолжал он, — но только Андреас хотел бросить динамит, как рыбы уплыли, и как ты думаешь, что сделал этот мальчишка-идиот? Не отбросив динамит, он поплыл за ними! Бах!

Я заметил, что, вероятно, Андреас серьезно пострадал.

— Ну еще бы, — презрительно сказал папаша Деметриос. — Он даже не умеет путем глушить рыбу динамитом. У него был такой махонький патрон, что ему лишь оторвало правую руку. Но все равно он обязан жизнью полицейскому, который и не думал уходить дальше на юг по побережью. Андреас сумел подгрести к берегу и потерял сознание от потери крови. Он несомненно умер бы, если бы полицейский, услышав взрыв, не спустился к берегу посмотреть, кто это глушит динамитом рыбу. К счастью, как раз в это время проходил рейсовый автобус, полицейский остановил его, и Андреаса посадили в автобус и отправили в больницу.

Я выразил глубокое сожаление, что с Андреасом, славным парнишкой, случилось такое несчастье, но слава богу, ему повезло и он остался в живых. Я высказал предположение, что, когда он поправится, его возьмут под стражу и отправят на пять лет в Видо.

— Нет, нет, — возразил папаша Деметриос. — Полицейский сказал, что, по его мнению, Андреас и так достаточно наказан, а в больнице он сказал, что Андреасу отхватило руку какой-то машиной.

Кукуруза начала взрываться и загремела по листу жести, словно залпы миниатюрных пушек. Старик снял сковороду с огня и поднял крышку.

Кукурузные зерна лопнули, и каждое являло собой маленькое желто-белое облачко, хрусткое и аппетитное. Папаша Деметриос достал из кармана скрученную бумажку и развернул ее. В ней оказалась крупнозернистая серая морская соль. Мы обмакивали в нее облачка кукурузы и с удовольствием хрумкали их.

— Я кое-что для тебя раздобыл, — сказал наконец старик, тщательно вытирая усы большим красно-белым платком. — Еще одну из этих ужасных тварей, до которых ты такой охотник.

Набив полный рот остатками жареной кукурузы и вытерев пальцы о траву, я, сгорая от нетерпения, спросил, что это.

— Сейчас принесу, — сказал старик, вставая. — Очень любопытная тварь. Никогда раньше не видел ничего подобного.

Мне оставалось только ждать. Он сходил к прессу и вернулся с помятой жестяной банкой, заткнутой листьями.

— На, — сказал он. — Да поосторожнее, она воняет.

Я вытащил затычку из листьев и, заглянув в жестянку, убедился, что папаша Деметриос был совершенно прав: его добыча жутко воняла чесноком, как целый автобус крестьян в ярмарочный день. На дне банки сидела средней величины, гладкокожая, зеленовато-коричневая жаба с огромными янтарными глазами и ртом, застывшим в вечной, как у идиота, ухмылке. Когда я сунул руку в жестянку, чтобы достать жабу, она спрятала голову между передними лапами, втянула, на удивительный манер всех жаб, свои выпученные глазищи в черепную коробку и издала пронзительный блеющий крик, словно миниатюрная овца. Я вынул ее из жестянки. Она отчаянно сопротивлялась, источая ужасный запах чеснока. На задних лапах у нее было по мозолистому черному наросту в виде лопасти, напоминающему плужный лемех. Я пришел от нее в восторг, ибо затратил немало времени и сил на безуспешные поиски жаб-чесночниц. Рассыпавшись перед папашей Деметриосом в благодарностях, я с торжеством отнес жабу домой и водворил в аквариум в своей спальне.

Д

Я покрыл дно аквариума слоем земли и песка толщиной в два-три дюйма, и освобожденная жаба, нареченная Августусом, немедленно приступила к устройству своего жилища. Забавными движениями задних лап спереди назад, пользуясь лопастями-наростами, как лопатой, она очень быстро вырыла себе нору и исчезла из виду, выставив на поверхность лишь выпученные глаза и ухмыляющийся рот.

Августус, как вскоре выяснилось, оказался на диво смышленной тварью и был наделен множеством привлекательных черт характера, выявлявшихся по мере того, как он вышныривал из своей норы и предпринимал отчаянные попытки прорваться ко мне сквозь стеклянные стенки аквариума. Если я вынимал его и опускал на пол, он скакал за мной по комнате, и когда я садился, изо всех сил карабкался по моей ноге мне на колени и разваливался в самых непринужденных позах, греясь теплом моего тела, медленно помаргивая, глядя на меня с ухмылкой и хватая ртом воздух. Тогда то я и обнаружил, что он любит лежать на спине и чтобы его легонько поглаживали пальцем по брюшку. Из-за этой экстраординарной прихоти он и получил кличку Пощекочи-Брюшко. К тому же, как выяснилось, проси есть, он пел. Когда я подносил к аквариуму большущего извивающегося земляного червя, Августуса переполнял бурный восторг. Его глаза, казалось, еще больше выпучивались от возбуждения, он издавал негромкие хрюкающие звуки и тот странный блеющий крик, который я услышал, впервые взяв его в руки. Когда червяк наконец падал перед ним, он энергично тряс головой, словно рассыпаясь в благодарностях, хватал червяка за один конец и запихивал его в рот большими пальцами. А когда у нас бывали гости, их неизменно потчевали рассказом о Пощекочи-Брюшко, и все с серьезным видом соглашались, что он обладает наилучшим жабым голосом и репертуаром, какие им доводилось знать.

Примерно в это же время Ларри привел в наш дом Дональда и Макса. Максом звали чудовищно высокого австрийца с вьющимися светлыми волосами, светлыми усами, элегантной бабочкой сидевшими у него над губой, и пронзительно синими добрыми глазами. Дональд, напротив, был мал ростом и бледнолиц — представитель англичан, которые по первому впечатлению кажутся не только косноязычными, но и совершенно лишенными индивидуальности.

Ларри наткнулся на эту столь несообразно подобранную пару в городе и по доброте душевной пригласил к нам пропустить стаканчик-другой вина. Тот факт, что они прибыли в два часа ночи, размякшие от множества возлияний, нимало не смутил нас, поскольку к тому времени мы уже привык-

ли — или почти привыкли — к манере Ларри приводить в наш дом своих знакомых.

Мама рано легла спать с жесточайшей простудой, остальные домашние тоже разбрелись по своим комнатам. Я, единственный из членов семьи, еще не ложился спать. Причиной тому был Улисс: я ждал, когда он вернется в спальню из своих ночных блужданий и проглотит ужин из мяса и рубленой печенки. Я лежал и читал, как вдруг до моего слуха из оливковых рощ донесся неясный, приглушенный шум. Сначала я решил, что это группа крестьян возвращается за полночь с какой-нибудь свадьбы, и не придал этому особого значения. Но источник неблагозвучия приближался, и по стуку копыт и звяканью, сопровождавшему его, я заключил, что это какие-то запоздалые бражники проезжают по дороге в экипаже. Однако песни, которую они распевали, звучала как-то не по-гречески, и меня взяло сомнение: кто бы это мог быть? Я вылез из постели и, высунувшись из окна, всмотрелся в ночную тьму.

Тут экипаж свернул с дороги и стал медленно взбираться вверх по длинному взъезду к нашему дому. Я видел его совершенно отчетливо, так как пассажир, сидевший на заднем сиденье, судя по всему, разжег там небольшой костерок. Я смотрел на огонь, заинтригованный, не зная, что и подумать, а он, то вспыхивая, то пригасая, двигался среди деревьев к нам наверх.

В этот момент наподобие тихо парящего зонтика одуванчика прямо с ночного неба слетел Улисс и попытался устроиться на моем голом плече. Я стряхнул его и сходил за оставленной ему миской с едой. Он жадно накупался на нее, издавая чуть слышные гортанные звуки и мигая мне своими блестящими глазами. Тем временем экипаж медленно, но верно преодолел подъем и въехал во двор нашего дома. Зачарованный открывшимся моим глазам зрелищем, я высунулся из окна.

В задней части экипажа не было костра, как мне подумалось вначале. Там сидели два индивида, каждый с огромным серебряным канделябром в руке. В канделябры были воткнуты большие белые свечи, какие обычно покупали местные жители, чтобы поставить в церкви святого Спиридона. Индивиды громко и немелодично, но с великим тщанием распевали песню из «Девушки с гор», пытаясь, насколько возможно, попасть в тон друг другу.

Но вот экипаж остановился у лестницы, ведущей на веранду.

«В семнадцать лет...» — вздыхал, безусловно, английский баритон.

«В семнадцать лет!» — модулировал другой певец с довольно сильным акцентом уроженца Центральной Европы.

Д

«Влюблен был безответно, — продолжал баритон, неистово размахивая канделябром, — в тех глаз голубизну».

«В тех глаз голубизну», — трактовал среднеевропейский акцент на развратный манер бесхитростные слова, только его надо было слышать, чтобы в это поверить.

«А в двадцать пять от глаз другого цвета, — подхватывал баритон, — он понял, что идет ко дну».

«Ко дну», — скорбно вторил среднеевропейский акцент.

«От глаз другого цвета», — произнес баритон и так неистово потряс канделябром, что свечи, как ракеты, посыпались из своих гнезд и с шипением упали в траву.

Дверь моей спальни открылась, и вошла Марго, облаченная в целые ярды кружев и прозрачной материи вроде муслина.

— Кто это так шумит? — обвиняюще спросила она хриплым шепотом. — Ты ведь знаешь, что маме неможется.

Я объяснил, что не имею к этому шуму никакого отношения, просто, похоже, к нам прикатили гости. Марго высунулась из окна и посмотрела на экипаж, седоки которого добрались до следующего куплета.

— Послушайте, — приглушенным голосом крикнула она, — вам обязательно надо подымать такой шум? Мама плохо себя чувствует.

Экипаж тотчас же окутала тишина, затем на ноги неуверенно поднялась высокая нескладная фигура. Она высоко подняла канделябр и серьезным взглядом вперилась в Марго.

— Не надо, дорогой леди, — загробным голосом нараспев проговорила фигура. — Не надо беспокоит муттер.

— Ни в коем случае, — согласился английский голос из экипажа.

— Как по-твоему, кто это? — взволнованным шепотом спросила меня Марго.

Я ответил, что для меня все совершенно ясно: это, должно быть, приятели Ларри.

— Вы приятели моего брата? — нежным голоском проворковала Марго из окна.

— О благородный существо, — произнесла высокая фигура, качнувшись канделябром в ее сторону. — Он приглашает нас выпить с ним.

— Э-э... Минуточку, я спущусь к вам, — сказала Марго.

— Посмотрейт вас вблизи — все равно что утолят амбиций всей своей жизнь, — произнес высоченный малый, кланяясь несколько неустойчиво.

— Увидеть вас вблизи, — поправил спокойный голос из задней части экипажа.

— Я сойду по лестнице, — сказала мне Марго, — впусти и утихомирю их. А ты пойдй разбуди Ларри.

Я натянул шорты, не церемонясь сграбастал Улисса (который с полузакрытыми глазами переваривал свой ужин), подошел к окну и выбросил его юн.

— Замечательно! — сказал высоченный малый, глядя, как Улисс исчезает над посеребренными луной верхушками олив. — Это есть походит на дом Дракулы¹, не так ли, Дональд?

— Именно так, — согласился Дональд.

Я протопал вниз по коридору и влетел в комнату Ларри. Мне не сразу удалось разбудить его, ибо, решив, что мама надышала на него микробов простуды, он в порядке профилактики потребил перед сном полбутылки виски. В конце концов он, одурманенный сном, сел в кровати и уставился на меня.

— Чего тебе надо, черт бы тебя побрал? — спросил он.

Я рассказал ему о двух личностях, прикативших в экипаже и утверждавших, что он пригласил их на выпивку.

— О боже! — воскликнул Ларри. — Скажи им, что я уехал в Дубровник, и вся недолга.

Я объяснил, что это невозможно, так как Марго уже зазвала их в дом, а маму в ее болезненном состоянии нельзя беспокоить. Стеная, Ларри встал с постели, набросил на себя халат, сунул ноги в шлепанцы, и мы вместе сошли по скрипучей лестнице в гостиную. Там нашему взору предстал долговязый, эффектный, добродушный Макс; развалясь на стуле, он махал на Марго канделябром, из которого вылетели все свечи. На другом стуле с видом владельца похоронной конторы сидел ссутулившийся и мрачный Дональд.

— Ваши глаза, они нежный, голубой, — сказал Макс, помахивая длинным пальцем в сторону Марго. — Мы есть распевайт о голубой глаза, верно, Дональд?

— Правильнее: мы *нели* про голубые глаза, — поправил Дональд.

— Это я и сказал, — благодушно произнес Макс.

— Ты сказал, мы есть распевайт, — возразил Дональд.

Макс на секунду задумался.

— Во всякий случай, — сказал он, — глаза был голубой.

— Были голубые, — поправил Дональд.

¹ Дракула (по имени графа Дракулы, вампира, описанного английским писателем Брэмом Стоузером в романе «Дракула») — человек, относящийся к другому как вампир, высасывающий из него физические и духовные силы. — *Прим. пер.*

Д

— А, наконец-то вы пришли, — упавшим голосом сказала Марго, когда мы вошли. — Надо полагать, это твои друзья, Ларри.

— Ларри, — промычал Макс, вскинувшись с неуклюжей грацией жирафа, — мы есть приходийт, как ты есть сказалт нам.

— Очень приятно, — сказал Ларри, пытаясь выдавить на своем поминот со сна лице некое подобие обаятельной улыбки. — Вы не могли бы говорить потише? Маме нездоровится.

— Муттеры, — с безграничной убежденностью сказал Макс, — самое важное вещь на свете.

Он повернулся к Дональду и, приложив палец к губам, сказал «Тсс!» так громко, что Роджер, до того спавший мирным сном, вскочил на ноги и неистово залаял. Вьюн и Пачкун громогласно присоединились к нему.

— Это чертовски неприлично, — заметил Дональд между валаиваниями. — Гость не должен вести себя так, чтобы собаки хозяина лаяли.

Макс стал на колени и обнял своими длинными руками не перестававшего лаять Роджера. Я не без тревоги наблюдал за этим маневром, ибо Роджер, как мне казалось, был готов превратно исполковать его.

— Тсс, гав-гав, — сказал Макс, лучезарно улыбаясь ошетинившемуся, воинственно настроенному псу.

К моему изумлению, Роджер тотчас перестал лаять и принялся истонизать Макса в лицо.

— Не хотите ли... э-э... выпить? — сказал Ларри. — Разумеется, я не могу просить вас остаться надолго, потому что мама, к сожалению, больна.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал Дональд. — Право, очень мило. Я должен извиниться за него. Сами понимаете, иностранец.

— Ну, я, пожалуй, пойду снова на боковую, — сказала Марго, осторожно подвигаясь к двери.

— Нет, не пойдешь! — рявкнул Ларри. — Кто-то же должен разливать напитки.

— Не удаляйт, — сказал Макс. Он развалился на полу и, не выпуская Роджера из объятий, с жалостью глядел на нее. — Не удаляйт этих глаз из мой орбит.

— Ладно, я схожу за спиртным, — упавшим голосом сказала Марго.

— А я вам помогайт, — сказал Макс, отшвырнув от себя Роджера и вскочив на ноги.

Роджер тешил себя иллюзией, что Макс намеревается провести остаток ночи в обнимку с ним перед затухающим камином, а потому не без оснований рассердился, когда его так бесцеремонно отшвырнули. Он вновь залаял.

Тут дверь с шумом распахнулась, и на пороге возник Лесли в чем мама рюдила, если не считать дробовика под мышкой.

— Что тут происходит, черт побери? — свирено спросил он.

— Лесли, *умоляю* тебя, пойди и накинь на себя что-нибудь, — сказала Марго. — Это друзья Ларри.

— А, — мрачно произнес Лесли, — только и всего?

Он повернулся и пошел вверх по лестнице.

— Питья! — восторженно воскликнул Макс, заключая в объятия Марго и вальсируя с ней по комнате под аккомпанемент истерического лая Роджера.

— Я бы очень хотел, чтобы вы вели себя потише, — сказал Ларри. — Макс, прошу тебя, Христа ради.

— Это чертовски неприлично, — заметил Дональд.

— Не забывайте, что мама больна, — сказал Ларри, подметив, что упоминание о матери явно затрагивает какую-то струну в душе Макса.

Тот немедленно перестал вальсировать с запыхавшейся Марго и остановился.

— Где ваша муттер? — спросил он. — Леди есть болен... Проводийт меня к ней, чтобы я мог полечить ее.

— Помощь в тяжелую минуту, — заметил Дональд.

— Я здесь, — сказала мама с порога слегка гнусавым от простуды голосом. — Что случилось?

Она была в ночной рубашке, на плечах, по причине простуды, объемистая шаль. Под мышкой она держала обвисшее, тяжело дышащее, апатичное тельце своей любимицы Додо.

— Ты пришла как раз вовремя, мама, — сказал Ларри. — Позволь представить тебе Дональда и Макса.

Впервые показав признаки оживления, Дональд встал, быстро прошел через комнату к маме, схватил ее руку и слегка склонился над ней.

— Очень приятно, — сказал он. — Ужасно сожалею за причиненное беспокойство. Мой друг, понимаете ли. С континента.

— Очень рада вас видеть, — сказала мама, собрав все свои силы.

При ее появлении Макс широко раскинул руки и теперь взирал на нее с благочестием крестоносца, впервые узревшего Иерусалим.

— Муттер! — патетическим тоном произнес он. — Вы муттер!

— Здравствуйте, — неуверенно сказала мама.

— Вы есть больная муттер? — спросил Макс, начиная соображать, что к чему.

Д

— О, ничего серьезного, легкая простуда, — энергично возразили мама.

— Мы есть разбудийт вас, — сказал Макс, хватаясь за грудь, и на его глаза навернулись слезы.

— Мы разбудили, — вполголоса поправил Дональд.

— Пошли, — сказал Макс и, обняв маму длинными руками, подвел ее к стулу возле камина, где с величайшей деликатностью усадил ее. Он снял с себя пальто и заботливо укутал ее колени. Затем присел рядом на корточки, взял ее руку и серьезно заглянул ей в лицо.

— Что хочет муттер? — спросил он.

— Спать ночь без просыпа, — сказал только что вернувшийся Лесли, одетый более прилично — в пижаме и сандалиях на босу ногу.

— Макс, — сурово произнес Дональд. — Дай другим слово сказать. Ты забыл, зачем мы сюда явились?

— Ну как же, — восторженно отозвался Макс. — У нас есть чудесный новость, Ларри. Дональд решил стать писатель.

— Пришлось, — скромно пробормотал Дональд. — Глядя, как все мы утопаем в роскоши. Гонорары так и сыплются с неба. Вот я и подумал, по чему бы и мне не попробовать.

— Прелестно, — отозвался Ларри почему-то без всякого восторга.

— Я только что закончил первую главу, — сказал Дональд, — и вы мы, если можно так выразиться, примчались сюда как на пожар, чтобы прочесть ее вам.

— О господи, — в ужасе произнес Ларри. — Не надо, Дональд, право же, не надо. К половине третьего ночи мои способности критика совершенно иссякли. Может, вы оставите рукопись у нас и я прочту ее завтра?

— Она коротенькая, — сказал Дональд, пропуская мольбу Ларри мимо ушей и доставая из кармана листок бумаги, — но, надеюсь, вы найдете стиль интересным.

Ларри обреченно вздохнул, а мы все откинулись на спинки стульев и приготовились слушать, пока Дональд откашливался.

— Вдруг, — начал он низким дрожащим голосом, — вдруг, вдруг, вдруг появился он, а затем вдруг появилась она, вдруг, вдруг, вдруг. И вдруг он взглянул на нее, вдруг, вдруг, вдруг, а она вдруг взглянула на него, вдруг. Она вдруг раскинула руки, вдруг, вдруг, а он раскинул свои, вдруг. Затем вдруг они сошлись, и вдруг, вдруг, вдруг он ощутил тепло ее тела, и вдруг, вдруг она ощутила тепло его губ на своих губах, и они вдруг, вдруг, вдруг вместе упали на кушетку.

Последовала долгая пауза; мы ждали продолжения. Дональд несколько раз глотнул ртом воздух, словно справляясь с волнением от чтения собственного произведения, тщательно сложил листок и сунул его в карман.

— Ну, что вы об этом думаете? — спросил он у Ларри.

— Чутьочку коротковато, — уклончиво ответил тот.

— Но что вы думаете о стиле? — продолжал допытываться Дональд.

— Гм... Это интересно, — ответил Ларри. — Впрочем, со временем вы обнаружите, что так уже пробовали писать до вас.

— Не может быть, — возразил Дональд. — Видите ли, я только сегодня ночью это придумал.

— По-моему, ему не следует больше пить, — громко сказал Лесли.

— Помолчи, дорогой, — сказала мама. — Как вы намереваетесь назвать это, Дональд?

— Я хотел, — с глуповатым видом сказал Дональд, — я хотел назвать это «Книга вдруг».

— Очень меткое название, — сказал Ларри. — Но все же я полагаю, что ваших главных персонажей не помешало бы разработать, если можно так выразиться, поглубже, прежде чем заваливать их на кушетку.

— Да, — сказал Дональд. — Вы совершенно правы.

— Это и вправду интересно, — сказала мама, мучительно чихая. — А теперь, я полагаю, всем нам не помешает чашка чаю.

— Я приготавлил чай для вас, муттер, — сказал Макс и вскочил на ноги, заставив тем самым всех собак вновь залиться лаем.

— Я помогу тебе, — сказал Дональд.

— Марго, дорогая, я думаю, тебе лучше пойти с ними и позаботиться о том, чтобы они все нашли, — сказала мама.

Когда троица вышла из комнаты, мама взглянула на Ларри.

— И ты утверждаешь, что эти люди не эксцентричны? — холодно спросила она.

— Ну Дональд-то не эксцентричен, — возразил Ларри. — Он лишь чутьочку под парами.

— И друг, вдруг, вдруг, вдруг он опьянел, — продекламировал Лесли, подбрасывая дров в камин и пиная их ногой, чтобы добиться хоть какого-то пламени.

— Они славные ребята, — сказал Ларри. — Дональд уже перезнакомился с половиной Корфу.

— Что ты имеешь в виду? — спросила мама.

— Ну, ты знаешь, как здесь, на Корфу, любят выпытывать твою подпоготную, — ответил Ларри. — Все уверены, что, раз у него есть, по-види-

Д мому, личное состояние и он такой до невероятности британец, у него должно быть ужасно интригующее прошлое. И вот он забавляется тем, что рассказывает байки. Пока что, как меня уверяли, он успел побывать старшим сыном герцога, племянником лондонского епископа и внебрачным сыном лорда Сестерфилда. Он обучался в Итоне, Хэрроу, Оксфорде, Кембридже, и, к моему восхищению, не далее как этим утром миссис Папанопулос уверяла меня, что он получил официальное образование в Джиртоне.

Тут в гостиную с несколько обескураженным видом вошла Марго.

— Тебе бы лучше пойти и как-нибудь унять их, Ларри, — сказали она. — Макс разжег огонь в кухонной плите пятифунтовой банкнотой, а Дональд куда-то исчез и, не переставая, кричит нам «ау!», а мы ума не приложим, куда он делся.

Мы толпой ввалились в гигантскую, вымощенную каменными плитами кухню. Там, на плите, которую топили древесным углем, уже завел свою песню чайник, а Макс скорбно созерцал обгорелые останки пятифунтовой банкноты, которые держал в руке.

— Право же, Макс, — сказала мама, — что за глупые шутки.

Макс лучезарно улыбнулся ей.

— Для муттер не жалко никакой затрат, — сказал он, вкладывая о танки денег в ее руку. — Сохраняйт это как сувенир, муттер.

— Ау! — раздался меланхолический, отдающийся эхом крик.

— Это Дональд, — гордо сказал Макс.

— Где он? — спросила мама.

— Не знаю, — ответил Макс. — Раз уж он хочет спрятаться, он спря тайтся.

Лесли подошел к задней двери и распахнул ее.

— Дональд, — позвал он, — где вы?

— Ау! — донесся дрожащий крик с едва слышным резонансом.

— О боже! — проговорил Лесли. — Этот безмозглый болван провалил ся в колодец.

В саду возле кухни был большой колодец футов пятидесяти глубиной, с толстой круглой железной трубой, идущей прямо в глубину шахты. По резонансному отзвуку голоса Дональда мы всецело уверились в правоте высказанной Лесли догадки. Захватив фонарь, мы поспешили к колодцу и, оценив кружком сруб, заглянули в его темную глубину. Вполвысоты на трубе, крепко обхватив ее руками и ногами, сидел Дональд. Он взирал на нас снизу вверх.

— Ау! — застенчиво сказал он.

— Дональд, черт побери, кончайте валять дурака! — раздраженно сказал Ларри. — Вылезайте наверх. Если вы свалитесь в воду, вы утонете. Меня это мало беспокоит, но вы испортите нам весь запас питьевой воды.

— Не испорчу, — сказал Дональд.

— Дональд, — сказал Макс, — ты есть нужен нам. Вылезайт. Там внизу есть холодно. Вылезайт и выпивайт чай с муттер, и мы побеседуйт о твоей книга.

— Вы настаиваете? — спросил Дональд.

— Да, да, настаиваем, — нетерпеливо ответил Ларри.

Дональд медленно, с трудом стал взбираться вверх по трубе, мы, затаив дыхание, следили за ним. Когда он оказался в пределах досягаемости, Макс и все домашние перегнулись через край колодца, ухватились за Дональда с разных сторон и, вытащив его наверх, закончили спасательные работы. Затем мы препроводили наших гостей обратно в дом и накачивали их горячим чаем до тех пор, пока они не обрели трезвый вид — насколько это было возможно без сна.

— Я полагаю, теперь вам лучше отправиться домой, — твердо сказал Ларри. — Свидимся завтра в городе.

Мы проводили их на веранду. Экипаж стоял на прежнем месте, лошадь понуро горбилась в оглоблях. Извозчика нигде не было видно.

— У них был извозчик? — спросил меня Ларри.

Я ответил, что был всецело захвачен зрелищем их канделябров и, честно говоря, не обратил внимания.

— Я будет править, — сказал Макс, — а Дональд сплет мне.

Дональд осторожно устроился с канделябрами на заднем сиденье, Макс поборолся на козлы. Он как заправский извозчик щелкнул кнутом, и лошадь, выйдя из коматозного состояния, вздохнула и поплелась вниз по подъездному пути.

— Доброй ночи! — прокричал Макс, размахивая кнутом.

Мы ждали, пока они не исчезли из виду за оливковыми деревьями, затем гурьбой вернулись в дом и, облегченно вздохнув, закрыли за собой дверь.

— Право же, Ларри, тебе не следует приглашать людей так поздно, — сказала мама.

— Я не приглашал их так поздно, — с досадой ответил Ларри. — Они явились сами. Я пригласил их выпить.

В этот момент раздался громкий стук в дверь.

— Я исчезаю, — сказала мама и с завидным проворством взлетела вверх по лестнице.

Д

Ларри открыл дверь. На пороге возникла фигура убитого горем извозчика.

— Где мой каррокино? — крикнул он.

— Где вы были? — спросил Ларри. — Господа забрали его.

— Они украли мой каррокино? — воскликнул извозчик.

— Нет, конечно, они и не думали красть его, глупец, — сказал Ларри, теряя терпение. — Вы не дождались их здесь, вот они и сели в него и уехали обратно в город. Если вы быстро побежите, сможете их догнать.

Взывая к святому Спиридиону о помощи, извозчик бросился через оливковую рощу к дороге.

Решив до конца досмотреть этот спектакль, я спешно занял выгодную позицию, откуда можно было ясно видеть начало въезда к нашему дому и часть освещенной луной дороги, ведущей в город. Экипаж только что съехал вниз по въезду и резво выкатился на дорогу. Дональд и Макс весело распевали. В этот момент извозчик выскочил из оливковой рощи и, изрыгая проклятия, бросился за ними.

Макс испуганно посмотрел через плечо.

— Волки, Дональд! — крикнул он. — Держись! — И он принялся с такой силой обрабатывать злополучный зад лошади, что она, испугавшись, перешла в галоп. Но это был галоп, каким бегают только извозчицьи лошади на Корфу, позволивший владельцу экипажа бежать за ним из всех сил на расстоянии десяти шагов. Извозчик кричал, умолял и чуть ли не плакал от ярости. Макс, полный решимости во что бы то ни стало спасти Дональда, безжалостно погонял лошадь, а Дональд, перегнувшись через задок экипажа, время от времени выкрикивал: «Трах!» Так они и исчезли из моих глаз по дороге в Корфу.

Наутро за завтраком все мы чувствовали себя несколько разбитыми, и мама сурово отчитывала Ларри за то, что он позволяет своим друзьям являться в дом для выпивки в два часа ночи. Как раз в этот момент перед домом остановился автомобиль, из него вылез Спиро и, держа в руках огромный плоский сверток в коричневой бумаге, вразвалку направился к веранде, где мы сидели.

— Это для вас, миссис Даррелл, — сказал он.

— Для меня? — переспросила мама, поправляя очки. — Что это может быть?

Она осторожно развернула коричневую упаковку, и там, внутри, оказалась нарядная и такая большущая коробочка шоколадных конфет, каких и в жизни не видывал. К ней была приколота маленькая белая карточка, на которой изрядно трясушей рукой было написано: «С извинениями за минувшую ночь. *Дональд и Макс*».

СОВЫ И АРИСТОКРАТИЯ

Наступила зима. Все вокруг пропахло дымом горящего оливкового дерева. Ставни скрипели и хлопали по бокам домов, когда ветер принимался за них, а птиц и листья беспорядочно швыряло по темному, низко нависшему небу. Коричневые горы на материке надели клочкастые снежные шапки, дождь затоплял выветренные каменистые долины, превращая их в пенящиеся потоки, которые неудержимо устремлялись к морю, унося с собой грязь и мусор. Достигнув моря, они пронизывали желтыми прожилками голубую воду, и вся поверхность была усеяна луковичками морского лука, бревнами и изгибистыми сучьями, мертвыми жуками и бабочками, пучками бурой травы и расщепленного тростника. Бури назревали среди побеленных пиков албанских гор и затем обрушивались на нас; огромные черные нагромождения туч изрыгали жгучий дождь, рассеянные вспышки молний расцветали и умирали, как желтые папоротники, на небе.

В начале зимы я получил письмо.

Дорогой Джеральд Даррелл!

Насколько мне известно от нашего общего друга доктора Стефанидеса, Вы страстный натуралист и держите ручных животных. Вот почему мне подумалось, что Вы, возможно, захотите приобрести белую сову, найденную моими работниками в старом сарае, который они сносили. К сожалению, у нее сломано крыло, в остальном же она совершенно здорова и хорошо ест.

Если мое предложение Вам понравится, я приглашаю Вас на завтрак в пятницу, и Вы заберете ее, возвращаясь домой. Надеюсь, Вы будете столь любезны, что дадите мне знать. Без четверти час будет самым подходящим временем.

Искренне Ваша
графиня Мавродаки

Это письмо взволновало меня по двум причинам. Во-первых, потому, что я давно мечтал о сипухе, а речь шла явно о ней, во-вторых, потому, что все светское общество на Корфу годами безуспешно пыталось познакомиться с графиней. Она была отшельницей по натуре. Невероятно богатая, она жила на отшибе в огромной, пришедшей в упадок вилле в венецианском стиле и никогда не принимала и не видела никого, кроме работников своего обширного поместья. Ее знакомство с Теодором ограничивалось тем, что он давал ей медицинские советы.

Д По слухам, графиня владела большой ценной библиотекой, по каковой причине Ларри всячески домогался приглашения побывать у нее на вилле, но безуспешно.

— Бог мой, — с горечью молвил он, когда я показал ему приглашение, — я месяцами обивался разрешения у этой старой гарпии взглянуть на ее книги, и вот, пожалуйста, — она приглашает тебя на завтрак. Где справедливость?

Я сказал, что, быть может, позавтракав с графиней, я спрошу у нее, нельзя ли ему посмотреть ее книги.

— Вряд ли после завтрака с тобой она соизволит показать мне хотя бы номер «Таймс», не говоря уж о библиотеке, — сказал Ларри, испепеляя меня взглядом.

Как бы то ни было, вопреки столь низкому мнению моего брата насчет моих светских манер, я решил замолвить за него словечко, если подвернется такая возможность. Я понимал, что предстоит важное, если не сказать торжественное, событие, и поэтому оделся с особым тщанием. Моя рубашка и шорты были аккуратнейшим образом выстираны, и я уговорил маму купить мне пару новых сандалий и новую соломенную шляпу. Я поехал на Салли, на которую вместо седла набросили новое одеяло, ибо до поместья графини было довольно далеко.

День выдался пасмурный, земля размякла. Похоже было, нас застигнет буря, но я надеялся, что это случится не ранее, чем я достигну места назначения: дождь испортил бы хрусткую белизну моей рубашки. Пока мы трусили через оливковые рощи и из миртовых кущ перед нами время от времени с гудением взлетали вальдшнепы, мною все больше овладевало волнение. Мне показалось, что я плохо подготовился к такому визиту. Начать с того, что я забыл захватить с собой заспиртованного четырехногого цыпленка. Я был уверен, что графине было бы небезынтересно увидеть его, и, во всяком случае, он мог бы составить предмет разговора и помочь нам преодолеть неловкость первых минут знакомства. И второе: я забыл посоветоваться с кем-либо насчет того, как следует величать графиню. «Ваше величество», думалось мне, безусловно будет слишком формальным, особенно если учесть, что она отдавала мне сову. Возможно, «ваше высочество» было бы лучше, а то и просто «мадам»? Ломая голову над хитросплетениями этикета, я предоставил Салли самой себе, и она тотчас стала клевать носом. Из всех животных, предназначенных для верховой езды, только ослы, по-видимому, способны спать на ходу. Результат не заставил себя ждать: Салли уклонилась к самой придорожной канаве, споткнулась, па- качнулась, и я, всецело погруженный в свои мысли, свалился в грязную

воду шести дюймов глубиной. Салли уставилась на меня с видом укоризненного изумления, которое она напускала на себя всякий раз, когда чувствовала за собой вину. От ярости я готов был задушить ее. Из моих новых сандалий сочилась грязная жижа, мои шорты и рубаша — за минуту перед тем такая хрусткая, чистая, *свидетельствующая о благонравии* — были обляпаны грязью и обрывками гниющих водных растений. Я чуть не плакал от неистовства, от крушения всех моих надежд. Мы отъехали слишком далеко от дома, чтобы можно было вернуться и переодеться, оставалось одно: двигаться дальше, промокшим и жалким, теперь уже уверенным, что не важно, как величать графиню. Она, я не питал иллюзий на этот счет, лишь взглянет на мое цыганское обличье — и велит мне убраться домой. И я не только потеряю сову, но и шанс протащить Ларри в ее библиотеку. «Какой же ты дурак, — с горечью думал я. — Надо было идти пешком, а не доверяться этой злосчастной скотине, которая теперь резво рысила, наострив уши, похожие на пушистый кукушечий арум».

Вскоре мы достигли владений графини; вилла стояла в глубине оливковых рощ, к ней вела подъездная аллея с высокими зелеными и розовоствольными эвкалиптами. Въезд в аллею охраняли два белокрылых льва на колоннах, презрительно глядевшие на нас с Салли, трусивших вниз по аллее. Дом был огромный, построенный в виде квадрата с внутренним двориком. Когда-то он был выкрашен приятным для глаза, ярким венецианским кармином, но с течением времени краска поблекла до бледно-розовой, штукатурка местами вспучилась и растрескалась, и, как я заметил, кое-где на крыше не хватало коричневых черепиц. Под стрехами лепилось больше ласточкиных гнезд — ныне пустующих и похожих на маленькие заброшенные коричневые печки, — чем мне когда-либо приходилось видеть собранными в одном месте.

Я привязал Салли к дереву и подошел к проходу под аркой, который вел во внутренний двор. Тут висела ржавая цепь, и, дернув за нее, я услышал, как где-то в недрах дома слабо звякнул колокольчик. Некоторое время я терпеливо выжидал и уже готов был снова позвонить, но тут массивные деревянные двери открылись. Моим глазам предстал человек, озиравший меня совсем как законченный бандит. Он был высок ростом и дюж, с большим торчащим ястребиным носом, раскидистыми пышными белыми усами и гривой вьющихся седых волос. На нем был красный тарбуш, свободная белая куртка, красиво расшитая алой и золотой канителью, мешковатые плиссированные черные штаны, а на ногах чаруки с загнутыми вверх носами, украшенные огромными красными и белыми помпонами. Его смутное лицо пошло морщинами, морщины собрались в ухмылку, и я

Д увидел перед собой полный рот золотых зубов. Прямо как на монетном дворе, подумалось мне.

— Кирие Даррелл? — спросил он. — Добро пожаловать.

Я прошел за ним в дом через внутренний дворик, полный магнолий и заброшенных зимних клумб. Он направился вниз по длинному коридору, выложенному красным и синим кафелем, распахнул какую-то дверь и ввел меня в просторную мрачную комнату, от пола до потолка заставленную книжными полками. В одном ее конце располагался большой камин, в котором плясали, шипели и потрескивали языки пламени. Над камином висело огромное зеркало в золотой раме, почти почерневшее от времени. На длинной кушетке у огня, почти совсем затерявшись в цветастых шалах и подушках, сидела графиня.

Она была нисколько не похожа на то, что я ожидал увидеть. Я вообразил ее себе высокой, сухопарой, довольно-таки грозной женщиной, но когда она вскочила на ноги и танцующей походкой прошла через комнату ко мне, я увидел перед собой крошечную, очень толстую женщину с ямочками на розовых щеках — ни дать ни взять розовый бутон. Ее медового цвета волосы были высоко взбиты в стиле «помпадур», а глаза под изогнутыми как бы в удивлении бровями были ярко-зеленые, как незрелые оливки. Она схватила мою руку теплыми пухлыми маленькими ручками и прижала ее к своей пространной груди.

— Как мило, о, как мило, что вы приехали! — воскликнула она мелодичным голосом маленькой девочки, источая в равных количествах ошеломяющий запах пармских фиалок и бренди. — Как мило, о, как мило. Можно я буду звать вас Джерри? Разумеется, можно. Мои друзья зовут меня Матильда... Разумеется, это не мое настоящее имя. Мое настоящее имя Стефани Зиния... такое неуклюжее, как у патентованного лекарства. Мне больше нравится Матильда, а вам?

Я осторожно заметил, что, на мой взгляд, Матильда очень красивое имя.

— Да, утешительное старомодное имя. Имена так важны, как по-вашему? А вот он, — сказала она, поводя рукой в сторону человека, который ввел меня, — он зовет себя Деметриос. Я же зову его Мустафа.

Она взглянула на Мустафу и подалась вперед, едва не удушив меня запахом бренди и пармских фиалок, и вдруг прошипела по-гречески:

— Он незаконнорожденный турок.

Лицо Мустафы налилось краской, а усы встопорщились, придавая ему еще более бандитский вид.

— Я не турок, — огрызнулся он. — Вы врете.

— Ты турок, и тебя зовут Мустафа, — отозвалась графиня.

— Меня не... Я не... Меня не... Я не... — бессвязно лепетал слуга, вне себя от ярости. — Вы врете.

— Не вру.

— Врете.

— Не вру.

— Врете.

— *Не вру.*

— Вы старая чертова врушка.

— Старая! — взвилась она, и ее лицо покраснело. — Как ты смеешь называть меня старой!.. Ты... ты турок.

— Вы старая и жирная, — холодно отозвался Деметриос-Мустафа.

— Ну, это уж слишком! — пронзительно вскрикнула она. — Старая... жирная... Это уж слишком. Ты уволен. Предупреждаю тебя за месяц. Нет, уходи сейчас же, сын незаконнорожденного турка.

Деметриос-Мустафа выпрямился с царственным видом.

— Очень хорошо, — сказал он, — желаете ли вы, чтобы я подал завтрак и напитки, прежде чем уйти?

— Разумеется, — ответила графиня.

Он молча пересек комнату и извлек бутылку шампанского из ведерка со льдом позади кушетки, открыл ее и налил равные порции бренди и шампанского в три больших бокала. Подал нам по бокалу, а третий поднял сам.

— Предлагаю тост, — торжественно обратился он ко мне. — Выпьем за здоровье жирной старой врушки.

Я не знал, как поступить. Выпей я за этот тост, создалось бы впечатление, будто я разделяю его мнение насчет графини, а это было бы вряд ли вежливо; с другой стороны, если бы я отказался, слуга, похоже, был вполне способен отколотить меня. Я колебался, как вдруг графиня, к моему изумлению, радостно захихикала, и на ее жирненьких щечках обозначились очаровательные ямочки.

— Не смей дразнить нашего гостя, Мустафа. Но не могу не признать, что тост хорош, — сказала она, единым духом осушая бокал.

Деметриос-Мустафа ухмыльнулся мне, блестя зубами в отблесках пламени.

— Пейте, кирие, — сказал он. — Не обращайтесь на нас внимания. Она живет для того, чтобы есть, пить и склочничать, и моя обязанность — доставлять ей все это.

— Глупости, — сказала графиня, хватая меня за руку и подводя к кушетке, так что я почувствовал себя словно пристегнутым к маленькому

Д жирному розовому облачку. — Глупости, я живу ради множества вещей, ради множества вещей. Ну, а ты не стой столбом, пьяница, выпивоха за мой счет. Поди позаботься о закуске.

Деметриос-Мустафа осушил свой бокал и вышел из комнаты. Графиня уселась на кушетку, сжимая мою руку в своих руках и лучезарно улыбаясь мне.

— Здесь так уютно, — радостно сказала она. — Только вы да я. Скажите, вы всегда ходите в такой заляпанной грязью одежде?

Я поспешно и сбивчиво объяснил, в чем дело.

— Так вы приехали на осле, — сказала она таким тоном, как будто осел бог весть какое необыкновенное средство передвижения. — Очень разумно с вашей стороны. Я сама не доверяю автомобилям, они такие шумные и непослушные. Ненадежные. Помнится, когда мой муж был еще жив, у нас был автомобиль, такой большой, желтый. Но, господи, это был сущий зверь. Он слушался мужа, но не желал слушаться меня. Однажды он мне назло наехал задним ходом на большой ларек с фруктами и овощами — несмотря на все мои старания остановить его, — а потом съехал и причала в море. Когда я вышла из больницы, я сказала мужу: «Генри», — сказала я — так его звали — милое, *буржуазное* имя, не правда ли? Так на чем я остановилась? Ах, да. «Генри, — сказала я, — это злая машина. Она одержима злым духом. Ты должен продать ее». Так он и сделал.

Бренди и шампанское на пустой желудок вкупе с теплом донельзя разморили меня. Я испытывал приятное головокружение, кивал и улыбался, а графиня продолжала болтать.

— Мой муж был очень культурный человек, право, очень культурный. Он, знаете ли, собирал книги. Книги, картины, почтовые марки, металлические крышки от пивных бутылок — его влекло все, что имеет отношение к культуре. Перед самой смертью он начал собирать бюсты Наполеона. Вы бы поразились, сколько сделано бюстов этого ужасного маленького корсиканца. У моего мужа их было пятьсот восемьдесят два. «Генри, — сказала я ему, — Генри, пора остановиться. Либо ты кончишь собирать бюсты Наполеона, либо я оставляю тебя и уеду на Святую Елену». Я сказала это в шутку, только в шутку, и вы знаете, что он мне ответил? Он ответил, что собирается отправиться на отдых на Святую Елену — со всеми своими бюстами. Боже мой, какая приверженность! Это было невыносимо! Я согласна, чуточку культуры — это уместно, но нельзя же быть *одержимым* ею.

В комнату вошел Деметриос-Мустафа, наполнил наши бокалы и сказал:

— Завтрак будет через пять минут.

— Он был, если можно так выразиться, коллекционером по велению сердца, мой дорогой. Подумать только, как я дрожала всякий раз, когда видела этот фанатический блеск в его глазах! Как-то раз на окружной ярмарке он увидел комбайн, во-о-о какой огромный. Глаза у него загорелись, но уж тут я решительно воспротивилась. «Генри, — сказала я ему, — Генри, мы не станем загромождать все поместье комбайнами. Если тебе так уж необходимо, почему бы не коллекционировать что-нибудь разумное? Драгоценные камни, меха или еще что-либо в этом роде?» Господи, возможно, это была резкость с моей стороны, но что я могла поделать? Если бы я хоть на минуту расслабилась, он бы набил весь дом сельскохозяйственными орудиями.

В комнату снова вошел Деметриос-Мустафа.

— Завтрак готов, — сказал он.

Не переставая болтать, графиня вывела меня за руку из комнаты, и мы прошли выложенным изразцами коридором вниз по скрипящей лестнице в огромную кухню в подвальном помещении. На нашей вилле кухня тоже была достаточно велика, но по сравнению с этой она выглядела просто карликом. Эта кухня была вымощена каменными плитами, и в одном ее конце под булькающими котелками пылал и мерцал целый ряд костров из древесного угля. Стены были увешаны множеством медных котелков, чайников, блюд, кофейников, огромных сервировочных подносов и супниц. Все они светились розово-красным в отблесках пламени, ярко блестя и мерцая, словно жуки-скакуны. Посреди кухни стоял обеденный стол превосходно отполированного орехового дерева футов двенадцать длиной. Он был безукоризненно накрыт на две персоны — белоснежные салфетки, сверкающие столовые приборы. Два гигантских серебряных канделябра в центре стола возносили вверх белый лес зажженных свечей. Кухня, она же парадная столовая, производила поистине необыкновенный эффект. Здесь было очень жарко и столько вкусных запахов, что они почти забивали благоухания, исходящие от графини.

— Надеюсь, вы не имеете ничего против завтрака в кухне, — сказала графиня таким тоном, как будто и впрямь не было ничего унижительнее трапезы в таком скромном окружении.

— По-моему, есть в кухне в высшей степени разумно, — ответил я, — особенно зимой — так теплее.

— Совершенно верно, — сказала графиня, усаживаясь на стул, который поддерживал Деметриос-Мустафа. — К тому же, если бы мы ели наверху, меня бы засыпал жалобами этот старый турок — ему, видите ли, далеко ходить.

Д — Я жалею не на расстояние, а на количество еды, которую мне приходится таскать, — сказал Деметриос-Мустафа, разливая по бокалам светлое зеленовато-золотистое вино. — Если б вы не ели столько, все было бы не так плохо.

— А, кончай с жалобами и начинай подавать, — плаксиво сказала графиня, тщательно засовывая салфетку под свой подбородок с ямочкой.

Набравшись шампанского и бренди, я довольно сильно опьянел и был голоден как волк. Я в тревоге озираю орудия еды, лежавшие рядом с моей тарелкой, не зная, какое пустить в ход первым. Мне вспомнилось любимое мамино изречение: «Начинай снаружи и забирайся вглубь», но я все равно чувствовал себя не в своей тарелке. Надо выждать и посмотреть, что первым возьмет графиня, а затем последовать ее примеру. Это было неразумное решение, ибо вскоре обнаружилось, что она с утонченным безразличием брала какой попало нож, вилку или ложку, так что вскоре я совсем сбился с толку и стал поступать так же.

Первое блюдо, которое Деметриос-Мустафа поставил перед нами, был превосходный прозрачный суп с крохотными золотистыми блестками жира и гренками с ноготь величиной, плававшими, словно хрупкие маленькие плоты по янтарному морю. Он был необыкновенно вкусен, и графиня взяла две порции, хрумкая гренки с таким звуком, будто кто-то ступал по хрустким листьям. Деметриос-Мустафа вновь наполнил наши бокалы прозрачным, отдающим мускусом вином и поставил перед ними деревянную тарелку с крохотными обжаренными рыбками, покрытыми золотисто-коричневой корочкой. Их сопровождали большое блюдо с желто-зелеными ломтиками лимона и соусник, доверху наполненный каким-то незнакомым мне экзотическим соусом. Графиня навалила на свою тарелку гору рыбы, залила ее лавовым потоком соуса, затем обильно sprysнула лимонным соком рыбу, стол и себя. Она улыбнулась мне лучезарной улыбкой, и лицо ее приобрело ярко-розовый цвет, а на лбу выступили бисеринки пота. Чудовищный аппетит, казалось, несколько не умерял ее способности вести разговор, ибо она без умолку болтала.

— Как вам нравятся эти маленькие рыбки? Божественно! Разумеется, очень печально, что им суждено умереть столь молодыми, но что поделаешь. Какое наслаждение есть их целиком, несколько не думая о костях! Вот уж воистину облегчение! Генри, мой муж, знаете ли, однажды начал коллекционировать скелеты. Господи боже, дом выглядел и пах, как морг. «Генри, — сказала я ему, — Генри, этому надо положить конец. В тебе разыгралось нездоровое желание смерти. Ты должен показаться психиатру».

Деметриос-Мустафа забрал пустые тарелки, налил нам красного вина, темного, как сердце дракона, а затем поставил перед нами блюдо бекасов — причем головки были свернуты таким образом, что длинные клювы как бы пронзали их самих, а пустые глазницы обвиняюще глядели на нас. Они были пухленькие и поджаристые, и у каждого сбоку подрумяненный кусочек хлеба. Их, словно вороха осенних листьев, окружали тоненькие ломтики жареного картофеля, бледные зеленовато-белые свечи спаржи и зеленый горошек.

— Я просто не в состоянии понять вегетарианцев, — сказала графиня, энергично молотя вилкой по головке бекаса, чтобы сокрушить ее и добраться до мозга. — Генри однажды пытался стать вегетарианцем. Можете в это поверить? Но для меня это было невыносимо. «Генри, — сказала я ему, — этому надо положить конец. У нас в кладовке достаточно еды, чтобы накормить целую армию, и я не могу справиться с ней одна». Представьте себе, дорогой, я только что заказала два десятка зайцев. «Генри, — сказала я, — тебе придется расстаться с этой глупой причудой».

Мне пришло на ум, что, судя по всему, Генри, хоть и был самую малость несносным мужем, тем не менее прожил жизнь, полную несбывшихся надежд.

Деметриос-Мустафа убрал остатки бекасов и налил нам еще вина. Я чувствовал, как меня начинает раздувать от еды, и уповал лишь на то, что ее последует не слишком много. Но рядом с моей тарелкой по-прежнему находилось целое войско неиспользованных ножей, вилок и ложек, вот почему я с тревогой наблюдал, как Деметриос-Мустафа направляется к нам через мрачную кухню с огромным блюдом в руках.

— А! — сказала графиня, в волнении воздев свои пухленькие ручки. — Главное блюдо! Что это такое, Мустафа, что это такое?

— Дикий кабан, присланный Макрояннисом, — отвечал Деметриос-Мустафа.

— О, кабан! Кабан! — пронзительно вскрикнула графиня, хватывая руками свои жирненькие щечки. — О, как чудесно! Я совсем забыла про него. Надеюсь, вы любите кабанину?

Это один из моих любимых видов мяса, ответил я, и это было истинно так. Но, пожалуйста, только самый маленький кусочек.

— Ну конечно, — сказала она, склоняясь над большущим поджаристо-коричневым сочным окороком и отрезая от него толстые розовые ломти. Три из них она положила на тарелку — явно полагая, что это и есть, по любым меркам, маленький кусочек, — а затем принялась гарнировать их. Гарниром служили очаровательные маленькие золотистые лесные гри-

Д бы-лисички с тонким, почти винным вкусом; крохотные кабачки, фаршированные каперсами со сметаной; картофелины, запеченные в мундире, аккуратно разрезанные и смазанные маслом; морковки, красные, как морозное зимнее солнце, и большие древесные стволы белого лука-порей, тушенного в сливках. Обозрев все это блюдо съестного, я украдкой расстегнул три верхние пуговицы на шортах.

— Мы ели столько кабанины, когда Генри был жив. Видите ли, он ездил стрелять кабанов в Албанию. А теперь кабанина у нас в редкость. Какое же это наслаждение! Хотите еще грибов? Нет? Ну и отлично. Теперь, я думаю, нам следует сделать передышку. Передышка, как я неизменно полагаю, необходима для хорошего пищеварения, — сказала графини и наивно добавила: — К тому же она дает возможность съесть *еще больше*.

Кабанина, хорошо вымоченная в вине с запахом какой-то травы и нашингованная чесноком, благоухала и исходила соком, но все равно я едва одолел ее. Графиня же съела две порции равных объемов, после чего откинулась на спинку стула с лицом, залитым бледной красновато-коричневой краской, и отерла пот со лба совсем не подходящим для этой цели кружевным платком.

— Передышка, да? — улыбаясь мне, произнесла она заплетающимся языком. — Передышка, чтобы собраться с силами. •

Я не ощущал в себе сил, с которыми можно было бы собраться, но предпочел промолчать. И только кивнул, улыбнулся в ответ и расстегнул остальные пуговицы на шортах.

Во время передышки графиня курила длинную тонкую манильскую сигару и ела соленые орешки, без умолку болтая о своем муже. Передышка пошла мне на пользу — мне уже не так хотелось спать и я стал более непринужденным. Когда графиня в конце концов решила, что мы дали достаточный отдых нашим внутренним органам, и потребовала следующее блюдо, Деметриос-Мустафа принес два по-божески маленьких омлета с хрустящей коричневой корочкой снаружи и жидкие и сочные внутри, начиненные крошечными розовыми креветками.

— Что у тебя на десерт? — с полным ртом спросила графиня.

— Я ничего не готовил, — ответил Деметриос-Мустафа.

Глаза графини округлились и застыли.

— Ты не приготовил десерта? — сказала она голосом, в котором прорывались нотки ужаса, как будто слуга сознавался в каком-то гнусном преступлении.

— Не успел, — сказал Деметриос-Мустафа. — Вы не вправе требовать от меня, чтобы я и обед приготовил, и сделал всю работу по дому.

— Но обойтись без сладкого! — в отчаянии проговорила графиня. — Завтрак без сладкого — это невозможно.

— Я купил немного меренг, — сказал Мустафа. — Придется удовольствоваться ими.

— О, как чудесно! — сказала графиня, вновь сияющая и счастливая. — Это как раз то, что нужно.

Мне это было вовсе не нужно. Меренги были большие и белые, хрупкие, как кораллы, с льющимся через край кремом. Вот когда я пожалел, что не взял с собой Роджера, — он мог бы сидеть под столом и поглотить половину того, что мне предлагалось, поскольку графиня была слишком занята собственной тарелкой и собственными воспоминаниями, чтобы по-настоящему сосредоточиться на мне.

— Ну как? — спросила она наконец, проглотив последний кусок меренги и смахивая с подбородка белые крошки. — Ну как, вы насытились? Или не возражаете съесть чуточку чего-нибудь еще? Скажем, фруктов? Правда, в это время года их не так уж много.

Я сказал: нет, большое спасибо, я вполне сыт.

Графиня вздохнула и проникновенно взглянула на меня. Я уверен, ничто не доставило бы ей большего удовольствия, чем напичкать меня еще двумя-тремя блюдами.

— Вы едите недостаточно, — сказала она. — В вашем возрасте мальчикам следует есть больше. Вы слишком худы. Ваша матушка кормит вас как следует?

Представляю себе, как разгневалась бы мама, услышав эту инсинуацию. Я сказал: да, мама превосходно готовит, и все мы питаемся роскошно.

— Рада слышать, — сказала графиня. — Но все равно вы кажетесь мне чуточку изможденным.

Я не мог произнести этого вслух, но причиной тому, что я начал выглядеть изможденным, было покушение съеденной пищи на мой желудок: оно уже давало себя знать. Я объяснил как можно вежливее, что мне, пожалуй, пора трогаться в обратный путь.

— Ну конечно же, мой дорогой, — сказала графиня. — Боже мой, уже четверть пятого. Как летит время!

Она вздохнула при мысли об этом, затем ее лицо заметно просветлело.

— Как бы то ни было, теперь почти время пить чай. Вы и в самом деле не хотите задержаться и съесть чего-нибудь еще?

Я сказал: нет, мама будет беспокоиться обо мне.

— Так, дайте мне подумать, — сказала графиня. — За чем же вы пришли? Ах да, за совой. Мустафа, принеси мальчику сову, а мне кофе и тех чудесных турецких сладостей, что в гостинной.

Д

Мустафа появился с картонной коробкой, перевязанной бечевкой, и вручил ее мне.

— Я бы не стал открывать ее, пока не добрался бы домой, — сказал он. — Она совсем дикая.

При мысли, что, если я не поспешу с отъездом, графиня пригласит меня разделить с ней турецкие сладости, я пришел в ужас, а посему сердечно поблагодарил обоих за сову и стал откланиваться.

— Ну что ж, — сказала графиня. — Очень мило было встретиться с вами, право, очень мило. Вы должны непременно приехать еще — лучше всего весной или летом, когда у нас выбор фруктов и овощей побогаче. Мустафа умеет приготовить осьминога так, что он просто тает во рту.

Я заверил ее, что чрезвычайно охотно приеду еще, отметив про себя, что, если на это решусь, заблаговременно поголодаю дня три.

— Вот, — сказала графиня, запихивая апельсин мне в карман, — возьмите это. На случай, если вы проголодаетесь в пути.

Когда я взобрался на Салли и мы потрусили рысцей вниз по подъездной аллее, она крикнула:

— Езжайте поосторожнее!

С серьезным выражением лица, прижав сову к груди, я сидел на Салли, пока мы не выехали за ворота поместья. Но вскоре тряска, которую я терпел, стала непереносимой. Я спешил, зашел за оливковое дерево, и там меня основательно вывернуло наизнанку, после чего я почувствовал себя гораздо лучше.

Добравшись домой, я пронес сову наверх в свою спальню, открыл коробку и посадил трепыхающуюся, щелкающую клювом сову на пол. Собаки, собравшиеся вокруг нас посмотреть на мое новое приобретение, поспешно отступили назад. Они знали, на что способен Улисс в дурном расположении духа, а эта сова была втрое больше его. Она показалась мне одной из самых красивых птиц, каких мне доводилось видеть. Перья на ее спине и крыльях были золотистые, как пчелиные соты, с бледными пепельно-серыми пятнами; грудка сплошь кремово-белая, а маска из белых перьев вокруг темных, до странности восточного типа глаз резко очерчена и такая накрахмаленная с виду, как круглый слоеный жесткий воротник елизаветинской эпохи.

Крыло ее было не в таком плохом состоянии, как я опасался. Оно было сломано, но без нагноения, и после получасовой борьбы, в течение которой сова несколько раз сумела пустить кровь, мне, к моему удовлетворению, удалось взять крыло в лубок. Сова — я решил назвать ее Лампадуза просто потому, что это имя мне нравилось, — по всей видимости, испытывала во-

инстинктивный ужас перед собаками, решительно не желала подружиться с Улиссом и с нескрываемым отвращением взирала на Августуса Пощекочи-Брюшко. Мне казалось, ей будет лучше, если она обоснуется в каком-нибудь темном, уединенном уголке, поэтому я отнес ее на чердак. Там была совсем крохотная комнатка с маленьким окошком, до того грязным и затянутым паутиной, что оно едва пропускало свет. В ней было покойно и сумрачно, как в пещере, и я рассчитывал, что здесь Лампадуза окончательно выздоровеет. Я ссадил ее на пол, поставил перед ней большое блюдо с рубленным мясом и хорошенько запер дверь, чтобы никто ее не тревожил. Вечером, когда я пришел навестить сову, захватив с собой мертвую мышь в качестве подарка, она как будто чувствовала себя значительно лучше. Во всяком случае, она съела большую часть мяса и теперь шипела и щелкала на меня клювом, с частым легким постукиванием бегая по полу, распутив крылья и глядя на меня горящими глазами. Обрадованный ее явными успехами, я оставил сову с мышью и улегся спать.

Несколько часов спустя меня разбудили голоса, доносящиеся из маминской комнаты. Теряясь со сна в догадках, что может делать семья в столь поздний час, я встал с постели, высунул голову из двери спальни и прислушался.

— Говорю вам, это ужас какой огромный домовой, — сказал Ларри.

— Это не может быть домовой, милый, — сказала мама. — Домовые бросаются вещами.

— Ну кто бы то ни был, он звякает цепями там наверху, — заявил Ларри, — и я хочу, чтоб его изгнали. Вы с Марго слывете знатоками загробной жизни. Так вот, поднимитесь наверх и избавьте нас от него.

— Я не пойду наверх, — дрожащим голосом сказала Марго. — Это может быть все, что угодно. Это может быть злой дух.

— Он чертовски злой, это верно, — согласился Ларри. — Вот уже час, как он не дает мне заснуть.

— Ты уверен, что это не ветер или еще что-нибудь, милый? — спросила мама.

— Мне кажется, я умею отличить ветер от треклятого привидения, что играет по всему дому цепями с ядрами, как на ноге каторжника, — ядовито произнес Ларри.

— А может, это воры? — спросила Марго скорее для того, чтобы придать себе уверенности, чем для чего-либо другого. — Может, это воры и надо разбудить Лесли?

Спросонок да к тому же еще слегка оловелый от спиртного, выпитого у графини, я никак не мог взять в толк, о чем речь. Ситуация казалась не

Д менее интригующей, чем все прочие конфликты, которые мои родные голубы были провоцировать в самые неподходящие часы дня и ночи, посему я подошел ближе и заглянул в дверь. Ларри прохаживался по комнате взад-вперед, при этом его халат царственно шелестел.

— Что-то надо предпринять, — сказал он. — Я не могу спать, когда у меня над головой звякают цепями, а если я не выплещусь, я не могу писать.

— Не понимаю, чего ты ожидаешь от нас, говоря, что надо что-то предпринять, милый, — сказала мама. — Я уверена, что это ветер.

— Да, ты не вправе ожидать, чтобы мы пошли наверх, — заметила Марго. — Ты мужчина — ты и иди.

— Послушай, — сказал Ларри, — ведь это ты вернулась из Лондона вся в эктоплазме, с разговорами о бесконечном. Очень может быть, это какое-нибудь исчадие ада, которое ты вызвала во время одного из своих сеансов, и оно последовало за тобой. Выходит, это *твой* любимчик. Вот и иди, управляйся с ним.

При слове «любимчик» я вздрогнул. Неужели это Лампадуза? Как у всех сов, крылья у сипух мягкие и бесшумные, словно зонтик одуванчика. Нет, не может быть, чтобы это она производила шум, похожий на грохотанные цепи на ноге каторжника.

Я вошел в комнату и осведомился, о чем они все толкуют.

— Это всего-навсего привидение, милый, — утешающе сказала мама. — Ларри обнаружил привидение.

— Оно на чердаке, — возбужденно пояснила Марго. — Ларри утверждает, оно последовало за мной из Англии. Уж не Мауэйт ли это?

— Ну, не будем ворошить прошлое, — твердо сказала мама.

— Мне безразлично, кто это, — заявил Ларри. — Какой именно из ваших лишенных телесной оболочки друзей. Я хочу, чтобы его убрали.

Быть может, это Лампадуза, сказал я, хотя на этот счет у меня очень большие сомнения.

— А что это такое? — осведомилась мама.

Я объяснил, что это сова, которую мне подарила графиня.

— Я должен был это предвидеть, — сказал Ларри. — Должен был предвидеть. Не знаю, почему это сразу не пришло мне в голову.

— Ну-ну, милый, — сказала мама. — Это всего-навсего сова.

— Всего-навсего сова! — возмутился Ларри. — Она грохочет там наверху, как целый танковый батальон. Скажи ему, чтобы он убрал ее с чердака.

Мне и самому непонятно, сказал я, почему Лампадуза подняла такой шум, — ведь совы тишайшие создания... Они парят ночью на бесшумных крыльях, как хлопья пепла...

— Ну у этой нет бесшумных крыльев, — сказал Ларри. — Эта гремит, словно целый совиный джаз. Поди и выкинь ее!

Я поспешно взял фонарь и поднялся на чердак. Открыв дверь, я сразу понял, в чем дело: Лампадуза уничтожила мышь, после чего обнаружила длинный обрезок мяса в своем блюде. За долгий жаркий день мясо затвердело и присохло к донышку блюда. Лампадуза, решив, что этот кусок мяса послужит ей легкой закуской, позволяющей дожить до рассвета, всячески пыталась оторвать его от блюда. И хотя ее острый, изогнутый, янтарного цвета клюв вошел в мясо, оно никак не желало расставаться с блюдом. Теперь Лампадуза, угодив в ловушку, безуспешно хлопала крыльями и бегала по полу, гремя и звеня блюдом по деревянным доскам в попытках отделаться от него. Я высвободил сову из затруднительного положения, принес ее в мою спальню и для верности заключил в картонную коробку.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КРИЗЕДА

ЕЖИ И МОРСКИЕ ВОЛКИ

С наступлением весны мы перебрались на новую виллу, элегантную и белоснежную, затененную огромной магнолией и расположенную среди оливковых рощ неподалеку от нашего первого дома. Она стояла на склоне холма, господствуя над плоской обширной местностью, размеченной наподобие гигантской шахматной доски оросительными канавами, между которыми, как я знал, были поля. В сущности, это были старые венецианские варницы, в старину в них собирали соленую воду, устремлявшуюся в каналы из большого соленого озера, к берегам которого они выходили. Озеро давным-давно заилилось, и каналы, ныне затопляемые пресной водой с холмов, служили отличной оросительной системой для покрытых бурной растительностью полей. Здесь в изобилии водилась всякая живность, и поэтому эта местность была для меня одним из излюбленных уголков.

Весна на Корфу никогда не бывает затяжной. Словно бы совершенно внезапно зимние ветры сдувают с неба облака, так что оно сияет ясно-голубым, как живокость, светом, и так же внезапно зимние дожди затопляют долины дикорастущими цветами; розовые пирамидальные орхидеи, желтые крокусы, длинные бледные колоски златоцветника, голубые глаза гадючьего лука смотрят на тебя из травы, и словно окунутые в вино ветреницы склоняются под малейшим дуновением ветерка. Ожившие оливковые рощи полнятся шорохами прилетевших птиц; лососево-розовые с черным удоды с удивленно приподнятыми гребешками тычут свои длинные изогнутые клювы в мягкую землю между кустиками изумрудно-зеленой травы; щеглы в золотисто-алом и черном оперении, трезвоня и присвистывая, весело, словно танцуя, перескакивают с ветки на ветку. Вода в оросительных канавах зеленеет от водорослей, переплетенных нитками лягушачьей икры наподобие ожерелий из черного жемчуга; изумрудно-зеленые лягушки квакают друг на друга; пресноводные черепахи с черными, как эбеновое дерево, панцирями вскарабкиваются на берег, чтобы вырыть нору и отложить яйца. Стрекозы синевато-стального цвета, тоненькие, словно нитка, выводятся из личинок и, подобно дыму, плывут через подлесок в удивительном,

как бы застывшем полете. Наступает пора, когда берега канав зажигаются по ночам пульсирующим зеленовато-белым светом тысяч светлячков, а днем мерцают ягодами земляники, свисающими наподобие красных фонариков в тени. Это волнующая пора, пора исследований и новых открытий, пора, когда, перевернув бревно, можешь наткнуться на что угодно, начиная с гнезда полевки и кончая блестящими извивающимися детенышами слепозмейки, словно отлитыми из бронзы и отполированными.

Как-то днем, когда я бродил внизу по полям в надежде поймать нескольких коричневых водяных змей, что водились в оросительных канавах, издали, примерно через шесть полей, меня окликнула старая женщина, с которой я был немного знаком. Стоя по щиколотки в жирном суглинке, она перекапывала землю мотыгой с широкой лопастью на коротком черенке. На ней были грубые толстые чулки из овечьей шерсти, какие крестьяне обычно надевают для такой работы.

— Я кое-что нашла для тебя! — крикнула она. — Иди скорей.

Добраться до нее быстро было невозможно, ибо каждое поле со всех сторон окружали оросительные каналы и отыскивать мостки через них — все равно что отыскивать путь в лабиринте.

— Скорее! Скорее! — пронзительно кричала старая женщина. — Они разбегаются. Скорее!

Я бежал, прыгал, семеня, едва не сваливаясь в каналы и на всех парах мчась через шаткие дощатые мостки, и наконец, тяжело переводя дух, подскочил к ней.

— Вот. — Она повела рукой. — Вот. Смотри, как бы они тебя не укусили.

Оказалось, она откопала из-под земли ворох листьев, в котором шевелилось что-то белое. Я тихонько разворошил листья черенком сачка и, к своему восхищению, увидел четырех толстеньких новорожденных ежей, розовых, как цикламен, с мягкими белоснежными иглами. Они были еще слепые и извивались и тыкались носами друг в друга, как выводок крохотных поросят. Я забрал их и осторожно положил себе за пазуху, поблагодарил крестьянку и отправился домой. Я волновался за своих новых любимцев главным образом потому, что они были такие маленькие. У меня уже жили два взрослых ежа, Зудючка и Чесучка; свои клички они получили потому, что давали приют полчищам блох. Однако они не были по-настоящему ручными. Эти же детеныши, думалось мне, вырастут совсем иными, я буду для них все равно что мать. В моем воображении уже рисовалась такая картина: вот я гордо шагаю по оливковым рощам, предшествуемый со-

Д баками, Улиссом и двумя сороками, а за мной по пятам трусят четыре ручных ежа, которых я научил разным трюкам.

Мои родные сидели на веранде под виноградными лозами, занятые каждый своим делом. Мама вязала, время от времени считая петли вслух и чертыхаясь, когда ошибалась в счете. Лесли, сидя на корточках на каменном полу, тщательно отвешивал порции пороха и маленькие кучки дрови и набивал ими блестящие красные патронные гильзы. Ларри читал какую-то толстенную книгу и то и дело с раздражением поглядывал на Марго, а та знай себе строчила на швейной машинке какое-то прозрачное одеяние и, безбожно фальшивя, напевала единственную запомнившуюся ей строку из любимой модной песенки.

«Она была в маленьком синем жакете, — щебетала Марго. — Она была в маленьком синем жакете. Она была в маленьком синем жакете. Она была в маленьком синем жакете».

— Единственное, что восхищает в твоем пении, — это твое упорство, — сказал Ларри. — Любой другой на твоем месте давно бы спасовал, признал свое поражение перед лицом факта, что он не способен воспроизвести мотив и запомнить самые простые слова.

Он бросил на пол недокуренную сигарету, чем вызвал взрыв негодования у Лесли.

— Осторожно, тут порох! — рявкнул тот.

— Лесли, милый, — сказала мама, — право же, не надо так кричать, ты сбил меня со счета.

Я с гордым видом достал своих ежат и показал маме.

— Ах, какая прелесть, — сказала она, благосклонно вглядываясь в них сквозь очки.

— О господи! Неужто он опять притащил что-то новое? — спросил Ларри, с отвращением взирая на розовое потомство в белых иголочках. — Что это? — осведомился он.

Я объяснил, что это маленькие ежата.

— Не может быть, — сказал он. — Ежи сплошь бурые.

Невежество моих родных относительно мира, в котором они обитали, всегда было для меня источником беспокойства, и я никогда не упускал случая вразумить их. Я объяснил, что ежиха не может родить детенышей, покрытых жесткими иглами, не претерпевая при этом самых изощренных мучений, вот почему они и рождаются с такими эластичными, как резина, белыми иголочками, которые легко, как перышко, можно согнуть пальцами. Со временем, когда ежи подрастут, иголки потемнеют и отвердеют.

— Как же ты думаешь кормить их, милый? — спросила мама. — У них такие маленькие ротики, и, уж наверное, они еще сосут молоко.

Я ответил, что видел в одном магазине в городе полный детский комплект для выхаживания младенцев. В него входило несколько никчемных предметов, например, целлулоидная кукла, пеленки, детский стульчак и тому подобное, но мое внимание привлекла миниатюрная бутылочка для детского питания с набором крохотных красных сосок. Вот, сказал я, идеальное приспособление для вскармливания ежат, а стульчак, куклу и прочие принадлежности можно отдать какому-нибудь достойному крестьянскому ребенку. Но тут есть одна маленькая заковыка: в последнее время мне пришлось пойти на довольно большие затраты (как, например, покупка проволоки для клетки, в которой будут содержаться сороки), и я израсходовал мои карманные деньги.

— Ну что же, милый, — слегка колеблясь, сказала мама, — если комплект стоит не слишком дорого, я, пожалуй, куплю его для тебя.

Я сказал, что комплект вовсе не дорогой, если учесть, что вся покупка будет как бы капиталовложением, ибо мы не только приобретем бесценную бутылочку для выкармливания, которая пригодится и для других животных, но и вырастим четырех ручных ежей да в придачу осчастливим какого-нибудь ребенка. Существует ли лучший способ тратить деньги? — спросил я. Итак, комплект был куплен. Маленькая крестьянская девочка, к которой я питал симпатию, с превеликой радостью получила куклу, стульчак и все прочее, а я приступил к нелегкой задаче выкармливания ежат. Они поселились у меня под кроватью в большой картонной коробке, выстланной ватой, а на ночь, чтобы они не мерзли, я ставил ящик на бутылку с горячей водой. Мне хотелось, чтобы они спали в постели вместе со мной, но мама возразила, что это не только негигиенично, но и рискованно: я могу повернуться ночью и заспать ежат. Как выяснилось, лучше всего им подходило разбавленное водой коровье молоко, и я прилежно кормил их три раза в день и один раз среди ночи. Ночная кормежка пошла не так гладко, ибо, чтобы не проспать, я позаимствовал у Спиро большой жестяной будильник. Делая свое дело, он трещал так, будто ружья палили, и, к сожалению, будил не только меня, но и моих домашних. В итоге мама — столь громогласны были их жалобы — предложила, чтобы я дополнительно кормил ежат поздно вечером, а не в два часа ночи и не поднимал весь дом на ноги. Так я и поступил, и ежата чувствовали себя превосходно и подрастали. У них прорезались глазки, а иголки из белоснежных стали серыми и отвердели. В эту пору, как я и предполагал, они признали меня за

Д мать и пытались вскарабкаться на край коробки, когда я открывал ее; они толкались и рвались к первому глотку из бутылки, издавая чуть слышный пыхтящий писк и ворчанье. Я ужасно гордился ими и предвкушал тот день, когда они побегут за мной через оливковые рощи.

Но в один прекрасный день наши друзья пригласили нас с мамой провести конец недели у них на крайнем юге острова, и я не знал, как быть. С одной стороны, мне очень хотелось поехать к ним, ибо на песчаных, с мелководьями побережьях юга можно было отлично поохотиться на сердцевидных морских ежей, которые, собственно говоря, мало чем отличаются от обычных ежат. Они имеют форму сердечка и покрыты мягкими иглами, образующими хвост хохолком сзади и нечто вроде колючего головного убора индейцев вдоль спины. До сих пор я нашел лишь одного ежа, расплющенного морскими волнами до неузнаваемости, но, по словам Теодора, юг острова изобилует ими и искать их надо в песке на глубине двух-трех дюймов. С другой стороны, на руках у меня был выводок ежат, взять их с собой я не мог, а так как мама уезжала, у меня не было человека, на которого я мог бы оставить их со спокойной душой.

— Я присмотрю за ними, — вызвалась Марго. — Такие милые маленькие зверюшки.

Меня взяло сомнение. Осознает ли она, спросил я, всю сложность ухода за ними? Например, то, что вату в их коробке следует менять три раза в день? Что пьют они только разбавленное коровье молоко? Что молоко надо подогревать до комнатной температуры и не более того? А важнее всего, что за раз каждому полагалось скормить лишь полбутылочки молока? Ибо я очень скоро обнаружил, что, дай им волю, они напьются до бесчувствия, и тогда в лучшем случае придется менять вату гораздо чаще.

— Не говори глупостей, — сказала Марго. — Уж, конечно, я сумею позаботиться о них. Возиться с младенцами и зверюшками мне не в новинку. Ты только запиши на листе бумаги, что мне следует делать, и они будут в полном порядке.

Марго была так разгневана моим недоверием, что в конце концов я уступил через не хочу. Я уговорил Ларри, который, по счастью, оказался в хорошем расположении духа, отпечатать на машинке подробный список того, что следует и чего не следует делать людям, выращивающим ежей, и преподал Марго практический курс подогревания бутылочки и смены ваты.

— Похоже, они ужасно голодные, — сказал она, вынимая поочередно извивающихся пискунов из коробки и сунув кончик соски в их жадные рты.

Я ответил, что они всегда такие. Не стоит обращать на это внимание. Они жадны по натуре.

— Бедные маленькие зверюшки, — сказала Марго.

Эти слова должны были бы послужить мне предостережением.

Я провел чудесный уикенд. Правда, я жутко обгорел на обманчиво нежном весеннем солнце, но вернулся победно с восемью сердцевидными ежами, четырьмя новыми раковинами для своей коллекции и воробышком, выпавшим из гнезда. На вилле, претерпев лай, лизание и покусывания собак, которыми они всегда приветствовали меня, стоило мне отсутствовать более двух часов, я с жадным любопытством спросил Марго, как поживают мои ежи-малютки.

— Теперь они в полном порядке, — ответила она. — Но право же, Джерри, я совершенно уверена, что ты дурно обращаешься со своими любимцами. Ты чуть не уморил до смерти маленьких бедных зверюшек. Они так голодали. Ты представить себе не можешь.

С упавшим сердцем выслушал я эти слова сестры.

— Они умирали с голоду, бедняжки. Знаешь, они за раз выпивали по две бутылочки каждый!

Я в ужасе бросился в свою спальню и вытащил из-под кровати коробку. В ней лежали мои четыре ежонка, невероятно раздутые. Животики у них были такие большие, что они могли лишь слабо шевелить ножками, ничуть не продвигаясь вперед. Они выродились в розовые мешки, полные молока и, словно сединой, покрытые иглами. Все они испустили дух в ту же ночь, и Марго безутешно рыдала над их надутыми, как воздушные шары, трупиками. Но ее горе не послужило мне утешением, ведь теперь ежи не будут послушно трусить за мной через оливковые рощи. В наказание и постоянное напоминание попустительнице-сестре я вырыл в саду четыре могилки, поставил четыре маленьких креста и четыре дня не разговаривал с Марго.

Однако я не долго горевал о скончавшихся ежах, ибо в это время на острове вновь появились Дональд и Макс. Они победоносно приплыли на тридцатифутовой яхте, и Ларри ввел в нашу семью капитана Крича.

Мы с мамой провели очень приятный день в оливковых рощах, она — собирая дикорастущие цветы и травы, я — занятый ловлей вновь появившихся бабочек. Усталые, но довольные, мы заторопились обратно на виллу к чаю. Приблизившись к дому, мама вдруг остановилась.

— Кто это сидит у нас на веранде? — спросила она.

Я был занят бросанием палок собакам и потому не сразу обратил внимание. Но, подняв голову, и я увидел фигуру незнакомца в измятых белых парусиновых брюках, растянувшегося на веранде.

— Кто это? Ты видишь? — возбужденно спрашивала мама.

Д В то время ее терзала мысль о том, что директор нашего банка в Англии может в любой момент прилететь на Корфу с целью обсудить превышение нашего кредита, вот почему вид незнакомой фигуры на веранде подстегнул ее страхи.

Я внимательно осмотрел незнакомца. Это был старый, почти совсем лысый мужчина, только на затылке росли жидкие волосы, длинные, белые и всклокоченные, как пушок чертополоха поздним летом. У него была такая же неопрятная белая борода и усы. Я заверил маму, что, по моему разумению, он нисколько не походит наружностью на директора банка.

— О господи, — обеспокоенно сказала она. — Он непременно придет сейчас. А у меня ничегошеньки нет к чаю. Интересно, кто бы это мог быть?

Когда мы приблизились, незнакомец, дотоле мирно дремавший, вдруг проснулся и увидел нас.

— Эй, на море! — крикнул он так зычно и так внезапно, что мама споткнулась и чуть не упала. — Эй, на море! Должно быть, вы матушка Даррелл, а ты, конечно, ее сын. Ларри все рассказал мне о вас. Лезьте на борт.

— О господи, — прошептала мама. — Это еще один из дружков Ларри.

Мы подошли ближе, и я увидел, что у нашего гостя на редкость необычное лицо, розовое и все в извилистых морщинах, как грецкий орех. Его хрящеватому носу, по-видимому, в свое время досталось столько жестоких ударов, что он извилисто спускался вдоль по лицу наподобие змеи. Челюсть также претерпела аналогичную судьбу и была сдвинута набок, будто невидимая нить связывала ее с правым ухом.

— Ужасно рад познакомиться с вами, — сияя слезящимися глазами, сказал он с таким видом, словно сам был хозяином этой виллы. — Вот так бабенция! Вы выглядите лучше, чем мне описывал ваш сын.

Мама оцепенела и выронила ветреницу из букета, который несла в руках.

— Я, — сказала она с чопорным достоинством, — миссис Даррелл, а этой мой сын Джеральд.

— Меня зовут Крич, — сказал старик. — Капитан Патрик Крич. — Он выдержал паузу и аккуратно пустил обильную струю слюны поверх перил точнехонько в мамину любимую клумбу циний. — Лезьте на борт, — повторил он, весь пыша добродушием. — Рад вас видеть.

Мама нервно прокашлялась.

— Мой сын Лоренс здесь? — спросила она, обретая мелодичный аристократический голос, что с ней бывало лишь в крайне напряженные моменты.

— Нет, нет, — ответил капитан Крич. — Я простился с ним в городе. Он сказал, чтобы я ехал к вам на чай. Он сказал, что вскоре будет на борту.

— Садитесь же, — сказала мама, стойко выдерживая роль хозяйки. — Если вы не против чуточку подождать, я пойду напекую пшеничных лепешек.

— А, лепешек? — отозвался капитан Крич, озирая маму с таким сладострастием, что она уронила еще два цветка. — Я люблю лепешки и женщин, расторопных в камбузе.

— Джерри, — ледяным тоном произнесла мама, — займи капитана Крича, пока я буду готовить чай.

Она поспешно и, признаться, не самым достойным образом удалилась, а я остался единоборствовать с капитаном Кричем.

Он снова опустился на стул и уставился на меня своими слезящимися глазами из-под клочковатых белых бровей. Его пристальный взгляд несколько нервировал меня. Тем не менее, сознавая свои обязанности хозяина, я протянул ему коробку с сигаретами. Он заглянул в нее, словно в колодец, при этом его челюсть ходила с боку на бок, словно живот чревовещателя.

— Смерть! — воскликнул он вдруг, и так энергично, что коробка с сигаретами чуть не вывалилась у меня из рук. Он откинулся на спинку стула и вновь уставился на меня слезящимися голубыми глазами.

— Сигареты — это смерть, малыш, — сказал он, пошарил в кармане брюк, извлек оттуда короткую трубку, черную и шишковатую, как кусок древесного угля, и сунул ее в рот, отчего челюсть его приобрела еще более кривобокий вид. — Не забывай, — добавил он, — трубка — лучший друг настоящего мужчины.

Он оглушительно захохотал собственной шутке, и я из чувства долга последовал его примеру. Он встал, пустил обильную струю слюны поверх перил веранды и снова шмякнулся на стул. Я лихорадочно искал предмет разговора. Ничто не приходило на ум. Вряд ли его заинтересует, что сегодня я впервые услышал стрекот цикад или что курочка, принадлежащая Агати, снесла шесть яиц величиной с лесной орех. Поскольку, судя по всему, круг его интересов ограничивался лишь тем, что относится к морю, я спрашивал себя, может, его взволнует новость, что Таки, который не мог позволить себе роскоши обзавестись лодкой, отправился на ночную рыбалку (одной рукой держа фонарь над головой, а в другой зажав трезубец) и всадил трезубец себе в ногу, приняв ее за какую-то диковинную рыбу? Но тут капитан Крич, глядя на меня из-за клубов жирного дыма, извергаемого трубкой, сам начал разговор.

— Тебя удивляет мое лицо, правда, малыш? — обвиняюще спросил он, и я заметил, что при этих словах его щеки стали еще более розовыми и лос-

Днящимися, как атлас. Не успел я дать отрицательный ответ, как он продолжал: — Это случилось при работе с парусами. Да, при работе с парусами. Когда мы огибали мыс Горн. Дул свирепый ветер, прямо из заднего прохода Земли. Я упал, понимаешь? Паруса хлопали и ревели со страшной силой. Веревка выскользнула у меня из пальцев, словно намашенная. Я упал ничком на палубу. Мне помогли, чем могли... Разумеется, врача на борту не было. — Он выдержал паузу и задумчиво ощупал челюсть. Я, замороженный, сидел как прикованный к стулу. — К тому времени, как мы добрались до Чили, все затвердело, словно цемент, — сказал он, продолжая поглаживать челюсть. — Мне тогда было шестнадцать лет.

Я колебался: следует ли выразить ему сочувствие или нет. Но он погрузился в собственные мысли, и его голубые глаза приобрели отсутствующее выражение. Тут на веранде появилась мама и остановилась: наша неподвижность поразила ее.

— Чили, — с наслаждением произнес капитан. — Чили. Там я впервые подцепил триппер.

Мама вздрогнула и громко прокашлялась.

— Джерри, помоги мне принести чай, — сказала она.

Вдвоем мы принесли на веранду чайник, молочник, чашки и тарелки с золотисто-желтыми лепешками и грёнками.

— Вкуснотища, — проговорил капитан Крич, набивая рот лепешкой. — Спасает от урчания в животе.

— Мм... Вы думаете остановиться у нас надолго? — спросила мама с явной надеждой, что он ответит отрицательно.

— Может быть, буду жить здесь на пенсии, — невнятно произнес капитан, смахивая крошки с усов. — У вас тут местечко что надо. Могу бросить здесь якорь.

Из-за поврежденной челюсти он был вынужден шумно прихлебывать чай. Я заметил, что лицо мамы становится все более озабоченным.

— Мм... У вас есть судно? — спросила она.

— Нет, черт побери, — ответил капитан, хватая еще одну лепешку. — Жить на пенсию, вот я о чем. Теперь у меня будет время вплотную заняться бабешками.

При этих словах он окинул маму оценивающим взглядом, не переставая энергично разжевывать лепешку.

— Постель без женщины — все равно что корабль без трюма, — заметил он.

К счастью, мама была избавлена от необходимости отвечать ему, так как в эту минуту к дому подъехали на автомобиле остальные домашние с Дональдом и Максом в придачу.

— Муттер, вот мы и приедем, — возвестил Макс, лучезарно улыбаясь и нежно обнимая ее. — И я вижу, мы есть подспеваем прямо к чаю. Бабушки! Как чудесно! Дональд, у нас бабушки к чаю!

— Лепешки, — поправил Дональд.

— Пшеничные, — уточнила мама.

— Мне припоминается одна бабушка из Монтевидео, — сказал капитан Крич. — Замечательная была сука. За два дня обслужила весь экипаж. Нынче таких выносливых не выводят.

— Кто этот отвратительный старик? — спросила мама, едва ей представилась возможность загнать в угол Ларри, оторвав его от чаепития, которое было в самом разгаре.

— Его зовут Крич, — ответил Ларри.

— Это мне известно, — сказала мама, — но с какой стати ты пригласил его к нам?

— Он забавный старикан, — ответил Ларри, — и едва ли у него много денег. Надо полагать, он приехал на остров жить на крохотную пенсию.

— Он не будет жить на пенсию у нас, — твердо сказала мама. — Будь добр, не приглашай его больше к нам.

— Я думал, он тебе понравится, — сказал Ларри. — Он объехал весь свет и даже в Индии побывал. Он может рассказать кучу самых замечательных историй.

— Что касается меня, то он может и дальше разъезжать по свету, — сказала мама. — Истории, которые я пока слышала, на мой взгляд, отнюдь не замечательные.

Капитан Крич, раз обнаружив, как он выражался, нашу «якорную стоянку», зачастил к нам. Обычно он появлялся, мы подметили это, как раз к еде, выкликая: «Эй, на судне! Можно подняться к вам на борт потрепаться?» Поскольку было совершенно очевидно, что он не случайно проходил две с половиной мили через оливковые рощи, чтобы добраться до нас, было трудно отказать ему в возможности «подняться на борт», и мама, бормоча под нос что-то не самое доброе, бросалась на кухню разбавлять суп и нарезать сосиски, дабы капитан Крич мог присоединиться к нам. Он потчевал нас рассказами из своей морской жизни и сыпал названиями мест, где побывал. С его изуродованных губ соблазнительно срывались названия, которые я знал только по картам: Тринкомали, Дарвин и Дурбан, Буэнос-Айрес, Веллингтон и Калькутта, Галапагосские и Сейшельские острова и острова Товарищества. Казалось, нет такого уголка на земле, куда бы он не добрался. Свои рассказы он уснащал пространными и донельзя вульгарными хоровыми песнями матросов и прибаутками такой биологической изощренности, что, к счастью, мама их не понимала.

Д Затем настал незабываемый день, когда капитан Крич явился неожиданным гостем к чаю, в то время как мы принимали местного английского священника с женой — скорее из чувства долга, чем из религиозных соображений. К нашему изумлению, капитан Крич вел себя на диво прилично. Он обменялся со священником мнениями насчет морских змей и высоты приливных волн и объяснил жене священника разницу между долготой и широтой. Его манеры были образцовыми, и мы вполне гордились им, как вдруг, к концу чаепития, жена священника с необыкновенной ловкостью перевела разговор на тему о своих детях. Этот предмет был для нее всепоглощающим; впору было подумать, что она единственная женщина в мире, которой доводилось рожать детей, и к тому же они были зачаты безукоризненно. Угостив нас десятиминутным монологом о невероятной проницательности своего потомства, она на мгновение умолкла, чтобы выпить чаю.

— Я чуток слишком стар, чтобы обзаводиться детьми, — сказал капитан Крич.

Жена священника поперхнулась.

— Но, — с удовлетворением продолжал он, — я старался, и это было страшно приятно.

Чаепитие было испорчено.

Вскоре после этого на вилле объявились Дональд и Макс.

— Муттер, — сказал Макс, — мы хотим унейсти вас.

— Прогулка на яхте, — пояснил Дональд. — Изумительная идея. Макса, конечно.

— Прогулка на яхте, — осведомилась мама. — Куда?

— Вокруг острова, — сказал Макс, раскидывая свои длинные руки во всеохватывающем жесте.

— А я-то думал, вы не умеете управлять яхтой, — сказал Лесли.

— Нет, нет. Мы не будем управлять ей. Ларри будет управлять, — торжествующе возвестил Макс.

— Ларри? — недоверчиво спросил Лесли. — Да ведь Ларри ничего не смыслит в морском деле.

— О нет, — серьезно сказал Дональд, — о нет. Он по этой части собаку съел. Он брал уроки у капитана Крича. Да и сам капитан будет с нами как член экипажа.

— Ну, в таком случае все ясно, — сказала мама. — Я не поплыву на яхте вместе с этим отвратительным стариком, не говоря уже о том, как опасно плыть на яхте, которой управляет Ларри.

Они всячески пытались уговорить ее, но мама неколебимо стояла на своем. Остальные домашние, включая Теодора, проедут через весь остров

и встретятся с ними на берегу бухты, где мы сможем устроить пикник и, если будет тепло, искупаться, — это был максимум того, на что она дала согласие.

Стояло ясное, безоблачное утро, когда мы тронулись в путь, и все говорило за то, что погода будет идеальной и для плавания, и для пикника, но к тому времени, когда мы достигли противоположного берега острова и расставляли все необходимое для пикника, появились приметы того, что нас застигнет сирокко. Мы с Теодором спустились между деревьями к бухте. Море стало холодного, серо-стального цвета, ветер гнал по синему небу вытянутые, словно накрахмаленные облака. На кромке моря вдруг появились три водяных смерча, они скачками продвигались вдоль горизонта, словно огромные извивающиеся шеи каких-то доисторических чудовищ. Колеблясь и наклоняясь, грациозные, как лебеди, они протанцевали вдоль горизонта и исчезли.

— Ага! — сказал Теодор, с интересом наблюдавший за этим феноменом. — Я никогда не видел их по три за раз. Весьма любопытно. Ты заметил, как они двигались все вместе, совсем как если бы они были... э-э... животными в стаде?

Я сказал, что мне хотелось бы увидеть их вблизи.

— Гм... — отозвался Теодор, теребя бороду большим пальцем. — Не уверен, что водяные смерчи относятся к тем вещам, с которыми желательно познакомиться... э-э... гм... поближе. Помнится, я однажды был в Македонии, и один такой смерч, понимаешь ли... э-э... обрушился на берег. Он оставил после себя полосу разрушений около двухсот ярдов в ширину и четверти мили в длину. Хочу подчеркнуть — на суше. Даже большие оливковые деревья были... э-э... повреждены, а деревья поменьше, понимаешь, ломались, как спички. И, разумеется, в том месте, где смерч наконец распался, земля пропиталась тоннами соленой воды и стала... гм... совершенно непригодной для земледелия.

— Послушайте, вы видели эти огромные треклятые водяные смерчи? — спросил Лесли, подходя к нам.

— Да, это очень интересно, — сказал Теодор.

— Мама в панике, — сказал Лесли. — Она уверена, что они направляются прямо к Ларри.

— Вряд ли существует такая опасность, — сказал Теодор. — По-моему, они слишком далеко в открытом море.

К тому времени, как мы водворились в оливковой роще близ берега бухты, не оставалось сомнений в том, что нас накроет один из тех внезап-

Дных и чрезвычайно жгучих сирокко, которые дуют здесь в это время года. Ветер хлестал по оливам и вспенил море бурунами с белыми гребнями.

— Мы могли бы с равным успехом отправиться домой, — сказал Лесли. — Не большое удовольствие устраивать пикник при такой погоде.

— Мы не можем, милый, — сказала мама. — Мы обещали встретиться с Ларри здесь.

— Если они не совсем растеряли мозги, они станут на рейд где-нибудь в другом месте, — ответил Лесли.

— Не хотел бы я сейчас быть на их месте, — заметил Теодор, глядя на бьющиеся о скалы волны.

— О господи, я так надеюсь, что с ними ничего не случится, — сказала мама. — Право же, Ларри неблагодарумен.

Мы прождали час; мама с каждой минутой паниковала все больше. Но вот Лесли, взбравшийся на мыс по соседству, вернулся с вестью, что увидел их.

— Признаться, я очень удивлен, что они добрались сюда, — заметил Лесли. — Гик ходит ходуном, и они практически идут кругами.

Вскоре яхта вошла в узкое устье бухты, и стало видно, как Дональд и Макс спуют по палубе, дергая за веревки и паруса, меж тем как Ларри и капитан Крич, вцепившись в румпель, судя по всему, во весь голос дают указания. Мы с интересом наблюдали за их эволюциями.

— Надеюсь, они не забыли про риф, — сказал Лесли.

— Какой риф? — встревоженно спросила мама.

— Там, где сейчас вон та белая вода, есть чертовски большой риф, — ответил Лесли.

Спиро все это время стоял и, хмурясь, глядел на море, словно некая смуглая гаргуля.

— Не нравится мне это, мастер Лесли, — хрипло прошептал он. — Что-то не похоже, чтобы они умели ходить под парусами.

— О господи, — сказала мама. — И зачем только я согласилась на это?

В этот момент (из-за того, как выяснилось впоследствии, что Дональд и Макс не поняли данных им указаний и подняли часть парусов, а не опустили их) произошло одновременно несколько событий. Внезапно налетевший шквал раздул паруса. Гик развернулся и с треском ломающегося дерева, который был явственно слышен на берегу, смахнул Макса за борт. Яхта почти легла набок и под напором ветра с необыкновенно громким хрустом налетела прямо на риф, вздыбилась на мгновение, а затем, словно отчаявшись в матросском искусстве людей на борту, лениво завалилась набок. В одно мгновение все хаотически смешалось.

Мама с криком «О господи! О господи!» без сил опустилась на корень оливы. Марго, вся в слезах, без устали махала руками и пронзительно кричала: «Они утонут! Утонут!» Спиро, Лесли и я выбежали на берег бухты. Мы ничем не могли помочь потерпевшим кораблекрушение, так как у нас не было ни лодки, ни иного спасательного средства. Но вскоре мы разглядели наших четырех морских волков, плывущих от остатков яхты, причем Ларри и Дональд, похоже, тянули на буксире капитана Крича. Мы поспешно сбросили с себя одежду и бросились в море. Вода была холодна как лед, а волны значительно сильнее, чем я предполагал.

— Вы целы? — крикнул Лесли, когда флотилия горе-моряков приблизилась к нам.

— Целы! — крикнул Макс. — Целы и невредимы!

На лбу у него зияла рана длиной дюйма в четыре, по лицу и усам струилась кровь. У Ларри под глазом был синяк и царапины, синяк быстро набухал. Лицо капитана Крича, выскакивавшее, как пробка, между головами Ларри и Дональда, приняло необычайный розовато-лиловый оттенок, как у цветка сливы.

— Помогите нам тянуть капитана! — крикнул Ларри. — Этот глупый старый ублюдок сказал мне, что не умеет плавать, только когда мы кувырнулись за борт.

Спиро, Лесли и я подхватили капитана Крича и помогли задыхающимся Дональду и Ларри в их спасательных работах. Мы, должно быть, являли собой захватывающее зрелище, когда выходили, шатаясь и хватая ртом воздух, по отмели на берег. Лесли и Спиро поддерживали капитана Крича с боков, и его ноги, казалось, вот-вот подломятся.

— Эй, на судне! — крикнул он маме. — Эй, ты там, моя бабенция!

— Посмотрите на голову Макса! — пронзительно крикнула Марго. — Он истечет кровью!

Мы, шатаясь, взобрались под укрытие оливковой рощи и, пока мама, Марго и Теодор поспешно оказывали первую помощь Максу и Ларри, уложили капитана Крича под оливу, поскольку он, видимо, был не в силах держаться на ногах.

— Наконец-то в порту, — с удовлетворением изрек он. — Наконец-то в порту. Я еще сделаю из вас настоящих моряков, ребята.

Теперь, когда у нас было время собраться с мыслями, выяснилось, что капитан смертельно пьян.

— Право, Ларри, ты заставляешь меня сердиться, — сказала мама. — Вы все могли утонуть.

— Не моя вина, — обиженно отозвался Ларри. — Мы делали все, что велел капитан. Да вот Дональд и Макс потянули не за те веревки.

Д

— Какие указания он мог давать? — спросила мать. — Он ведь пьян.

— Он не был пьян, когда мы отплывали, — ответил Ларри. — Должно быть, у него на борту припрятан запас спиртного. Похоже, он и вправду слишком часто спускался в каюту, теперь я могу поразмыслить, что к чему, и мне все ясно.

— Не верь ему, нежная дева, — трясущимся баритоном пропел капитан Крич. — При сердце своем золотом он бросит тебя светлым утром, и груз будет в трюме твоём.

— Отвратительная скотина, — сказала мама. — Нет, в самом деле, Ларри, я положительно сержусь на тебя.

— Выпьем, ребята! — хрипло выкрикнул капитан Крич, махнув рукой в сторону взъерошенных Макса и Дональда. — Не выпивши, нельзя плыть под парусами.

Наконец мы обсохли, насколько смогли, отжали мокрую одежду и, дрожа всем телом, направились вверх по склону к машине.

— Что будет с яхтой? — спросил Лесли, поскольку судьба судна, казалось, нимало не волновала его владельцев, Дональда и Макса.

— Остановимся в ближайшей деревне, — сказал Спиро. — У меня там знакомый рыбак, он все устроит.

— Вот что, — сказал Теодор. — Если у нас есть спиртное, сейчас самое время подкрепить Макса. Он, наверное, страдает от потрясения после такого удара.

— Да, у нас есть бренди, — сказала мама и, нырнув в машину, извлекла бутылку и чашку.

— Милая девочка, — сказал капитан Крич, приковываясь блуждающим взором к бутылке. — Вот как раз то, что прописал врач.

— Это не про вас, — твердо сказала мама. — Это для Макса.

Мы разместились в машине как могли, устраиваясь на коленях друг у друга и стараясь как можно больше места предоставить Макс; лицо его теперь стало скверного серо-свинцового цвета, и его всего била дрожь. К неудовольствию мамы, она волей-неволей оказалась втиснутой бок о бок с капитаном Кричем.

— Садитесь ко мне на колени, — гостеприимно предложил капитан. — Садитесь ко мне на колени, и мы маленько пообнимаемся для сугреву.

— Еще чего, — строго ответила мама. — Я скорее сяду на колени к Дональду.

По пути к городу через остров капитан потчевал нас известными ему вариантами матросских песен. Между моими родными разгорелся спор.

— Я настаиваю, чтобы ты запретил ему петь эти песни, Ларри, — сказала мама.

— Как я могу запретить? Ты сидишь сзади, ты и запрети.

— Он твой друг, — сказала мама.

— Ах, какая жалость, одна лишь титя осталась, чтобы кормить дитя. Бедный маленький пидер в футболе не лидер, не вырастет сильный, большой.

— Он чуть не погубил всех вас, грязная скотина, — сказала мама.

— Собственно говоря, вина за все почти целиком лежит на Ларри, — заметил Лесли.

— Как бы не так, — негодуя ответил Ларри. — Вы не были там, а потому не можете знать. Попробуй разбери что-нибудь, когда тебе кричат: «Привестись ближе к ветру» или что-то в этом роде, а шквал завывает всю.

— В Чичестере живет одна девица, — с наслаждением вставил капитан Крич, — у нее и святой расшевелится.

— Кого я жалею, так это Макса, — сказала Марго, сочувственно глядя на него.

— Не вижу особой причины для симпатий, — сказал Ларри, чей глаз к этому времени окончательно заплыл и представлял собой густо-черную лоснящуюся кляксу. — Это он, дурак, виноват во всем. Яхта полностью подчинялась мне, пока он не поднял тот парус.

— Ну, я не считаю тебя моряком, — сказала Марго. — Если б ты был настоящим моряком, ты бы не велел ему поднимать парус.

— В том-то и дело, — огрызнулся Ларри, — что я не велел ему подымать парус. Он поднял его самовольно.

— Хорошее судно «Венера»... — начал было капитан, чей репертуар казался неисчерпаем.

— Не спорьте об этом, милые, — сказала мама. — У меня ужасно болит голова. Чем скорее попадем в город, тем лучше.

В конце концов мы добрались до города, ссадили Дональда с Максом у их гостиницы, а все еще распевającego капитана Крича — у его и поехали домой, продрогшие и злые.

Наутро, чувствуя себя несколько разбитыми, мы сидели на веранде и доканчивали завтрак. Глаз Ларри теперь принял оттенки заката, которые могла бы передать только кисть Тёрнера. Тут к вилле с громкими гудками подъехал Спиро. Собаки бежали перед автомобилем, рыча и норовя укусить колеса.

Д

— Я решительно против, чтобы Спиро подъезжал к дому с таким шумом, — сказал Ларри.

Спиро тяжело протопал на веранду и, как обычно, перездоровался со всеми.

— Доброе утро, миссис Даррелл. Доброе утро, мисс Марго. Доброе утро, мастер Ларри. Доброе утро, мастер Лесли. Доброе утро, мастер Джерри. Как ваш глаз, мастер Ларри? — спросил он, сочувственно хмурясь.

— Сейчас я чувствую себя так, словно мне до конца дней придется ходить с палкой слепого, — ответил Ларри.

— Я привез вам письмо, — сказал Спиро маме.

Она надела очки и вскрыла конверт. Мы выжидающе смотрели на нее. Ее лицо залилось краской.

— Какая наглость! Какое нахальство! Омерзительная скотина! Право, я никогда не слышала ничего подобного.

— В чем дело? — спросил Ларри.

— Это все та же отвратительная тварь, Крич, — сказала мама, махая письмом в сторону Ларри. — Это ты виноват, ты ввел его в наш дом.

— В чем же я провинился теперь? — в замешательстве спросил Ларри.

— Эта грязная скотина сделала мне предложение, — сказала мама.

Ошеломленные, мы все на минуту умолкли, вникая в столь замечательное сообщение.

— Предложение? — осторожно спросил Ларри. — Как я полагаю, не приличное предложение?

— Нет, нет, — сказала мама. — Он пишет, что хочет жениться на мне. Какая я прекрасная маленькая женщина и куча сентиментального вздора в этом роде.

Мы все, наконец-то в полном единодушии, откинулись на спинки стульев и расхохотались.

— Есть над чем смеяться, — сказала мама, с сердитым видом расхаживая по веранде. — Вы должны что-то предпринять.

— О, — сказал Ларри, вытирая глаза. — О, такое случается нечасто. Полагаю, он вообразил себе, раз он снял вчера в твоем присутствии брюки, чтобы отжать их, он обязан сделать из тебя честную женщину.

— Перестаньте смеяться, — сердито сказала мама. — Это не смешно.

— Представляю себе, — вкрадчиво начал Ларри. — Ты в белой кисее, мы с Лесли в цилиндрах выдаем тебя замуж, Марго твоя подружка, Джерри несет шлейф невесты. Будет чрезвычайно эффектное зрелище. Церковь, по моему разумению, заполнят заезжие куртизанки, и все они только и ждут минуты, чтобы помешать свершению брачного таинства.

Мама пробуравила его взглядом.

— Когда наступает действительно критический момент, — сердито сказала она, — от вас, детей, проку как от козла молока.

— А по-моему, ты будешь прелестно выглядеть в белом, — хихикнула Марго.

— Где же вы решили провести медовый месяц? — спросил Ларри. — Говорят, на Капри чудо как хорошо в это время года.

Но мама не слушала. Она повернулась к Спиро, вся воплощение решимости.

— Спиро, вы должны сказать капитану, что я ответила «нет», и решительно настаиваю, чтобы его ноги больше не было в нашем доме.

— О, полноте, мама, — запротестовал Ларри. — Мы, дети, хотим, чтобы у нас был отец.

— А вы все, — в ярости напустилась на нас мама, — только попробуйте рассказать кому-нибудь про это! Я не потерплю, чтобы мое имя упоминалось в связи с этим отвратительным... отвратительным негодяем.

С тех пор мы больше не видели капитана Крича. Но то, что мы называли маминым великим любовным приключением, положило благоприятное начало году.

ГОВОРЯЩАЯ ГОЛОВА

Лето разинуло свою пасть над островом, словно дверца огромной печи. Прохлады не было даже в тени оливковых рощ, и непрерывный, пронзительный стрекот цикад, казалось, нарастал и становился все настойчивей с каждым горячим синим полуднем. Вода в прудах и канавах убывала, и грязь по краям принимала вид зубчатой пилы, трескалась и завивалась на солнце. Море лежало совершенно бездыханное и неподвижное, похожее на огромное шелковое полотно, а вода на отмелях была слишком теплая и не освежала. Приходилось выгребать на лодке на глубокую воду (ты и твоё отражение — единственное шевеление на море) и нырять через борт. Это выглядело так, будто ныряешь в небо.

Наступила самая пора для охоты на бабочек и мотыльков. Днем на склонах холмов, из которых пульсирующее солнце, казалось, до последней капли высосало влагу, можно было поймать больших ленивых бабочек-парусников, изящно и хаотично перепархивающих с куста на куст; перламутровок, пышащих жаром горячо и сердито, совсем как раскаленные уголья,

и перелетающих быстро и расторопно с цветка на цветок; капустниц; шафрановых желтушек и лимонно-желтых или оранжевых крушинниц, беспрядочно летающих взад-вперед на неопрятного вида крыльях. Толстоголовки, подобно бурым пушистым самолетам, легко и плавно, с мурлыкающим звуком летали в разнотравье, а на мерцающих плитах селенита сидели, складывая и раскрывая крылья, как будто умирая от жары, адмиралы, пламенеющие, словно драгоценные камни Вулворта. По ночам лампы облепляли полчища мотыльков, и розовые гекконы на потолке, большеглазые и плоскостопные, наедались до отвала, так что едва могли двигаться. Неизвестно откуда в комнату с жужжанием влетали зеленовато-серебристые олеандровые бражники, в неистовстве любви они устремлялись к лампе и ударялись об нее с такой силой, что стекло разбивалось вдребезги. Бражники «мертвая голова», в имбирных и черных крапинах, с мрачным черепом и скрещенными костями, словно вышитыми на их мохнатых плюшевых грудках, набивались через трубу в камин и трепыхались и извивались на решетке, пища, словно мыши.

На склонах холмов, где широкими грядами рос вереск, теплый и до хруста обожженный солнцем, охотились черепахи, ящерицы и змеи, а богомолы висели в зеленой листве мирта, медленно и зловеще раскачиваясь из стороны в сторону. Вторая половина дня была наилучшим временем для знакомства с животным миром холмов, но она же была и наиболее жаркая. Солнце барабанило тебе по черепу, а спекшаяся земля жгла ноги сквозь подошву сандалий, словно раскаленная сковорода. Вьюн и Пачкун боялись солнца и никогда не составляли мне компанию во второй половине дня, зато Роджер, как неустанный естествоиспытатель, всегда сопровождал меня, тяжело дыша и большими глотками заглатывая свисающую с языка слюну.

Мы пережили с ним множество приключений. Так, однажды мы как зачарованные наблюдали за двумя ежами, пьяными в стельку от съеденного ими упавшего и наполовину перебродившего винограда; они, качаясь, ходили кругами, воинственно огрызались, икали и издавали тонкие пронзительные крики. В другой раз мы наблюдали за красным, как осенний лист, лисенком, впервые наткнувшимся в зарослях вереска на черепаху. Черепаха флегматично, в свойственной всем черепахам манере, втянула голову и лапы в панцирь, нагло замкнулась, как чемодан. Однако это движение не ускользнуло от внимания лисенка, и он, наострив уши, медленно обошел черепаху. Затем, будучи еще совсем неопытным, быстро ударил лапой по панцирю и отскочил в сторону, ожидая возмездия. А потом лег и,

положив голову на лапы, несколько минут изучал черепаху. Наконец он довольно осторожно подошел к ней и после нескольких неудачных попыток сумел подхватить ее челюстями, после чего, высоко подняв голову, с гордым видом затрусил прочь по вересковой пустоши. На этих же холмах мы наблюдали, как вылупливаются из яиц с тонкой, словно бумага, скорлупой малютки черепахи, иссохшие и морщинистые с виду, как будто в момент рождения им уже было по тысяче лет. И еще здесь я впервые увидел брачный танец змей.

Было это так. Мы с Роджером сидели под большой купой миртовых кустов, дававших чутьточку тени и возможность укрыться. Мы вспугнули ястреба, устроившегося на кипарисе поблизости, и теперь терпеливо ждали, когда он вернется, чтобы хорошенько рассмотреть его, как вдруг футах в десяти от того места, где мы затаились, я заметил двух змей, выползающих из коричневой непролази стеблей вереска. Роджер, напуганный змеями, встревоженно взвизгнул и поджал уши. Я яростно цыкнул на него и продолжал наблюдать. Одна змея, казалось, вплотную следовала за другой. «Уж не гонится ли она за ней, чтобы съесть?» — подумалось мне. Змеи выскользнули из зарослей вереска и исчезли среди пучков добела выжженной солнцем травы, и я потерял их из виду. Проклинаю судьбу, я собрался было занять иную позицию в надежде снова увидеть их, как вдруг они появились опять на более или менее открытом месте.

Тут змея, что ползла впереди, остановилась, а та, что следовала позади, пристроилась бок о бок с ней. Так они лежали некоторое время, затем преследователь стал пытливо тыкаться головой в голову преследуемой. Я решил, что первая змея самка, а преследователь самец. Он продолжал тыкаться головой в шею самки и наконец приподнял ее голову и шею от земли. Она замерла в этой позе, и самец, отползши на несколько дюймов, также поднял голову. В таком положении, неподвижные, глядя друг на друга, они оставались довольно продолжительное время. Затем самец медленно скользнул вперед, обвился вокруг самки, и они вместе поднялись вверх, насколько могли без потери равновесия, обвившиеся друг вокруг друга, словно выюнки. Некоторое время они оставались неподвижными, а затем стали раскачиваться наподобие двух борцов, упершихся друг в друга на ринге; их хвосты завивались и цеплялись за корни травы вокруг, чтобы найти надежную точку опоры. Внезапно они хлопнулись на бок, задние концы их тел встретились, и они спарились, лежа на солнце, переплетшиеся, словно бумажные ленты серпантина.

В этот момент Роджер, с нарастающим беспокойством наблюдавший мой интерес к змеям, вскочил на лапы и, не успев я остановить его, встрях-

Д нулся, тем самым давая понять, что с него хватит и нам лучше двинуться дальше. К сожалению, змеи заметили его. На мгновение они конвульсивно сжались в запутанный клубок, блестя кожей на солнце, затем самка высвободилась и устремила к спасительным зарослям вереска, волоча за собой все еще не оторвавшегося от нее беспомощного самца. Роджер взглянул на меня, с наслаждением чихнул и завилял своим обрубок-хвостом. Но я был недоволен им и недвусмысленно заявил об этом. В конце концов, разъяснил я ему, он и сам не раз имел дело с суками, и как бы он чувствовал себя, если б его застигла врасплох опасность и его вот так же позорно уволокли с места любовных утех?

С наступлением лета остров наводнили оравы цыган, они помогали убирать урожай и крали все, что попадалось под руку. С глазами как сливы, со смуглой, обгоревшей на солнце почти дочерна кожей, взлохмаченные и одетые в лохмотья, они кочевали семьями по белым пыльным дорогам, сидя на ослах или на гибких маленьких пони, лоснящихся, словно каштаны. Их стоянки неизменно являли собой редкое по убожеству зрелище: десяток подвешенных над кострами булькающих котелков с различными ингредиентами, старухи, сидящие в тени неопрятных кибиток и старательно вылавливающие насекомых из лежащих на их коленях голов детишек, тогда как ребятня постарше, в зубчатых, как листья одуванчика, лохмотьях, катается, визжит и играет в пыли. Те из мужчин, кому посчастливилось найти побочную работу, заняты ею. Вот один из них скручивает и связывает вместе разноцветные воздушные шары, так что они протестующе визжат, принимая формы диких животных. Другой, может стать, гордый обладатель театра теней Карагиози, подновляет ярко раскрашенные резные фигурки и опробует пошлые реплики Карагиози на восторженно хихикающих хорошеньких молодых женщинах, помещивающих в котелках или сидящих с вязаньем в тени.

Я всегда стремился поближе сойтись с цыганами, но это был пугливый, враждебно настроенный народ, едва терпевший греков. Копна волос, почти добела выгоревших на солнце, и голубые глаза автоматически делали меня подозрительным типом, и хотя цыгане допускали меня к себе в табор, они никогда не были общительными, как, например, крестьяне, не раскрывали мне подробностей своей личной жизни, своих устремлений. Тем не менее именно цыгане косвенным образом вызвали переполох в нашей семье. На это раз я был ни при чем.

Случилось это так. Чрезвычайно жаркий летний день был на исходе. Мы с Роджером занимались изнурительным делом: преследовали большу-

щего негодующего ужа вдоль сухой каменной стены. Не успевали мы разобрать одну ее часть, как уж ускользал в другую, и после того, как мы восстанавливали снесенную нами часть стены, уходило полчаса или около того, чтобы отыскать ужа среди зазубренных скал. В конце концов мы нехотя признали свое поражение и отправились домой к чаю, жаждущие, сплошь в поту и пыли. Когда мы прошли поворот дороги, я кинул взгляд на небольшую долину и увидел, как мне показалось на первый взгляд, человека с необычайно большой собакой. При ближайшем рассмотрении, однако, я, едва веря своим глазам, убедился, что это не собака, а медведь. Я так изумился, что невольно вскрикнул. Медведь встал на дыбы и, повернувшись, посмотрел на меня, человек тоже. Некоторое время они сверлили меня взглядами, затем человек приветственно махнул рукой и вернулся к своему занятию — продолжал раскладывать свои пожитки под оливой, меж тем как медведь опустился на землю и, сидя на задних лапах, с интересом следил за ним. Я в волнении поспешил вниз по склону холма. Мне говорили, что в Греции есть танцующие медведи, но мне еще не приходилось их видеть. Шанс был слишком хорош, чтобы упустить его. Приблизившись, я окликом приветствовал незнакомца, он отвернулся от вороха своих пожитков и довольно вежливо ответил мне. Передо мной был цыган с темными диковатыми глазами и иссиня-черными волосами, но выглядел он куда благополучнее большинства своих сородичей: на нем был вполне приличный костюм, а на ногах — башмаки, что в те времена служило знаком отличия даже среди крестьян — землевладельцев острова.

Я спросил, можно ли мне, не рискуя жизнью, подойти поближе, ибо, хотя медведь и был в кожаном наморднике, но не был привязан.

— Да подходи, — ответил цыган. — Павло не причинит тебе вреда, только оставь собаку.

Я повернулся к Роджеру и увидел, что, как он ни храбрится, медведь ему не нравится и он остается при мне лишь из чувства долга. Я велел ему отправляться домой, и он, бросив на меня благодарный взгляд, затрусил вверх по косогору с таким видом, будто знать ничего не знает. Вопреки уверениям цыгана, что Павло не причинит мне никакого вреда, я приближался к нему с опаской, ибо, хотя еще совсем молодой, встав на дыбы, он превзошел бы меня примерно на фут ростом и на широких шерстистых лапах у него виднелся устрашающий и очень действенный набор блестящих когтей. Он сидел и помаргивал крохотными блестящими карими глазками, легонько дыша, — ни дать ни взять большая груда одушевленных, растрепанных морских водорослей. Для меня он был самым желанным живот-

Д

ным, какое я когда-либо видел, и я обошел его вокруг, обозревая его достоинства с самых различных точек зрения.

Сгорая от нетерпения, я засыпал цыгана вопросами. Сколько лет медведю? Как он попал к нему? Что он с ним делает?

— Он танцует и этим зарабатывает на пропитание себе и мне, — отвечал цыган, явно забавляясь моим восторгом. — Вот посмотри.

Он взял в руку палку с маленьким крючком на конце и продел крючок в кольцо, вделанное в кожаный намордник на пасти медведя.

— Ну-ка, станцуй с папой.

Одним быстрым движением медведь поднялся на задние лапы. Цыган щелкнул пальцами и начал насвистывать жалобную мелодию, шаркая в такт ногами, и медведь последовал его примеру. Они танцевали вдвоем медленный, величавый менуэт среди ярко-синего чертополоха и высохших стеблей златоцветника. Я мог бы глядеть на них бесконечно. Когда цыган довел напев до конца, медведь по привычке опустил на четвереньки и чихнул.

— Bravo! — негромко сказал цыган. — Bravo!

Вне себя от восторга, я захлопал в ладоши.

— В жизни не видел ни такого прекрасного танца, — серьезно сказал я, — ни такого искусного исполнителя, как Павло. Можно мне погладить его?

— Можешь делать с ним что угодно, — посмеиваясь, сказал цыган и отцепил палку от намордника. — Он дурачок. Он не тронет даже разбойника, который позарится на его еду.

В доказательство своих слов цыган стал скрести медведя по спине, и тот, высоко задрав голову, издал от удовольствия ряд хриплых, гортанных, бормочущих звуков, постепенно сник на землю в экстазе и в конце концов распластался на ней — ну прямо, подумалось мне, как коврик из медвежьей шкуры.

— Он любит, когда его щекочут, — сказал цыган. — Подойди пощекочи его.

Последующие полчаса были для меня истинным наслаждением. Я щекотал медведя, а он мурлыкал от удовольствия. Я осмотрел его большущие когти, его уши, его крошечные блестящие глазки, а он лежал на земле и терпел от меня все, как будто спал. Затем я прильнул к его теплому огромному телу и заговорил с его хозяином. В моем уме созрел план. Медведь, решил я, должен принадлежать мне. Собаки и все прочие жившие в доме животные скоро привыкнут к нему, и мы вдвоем будем кружиться в вальсе на склонах холмов. Я льстил себя надеждой, что мои родные страшно обрадуются приобретению такого разумного животного, но, прежде чем торго-

ваться, надо было привести хозяина медведя в соответствующее настроение. Торговаться с крестьянами — занятие шумное, затяжное и трудное. Но этот человек был цыганом, а уж с ними-то договориться можно. Он казался мне не столь молчаливым и сдержанным, как все другие цыгане, с которыми я имел дело, и я истолковал это как добрый знак. Я спросил его, откуда он приехал.

— Издалека, издалека, — ответил он, накрывая свои пожитки ветхим брезентом и вытряхивая несколько потрепанных одеял, очевидно, служивших ему постелью. — Высадились в Лефкими прошлой ночью и с тех пор все идем и идем, Павло, Голова и я. Видишь ли, Павло не пускают в автобусы, люди боятся его. Вот мы и провели прошлую ночь без сна, ну а теперь переночуем здесь и завтра будем в городе.

Заинтригованный, я спросил, как понимать его слова «Павло, Голова и я».

— Моя Голова, конечно, — ответил он. — Моя маленькая Говорящая Голова.

Он взял в руки палку с крючком и, ухмыляясь, стукнул ею по груди вещей под брезентом.

Я раскопал в кармане шортов остатки разломанной плитки шоколада и занялся скармливанием их медведю. Тот принимал каждый кусочек, издавая громкие стоны и пуская слюни от удовольствия. Не понимаю, сказал я цыгану, о чем он говорит. Цыган присел передо мной на корточки и закурил сигарету, глядя на меня темными глазами, неприязненными, как у ящерицы.

— У меня есть Голова, — сказал он, указывая большим пальцем на грудь своих пожитков, — живая Голова. Она разговаривает и отвечает на вопросы. Это, несомненно, самая замечательная вещь на свете.

Я был озадачен. Хочет ли он сказать, спросил я, что у его головы нет туловища?

— Ну, разумеется. Просто Голова. — И он сложил перед собой руки ковшиком, словно держал в них кокосовый орех. — Она сидит на маленькой палочке и разговаривает с вами. Ничего подобного свет еще не видывал.

— Но каким образом, — осведомился я, — голова без тела может жить?

— Волшебство, — торжественно изрек цыган. — Волшебство, которое передалось мне по наследству от моего прапрадеда.

Я был уверен, что он разыгрывает меня, но, какой бы интригующей ни была дискуссия на тему о говорящих головах, мы уклонились от моей главной цели — приобретения права собственности на Павло. С хриплыми вздохами удовлетворения медведь засасывал через намордник последний кусочек шоколада. Я внимательно оглядел цыгана; он сидел на корточках с

Д мечтательным выражением в глазах, голова его была окутана облаком дыма. Я решил, что лучше всего подойти к нему, руководствуясь пословицей — «смелость города берет», и спросил напрямую, как он относится к тому, чтобы продать медведя, и за какую цену.

— Продать Павло? — переспросил он. — Ни за что! Он мне все равно что сын родной.

Конечно, сказал я, если он попадет в хороший дом. В такое место, где его будут любить и танцевать с ним, разумеется, при таких условиях для него, хозяина, будет заманчиво продать медведя. Цыган задумчиво глядел на меня, попыхивая сигаретой.

— Двадцать миллионов драхм? — сказал он и засмеялся, заметив выражение ужаса в моих глазах. — Люди, у которых есть земля, должны иметь ослов, чтобы обрабатывать ее, — сказал он. — Они не так легко расстаются с ними. Павло — мой осел. Он танцами зарабатывает на жизнь мне и себе, и, пока он не станет слишком стар, чтобы танцевать, я не станусь с ним.

Я был глубоко разочарован, но видел, что цыган не уступит. Я поднялся с широкой, теплой, слегка храпящей спины Павло, на которой лежал, и отряхнул с себя пыль. Ну что ж, сказал я, ничего не поделаешь. Я понимаю его желание держать при себе медведя, но если он передумает, пусть свяжется со мной, ладно? Он серьезно кивнул. И если он будет давать представление в городе, пусть известит меня где, чтобы я мог присутствовать, ладно?

— Ну конечно, — сказал он. — Но я думаю, люди скажут тебе, где я нахожусь, ведь моя Голова — нечто единственное в своем роде.

Я кивнул и пожал ему руку. Павло встал на лапы, и я похлопал его по голове.

Добравшись до верхнего конца долины, я оглянулся. Они стояли бок о бок. Цыган махнул рукой, Павло, раскачиваясь на задних лапах, высоко задрал морду, поводя носом в мою сторону. Хотелось думать, что это он прощался со мной.

Я медленно побрел домой, размышляя о цыгане, его Говорящей Голове и чудесном Павло. Представится ли мне возможность, спрашивал я себя, раздобыть где-нибудь медвежонка и вскормить его? Что, если дать объявление в какой-нибудь афинской газете? Быть может, это принесет результат?

Все домашние сидели в гостиной за чаем, и я решил поделиться с ними тем, что меня волновало. Однако не успел я войти в комнату, как безмятежная сцена чаепития удивительным образом преобразилась. Марго изда-

ла пронзительный крик, Ларри уронил чашку с чаем себе на колени, вскочил и укрылся за столом, Лесли схватил в руки стул, а мама, раскрыв рот, с ужасом воззрилась на меня. Никогда еще мое появление не вызывало такую недвусмысленную реакцию у моих родных.

— Убери его отсюда! — рявкнул Ларри.

— Да убери отсюда эту проклятую тварь! — вторил ему Лесли.

— Он убьет всех нас! — визжала Марго.

— Достаньте ружье, — слабым голосом сказала мама. — Достаньте ружье и спасите Джерри.

Я, хоть убей, не мог понять, что с ними случилось. Все они уставились на что-то за моей спиной. Я повернулся, посмотрел — и ахнул: в дверях стоял Павло, с надеждой приносясь к запахам, исходившим от чайного стола. Я шагнул к нему и ухватил его за морду. Он нежно тыкался в меня носом. Я объяснил, что это всего-навсего Павло.

— С меня довольно, — проговорил Ларри хриплым голосом. — С меня довольно. Птицы, собаки, ежи по всему дому, а теперь еще и медведь. Скажите мне, Христа ради, что для него этот дом? Кровавая римская арена?

— Джерри, милый, будь осторожен, — дрожащим голосом сказала мама. — У него такой свирепый вид.

— Он задерет всех нас, — трясущимся голосом, но уверенно сказала Марго.

— Я не могу пройти мимо него за своими ружьями, — сказал Лесли.

— В этом нет необходимости. Я запрещаю, — сказал Ларри. — Я не хочу, чтобы наш дом превратился в берлогу.

— Где ты его раздобыл, милый? — спросила мама.

— Мне все равно, где он его раздобыл, — сказал Ларри. — Он должен отвести его обратно сейчас же, сию минуту, прежде чем эта тварь разорвет нас на куски. У мальчишки нет никакого чувства ответственности. Я не намерен играть роль христианина-мученика, это в мои-то годы.

Павло встал на дыбы и издал долгий хрипящий стон, который я истолковал как желание присоединиться к нам в поедании сластей, что были на столе, однако домашние истолковали его иначе.

— Ой! — взвизгнула Марго, как будто ее укусили. — Он нападает!

— Джерри, будь осторожен, — сказала мама.

— Я не отвечаю за то, что я сделаю с этим мальчишкой, — сказал Ларри.

— Если ты останешься в живых, — сказал Лесли. — Да заткнись же ты наконец, Марго, ты только все ухудшаешь. Ты спровоцируешь эту проклятую тварь.

— Могу я визжать, когда хочу? — с негодованием возразила Марго.

Д Мои родные от страха так разгаделись, что не дали мне возможности вставить словечко. И вот я предпринял попытку объяснить, в чем дело. Во-первых, сказал я, Павло не принадлежит мне, а во-вторых, он ручной, как собака, и мухи не обидит.

— Не верю ни одному твоему объяснению, — сказал Ларри. — Ты стащил его из какого-нибудь треклятого цирка. Мы рискуем не только тем, что из нас выпустят кишки, но и тем, что нас арестуют за укрывательство краденного.

— Ну-ну, милый, — сказала мама, — дай Джерри объяснить.

— Объяснить? — переспросил Ларри. — Объяснить? Как можно объяснить присутствие огромного медведя в гостиной?

Я сказал, что медведь принадлежит цыгану, у которого есть Говорящая Голова.

— Что ты разумеешь под говорящей головой? — спросила Марго.

Я ответил, что это голова без тела, которая умеет говорить.

— Мальчишка спятил, — уверенно заявил Ларри. — Чем скорее мы сведем его к психиатру, тем лучше.

Все домашние к этому времени сбились в трепещущую кучку в дальнем углу комнаты. Мои слова — чистая правда, заявил я, в доказательство этого могу заставить Павло танцевать. Я схватил со стола кусок торта, продел палец в кольцо на наморднике медведя и произнес те же приказания, какие произносил его владелец. Не сводя жадного взгляда с торта, Павло встал на дыбы и начал танцевать со мной.

— Ой, смотрите! — сказала Марго. — Смотрите, он танцует!

— Мне безразлично, пусть даже он ведет себя как целый кордебалет, — сказал Ларри. — Требую убрать отсюда эту треклятую тварь.

Я просунул кусок торта через намордник, и Павло с жадностью втянул угощение в рот.

— А он и вправду совсем милый, — сказала мама, поправляя очки и с интересом рассматривая медведя. — Помнится, у моего брата в Индии был когда-то медведь — очень славное домашнее животное.

— Нет! — в один голос сказали Ларри и Лесли. — Этому не бывать.

Я сказал, что так или иначе не смогу держать у себя медведя, ибо владелец отказывается его продать.

— Вот и прекрасно, — сказал Ларри. — Почему не возвратить медведя хозяину, если ты кончил свой эстрадный дивертисмент?

Захватив еще кусок торта в качестве приманки, я снова продел палец в кольцо на наморднике Павло и вывел его из дома. На полпути к маленькой долине я встретил хозяина Павло. Цыган был в смятении.

— Вот он! Вот он, разбойник! А я-то гадаю, куда это он запропастился. Обычно он всегда безотлучно при мне, вот почему я не держу его на привязи. Должно быть, ты очень ему понравился.

Я не мог покрывать душой и сказал, что, по-видимому, Павло последовал за мной по той единственной причине, что увидел во мне поставщика шоколада.

— Фу-ты ну-ты! — сказал цыган. — У меня гора с плеч свалилась. Я опасался, как бы он не ушел в деревню, это означало бы неприятности с полицией.

Я нехотя передал Павло его владельцу и с грустью смотрел, как они удаляются по направлению к своей стоянке под деревьями. Затем тронулся в обратный путь, не без трепета представляя себе, как предстану перед родными. Хотя я и не был виноват в том, что Павло последовал за мной, все мое прошлое говорило не в мою пользу, и мне стоило немало труда убедить их, что на сей раз я ни в чем не виноват.

Наутро всецело в мыслях о Павло я тем не менее послушно отправился в город — что я делал каждое утро — к моему наставнику Ричарду Кралевски. Это был человек-гном со слегка сгорбленной спиной и большими, серьезными, янтарного цвета глазами, испытывавший поистине муку-мученскую от безуспешных попыток научить меня уму-разуму. У него было два подкупающих достоинства. Во-первых, глубокая любовь к естествознанию (весь его дом был занят огромным множеством канареек и другой живности). Во-вторых, то, что какую-то часть своей жизни он проводил в мире, в котором всегда был героем. Свои приключения он поведывал мне. И в них его неизменно сопровождала безымянная героиня, он называл ее просто Леди.

Первая половина утра была посвящена математике, и, весь в думах о Павло, я выказывал невиданную тупость, к величайшему ужасу Кралевски, который доселе был убежден, что уже познал всю глубину моего невежества.

— Милый мой мальчик, вы просто рассеянны сегодня, — серьезно сказал он. — Вы не способны понять простейшие вещи. Быть может, вы несколько переутомились? Сделаем кратенький перерыв, идет?

Эти кратенькие перерывы нравились Кралевски не меньше, чем мне. Он уходил на кухню и, повозившись там недолго, возвращался с двумя чашками кофе и печеньем. Мы усаживались за стол, исполненные глубокой приязни друг к другу, и он принимался красочно описывать мне свои воображаемые приключения. Но в это утро он не получил такой возможности. Едва мы ууселись поудобнее за кофе, я рассказал ему все про цыгана с Павло и Говорящей Головой.

— Это неслыханно! — сказал он. — Не из тех вещей, с какими ожидаешь столкнуться в оливковой роще. То-то, должно быть, ты удивился. Представляю себе.

Тут его глаза остекленели, и он впал в задумчивость, уставясь в потолок и наклонив чашку так, что кофе проливался на блюдечко. Было ясно, что мой интерес к медведю вызвал в нем усиленную работу мысли. Несколько дней назад я ознакомился с очередной порцией его воспоминаний о прошлом и теперь с нетерпением ждал, что будет дальше.

— В молодости, — начал Кралевски, бросив на меня серьезный взгляд, дабы убедиться, что я слушаю, — в молодости я, пожалуй, был чуточку легкомысленным. То и дело, видишь ли, попадал в беду.

Он усмехнулся своим воспоминаниям и смахнул крошки печенья с жилета. Глядя на его холеные руки и большие нежные глаза, трудно было поверить, что когда-то он был легкомысленным, но я из чувства долга сделал такую попытку.

— Одно время я даже подумывал о том, чтобы поступить в цирк, — продолжал он с видом человека, признающего в детоубийстве. — Помнится, в деревню, где мы жили, приехал большой цирк, и я не пропустил ни одного представления. Ни одного. Я близко познакомился с циркачами, и они даже научили меня нескольким трюкам. Они говорили, что я бесподобен на трапеции. — Он застенчиво взглянул на меня, желая увидеть, как я отнесусь к такому заявлению. Я с серьезным видом кивнул, как будто в том, чтобы представить себе Кралевски в трико с блестками на трапеции, не было ничего смешного.

— Хочешь еще печенья? — спросил он. — Да? Вот это правильно! Пожалуй, я тоже съем одно.

С полным ртом печенья я терпеливо ждал возобновления рассказа.

— Так вот, — продолжал он, — пролетела неделя, и настал вечер последнего представления. Я бы ни за что не пропустил его. Меня сопровождала Леди, моя молодая подруга, она желала посмотреть это представление. Как она смеялась выходкам клоунов! И восхищалась лошадьми. Она и думать не думала, что вскоре случится нечто ужасное.

Кралевски достал тонко надушенный платок и промокнул им влажный лоб. Он всегда чуточку нервничал, когда доходил до кульминационного пункта рассказа.

— В заключительной сцене, — сказал он, — выступал укротитель львов. — Тут он выдержал паузу, дабы я усвоил вещий смысл сказанного. — У него было пять зверей. Огромные нубийские львы с черными гри-

вами, только что из джунглей — так он мне сказал. Мы с Леди сидели в первом ряду, откуда арена просматривалась как нельзя лучше. Тебе пришлось видеть клетку, которую сооружают на арене для выступления со львами? Так вот, в самый разгар выступления одна из ее секций, очевидно, плохо закрепленная, рухнула внутрь. К нашему ужасу, мы увидели, что она упала на укротителя, сбила его с ног и он потерял сознание.

Кравевски опять выдержал паузу, нервно отхлебнул кофе из чашки и снова вытер лоб.

— Что делать? — риторически спросил он. — Перед нами пять огромных рычащих львов, а рядом со мной Леди. Я быстро соображал. Если Леди можно спасти, то лишь одним-единственным способом. Схватив трость, я вспрыгнул на арену и вошел в клетку.

Я издал невнятные, едва слышные звуки в знак восхищения.

— За ту неделю, что я бывал в цирке, я с особой тщательностью изучил метод укротителя львов и теперь благодарил за это счастливое созвездие, под которым родился. Рычащие звери на пьедесталах возвышались надо мной, но я смотрел им прямо в глаза. Человеческий глаз, знаешь ли, обладает огромной силой над животными. Медленно, впериw в них пронзительный взгляд и выставив вперед трость, я подчинил львов своей воле и мало-помалу вытеснил их с арены и загнал в клетку. Ужасную трагедию удалось предотвратить.

Надо полагать, Леди была ему благодарна, сказал я.

— Именно так. Именно так, — с довольным видом подхватил Кравевски. — Она даже сказала, что я выступил лучше, чем сам укротитель.

А что, поинтересовался я, приходилось ли ему видеть танцующих медведей, когда он бывал в цирке?

— Там были самые различные животные: слоны, тюлени, дрессированные собаки, медведи, — щедро перечислял Кравевски. — Там было все.

В таком случае, сказал я осторожно, не хочет ли он пойти посмотреть танцующего медведя? Это недалеко отсюда, и, хотя это вовсе не цирк, мне кажется, ему будет интересно.

— Ей-богу, это идея, — сказал Кравевски. Он достал из кармана жилета часы и взглянул на них. — Десять минут, ладно? Так, чтобы хорошенько проветриться.

Он взял шляпу и трость, и мы, сгорая от нетерпения, двинулись по узким многолюдным улицам города, насыщенным запахами фруктов и овощей, сточных канав и свежеепеченного хлеба. Расспросив нескольких ребятшек, мы установили, где владелец Павло дает представление. Это был

Д большой, скудно освещенный сарай позади одного магазина в центре города. По пути туда я занял у Кралевски немного денег и купил палочку липкой нуги: мне казалось, что я просто не могу явиться к Павло без гостинца.

— А, друг Павло! Добро пожаловать! — сказал цыган, когда мы появились в дверях сарая.

К моему восхищению, Павло узнал меня и шаркающей походкой вышел к нам, издавая тихое ворчание, затем встал передо мной на дыбы. Кралевски отступил назад, несколько поспешно, на мой взгляд, если вспомнить его богатый цирковой опыт, и крепче сжал в руке трость.

— Будь осторожен, мой мальчик, — сказал он.

Я угостил Павло нугой, и когда наконец последний кусок липкой сласти был с чавканьем оторван от зубов и проглочен, он удовлетворенно вздохнул, лег и положил голову между лап.

— Хотите посмотреть Голову? — спросил цыган. Он сделал жест в сторону задней стены сарая. Там стоял простой стол из сосновых досок, а на нем квадратный ящик, обтянутый тканью.

— Пойдите, — сказал цыган, — я зажгу свечи.

На верху ящика, прилепленные талым воском, стояли штук двенадцать больших свечей, и он зажег их, так что язычки пламени, то вспыхивая, то пригасая, разгорелись трепетными огоньками, от которых плясали тени в сарае. Затем он подошел к столу и постучал по нему палкой с крючком.

— Голова, ты готова? — спросил он.

Я ждал с чувством страха, легким покалыванием пробегавшим по спине. И вот из глубины матерчатого ящика послышался звонкий высокий голос:

— Да, я готова.

Цыган откинул ткань с одной стороны ящика, и я увидел, что ящик сделан из тонких планок, к которым свободно прикреплена тонкая ткань. Объемом ящик был около трех квадратных футов. В центре его находился маленький пьедестал с плоским верхом, и на нем жуткая в мигающем свете свечей голова мальчика лет семи.

— Клянусь богом! — восхитился Кралевски. — Вот это да!

Больше всего меня поразило то, что голова была живая. Это была голова маленького цыганского мальчика, довольно грубо загримированная черным салом под негретенка. Она пристально смотрела на нас и моргала глазами.

— Ты готова отвечать на вопросы? — спросил цыган, с явным удовлетворением глядя на зачарованного Кралевски. Голова облизнула губы и сказала:

- Да, я готова.
- Сколько тебе лет? — спросил цыган.
- За тысячу, — ответила Голова.
- Откуда ты родом?
- Я родом из Африки, меня зовут Нго.

Цыган продолжал монотонно задавать вопросы, и Голова отвечала на них, но меня интересовало не это, а то, как делается трюк. Когда цыган впервые упомянул о Голове, я решил, что она либо вырезана из дерева, либо вылеплена из гипса и говорит за нее чревовещатель, но тут передо мной была живая голова, водруженная на маленький деревянный пьедестал окружностью всего со свечу. Я не сомневался, что Голова живая, ибо ее глаза блуждали из стороны в сторону, когда она машинально отвечала на вопросы, а один раз, когда Павло поднялся и встряхнулся, на ее лице отразился страх.

— Вот видите, — гордо сказал цыган, покончив с вопросами. — Что я вам говорил? Это самая замечательная вещь на свете.

Я спросил, можно ли мне ознакомиться с его устройством поближе. Мне вдруг вспомнилось, что Теодор рассказывал о подобного рода иллюзии, достигаемой с помощью зеркал. И хотя я не видел места, где можно было бы спрятать тело, принадлежащее голове, меня так и подмывало осмотреть стол и ящик.

— Ну конечно, — к моему удивлению, ответил цыган. — Вот, возьми палку. Прошу только об одном: не трогай саму Голову.

Я осторожно, с помощью палки прощупал пространство вокруг пьедестала, пытаясь обнаружить спрятанные зеркала или проволоку, и Голова наблюдала за мной, в ее черных глазах светилась легкая насмешка. Бока ящика несомненно были сделаны только из ткани, а дном служила поверхность стола, на котором он стоял. Я обошел ящик вокруг, но ничего не обнаружил. Я даже залез под стол, но и там ничего не было, и уж во всяком случае места, где можно было бы спрятать тело. Я был совершенно озадачен.

— Ага, — торжествующе сказал цыган. — Ты не ожидал ничего подобного, не так ли? Ты думал, у меня там спрятан мальчишка, не так ли?

Я покорно согласился и попросил рассказать, как это все устроено.

— О нет. Этого я не могу сказать, — ответил цыган. — Это волшебство. Если я скажу, Голова исчезнет в клубе дыма.

Я еще раз осмотрел ящик и стол, но, даже поднеся свечу поближе к предмету своих исследований, не мог разгадать, как это все делается.

— Ладно, — сказал цыган. — Хватит с нас Головы. Поди-ка потанцуй с Павло.

А Он продел крюк в кольцо на наморднике медведя, и Павло встал на задние лапы. Цыган вручил мне палку, затем достал маленькую деревянную флейту и заиграл, и мы с Павло торжественно прошествовали в танце.

— Превосходно, ей-богу, превосходно! — воскликнул Кралевски, восторженно хлопая в ладоши.

Я спросил, не желает ли он потанцевать с Павло, ведь у него такой богатый цирковой опыт.

— Как тебе сказать, — ответил Кралевски. — Вряд ли это разумно. Видишь ли, это животное меня не знает.

— О, он будет вести себя спокойно, — сказал цыган. — Он со всеми ведет себя как ручной.

— Ну что ж, — нехотя сказал Кралевски. — Если вы так уверены. Если вы настаиваете.

Он осторожно взял у меня палку с крючком и стал перед Павло с чрезвычайно опасливым выражением на лице.

— А теперь, — сказал цыган, — танцуйте.

И он заиграл на флейте веселую мелодичную песенку.

Я стоял, зачарованный этим зрелищем. В желтом мигающем свете свечей маленькая сгорбленная фигурка Кралевски и косматая громада медведя отбрасывали тени на стену, кружились и кружились в пируэтках, а Голова, посмеиваясь, наблюдала за ними со своего пьедестала.

СЕРДИТЫЕ БОЧКИ

В конце лета пришла пора убирать виноград. В течение всего года виноградники воспринимаются лишь как часть пейзажа, и только с наступлением поры уборки винограда вспоминается последовательность событий, приведших к ней: виноградники зимой, когда лозы кажутся мертвыми, словно прибитые к берегу хворостины, рядами воткнутые в землю; весенний день, когда впервые замечаешь зеленое сияние на каждой лозе, одетой в нежные, как бы отделанные рюшем листочки. Но вот листья становятся большими и висят на лозах, как зеленые руки, греющиеся на солнце. Затем появляются виноградины — крошечные узелки на ветвистом стебле; постепенно они растут и набухают на солнечном свету, пока не принимают вид яшмовых яиц какого-то диковинного морского чудовища. Вслед за этим наступает пора опрыскивания. Известь и медный купорос доставляют на виноградники в больших бочках, установленных на малень-

ких деревянных тележках, запряженных многотерпеливыми ослами. Опрыскиватели являются в специальных костюмах, в которых они выглядят настоящими инопланетянами: защитные очки и маски, на спине большая канистра, от нее отходит гибкий, как слоновый хобот, резиновый шланг, по которому течет распыряскиваемая жидкость синее неба и моря. Кажется, будто в ней сконцентрировалась синева всего синего в мире. Канистры наполняются, и опрыскиватели движутся по отделанным рюшем виноградникам, покрывая каждый листочек, окутывая каждую гроздь зеленого винограда нежной паутиной ярко-синего цвета. Под этим защитным синим покрывалом гроздья набухают и созревают, и наконец в самые жаркие дни лета они готовы к тому, чтобы их собрали и избавили от обременяющего их сока.

Сбор винограда настолько важное событие, что он, естественно, стал порой хождения по гостям, порой пикников и празднеств, порой, когда наливаешь стакан прошлогоднего вина и, размышляя, неторопливо потягиваешь его.

Нас пригласил присутствовать при винной жатве господин Ставродакис, крохотный, весь в добрых морщинах человечек с лицом как у полумертвой от голода черепахи. Он владел виллой и несколькими большими виноградниками в северной части острова. Этот человек жил ради вина, считал, что важнее вина нет ничего на свете, поэтому его приглашение было обставлено со всей торжественностью, подобающей такому случаю, и принято с равной торжественностью нашей семьей. В своем приглашении, написанном четким каллиграфическим почерком и разукрашенном росчерками и завитушками, отчего оно выглядело как кованый железный узор, говорилось: «Прошу Вас, выберите по своему вкусу друзей, которые, по Вашему мнению, могут получить от этого удовольствия».

— Вот и прекрасно, — сказал Ларри. — Говорят, у него лучший винный погреб на Корфу.

— Ну что ж, полагаю, мы можем поехать, если вы хотите, — сказала мама, однако в голосе ее звучало сомнение.

— Разумеется, хочу, — сказал Ларри. — Подумать только, сколько там вина. Знаете что, мы найдем бензину и устроим пикник.

— Да, да, — оживилась Марго. — У него в поместье замечательный пляж. Мы должны еще поплавать, пока лето не кончилось.

— Можно пригласить Свена, — сказал Ларри. — К тому времени он должен возвратиться. А еще мы можем прихватить Дональда и Макса.

— И Теодора, — сказал Лесли.

Д — Ларри, милый, — сказала мама, — человек всего лишь приглашает нас посмотреть, как давят виноград или что там еще они с ним делают, и мы просто не можем привезти с собой кучу людей.

— В своем приглашении он говорит, чтобы мы взяли с собой всех, кого хотим, — сказал Ларри.

— Да, но не можем же мы нагрязнеть с оравой нахлебников, — сказала мама. — Как этот бедняга прокормит всех нас?

— Ну, это не проблема, — сказал Ларри. — Напиши ему, что мы явимся со своей едой.

— Иными словами, я должна буду сама готовить еду? — спросила мама.

— Глупости, — уклончиво ответил Ларри, — мы просто возьмем с собой несколько отбивных или что-нибудь в этом роде и поджарим их на рашпере над костром.

— Я знаю, что это означает, — сказала мама.

— Ну, ты наверняка сможешь как-нибудь это организовать, — сказал Ларри. — В конце концов, как мне кажется, уж это-то дело самое простое.

— Ну что ж, — нехотя сказала мама, — я переговорю утром со Спиро и посмотрю, что тут можно предпринять.

В результате мама написала господину Ставродакису осторожную записку, в которой извещала, что мы с радостью принимаем его приглашение и захватим с собой нескольких друзей. Мы привезем с собой собственную еду и устроим пикник на пляже. Господин Ставродакис ответил еще одним образчиком каллиграфического письма, в котором сообщал, что он совершенно очарован любезностью, с какой мы приняли его приглашение, и заранее предвкушает наш приезд. При этом он добавлял: «Приезжайте, пожалуйста, не одетыми, по-семейному». Эта фраза немало озадачила нас, поскольку он уже много лет был холостяком, но потом мы сообразили, что это был просто дословный перевод с французского.

В конце концов компания составила. В нее вошли Дональд и Макс, Теодор, Кралевски, Свен, явившийся в самый последний момент из Афин, Спиро и наша семья. В половине седьмого утра мы собрались на провалившихся ступенях лестницы позади королевского дворца в городе, где, приветственно покачиваясь на мелкой ряби, нас поджидала низенькая свежеекрашенная бендзина. Посадка заняла немало времени. Пришлось грузить многочисленные корзины с провизией и вином, кухонную утварь и огромный мамин зонт, без которого она отказывалась путешествовать в летнюю пору. Наконец сияющий Кралевски с поклонами препроводил на борт маму и Марго.

— Тихонько, не споткнитесь. Вот то, что надо! — говорил он, сопровождая их на борт катера с учтивостью венецианского дожа, сажающего в гондолу очередную возлюбленную.

— К счастью, — сказал Теодор, проницательно глядя на безоблачное небо из-под полей своей фетровой шляпы, — к счастью, похоже, что... э-э... м-м... видите ли, день будет погожий. Я рад этому, ибо, как вам известно, я плохо переносу даже малейшее волнение на море.

Всходя на борт, Свен оступился и чуть было не уронил в воду свой драгоценный аккордеон, только длинная рука Макса спасла инструмент от гибели в пучине. Но вот мы все перебрались на катер. Бензину оттолкнули от берега, мотор заработал, и мы поплыли. В жемчужно-белесом утреннем мареве город казался игрушечным городком, построенным из разборных кубиков. Фасады высоких, старинных, понемногу осыпающихся венецианских домов, окрашенных в бледные тона кремового, коричневого, белого и розового, как цикламен, цвета, затушевывались маревом и казались смазанными, как на рисунке пастелью.

— Жизнь на океанской волне! — патетически произнес Кралевски, вдыхая теплый, неподвижный воздух. — Вот то, что надо!

— Хотя море кажется таким спокойным, — заметил Теодор, — на нем, я полагаю, есть легкое, почти неосязаемое волнение.

— Какая чепуха, Теодор, — сказал Ларри. — На такое море положишь ватерпас — и пузырек не шелохнется.

— Муттер чувствуйте себя удобно? — любовно осведомился Макс у мамы.

— О да, милый, спасибо, вполне удобно, — ответила она, — но я немного обеспокоена. Я не уверена, положил ли Спиро чеснок.

— Не беспокойтесь, миссис Даррелл, — сказал Спиро, услышавший ее слова, — я положил все, что вы мне велели.

Свен, с великим тщанием осмотрев аккордеон, дабы убедиться, не поврежден ли он, перекинул ремень через плечо и в порядке эксперимента пробежал пальцами по клавишам.

— Душещипательную матросскую песню — вот что нам надо, — сказал Дональд. — И-хо-хо и бутылка рома.

Я ушел ото всех и, пройдя на нос бензины, улегся там и стал смотреть, как катер разрезает синюю стеклянную поверхность моря. Время от времени перед нами взлетали стайки летучих рыб; переливаясь синими и серебристо-лунными красками на солнце, они вырывались из воды и низко летели над морем подобно летним ласточкам, охотящимся за насекомыми над синей лужайкой.

Д

К восьми утра мы доплыли до места назначения — пляжа длиной в полмили у подножия Пандократора. Оливковые рощи подходили тут к самому морю, отделенные от него лишь широкой полосой гальки. Когда мы приблизились к берегу, мотор выключили, и катер тихонько дрейфовал по инерции. Теперь, когда машина молчала, стал слышен стрекот цикад, гостеприимно приглашающих нас на сушу. Бендзина с тяжелым вздохом впечатала свой нос в камешки на мелководе. Ее владелец, гибкий смуглый парень, прошел от машины на нос, прыгнул с якорем в воду и прочно закрепил его за камни. Затем, нагромоздив кучу ящиков вдоль носа бендзины, он построил некое подобие шаткой лестницы, и мама с Марго в сопровождении Кралевски сошли по ней на сушу. Кралевски изящно кланялся каждой, когда та ступала на гальку, но несколько смазал эффект, по неосторожности отступив назад в воду на глубину шести дюймов и тем непорочно загубив тщательно отглаженную складку своих элегантных брюк. Наконец мы перебрались на берег со всем своим хозяйством и, беспорядочно сбросав его в тени олив, так что это напоминало имущество, спасенное с потерпевшего крушение и поглощенного морской пучиной корабля, направились вверх по косогору к вилле Ставродакиса.

Вилла, представлявшая собой большое квадратное здание блекло-красного цвета с зелеными ставнями, была построена с таким расчетом, чтобы нижний этаж служил вместительным погребом. Вверх по подъездной аллее к вилле с гибкой кошачьей грацией тянулись вереницы девушек-крестьянок с корзинами винограда на головах. Ставродакис, минуя их, выбежал нам навстречу.

— Как любезно с вашей стороны, как любезно! Право же, как любезно! — повторял он, когда мы по очереди представлялись ему.

Он усадил всех нас на веранде под большой ярко-красной ветвью бугенвиллеи и откупорил несколько бутылок своего наилучшего вина. Оно было крепкое и терпкое и светилось тускло-красным светом, словно в наши стаканы лился гранатовый сок. Когда мы подкрепились и слегка захмелели, он, двигаясь легко и быстро, словно черный дружелюбный жук, повел нас в свои погреба.

Погреба были такие обширные, что в их самых темных углах пришлось пользоваться светильниками — плоскими с янтарного цвета маслом, в котором плавали маленькие фитили, дававшие неровный мигающий свет. Каждый погреб был разделен на две части, и Ставродакис повел нас сперва туда, где давили виноград. Здесь в смутном свете над всем неясно вырисовывались три гигантских чана. Один из них наполняла виноградом непре-

рывная череда крестьянок. В двух других работали давилыщики. В углу на перевернутом бочонке сидел седой субтильного сложения старик и с величайшей торжественностью играл на скрипке.

— Это Таки, а это Яни, — сказал Ставродакис, показывая на давилыщиков.

Голова Таки едва виднелась над краем чана, тогда как у Яни были видны еще и плечи.

— Таки давит виноград с прошлой ночи, — сказал Ставродакис, с беспокойством поглядывая на маму и Марго, — так что, боюсь, он немного захмелел.

И впрямь даже там, где мы стояли, явственно ощущались пьянящие пары, исходившие от давленного винограда, а в теплой глубине чана их концентрация была, вероятно, втрое выше. Снизу из чана неочищенное молодое вино сочилось в лохань, где оно парило с ключьями пены на поверхности, розовыми, как цветок миндаля. Отсюда его сифонами разливали по бочкам.

— Вы видите конец сбора, — объяснял Ставродакис. — Это остатки красного винограда. Он растет в небольшом винограднике высоко в горах и дает, осмелюсь полагать, одно из лучших вин Корфу.

Таки на мгновение перестал танцевать джигу на винограде, перекинул руки через край чана и повис на нем, словно пьяная ласточка на гнезде; его руки были по локоть окрашены вином и сплошь покрыты коркой из виноградной кожуры и косточек.

— Мне пора выходить, — заплетаящимся языком сказал он, — не то я буду мертвецки пьян.

— Да, да, через минуту, мой Таки, — сказал Ставродакис, беспокойно оглядываясь вокруг. — Через минуту придет Костос и сменит тебя.

— Должен же человек справить малую нужду, — удрученно объяснил Таки. — Человек не может работать, не справив малую нужду.

Старик, сидевший на бочке, положил свою скрипку и, вероятно в виде компенсации, протянул Таки большой ломоть простого хлеба, на который тот накинута с волчьей жадностью.

Тем временем Теодор читал Свену сугубо научную лекцию по виноградарству, указывая тростью на давилыщиков и на бочки, словно на музейные экспонаты.

— Кто это утонул в бочке мальвазия? — спросил Макс у Ларри.

— Один из мало-мальски благоразумных героев Шекспира, — ответил Ларри.

Д — Помнится, однажды я повел Леди по одному из самых больших погребов во Франции, — обращаясь к Дональду, сказал Кралевски. — На полпути я ощутил какое-то беспокойство. У меня было предчувствие беды, и я вывел Леди из погреба. Представьте, в этот момент четырнадцать бочонков вина взорвались с грохотом, как из пушек...

— Здесь, как вы видите, мы давим виноград, — сказал Ставродакис. — А теперь, если вы соизволите пойти за мной, я покажу вам, где хранится вино.

Он провел нас по сводчатому проходу в другую сумрачную часть погреба. Здесь ряд за рядом лежали на боку бочки и царил невероятный шум. Сначала я подумал, что он исходит снаружи, но потом понял, что от бочек. Вино бродило в их бурых утробах, и бочки урчали, пищали и ворчали друг на друга, совсем как рассерженная толпа людей. В этом было что-то завораживающее и вместе с тем чуточку устрашающее. Казалось, в каждой бочке заключен страшный демон, изрыгающий непонятные ругательства.

— Крестьяне утверждают, — с каким-то мрачным наслаждением заметил Теодор, слегка постукивая тростью по одной из бочек, — крестьяне утверждают, что такие звуки издает утопающий.

— Мальвазий! — возбужденно воскликнул Макс. — Бочки и бочки мальвазий! Ларри, мы утопимся вместе.

— Утопимся, — поправил Дональд.

— Все это в высшей степени интересно, — лицемерно сказала Ставродакису мама, — но, если вы не возражаете, мы с Марго, пожалуй, вернемся на пляж и позаботимся о завтраке.

— Интересно, какую силу вино порождает там внутри, — произнес Лесли, задумчиво оглядывая бочки. — Я хочу сказать, если оно порождает силу, достаточную для того, чтобы вытолкнуть затычку, с какой мощностью оно это делает?

— С весьма значительной, — отозвался Теодор. — Помнится, я однажды видел, как человека тяжело покалечило затычкой, вылетевшей из бочки. — И словно для того, чтобы продемонстрировать это, он с силой ударил тростью по бочке, так что все мы подпрыгнули.

— Да, конечно, если вы не возражаете, — нервно сказала мама, — мы с Марго, пожалуй, пойдем.

— Но все остальные, все остальные поднимутся наверх и отведают вина? — взмолился Ставродакис.

— Ну, разумеется, — сказал Ларри таким тоном, словно оказывал ему услугу.

— Мальвазий! — сказал Макс, в экстазе закатывая глаза. — Мы отве-
дйит мальвазий!

Мама и Марго ушли на пляж, чтобы помочь Спиро собрать завтрак, а Ставродакис, суетясь, торопливо повел нас обратно на веранду и так накачивал вином, что к тому времени, когда пора было отправляться на пляж, мы размякли, разгорячились и покраснелись.

— Мне снилось, — распевал Макс, пока мы шли через оливковые рощи, захватив с собой к завтраку обрадованного Ставродакиса, — мне снилось, что я живу в мраморных залах, а все корабли и лужайки бок о бок со мной.

— Он нарочно дразнит меня, — пожаловался Дональд Теодору. — Он отлично знает эту песню.

Под деревьями на берегу моря были разложены три костра из древесных углей. Они пылали жаром, вздрагивали и чуть дымили, а над ними трещало и шипело самое разнообразное съестное. Марго расстелила в тени большую скатерть и раскладывала на ней столовые приборы, расставляла стаканы и фальшиво напевала про себя, меж тем как мама и Спиро, присев, словно ведьмы, над кострами, умащали шипящую коричневую тушку козленка маслом и чесноком и орошали лимонным соком большую рыбину, кожа которой лопалась пузырьками и соблазнительно завивалась.

Растянувшись во весь рост вокруг яркой скатерти, на которой светились стаканы с вином, мы неторопливо поглощали завтрак. Козлятина была жирная и сочная, вся пронизанная пряными травами, а куски рыбы таяли во рту, как снежинки. Разговор тянулся медленно, то разгораясь, то снова лениво опадая, как дым костров.

— Вы должны быть влюблены в камень, — торжественно изрек Свен. — Вы видите десятки камней. Вы говорите: «Тьфу! Это не для меня». Но вот перед вами камень, изящный и элегантный, и вы влюбляетесь в него. Он как женщина. Но потом следует женитьба, и это может быть ужасно. Вы боретесь с ним и обнаруживаете, что камень твердый. Вы впадаете в отчаяние, и вдруг он, как воск, тает в ваших руках, и вы создаете форму.

— Помните, — сказал Теодор, — Берленкур — вы знаете, это тот французский художник, что живет в Палеокастрице, — пригласил меня взглянуть на его работы. Он сказал... э-э... понимаете ли, совершенно недвусмысленно: «Приходите взглянуть на мои картины». Я пришел к нему как-то днем, и он встретил меня чрезвычайно радушно. Он напоил меня... э-э... понимаете ли, чаем с маленькими пирожными, и затем я сказал, что хотел бы взглянуть на его картины, и он указал на большое полотно, стоя-

Д щее на... м-м... как называется эта штука, которой пользуются художники? Ах да, мольберт. Право, это была вполне приличная картина. На ней был изображен залив у Палеокастрицы и монастырь, но, когда я выразил свое восхищение ею и огляделся, чтобы взглянуть на другие его работы, я не обнаружил ни одной. Тогда я... э-э... спросил его, где же остальные его картины, и он указал на мольберт и сказал... э-э... что они «там, под этой». Мне подумалось, что у него просто не было денег, чтобы покупать полотно, и поэтому он писал одну картину на другой.

— Страдание — удел великих художников, — мрачно заметил Свен.

— Когда настанет зима, я возьму вас с собой на болота Бутринто, — с воодушевлением сказал Лесли. — Там пропасть уток и чудовищно огромные дикие кабаны на холмах.

— Утки я люблю, но вот дикие кабан, пожалуй, чуточку велик для меня, — сказал Макс с убежденностью человека, знающего пределы своих возможностей.

— Не думаю, чтобы от Макса была особая польза, — сказал Дональд. — В критический момент он, вероятно, попросту смоемся. Ведь он иностранец.

— А уж потом, — сказала мама, обращаясь к Кралевски, — вы кладете лавровый лист и щавель *до того*, как суп закипит.

— Вот я и говорю ему, мисс Марго, плевать мне на то, говорю я, что он французский посол, все равно он ублюдок.

— Тогда на краю болот — правда, идти тяжеловато, потому что почва вязкая, — можно добыть вальдшнепа и бекаса.

— Как-то раз я побывал в одной деревне в Македонии, там вырезают очень любопытные... гм... скульптуры из дерева.

— Одно время я знал молодую женщину, которая готовила суп не с лавровым листом, а со щепоткой мяты.

Был самый жаркий час дня, когда даже цикады, казалось, стрекочут тише и с запинками. Черные муравьи деловито сновали по скатерти, подбирая крошки съестного. Слепень, с глазами как два злых блестящих изумруда, на мгновение сел на бороду Теодора и с жужжанием улетел прочь.

Отяжелев от съеденной пищи и выпитого вина, я медленно поднялся и пошел вниз к морю.

— А временами, — донесся до меня голос Ставродакиса, разговаривавшего с Марго, — временами бочки прямо-таки кричат. Они поднимают такой шум, будто дерутся. Тогда я держу ухо востро.

— Ой, не надо, — содрогаясь, сказала Марго. — У меня мурашки по спине бегают, стоит мне подумать об этом.

Море лежало тихое и теплое, словно оцепенело, только у самой кромки воды подернутое мельчайшей зыбью. Галька хрустела и пересыпалась, обжигая мои босые ноги. Камни побольше и мелкие камушки на этом пляже, отполированные волнами и легким трением друг о друга, были необыкновенно разнообразны по виду и цвету. Их словно изваяли в миллионе форм: тут встречались наконечники стрел, серпы, петушки, лошади, драконы, морские звезды. Расцветки были не менее причудливы, чем формы, ибо они были смоделированы соками земли миллионы лет назад и теперь их узоры шлифовало и полировало море. Здесь можно было найти камушки белые с золотой или красной филигранью; кроваво-красные с белыми крапинками; зеленые; синие; бледные желтовато-коричневые; коричневые, как куриное яйцо, с глубоким ржаво-красным рисунком наподобие папоротника; розовые, как неон, с белыми египетскими иероглифами, заключающими в себе таинственное, не поддающееся расшифровке сообщение. Весь пляж казался огромной сокровищницей драгоценных камней, лежащей у кромки воды.

Я забрел на теплую отмель, нырнул и поплыл в море, к более прохладной воде. Здесь, если задержать дыхание и погрузиться на дно, мягкое бархатистое покрывало моря моментально оглушало тебя, закладывало уши. Затем через некоторое время они настраивались на подводную симфонию. Становились слышны отдаленный пульсирующий звук судовой машины, мягкий, как биение сердца; легкий шепот песка, который перемешивало и перемещало движение моря, и громче всего благозвучное перекачивание гальки у самого берега. Чтобы услышать, как обрабатывает море свой богатый запас камушков, любовно шлифуя и полируя их, я вернулся с глубоководья на отмель. Там я устроился поудобнее, набрав полную горсть разноцветных камней, а затем, окунув голову в воду, стал слушать, как поет берег под нежным прикосновением маленьких волн. Если бы грецкие орехи умели петь, подумалось мне, они бы звучали вот так же. Хруст, треньканье, писк, бормотание, покашливание (сменявшиеся тишиной, когда волна откатывалась); со следующей волной все повторялось в новом ключе. Море играло с берегом, как на музыкальном инструменте. Некоторое время я в полудреме лежал на теплой отмели, потом, чуть не засыпая на ходу, направился к оливковой роще.

Улегшись где попало, все спали вокруг остатков пиршества. На всем лежала печать опустошения, как после какой-то ужасной битвы. Я свернулся калачиком среди спасительных корней большой оливы и тоже погрузился в сон.

Д

Проснулся я от легкого звяканья чашек — это мама и Марго раскладывали на скатерти чайную посуду. Спиро, олицетворение сосредоточенности, размышлял над пышущими жаром угольями, на которые он поставил чайник. Я сонно наблюдал, как чайник приподнял крышку и бодро помахал ею, шипя паром. Спиро схватил чайник своей огромной ручищей и наполнил кипятком чайник для заварки, а затем, повернувшись, бросил грозный взгляд на наши неподвижные тела.

— Чай! — громогласно объявил он. — Чай готов!

Все вздрогнули и проснулись.

— Господи боже! Тебе обязательно надо так рывкать, Спиро? — жалобно посетовал Ларри невнятным со сна голосом.

— Чай, — просыпаясь и оглядываясь вокруг, сказал Кралевски с видом взъерошенного мотылька. — Чай, клянусь богом. Превосходно. Вот то, что надо.

— Господи, как болит голова, — пожаловался Лесли. — Это, должно быть, от того вина. Ну и забористое же.

— Да, я тоже чувствую себя чуток раскисшим, — зевая и потягиваясь, сказал Ларри.

— А я чувствую себя как утонувший, — уверенно сказал Макс. — Утонувший в мальвазий и вернутый к жизни искусственным воздыханий.

— Ты и впредь намерен уродовать английский язык? — раздраженно спросил Дональд. — Видит бог, достаточно того, что это делают тысячи англичан, а тут еще вы, иностранцы, помогаете.

— Помнится, я где-то читал, — начал Теодор, который проснулся мгновенно, как кошка, и, хотя спал, как все, выглядел безукоризненно, словно и не спал вовсе. — Помнится, я где-то читал о племени в горах Цейлона, которое говорит на никому не понятном языке. Я хочу сказать, даже опытные лингвисты не могут его понять.

— Похоже, это что-то вроде английского, на котором говорит Макс, — сказал Дональд.

Благодаря чаю, гренкам с маслом, соленому печеню, сэндвичам с кресс-салатом и огромному фруктовому торту, такому сочному и ароматному, рассыпчатому, как глина, мы оживились. Вскоре мы сошли к морю и плавали в теплой воде до тех пор, пока не зашло солнце и тень горы не надвинулась на пляж, отчего он сразу стал казаться холодным, лишенным красок. Тогда мы вернулись на виллу Ставродакиса и, усевшись под бутенвиллеей, смотрели, как краски заката расплываются и смешиваются над морем. Распроставшись со Ставродакисом, который настоял на том, чтобы мы взяли с собой дюжину больших кувшинов его лучшего вина в память о нашем визите, мы направились к бензине.

Подходя ближе к морю, мы вышли из тени горы на теплый свет солнца, которое горело кроваво-красным, заходя за громаду Пандократора, и бросало мерцающие блики на воду подобно охваченному пламенем кипарису. Окрашив несколько крохотных облачков в розовый и винно-желтый, солнце нырнуло за гору, и небо из синего стало бледно-зеленым, а гладкая поверхность моря на какой-то момент приняла все волшебные тона огненного опала. Судовая машина размеренно стучала, и мы постепенно приближались к городу, оставляя за собой белое кружево кильватерной струи. Свен тихо заиграл вступление к «Миндальному дереву», и все запели.

Цветущий миндаль покачнула она
Своею лилейной рукой,
И белых как снег лепестков пелена
Покрыла ее с головой.

Голос Спиро, низкий, звучный и бархатистый, удивительно гармонировал с приятным баритоном Теодора и тенором Ларри. Две летучие рыбы выскочили из синей пучины под самым носом судна, низко пронеслись над водой и растворились в морских сумерках.

Смеркалось, и теперь мы могли видеть едва заметное фосфоресцирующее свечение воды, по которой скользил нос судна. Темное вино с приятным бульканьем лилось из глиняных кувшинов в стаканы — красное вино, которое в прошлом году рычало про себя в бурых бочках. Легкий ветерок, теплый и мягкий, как лапа котенка, овеивал катер. Кралеvски, запрокинув голову, с глазами, полными слез, пел, обратясь к бархатисто-синему небу, вздрагивающему звездами. Вода шуршала о борта судна подобно тому, как зимние листья, вздымаемые ветром, нежно трутся о стволы деревьев, давших им жизнь.

И видя на ней этот снежный наряд,
Я к милой своей подбежал.
— Смести лепестки с черных прядей был рад, —
Целуя ее, я сказал.
— Смести лепестки с черных прядей был рад, —
Целуя ее, я сказал.

Далеко в проливе между Корфу и материком темнота была испещрена и оттенена огнями рыболовных судов. Казалось, в море упала малая толика Млечного Пути. Луна медленно карабкалась по щиту Албанских гор; вначале красная, потом желтого и, наконец, белого цвета. Крохотные всплески моря под ветром мерцали тысячами рыбьих чешуек.

Теплый воздух, вино и меланхолическая красота ночи наполняли мое сердце сладостной печалью. Всегда будет так, думалось мне. Сверкающий

Д приветливый остров, полный тайн, мои родные и мои животные вокруг меня и, конечно, наши друзья. Теодор — его голова и его борода силуэтом вырисовывались на фоне луны, недоставало только рогов, чтобы он выглядел совсем как Пан; Кралевски, теперь уже рыдающий без стеснения, словно черный гном, оплакивающий свое изгнание из волшебной страны; Спиро, с насупленным смуглым лицом и звучным трепетным голосом, напоминающим жужжание множества летних пчел; Дональд и Макс, которые, хмурясь, стараются припомнить слова песни и одновременно попасть в тон; Свен, словно большой неуклюжий белый младенец, нежно выжимающий из своего нескладного инструмента ручеек задушевной музыки.

Глупышка, украситься снегом стократ
Успеет еще эта прядь.
Суров и уныл зимних дней долгий ряд.
Не смей его предвосхищать!
Суров и уныл зимних дней долгий ряд.
Не смей его предвосхищать!

Теперь, думал я, мы мало-помалу вползаем в зиму, но скоро опять на ступит весна, чистая, сверкающая, яркая, как щегол; а потом настанет лето, долгие, жаркие, желтые, как нарцисс, дни.

Глупышка, украситься снегом стократ
Успеет еще эта прядь.
Суров и уныл зимних дней долгий ряд.
Не смей его предвосхищать!
Суров и уныл зимних дней долгий ряд.
Не смей его предвосхищать!

Убаюканный вином и равномерным стуком мотора, убаюканный теплой ночью и пением, я заснул, а судно все несло нас по теплой гладкой воде обратно к нашему острову и чудесным дням, которым не суждено было на ступить.

ЭПИЛОГ

Корфу имеет для меня столь большое значение, что потеря его нанесет роковой удар по моим планам.

Помните: при нынешнем состоянии Европы самое большое несчастье, какое может постигнуть меня, — это потеря Корфу.

Наполеон

ПЕРЕПИСКА

ПИСЬМО

Дорогая миссис Даррелл!

Похоже, войны уже не избежать, и, по-моему, Вы поступили благоразумно, покинув Корфу. Остается только надеяться, что все мы можем встретиться в лучшие времена, когда человечество образумится. С нетерпением жду этого.

В случае, если Вы пожелаете связаться со мной, мой адрес: Афины, Ионический банк, для передачи мне.

Желаю Вам и всем Вашим близким наилучших успехов в будущем.

С любовью ко всем вам
Ваш Теодор

ОТКРЫТКА

Мама!

Я перебрался в Афины, так что поддерживай со мной связь. Город чудесен. Акрополь как розовая плоть на солнце. Отослал вам свои вещи. В чемодане, помеченном № 3, ты найдешь книгу под заглавием «Анализ творчества Марлоу». Не пришлешь ли ее мне? Здесь все носят стальные шлемы и пахнет войной. Покупаю себе большое копье.

С любовью
Ларри

ПИСЬМО

Дорогая мама!

Все мои туристские чеки стибрил один треклятый итальянец. Меня чуть было не арестовали, когда я дал ему по физиономии. То и дело попадаются шулера!

Не можешь ли ты выслать мне немного денег в Милан по адресу: Платца де Континна, отель «Магнифика»? Скоро буду дома. Не тревожься.

С любовью
Лес

P.S. Пахнет войной, не так ли?

ПИСЬМО

Д

Милая мамочка!

Пишу тебе наспех. Я отплываю на пароходе в понедельник и рассчитываю быть в Англии недели через три.

Обстановка здесь беспокойная, но чего еще можно ожидать? Дождей нет, зато идет снег. По-моему, немцы ведут себя просто безобразно. Будь моя воля, я бы сказала им об этом.

Вскоре мы увидимся.

Любящая тебя
Марго

P.S. Вкладываю письмо от Спиро. В высшей степени странное.

ПИСЬМО

Дорогая мисс Марго!

Сообщаю вам, что объявлена война. Никому ни гугу.

Спиро

ПОЙМАЙТЕ МНЕ
КОЛОБУСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧИСТИМ-БЛИСТИМ

Уважаемый мистер Даррелл, меня давно занимают кенгуровые сумки...

Встреча с зоопарком после очередной зарубежной экспедиции для меня всегда волнующее событие. Увидеть новые клетки, которые я представлял себе только по чертежам, новых животных, узнать о счастливых родах, услышать нестройный приветственный хор шимпанзе и голоса прочих животных, которые радуются, что я вернулся... Словом, обычно возвращение складывается очень приятно и интересно.

Но на этот раз, после довольно долгого путешествия по Австралии, Новой Зеландии и Малайзии, я с ужасом обнаружил, что мой драгоценный зоопарк выглядит жалким и запущенным. А тут еще выяснилось, что мы на грани банкротства. Меня будто обухом по голове ударили — столько трудов и денег вложено, и вот на тебе! Вместо того чтобы отдыхать после напряженной поездки, надо было срочно придумывать, как спасти зоопарк.

Первым делом, естественно, я взял в свои руки бразды правления, а пост заместителя директора предложил Джереми Молинсону, работающему в зоопарке со дня его основания. Я знал Джереми как человека безупречной честности, знал также, что он горячо любит животных. К тому же он поработал во всех отделах и хорошо представлял себе наши проблемы. Получив его согласие, я облегченно вздохнул.

После этого я созвал руководителей отделов и объяснил, как обстоят наши дела. Сказал, что над зоопарком нависла серьезная угроза, но, если они согласны остаться и засучив рукава работать за гроши, есть надежда

Д

выбраться из трясины. Все они — честь им и хвала! — согласились. Теперь я хоть знал, что животным обеспечен хороший уход и с ними ничего не случится.

Далее, надо было подобрать толкового секретаря, а это оказалось не так-то просто. Я дал объявление в газету, указав, что требуется знание стенографии, машинописи и, самое главное, бухгалтерии. К моему удивлению, кандидаты повалили валом. Однако, знакомясь с ними, я убедился, что половина претендентов не в ладах с элементарной арифметикой и большинство никогда не видели пишущей машинки. Один молодой человек прямо сказал, что отозвался на мое объявление, рассчитывая приобрести нужную квалификацию по ходу дела.

Побеседовав с двумя десятками таких недоумков, я уже начал отчаиваться. Но тут настала очередь Кэт Уэллер. В мой кабинет танцующей походкой вошла пухлая маленькая особа с живыми зелеными глазами и добродушной улыбкой. Она объяснила, что ее мужа перевели из Лондона на Джерси и ей пришлось расстаться с местом, на котором она проработала семнадцать лет. Ну конечно, она знает счетоводство, стенографию и машинопись. Я поглядел на Джеки, Джеки поглядела на меня. Чутье подсказывало нам, что случилось чудо: мы нашли то, что нужно. Через несколько дней Кэт Уэллер приступила к работе и принялась разгребать завал, образовавшийся в делах за мое отсутствие.

В то время на зоопарке висело две задолженности. Одна — двадцать тысяч фунтов, которые были вложены в строительство и оборудование; вторая — четырнадцать тысяч, эту сумму составили перерасходы и текущие долги. Естественно, следующей моей задачей — весьма нелегкой — было раздобыть достаточно средств, чтобы свести концы с концами и не дать погибнуть зоопарку. На это ушло немало времени. И все это время Джереми, еще не освоившийся с новой должностью, приходил ко мне советоваться насчет животных, а Кэт требовала консультации по непривычным для нее финансовым проблемам. Вынужденный решать все вопросы и одновременно ломать голову над тем, как спасти зоопарк, я впал в такую мрачность, что в конце концов Джеки, как я ни упирался, пригласила нашего врача.

— Да ничем я не болен, — твердил я. — Просто забот много. Сделай мне какой-нибудь укол, чтобы сил прибавилось.

— У меня есть средство получше, — ответил Майк. — Ты получишь таблетки.

И он прописал мне какие-то жуткие на вид пилюли, приказав принимать по одной в день. Ни Майк, ни я не подозревали, что тем самым он

внес огромный вклад в спасение зоопарка. Сейчас объясню, каким образом.

К числу наших давних и самых близких друзей на Джерси принадлежали Хоуп и Джимми Плет. Джимми большую часть времени находился в Лондоне, но Хоуп была частым гостем зоопарка и заходила к нам выпить рюмочку. И так совпало, что она навестила нас в тот самый вечер, когда я по ошибке вместо одной пилюли транквилизатора принял две и сильно смахивал на человека, находящегося в последней стадии опьянения. Сто килограммов веса придают Хоуп внушительный вид, и она неодобрительно смотрела, как я иду ей навстречу, путаясь в собственных ногах.

— Что это с тобой? — властно спросила она. — Перебрал?

— Какое там, — ответил я. — Если бы! Эти проклятые транквилизаторы... Я принял две таблетки вместо одной.

— Транквилизаторы? — В ее голосе звучало недоверие. — С чего это они тебе понадобились?

— Присядь, я налью тебе рюмочку и все расскажу, — предложил я.

Около часа я изливал ей душу. Выслушав меня, Хоуп оторвала от кресла свои килограммы и выпрямилась во весь рост.

— С этим будет живо покончено, — твердо произнесла она. — Чтобы ты, в твои годы, глотал транквилизаторы! Я этого не допущу, немедленно переговорю с Джимми.

— Ну вот, еще и Джимми в это втягивать... — начал я.

— Слушай, что мамочка говорит, — оборвала меня Хоуп. — Я потолкую с Джимми.

Сказано — сделано, и вот уже мне звонит Джимми: не могу ли я захватить и ввести его в курс дела? Я заехал к нему и рассказал о своем замысле — как только зоопарк станет самоокупаемым, превратить его в коммерческое предприятие, учредив своего рода трест. Но с такой огромной задолженностью ни о каком тресте не может быть и речи... Джимми вполне разделял мое мнение.

— Что ж, — произнес он поразмыслив, — я вижу только один выход: обратиться с призывом к общественности. Для начала ты получишь от меня две тысячи фунтов на самые неотложные расходы. Кроме того, запиши еще две тысячи в подписной лист, чтобы поощрить других. Если воззвание поможет, можно будет двигаться дальше.

Сказать, что я был потрясен, — значит ничего не сказать. Я возвращался домой словно в забытии. Кажется, зоопарк все-таки удастся спасти!

Напечатать воззвание не так просто, как вы думаете. И не всякое воззвание венчается успехом. Но у нас был верный союзник — местная газета

Д

«Ивнинг пост»; она очень лестно охарактеризовала то, что нами уже сделано, и объяснила, что предстоит выполнить. Итак, наше воззвание получило ход, и в поразительно короткий срок мы собрали двенадцать тысяч фунтов. Больше всего меня тронули два взноса: пять шиллингов от одного мальчугана, который явно пожертвовал всем своим наличным капиталом, и пять фунтов от служащих Джерсийского зоопарка.

Полученные двенадцать тысяч фунтов должны были составить оборотный капитал треста, тратить их на текущие нужды мы не могли. Но хитроумный план Джимми предусматривал решение и этой проблемы. Оба мы отлично понимали, что нельзя учредить трест, пока не покрыта изначальная задолженность. А когда это будет сделано, двенадцать тысяч составят неплохой капитал, с которого можно начать, хотя он и недостаточен для основательного расширения и перестройки зоопарка.

Вот почему я обязался уплатить из предстоящих гонораров двадцать тысяч фунтов банку, который весь извелся от тревоги за свои деньги, и передать зоопарк со всем его имуществом тресту. В итоге на свет появился Джерсийский трест охраны диких животных; он стал официальным владельцем, а я занял пост почетного директора треста и зоопарка. В руководящий орган треста вошли сочувствующие нашим целям деятели; лорд Джерси согласился стать председателем Совета. Своей эмблемой мы избрали дронта — огромную нелетающую голубеобразную птицу, которая некогда обитала на острове Маврикий, но была истреблена, как только остров открыли европейцы. Печальный пример того, как неразумные и жадные люди способны в удивительно короткий срок стереть с лица Земли тот или иной вид фауны.

Однако наши трудности на этом не кончились; положение оставалось весьма напряженным. Втайне от Хоуп Плет я по-прежнему глотал транквилизаторы, ведь мне, кроме всего прочего, предстояло написать книгу — задача, за которую я всегда берусь с превеликим отвращением. Но теперь надо мной висел дамоклов меч: только пером мог я заработать нужную сумму для расплаты с банком.

Книга получила название «Поместье-зверинец», в ней я объяснил, ради чего устроил зоопарк и почему через некоторое время решил создать трест.

Учредить трест оказалось сложнее, чем я ожидал. Возникло множество проблем, начиная от размера взносов (завысишь — люди не смогут вступать в трест, занизишь — от взносов не будет проку) и кончая такими деталями, как подготовка и распространение брошюр, разъясняющих наши цели и задачи. По мере выхода моих книг я получал немало писем, на каждое из них мы отвечали, а копии ответов хранились в архиве. Теперь всем

нашим корреспондентам мы разослали брошюры с бланком вступительного заявления. К моей великой радости, подавляющее большинство тотчас вступило в трест. Тут подоспела книга «Поместье-зверинец», в которой я приглашал читателей вступать в трест. На счастье, она имела успех, и нашлись желающие пополнить наши ряды. Число членов треста во всех концах света возросло до семисот пятидесяти. Меня особенно воодушевляло, что жители таких далеких стран, как Австралия и США, поддерживают начинание, плоды которого им, быть может, не придется узреть.

Хотя судьба зоопарка по-прежнему висела на волоске, на горизонте маячили первые признаки успеха, и мы трудились как черти. Сказать, что в конце рабочего дня мы были совершенно измотаны, — значит ничего не сказать. Именно в это время на меня обрушилась лавина телефонных звонков, причем раздавались они в самое неподходящее время. Какая-то женщина из Торки в графстве Девоншир позвонила мне в разгар ленча, чтобы выяснить, как поступить с яйцами, которые только что отложила ее черепаха. Владелице травяного попугайчика понадобилось узнать, как подстричь когти ее любимцу... Но окончательно доконал меня звонок, раздавшийся в одиннадцать часов вечера, когда я дремал у камина. Междугородная сообщила, что меня вызывает Шотландия, некий лорд Макдугал. Наивно заключив, что его милость вознамерился пожертвовать внушительную сумму тресту, я попросил телефонистку соединить нас. И с первых же слов моего собеседника понял, что он чересчур рьяно припадает к источнику, из которого многие черпают премудрость и красноречие.

— Эт-та Даррелл? — осведомился он.

— Да, — ответил я.

— Яшно... Так вот, во вшей Англии только вы можете мне помочь. У меня тут птица.

Я подавил стон: еще один травяной попугайчик...

— Я владелец... шудовладелец...

Чувствовалось, что своим языком его милость владеет плохо.

— И на один из моих пароходов залетела эт-та... эт-та птица, и капитан шечаш доштавил ее мне. Так вот... Вы можете ей помочь?

— Ну а что это за птица? — спросил я.

— Маленькая такая пичужка...

Не очень-то полная зоологическая характеристика.

— Вы не можете описать ее — размеры, окраска?

— Ну... она шовшем маленькая... б-буроватая, да... ш б-белой грудкой. Ножки шовшем крохотные... малююшенькие... Даже удивительно, какие крохотные...

Д — Видимо, это качурка, — предположил я. — Они нередко залетают на палубы судов.

— Я шечаш же зафрахтую поезд и а-атправлю ее вам, ешли вы можете ее шпашти, — разошелся сиятельный судовладелец.

Я принялся втолковывать ему, что это бесполезно. Качурки большую часть жизни проводят над морскими просторами, кормясь мелкими организмами, и содержать их в неволе почти невозможно. И вообще, даже если он отправит мне пичугу, она вряд ли перенесет путешествие.

— Рашходы меня не путают, — твердил его милость.

В эту минуту кто-то отнял у него трубку, и я услышал чрезвычайно аристократический девичий голос:

— Мистер Даррелл?

— Да.

— Я должна извиниться за папу. Боюсь, он немножко не в форме. Ради бога, не обижайтесь.

Тут же ее перебил голос лорда.

— Вше, что угодно, — настаивал он. — Гоночная машина... шамолет... только шкажите...

— Боюсь, даже если вы сумеете ее доставить, я все равно ничего не смогу сделать, — сказал я.

— Передаю трубку моему капитану, он вше объяснит.

— Добрый вечер, сэр, — произнес суровый голос с шотландским акцентом.

— Добрый вечер.

— Так, по-вашему, это качурка? — спросил капитан.

— Да, скорее всего. Так или иначе, все, что можно сделать, — это поддержать птицу до утра в тепле, в темной комнате, а потом отправить на какой-нибудь из ваших пароходов. Как только пароход отойдет достаточно далеко в море — скажем, на две-три мили, — птицу можно выпускать.

— Понятно. Вы уж извините, что мы побеспокоили вас так поздно, но его милость настаивал на этом.

— Ну конечно, я... гм... я все понимаю.

— Дело в том, — продолжал шотландец, — что у его милости очень доброе сердце и он очень любит птиц, но сегодня вечером он немножко не в форме.

— Я так и понял, — ответил я. — Завидую его состоянию.

— Гм... так точно... Ну... что ж, сэр, пожелаю вам спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил я и положил трубку.

— Что там такое приключилось? — нетерпеливо спросила Джеки.

— Какой-то пьяный лорд звонил, хотел прислать мне качурку, — объяснил я, опускаясь в кресло.

— Ну, знаешь! — возмутилась она. — Все, хватит, пусть нам дадут секретный номер.

Мы получили секретный номер, и с тех пор лавина бестолковых звонков, слава богу, схлынула.

На другое утро я рассказал о случившемся Кэт; она выслушала меня с сочувственной улыбкой и спросила:

— А ты слышал про Джереми и крота?

— Нет, а что?

Вот что рассказала Кэт.

Джереми вез на грузовике мусор после уборки в Доме млекопитающих. На его пути были две высокие арки, и перед второй аркой он увидел ползущего по дорожке крота. Джереми круто затормозил, вылез из грузовика и стал подкрадываться к кроту, чтобы поймать его и отнести в поле, подальше от грозящих опасностей. Подойдя вплотную, он увидел, во-первых, что крот мертв и, во-вторых, что к нему привязана бечевка, которую кто-то потихоньку тянет. Следуя за бечевкой, Джереми обнаружил на другом конце весь персонал отдела пернатых в лице Шеп Мэлита.

Надо сказать, что Шеп уже давно не устраивал розыгрышей, и в этом случае я усмотрел хороший признак, свидетельство того, что подавленное, мрачное настроение, которое я застал в зоопарке, когда вернулся из экспедиции, сменилось надеждой и воодушевлением.

Однако, как ни нуждались мы тогда в надежде и воодушевлении, без денег от них было мало проку. Наши клетки служили уже пять лет, и требовались наличные, чтобы капитально отремонтировать их, причем не как-нибудь, а по генеральному плану. Мы чуть не каждый день ставили подпорки, хотя на самом деле пришла пора ломать старые клетки и заменять их новыми. Птицы и мелкие млекопитающие еще могли подождать, но для более крупных и опасных животных надо было принимать экстренные меры. Хоуп и Джимми помогли мне создать трест, однако мы по-прежнему остро ощущали нехватку в деньгах, особенно на клетки для тех животных, которые, вырвавшись на волю, могли бы представить смертельную угрозу для окружающих.

Уповая на доброту посетителей, мы повесили копилку и лист бумаги с коротеньким рассказом о целях и задачах треста в том конце Дома млекопитающих, где размещались гориллы. И, надо сказать, копилка постепенно наполнялась.

Однажды, когда служащие разошлись на второй завтрак, я направился в Дом млекопитающих, чтобы провести мартышку, которая, по нашим

Д предположениям, ожидала потомство, и с ужасом обнаружил, что дверь клетки орангутанов распахнута и еле держится на петлях. Я ринулся туда: к счастью, оба орангутана оказались на месте. Судя по всему, старший из них, Оскар, подобрал какое-то орудие, взломал им дверь и обследовал Дом млекопитающих. Среди заинтересовавших его предметов только один удалось легко отделить от стены и унести с собой как сувенир — это была копилка Джерсийского треста охраны диких животных. Внутри копилки что-то гремело, и Оскар принялся ее трясти, но из щели ничего не высыпалось. Тогда он расковырял замок маленькой дверцы сзади. И когда я прибыл на место происшествия, Оскар восседал на гряде монет разного достоинства. Он был крайне возмущен, когда я вошел в клетку, забрал у него копилку и принялся собирать монеты. Моя задача отчасти осложнялась тем, что я не знал, сколько денег было в копилке. Во всяком случае не мешает хорошенько порыться в соломенной подстилке... Тут я поглядел на пухлую рожицу Оскара и заметил, что его щеки оттопыриваются сильнее, чем обычно.

— Оскар, — строго произнес я, — у тебя во рту что-то есть. Ну-ка отдай.

Я протянул руку, и орангутан с величайшей неохотой выплюнул мне на ладонь пять полукрон и четыре шестипенсовика.

— Это все? — спросил я.

Миндалевидные глазки ничего не выражали. Я положил деньги обратно в копилку, выбрался из клетки, кое-как приладил дверь и направился к слесарю, чтобы попросить его заняться ремонтом. И тут изо рта Оскара в меня полетело еще одно пенни — дескать, на, подавись!

Но решающим событием, после которого мы поняли, что необходимо возможно скорее приобрести новые клетки для человекообразных обезьян, явился побег шимпанзе. Дело было на Рождество, мы пригласили к себе на праздничный обед Кэт и ее мужа, Сэма. Рождество — единственный день в году, когда зоопарк закрыт для посетителей, и нам очень повезло, что сотрудники еще находились на территории и не разъехались по гостям.

...Индеек поджарена как раз в меру, каштаны распространяют упоительный запах, зелень приготовлена — вдруг без четверти час распаивается дверь и в комнату врывается один из служащих:

— Мистер Д, мистер Д, шимпанзе сбежали!

Я приобрел Чолмондли, или Чамли, как мы обычно его называли, совсем младенцем, но уже тогда был случай, когда моя мать попыталась помешать ему безобразничать и он укусил ее за руку, да так, что пришлось наложить семнадцать швов. Теперь Чамли ростом и весом почти догнал

меня, и мне вовсе не улыбалось схватиться с ним или с его супругой Шееной, которая не уступала ему габаритами.

— Где они? — спросил я.

— Сейчас войдут во двор.

Я бросился к окну гостиной. Правда, вот идет Чамли в сопровождении Шеены, она нежно положила ему руку на плечо — ни дать ни взять пожилая пара во время моциона по берегу морского курорта. В ту же минуту во двор въехала машина и остановилась у крыльца; это прибыли Кэт и Сэм. При виде незнакомого существа Шеена явно насторожилась, зато Чамли приветствовал его радостным гиканьем. Автомобиль для него не был новостью, в детстве Чамли много раз ездил со мной и любовался в окошко домами и встречными машинами. Вот и теперь он подошел и принялся колотить по стеклам в надежде, что Кэт откроет дверцу и подвезет его, однако она не вняла его призыву.

Крикнув Джеки, чтобы она заперла квартиру, я ринулся вниз по лестнице, закрыл дверь своего кабинета, отпер канцелярию и распахнул входную дверь. При виде меня Чамли приветственно зауhal и направился трусцой к дому. Я пронесся через канцелярию и открыл дверь в коридор, из которого можно было попасть в большую кухню, обслуживающую кафе, и на второй этаж, где помещались комнаты персонала. Только бы удалось заманить шимпанзе на кухню, а уж там как-нибудь сумеем их изловить!

Затем я вышел из дома, обогнул его, снова вошел через черный ход и укрылся в засаде за дверью, ведущей в канцелярию.

Чамли уже входил в парадное, решив проведать меня и поздравить с Рождеством; Шеена не отставала от него. Единственный свободный путь вел в канцелярию, туда они и проследовали. Закрыть за ними дверь было делом секунды. Теперь хоть бы поскорее прошли из канцелярии в коридор — не то, как доберутся до наших папок, будет беда! Слава богу, не застав никого в канцелярии, Чамли не стал задерживаться. Но, очутившись в коридоре, он оказался перед выбором: то ли пройти на кухню, то ли подняться на второй этаж. Чамли был хорошо знаком с лестницами, ведь его детство прошло в многоэтажном доме, где мы тогда жили. Заключив, что лестница может привести его ко мне, он затопал вверх по ступенькам; Шеена нерешительно шагала за ним. К счастью, все комнаты были закрыты. Все, кроме одной, и, конечно же, именно туда направились шимпанзе.

Мы сопровождали их на почтительном расстоянии и, как только они вошли в комнату, захлопнули дверь и повернули ключ, после чего поспешили наружу, отыскивали приставные лестницы и поднялись к окнам, чтобы

Д посмотреть, чем занимаются гости. Чамли был очень доволен, он обнаружил в комнате раковину и кусок мыла, отвернул до отказа оба крана и принялся мыть руки — это занятие ему с детства очень нравилось. А Шеена упоенно прыгала на кровати, прижимая к животу подушку. Вдруг она открыла замечательный эффект: если зацепить подушку ногтями и хорошенько дернуть, в воздух взлетают тучи перьев! Шеена тотчас расправилась с обеими подушками, и комната приобрела такой вид, словно в ней бушевала вьюга. Изрядное количество перьев попало в раковину и плотно закупорило сток. Вскоре вода хлынула через край, потому что Чамли уже потерял интерес к раковине. Вместе с Шееной он усердно разбирал постель. Дойдя до матраца, они обнаружили, что его тоже можно разорвать и разбросать по комнате содержимое. И к перьям прибавились куски пенопласта, конский волос и прочие материалы.

Я провел короткое совещание с Джереми. Есть подходящая клетка для шимпанзе, достаточно большая и крепкая, но она стальная, потребуется не меньше шести человек, чтобы ее поднять... Вряд ли мы сумеем втащить ее по лестнице на второй этаж.

— Единственный выход, — заключил Джереми, — попытаться заманить их вниз, в самый конец коридора, где тамбур. Запрет между двумя дверями и подтащим клетку.

Мы снова поднялись по приставным лестницам и заглянули в комнату. Чамли размахивал вешалками и уже умудрился разбить ими зеркало. Шеена продолжала деловито потрошить матрац, вид у нее был сосредоточенный, как у именитого хирурга, производящего пересадку сердца.

— Надо, чтобы кто-нибудь открыл дверь, — сказал Джереми. — Потом он закроется в ванной, а шимпанзе, глядишь, сами спустятся вниз.

— Что ж, попробуем, — неуверенно согласился я.

Один из служащих поднялся на второй этаж, распахнул дверь комнаты, где резвились шимпанзе, отскочил назад и заперся в ванной напротив. Увы, как я и предполагал, шимпанзе отлично чувствовали себя в спальне и отнюдь не спешили ее покидать. Едва взглянув на распахнувшуюся дверь, они тут же возобновили свои забавы. Чамли собирал в охапку перья и подбрасывал их в воздух, а Шеена опять приступила к хирургической операции, и было похоже, что матрац ее не переживет.

— По-моему, остается только одно средство, — сказал Джереми. — Шланг с водой.

Да, представьте себе: пить воду и играть с ней шимпанзе очень любили, но терпеть не могли, когда их обливали. Бывало, вечером они отказывались идти в свою спальню, но стоило пригрозить им шлангом, и они сразу

покорялись. Быть может, и сейчас испытанный способ поможет? Принесли огромный шланг, присоединили его к крану в кормокухне, разбили стекло в окне, просунули внутрь наконечник и пустили воду на полную мощность. Шимпанзе на миг опешили от такого вероломного выпада, потом с воплем бросились вниз по лестнице. В коридоре их подстерегали двое служащих, и, как только беглецы очутились в тамбуре, обе двери захлопнулись. Наконец-то проказники были надежно заточены в таком месте, где не могли безобразничать. Я облегченно вздохнул — и не только я, надо думать. Шимпанзе — истеричные экстраверты, чуть что — перевозбуждаются и вполне могут на вас наброситься. А в том, что Шеена и Чамли к этому времени были основательно возбуждены, сомневаться не приходилось.

Теперь предстояло вытащить стальную клетку из мастерской и отнести ее к тамбуру. На это ушло немало времени, так как клеткой давно не пользовались и она была завалена досочками и прочим хламом. После долгих трудов мы извлекли ее на свет божий, и шесть человек установили клетку в нужном положении. Подняв дверцу, мы осторожно открыли дверь в тамбур. Вот они, сидят, мокрые-премокрые, но вид воинственный, хоть куда. Битый час пытались мы заманить шимпанзе в клетку, каких только лакомств ни предлагали — ничто, даже редкий в это время года виноград, их не соблазняло.

— Как насчет змей? — сказал я, памятуя, что Чамли панически боится змей.

— Вряд ли, — ответил Джереми. — Для Чамли, может, еще и сойдет, но Шеену змеей не испугаешь.

— Что ж, — мрачно заключил я, — придется опять обратиться к шлангу. Все равно уже натекло бог знает сколько.

Мы присоединили шланг к крану большой кухни, зашли с другой стороны тамбура, открыли дверь и направили тугую струю на обезьян. Беглецы стремглав бросились в клетку, дверца скользнула вниз, и шимпанзе снова очутились в заточении.

Вместе с Бертом, слесарем, мы пошли посмотреть, как же они все-таки ухитрились вырваться на волю. Толстая проволоочная сетка была достаточно прочной, однако Чамли обнаружил незакрепленный конец, а стоит найти такой конец, и сетку так же легко распустить, как и вязанье. Что и доказал Чамли. Пришлось БERTУ — его тоже оторвали от рождественского обеда — заняться ремонтом. Через час с небольшим он закончил работу. Было уже около четырех часов дня, когда шимпанзе водворили на старую квартиру, а мы разошлись по домам.

Д

Джеки, Кэт, Сэма и меня ожидала обугленная индейка; зелень выглядела так, словно по ней прошелся слон-исполин. Не беда, у нас еще было холодное, со льда, вино.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭТО Я, ДЖЕРЕМИ

Уважаемый мистер Даррелл!

Мне десять лет, и я считаю Вас первейшим зоологом на Британских островах (после Питера Скотта). Можно попросить Вас прислать мне автограф?

На следующий год дела пошли намного лучше, появились зримые результаты проделанной работы. Кэт трудилась, как пчела: вела бухгалтерские книги треста и зоопарка, как могла, старалась уменьшить расходы и держать меня в узде, ибо я не всегда обдуманно трачу деньги.

— Вот бы фламинго завести — красавцы! — восторженно изрекал я.

— Хороши, ничего не скажешь, — соглашалась Кэт. — А сколько они стоят?

— Не так уж и дорого, — отвечал я. — Каких-нибудь сто двадцать фунтов за штуку.

Радостная улыбка исчезала с лица Кэт, в зеленых глазах появлялся стальной отлив.

— Мистер Даррелл, — говорила она вкрадчиво. — Известно ли вам, насколько превышен ваш кредит?

— Ну конечно, — поспешно отвечал я. — Я ведь просто к слову сказал.

И все же, несмотря на прижимистость Кэт, мы продвигались вперед.

С помощью Джереми и Джона Мэлита работа зоопарка была перестроена. Мы завели картотеку, на каждое животное по три карточки: розовая, голубая и белая. Белая карточка — «анкета», на ней записано, где приобретен образец, в каком состоянии поступил в зоопарк и так далее. Розовая карточка — история болезни, в ней содержатся все сведения о здоровье и лечении животного. Голубая карточка — данные о поведении. Пожалуй, она самая важная, ведь на ней — записи о брачных играх, сроках беременности, территориальных метках и тьма других сведений.

Кроме того, в кабинете Джереми хранился большой «Дневник», в нем любой сотрудник зоопарка мог записывать интересные наблюдения, которые потом заносились в соответствующие карточки. Постепенно у нас накапливался богатейший материал. Удивительно, как мало мы знаем даже про обыкновенных животных. У меня довольно внушительная библиотека, около тысячи томов, но поищите в них, скажем, сведения о брачном поведении того или иного животного — ни слова.

Затем мы пересмотрели кормовой рацион. Я вычитал, что Базельский зоопарк составил специальный паек, скармливаемый животным в добавление к обычной пище; он не только улучшает общее состояние животного, но и способствует размножению. Было установлено: как бы хорошо вы ни кормили животных — а мы всегда давали своим лучшее, что только могли достать, — в корме недостает очень важных для организма солей и других компонентов. Тогда-то и придумали особый «пирожок» с этими веществами.

Я написал в Базельский зоопарк доктору Эрнсту Лангу, он любезно прислал мне все данные, потом мы обратились к нашему мельнику, Лемаркану, и он, следуя рецепту, приготовил малопривлекательное на вид бурое тесто. Мы взирали на него с недоверием, но я все же попросил Джереми провести недельное испытание и доложить о результатах. В последнее время Джереми частенько навещался к нам за советами. Сидишь дома, работаешь, вдруг стук в дверь, появляется голова, и слышишь:

— Э... это я, Джереми.

С этими словами он входит в гостиную и излагает очередную проблему. Вот и теперь, после недельного испытания «пирожка», я услышал знакомый стук.

— Э... это я, Джереми.

— Входи, Джереми, — пригласил я его.

Он вошел и остановился на пороге гостиной. Высокий, волосы цвета спелой ржи, нос, как у герцога Веллингтона, и ярко-голубые глаза, которые слегка косят, когда Джереми чем-то озабочен. Сейчас он заметно косил: значит, что-то не ладится...

— Ну, что случилось?

— Понимаете, я насчет этой смеси... Наши... гм... животные не хотят ее есть. Правда, мартышки попробовали немножко, но, мне кажется, скорее из любопытства. А другие совсем не едят.

— А человекообразные?

— Даже не притронулись, — мрачно ответил Джереми. — Я уж и так и эдак, даже в молоко клал — не едят, да и только.

— А подержать их впроголодь пробовал?

Д — Нет, — сказал Джереми с виноватым видом. — Чего не пробовал, того не пробовал.

— Ну так попробуй, — предложил я. — Завтра же посади их на одно молоко и предложи «пирожок». И посмотри, что выйдет.

На следующий день — знакомый стук и знакомое: «Это я, Джереми».

— Я насчет человекообразных, — доложил он, стоя на пороге гостиной. — Мы оставили их без завтрака, потом дали молоко и «пирожок». Все равно не едят. Что будем делать?

Я был озадачен не меньше его. В Базельском зоопарке все животные охотно ели «пирожок». Очевидно, нашей смеси чего-то недостает. Мы позвонили мистеру Лемаркану:

— Как вы думаете, что можно добавить в смесь, чтобы она была вкуснее и заманчивее?

Он поразмыслил несколько минут, потом дал блестящий совет:

— Как насчет анисового семени? Абсолютно безвредно, и большинство животных любят его запах.

— Пожалуй, вреда не будет, — согласился я. — Вам нетрудно приготовить смесь с анисовым семенем?

— Что ж, это нетрудно, — ответил мельник, и отныне мы стали получать «пирожки», пахнущие анисом.

Животные с первой же минуты пристрастились к ним. До такой степени, что с той поры самым любимым видам корма они предпочитают «пирожки». Смесь явно пошла им на пользу, и приплод увеличился. За год после введения нового рациона было получено потомство от двенадцати видов млекопитающих и десяти видов птиц, и мы были чрезвычайно довольны собой.

Пожалуй, самыми важными, но и самыми тревожными для нас в тот год были роды у южноамериканских тапиров. Папаша, Клавдий, приобретенный мной в Аргентине, в свое время причинил нам немало хлопот: он удирал из зоопарка и производил опустошения в соседних садах и на полях. Но после того как мы нашли ему супругу, Клодетту, он остепенился, стал солидным и дородным. Тапиры смахивают на гнедых шотландских пони, а их длинный подвижный нос чем-то напоминает слоновий хобот. Обычно это ласковые и дружелюбные существа. Когда Клодетта достигла надлежащего возраста, состоялось спаривание. Мы тщательно записали все сроки на голубых карточках и вскоре убедились в ценности картотеки: как только у Клодетты появились признаки беременности, мы смогли, считая от даты последнего спаривания, определить, когда примерно ждать детеныша.

И вот однажды раздается знакомый стук в дверь: «Это я, Джереми», — и появляется озабоченный Джереми.

— Я насчет Клодетты, мистер Даррелл, — сказал он. — Если считать по карточке, она должна родить в сентябре... Ну вот, я и подумал, не лучше ли перевести ее в другой загон, отделить от Клавдия?

Мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что в самом деле стоит их разделить — ведь неизвестно, как Клавдий отнесется к детенышу. К тому же он близорук и вполне может нечаянно наступить на него. Клодетту перевели в соседний загон; она могла слышать запах Клавдия, даже тереться с ним носом через проволочную сетку — и спокойно производить на свет свое дитя. Но тут Клодетта дала нам повод для тревоги. Счастливое событие должно было вот-вот состояться, она заметно округлилась, однако плод не шевелился и соски не наливались молоком. Джереми, Томми Бегг (наш ветеринар) и я устроили совещание.

— Уж очень толстая кожа у этой чертовки, — угрюмо заметил Томми. — Вообще мышцы такие тугие, что я просто не могу прощупать плод.

— А ведь, судя по картотеке, — сказал Джереми, для которого наши карточки стали чем-то вроде оракула, — она должна разрешиться со дня на день.

— Меня заботит отсутствие молока, — добавил я. — По-моему, время давно пришло!

Опершись на ограду, мы рассматривали Клодетту, а она знай себе тихонько попискивала — такой уж голос у тапиров — и задумчиво жевала ветку боярышника, не обращая никакого внимания на наши озабоченные физиономии.

— Если она родит, — продолжал Томми, — а молока не будет, придется вам вскармливать детеныша. Какой состав молока у тапиров?

— Понятия не имею, — ответил я. — Но можно посмотреть в книгах.

Мы отправились в мой кабинет, однако ни в одном справочнике не нашли сведений о составе молока тапиров.

— Что ж, — заключил Томми после того, как мы отложили в сторону сорок седьмую книгу, — придется рискнуть. Возьмем за образец кобылье молоко и составим похожую смесь. Думаю, сойдет.

Мы припасли и прокипятили бутылочки и соски, заготовили все нужное для смеси, похожей на кобылье молоко, настроились, ждем, а Клодетта и не думает рожать! Наконец в один прекрасный день, часов около трех (во время утренней уборки в половине одиннадцатого еще ничего не было), присматривавший за ней Джеф примчался к нашему дому.

— Родила! Родила! — кричал он, розовый от возбуждения.

Д

Мы с Джереми в эту минуту стояли возле дома, обсуждая какую-то серьезную проблему, но тут бросили все и ринулись к загону Клодетты. Она спокойно уписывала морковь и фрукты из мисочки и даже головы не повернула. Мы осторожно заглянули в будку — там на соломе лежал самый очаровательный детеныш, какого я когда-либо видел. С небольшую собачонку, полосатый, как и положено детенышам тапира; ярко-белые продольные полосы на шоколадном фоне делали его похожим на ожившую конфету вроде «Раковой шейки». Я недоумевал, как мы могли не прошупать такой крупный плод в чреве Клодетты, не обнаружить никакого шевеления. Видно, малыш только что появился на свет, потому что там, где мамаша его вылизывала, шерстка еще не просохла.

Мы бережно поставили детеныша на ноги, чтобы определить его пол, он сделал несколько неуверенных шажков и снова лег. Белые полосы делали его очень заметным на соломе, но представьте себе густой лес и пробивающиеся сверху солнечные лучи — там лучшего камуфляжа не придумаешь.

Чтобы не прерывалась римская линия, мы окрестили детеныша Цезарем, затем решили проверить, как у Клодетты с молоком. Этот вопрос нас особенно заботил, потому что вскармливать детенышей — отнюдь не простое дело. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили, что между десятью утра и тремя пополудни соски у роженицы набухли. Молока предостаточно — гора с плеч! Клодетта проявила себя образцовой мамашей, и вскоре Цезарь уже трусил за ней по пятам в загоне. Мы обратили внимание на то, что она кормит лежа, причем малыш тоже ложился рядом и жадно припадал к соскам.

Хотя тапиров давно разводят в зоопарках, ни в одной из книг моей библиотеки не были упомянуты три факта, которые мы установили эмпирическим путем. Первое: определить срок беременности почти невозможно — не прошупывается шевеление плода. Второе: соски наполняются молоком только после родов. И третье: мамаша кормит детеныша лежа. Кстати, добродушный нрав Клодетты позволил нам без труда взять образцы молока и отправить на анализ. Если в будущем у какой-нибудь самки тапира в нашем зоопарке почему-то не окажется молока, мы будем точно знать, какую смесь составить. Все данные были занесены на карточки и опубликованы в нашем ежегодном отчете.

Примерно в то же время произошло еще одно интересное событие: родила гелада.

Взрослая гелада очень красива: у нее пышное манто шоколадного цвета, а на груди удивительное пятно сердечком — ярко-красная кожа обнажена, словно кто-то нарочно выщипал шерсть.

Наш самец по имени Элджи был, что называется, незаурядной личностью. Из-за кривых и коротковатых ног у него была своеобразная вихляющая походка. Любого, кто его проведает, Элджи непременно приветствует: подойдет вперевалку к проволочной сетке, поднимет верхнюю губу, так что обнажаются десны и мощные зубы, и принимается радостно ухаться, прислушиваясь к своему голосу. Первое время он жил в одной клетке с самкой южноафриканского бабуина, но затем мы раздобыли для Элджи супругу, которую назвали Эмбе. Еда и особы противоположного пола составляли смысл жизни Элджи, и мы ничуть не удивились, обнаружив, что Эмбе вскоре забеременела.

Среди диких животных у бабуинов одна из самых интересных социальных организаций, поэтому мы не стали отделять гостью из Южной Африки от наших двух гелад, решили посмотреть, что будет, когда появится на свет детеныш. Элджи, игравший в клетке доминирующую роль, благосклонно относился к своей супруге и южноафриканской гостье, хотя она и представляла совсем другой вид. Чужеземка занимала в иерархии второе место, а замыкала цепочку (до рождения малыша) Эмбе. Мы не отделили южноафриканку прежде всего потому, что не хотели нарушать субординацию: останься Элджи и Эмбе вдвоем, тотчас начались бы типичные для всех приматов ссоры и раздоры. А так Элджи шпынял южноафриканку, которая в свою очередь шпыняла Эмбе, но гораздо мягче, чем это делал бы Элджи. Правда, чужеземка, доминируя над Эмбе, могла повредить детеныша, когда он родится, даже съесть его... Ладно, рискнем!

Чрезвычайно сложная социальная организация, присущая большинству диких бабуинов, лишь недавно стала предметом основательного исследования. В частности, было установлено: когда в стае появляется новорожденный, все самки приходят в сильное возбуждение, особенно самки постарше, которые уже не могут рожать. Они собираются вокруг роженицы и внимательно рассматривают малыша, однако касаться его им не позволено. Но затем мать мало-помалу ослабляет охрану, и старшие самки соревнуются за право поддержать детеныша, приласкать его, поносить на руках. Если бы наша троица представляла один вид, мы могли бы рассчитывать на такое же поведение. Но у нас старшее поколение представляла южноафриканская самка, и мы не были уверены, как она отнесется к детенышу гелад.

Настал долгожданный день. В восемь утра служители обнаружили в спальне бабуинов родившегося ночью малыша. Он был чистый и сухой, никаких следов плаценты и пуповины. Детеныш крепко цеплялся за мать. Как только их выпустили в наружное помещение, стало очевидно, что юж-

Дноафриканка взволнована и, можно сказать, обрадована ничуть не меньше молодой мамыши. Она старалась сесть поближе к Эмбе, лицом к ней, и время от времени обнимала ее так, что льнувший к матери малыш оказывался зажатым между ними. Элджи, привыкший чувствовать себя в клетке владелином, тоже заинтересовался наследником, но стоило ему приблизиться, как Эмбе поворачивалась к нему, поднимала верхнюю губу, щелкала зубами и издавала резкий протяжный звук, какого мы до сих пор еще не слышали. Элджи сразу отступал метра на два и начинал кружить около самок и младенца, пытаясь хоть что-то рассмотреть.

Так продолжалось около суток, наконец отцу разрешили подойти поближе, и он мог расчесывать шерсть супруге и южноафриканке. На шестой день прежний порядок почти восстановился. Гостя продолжала оказывать покровительство матери и младенцу, но теперь Элджи было дозволено обнимать и ласкать Эмбе. Правда, к наследнику его, насколько мы могли установить, все еще не подпускали.

Малыш был на редкость крепкий и здоровый, от большинства детенышей других бабуинов его отличало малое количество морщин на лице. Уже через сутки он хорошо видел и следил глазами за движениями наблюдателя в полутора-двух метрах. На пятый день мать разрешила ему спуститься на пол и немного походить подле нее. Однако через неделю идилия кончилась. Южноафриканка, которой теперь позволили держать малыша на руках, оказалась настолько ревнивой, что не выпускала его даже тогда, когда он рвался к матери, чтобы поесть. Пришлось ради блага детеныша отделить чужеземку от Элджи.

Близилась первая годовщина треста, и мы задумали как-то отметить эту дату, попросту говоря устроить небольшой кутеж. Закроем зоопарк для посетителей, пригласим на завтрак членов правления треста и кое-каких местных деятелей; хорошо бы позвать губернатора и бейлифа. Вечером — обед и сбор средств; мы рассчитывали на то, что приглашенные выступят с речами и поддержат нас.

Подготовка потребовала немалых усилий. Надо было забронировать номера в отелях, составить меню, продумать, как рассадить гостей (от одной этой проблемы можно было сойти с ума), и так далее и тому подобное. К тому же в это время года на Джерси часты туманы, а когда к острову приближается туман, он ни за что не обойдет своим вниманием аэропорт. Значит, необходимо переправить на Джерси знатных гостей по меньшей мере за день до юбилейной даты, иначе нам некого будет принимать. Львиная доля хлопот легла на плечи Кэт, и она блестяще со всем справилась, но я сказал себе, что впредь одним советом не обойдешься, для подобных за-
тей следует учреждать несколько подкомитетов...

И уже теперь нам нужен был комитет для сбора средств. Я усиленно думал об этом, даже когда отправился на аэродром встречать Джеки и в зале для прибывающих пассажиров вдруг увидел перед собой прелестнейшее создание. Черные волосы, большие глаза цвета лесных орешков, на лице сердечное расположение и нежность — жаль только, что чувства эти адресованы не мне... А впрочем... Девушка остановилась передо мной, и я воспрянул духом. Быть может, мое брюшко и мешки под глазами не так уж и заметны? Или есть девушки, которым они даже нравятся? Иллюзия длилась недолго: я увидел в руках девушки кружку для пожертвований.

— Вы не желаете сделать взнос? — услышал я медовый голосок.

— Конечно, желаю, — ответил я. — Разве можно устоять перед такими глазами?

Я полез в карман и как-то непроизвольно вместо полукроны опустил в кружку десять шиллингов.

— Бьюсь об заклад, у такой очаровательной девушки сбор средств идет успешно, — сказал я.

Она мило улыбнулась:

— О, я не жалуюсь.

— Вот бы вы для нас взялись собирать!

— А вы попросите.

— И попрошу.

В эту минуту объявили посадку самолета Джеки, и я направился к входу. «А что, в самом деле? — подумал я, стоя у двери. — Девушка сама предлагает свои услуги. И какая девушка: против ее глаз никто не устоит!» Едваждавши Джеки, я схватил ее за руку и бесцеремонно потащил за собой.

— Живее, живее, — торопил я ее. — Я должен найти девушку.

— Мало тебе одной? — спросила Джеки.

— Да нет же, пойми, это особенная девушка, красавица. Она только что была тут, собирала деньги для кого-то.

— А тебе она зачем понадобилась? — подозрительно осведомилась Джеки.

— Понимаешь, это идеальный человек для комитета по сбору средств, — объяснил я. — Представь себе, она предложила свои услуги, а я, дурак, даже не узнал ее фамилии.

Я поспешно обвел взглядом зал. Никого, если не считать важных престарелых дам и отставных полковников.

— Черт возьми! — вырвалось у меня. — Надо же, такую возможность упустил!

Д

— Но ведь можно выяснить, кто она? — сказала Джеки. — Наверно, это кто-нибудь из здешних.

— Не знаю... Впрочем, можно спросить Хоуп.

Как только мы добрались до дома, я схватил телефонную трубку.

— Скажи, пожалуйста, — обратился я к Хоуп, — что за красавица с глазами цвета лесных орешков и темными волосами собирала сегодня в аэропорту деньги на какие-то цели?

— Ну знаешь, Джерри! — воскликнула Хоуп. — Ты не мог бы спросить что-нибудь полегче? Откуда мне знать? И вообще, зачем тебе это?

— Я хочу организовать комитет по сбору средств. И эта девушка показалась мне идеальной кандидатурой.

Хоуп хмыкнула.

— Не знаю даже, кого тебе так сразу предложить, — сказала она. — Вот что, попробуй поговорить с леди Колторп. Говорят, у нее это очень хорошо получается.

Я подавил стон. Леди Колторп — представляю себе, что это такое. Длинные прокуренные зубы, ежик стального цвета, твидовый костюм, пахнущий спаниелем, и спаниели, пахнущие твидом...

— Ладно, подумаю, — ответил я.

И вот наступил знаменательный день. Надо ли говорить, что аэропорт был окутан туманом. Понадобились титанические усилия, чтобы доставить на остров Питера Скотта с супругой, мы едва уложились в срок, да и то с помощью чьего-то личного самолета. В конечном счете все образовалось. Я показал Питеру и его жене зоопарк, познакомил их с сотрудниками, рассказал о наших задачах. И с удовольствием отметил, что экскурсия явно произвела сильное впечатление на Питера.

Завтрак удался на славу — потому, верно, что обошлось без спичей. Во второй половине дня — снова экскурсия по зоопарку. После этого осталось время только принять ванну и переодеться перед главным событием дня — обедом с последующим сбором средств. На обед были приглашены избранные, на чью помощь мы рассчитывали. Открыл торжество лорд Джерси, он предоставил слово Питеру Скотту, и тот произнес превосходную речь о различных аспектах охраны природы и значении нашего начинания. За ним была моя очередь выступать, и я уже перебирал листки с записями, как вдруг мой взгляд остановился на девушке, сидевшей на другом конце стола. Она — та самая, которую я видел в аэропорту! Что за черт, как она здесь очутилась? От удивления у меня вылетело из головы все, что я собирался сказать. Все же я кое-как промямлил свою речь и сел, думая только о том, чтобы не упустить момент и перехватить девушку, прежде чем она скроется во второй раз.

Наконец загремели стулья, гости начали подниматься из-за стола. Со всей скоростью, какую допускали приличия, я протиснулся сквозь толпу именитых друзей, догнал девушку уже на самом пороге и положил ей руку на плечо, словно детектив, поймавший воришку в магазине. Она повернулась и надменно вскинула брови.

— Это вас я видел в аэропорту? — спросил я.

— Верно, — подтвердила она. — Я потому и пришла.

— Так вот, — продолжал я, — помнится, вы сказали, что согласны помочь мне со сбором средств. Это было сказано в шутку или всерьез?

— Конечно, всерьез.

Каким-то чудом у меня в кармане оказались листок бумаги и ручка.

— Вы можете сказать мне, как вас зовут, и ваш номер телефона, и когда позвонить вам, чтобы договориться?

— Пожалуйста, звоните в любое время.

— Итак... вас зовут?

— Сэрэнн Колторп.

Я воззрился на нее, не веря своим ушам.

— Как... вы... вы — леди Колторп? — не совсем учтиво выпалил я.

— Уже много лет.

— Но... как же?... А седой ежик... спаниели... лицо старой лошади?... — в отчаянии вопрошал я.

— Разве я похожа на старую лошадь? — заинтересовалась она.

— Что вы! Я... я совсем не то хотел сказать. Понимаете, это я так представлял себе вас. Вы уверены, что на острове нет второй леди Колторп?

— Насколько мне известно, я — единственная, — с достоинством произнесла она. — Звоните в любое время.

Она сказала мне свой адрес и номер телефона.

Я вернулся к Джеки и сообщил ликуя:

— Нашел девушку!

— Которую? — осведомилась Джеки.

— Ту самую, о которой говорил тебе, — нетерпеливо ответил я. — Девушку из аэропорта. Это леди Колторп.

— Постой, но ведь ты говорил, что леди Колторп — это сплошной твид и спаниели.

— Да нет, ничего подобного! Посмотри... видишь? Вон та обаятельная особа... в чем-то черном с белой отделкой — это она.

— Ах эта... Что ж, пожалуй, ты прав, она справится со сбором средств!

Д

— Я немедленно свяжусь с ней. Завтра утром. А теперь, бога ради, пошли домой. Чертовски хочется спать.

Сказано — сделано.

Подводя итог, должен сказать, что наше юбилейное мероприятие прошло чрезвычайно успешно. Мы смогли посоветоваться с такими людьми, как директор Антверпенского зоопарка Вальтер ван ден Берг, Ричард Фиттер из Общества охраны фауны, и другими; они не только благожелательно отозвались о нашей работе, но и сделали конструктивные замечания. Более того, деньги, которые мы собрали, позволили нам наконец взяться за самое неотложное из всех наших дел — строительство новых, простых клеток для человекообразных обезьян. Чертежи давно уже пылились на столе, мы с Джереми только слюнки глотали, глядя на них. Тресту такое дело было не по карману, но после юбилейного обеда — как здорово все получилось! — можно было приступать к задуманному.

Я всегда говорил, что есть два создания, которым ни в коем случае нельзя давать волю в зоопарке: ветеринар и архитектор. Ветеринар тотчас примется лечить диких животных так же, как домашних. Конечно, динго или кустарниковая собака принадлежат к семейству собачьих, но это еще не значит, что к ним следует подходить с той же меркой, что и к болонке или спаниелю. Обычно ветеринар в отчаянии заключает: «На вашем месте я бы махнул рукой». Нам повезло, наши два ветеринара, Блэмпид и Бегг, придерживаются прямо противоположной точки зрения. Вот уж кто никогда не махнет рукой на животное!

У архитекторов свои заскоки. Стоит вам зазеваться, и они сконструируют клетку, которая будет архитектурной поэмой, но никуда не годится с точки зрения тех, кому ею пользоваться, а главное — тех, кому в ней жить. Вот почему, когда дело дошло до клеток для человекообразных, мы с Джереми тщательно изучили проект, стремясь не допустить промашек. Задача осложнялась тем, что клетки предстояло ставить на наклонном участке, прилегающем к южной стене Дома млекопитающих, причем откосов не один, а целых три, так что надо было сперва подготовить солидное бетонное основание.

Конечный вариант, предложенный нашим архитектором Биллом Девисом, мне очень понравился. Клетки были почти треугольные, так что обитатели каждой из них могли видеть, что происходит в двух других. Житье-бытие соседей занимает человекообразных обезьян ничуть не меньше, чем нас, людей, только мы подглядываем из-за штор, а они из-за решеток. Крышу впереди подняли чуть повыше, чтобы в клетки попадало возможно больше солнца.

Мы договорились со строительной фирмой, и началась подготовка участка. Старые клетки помещались внутри дома, но через окна обезьяны могли следить за ходом работ, и они охотно пользовались этой возможностью. Особенно интересовался техникой орангутан Оскар, он целыми днями сидел у окна и сосредоточенно наблюдал, как готовят и укладывают раствор. Однажды утром я пошел проверить, как подвигаются дела, и разговорился с одним из рабочих.

— Я вижу, Оскар следит, чтобы все делалось как положено, — заметил я, показывая на стекло, к которому прильнула обезьянья физиономия.

— Да уж! — воскликнул рабочий. — Целый день так и сидит, глаз не сводит! Хуже какого-нибудь десятника, черт бы его побрал!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОДОВЫЕ МУКИ ЛЬВИЦЫ

Уважаемый мистер Даррелл!

Меня зовут Мириам. Пишу Вам, чтобы получить совет по следующим вопросам:

1. Могу ли я каким-нибудь образом приобрести львенка?
 2. Если да, то где? И во сколько это примерно обойдется?
 3. В каком возрасте можно его приобрести (отнять от матери)?
 4. Где его лучше держать?
 5. До какого возраста смогу я его держать?
 6. Чем кормить совсем маленького львенка?
 7. Какого роста он будет?
- Что еще, по-Вашему, мне нужно знать?

Заранее большое спасибо...

В любом крупном собрании диких животных не обойтись без болезней и несчастных случаев, нередко с роковым исходом, ведь животные — такие же смертные существа, как и мы с вами. И одна из причин несчастных случаев, как ни прискорбно об этом писать, — поведение рядового посетителя. Нашим мартышкам давали бритвенные лезвия, человекообразным — горящие сигареты и трубки. Чтобы предотвратить такие поступки, нужен бдительный надзор.

Д

Взять, к примеру, наших попугаев ара по кличке Капитан Коу и Мак кой. Красивые добродушные птицы; в хорошую погоду мы извлекали их из клетки и сажали на гранитный барьер возле Дома млекопитающих. Там они сидели на солнышке, чистили клювом яркие перья и окликали проходивших хриплыми голосами.

И вот однажды некая весьма тучная особа, очевидно утомленная прогулкой по зверинцу, решила присесть на барьер и отдохнуть. Хотите верить, хотите нет, она плюхнулась прямо на Капитана Коу. Сесть на такую большую и яркую птицу — правда, невероятно?! К сожалению, Капитан Коу не сумел постоять за себя, хотя из всех попугаев ара наделены чуть ли не самым мощным клювом и мишень была достаточно крупной. Что подделать, он был попросту расплюсчен.

Свидетелем происшествия оказался наш слесарь, случайно проходивший мимо. Сама виновница явно не понимала, что натворила. Слесарь тотчас отнес попугая в контору. В это самое время в зоопарке находился ветеринар Томми Бегг, который раз в неделю осматривает всех животных. Он немедленно занялся Капитаном Коу и аккуратно наложил шины на сломанные ноги. Но кроме ног у попугая были повреждены ребра и грудина, причем несколько ребер поранили легкое, и, как мы ни старались спасти Капитана Коу, он скончался.

Больше всего в этой истории меня удручало поведение женщины. Ну хорошо, допустим, она по близорукости не разглядела на барьере большую птицу с красно-синим оперением. Но, посидев на попугае, она все-таки должна была понять, что ему от этого не поздоровилось. Так нет же, эта женщина не только не пришла в контору, чтобы извиниться и узнать, что стало с попугаем, — она даже не потрудилась позвонить по телефону и справиться о его состоянии! Это лишь один из примеров того, как ведут себя посетители. Я бы сказал, что у нас уходит в среднем до семидесяти процентов времени на то, чтобы охранять животных от публики, а не наоборот.

Как и во всяком серьезном зоопарке, посетителям у нас запрещено кормить животных. А то ведь сунут что-нибудь совсем неподходящее или перекормят каким-нибудь лакомством, после чего наш подопечный отвергает тщательно разработанную диету. Скажем, человекообразные обезьяны, совсем как дети, способны до тошноты объедаться шоколадом, и ужин, от которого было бы куда больше пользы, попросту в них не лезет. К тому же неправильное питание чревато желудочно-кишечными болезнями — возись потом, пока не вылечишь.

Тем не менее иные посетители пренебрегают висящими повсюду призывами: «Просьба животных не кормить» — и знай себе бросают в клетки

шоколад, другие сладости. Поверьте мне, в большом зоопарке ветеринару хватает работы и без тех эксцессов, которые возникают по недомыслию, а то и по жестокости посетителей.

В одном конце нашего зоопарка есть озерцо, где мы держали смешанную коллекцию водоплавающих птиц, в том числе кое-какие редкие виды. Несколько лет птицы благополучно здоровствовали и плодились. Но как-то выдалось очень жаркое лето. Ручей, питавший озерцо, почти пересох, водоем обмелел, и мы начали находить мертвых птиц, причем вскрытие не давало ответа на вопрос, что их погубило. Однажды умерли сразу шесть птиц, из них две редкие. Скорбная картина, которую Томми Бегг узрел в понедельник утром, явившись с очередным визитом, озадачила его.

— Что такое с этим озером?! — сердито воскликнул он. — Воду мы проверяли, и птицы вроде бы ничем не болели.

Вдруг его осенило.

— Вот только на глисты я их не проверял. Может, глисты виноваты?

Томми взял ближайшую тушку — шпорцевого гуся — и осторожно вскрыл скальпелем желудок. Ничего. Тогда он разрезал зоб — и нашел ответ на загадку. В зобу лежала изрядная порция свинцовой дроби. Исследуя остальных погибших птиц, мы у каждой нашли дробь, а у одной — даже металлический колпачок от патрона двенадцатого калибра. Зоб, можно сказать, заменяет птице зубы: вы увидите в нем песок, даже мелкие камешки, помогающие измельчать пищу. По мере того как песок и камешки истираются, птица заглатывает новую порцию, обзаводясь новыми «зубами».

Наши птицы где-то обнаружили свинцовую дробь и заглотали ее, очевидно приняв за безобидные камешки. Конечно, дробь исправно выполняла функцию зубов, но она же, стираясь, вызывала свинцовое отравление.

Сами понимаете, как только тайна была раскрыта, мы выловили всех уцелевших птиц и принялись исследовать берег в поисках источника дроби. Судя по тому, как много ее было в зобах отравленных птиц, они где-то напали по крайней мере на ящик патронов, но, сколько мы ни искали, нам не попадалось ничего похожего. А тут заболела еще одна из выловленных птиц. И вновь явные признаки свинцового отравления... Мы попытались спасти ее внутривенным вливанием препарата кальция. Увы, противоядие не помогло.

Мы долго не могли понять, откуда в озере такая уйма дроби. Наконец выяснилось, что водоем появился тут лишь после войны. Была лошадка и ручеек, затем прежний владелец поместья, майор Фрэзер, сделал запруду, и возникло озерцо. Видимо, во время немецкой оккупации кто-то из жите-

Д

лей острова, боясь, что у него найдут боеприпасы, закопал их в этой самой лождине. Постепенно ил и вода разъели картонные гильзы, но дробь осталась. А необычная засуха, из-за которой озерцо обмелело, позволила гусям и уткам ворошить клювами ил в таких местах, где они обычно не доставали дна.

Да и мало ли в зоопарках происходит вещей, от которых просто невозможно уберечься?!

Так было в тот раз, когда у наших африканских виверр появилось потомство. Событие незаурядное — не многим зоопаркам удавалось добиться приплода от виверр. Три дня роженица вела себя как образцовая мамаша, потом неизвестно почему набросилась на детенышей и сожрала их.

Или взять случай с сервалами. Эти стройные, длинноногие кошки с остроконечными ушами, коротким хвостом и оранжево-коричневой шкуркой в черную крапинку удивительно хороши собой, и мы чрезвычайно обрадовались, когда Тэмми окотилась. Она тоже проявила себя образцовой мамашей; с неделю малыши, что называется, жили припеваючи, хорошо сосали молоко, и Тэмми ходила с довольным видом. И вдруг, заглянув в ее клетку, мы увидели, что оба малыша мертвы. В чем дело?.. Кожа не повреждена, значит, она их не кусала. Вскрытие все объяснило: они погибли от удушья. Очевидно, Тэмми ночью, переворачиваясь с боку на бок, придавила малышей и незаметно для себя задушила их. Такое случается с первым пометом у домашних кошек, прежде чем они усвоят все тонкости материнства.

Но пожалуй, самая сложная ветеринарная проблема у нас возникла, когда забеременела Шеба, наша львица. Все вроде бы шло хорошо, и оставалось ждать совсем немного, но именно в это время мне понадобилось съездить в город повидать друзей. А чтобы меня можно было тотчас разыскать, если случится что-нибудь непредвиденное, я по обыкновению оставил адрес и телефон ресторана, где была назначена встреча. Только мы управились со вторым завтраком, как меня вызвали к телефону. Оказалось, что у Шебы начались роды, но плод застрял на полпути и не выходит, сколько она ни тужится. Судя по всему, детеныш мертв. Я поймал такси, домчался до зоопарка, и мы с Джереми обсудили положение. Схватки длятся уже около двух с половиной часов, голова львенка безвольно болтается, он явно мертв, но львица никак не может его вытолкнуть и сильно мучается...

— Прежде всего, — заключил Джереми, — надо перевести ее в клетку поменьше. Может быть, тогда удастся ей как-то помочь.

Но чтобы перевести Шебу в клетку поменьше, надо было войти в большую клетку и заставить львицу покинуть ее, а я не осмеливался на такой

риск. И тут меня осенило. Я знал, что в Лондонском зоопарке есть специальный пистолет, который заряжается иглой, выполняющей роль шприца: попав, скажем, в лопатку зверя, она впрыскивает тот или иной препарат — наркотизатор, антибиотик и так далее. Что, если позвонить им и попросить, чтобы прислали самолетом чудо-пистолет? Попробуем усыпить Шебу.

Я поспешил к себе в кабинет и вызвал Лондонский зоопарк.

Надо ли говорить, что дело происходило в субботу; неприятности такого рода непременно случаются по субботам. Когда я наконец дозвонился до Лондонского зоопарка, мне подтвердили, что пистолет действительно есть, но пользоваться им разрешено только главному ветеринару зоопарка, доктору Оливеру Грэму Джонсу. Полиция следит за этим и не допустит исключений.

Я не один год знал Оливера Грэма Джонса и не сомневался, что он постарается что-нибудь придумать. «Можно мне поговорить с доктором?» — «Весьма сожалеем, но он дома, отдыхает». — «В таком случае нельзя ли получить его домашний номер?» — «Пожалуйста». Я записал номер, дозвонился до Оливера и объяснил ему ситуацию. Он всей душой посочувствовал мне.

— Но понимаешь, дружище, — сказал он. — Во-первых, я не могу отправить тебе пистолет без разрешения полиции. А во-вторых, если ты не знаком с устройством, можешь бед натворить. Надо правильно рассчитать заряд, не то игла из шприца превратится в пулю, и, вместо того чтобы вылечить животное, ты его, чего доброго, убьешь. Это очень коварная штука.

— Нельзя так нельзя, — ответил я. — Попробуем перегнать Шебу в клетку поменьше. Скажем, с помощью горящих факелов.

— Ради бога, только не это! — Мои слова явно потрясли Оливера. — Да она может всех вас убить, особенно в таком состоянии. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Ну а что же нам тогда делать?

Оливер немного поразмыслил:

— Сколько времени мне понадобится, чтобы добраться до Джерси?

— Все зависит от расписания самолетов, — сказал я. — Наверно, около часа.

— Так вот, если ты берешься заказать билет, я поеду в зоопарк, заберу пистолет и прилечу к вам.

— Замечательно! — обрадовался я. — Сейчас же свяжусь с транспортным агентством, а потом позвоню тебе еще раз.

Дело осложнялось тем, что был разгар отпусков, новобрачные и отдыхающие забронировали чуть не все места в самолетах, вылетающих на

Джерси. Я обратился в транспортное агентство — а, надо сказать, там нас любили — и объяснил ситуацию. Нельзя ли достать один билет на ближайший самолет, вылетающий из Хитроу на Джерси? Мне обещали выяснить и позвонить. Полчаса я как заведенный мерил шагами кабинет, наконец — звонок. Из транспортного агентства сообщили: есть одно место, вылет с аэродрома Хитроу в семнадцать тридцать. Я попросил забронировать это место для доктора Оливера Грэма Джонса, потом позвонил Оливеру.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Мне надо торопиться! Ладно, постараюсь успеть.

— Я встречу тебя в аэропорту.

— Превосходно. Теперь только бы не застрять где-нибудь с машиной по пути в Хитроу.

Я встретил Оливера на Джерсийском аэродроме и поспешно увлек его к машине. По пути в зоопарк я рассказал ему, как обстоят дела. Плод все еще не вышел, и Шеба по-прежнему мучается. Оба наши ветеринара на месте, необходимые инструменты приготовлены, поскольку Оливер предупредил меня по телефону, что, возможно, придется делать кесарево сечение, чтобы спасти львицу.

Ветеринары нас ждали; рядом с львиной клеткой уже стоял стол, над ним укрепили светильники. Не очень-то роскошная операционная, но за такой короткий срок лучшего не оборудуешь. Оливер посмотрел сквозь решетку на пациентку. Истрадавшаяся львица лежала в углу и жалобно ворчала.

— Н-да, — заключил он, — тут каждая минута дорога. Счастье, что я поспел на самолет.

Он осторожно распаковал пистолет, зарядил иглу наркотизатором, тщательно прицелился и выстрелил. С глухим хлопком игла вонзилась в бок Шебы. Львица дернулась, мотнула головой — и только. Когда наркоз начал сказываться, она встала, пошатываясь, сделала несколько шагов и снова легла. Принесли длинную палку, легонько потрогали Шебу — никакой реакции. Значит, усыпили, можно вытаскивать львицу.

Зайдя с другой стороны, мы подняли дверцу клетки. Я хотел войти первым, чтобы связать Шебе ноги, но Оливер не пустил меня — усыпленное животное, объяснил он, может на несколько секунд очнуться, а их вполне достаточно, чтобы основательно помять человека. Оливер вошел в клетку первым, засунул в пасть львицы чурку и крепко связал ей морду. Такой способ позволял Шебе свободно дышать и одновременно страховал нас от неожиданностей, если пациентка вдруг очнется. Затем мы связали львице ноги и выволокли ее из клетки. Понадобились объединенные усилия шести

человек, чтобы поднять на стол тяжеленного зверя. Оливер учтиво, как водится среди медиков, спросил Блэмпида и Бегга, не желают ли они произвести операцию. Оба не менее учтиво ответили, что эта честь принадлежит человеку, который любезно согласился проделать столь долгий путь.

Первым делом предстояло удалить плод. С этим мы справились без труда. Нашим глазам предстала странная картина: львенка как будто накачали воздухом из насоса. Кости — дряблые, мягкие, морда искажена скопившимся под кожей газом.

Далее предстояло осторожно выбрить участок живота Шебы, где намечалось сделать надрез. Мы использовали электрическую машинку, припасенную Блэмпидом. Оливер вымыл и продезинфицировал руки; можно оперировать. Поскольку начало темнеть, мы включили светильники — и только тут обнаружили, что у клетки собрались все сотрудники зоопарка. Каждому хотелось проследить за ходом операции. Я спросил Оливера, не будет ли он возражать, если они войдут в клетку, чтобы лучше видеть, и он охотно согласился. Тогда они расположились полукругом около стола, и Оливер приступил к делу, комментируя вслух свои действия.

Он сделал продольный разрез, и, как только нож вскрыл брюшину, живот опал с шипящим звуком и распространился отвратительнейший запах. Пальцы Оливера двигались быстро и уверенно. Невзирая на зловоние, от которого кое-кто из зрителей слегка побледнел, он расширил разрез, осторожно проник руками в брюшную полость и одного за другим извлек еще двух львят. Они были такие же вздутые, как и первый. Мы поместили все три плода в ведро, с тем чтобы потом исследовать, что же все-таки произошло. Тем временем Оливер удалил плаценту, промыл полость и зашил брюшину и кожу. Наружный шов густо присыпали антибиотиком; кроме того, в профилактических целях Шебе сделали инъекции пенициллина и стрептомицина. Она дышала неглубоко, но ровно. Вся операция проводилась под наркозом, на морде львицы лежала маска, за которой следила миссис Блэмпид.

Затем Шебу осторожно перенесли на импровизированные носилки и поместили в специальную клетку, которая позволяла ей вставать на ноги, но ограничивала подвижность, чтобы от резкого поворота не разошлись швы. Во избежание пневмонии важно было держать львицу в тепле, поэтому мы накрыли ее одеялами и обложили грелками. Кроме того, от наркоза язык и пасть Шебы пересохли, их надо было увлажнять водой с глюкозой. И Джефу — он у нас надзирал за львами — пришлось дежурить всю ночь, менять грелки и смачивать Шебе пасть. Среди ночи ему вдруг показалось, что она зябнет, тогда он сходил за собственной периной и укрыл ее.

Д

Утренний осмотр показал, что все идет нормально. Зрачки Шебы реагировали на свет, и сознание к ней возвратилось, хотя и не настолько, чтобы она могла броситься на нас.

Мазки из брюшной полости львицы были исследованы в университетской лаборатории, и специалисты обнаружили своеобразный газообразующий микроорганизм — *Clostridium sordelli*. Эта бактерия водится в почве, и ею нередко заражается скот, но у представителей семейства кошачьих еще до сих пор не находили.

После операции, прежде чем отвезти Оливера в гостиницу, я пригласил всех ветеринаров к себе на стаканчик виски.

— Скажи-ка, — обратился ко мне Оливер, — сколько сотрудников зоопарка присутствовали на операции?

— Все до одного, — ответил я. — Включая тех, у кого сегодня выходной.

— Силы небесные! Хотел бы я видеть такой энтузиазм у себя в Лондоне. Боюсь, там на операцию вообще никто не пришел бы. А ты всех ухитрился собрать.

— Я их не собирал, они сами пришли.

— Чудеса, — сказал Оливер. — Ты уж постарайся, чтобы они всегда оставались такими.

— Да уж постараюсь, — ответил я.

Надеюсь, что мне это удалось.

Когда Шеба совсем оправилась, мы решили, что ей следует не меньше полугода пожить отдельно от Лео: нельзя, чтобы после такой серьезной операции она вскоре опять забеременела. Наконец разлука кончилась, состоялось радостное свидание, и вот уже Шеба снова понесла. Разумеется, мы очень волновались за нее, но к этому времени я выписал пистолет из Штатов — теперь, если что, не обязательно беспокоить Оливера, вызывать его из Лондона.

Шеба благополучно произвела на свет двух кругленьких, здоровых лвят, и мы облегченно вздохнули. Слава богу, пронесло! Однако ее драма на этом не кончилась.

Как только лвята подросли и можно было отнимать их от матери, Шеба вновь забеременела. После нормальных родов мы не сомневались, что и на сей раз все будет в порядке. Но в последний момент Шеба опять подцепила злополучные микробы, и пришлось нам повторить всю процедуру. Мы зарядили пистолет, усыпили львицу, Блэмпид и Томми Бегт сделали ей кесарево сечение и извлекли двух лвят, таких же вздутых, как и

львята первого помета. Наложили швы, влили пенициллин и все такое прочее и поместили Шебу в хорошо знакомую ей специальную клетку. И все вроде бы шло благополучно вплоть до того дня, когда львица, к нашему ужасу, сделала то, чего мы больше всего боялись. Как ни узка была клетка, Шеба могла в ней встать и сделать шаг-другой. Но однажды ночью она, судя по всему, попробовала повернуться; в итоге швы разошлись.

Снова — наркоз, снова — швы. На этот раз задача осложнялась тем, что ткани вокруг раны были порваны, и, чтобы новые швы держали, пришлось делать их очень широкими, до десяти-двенадцати сантиметров. После операции мы впрыснули Шебе положенную дозу антибиотиков и вернули ее в клетку. На другое утро она уже поднимала голову, выпила немного воды с глюкозой. Мы добавили пенициллина, установили капельницу. Однако среди дня Шеба стала задыхаться. Сердечное лекарство не помогло, и вскоре она умерла. Надо ли говорить, как мы горевали. Оставалось утешаться тем, что для ее спасения было сделано все — просто организм львицы не выдержал третьей операции.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИСТЕР И МИССИС Д.

Уважаемый мистер Даррелл!

На днях ко мне в холл залетел дятел и принялся долбить клювом де-душкины часы. Можно ли этот случай считать необычным?

Кажется, это Эдгар Уоллес сказал: если у человека одно прозвище, значит, его еще чтят, но если прозвищ два или больше, значит, его не любят. Насколько мне известно, у нас с Джеки есть только одно прозвище, если это вообще можно назвать прозвищем: сотрудники зоопарка называют нас мистер и миссис Д. А придумал это, сдается мне, Шеп Мэлит.

Кудрявый, голубоглазый, с обворожительной улыбкой, Шеп, вне всякого сомнения, — самый красивый среди наших мужчин. На его совести столько разбитых сердец, что я потерял им счет. Ни одна из девушек, работавших в отделе птиц, не могла устоять против его чар. А одна влюбилась так сильно, что пришла к Джереми и заявила: ей немогуту работать в зоопарке, если Шеп не ответит на ее чувство. И так как на это рассчитывать

Д не приходится, она вынуждена уйти. В разгар беседы с Джереми она вдруг простонала: «О, мистер Молинсон, я так его люблю, что мне сейчас будет дурно!» С этими словами она выскочила из кабинета, и в коридоре ей впрямь стало дурно. При крещении Джон Мэлит получил второе имя — Жуан, и я часто спрашивал себя, почему мы не прозвали его «Дон Жуан». Но он был и остается Шепом, и на его попечении находятся все наши птицы, а их у нас немало.

Вообще-то птицы вроде бы не отличаются таким сильным характером, как звери, однако у нас побывало немало птиц, наделенных яркой индивидуальностью. Пожалуй, лучшим примером мог бы служить Трампи, серокрылый трубач из Южной Америки. Серокрылые трубачи — крупные птицы, с курицу величиной, у них высокий выпуклый лоб, что считается признаком ума, и большие чистые глаза. Трампи был совсем ручной, и ему разрешалось вольно ходить по зоопарку. Свою свободу он использовал, в частности, для того, чтобы помогать обжиться новичкам. Это выражалось в том, что Трампи целые сутки простаивал около клетки новичка, а то и в самой клетке. И уходил только после того, как убеждался, что новый жилец перестал нервничать.

В то время у нас жили два пингвина. И вот он затеял перелетать через загородку и изводить их. Долго пингвины терпели его выходы, наконец в один прекрасный день перешли в наступление, и удачный удар поверг Трампи в пруд. Непривычный к воде, он оказался в их власти. Когда мы выловили его, он был весь в крови. Мы решили, что нашему Трампи пришел конец, и зоопарк погрузился в траур. Однако нам удалось залечить его раны — уже на следующий день Трампи, потеряв несколько перьев и приобретя несколько шрамов, важно расхаживал по территории и всех приветствовал.

Тот же Трампи всегда провожал последних посетителей. Один раз он даже сел с ними в автобус, чтобы удостовериться, что они не собьются с пути. Кончина Трампи была внезапной и глубоко потрясла Шепу, потому что именно Шеп был в ней повинен. Как-то, взвалив на спину большой и тяжелый мешок с опилками, он направился в Дом млекопитающих; Трампи по привычке семенил за ним. Шеп подошел к нужной клетке и, ничего не подозревая, сбросил мешок прямо на трубача. Трампи был убит наповал. Все мы сильно расстроились, но позднее нам удалось приобрести еще двух трубачей, которым тоже позволено свободно расхаживать по территории зоопарка. Правда, им пока далеко до Трампи, но мы не теряем надежды.

Еще один пример яркой индивидуальности — наша корнуоллская клушица Дингл. Черное оперение этого своеобразного представителя вороно-

вых сочетается с красными ногами и длинным, немного изогнутым, ярко-красным клювом. Выкормленный людьми, Дингл был совсем ручной, и первые дни мы держали его у себя в квартире. Но после того как он разбил восьмой стакан, я решил, что лучше выдворить его в открытый вольер.

Милейшее существо на свете, Дингл больше всего любил, когда ему чесали голову. Припадет к земле или к вашим коленям, зажмурится, крылья дрожат от наслаждения...

Ему нравилось также сидеть на плече Джеки и тихонько перебирать клювом ее волосы, как бы отыскивая букашек. А однажды, сидя на моем плече, он уллучил минуту, когда я отвлекся, и засунул мне в ухо клочок бумаги, да так глубоко, что его пришлось извлекать пинцетом. Не иначе как вообразил, будто мастерит гнездо.

Переселение в вольер нисколько не ожесточило Дингла, он охотно спускается поговорить с вами и подставляет голову, чтобы вы могли ее почесать.

Вообще пернатых любителей поговорить у нас хватает. Когда гасят свет на ночь, попугай Суку говорит сам себе: «Спокойной ночи, Суку». А горная майна Али явственно произносит: «Где Триггер?» и «О-о-о, какой славный мальчуган!» Но, пожалуй, самый лучший оратор — майна более мелкого вида по имени Тапенс. Подойдите к клетке Тапенса и попробуйте с ним заговорить. Он сразу рассмеется, а если вы просунете внутрь палец и погладите ему животик, зажмурит глаза и примется бормотать: «Ой, как здорово! Ой, как здорово!»

Множество людей спрашивают меня, понимают ли говорящие птицы слова, которые произносят. Не берусь дать определенный ответ. Возьмите того же Тапенса. Вероятно, прежние владельцы, когда почесывали его, приговаривали: «Ой, как здорово!» — и он воспроизводит эти звуки, потому что они для него связаны с приятной процедурой. Впрочем, однажды Тапенс почти убедил меня в том, что говорит осмысленно.

Подстригая кусты рядом с клеткой майны, наш престарелый и весьма уважаемый садовник мистер Холли вдруг прокашлялся и сплюнул на землю. Тотчас раздался отчетливый, звонкий голос Тапенса:

— Старый неряха!

Мистер Холли был страшно доволен и весь день посмеивался про себя.

Про попугаев рассказывают много историй, и большинство из них отнюдь не вызывает доверия. Но мне известны два случая, когда попугаи явно не ограничивались воспроизведением заученных звуков.

У моих друзей, живших в Греции, был попугай; каждый день они выносили его клетку на воздух и ставили в тени под деревьями. Однажды ме-

Д

стный крестьянин привязал за оградой своего осла, а тот, как это заведено у ослов, неожиданно вскинул голову и исполнил скорбное соло, завершив его обычным протяжным храпом. Попутай внимательно слушал, наклонив голову набок, и, когда осел кончил реветь, отчетливо произнес вопросительным тоном:

— В чем дело, милый?

Второй случай. Мои афинские друзья держали африканского серого попугая. Он знал довольно много слов — греческих, естественно, — и хозяева очень им гордились. У них было заведено раз в неделю устраивать «день открытых дверей», когда все их друзья могли зайти на чашку чая. В один из таких дней главной темой беседы был попутай и его лексика. Кто-то из гостей утверждал, что попугай вообще не может говорить, они лишь издают нечленораздельные звуки. Гордый владелец серого африканца тотчас возразил — дескать, послушайте моего попугая, он знает такие-то и такие-то слова. Тогда гость, держа чашку с чаем в одной руке и кусок торта в другой, подошел к попугаю, уставился на него и сказал: «Попочка, ведь ты не умеешь говорить, правда?» Попутай несколько секунд глядел на гостя, затем, перебирая лапками по жердочке, подошел к нему ближе, наклонил голову набок и внятно молвил: «Поцелуй меня в зад». Гости оцепенели. Прежде попутай ни разу не произносил этих слов и потом никогда их не повторял. Однако факт остается фактом, все отчетливо слышали его реплику. Забавно реагировал пострадавший: он поставил чашку, положил торт, взял свою шляпу и трость и, бледный от гнева, удалился, заявив, что и не подумает оставаться в доме, где оскорбляют гостей.

Так повелось, что зимой птицы доставляют нам больше хлопот, чем все остальные обитатели зоопарка, вместе взятые. Особенно это касается тех птиц, которых содержат на открытом воздухе; надо внимательно следить, чтобы они не простудились или, того хуже, не обморозились. Ведь если фламинго или другая нежная птица сильно обморозится, дело доходит до ампутации пальцев.

Всего тяжелее была для нас зима 1962/63 года, невиданная в истории Джерси. Снежный покров достигал полуметра, и почва промерзла примерно на столько же. Мало того что мы дрожали за собственных питомцев, нам еще без конца несли истощенных диких птиц. Скворцы, малиновки, дрозды... Оставалось только одно: закрыть для посетителей Дом пернатых (в такую погоду их почти что и не было) и размещать в нем приносимых птиц. Там хоть было тепло, и мы не скупились на корм. Помню случай, когда у нас одновременно собралось сорок лысух, двадцать пять куропаток,

два лебедя и одна выпь, не считая всякой мелюзги. И все это в одном птичнике.

Как раз в ту лютую зиму в мой дом однажды постучались. Открыв наружную дверь, я увидел типичного хиппи. Давно не бритый, с длиннейшими баками, волосы грязные, нечесанные, одет в заношенное тряпье и, похоже, за все свои девятнадцать лет ни разу не умывался. Он держал под мышками двух лысух.

— Слышь, приятель, — обратился он ко мне. — Помог бы ты этим беднягам, видишь, кровью истекают!

Крайне удивленный, я взял птиц, осмотрел их и убедился, что они подранены из ружья, правда, раны не опасные, быстро заживут, но птицы совсем тощие и слабые. Я укоризненно посмотрел на хиппи:

— Что, поохотился?

— Да нет, — ответил он, — это не я, какой-то французик. Он при мне подстрелил этих бедняг, да не насмерть, ну я и подобрал их. Потом отнял ружье и хорошенько его взгрел. Не скоро его опять на охоту потянет...

— Ладно, не беспокойся, — сказал я, — постараемся что-нибудь сделать. Ты молодец, что принес их. У нас уже сорок штук есть.

— Это уж твоя забота, приятель, — весело произнес он. — Большое спасибо, бывай!

И он побрел прочь по глубокому снегу. Провожая его взглядом, я думал о том, как неверно судить о людях по внешности. Ну кто бы подумал, что под столь неопрятной оболочкой бьется золотое сердце!

А какая угроза нависла над нами, когда затонул танкер «Торри-Кэньон» и газеты забили тревогу, обращая внимание публики на опасности, которыми чревато загрязнение моря, в частности, для морских птиц! Мы с волнением ловили все новости о перемещении разлившейся нефти. И вот, к нашему ужасу, ветер и течение погнали ее на Нормандские острова. Я отлично понимал, что нефть способна погубить все колонии бакланов и тупиков на островах, а также что нам, чего доброго, придется оказывать помощь сотням, если не тысячам морских птиц, освобождая их от нефтяного плена. Между тем в зоопарке при всем желании можно было разместить от силы сорок-пятьдесят птиц. Надо было что-то предпринимать, притом срочно. Я позвонил в местную организацию, которая выступает против жестокого обращения с животными, и поделился своими опасениями. Выяснилось, что эта организация тоже может взять на себя не больше сорока-пятидесяти птиц. Да, такими силами не справишься с надвигающейся катастрофой... Тогда я позвонил Сэрэнн Колторп и попросил ее приехать ко мне — попробуем вместе разработать какой-нибудь план. Она приехала

Ди — что твой генерал! — в два счета мобилизовала всех обитателей остроува.

Мы повесили в конторе большую карту острова Джерси. Разноцветными булавками обозначали пляжи и бухты, которые предстоит регулярно обследовать поисковым отрядам, а также пункты сбора птиц и места, где мы сможем их содержать. Царило всеобщее воодушевление. Обязанности патрулей выполняли скауты и взрослые, располагавшие свободным временем. Несколько владельцев грузовых и легковых машин составили транспортную бригаду; для размещения птиц мы взяли на заметку множество сараев и амбаров. Директор одного отеля любезно разрешил нам занять плавающий бассейн — обнеси его сеткой, и будет пруд для сотни-другой птиц.

Исполненные решимости, мы принялись ждать, когда разлившаяся нефть дойдет до острова. Однако судьба распорядилась иначе. Ветер и течение переменялись, и, хотя нефть краешком задела кое-какие из Нормандских островов, нанеся известный ущерб, основная масса ее проплыла мимо нас к берегам Франции. Через наши руки прошло всего пять-шесть птиц, так что все хлопоты оказались напрасными, но мы хоть были готовы отразить беду. А французов нефть явно застигла врасплох, и там погибли тысячи морских птиц.

В один чудесный весенний день, когда у меня было особенно благодушное настроение, я решил разыскать Шеп. Если Шеп не отзывался по внутреннему телефону, которым оснащен наш зоопарк, всякий знал, что искать его надо у лебяжьего садка на заливном лугу, который мы так и называли: Поле Шеп. Представьте себе участок земли, отлого понижающийся к югу и похожий очертаниями на серп с протекающим вдоль лезвия ручьем. Шеп перегородил этот ручей, так что получилось несколько маленьких прудиков. Здесь он разводил птиц: на прудах — гусей и уток, на берегу — фазанов. Фазаны — главная страсть Шеп, и в том году он особенно преуспел в их разведении.

Наслаждаясь лучами весеннего солнца, я спустился на луг. Меня встретила обычная какофония: гусиное «га-га-га», утиное «кря-кря-кря», нежный писк фазанят в загонах, сопровождаемый гордым кудахтаньем их приемных матерей — кур разных пород. А вот и Шеп со своими неразлучными друзьями — овчаркой и крохотным шнауцером. Весело насвистывая, он нагнулся над клеткой, в которой маленькие пушистые комочки сустились у ног квохчущей бентамки.

— Доброе утро! — крикнул я, подойдя ближе.

Шеп оглянулся:

— Доброе утро, мистер Д. Идите-ка сюда, поглядите.

Я подошел и уставился на ожившие пуховки, спящие вокруг приемной мамыши.

— Это какие же? — спросил я.

Большинство фазанят на первый взгляд кажутся совсем одинаковыми, и я еще не научился различать виды.

— Эллиотовы, — гордо сообщил Шеп. — Ночью вылупились. Я хотел подождать, когда они обсохнут, потом прийти и сказать вам.

— Здорово! — Я искренне обрадовался, ведь фазаны Эллиота занесены в список угрожаемых видов и, возможно, в диком состоянии уже не водятся.

— Восемь яиц — восемь фазанят, — сказал Шеп. — Сам не ожидал, что так получится.

— И, по-моему, все здоровы.

— Вообще-то один кажется несколько хилым, но, я думаю, все будет в порядке.

— А я к тебе с новостью. Ты очень хорошо поработал в этом году, и вот я решил, что куплю любую пару фазанов по твоему вкусу, какая только появится в продаже. Понял? Не зоопарк купит и не трест, а лично я, чтобы отметить твои достижения.

— Нет, правда? — воскликнул Шеп. — Огромное спасибо, мистер Д!

Кто мог знать, к чему приведет мое опрометчивое обещание...

По утрам, разбирая почту, мы неизменно находим списки предлагаемых к продаже животных, рассылаемые торговцами в разных концах света. Списки кладут мне на стол, и я просматриваю их — вдруг появится что-нибудь особенно редкостное и интересное для треста. В тот день, о котором пойдет речь, я, как обычно, ознакомился со списками и, не заметив ничего примечательного, вернул их в канцелярию, чтобы все сотрудники могли с ними ознакомиться. Неожиданно раздался стук в дверь, я крикнул: «Войдите!» — и увидел лицо Шепы.

— Можно к вам на минутку, мистер Д?

Бледный, взволнованный, совсем на себя не похож...

— Входи, — ответил я. — Что там случилось?

Шеп вошел и затворил дверь, в руке у него был список.

— Вы видели этот каталог? — глухо спросил он.

— Название?

— «Ябира».

— Видел, а что? Что в нем такого?

— Вы не заметили? Белоухие фазаны.

— Ты уверен?

Д

— Конечно, уверен. Посмотрите... вот.

Он положил каталог на мой стол. В самом деле. «Ожидаются вскоре — белоухие фазаны». Но цена не указана. Нехороший признак: обычно цену не пишут, когда речь идет об очень дорогих экземплярах. А в данном случае можно было и не сомневаться. Во-первых, белоухий — один из самых крупных и красивых ушастых фазанов. Во-вторых, в диком состоянии белоухих практически не осталось. А в неволе, насколько известно, во всем мире содержится лишь семь этих птиц, причем большинство — в Америке. Я вздохнул. Мне было очевидно, что трест обязан приобрести белоухих фазанов. И я помнил свое вчерашнее обещание Шепу.

— Что ж, — покорно произнес я, — звони им скорее, ведь другие зоопарки набросятся на них, как коршуны. Только учти, Шеп, что цена должна быть приемлемая, мои ресурсы ограничены.

— Конечно, конечно, — ответил он. — Я понимаю.

Шеп подошел к телефону; вскоре его соединили с Голландией.

— Мистер ван ден Бринк? — спросил он срывающимся голосом. — Я звоню по поводу белоухих фазанов из вашего каталога.

Последовала долгая пауза, Шеп слушал объяснение ван ден Бринка.

— Понятно, — сказал он наконец, — понятно.

Прикрыв ладонью трубку, он обратил на меня умоляющий взгляд.

— Он еще не получил их, но они уже в пути. И он просит по двести пятьдесят фунтов за птицу.

Мне стало нехорошо, но слово есть слово.

— Ладно, скажи ему, что мы берем одну пару.

— Мистер ван ден Бринк, — молвил Шеп дрожащим голосом, — мы берем одну пару. Пожалуйста, запишите ее за нами. Да-да, Джерсийский зоопарк... Вы нас известите? Предупредите, когда будете отправлять?.. Ясно, они прибудут через Париж... Это нас вполне устраивает. Огромное спасибо. Всего доброго.

Он положил трубку на аппарат и взволнованно заходил по кабинету.

— Ну, что еще? — спросил я. — Я же сказал, берем пару. Почему такое мрачное лицо?

— Понимаете... В общем, мне кажется, одной пары мало, — выпалил Шеп.

— Ну, знаешь, дружище. Как-никак я выложил на твоих фазанов пятьсот фунтов! Еще одна пара мне просто не по карману.

— Да нет же! — воскликнул Шеп. — Я вовсе не про вас говорю, я про себя. Вы разрешите мне купить вторую пару? Куда вернее, если у нас будут два петуха и две курочки.

— Но, Шеп, — возразил я, — это же пятьсот фунтов стерлингов! У тебя наберется столько денег?

— Да, да, — нетерпеливо ответил он. — У меня... у меня есть деньги. Только... только вы разрешите мне их купить?

— Ну, конечно, покупай, если тебе не жалко своих денег. Ведь это изрядная сумма.

— Слишком рискованно держать одну пару, — сказал Шеп. — Вдруг петух погибнет или курочка? Значит, можно?

— Можно, можно. Только звони сразу.

И вот уже снова на проводе Голландия.

— Мистер ван ден Бринк? Я насчет ваших белоухих фазанов... Мы решили взять две пары вместо одной... Да, две пары... Большое спасибо. Всего доброго.

Шеп положил трубку и обратил ко мне ликующее лицо.

— Ну, с двумя-то парами что-нибудь да выйдет, — сказал он.

Но покупка птиц была только началом. Требовалось еще оборудовать для них два птичника на чистом грунте, то есть на участке, где раньше птиц не держали и можно было не опасаться, что почва чем-нибудь заражена. Выполнив эту задачу, мы принялись нетерпеливо ждать белоухих. Неделя проходила за неделей, мы регулярно звонили мистеру ван ден Бринку, а он всячески извинялся и объяснял, что птицы следуют в Париж из Пекина через Москву и Германию. Путешествие непростое, но он постарается, чтобы нигде не было задержек.

Наконец ван ден Бринк позвонил нам и сообщил, что птицы уже в Берлине, завтра прибудут. Когда наступил долгожданный день, Шеп так волновался, что от него нельзя было добиться толкового ответа ни на один вопрос. Его страшно тревожило состояние фазанов. И вот посылка наконец доставлена из аэропорта в зоопарк. Мы сорвали с клетки мешковину и увидели великолепных больших белых птиц: хвост — каскад из белых перьев, ярко-красные щеки, черные хохолки. Удивительно хороши! Мы долго не могли на них налюбоваться. Наконец отнесли клетку на подготовленный участок и пустили по паре в каждый птичник.

Три фазана явно дичились людей, Шепу даже показалось, что они похожи скорее на недавно пойманных, чем на выращенных в неволе. Зато четвертая птица (это был один из двух петухов) вела себя очень смирно. Настолько смирно, что мы слегка насторожились. Так или иначе, Шеп насыпал им корму и налил воды. А чтобы они не пугались посетителей, мы завесили сетки мешковиной.

Наутро мы с Шепом пошли взглянуть на наших фазанов. Смирный петух еще больше присмирел, и мы заподозрили неладное. Решили созво-

Д

ниться с Томми Беггом, посоветоваться с ним, и в это время петух умер. Томми ничего не оставалось, как исследовать его. Вскрытие выявило причину смерти: легкие птицы были источены аспигилезом. Аспигилез — крайне вирулентная форма грибкового заболевания. Поразив легкие, он развивается с ужасающей быстротой, и против него нет никаких средств. Белоухий фазан мог бы прожить с этим грибом несколько лет, но долгое и утомительное путешествие сыграло свою роль. Болезнь обострилась, и птица погибла.

— Да, не зря ты купил вторую пару, — уныло сказал я Шепу.

— Не зря, — согласился он. — Понимаете, я предчувствовал что-то в этом роде. А как было бы ужасно, окажись этот петух единственным!

Я был совершенно согласен с Шепом.

Итак, у нас остались две курочки и один петух, насколько мы могли судить, все в прекрасном состоянии, можно рассчитывать на потомство. Целое лето и зиму они осваивались на новом месте и к весне стали вполне ручными. Петух явно отдавал предпочтение одной из курочек, и мы отделили их; вторая курочка осталась в одиночестве. И вот однажды утром Шеп ворвался ко мне в кабинет, держа курочку на руках.

— Господи, что случилось? — воскликнул я. — Надеюсь, она не разбила себе голову?

Бывает, что фазаны с испугу стремительно взлетают и ударяются о сетку головой, обдирая ее до крови.

— Нет, хуже, — ответил Шеп. — Она не может снести.

Судя по всему, курочка мучилась не один час и совсем выбилась из сил. Мы дали ей воды с глюкозой, и я позвонил Томми Беггу. Он посоветовал мне впрыснуть пенициллин и затем испробовать все известные способы, чтобы извлечь яйцо в сохранности. Мы сделали курочке укол и принялись за дело, используя пар, растительное масло и все, чем пользуются в подобных случаях. Тщетно. У нас ничего не получалось, а птица слишком устала, чтобы помогать нам. Оставалось только разбить скорлупу и извлечь яйцо по частям. Процедура весьма опасная, чреватая перитонитом. Нам удалось извлечь яйцо, после чего мы сделали птице промывание теплой водой, чтобы не оставалось никаких осколков. Обессилевшую курочку поместили в затемненный и утепленный ящик: пусть приходит в себя. Однако часа через два обнаружилось, что она мертва. Мы с Шепом уныло глядели на погибшую курочку...

— Что ж, — произнес я нарочито бодрым голосом, — у нас есть еще одна пара.

— Да, — согласился Шеп. — Вроде бы есть, если не считать, что петух не очень-то любит эту курочку.

— Ничего, придется полюбить, — сказал я.

И мы свели их вместе. Брачный сезон уже прошел — тем нетерпеливее ждали мы следующей весны. За год они свыклись друг с другом, и петух начал проявлять к курочке нежные чувства. Но однажды утром Шеп явился в мой кабинет совершенно убитый.

— Я опять насчет белоухих, — начал он.

— Господи, да что же это такое! — воскликнул я. — Ну что там стряслось?

— Идите посмотрите сами.

Мы подошли к птичнику, и я увидел, что петух хромает, причем сильно, — в первую минуту мне даже показалось, что он сломал ногу. Шеп предполагал, что ночью петух был чем-то напуган, взлетел и, падая, зацепился пальцем за проволоку. При этом он растянул бедренные мышцы, а быть может, повредил нерв. Мы с Шепом поглядели друг на друга — оба подумали об одном и том же. С поврежденной ногой петуху будет трудно, а то и вовсе невозможно топтать курицу. Если мы его не вылечим, вряд ли удастся получить потомство от наших белоухих фазанов. Приготовившись к самому худшему, мы поймали петуха, и я осмотрел ногу. Вывиха нет, все кости целы... Кажется, и впрямь дело ограничилось растяжением. Может быть, еще не все потеряно? Мы впрыснули петуху витамин D₃ — он оказался чудодейственным, когда мы лечили мартышек от паралича задних конечностей, — и наладили повседневное наблюдение. Однако петух не шел на поправку, а продолжал ковылять, едва касаясь земли кончиками пальцев, чтобы не потерять равновесие. Я ничего не говорил Шепу, и он держал про себя свои думы, но оба мы в глубине души были убеждены, что наша попытка разводить белоухих фазанов обречена на провал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЕОПАРДЫ В УБОРНОЙ

*Сэмюэль Джон Алиру через Филиппа Ансумана
Школа Красного Креста, Бамбавулю*

Уважаемый сэр!

Настоящим очень прошу Вас проявить для меня пленку «Кодак-221», которую я пересылаю со своим братом, Филиппом Ансумана. Пожалуйста, возьмите на себя проявление и печать, если можно.

Д

Я и сам пришел бы, но занят сейчас сочинением песни, которую рассчитываю преподнести Вам на следующей неделе.

Я учусь, хожу в среднюю школу в Сезбвеме.

Искренне Ваш
Сэмюэль Джон Алиру.

Я настойчиво уговаривал Би-би-си запечатлеть на киноплёнке экспедицию за животными, однако корпорация «Британское радиовещание и телевидение» выказывала явную недальновидность. Я объяснял, что прелесть экспедиции не только в отлове животных, их еще надо сберечь и привезти в сохранности. Словом, отличный материал для фильма. Тем не менее корпорация целый год раздумывала, прежде чем наконец согласилась. С радостью думал я о том, как это важно для нашего треста. Во-первых, будет неплохая реклама, во-вторых, коллекция треста пополнится интересными экспонатами, и, в-третьих, если до сих пор я должен был сам изыскивать средства на все экспедиции, то на этот раз Би-би-си поможет с финансированием. Хотя дела треста к тому времени шли хорошо, ему все еще было не под силу снаряжать экспедиции за животными.

Сперва мы думали о Гайане, но нас смущала неустойчивая политическая обстановка в стране. В моей жизни уже был случай, когда из-за переворота пришлось отпустить половину отловленных животных, и я вовсе не хотел, чтобы эта история повторилась в разгар съемок многосерийного фильма. Поразмыслив, я остановился на Сьерра-Леоне. Мне еще не доводилось бывать в этой части Африки, а там есть редкостные животные, которые оченьгодились бы тресту; к тому же я искренне люблю Западную Африку и ее обитателей.

С большим удовольствием я услышал, что руководить съемками будет Крис Парсонс. Крис — мой старинный друг, мы уже работали вместе, даже совершили грандиозное путешествие по Малайе, Австралии и Новой Зеландии, так что я успел хорошо узнать его и проникся к нему самыми теплыми чувствами.

Мы встретились в Бристоле и разработали план экспедиции. Решили, что я вместе с кем-нибудь из сотрудников зоопарка отправлюсь морем в Сьерра-Леоне, организую базовый лагерь и постараюсь возможно скорее отловить побольше животных, после чего к нам вылетит Крис Парсонс со своими людьми. Мы прикинули, что у нас будет недели две на отлов зверей до прибытия киногруппы. Приедут и сразу же смогут начать съемки.

Оставалось решить, кто из сотрудников поедет со мной. Я выбрал Джона Хартли. Высокий — сто девяносто сантиметров — и невероятно худой,

наш Долговязый Джон, как мы его называли, словно сошел с карикатуры Круикшанка. Но этот молодой человек — великий труженик, и он с восторгом принял мое приглашение.

Начался крайне важный, хотя и малозанимательный процесс подбора экспедиционного снаряжения. В таком путешествии никогда не знаешь заранее, что можно будет достать на месте, поэтому лучше всего везти все необходимое с собой. Мы запасли молотки и гвозди, винты и шурупы, ловушки, сети и всевозможные клетки, бутылочки — на случай поимки детенышей, шприцы и лекарства — на случай заболевания животных, множество патентованных средств — таких, как сухое молоко «Комплен», которым очень хорошо выкармливать молодняк. Получилась целая гора.

И тут, как всегда бывает, когда снаряжаешь экспедицию — все равно какую и все равно куда, — возникло неожиданное препятствие. Выяснилось, что суда, заходящие во Фритаун, не перевозят животных. Потрясенный этим открытием, я позвонил в пароходство. Меня соединили с одним из директоров — к счастью, он читал мои книги, и они ему понравились. Пароходство любезно согласилось сделать исключение из правила, запрещающего провоз животных на пассажирских судах. Нам сообщили, что пароход «Аккра», который доставит меня и Хартли в Сьерра-Леоне, потом заберет нас оттуда вместе с добытыми нами животными.

В хмурый, дождливый день мы с Долговязым Джоном проследили за погрузкой объемистого багажа на «Аккру» в Ливерпульском порту и вечером вышли в море. Джеки решила воздержаться от участия в экспедиции. Она дважды побывала в Западной Африке и убедилась, что тамошний климат не для нее. Поэтому она предпочла совершить новую поездку в Аргентину вместе с Хоуп Плет и моей секретаршей Энн Питерс.

На пути в Африку мы попали в жестокий шторм, и это даже было к лучшему: меня шторм не пугает, я совсем не страдаю морской болезнью, но мне было важно проверить, как переносит непогоду Долговязый Джон. Не очень-то сладко ухаживать за целым зверинцем, когда тебя терзает морская болезнь. К счастью, у Долговязого Джона оказался луженый желудок: мы ели все, что нам подавали. Отдыхая в салоне, мы пили пиво и листали захваченные с собой книги о фауне Западной Африки; особенно нас интересовали повадки животных, которых мы надеялись поймать. Развалясь в кресле, Долговязый Джон напоминал сбитого с ног жирафа, а я твердил ему, что только в плавании и отдохнешь. Еще я говорил ему, что бы он был готов ко всяким передрыгам. Я рисовал мрачные картины: соломенные хижины с полчищами пауков и скорпионов, горячее пиво, купание в лохани и прочие ужасы тропиков.

Д Мы подошли к Фритауну в солнечный, жаркий день, и ветерок донес до нас чудесные запахи Западной Африки... Пальмовое масло, цветы, гниющая растительность создавали восхитительный, дурманящий букет.

Через члена нашего треста мистера Геддиса мне посчастливилось установить связь с мистером Оппенгеймером, и он поручил «Алмазной корпорации» в Сьерра-Леоне помогать мне, с чем бы я ни обратился. Учítывая, что нам придется задержаться во Фритауне, я заранее написал туда, прося либо забронировать для нас номера в гостинице, либо снять небольшую квартиру, если это возможно. Можете представить себе мое замешательство, когда на борт парохода поднялся шофер в ослепительной ливрее, подошел ко мне и спросил, не я ли мистер Даррелл. Получив утвердительный ответ, он сказал, что внизу ждет машина, ему велено отвезти нас на одну из квартир корпорации, предоставляемую нам на время пребывания во Фритауне. Предупрежденный, что квартиры в городе тесные и душные, я не рассчитывал на особые удобства.

Так или иначе, я попросил шофера подождать, пока наш багаж пройдет через таможенную, и, надо сказать, таможенники не подкачали. Не могу припомнить, чтобы с такой горой всякой всячины меня где-нибудь пропускали так быстро. Мы погрузили вещи на могучий вездеход, любезно одолженный фирмой «Лендровер», Долговязый Джон занял место за рулем и повел его следом за шикарной легковой машиной, в которую пригласил меня элегантный шофер. Проехав через город, мы очутились среди зеленых участков с утопающими в цветах домами. Затем машина круто свернула на дорожку, обрамленную пламенеющим гибискусом, и впереди показалось роскошное здание.

— Нам сюда? — удивленно спросил я шофера.

— Так точно, сэр, — ответил он.

Едва мы остановились перед зданием, как тотчас появились служители в белой форме. Они отнесли наши чемоданы на четвертый этаж и ввели нас в квартиру, при виде которой у меня перехватило дыхание. Во-первых, размеры: в гостиной, наверно, поместилось бы человек пятьдесят. Во-вторых, обстановка словно из голливудского фильма. В-третьих, кондиционированный воздух. И в-четвертых, с лоджии открывался замечательный вид через гряду холмов на Ламли-Бич, один из лучших пляжей Сьерра-Леоне длиной в несколько километров.

— А что, — сказал Долговязый Джон, осмотревшись, — совсем неплохо, правда? Я не против такого шалаша, если вы это подразумевали.

— Я ничего подобного не подразумевал, — строго ответил я. — Вот выедем в глубь страны, там ты узнаешь, что такое настоящие лишения. А это... это, так сказать, приятный сюрприз. Просто нам повезло.

Я прошел на кухню и увидел слугу. Он вытянулся в струнку.

— Вы здесь служите? — осведомился я.

— Так точно, сэр, — улыбнулся он, — я убираю эту квартиру. Меня зовут Джон. И я же повар, сэр.

Я обвел взглядом ослепительно чистую кухню и узрел внушительный холодильник в углу.

— Но пива, — осторожно произнес я, — пива у вас скорее всего нет, Джон?

— Есть, сэр! Сейчас принесу, сэр.

Я вернулся в гостиную и опустил в кресло, слегка оглушенный всей этой роскошью. Неторопливой походкой вошел Долговязый Джон, он успел обследовать прочие помещения.

— Три спальни, — доложил он, — почти такие же большие, как эта комната. Невероятно.

— А я обнаружил холодное пиво. Похоже, голодать не придется.

Нас ожидала уйма дел и множество встреч. Надо было получить разрешение на отлов животных и вывоз их из страны, надо было связаться с людьми, которые могли помочь нам в работе. Между тем оба наших «Лендровера», и большой, и маленький, отнесли к разряду грузовых машин, а грузовикам проезд через центр Фритауна запрещен. Но эта проблема разрешилась благодаря любезности местных властей, предоставивших нам легковую машину с водителем.

Далее, нужно было выбрать место для базового лагеря. Поразмыслив, я решил ориентироваться на Кенему, расположенную километрах в шести-стах пятидесяти от Фритауна, внутри страны. Все-таки Кенема сравнительно большой город, легче будет доставать продукты и снаряжение, к тому же там есть контора «Алмазной корпорации», которая уже доказала свое расположение к нам, глядишь — и впредь выручит. Еще на борту «Аккры» мы познакомились с Роном Феннелом, исполняющим обязанности правительственного советника в Сьерра-Леоне, он-то и порекомендовал мне Кенему. На мой вопрос, где лучше всего устроить базовый лагерь, он ответил:

— Попробуйте хромовый рудник.

Сперва я решил, что он шутит: мне отнюдь не улыбалось поселиться в штольне. Но Рон Феннел объяснил, что километрах в десяти от Кенемы на хромовом руднике стоят пустые дома, которые были выстроены для горняков и их семей. После того как запасы хрома истощились, рудник забросили. Власти, несомненно, разрешат мне занять там один или два дома. Его

Д

идея мне тогда очень понравилась, теперь я обратился к властям и тотчас получил разрешение.

Вообще я не люблю городов, но Фритаун меня пленил. Его улицы умиляют несуразными, архибританскими названиями — Сент-Джеймс, Стрэнд, Оксфорд-стрит... Загоните англичанина в трясины на краю света, и он в приступе оригинальности назовет ее Пикадилли. Очаровательные лондонские автобусы, битком набитые африканцами, тащились между белыми ульями небоскребов, которые высились над живописными деревянными домами прежнего Фритауна. Старая архитектура пришлась мне больше по душе, но она вполне уживалась с новой.

Следующей задачей было подобрать себе помощников, и я разыскал Саду, рекомендованного мне одним знакомым, который несколько лет провел в Сьерра-Леоне; по его словам, Саду был отличным поваром, честным человеком и работягой. И вот передо мной стоит шуплый коротышка с озорной улыбкой на морщинистой, совсем обезьяньей физиономии. Мы договорились о жалованье, после чего я попросил Саду самого подыскать в городе боя. В Западной Африке бой — подсобный рабочий, он чистит картошку, стелет постели, словом, делает всякую черную работу, от которой повар — или стюард, если вы им обзаведетесь, — избавлен.

Через некоторое время Саду привел робкого мальчугана лет четырнадцати, с обаятельной улыбкой, по имени Ламин; мы тотчас наняли его.

И вот настал долгожданный день. Все подписи и печати получены, приготовления завершены, вещи погружены в большой «Лендровер» (маленький оставался в Фритауне для киногруппы Би-би-си), Саду и Ламин сидят в кузове. Мы с Джоном забрались в кабину и покатали в глубь страны.

Первая часть пути была великолепной. Плотной утрамбованной щебенкой, стеной стоят деревья и кустарники, радуют глаз красные, желтые, пурпурные, белые цветы. Внезапно на стопятидесятом километре щебенку сменил латерит... Растения на обочине обсыпаны пылью — скользкой, как тальк, мельчайшей пылью, которая просачивается в любую щель, проникает в глаза, в легкие — всюду! На выбоинах и ухабах от ветров и зимних дождей машину трясет так, что через несколько километров вам кажется, будто вы по меньшей мере лет триста скачете верхом на пневматическом буре. Чем дальше, тем гуще пыль, а дороге не видно конца.

В редких африканских деревушках из хижин высыпали дети и махали нам розовыми ладошками, сверкая черными глазами и кипенно-белыми зубами. Несколько раз над дорогой пролетали птицы-носороги с тяжелыми длинными клювами. Они отчаянно хлопали крыльями, словно боясь, что клюв перетянется и они врежутся в землю.

Через несколько часов мы достигли селения Бамбаву. Хромовый рудник расположен в невысоких горах за селением, но прежде всего надо было разыскать в Бамбаву смотрителя, у которого хранились ключи от всех построек. Посадив его в машину, мы свернули влево, в горы. Дорога шла на подъем и становилась все хуже, зато растительность здесь была куда более величественной. Теперь нас окружал настоящий девственный лес: опираясь на могучие контрфорсы корней, вздымались вверх исполинские деревья, облепленные орхидеями и другими эпифитами, древовидный папоротник разметал зеленые каскады. И чем гуще лес, тем непригляднее рисовалось мне жилье, ожидающее нас на руднике. Еще поворот — и вот рудник перед нами. Полная противоположность тому, что я предполагал! Большое административное здание, плавательный бассейн, правда пустой, если не считать сухих листьев, но все-таки бассейн. Продолжая подниматься по склону, мы увидели среди деревьев на гребне семь-восемь коттеджей с изумительным видом на равнину, где раскинулось селение Бамбаву, и на сотни километров сплошного леса до границ Либерии. Многие постройки рудничного поселка были сильно запущены, но мы присмотрели себе два отличных коттеджа, стоящих по соседству друг с другом.

Пока переносили в дом наши вещи, я узнал от смотрителя, что в административном здании стоит генератор, снабжавший поселок электричеством. Если мы раздобудем топливо, электрик за небольшое вознаграждение с удовольствием подежурит на генераторе. Меня это вполне устраивало, заодно я договорился, что два крепыша из селения очистят бассейн и наполнят его водой.

Остаток дня мы с Долговязым Джоном разбирали вещи и складывали их в разных концах нашей просторной обители. А вечером Саду подал великолепный ужин — тушеное мясо с карри.

— По чести говоря, я этого больше всего опасался, — сказал Долговязый Джон, с удовольствием потягивая холодное пиво. — Соломенные хижины, скорпионы под потолком, пауки всякие, теплое пиво...

— Ешь да помалкивай, — ответил я. — Нам жутко повезло. У меня в жизни не было такого роскошного лагеря. Только подумать — ванна, настоящая уборная! Это же верх роскоши!

Скоро выяснилось, что сюрпризы рудника этим не исчерпываются. Например, вода поступала из родников в ближнем лесу, ее вполне можно было пить, не возясь с кипячением и фильтрованием. Далее, начисто отсутствовали комары. И наконец, благодаря свежему ветерку с гор в домах никогда не бывало душно.

Начались хлопотные дни. Мы побеседовали со старостой Бамбаву, объяснили этому добродушному старцу, для чего приехали, и попросили его

Д подыскать в селении желающих ловить для нас «говядину» — в западноафриканском пиджине этим словом обозначаются всякие животные, от лягушки до слона. Затем мы наняли плотника, которому поручили сколотить ящики для клеток — готовые передние стенки мы привезли с собой из Англии. И вот уже в ряд выстроилось множество клеток — увы, пустых. Тогда мы решили посетить все деревни в радиусе тридцати километров, чтобы народ узнал о нашем прибытии и наших задачах. Всюду мы предупреждали, что через три дня приедем опять, проверим, удалось ли поймать что-нибудь для нас.

Однажды вечером, вернувшись из очередной агитпоездки (выражение Долговязого Джона), мы искупались, переоделись, молча, со вкусом поужинали и уже хотели ложиться спать, как вдруг снизу донеслись необычные звуки. Флейты, барабаны, поющие голоса... Потом между деревьями замелькали огоньки: целая вереница людей с фонарями в руках поднималась вверх по дороге.

— Это еще что за явление? — насторожился Долговязый Джон. Дорога кончалась у наших домов.

— Не знаю, — ответил я. — Вероятно, какая-нибудь депутация из селения. Может, староста велел своему оркестру поиграть для нас?

Мы терпеливо ждали; наконец гурьба поющих африканцев подошла к нашему дому и выстроилась в шеренгу перед верандой. Двое в середине шеренги держали на плечах шест, на котором висела довольно большая клетка из толстых жердей.

— Ага! — сказал я Долговязому Джону. — Похоже, первая «говядина» прибыла. Только смотри, не очень восторгайся, что бы там ни оказалось, не то цена сразу подскочит.

— Что вы, что вы! Постараюсь сделать вид, будто это такая гадость, что мы ее и даром не возьмем.

— Ну, друзья, что же вы принесли? — обратился я к собравшейся компании.

— Говядину, сэр, говядину! — последовал дружный ответ, и в свете фонарей засверкали белые зубы.

Гордо улыбаясь, ловцы опустили клетку на землю, и мы попытались рассмотреть содержимое сквозь щели. Судя по клетке, должно быть довольно крупное животное... Нет, ничего не видно. Тогда мы перетаскивали клетку на свет и перерезали прутья, которыми была привязана крышка.

— Берегитесь, сэр! — сказал один из охотников, когда я осторожно взялся за крышку. — Эта говядина вас укусит.

Приподняв крышку, я заглянул внутрь, и вдруг из клетки высунулась прелестная рожица. Она принадлежала крохотному мартышонку, который

вполне уместился бы в чайной чашке. Зеленая мордочка, на носу белое пятно сердечком... Из темноты на меня уставились блестящие глазки, и мы слышали пронзительный писк, который вскоре стал привычной музыкой для обитателей базового лагеря. Я откинул крышку и извлек детеныша из ящика. У него была зеленоватая спинка, длинный хвост и грустное личико. Вцепившись ручонками в мои пальцы, он снова пискнул дрожащим голосом.

— Эта говядина не кусается, — сказал я охотнику. — Это не взрослая обезьяна, это детеныш.

Знакомая уловка: почему-то африканцы убеждены, что, преувеличивая свирепость пойманного животного, они больше за него получают.

Долговязый Джон бережно принял мартышонка в свои широкие ладони, а я приступил к переговорам. Торговля затянулась, но в конце концов мне удалось сбить цену с пяти фунтов до двух. На самом деле малыш не стоил таких денег, но опыт научил меня, что на первых порах лучше переплатить, чтобы поощрить охотников, а потом можно и сбавить цену. Очень довольные сделкой, гости покинули нас, громко распевая под дробь маленького барабана. Они исчезли за деревьями, а мы с Долговязым Джоном поспешили раздобыть теплого молока и покормили изголодавшегося малыша. Потом устроили в одной из клеток теплую постель из сухих банановых листьев и уложили его спать.

— Ну что ж, — сказал я Долговязому Джону, когда мы сами легли, — вот и первая добыча. Кстати, неплохая. Довольно редкий вид. Будем считать это доброй приметой.

Как я и думал, весть о том, сколько мы заплатили за обезьянку, быстро распространилась, и к нашему дому потянулась непрерывная цепочка охотников с самыми разнообразными животными. Тут были совы и летучие мыши, кистехвостые дикобразы и мартышата, крысы величиной с котенка, большие и малые мангусты. Агитпоездки по деревням тоже принесли плоды, из повторных визитов мы редко возвращались с пустыми руками, пусть даже весь улов состоял из черепахи или молодого питона. В клетках шуршала, пищала, визжала и гукала всевозможная живность: будет чем встретить группу из Би-би-си. Однако главного, за чем мы ехали в Сьерра-Леоне — гверец и леопардов, — добыть еще не удалось. И вдруг, буквально накануне приезда киногруппы, мы наконец получили леопардов, причем совсем неожиданным путем.

Эти великолепные кошки становятся все большей редкостью из-за спроса на их шкуры, и, сколько я ни допытывался у охотников, нельзя ли добыть несколько экземпляров, они только качали головой и твердили, что поймать леопарда «ну просто невозможно». Я уже начал привыкать к мыс-

Д

ли, что мы останемся без леопардов. Но вот в один прекрасный день на дороге показался сильно помятый «Лендровер». Возле нашего дома он оставился, и из кабины вышел поджарый молодой американец с пышными кудрями. Он представился: Джо Шарп, работает в Кенеме, слышал, будто мы собираем животных. Случайно леопарды нас не интересуют?

— Конечно, интересуют! А что? Вы знаете, где их можно найти?

— Понимаете, — ответил Шарп, — у меня есть два леопарда, один охотник уступил. Я сам их выкормил, им около шести месяцев... Вот я и подумал, может, вы заинтересуетесь.

— Еще как! — горячо подтвердил я. — А где они?

— Тут, — сказал он и показал на свой «Лендровер».

Американец подошел к машине, открыл дверцу сзади, и из кузова выпрыгнула пара самых великолепных леопардов, каких я когда-либо видел. Рост — с хорошего лабрадора, прекрасная расцветка, сильные ноги, шерсть переливается на солнце. Громко мурлыкая, они терлись о ноги Джо Шарпа. Хозяин пристегнул к ошейникам поводки, мы подвели леопардов к веранде, привязали их и сели, упиваясь чудесным зрелищем.

— Зовут их Герда и Локаи, — объяснил Джо, удобно устроившись в кресле и приняв предложенную мной кружку пива. — Мне кажется, это брат и сестра, потому что охотник принес их вместе и они были примерно одного роста, хотя Герда, как вы видите, постройнее Локаи.

Локаи положил на стол передние лапы, подозрительно обнюхал мою кружку, потом внимательно поглядел на меня и лизнул мне руку шершавым языком.

— Так вот, берите их, если хотите, — продолжал Джо. — Честное слово, жаль с ними расставаться, привязался, но мне скоро возвращаться в Штаты, а везти их с собой нельзя.

— Конечно, хотим, — сказал я. — Я еще никогда не видел такой красивой окраски. А доверять им можно?

Мой вопрос был вызван тем, что как раз в эту минуту Локаи убрал лапы со стола и нежно обхватил ими мою ногу. А когти-то острые...

— Вопрос по существу, — заметил Джо. — Со мной они дружат и с другими нашими ребятами тоже ладят, правда, не со всеми. А кого недолюбливают, тем лучше быть начеку. Локаи, например, способен прыгнуть на вас сверху, с двери, а весит он немало, так что если застигнет врасплох...

— Если застигнет врасплох, может вам шею сломать, — заключил я, отдирая лапы Локаи с моей ноги.

— Да нет, я думаю, они быстро освоятся. Они очень добродушные, честное слово.

— Где, — осведомился Долговязый Джон, — где мы будем их держать?

Вот именно! Я совсем упустил это из виду. Плотник сегодня выходной, и негде взять достаточно большую клетку, надо мастерить особо, за материалом придется ехать в Кенему. На все это требуется время, а завтра приезжают ребята из Би-би-си. Задача! И тут я вспомнил, что как раз между нашим коттеджем и маленьким домиком ниже по склону, предназначенным нами для киногруппы, стоит будочка площадью два на три метра, высотой около трех метров, которая, судя по всему, некогда служила общественной уборной. Если ее хорошенько почистить, леопарды вполне могут пожить там, пока для них не приготовят клетку.

Мы тут же спустились к будке и убедились, что она вполне подходит для леопардов. Правда, меня смущал просвет шириной около двадцати сантиметров между крышей и верхней кромкой стены, но Джо уверял, что они в эту щель не протиснутся.

После уборки мы отвели Герду и Локаи на новую квартиру и поставили перед ними по миске любимого ими блюда — консервированного собачьего корма, на котором их вырастил Джо. А сами возвратились на веранду, чтобы выпить еще по кружке пива.

Вечером, проводив Джо, мы с Долговязым Джоном не без трепета понесли в будку ужин. Заслышав наши шаги, леопарды завывали, замурлыкали и принялись царапать дверь, да так энергично, что мы беспокойно переглянулись.

— По-моему, — сказал я, — не худо бы и вооружиться для такой операции.

Мы срезали себе по крепкой палке. На всякий случай.

— А теперь, — продолжал я, — если осторожно открыть дверь и сунуть туда миску с едой, может, это их отвлечет, тогда мы поставим вторую миску и заберем грязную посуду.

— Пожалуй, — неуверенно произнес Долговязый Джон.

Медленно, осторожно мы потянули дверь к себе; тотчас оба леопарда бросились на нее с другой стороны, приветствуя запах пищи радостным ворчанием. Мы сунули миску внутрь и подтолкнули так, что она поехала по полу в дальний угол. Леопарды ринулись за ней, мы живо юркнули в будку, схватили грязную посуду, поставили на пол вторую миску с кормом, выскочили из будки, захлопнули дверь и заперли ее на засов.

— Ух! — вздохнул Долговязый Джон. — Доставят они нам хлопот. Скорее бы посадить их в клетку.

— Завтра прямо с утра возьмемся за дело, — сказал я. — Поезжай в Кенему за досками, а я попробую уговорить плотника поработать сверх-

Д

урочно. Глядишь, к вечеру клетки будут готовы. Не такое уж хитрое сооружение.

— Идет, — согласился Долговязый Джон. — Только не представляю себе, как мы будем кормить их утром. Кончится тем, что некому будет ехать в Кенему...

— А кто же еще их покормит? Придется нам, никуда не денешься.

— Ладно, — сказал Джон, — если погибну, то геройской смертью.

Мы отправились спать в довольно мрачном настроении.

На другое утро мы покормили леопардов тем же мудреным способом, потом приоткрыли дверь и поглядели на них в щелочку. Они лежали, облизываясь и удовлетворенно мурлыкая. Кажется, еда подействовала умиротворяюще... Что ж, рано или поздно надо налаживать дружбу, так стоит ли откладывать! И мы с Джоном закрылись в будке с леопардами. Заговорили с ними, стали их гладить и обнаружили, что Герда больше симпатизирует Долговязому Джону, а Локаи — мне. Если, конечно, считать знаком симпатии, когда на ваше колено ставят две толстые лапы и, потягиваясь и позевывая, впиваются когтями в кожу. Излияние чувств длилось около получаса, потом мы привязали к ошейникам достаточно длинные веревки и вывели леопардов на прогулку. Они вели себя очень смирно и великолепно выглядели на солнце. Правда, когда настало время заводить их обратно в будку, они заартачились, но мы опять пустили в ход миски с кормом, и обошлось без кровопролития.

Долговязый Джон отправился в Кенему за досками и прочими нужными нам вещами, а я закончил уборку клеток, накормил остальных животных и приготовился встречать киногруппу. Бригада Би-би-си приехала вместе с Джоном. Они встретились в Кенеме, и Джон явно наговорил им всяких ужасов про наше жилье — судя по изумлению, которое было написано на лице Криса, когда он вышел из «Лендровера».

— Черт везучий, — улыбнулся он, идя ко мне. — И тут на все четыре приземлился.

— Да, не жалуемся. Скромненько живем, конечно, но есть все совр. уд. и прочее. А что до лесной глуши, так вон, за домом ее предостаточно, найдется, что поснимать.

— Черт везучий! — повторил он.

Криса высоким не назовешь, зато природа снабдила его внушительным носом, кончик которого словно стесан топором. В минуту задумчивости он, будто коршун, зашторивает тяжелыми веками свои зеленые глаза, а когда что-нибудь не ладится, смахивает на замкнувшегося в себе верблюда.

Он представил мне своих товарищей. Говард — низенький, коренастый брюнет с волнистыми волосами, в огромных роговых очках, которые при-

давали ему сходство с благодушным филином, и оператор Юарт — высокий блондин скандинавского типа.

Мы расположились на веранде, и я попросил Саду принести пива.

— Как ты ухитрился найти такое место? — спросил Крис.

— Чистая случайность, — ответил я. — Поселок заброшен, этакая «Мария Целеста» на суше, но со всеми удобствами. В обоих домах ванны — действующие, заметь! — и уборные действуют, что еще важнее. Для продуктов и напитков есть холодильник. Подается электричество, так что можно заряжать аккумуляторы для ваших камер. А в конце вон той дорожки — бассейн, раздевайтесь и плавайте, если есть охота.

— Силы небесные! — воскликнул Крис. — Невероятно!

— Ага. У меня еще никогда не было такого роскошного базового лагеря. Сказка!

— Что ж, — Крис поднял кружку, — выпьем за хромовый рудник.

— Теперь уже не хромовый, — поправил его Долговязый Джон. — Теперь он именуется Говяжьим рудником.

С того дня и впредь мы только так и называли поселок.

Допили пиво, и я повел Криса с товарищами в приготовленный для них коттедж. По пути я взмахом руки указал на будку:

— Кстати, видите вон ту дверь? Вы уж не отпирайте ее, там у нас два леопарда.

— Леопарды? — Говард вперил в меня округлившиеся глаза. — Вы... вы сказали — леопарды?

— Ну да. Такие пятнистые кошки. Мы их заперли тут на время, пока не смастерим подходящую клетку.

— А вы уверены, что они не вырвутся на волю? — боязливо спросил Говард.

— По-моему, не должны, — ответил я. — Да вы не бойтесь, они еще молодые и совсем ручные.

После ленча Юарт, Говард и Крис пошли к себе разбирать багаж и проверять звукозаписывающую и съемочную аппаратуру — не растряслось ли что-нибудь в пути. Долговязый Джон поил детенышей молоком, я сел писать письмо, вдруг послышались крики: «Джерри! Джерри!», и на склоне показался Говард. Он тяжело дышал и так волновался, что даже очки запотели..

— Джерри! — испуганно кричал он. — Скорее! Скорее сюда! Леопарды вырвались на волю!

— Господи! — Я вскочил на ноги.

Джон бросил дела, мы вооружились палками и побежали вниз по склону, по пятам за взбудораженным Говардом.

Д

— Где они? — спросил я.

— Они сидели на крыше, когда я к вам побежал. Крис и Юарт остались сторожить.

Верно, вот Крис и Юарт с палками в руках стоят на почтительном расстоянии от будки, не сводя испуганных глаз с Герды, которая восседает на крыше и добродушно ворчит себе под нос. А Локаи?..

— Куда делся Локаи? — крикнул я.

— Он только что прыгнул на землю, — виновато ответил Крис. — Я не смог ему помешать, он ушел туда.

Крис показал в сторону плавательного бассейна,

— Джон, — сказал я, — займись Гердой. Она тебя любит больше, чем меня. Только, ради бога, не делай глупостей. Попробуй заманить ее вниз... Или сам заберись на крышу и привяжи веревку за ошейник. Крис, пошли искать Локаи!

И мы с Крисом принялись прочесывать склон, хотя я был почти уверен, что Локаи ушел в чащу за домом и мы его больше никогда не увидим. Вдруг я заметил его — лежит тихо-мирно под небольшим апельсиновым деревом! Я медленно пошел к леопарду, говоря что-то ласковое, и он ответил мне приветливым мурлыканьем. Дрожащими руками я захватил веревкой ошейник, завязал крепкий узел и подал веревку Крису.

— Держи, побудь тут с ним, пока я посмотрю, как там Джон справляется с Гердой, — сказал я и побежал вверх по склону.

— А что делать, если он встанет и пойдет? — жалобно крикнул Крис мне вслед.

— Иди за ним! Только не пытайся остановить его.

Вернувшись к будке, я увидел, что Юарт и Говард по-прежнему робко стоят поодаль, сжимая в руках палки, а Джон нашел какой-то ящик и сумел, встав на него, привязать веревку за ошейник Герды. Теперь мы могли быть спокойны, что она никуда не уйдет! Но Герда почему-то была не в духе и не хотела спускаться с крыши. Оставалось только вооружиться длинной жердью и подталкивать ее к краю, так что ей поневоле пришлось прыгнуть вниз. Приземлившись, Герда повернулась и зарычала на Долговязого Джона, словно он ее оскорбил, даже угрожающе взмахнула лапой.

Хотя нашим леопардам исполнилось всего шесть месяцев, хищник есть хищник. Шлепнет играючи лапой, и половина лица долой. Так что мы вели себя чрезвычайно осмотрительно. Наконец Герда была водворена в будку. Джон сел возле нее, погладил, поговорил с ней, и она быстро успокоилась. После этого я опять спустился туда, где Крис стоял с видом покинутого всеми аиста, крепко держась за веревку, с другого конца которой на

него зловеще поглядывал Локаи. Я отобрал у Криса веревку и легонько потянул. Локаи встал.

— Ну пошли, Локаи, — заговорил я. — Пошли... Там тебя вкусный обед ждет... И Герда. Пошли... Уютная уборная. Пошли...

Потихоньку-полегоньку, с многочисленными остановками — то надо что-то обнюхать, то видом полюбоваться — мы в конце концов довели Локаи до будки.

Тем временем срочно вызванный плотник забил досками щель под крышей, чтобы побег не повторился. Мы всей компанией вернулись в дом и приняли по кружке пива для успокоения расстроенных нервов.

— Надеюсь, такие вещи случаются не каждый день? — произнес Юарт.

— Ну что вы, — ответил я. — От силы три-четыре раза в неделю, не чаще. Но ведь вам надо что-то снимать, вы же за тем и приехали?

— В будке держать их нельзя, — вмешался Крис.

— Плотник уже сколачивает клетку. К вечеру она будет готова, и мы переведем в нее леопардов. Вот вам, кстати, еще один веселенький эпизод.

— Гром и молния! Какие кадры! — обрадовался Крис.

— Боюсь, до темноты он не управится.

— Ничего, — заявил Юарт, — поставим софиты.

— Только бы свет их не напугал, — сказал я. — Если они начнут нервничать, придется вам выключать софиты и отменять съемки. Я не намерен рисковать головой для Би-би-си.

— Ладно, ладно, — пообещал Крис, — так и сделаем.

Киногруппа принялась устанавливать светильники, а плотник продолжал мастерить аккуратную клетку для леопардов. Уже стемнело, когда он вбил последний гвоздь и мы включили для пробы софиты. Да-а, мощность хоть куда! Весь участок был залит ярким светом. Трудно представить себе, чтобы такое сияние пришлось по душе леопарду...

Но вот все приготовления закончены, мы с Джоном вооружились палками и веревками, взяли миски с собачьим кормом и отправились за леопардами. Покормили их все тем же способом, затем вошли в будку, наговорили им кучу ласковых слов, объяснили, что сегодня они станут кинозвездами, взяли их на поводок, вывели наружу и не торопясь двинулись вверх по склону. Скорость задавали леопарды, а им было угодно время от времени останавливаться. Стоят и глядят — уши подергиваются, усы торчат, будто антенны. Наконец мы перевалили через гребень и ступили на освещенный участок.

Д

Секунда — и Долговязый Джон, который только что шел рядом со мной, мчится во всю прыть вниз по склону, увлекаемый Гердой! Она тянула его, словно куклу, а я ничем не мог ему помочь, так как был крепко привязан к Локаи, который воспринял светильники куда спокойнее. Я медленно подвел Локаи к клетке. Незнакомый предмет вызвал у него вполне естественное недоверие, так что я позволил ему обойти вокруг клетки и обнюхать ее. Потом я поставил внутрь миску с кормом и подтянул Локаи к входу. Он был уже наполовину в клетке, когда ему вдруг пришло в голову, что я затеял что-то нехорошее. Локаи подался назад; к счастью, у него была достаточно широкая корма, я живо втолкнул его внутрь и захлопнул дверцу. Он занялся едой, тем временем я отвязал и вытащил веревку.

В ту же минуту на горизонте показался Долговязый Джон. Тяжело дыша, он тащил за собой сопротивляющуюся Герду. Она была в отвратительном расположении духа, и мы оказались перед нелегкой задачей: предстояло затолкать рассерженного леопарда в клетку, из которой рвался на волю другой леопард, подкрепившийся полной миской любимого корма. Пришлось основательно потрудиться, но вот наконец оба зверя водворены в клетку и дверца надежно заперта. Джон и я вздохнули с облегчением, и в это время раздался довольный голос Криса:

— Отличный эпизод! И все шло как по маслу, напрасно вы так беспокоились.

Мокрые от пота, в царапинах, которыми нас щедро наделили шаловливые леопарды, мы с Джоном посмотрели друг на друга.

— Хоть бы черт побрал эту Би-би-си! — проникновенно сказал Долговязый Джон. — Да поскорее!

— Одобряю! — поставил я свою резолюцию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА

Уважаемый сэр!

Мою жену доставили в больницу. Врач написал мне, чтобы я пришел и заплатил за нее. Если Вы расплатитесь с нами сегодня, я пойду туда. Если нет, прошу Вас, сэр, одолжить мне 4 леоне или 2 фунта стерлингов. Я не хочу идти туда без Вашего ведома.

Желаю, сэр, доброго утра.

К этому времени наша коллекция успела основательно разрастись, и одним из пополнений была тройка буйных юных шимпанзе — Джимми, Эймос Татлпенни и Шеймус Нотул. Мы приобрели их у людей, которые держали обезьян как домашних животных. Чем больше коллекция, тем больше работы, и нам с Долговязым Джоном приходилось вставать на заре, чтобы к девяти утра или к половине десятого, когда солнце уже позволяло снимать, все звери были чистыми, накормленными и готовыми к съемке.

Как ни странно, на Говяжьем руднике вставать на заре было скорее удовольствием, чем наказанием. Отсюда открывался вид почти до самой либерийской границы, и рано утром на юге перед нами словно простиралось молочное море, из которого тут и там островками торчали макушки холмов. Выйдя из-за горизонта, солнце поначалу смахивало на замороженный красный апельсин, потом, разогревшись, оно принималось сучить из тумана длинные извилистые плети, и казалось — весь лес объят пламенем.

Мы выпивали чашку чая и любовались восходом, после чего совершали обход нашего зверинца. Удостоверившись, что за ночь ни на кого из зверей не напала та или иная хворь, Долговязый Джон кормил малышей молоком или каким-нибудь специальным составом, а я начинал чистить клетки. Потом мы часок-другой нарезали фрукты и прочий корм для остальных животных. Смотришь, пора завтракать; зевая и потягиваясь, к нам из нижнего дома поднимались кинодеятели. После завтрака мы договаривались, какие сюжеты делать сегодня, и приступали к съемкам.

Конечно, всякое кино в известном смысле подлог, но подлог подлогу рознь. Скажем, если мы хотели показать, как был пойман какой-то зверь, его надо было извлечь из клетки, отнести в лес и ловить снова перед кинообъективом. Или мы, например, задумали познакомить зрителей с особенностями поведения животного. Для этого нужно отнести его в лес, выпустить на подходящем участке, огороженном сетями, и ждать, когда наш актер изобразит требуемое. Работа довольно нудная, требующая изрядного терпения, особенно когда стоишь и жаришься на солнцепеке.

Помню, мы решили снять, как хомяковая крыса уписывает корм, потом набивает впрок полные защечные мешки и ходит словно с флюсом. Хомяковую крысу никак не назовешь красавицей: ростом с небольшую кошку, шерсть шиферного цвета, широкие розовые уши, розовато-коричневый хвост, на носу — множество длинных трепещущих волосков.

Наш Альберт, когда ему ставили в клетку корм, жадно набрасывался на миску, наедался до отвала, потом набивал остатками защечные мешки и нес добычу в угол, к своему ложу, чтобы там схоронить. Я был уверен, что

А он и в лесу повторит эту процедуру. В назначенный день мы оставили его без завтрака и торжественно отнесли в лес, к контрфорсам исполинского дерева. Обнесли участок сетями, разложили на земле всякие заманчивые плоды и выпустили Альберта из клетки.

Застрекотали камеры, а наш Альберт — надо же! — равнодушно протрусил мимо угощения, нашел удобную ямку в корне, свернулся в ней калачиком и уснул. Мы безжалостно извлекли его из ямки и посадили к плодам. Он опять улизнул. Четыре раза сажали мы его к плодам, и четыре раза он воротил от них нос, хотя время завтрака давно прошло, пора и проголодаться. Лишь в пятый раз Альберт заметил угощение — словно вдруг прозрел. Он нетерпеливо обнюхал один плод, однако Крис напрасно ждал обещанную мной сцену, потому что Альберт аккуратно взял лакомство зубами, отошел в сторонку, сел на задние лапки и принялся есть с видом престарелой герцогини, изволившей откупать мороженого. Отнюдь не то, что было нужно нам! Ладно, хоть какой-то материал...

В другой раз мы решили снять потто. Этот зверек — отдаленный родич обезьян, а с виду он похож на игрушечного мишку. У потто любопытное строение кисти: указательный палец редуцирован до маленького буторка, что позволяет ему крепче цепляться за ветви деревьев. А отростки шейных позвонков сзади буквально торчат наружу, и, когда потто надо обороняться, он прячет голову между передними лапками, так что в пасть врага впиваются острые шипы, которые могут отбить аппетит даже у самого кровожадного хищника.

Нам потто нужен был для связки с другим эпизодом, снятым накануне. От него требовалось всего лишь посидеть спокойно на ветке, потом дойти до ее конца, больше ничего. Он уже пообедал, и мы рассчитывали управиться со съемками в пять минут.

В подходящем месте мы выбрали подходящую ветку, расставили софиты и камеры (на что ушло немало времени), наконец извлекли из клетки потто и посадили его на дерево. Он тотчас спрятал голову между передними лапками и замер в оборонительной позе. Прошло четверть часа, софиты перегрелись, пришлось их выключить. Потто оставался недвижим. Я недоумевал, почему он вдруг испугался нас, ведь давно уже привык есть из рук! Так или иначе, зверек перетрусил, и нам оставалось только терпеливо ждать с выключенными софитами.

Надо вам сказать, что для меня нет ничего прекраснее ночного тропического леса, а этот лес был особенно хорош. В период дождей овраг, где мы сидели, наверное, заполнялся бурным потоком, но сейчас было сухо, и валуны обросли мхом, по которому ползали и над которым летали сотни

горящих изумрудом светлячков. В воздухе бесшумно проплывали призрачные стайки мотыльков, со всех сторон звучало пение цикад и других насекомых — то словно пила жужжит, то кто-то звонит в крохотный колокольчик... Поглощенный созерцанием, я чуть не забыл про потто и Би-би-си, вдруг Крис прошептал мне на ухо:

— Кажется, тронулся.

Мы заняли боевые посты, включили свет, потто приподнял голову и снова спрятал ее. Еще четверть часа ожидания, а затем произошли одновременно два события. Потто поднял голову, и в ту же минуту Юарт, глядев на часы, изрек, должно быть, самую неподходящую к моменту фразу, какая только звучала в Африке после встречи Стенли и Ливингстона.

— Ребята в Бристоле сейчас как раз выходят из пивной, — произнес он проникновенно.

Слова Юарта произвели сильнейшее впечатление на потто. Видно, он был одним из лидеров Общества трезвенников, ибо вместо того, чтобы бежать по ветке в сторону камеры, зверек повернул кругом и задал стрекача. Полчаса ушло на то, чтобы отыскать его среди ветвей. Наконец потто был пойман и водворен на место, после чего безропотно выполнил все, что от него требовалось, и нужный эпизод был снят. В итоге мы потратили больше двух часов на кадры, которые на экране длились от силы тридцать секунд.

Разумеется, мы снимали также будни зверинца — чистку клеток, кормление животных. Правда, называть уход за животными будничным делом неверно. Во все дни недели они всячески стараются озадачить вас и вывести из себя. Например, был у нас очень красивый африканский зимородок. Так вот, мы не могли обеспечить его естественным кормом (маленькими змейками и ящеричками, кузнечиками и саранчой) и давали взамен мелко нарезанное мясо. Что же вы думаете, этот чудак яростно колотил каждый кусочек о палку, «убивая» добычу, прежде чем ее проглотить.

С самого начала я предупреждал Долговязого Джона, что в каждой зоологической экспедиции наступает минута, когда вам кажется, что теперь-то уж вы все знаете. Это опасная минута, ибо, как ни старайся, все знать и предусмотреть невозможно. Стоит вам возомнить о себе, и непременно совершите какую-нибудь ошибку. Я однажды вообразил, что все постиг, и тотчас был наказан: меня укусила змея. Это было очень неприятно, зато с тех пор я стал осмотрительнее.

Но вот как-то раз нам принесли очаровательного птенца белолетных носорогов, у которых все оперение черное, а на голове словно колпак из пушистых белых перьев. Я очень обрадовался, потому что это был наш

Д первый носорог, и прочитал Долговязому Джону целую лекцию об этих птицах и их повадках. Обычно птенцов носорога и тукана легко выкармливать, и я не сомневался, что Томми — так мы его называли — не причинит нам хлопот. Мы накрошили плодов, посадили Томми на столик для кормления и поднесли к его клюву заманчивый кусок. Никакого впечатления.

— Ничего, со временем привыкнет, — сказал я. — А для начала, пожалуй, придется кормить его насильно.

Мы затолкали ему в горло кусочек плода — он тотчас его отрыгнул. Второй затолкали поглубже — через несколько минут Томми и от него извлекся тем же способом.

— Наверно, он еще не освоился, — предположил я. — Пусть посидит в клетке, потом снова попробуем. Мало ли что, может быть, его поймали сразу после того, как мать покормила его, и он просто не успел проголодаться.

И мы вернули Томми в клетку. Часа через два или три опять извлекли и повторили трудоемкую процедуру насильственного кормления. Птенец упорно отрыгивал пищу. Сколько мы в тот день ни предлагали ему плодов, он продолжал их отвергать.

— Честное слово, ничего не понимаю, — сказал я Долговязому Джону. — У большинства юных носорогов после первых же кусков такой аппетит развивается, что потом только поспевай их кормить.

На другое утро Томми выглядел отнюдь не бодро, однако упорно не брал корма, хотя явно был голоден.

— Что за чертовщина! — рассердился я. — Придется справочник полистать. Может быть, ему требуется что-то особенное.

Я-то, невежда, был уверен, что птицы-носороги едят овощи, фрукты, насекомых, словом, чуть ли не все подряд. Но справочник показал, что наш Томми относится к редким видам, питающимся почти одним мясом. И пичкать его фруктами было все равно что потчевать кровавым бифштексом убежденного вегетарианца.

Мы вынули Томми из клетки, посадили его на столик, накрошили мяса, и через полминуты он уписывал, что твой волк. Больше он не бастовал. Так Томми преподал мне урок; надо думать, и Долговязому Джону тоже...

Одно дело — уход за животными в зоопарке с хорошо налаженным хозяйством, где всегда есть чем кормить и кому лечить, и совсем другое — когда вы обитаете у черта на куличках, животные сидят в тесных деревянных ящиках, и всем, от ветеринарии до ремонта, надо заниматься самому. К тому же звери, смирившись с заточением, тотчас начинают развлекать

вас эксцентрическими выходками. И что за причуды! Скажем, сегодня они выказывают такую страсть к апельсинам, что вы немедленно закупаете для них целую гору. Но предложите им апельсин завтра — они посмотрят на вас со смертельной обидой, подавай им земляные орехи. А если вы не будете ублажать их, как престарелая леди ублажает свою болонку, они загрустят и захиреют.

Достаточно назвать панголина. Я очень обрадовался, когда его принесли, потому что в прежних экспедициях в Западную Африку мне никак не удавалось подобрать ключик к этим странным животным, смахивающим на ожившую сосновую шишку с хвостом. Не удавалось потому, что главная пища панголинов — маленькие свирепые древесные муравьи. Обдумывая в Англии вопрос о диете панголинов, я заключил, что в смеси из сырых яиц, молока и фарша, которую мы им предлагали, не хватало одного ингредиента, а именно муравьиной кислоты. Чтобы проверить свою догадку, я на сей раз взял с собой пузырек с муравьиной кислотой и сам ежедневно готовил корм для нашего панголина. При этом я пытался представить себе, как описал бы мой рецепт телевизионный кулинар:

«Дорогие зрители, возьмите две столовые ложки сухого молока, хорошенько размешайте в четверти пинты воды, затем в полученную густую смесь вбейте одно сырое яйцо. Насыпьте туда же горсть мелко нарубленного сырого мяса, осторожно все взболтайте и наконец добавьте в виде приправы щепотку рубленого муравейника и каплю муравьиной кислоты. Сразу же подавайте на стол. Это блюдо произведет отменное впечатление на ваших гостей, и вам обеспечена слава лучшего в сезоне устроителя панголиновых вечеринок».

Да, интересно было бы составить кулинарную книгу для звероловов, этакий «Гастрономический Лярусс», с рекомендациями, как лучше всего приготовить личинки, червей и тому подобное.

Мы уже засняли большинство животных из нашей коллекции и накопили гору готовых роликов, а красно-черных и черно-белых колобусов, или гверец, ради которых мы ехали в Сьерра-Леоне, все не было. Охотники несли нам всяких обезьян, только не гверец, и в конце концов я начал отчаиваться.

— Это пустой номер, — сказал я Крису. — Придется организовать облаву на обезьян, может быть, так что-нибудь получится.

— Облаву на обезьян? — удивился Крис.

— Ну да. На плантациях какао устраивают облавы — загоняют всех обезьян на какой-то участок и убивают. Ведь они сущее разорение для

Д

плантации. Насколько я помню, власти платят вознаграждение, по шиллингу с головы. Сегодня же попрошу Долговязого Джона съездить в Кенему и выяснить, где нам лучше всего попытаться счастья. И будет интереснейший киносюжет.

Итак, Долговязый Джон отправился в Кенему, а вернувшись оттуда, сообщил, что ему назвали три-четыре деревни, где регулярно устраивают облавы на обезьян, но, чтобы уговорить местных жителей выйти на внеочередную облаву, надо заручиться помощью властей. Мы решили завтра же этим заняться.

На другое утро я, как обычно, встал на рассвете и вышел на веранду, ожидая, когда Саду принесет чай. Долговязый Джон с великим трудом отрывался от постели и приходил только к самому чаю.

Я стоял и смотрел на оплетенный туманом лес; вдруг из долинки перед домом до меня донеслись какие-то звуки. Очень приятные звуки, словно шорох волн на каменистом берегу. Так шуршат листья, когда обезьяны прыгают по деревьям, но я не мог сразу разглядеть, какие это обезьяны. Они направлялись к могучему дереву на склоне, метрах в двухстах от веранды. Красивое дерево: зеленовато-серый ствол, сочная зелень листвы, россыпь ярко-алых стручков длиной около пятнадцати сантиметров.

Опять треск и шорох... На секунду воцарилась тишина, и вдруг все дерево словно расцвело, причем каждый цветок был обезьяной. У меня захватило дух: я узнал красно-черных гверец. Густая каштаново-красная и уютно-черная шерсть переливалась в лучах утреннего солнца, будто лаковая. Упоительное зрелище!

Я насчитал около полутора десятков гверец да еще двух-трех детенышей. Забавно было глядеть, как малыши, перебираясь с места на место, хватаются без разбора то за ветки, то за хвосты родителей. Меня удивило, что гверцы пренебрегают стручками, зато жадно едят молодые листья и побеги. Любуясь этими на редкость красивыми обезьянами, я сказал себе, что непременно надо раздобыть несколько экземпляров для нашей коллекции. Гверцы продолжали мирно завтракать, обмениваясь тихими возгласами; вдруг на веранде появился Саду с гремящим подносом, и, когда я снова поглядел на дерево, обезьяны уже исчезли. Приступая к чаепитию, я вспомнил одну не очень умную женщину, которая на приеме во Фритауне сказала мне: «Не понимаю, мистер Даррелл, и что это вас тянет куда-то в глушь! Там же нет ничего интересного». Вот бы показать ей этих гверец!

Позже мы отправились на переговоры к местным властям, оставив Долговязого Джона присматривать за животными. Глава районной администрации совещался с деревенскими старостами, и нам пришлось ждать

конца совещания, прежде чем он нас принял. Это был очень симпатичный молодой еще человек в простом белом одеянии и пестрой ермолке; большинство старост щеголяли в роскошных красочных мантиях. Через переводчика я объяснил, для чего мы приехали в Сьерра-Леоне, и подчеркнул, что нам особенно важно снять и поймать живьем гверец обоих видов. Слово «живьем» пришлось повторить несколько раз, потому что они привыкли расправляться с обезьянами и никак не могли взять в толк, что нам нужны живые и невредимые гверцы. В конце концов до них дошел смысл моей просьбы; оставалось только надеяться, что они пошлют в деревни гонцов с четкими инструкциями.

Беседа с этими людьми доставила мне истинное удовольствие. Я любовался их красивыми выразительными лицами. Большие черные глаза смотрели строго и оценивающе, как у какого-нибудь уличного торговца с лондонской Петтикоут-Лейн, но малейшей шутки было достаточно, чтобы в них заплясали веселые чертики, обличая столь редкую у европейцев живость чувств.

По словам районного начальника, если бы речь шла только о съемках, лучше всего подошла бы плантация какао неподалеку от деревни, там всяких обезьян хватает. А вот для облавы место неподходящее, придется ехать в другую деревню, подальше. Что ж, посмотрим на ближнюю плантацию, раз уж мы здесь.

По пути туда я размышлял о том, как в Сьерра-Леоне обходятся с обезьянами. Ежегодно во время облав убивают от двух до трех тысяч. Дело в том, что обезьянам, на их беду, не втолковали, какую важную роль в экономике страны играет какао, поэтому они вторгаются на плантации и причиняют немалый ущерб. Приходится ограничивать их численность, но при этом, к сожалению, не делают различия между видами. В Сьерра-Леоне участникам обезьяньих облав платят вознаграждение с головы, и они убивают всех обезьян без разбора. В том числе и оба интересовавших нас вида гверец, хотя теоретически они охраняются законом. Вот вам типичный пример того, как одного казнят за грехи другого — ведь гверцы не причиняют никакого вреда плантациям какао.

Сколько раз наблюдал я такие картины, и всегда досадно становится: государства готовы выложить миллионы на воздушные замки, а на охрану животных и гроша жалко. И получается, например, что ежегодно убивают три тысячи обезьян, половина которых вовсе и не посягала на урожай какао. Больше того, гверцы могли бы стать неплохим аттракционом для туристов.

Как только мы приехали на плантацию, я понял, почему нужны облавы. Куда ни взглянешь, на молодых деревьях какао кормятся целые отря-

Д

ды обезьян. Но, как я и предполагал, среди них не было ни одной гверецы; преобладали мартышки диана и зеленая. Глядя на правильные шеренги молодых деревьев в питомнике, нетрудно было представить себе, что буйная обезьянья ватага способна за десять минут очистить двух-трехлетнее деревце от листьев.

Крис со своими товарищами установил аппаратуру и принялся снимать мартышек, а я пошел на край плантации и скоро очутился в лесу. Четкого рубежа нет, но, когда вам перестают встречаться деревья какао, только лесные породы стоят кругом да могучими окаменевшими фонтанами рвутся ввысь шелестящие прутья бамбука, вы понимаете, что плантация кончилась. Необычно было пробираться сквозь заросли бамбука, где мощные стебли, иные толщиной с бедро человека, певуче поскрипывали от малейшего ветра. Наверное, такую же музыку слышали некогда моряки, идя на всех парусах мимо мыса Горн.

Я искал гверец, но ведь в тропиках на каждом шагу видишь столько интересного, что поневоле отвлекаешься. То совсем незнакомый цветок, то ярко окрашенный гриб или лишайник, то не менее живописная древесная лягушка или кузнечик. Тропики можно сравнить с каким-нибудь роскошным творением Голливуда — сразу чувствуешь, насколько ты, в сущности, мал и ничтожен пред ликом сложного и прекрасного мира, в котором обитаешь.

Я тихо шел через лес, поминутно останавливаясь, чтобы лучше рассмотреть какую-нибудь диковину. И вдруг, на радость мне, явился то, что я искал! Что-то прошуршало на деревьях впереди меня, я осторожно направился туда и прямо перед собой увидел стаю черно-белых гверец. Стая была небольшая, шесть особей, и одна самка держала на руках двойню — случай довольно редкий. Обезьяны спокойно уписывали листья метрах в пятнадцати над моей головой, не проявляя ни малейшей робости, хотя они, конечно же, заметили меня. Разглядывая их в бинокль, я заключил, что они далеко не такие живописные, как красно-черные гверецы, но в них была своя прелесть. Черная-пречерная шерсть — и белоснежные хвосты; вокруг мордочки словно рамка из белой шерсти; и держатся с таким достоинством, будто члены какого-то неведомого религиозного ордена. Насытившись, гверецы двинулись дальше.

Уж как поразили меня своим проворством красно-черные гверецы, а черно-белые могли дать им сто очков вперед. Не задумываясь, они бросались вниз с макушки пятидесятиметрового дерева и «приземлялись» на ветвях внизу с такой точностью, таким изяществом, что Тарзан лопнул бы от зависти.

А вернувшись на плантацию, я увидел еще одно редкое зрелище — ликующего Криса. Его группе удалось снять отличные кадры кормящихся мартышек. Можно было укладывать свое имущество и возвращаться в селение.

Был базарный день, и, так как я обожаю африканские базары, мы задержались в деревне. Все хлопочут, все возбуждены, огромные глазащи горят, зубы сверкают... Яркие краски воскресных нарядов, многоцветные горы плодов и овощей, кипы пестрых тканей — точно идешь сквозь раду! И чего только нет на прилавках — от нанизанных на бамбуковые лучины высушенных лягушек до сандалий из старых покрышек.

Неожиданно ко мне подошел стройный молодец в выдавшем виды тропическом шлеме, белой майке и шортах защитного цвета. Учиво приподняв шлем, он осведомился:

— Простите, сэр, вы — мистер Даррелл?

У него был такой писклявый голос, что в первую минуту я принял его за женщину.

— Да, я мистер Даррелл.

— Меня прислал начальник, сэр. Мое имя Мохаммед, и начальник сказал мне, что вы хотите поймать живых обезьян. Так вот, сэр, я могу устроить это для вас.

— Большое спасибо, — неуверенно произнес я.

Он отнюдь не производил впечатления человека, способного организовать облаву на обезьян. А впрочем, начальнику лучше знать...

— Когда вы хотели бы устроить облаву, мистер Даррелл?

— Как можно скорее. Мне нужны не какие-нибудь обезьяны, а гверцы — черно-белые и красно-черные. Знаете таких?

— Да, сэр, знаю, — ответил он. — У нас их тут много, очень много.

— А как происходят эти облавы? — полюбопытствовал я.

— Сейчас объясню, сэр. Сперва мы отыскиваем обезьян, рано-рано утром, потом гоним их, гоним, кричим и гоним, все время кричим и гоним, пока не загоним в нужное место. Потом срубаем все деревья вокруг. А потом под тем деревом, на котором сидят все обезьяны, складываем груды.

— Груды? Какую груды?

— Мы собираем в кучу весь хворост, который лежит на земле, складываем огромную кучу под деревом, а обезьяны спускаются по дереву и попадают в эту кучу, и мы их ловим.

Объяснение Мохаммеда показалось мне в высшей мере неправдоподобным, но по его лицу было видно, что он говорит вполне серьезно.

— И когда же можно устроить облаву? — спросил я.

Д

— Могу устроить послезавтра.

— Отлично. Нам надо быть там с самого начала, чтобы все снять. Понимаете? Так что без нас не начинайте!

— Нет-нет, сэр.

— Мы приедем часов около девяти.

— О-о-о-о... это слишком поздно, сэр.

— Да, но раньше снимать нельзя, слишком темно, — объяснил я.

— А... а если мы сперва подгоним обезьян поближе к подходящему дереву, можете вы снимать потом? — допытывался он.

— Можем... если будет достаточно светло. Если начнем часов около девяти или половины десятого. В это время будет уже достаточно светло для съемок.

Мохаммед немного поразмыслил.

— Ладно, сэр, — заключил он. — Приезжайте в деревню к девяти часам, и обезьяны будут ждать вас.

— Хорошо. Большое спасибо.

— Не за что, сэр.

Он надел свой тропический шлем и важно зашагал прочь по людной базарной площади.

В назначенный день мы поднялись чуть свет, тщательно проверили всю съемочную и звукозаписывающую аппаратуру и взяли курс на деревню, где была назначена облава на обезьян.

Нас встретили и повели по узкой тропке через банановую плантацию в лес. Вскоре послышался страшный гвалт, с каждым нашим шагом он становился все громче, и вот мы уже там, куда загнали обезьян. Что это было! Дикая суматоха, шум и гам, человек триста ретиво рубили подлесок, а между ними важно расхаживал Мохаммед, выкрикивая тонким голосом команды, которые явно никто не слушал.

Ловцам удалось загнать на огромное дерево две стаи гверец; теперь они торопились отрезать обезьянам пути к отступлению, и те все больше нервничали, видя, как падают деревца крутом. Одна-две гверцы все-таки сумели уйти, прыгнув с пятидесятиметровой высоты на ближайшую пальму. Африканцы проводили их дружным гиканьем и удвоили свои усилия.

Мне всегда больно смотреть, когда рубят деревья, а тут их валили нещадно. Правда, мне сказали, что этот участок предназначен под плантацию какао, рано или поздно его все равно расчистят. Наконец с треском рухнуло последнее высокое дерево, которым гверцы могли воспользоваться для бегства, осталось несколько пальм, а их достаточно было лишить зеленого убора. Ложась на землю, срубленные листья хрустко шелестели...

Удивительный это был звук, словно приседали дамы в накрахмаленных кринолинах. Усилиями моих доблестных охотников была расчищена изрядная площадь вокруг заветного дерева, и я с интересом ждал, что последует дальше. А последовало нечто вроде перерыва на чай в африканском духе. Несколько человек разрубили на куски особую лиану — она внутри полая и содержит много влаги, — и потные, разгоряченные участники облавы утоляли жажду из этого живого родника, возбужденно обсуждая следующий этап операции. Предстояло, как сообщил мне Мохаммед писклявым голосом, «соорудить кучу». Снова заработали пилы и топоры, и под деревом вырос конус из ветвей и пальмовых листьев. Его окружили сетями, затем охотники дружно принялись заготавливать длинные рогатины. Когда обезьяна, соскочив на груды ветвей, попадает в сеть, ее прижимают рогатинами к земле, после чего жертву можно схватить за шиворот и хвост.

Я внимательно наблюдал за макушкой дерева, где собрались обезьяны. Густая листва не позволяла определить, сколько их там, но я рассмотрел оба интересующих меня вида гверец. Наконец Мохаммед доложил, что все готово, и я — не столько потому, что он меня убедил, сколько из отзывчивости — распорядился поднести клетки поближе. Я сильно сомневался, что с такими способами лова что-нибудь получится, но все-таки лучше быть начеку — вдруг каким-то чудом удастся добыть гверecu-другую.

Двое африканцев извлекли откуда-то огромную древнюю пилу, у которой почти не осталось зубьев, перелезли через сети, вскарабкались на конус из ветвей и принялись пилить ствол.

— Что это они затеяли? — спросил я Мохаммеда.

— Если обезьяна подумает, что мы хотим спилить дерево, сэр, она спустится на кучу, и тут мы ее изловим, — объяснил он, вытирая потный лоб.

Я навел на макушку дерева бинокль. Не видно, чтобы пила произвела на обезьян какое-то впечатление... А ствол огромный, таким инструментом и через полгода его не перепилить. Полчаса спустя, убедившись, что парни трудятся впустую, я позвал Мохаммеда.

Он подбежал ко мне и лихо козырнул:

— Слушаю, сэр!

— Вот что, Мохаммед, так у нас вряд ли что-нибудь получится. Это дерево можно еще сто лет пилить, а обезьянам хоть бы что. Почему бы не попробовать другой способ?

— Слушаюсь, сэр. Какой?

— Если расчистить клочок под самым деревом, чтобы не загорелась вся грудка, развести на нем небольшой костер и подбрасывать зеленые листья, много-много зеленых листьев, от них наверх пойдет дым, и тогда, может быть, обезьяны спустятся вниз.

Д

— Хорошо, сэр. Мы попробуем.

Зазвучали команды, отдаваемые пронзительным, как у чайки, голосом, и вот уже клочок земли расчищен, костер разведен. Медленно потянулся вверх дым, обвиваясь вокруг могучего ствола. Я перевел взгляд на обезьян — как они? Почувяв запах дыма, гверецы засуетились, правда без особой тревоги. Но по мере того как на костер ложились новые охапки зеленых листьев и дым становился все гуще, они стали метаться взад-вперед среди ветвей.

Три сотни африканцев, которые только что с диким гомоном сокрушали подлесок, теперь окружили сеть безмолвным кольцом, держа наготове рогатины. Не успел я попросить Мохаммеда, чтобы он передал загонщикам предупреждение: не набрасываться всем сразу на первую же обезьяну (если вообще хоть одна спустится с дерева), а стеречь всю сеть, как прямо с макушки на груды ветвей ловко прыгнула черно-белая гверца и, к моему изумлению, исчезла среди листьев. Клич, вырвавшийся из груди загонщиков, напоминал восторженный вопль болельщиков после забитого гола. Затем последовала долгая пауза... Вдруг обезьяна появилась снова и бросилась прямо в сеть. Как я и ожидал, большинство загонщиков сорвались с места, выставив рогатины вперед.

— Вели им вернуться в строй... вернуться в строй! — крикнул я Мохаммеду.

Звонкие команды Мохаммеда восстановили порядок. Чтобы управиться с гверцей, достаточно было двух человек. Они пригвоздили сеть к земле рогатинами, и я подбежал, чтобы рассмотреть добычу вблизи. Ухватив обезьяну за шиворот и основание хвоста, один из охотников извлек ее из сети. Это была совсем молодая самка, крепкая и здоровая.

На вид такие смирные и меланхоличные, гверцы тем не менее могут вас пребольно укусить, так что обращаться с ними надо очень осторожно. Мы отнесли пленницу к клетке, посадили внутрь и, захлопнув дверцу, накрыли клетку пальмовыми листьями, чтобы обезьяне было спокойнее. Только я вернулся к дереву, как с него дождем посыпались гверцы. Они мелькали в воздухе с такой частотой, что я не успевал их считать. А едва коснутся ветвей — тотчас ныряют внутрь, так что и тут не уследить.

Какое поднялось столпотворение! Из кучи ветвей одна за другой в сеть выскакивали обезьяны, ловцы орудовали рогатинами, воздух наполнился возбужденными криками. Шум, гам, полная неразбериха... Бессильный что-либо предпринять, я стоял у клеток, еле поспевая определять пол и вести подсчет обезьян, которых приносили ловцы.

Задним числом подумашь — просто удивительно, как в голове одновременно умещается столько мыслей. Глядя, как ловцы волокут очередную

отбивающуюся жертву, я волновался, не слишком ли крепко они ее держат, не грубо ли обращаются. Тут же надо было определить состояние обезьяны. Если зубы сильно сточены, значит, она уже немолода — освоится ли она в неволе? Сажают ее в клетку — надо внимательно следить, как бы впопыхах не прищемили дверцей хвост. И в то же время я соображал, насколько данный экземпляр испуган, насколько взбудоражен. Вынесет ли переезд до лагеря? И если вынесет — скоро ли привыкнет к новой обстановке?

Любопытно, что большинство гверец уже через два-три часа принимали пищу из моих рук, хотя облава должна была основательно их напугать.

Когда последняя обезьяна была посажена в клетку, мы тщательно перерыли ветви, чтобы убедиться, что под ними никто не притаился. Лишь после этого я смог приступить к индивидуальному осмотру и окончательному подсчету. Пока что я знал только, что нам невероятно повезло, мы в один заход добыли и красно-черных и черно-белых гверец. Теперь, обойдя все клетки, я насчитал десять красно-черных и семь черно-белых экземпляров разного возраста и размера. И самое главное — разного пола.

Накрытые листьями клетки подвесили к длинным жердям, и колонна загонщиков с победно-ликующими кликами двинулась через лес.

Я тоже ликовал. Столько недель ждали, столько труда и пота вложено в экспедицию, и вот цель наконец достигнута, колобус пойман! Но когда клетки были погружены в кузов большого «Лендровера» и мы медленно покатили по ухабам домой, я сказал себе, что сделан только первый шаг. Решающее испытание впереди: сумеем ли мы сохранить гверец?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОХРАНИТЕ МНЕ КОЛОБУСА

Господа!

Будем признательны, если вы сможете принять участие в нашем танцевальном вечере сегодня, который начнется ровно в 21.00. Вечер устраивается в честь нашей сестры Регины, которая служит в полиции, а сейчас находится в отпуске. Мы устраиваем ей проводы. Вы все приглашены на танцевальный вечер.

Ожидаем скорейшего ответа.

Адрес: Дж. Б. Муса, Дж. П. Муса. Бамбаву

Д

Да-а, одно дело поймать колобуса, совсем другое — сохранить его. И главная трудность заключалась не в том, чтобы приучить гверец к неволе, они почти сразу покорились своей участи. Главное — чем их кормить? Обычно гверцы держатся на макушках деревьев и едят почти исключительно листья, мох и другой грубый зеленый корм; подозреваю, что они не гнушаются также птичьими яйцами и ящерицами. Оттого и желудок их в отличие от желудков других обезьян состоит из двойных долей, что позволяет извлекать максимум питательных веществ из малопитательного в общем-то корма. Он во многом похож на желудок жвачных животных. Желудок гверцы настолько велик, что на его счет вместе с содержимым приходится подчас около четверти веса животного.

Сперва мы предложили своим пленницам естественный корм, собранный в окружающем нас лесу, и они жадно набросились на него. Правда, мне кажется, тут сыграл роль вызванный поимкой шок, потому что уже через сутки наши гверцы почти совсем потеряли аппетит. Не на шутку встревоженные, мы отправились на базар в Бамбаву, раскинувшийся под холмом, и закупили множество зелени, которую африканцы выращивают для своего стола. Тут была всякая всячина — что-то вроде шпината, что-то вроде широколистного клевера и другие травы. Все это было подано гверцам. Сначала они равнодушно приняли новое угощение, потом соблаговолрили отведать его, но без особого восторга.

В конце концов черно-белые, словно решив не противиться року, начали аккуратно поедать базарную зелень, тогда как красно-черные по-прежнему принимали лишь столько пищи, сколько требовалось, чтобы не отдать богу душу. Нрав у гверец оказался удивительно несхожим для представителей одного рода. Черно-белые — юркие, живые, они быстро привыкли к нам и стали есть из рук. А красно-черные — унылые, замкнутые, подверженные приступам дурного настроения.

Меня больше всего заботили две вещи. Во-первых, нам предстояло скоро возвращаться во Фритаун, чтобы поспеть на пароход, идущий в Англию. Во-вторых, надо было как-то приучить гверец к новой пище, которой мы могли обеспечить их в пути, — такой, как яблоки или морковь. К сожалению, достать их в Бамбаву и Кенеме было почти невозможно. Нам удалось купить яблоки по бешеной цене, но гверцы, едва понюхав, отбрасывали их в сторону. Рассчитывая на успех в поимке колобуса, я заранее условился, что «Аккра» возьмет с собой добрый запас моркови, капусты и других овощей, способных, как мне казалось, прельстить обезьян. Теперь же, видя, с каким презрением они отвергают яблоки, я пал духом. Похоже, то, что мы для них припасли, совсем не годится...

Красно-черные гверцы так нас дичились и так скверно ели, что в конце концов стало очевидно: понадобятся месяцы терпеливого труда, чтобы приучить их к неволе и необычной диете. Как ни горько, сказал я себе, придется их отпустить. Что мы и сделали.

Одно утешало нас: черно-белые гверцы по-прежнему чувствовали себя превосходно, хотя продолжали отвергать яблоки и бананы. А так как зелень из-за жары быстро увядала, приходилось кормить их четыре-пять раз на день. Бремя, немалое для нашего бюджета времени, ведь, кроме того, надо было ухаживать за другими животными и заниматься съемками.

А тут еще я возьми да соверши довольно типичную для таких путешествий глупость. Мы отправились в лесок за несколько километров от базы снять небольшой эпизод, поехали на маленьком «Лендровере», который доставил на рудник группу Би-би-си. Когда мы двинулись обратно, я сел в кузове на задний борт, а машина шла довольно быстро, и на одном ухабе нас тряхнуло так, что я подпрыгнул наискось вверх. К счастью, приземлился я в кузове, однако здорово ушиб копчик и сломал два ребра. Прежде мне казалось, что перелом ребра — пустяки. Теперь я думаю иначе. Перелом ребра — весьма болезненная вещь. Из-за ушибленного копчика было очень тяжело сидеть, а стоило мне нагнуться или просто вдохнуть, как я ощущал острую боль в боку.

Отныне мне стало еще труднее работать с животными, ведь, когда чистишь клетки, приходится довольно часто нагибаться. А подносить воду, а другие дела? В моей аптечке были только таблетки от головной боли, а они ничуть не помогали. Я рассчитывал, что через несколько дней боль уйдет. Какое там, она только обострялась, и я понял, что не справлюсь с уходом за коллекцией и со съемками на борту парохода. Необходим третий человек.

К счастью, Джеки должна была вернуться в Англию из Аргентины примерно в то же время, когда «Аккра» выйдет за нами в Западную Африку. И я отправил телеграмму, прося Джеки прибыть на «Аккре», но не объясняя почему. Понятно, телеграмма была адресована в зоопарк, на имя Кэт, потому что я не знал точно, где сейчас судно Джеки, и не мог связаться с ней непосредственно. Так или иначе, скоро пришла ответная телеграмма, из которой явствовало, что у Джеки будет всего двое суток на то, чтобы оформить документы и добраться до порта, где стоит «Аккра». Ее выезд обязателен? Мне не хотелось говорить правду, чтобы не тревожить Джеки, поэтому я ответил: «Приезд Джеки необязателен. Просто я люблю мою жену». Разумеется, Джеки успела на «Аккру». И конечно, работники телеграфа, через руки которых прошло мое послание, были шокированы. Они не привыкли к такой откровенности.

Д Но вот пришло время расставаться с Говяжьим рудником и выезжать во Фритаун. Одна из проблем для такой экспедиции, как наша, — когда совершать переезды, днем или ночью. Днем животные перегреваются, и на трясках дорогах их сложно кормить. Ночью дороги не менее тряские, и животные не могут уснуть, зато им не грозит перегрев. Я решил ехать ночью. Чтобы захватить всех отловленных животных, нам кроме большого «Лендровера» требовалось три грузовика. Меня очень заботили детеныши, ведь им придется особенно тяжело.

И тут нас выручил Джо Шарп. Он прикатил на своем маленьком «Лендровере» и с ходу вызвался отвезти во Фритаун меня вместе со всей нашей «телятиной» — так мы называли малышей. Грузовикам на этот путь нужна была целая ночь, а Джо мог уложиться в несколько часов. К тому же мы с ним могли ехать днем, останавливаясь, когда придет время кормить малышей.

Ранним утром кузов «Лендровера» был нагружен «телятиной», и мы с Джо Шарпом простились с Говяжьим рудником. Долговязый Джон и киногруппа должны были выехать на грузовиках вечером того же дня. Трогаясь в путь, я в последний раз окинул взором отлогую гряду холмов и чудный лес. Пожалуй, никогда еще я не покидал базовый лагерь с такой грустью.

Джо ехал быстро, но так, чтобы наших пассажиров не очень трясло, и мы достигли Фритауна в рекордно короткий срок. «Алмазная корпорация» еще раз любезно предоставила нам роскошную квартиру из голливудского фильма; сверх того, она разрешила занять для наших животных два просторных открытых гаража.

Я разместил малышей в квартире и тотчас лег спать, чтобы быть в полной боевой готовности, когда прибудет Долговязый Джон. Большой конвой ожидался в шесть часов утра, но в шесть я никого не увидел. В четверть седьмого я начал беспокоиться, в половине седьмого беспокойство переросло в тревогу. Неужели один из грузовиков опрокинулся в канаву и весь драгоценный груз погиб? Или их задержал всего лишь какой-нибудь пустяк вроде прокола? В семь часов я был на грани отчаяния. И ничего нельзя предпринять! Мы с Джо не отходили от окна, но грузовики как сквозь землю провалились. Наконец в четверть восьмого первая запыленная машина затормозила перед нашим домом. Все обитатели дома, прослышавшие о скором прибытии животных, нетерпеливо ждали на балконах, чтобы посмотреть на наш улов. И по мере того как грузовики один за другим въезжали во двор, глаза зрителей становились все шире от изумления.

Мы выгрузили всю «говядину», и я убедился, к своему великому облегчению, что никто не пострадал от перевозки, разве что у Герды настроение

хуже обычного. Расставив клетки в гаражах, мы немедленно принялись за уборку и кормление — ведь мне еще надо было успеть к прибытию «Аккры», чтобы встретить Джеки.

Джо подбросил меня на пристань. В руках у меня была картонная коробка, а в ней на мягкой постельке из ваты лежал крохотный бельчонок, у которого только-только открылись глаза. Один охотник принес его нам буквально в последнюю минуту. Эти бельчата — очаровательнейшие существа на свете. Зеленовато-золотистое тельце, на каждом боку — продольная белая полоса, аккуратные ушки, большущий пушистый хвост — черный снаружи и красный внутри. Я знал, что Джеки обожает белок, к тому же у меня не было другого подарка. Правда, я не догадался запастись пропуском, и в порту не обошлось без осложнений, но в конце концов ворота открылись, и я увидел на пристани возмущенную Джеки.

— Где ты попадаешь? — приветствовала меня любящая супруга.

— Не так-то просто пробиться на эту чертову пристань, — ответил я.

Джеки подошла поцеловать меня, и я поспешил предупредить:

— Обнимай поосторожнее, у меня ребро сломано.

— Чем ты тут занимался, черт возьми? — воинственно спросила она. — У врача был? Тебе перебинтовали грудь?

Надо было срочно отвлечь ее внимание от моей персоны.

— Нет, не был. Я только что приехал... Вот... подарок тебе.

Джеки крайне подозрительно приняла коробку.

— Что это? — Она посмотрела на меня.

— Да подарок же. Открывай... не бойся.

Джеки открыла коробку и мгновенно забыла обо всем на свете, включая и мое ребро. На крохотное создание, которое лежало на ее ладони, излился поток ласковых слов.

— Пошли, — скомандовал я. — Поедем на квартиру.

— Какая прелесть! Когда ты его получил?

— Буквально за пять минут до отъезда. Нарочно взял его, чтобы доставить тебе удовольствие.

— Очаровательный малыш. Ты покормил его?

— Да-да, покормил, все в порядке. Можешь сменить ему пеленки, как только приедем на квартиру. А сейчас надо поторапливаться, нас ждет куча работы.

— Ладно, — согласилась она.

— Да, кстати, познакомься — Джо Шарп. Мой друг.

— Добрый день, Джо, — сказала Джеки.

— Привет, — отозвался он.

Д

Бурные приветствия супругов после четырехмесячной разлуки на этом закончились, мы поспешили к «Лендроверу» и поехали на квартиру.

Как только Джеки отнесла в спальню своего бельчонка, она обратилась ко мне:

— Где телефонная книга?

— Зачем тебе телефонная книга?

— Мне надо позвонить врачу насчет твоего ребра.

— Не глупи, врачу тут делать нечего.

— Ну вот что, — сказала она, — или покажешься врачу, или я отказываюсь что-либо делать.

— Ладно, — нехотя уступил я. — Я поднимусь в квартиру над нами, там живет один молодой человек по имени Иэн, он, наверное, знает, как найти врача.

Я сходил к Иэну, получил нужные сведения и вернулся в свою квартиру. Джеки живо дозвонилась до врача и объяснила, в чем дело. Тот любезно согласился приехать.

Приступив к осмотру, врач сразу обратил внимание на огромный синяк ниже пояса и заявил, что у меня, вероятно, треснул копчик. Потом ткнул меня пальцем в бок так, что я с диким воплем подскочил метра на три вверх.

— Все ясно, — сказал он. — Два ребра сломаны. — С этими словами он туго перебинтовал мне грудь, так что я едва мог дышать.

— Вам нельзя нагибаться, нельзя поднимать тяжести и вообще напрягаться. Да-да, пока ничего нельзя. Но к тому времени, когда вы вернетесь в Англию, кости должны срастись. Я выпишу вам болеутоляющие таблетки.

Таблетки помогли, мне сразу стало легче, но ходить с тугой повязкой в африканскую жару было невыносимо, и в конце концов пришлось ее снять.

— Да, на пароходе от тебя будет мало проку, — заключила Джеки. — Нагибаться нельзя, тяжести поднимать нельзя... К тому же вы с Джоном будете заняты съемками, значит, весь уход за животными ляжет на меня.

— Ничего, как-нибудь справимся.

— Нет, это неразумно, — возразила она. — Что, если вызвать Энн?

Как я уже говорил, Энн, моя секретарша, только что сопровождала Джеки в Аргентину и обратно в Англию.

— Думаешь, она успеет? «Аккра» вот-вот прибудет.

— Пошлем телеграмму сегодня, пусть постарается поспеть на самолет.

Мы отправили телеграмму и вскоре же получили ответ: билет на самолет куплен. А через два дня явилась и сама Энн, бойкая деловитая блон-

динка. Наша коллекция привела ее в восторг. Энн очень любила животных и охотно согласилась помогать с кормлением и уходом во время плавания. Я обратил ее внимание на гверец.

— Они любят, чтобы с ними нянчились, — объяснил я. — А на пароходе нам, ей-богу, будет не до этого. И еще неизвестно, как они отнесутся к новой диете. В общем, мне бы хотелось поручить тебе наших колобусов. Можешь больше ничего не делать, только заставь этих чертей есть, чтобы мы довели их живыми.

— Попробую, — обещала она. — Хотя, судя по тому, что вы говорите, это будет нелегко.

— Вот именно, — подтвердил я. — Легко не будет. Разве что у них вдруг проявится страсть к капусте или еще к чему-нибудь. Словом, поживем — увидим.

Вскоре после прибытия Энн нашу коллекцию пополнил еще один экземпляр, очаровательнейшее существо. Под вечер, когда мы решили пропустить рюмочку перед обедом, зазвонил телефон. Джеки взяла трубку.

— Это Эмброуз, — сказала она мне. — Говорит, раздобыл для тебя свинью.

Звонил Эмброуз Джендер, майор войск Сьерра-Леоне. Я познакомился с ним еще до отъезда в Кенему, мне его представили главным образом потому, что он выступал по местному телевидению с показом животных юным зрителям, которые знали его как «дядюшку Эмброуза». Я взял трубку.

— Добрый день, Эмброуз.

— Привет, Джерри! — услышал я звучный низкий голос. — У меня для тебя свинья. Очень милая свинка. Ее зовут Цветок.

— А что это за свинья?

— Точно сказать не берусь, но, кажется, это то, что у вас называется речной свиньей.

— Бог мой! Это замечательно!

Речные, или кистеухие, свиньи — мои любимцы. Тело взрослой особи покрыто ярко-рыжей щетиной, хвост длинный, на ушах — белые кисточки.

— Ты можешь за ней приехать? — спросил Эмброуз.

— Конечно. А где ты сейчас?

— Я собираюсь на телевидение, у меня передача. Может, приедешь на студию, посмотришь мою программу, а потом заберешь свинью?

— Отлично. А что у тебя сегодня в программе?

— Да опять ишейки. Прошлый раз они так понравились, что нас засыпали письмами с просьбой повторить передачу. Но теперь я не дам себя укусить.

Д

Во время первой передачи Эмброуз обернул руку тряпкой, чтобы показать, как ищейка хватается преступника. А собака так в него вцепилась, что прокусила тряпку насквозь.

— Ясно. В котором часу нам быть на студии?

— Примерно через полчаса, — сказал Эмброуз.

— Ладно. Жди.

Мы живо пообедали и поехали на телевидение. Студия была небольшая, но хорошо оборудованная. Нас поразило, что широкие двери не запирались на время передачи и в дальнем конце зала стояли кресла, так что любой прохожий мог при желании запросто войти и посмотреть, как делается программа. Крис был до глубины души потрясен такой расхлябанностью.

— У нас на Би-би-си такие вещи совершенно невозможны, — заметил он.

— Так ведь здесь не Би-би-си, — ответил Эмброуз, — а телевидение Сьерра-Леоне.

Эмброуз был невысокого роста, очень симпатичный, в его огромных живых глазах всегда светилась юмористическая искорка. Он отрастил себе великолепные, завивающиеся на концах черные усы — видно, сказывались годы, проведенные в военном училище в Сэндхерсте.

— Сейчас начнется моя программа, — сообщил он. — Вы можете подождать? А потом я отдам тебе свинку.

— Конечно, — ответил я. — Я с удовольствием посмотрю на твоих ищеек.

Дело в том, что во Фритауне участились грабежи, и отчаявшаяся полиция, чтобы нагнать страху на преступников, закупила трех ищеек. Они и впрямь выглядели устрашающе. Три пса с проводниками выстроились в ряд под лучами юпитеров, разинув пасти от жары. Эмброуз занял свое место перед камерами.

— Добрый вечер, дети, — начал он. — Вот вы и опять встретились с дядюшкой Эмброузом. Понимаете, нам прислали столько писем с просьбой повторить передачу про ищеек, что я решил сегодня показать их еще раз. Сначала вы увидите, какие они послушные. Куда проводник пойдет — туда и собака.

Проводники, сопровождаемые по пятам ищейками, важно обошли вокруг камеры и вернулись на место.

— А теперь, — рассказывал Эмброуз, — чтобы показать вам, какие это послушные собаки, проводники прикажут им сидеть, а сами пройдут в другой конец студии, и вы увидите, как ищейки выполняют команду.

Проводники скомандовали «сидеть», собаки сели в ряд, высунув языки, проводники отошли в другой конец студии.

— Видите? — На лице Эмброуза сияла счастливая улыбка. — Вот этого пса зовут Питер, ему пять лет. А это Томас, ему четыре года...

Тут третья ищейка, которой осточертела вся эта затея, встала и пошла прочь, подальше от жарких ламп.

— А это, — как ни в чем не бывало продолжал Эмброуз, указывая пальцем в ту сторону, куда удалилась ищейка, — это Жозефина, она сука.

Грешен, я и не только я, все мы поспешно заткнули себе рты носовыми платками, чтобы до зрителей не дошел наш смех.

Собаки выполнили еще несколько команд, наконец Эмброуз попрощался со зрителями и подошел к нам — весь в поту, но сияющий.

— Ну вот, — сказал он, — а теперь получай Цветка.

Он прошел в угол студии и вернулся оттуда с маленьким ящиком. Я-то рассчитывал увидеть большую клетку... Эмброуз открыл дверцу, и из ящика выбрался очаровательнейший поросенок. Шоколадно-коричневая щетина была расписана вдоль ярко-желтыми полосами, которые придавали поросенку сходство с косматой осой невиданных размеров. Восхитительный пятачок, живые, веселые глазки, длинные болтающиеся уши и длинный болтающийся хвост. Попискивая и похрюкивая от удовольствия, поросенок жадно обнюхал наши ноги, проверяя, нет ли в отворотах брюк чего-нибудь вкусенького. Все мы тут же влюбились в это существо и с триумфом повезли его к себе на квартиру. На другой день местный плотник смастерил по моему заказу добротную клетку для Цветка.

Близились время отъезда в Англию, и я начал беспокоиться, как мы доставим наш зверинец из жилого комплекса «Алмазной корпорации» на пристань. Навел справки во Фритауне; выяснилось, что грузовики найти очень трудно. Как-то вечером нас навестил Эмброуз, и я спросил его, не знает ли он какую-нибудь фирму, которая могла бы предоставить нам на несколько часов три грузовика.

— А для чего тебе грузовики? — поинтересовался он.

— Надо отвезти животных в порт. Не на руках же их нести.

— А войска на что, дорогой друг?

— Как это понимать — войска?

— Ну да, войска. Я пришлю тебе три армейских грузовика, везите своих зверей на здоровье.

.. — Прости, Эмброуз, но разве так можно? Чтобы армейские грузовики возили в порт зверей?!

Д

— Почему же нельзя? Я майор, войска подчинены мне. Ничего страшного не случится. Когда подать грузовики?

— Но ты уверен, что это не против устава? Мне вовсе не улыбается, чтобы тебя судил военный трибунал!

— Не беспокойся, Джерри, — заверил он меня. — Не беспокойся, все будет в порядке. Только скажи, к какому часу подать машины.

Мы условились о часе. И в самом деле, в назначенный день к жилому комплексу «Алмазной корпорации» подкатили армейские грузовики, и водители, выстроившись в шеренгу, лихо отковыряли нам. Внушительное зрелище.

Мы осторожно погрузили животных и направились в порт. В огромных сетях клетки были подняты на борт и опущены в трюм, где их расставили по моим указаниям. Матросы и старший помощник старались изо всех сил, тем не менее погрузка продолжалась чуть не целый час, а солнце нещадно палило, так что им пришлось несладко. Сам я из-за сломанных ребер мог только стоять и смотреть, как работают другие.

Но вот последняя клетка стала на место, и мы поднялись на палубу, чтобы глотнуть пива. Тем временем пароход медленно отошел от стенки, над лоснящимися волнами загребели исторгаемые корабельным радио звуки гимна «Правь, Британия!», и вот уже вскоре Фритаун превратился в мерцающее облачко вдаль.

Прежде всего мы с Долговязым Джоном отправились на переговоры с баталером. Когда везешь на пароходе зверей, важнее человека нет, ведь от него зависит, сварить ли тебе рис и крутые яйца, и он же заведует холодильником, где хранятся все твои драгоценные продукты. Я шел к нему не без тревоги в душе, так как еще не успел выяснить, взяли они в Англии на борт заказанную мной провизию или нет. К счастью, все было погружено: пучки моркови, ящики с превосходной капустой, яблоки, груши и прочие лакомства, которыми я надеялся соблазнить гверец. Я сообщил баталеру, сколько и чего нам приблизительно понадобится на день, но предупредил, что морской воздух благотворно влияет на аппетит животных, поэтому не исключено, что в пути норму придется увеличить. Он был очень любезен и заверил, что мы можем на него положиться.

Немало времени у нас отнимали киносъемки, ведь, когда мы с Долговязым Джоном шли в Сьерра-Леоне, на «Аккре» не было оператора, и теперь надо было снять эпизоды, рассказывающие о нашем плавании в оба конца. Мы снимали также повседневный уход за животными в трюме. Здесь было к чему руки приложить и нам с Долговязым Джоном, но, так как мы превратились в кинооператоров, большая часть этой работы легла на плечи

Энн и Джеки. К тому же злополучные ребра ограничивали мои возможности. Правда, я мог кормить леопардов, которые с невероятной жадностью пожирали цыплят и кроликов. Я мог также готовить корм для других животных. И, конечно, я помогал кормить Цветка.

Впрочем, эта процедура напоминала не столько кормление, сколько схватку борцов на ковре. Ставить корм в клетку было бесполезно, поросенок тотчас опрокидывал миску с молоком и фруктами, и получалась такая грязь, что потом сто лет не отмоешь. Поэтому для кормления мы два раза в день выпускали Цветка из клетки. На большой противень клали гору лакомых плодов и овощей и подливали молока. Стоило присесть с этим блюдом около клетки и поставить его на палубу, как поросенок начинал отчаянно визжать и биться о дверь пятачком. Дальше наступало самое трудное. Надо было открыть дверцу и постараться схватить поросенка, иначе, бросаясь на противень, Цветок мог не рассчитать свои движения и перевернуть его — это случалось не раз. Итак, отворяешь дверцу и норовишь поймать поросенка за длинное ухо. И держишь как проклятый, потому что Цветок выскакивает из клетки пулей. Затем осторожно ведешь поросенка к противню, он становится прямо на него своими короткими ножками, растопырив копыта, зарывается носом в корм и чавкает, упоенно хрюкая, а то и взвизгивая от радости.

Вот уже последняя капля молока вылизана, последний кусочек овощей съеден, но Цветок твердо убежден, что есть смысл поискать еще чего-нибудь. И если вы не помешаете поросенку, начнутся скачки вокруг остальных клеток.

Чаще всего Цветок устремляется к обезьянам, но как-то раз его понесло прямо к клетке леопардов, хорошо, что в последнюю минуту мне удалось его перехватить. Просвет внизу, через который выгребают мусор, вполне позволял леопардам просунуть наружу лапу, так что тут и пришел бы конец нашему Цветку. Герда и Локаи ворчали и дергали когтями сетку, пытаясь добраться до поросенка, а он хоть бы что, только визжал, скалил свои крохотные клыки и отчаянно рвался у меня из рук, чтобы схватиться с леопардами. Ни капли страха, а ведь они были раз в двадцать больше Цветка!

Энн, как я и просил ее, все силы отдавала колобусам. Я не ошибся, когда говорил, что они не дадут ей сидеть сложа руки. Мало приучить обезьян к незнакомой пище, надо было еще привить им новые навыки. У гверецы нет большого пальца, на воле она передвигается так стремительно, совершает такие огромные прыжки, что он был бы только помехой, вот и остался от него маленький бугорок. Но из-за этого обезьяне трудно поднять что-нибудь с пола, ведь она может только загребать ладонью, как человек,

А когда он собирает крошки со стола. Представьте себе, что вы кормитесь на макушке дерева метрах в пятидесяти над землей. Взяли ртом листья или еще что-нибудь, потом бросили и спокойно перебрались на другую ветку. В клетке так не получится. В базовом лагере и во Фритауне, где мы кормили колобусов листьями, задача решалась сравнительно просто: просунул сверху в клетку зеленую ветку, и пусть едят и бросают на здоровье; с полу они ничего не подбирали. На пароходе зеленых веток не было, заменой листьев могла служить только капуста, а она им не очень-то нравилась. Впрочем, им не очень-то нравился и весь прочий корм, который мы припасли, — морковь, груши, яблоки, виноград.

И развернулся поединок. С одной стороны, твердое намерение Энн не дать обезьянам умереть. С другой стороны, упрямое нежелание обезьян есть предлагаемую им пищу. Часами она просиживала на корточках перед клетками, терпеливо обучая обезьян, как поднимать с пола продукты, и добиваясь, чтобы они хоть попробовали виноград или кусок моркови. А то ведь даже если и возьмут в руки — понюхают и с отвращением отбросят, так и не отведав.

Самым крупным среди наших гверец был самец лет тринадцати-четырнадцати, который всех ненавидел, а особенно Энн; за женоненавистничество он получил от нас нелестное прозвище. Все плавание между ним и Энн шло ожесточенное сражение: кто кого переупрямит. Когда ему ставили миску с едой, он ее опрокидывал и, чтобы подчеркнуть свое отвращение к такому корму и к Энн, ерзал по опилкам взад-вперед, так что получалось мерзопакостное месиво из опилок и фруктов.

Надо было изыскивать другой способ. Старый самец возненавидел Энн так, словно эта ненависть составляла смысл его жизни. Тем не менее она садилась на корточках перед его клеткой и протягивала на ладони какой-нибудь корм. Широкая ячея позволяла обезьянам просунуть руку наружу, поэтому самец прыгал к сетке, яростно бодал ее и выбрасывал вперед руку, норовя схватить пальцы Энн, подтянуть их поближе и хорошенько укусить. Понятно, корм летел через весь трюм. В один прекрасный день после ряда неудачных попыток Энн решила предложить ему для разнообразия кокосовый орех. Белое ядро ореха лучше выделялось на ладони, к тому же все остальное он уже решительно отверг.

То ли это было чистое совпадение, то ли еще что, но на сей раз, пытаясь схватить руку Энн, самец вместо этого схватил орех. И прежде чем швырнуть его на пол, понюхал. С невероятным терпением Энн час за часом повторяла процедуру и взяла-таки женоненавистника измором. Он все еще при виде ее бодал проволоку, но затем вместо ладони хватал орех, обнюхи-

вал и съедал кусочек. И вот уже он гораздо учтивее берет угощение! Было очевидно, что найден корм, который пришелся ему по вкусу. Постепенно он, а за ним и другие гверецы научились брать пищу из поставленной на пол миски и с каждым днем ели чуть больше. Мы воспрянули духом. Правда, обезьяны оставались малоежками, но хоть перестали отвергать виноград, морковь и яблоки, а главное — начали пить витаминизированное молоко, так что можно было не опасаться за их жизнь.

Но и теперь кормить их было поистине геркулесовым трудом, и только поразительное терпение Энн позволяло ей справляться с порученным делом. На наше счастье, держалась хорошая погода, ведь, начнись сильная качка, гверецам вряд ли удалось бы избежать морской болезни, а тогда, не сомневаюсь, мы остались бы без колобусов.

Пользуясь тем, что «Аккра» зашла в Лас-Пальмас, мы поспешили на местный базар и закупили всяких даров природы, способных, как нам казалось, привлечь гверец, в том числе таких, которых они еще не видели: шпинат, землянику, вишни. Торжествующие, доставили мы на пароход добытые овощи и фрукты и приступили к испытаниям. Надо ли говорить, что гверецы воротили нос от дорогостоящих вишен и земляники (правда, потом они все-таки снизошли до вишен). Шпинат попробовали, но тоже не оценили. У нас еще была в запасе какая-то зелень вроде фасоли — Энн в последнюю минуту обнаружила ее на базаре, и на всякий случай мы взяли немного. И вот, поди ж ты, гверецы так набросились на стручки, что, зная бы заранее, мы бы целый мешок припасли.

Наконец мы прибыли в Ливерпуль. К моей великой радости, день выдался солнечный, жаркий. Я говорил себе, что скоро всем мучениям конец, ведь осталось только отвезти нашу коллекцию в аэропорт и лететь на Джерси. Вечером животные уже будут благополучно размещены в зоопарке, а там им обеспечен самый тщательный уход и нежная любовь сотрудников.

Пароход медленно подошел к стенке. Тем временем мы лихорадочно трудились в трюме, обивая клетки брезентом и легкими одеялами. Я всегда так делаю — не столько для защиты животных, сколько для того, чтобы люди не тыкали пальцами в клетки с риском быть укушенными. И зверей только напугают. К тому же в темной клетке животные спокойнее переносят всякую тряску и болтанку.

Снова огромные сети вознесли клетки над бортом, потом опустили на пристань, где стояли наготове грузовики чтобы везти нас в аэропорт, к зафрахтованному самолету. Мы аккуратно расставили клетки в кузовах машин, и я облегченно вздохнул. Еще несколько часов — и мы будем дома, на Джерси... Тут ко мне подошел маленький человечек и осведомился, не я ли мистер Даррелл. Я кивнул, радостно улыбаясь.

Д

— Видите ли, сэр, — сказал он, — я по поводу ваших леопардов.

У меня сердце оборвалось.

— Что с ними? — спросил я.

— Видите ли, сэр, у вас нет разрешения на ввоз.

— Как же так, — возразил я. — Мы обращались в министерство, там дали разрешение и сказали, что, поскольку леопарды из Ливерпуля сразу же проследуют на Джерси, их не надо подвергать карантину в Англии.

— Видите ли, сэр, я не получал никаких бумаг на этот счет.

— Господи... Но ведь достаточно позвонить в зоопарк...

— Ничего не знаю, сэр. Без документов я не могу их пропустить.

Я постарался взять себя в руки. За мою жизнь мне не раз доводилось нарываться на бюрократические крючки, и я знал, что лучше не давать воли своим чувствам.

— Хорошо, я позвоню в зоопарк.

— Пожалуйста, сэр. Только, боюсь, вам придется оплачивать разговор.

— С удовольствием, — процедил я сквозь зубы.

Мы прошли в мрачный закуток, служивший ему кабинетом, и я соединился с Кэт.

Где, черт возьми, разрешение на леопардов? Кэт сообщила, что бумаги сию минуту прибыли в зоопарк. Озадаченная этим, она сразу позвонила в министерство, хотя не сомневалась, что один экземпляр направлен в Ливерпуль. Нет, любезно ответили ей в министерстве, никаких экземпляров в Ливерпуль не направляли, потому что все документы принято посылать лицу, ожидающему леопардов и прочих животных.

У меня вырвался стон.

— Ладно, Кэт, — сказал я. — Я сам позвоню в министерство.

Она продиктовала мне номер телефона, и я связался с соответствующим отделом. Чиновник выразил свое сожаление, но добавил, что отдел не совершил никакой ошибки, направив документы туда, куда должны прибыть леопарды.

— Ну хорошо, можно попросить вас поговорить с джентльменом, которому я сейчас передам трубку? Он не разрешает мне взять леопардов на Джерси, потому что не получил нужных документов... Вы не могли бы подтвердить ему, что разрешение оформлено?

Я передал трубку моему мучителю. Он что-то бормотал и всячески кочевряжился, но все же чиновник из министерства убедил его, что разрешение на леопардов есть. С кислой физиономией положил он трубку, я испортил ему все удовольствие...

— Мне можно идти? — мягко осведомился я.

— Да, пожалуй, — пробурчал он.

И мы поехали в аэропорт. Однако из-за бюрократа мы потеряли целый час, пришлось звонить и предупреждать, чтобы нас подождали.

В аэропорту животных погрузили на самолет, затем мы сами расселись по местам и застегнули пояса. Взрели моторы, самолет задрожал и тронулся с места. Но вдруг остановился. Возвратился на место, снова прибавил оборотов и рванулся вперед — и снова остановился. Вернулся на исходную позицию и заглушил моторы. Пилот подошел ко мне с виноватым видом.

— Боюсь, сэр, у нас неисправность, — сказал он. — Мы не можем взлететь.

— Сколько времени уйдет на починку? — спросил я.

— Боюсь, сэр, это трудно сказать.

— А можно оставить животных в самолете на это время?

— Можно оставить, сэр, а можно перенести в ангар, если хотите.

— Пожалуй, лучше в ангар, — сказал я. — Потому что некоторых из них пора кормить.

Мы вытащили клетки из самолета и отнесли в пустующий ангар. Шли часы, мы покормили наших подопечных, дали им молока. Наконец ко мне подошел представитель авиакомпании и сообщил, что механики ищут неисправность и, как только самолет будет готов, мне дадут знать. Я позвонил в зоопарк и предупредил Кэт, что мы задерживаемся. Два часа дня, три, четыре... В пять часов мне доложили, что при прогоне моторов опять выявилась какая-то неисправность.

— Пустые хлопоты, — сказал я. — Лучше предоставьте нам другую машину.

— Позвольте еще попробовать, — упрасивали они.

— Пожалуйста, — ответил я. — Только мне не улыбается лететь на самолете, который может подвести. Я вообще не большой любитель летать, а на неисправных машинах и подавно.

Было уже довольно поздно, когда мне сообщили, что неисправность наконец устранена. Мои ребра зверски болели, и нервы были на взводе: во-первых, я не люблю самолетов, во-вторых, с приближением ночи становилось все холоднее, и я боялся, как бы животные не простудились.

— Нет! — произнес я с внезапной решимостью. — Будь я проклят, если полечу на этом самолете. Давайте мне другой.

— Уверяю вас, сэр, — сказал пилот, — он в полном порядке.

— Я в этом не сомневаюсь. Но у меня такое предчувствие, а когда у меня предчувствие, я предпочитаю не лететь... Будь я проклят, если позво-

Длю посадить меня, мою жену и моих зверей в несчастливый самолет. Нет, боюсь, что я буду вынужден настоять на другом рейсе.

— Хорошо, сэр, как хотите, — огорченно сказал он.

Я отправился к начальству, получил разрешение оставить животных в ангаре и стал добиваться другого рейса. Это оказалось не так-то просто, но в конце концов задача была решена. Утром мы примчались в аэропорт и кинулись проверять животных — не повредила ли им холодная ночь? Кажется, ничего... После этого мы погрузились на другой самолет и наконец взлетели.

Когда машина оторвалась от земли, я вытер вспотевшие руки, откинулся назад, закурил сигарету и закрыл глаза. Осталось совсем немного, сказал я себе, теперь бы только благополучно приземлиться на Джерси. Ровно гудели моторы, и вот уже на горизонте темной точкой возник наш остров. Мы снизились, совершили безупречную посадку и покатали к зданию аэропорта, где стояли наготове авторазгрузчики и выстроились — насколько я мог судить — все сотрудники зоопарка. Началась выгрузка животных, заswerкали фотовспышки репортеров, спешивших запечатлеть на пленки, как авторазгрузчики везут к машинам леопардов, шимпанзе и прочих тварей. Еще час — и мы уже дома, животных сняли с грузовиков, и тех, кому не надо было проходить карантин, разместили в новых клетках.

Я вздохнул свободно. Нам удалось-таки доставить колобусов в зоопарк. Наконец можно как следует заняться ими, не торопясь и ни на что не отвлекаясь. Теперь вдобавок к новой диете у нас будет для них сколько угодно зеленых листьев — есть дуб, есть вяз, есть липы и прочие деревья. Я не сомневался, что этот корм принесет им пользу и придется по вкусу. Хоть бы пришелся...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РОДЫ, РОДЫ...

Уважаемый мистер Даррелл!

Нам так сильно понравилась Ваша программа «Поймайте мне колобуса», что захотелось поздравить Вас и пожелать новых успехов.

Вы очень похожи на одного человека, с которым я дружил в Йорке лет двенадцать назад. Ваше настоящее имя случайно не Джон Митчелл? Хотелось бы узнать...

Естественно, когда возвращаешься из путешествия, пусть даже недолгого, дома тебя ожидает куча дел. Меня держали в курсе всего, что происходило в зоопарке, тем не менее пришлось сразу окунуться в работу с головой. Прежде всего надо было разобраться, что сделано комитетами, к тому же на письменном столе высилась гора писем. К счастью, оказалось, что все идет прекрасно. Число членов треста возросло почти до двух тысяч, из них пятьсот были разбросаны по всему свету. Членские взносы вместе с доходом от продажи билетов в зоопарк позволяли приступить к планам, которые мы давно вынашивали.

Все звери, привезенные из Сьерра-Леоне, слава богу, прижились очень хорошо. Леопарды, как положено, проходили у нас полугодовой карантин и получили прививку от кошачьего энтерита, чему вовсе не были рады. Гверецы, попав в просторные клетки, где можно было прыгать и лазить, жадно поедали корм, от которого на пароходе воротили нос. Мы даже предложили им бамбук и падуб. Приняли и стали уписывать за обе щеки. Отлично: значит, и зимой не останутся без зеленого корма.

Мы разделили колобусов на две группы. Старый злока с тремя взрослыми самками занимал одну клетку, молодой самец и две его ровесницы — другую. При этом мы исходили из того, что старик, заведомо не отличающийся добродушием, вполне способен отправить молодого соперника на тот свет, если держать всех вместе. Лучше не рисковать самцом, тем более что преклонный возраст злыдня не позволял рассчитывать, что он проживет у нас долго.

Первые два-три дня я был занят устройством животных на новом месте, наблюдал за переоборудованием клеток и так далее, а потом прочно окопался в кабинете, отвечая на письма и заседая в комитетах. И конечно, в разгар одного из таких заседаний наша шимпанзе Шеена решила произвести на свет детеныша. Мы ожидали этого события так долго, что я был застигнут врасплох. Беременность у шимпанзе длится столько же, сколько у человека, а девять месяцев — срок изрядный. Первое время Шеена очень страдала от нарушения водного обмена. Кисти, ступни и лицо ее сильно отекали, и, наверно, боль была невыносимая. Такое случается и среди людей, поэтому мы посоветовались не только с ветеринарами, но и с нашим собственным врачом — мы всегда обращались к нему, когда заболели человекообразные. Нам удалось скормить Шеене прописанные врачом пилюли, и они ей помогли; потом отеки и вовсе пропали. Ничто не говорило о приближении счастливого события, если не считать того, что вместо одного литра жидкости в день она теперь потребляла семь. И вот, когда я сидел на заседании Административного комитета и мы обсуждали, какие новые

Д

клетки заказывать, каких еще животных приобретать, и прочие важные вопросы, вдруг распахнулась дверь и вбежала Джеки.

— Живее! — закричала она, повергнув в изумление почтенное собрание. — Шеена лопнула!

С этими словами Джеки стремглав бросилась в Дом млекопитающих. Я вскочил, разметав бумаги во все стороны, и ринулся за ней вдогонку. Надо ли объяснять, что мое поведение ошеломило членов комитета. Откуда им, беднягам, знать, что означало слово «лопнула» на нашем профессиональном жаргоне, а так как я еще никогда не наблюдал родов шимпанзе, то не собирался упускать такой случай. Я пулей пересек двор и затормозил перед клеткой Шеены. Она сидела на полке спиной к нам и тужилась, я даже разглядел макушку младенца. Внезапно Шеена встала и принялась мастерить гнездо из соломы. Время от времени она прерывала работу и тужилась; судя по всему, у нее при этом не было никаких болезненных ощущений. Видимая часть головы младенца была не больше гусиного яйца. Иногда Шеена касалась ее пальцем, и по-прежнему мы не замечали у роженицы никаких признаков недомогания.

Около получаса Шеена то рассеянно мастерила гнездо, то бродила по полке, то останавливалась из-за схваток. Вдруг она присела лицом к нам, опираясь на левую руку и раздвинув ноги. Похоже, схватки начались всерьез. Неожиданно она быстро опустила вниз правую руку, и вот уже на ладонях у нее лежал малыш. Все это произошло так стремительно, что никакой фотограф не успел бы снять.

Малыш лежал на спине, чуть наклоня голову вбок. Меня больше всего заинтересовало выражение лица Шеены: она не верила своим глазам. Очевидно, ей казалось, что из нее выходит необычно крупный экскремент, а тут — на тебе! — на руках лежит крохотная копия ее самой!

В это мгновение малыш издал такой громкий и пронзительный крик, что, не следи мы внимательно, можно было подумать, что это сама Шеена кричит. Мать реагировала молниеносно — крепко прижала дитя к груди обеими руками. От конца родов до этого движения прошло, наверно, не больше четырех-пяти секунд.

Минуто-другую держала Шеена малыша таким образом, потом понемногу ослабила хватку и принялась рассматривать его. Прежде всего она языком и губами очистила ему макушку, которая порой вовсе исчезала у нее во рту. Зная, какие у Шеены большие и крепкие зубы, я опасался, как бы она не раздавила мягкий череп малыша. Но, видно, она все проделывала очень нежно, потому что детеныш не выказывал ни малейшего беспокойства. Дальше она принялась отмывать ему пальцы рук и ног, тщательно

обсасывая каждый палец и вылизывая ладони. Потом, держа малыша на ладонях, как в колыбельке, вылизала ему глаза. Время от времени она шумно выдыхала воздух, сложив губы трубочкой, — то ли сбрызгивала слюной отмываемое место, то ли выражала так нежные родительские чувства. Меня удивило, что Шеена не очищает тельце детеныша. Длинная пуповина достигала двух с половиной сантиметров в толщину, а размеры прикрепленной к ней плаценты составляли примерно тридцать на двадцать сантиметров.

Только умыв малышу руки, ноги и голову, Шеена обратила внимание на пуповину и послед. Вот еще забота! Она заходила взад-вперед по полке, прижимая к себе дитя левой рукой и держа в правой пуповину с болтающейся на ней плацентой. Положит плаценту, накроет ее соломой, притопчет, потом отойдет в сторонку и сядет, словно убежденная, что наконец-то отделалась от раздражающего ее предмета. Но уже через несколько минут оказывалось, что малыш по-прежнему соединен пуповиной с последом, и вся процедура повторялась. За полчаса Шеена, наверно, раз шесть или семь закапывала послед в солому. Один раз подошла к краю полки, и плацента, к нашему ужасу, закачалась в воздухе, будто маятник. Оборвись пуповина, и малыш вполне мог истечь кровью.

К этому времени весь Административный комитет собрался у клетки, пришел и наш врач, который как раз навещал заболевшего сотрудника. Все с увлечением наблюдали за происходящим, но, когда Шеена принялась жонглировать плацентой, доктор в ужасе отвернулся.

— Не могу смотреть, — сказал он. — Страшно подумать, что случится, если она ее выпустит.

К счастью, Шеена крепко держала пуповину, вес последа приходился на ее руку, и с малышом ничего не случилось. Вскоре она спустилась с полки, захватив пук соломы, — видно, подумала, что теперь-то избавится от надоевшей ноши, — но через минуту опять залезла на полку.

Через час Шеена смирилась с тем, что пуповина с плацентой — неудобный, но неотъемлемый атрибут материнства, и принялась более внимательно изучать послед. Ткнет пальцем — оближет его. Еще через полчаса она взяла послед в руки и принялась его есть, но как-то нерешительно, просто чтобы отделаться, и одолела только половину. Малыша она при этом прижимала к груди, однако все еще не подносила к соску. Мы встревожились, ведь после первых родов у обезьян нередко случается, что малыш умирает с голоду, если мамаша инстинктивно не покажет ему соски или держит его так, что ему до них не дотянуться. Но Шеена держала малыша достаточно высоко, и вскоре он нащупал грудь; мы видели, как он

Д

сосет попеременно то из правого, то из левого соска. Подзакусив, детеныш неожиданно издал приветственные звуки шимпанзе: «Эх-эх-эх-эх-эх». Шеена очень живо реагировала, еще крепче прижала дитя к груди, пристально разглядывая его мордочку и вылизывая ему глаза.

Вечером она улеглась спать на правом боку, пристроив малыша рядом с собой, и мы облегченно вздохнули: пока что все идет хорошо!

На другой день пуповина подсохла, плацента тоже, но Шеена больше не пыталась ее съесть. На третий день окончательно высохшая пуповина, к явному облегчению Шеены, сама обломилась. Малыш развивался нормально, ел хорошо, и мать не страдала от недостатка молока.

Сами понимаете, персонал Дома млекопитающих ходил с гордым видом. Что ни говори, не так-то просто добиться размножения шимпанзе в неволе. Даже в таких старых европейских зоопарках, как Антверпенский, которому теперь лет сто, не удалось получить потомства от шимпанзе. Словом, мы были очень довольны собой.

Малыш быстро рос, и Шеена показала себя заботливой мамашей. Вскоре детеныш уже ползал по полу, иногда даже карабкался на решетку. Но стоило ему только пискнуть, как мать бросалась на зов и прижимала драгоценное чадо к груди. Примерно в четыре месяца Мафит — так мы называли малыша — проявил интерес к фруктам. Первое время он просто мусолил их во рту, но затем научился есть. И начал сосать молоко из бутылочки. По нашим наблюдениям, в этом же возрасте он начал играть соломой. Ползает по клетке, собирает солому и тащит в одно место. Впечатление было такое, что он именно играет, а не устраивает ложе. Но уже через две недели мы стали замечать, как он на полке собирает, укладывает и приминает ногами солому, делая миниатюрные копии гнезд, которые мать сооружала каждый вечер.

К сожалению, наша радость длилась недолго. Присматриваясь к Мафиту, я однажды заметил, что двигается он не так, как положено в его возрасте, — недостаточно ловко и проворно действует руками и ногами. А когда он влез на решетку и принялся ее сосать, я увидел также, что десны его бледнее, чем следует. Я рассказал об этом Джереми, после чего он и все сотрудники зоопарка, а также Джеки отправились к клетке шимпанзе. Внимательно приглядевшись к Мафиту, они согласились со мной, что десны бледноваты, но в движениях малыша не нашли ничего необычного. Я продолжал настаивать, что Мафит кажется мне недостаточно проворным для своего возраста. Поделился я своими сомнениями и с Томми Беггом, как только он пришел, и мы согласились увеличить дозу витамина B₁₂. Может, это исцелит малыша от вялости.

Через несколько недель стало ясно, что Мафит серьезно болен и его нужно лечить. Но для этого надо было отнять его у Шеены. Мы обездвигили ее специальным пистолетом, вошли в клетку и взяли малыша. Как ни старались мы вести себя осторожно, обращаться с ним ласково, он очень испугался. Мафит давно привык к нам, но он обычно видел нас по ту сторону барьера, и, когда мы отняли его от матери, ему вдруг стало плохо. Личико и язык посинели, он стал задыхаться, потом дыхание и вовсе остановилось. Мы применили все способы искусственного дыхания, влили шимпанзенку возбуждающее средство. На какое-то время помогло, он опять начал дышать. Однако через десять минут сердце перестало биться и дыхание прекратилось окончательно. Ничто не могло вернуть его к жизни.

Надо ли объяснять, что мы были страшно подавлены. Тем не менее тело отправили на вскрытие: узнать причину смерти важно на тот случай, если у Шеены будут еще детеныши. Ответ был весьма поучительным, как пример того, насколько серьезно может болеть животное без ярко выраженных симптомов. Оказалось, что левая рука Мафита была искривлена из-за внутреннего повреждения тканей у локтя, причем кость недостаточно отвердела. Нижние левые ребра — полые и деформированные. Сердце само по себе было в полном порядке, но рядом с ним оказалось обширное изъязвление; оно-то скорее всего и стало причиной смерти. Последняя фраза врачебного заключения звучала не очень утешительно: «Исследуемое животное имело серьезнейшие травмы, так что вряд ли лечение даже на ранней стадии могло бы что-либо исправить».

Таким образом, выяснилось, во-первых, что в корме Шеены недостает кальция, а во-вторых, мы не повинны в гибели Мафита. Сердце рано или поздно все равно сдало бы, даже если бы мы не трогали малыша. Только от этого нам легче не стало...

Вскоре Шеена опять забеременела. На сей раз роды состоялись ночью, и родился здоровый, крепкий детеныш женского пола. Теперь ему почти два года, мы уже отделили его от матери, и малыш благополучно здравствует. Никаких симптомов вроде тех, которые наблюдались у Мафита. Конечно, под конец беременности мы особенно следили за питанием Шеены, с тем чтобы в молоке ее было достаточно кальция. Думаю, прекрасное здоровье Алексы объясняется витаминами, которые получала ее мать. Смерть Мафита нас кое-чему научила.

Прошло немного времени, и нас подбодрило новое счастливое событие. Как-то Джереми ворвался в мой кабинет возбужденный, волосы разлохмачены.

— Колобусы! — кричал он. — У них малыш!

Д

Невероятная новость! Во всем мире только один зоопарк, кроме нашего, располагает гверецами этого вида, и, насколько нам было известно, никому не удавалось добиться, чтобы они размножались в неволе. Для нас уже одно то, что колобусы прижились в Джерсийском зоопарке, было большой победой. А если удастся вырастить малыша, мы вправе торжествовать вдвойне.

Мы побежали к клетке. Три самки буквально вырывали друг у друга беленького (у колобусов детеныши всегда белые) малыша, сразу и не поймешь, которая из них мамаша. Мы не очень-то хорошо представляли себе тонкости поведения гверец в естественных условиях. Может быть, у них, как у бабуинов, все самки поочередно выступают в роли тетушек. Но, глядя на то, как малыш переходит из рук в руки, мы решили, что надо бы опознать мамашу, пока с младенцем не случилась какая-нибудь беда.

Вошли в клетку, благополучно извлекли из нее малыша, живо взвесили его и определили пол. А заодно узнали, кто мать, потому что самая маленькая из трех самок тотчас спустилась к решетке, пытаясь вернуть свое чадо. Мы заперли двух других самок в спальном отделении и возвратили ребенка матери. Несколько дней их держали обособленно, пока не удостоверились, что малыш хорошо сосет молоко и достаточно крепок, чтобы выдерживать знаки внимания «тетушек». Когда группа была воссоединена, не обошлось без недоразумений — обе «тетушки» пытались отвоевать для себя малыша. Потерпев неудачу, они утомонились и принялись поглаживать друг друга.

Через несколько часов картина переменилась: то одна, то другая самка возилась с малышом, но стоило ему пискнуть, как мамаша тотчас забирала его.

Старый самец, игравший роль властного и строгого папаши, не очень жаловал своего отпрыска. Он бесцеремонно толкал его, иногда выгонял из спального отделения мать с малышом. А чаще всего просто не замечал младенца — сидит с присущим ему надменным видом, этакий владыка всего обозримого мира.

Малыш отлично развивался, и выросла чудесная самочка, которую мы называли Энн — ведь это Энн Питерс мы были обязаны тем, что смогли довести колобусов до Джерси.

С тех пор у гверец еще не раз было прибавление семейства, и теперь их у нас двенадцать штук. Как я уже говорил, Джерсийский зоопарк — единственный в мире, добившийся размножения колобусов в неволе, и мы считаем это одной из наших главных побед.

Самка орангутана, Бали, решив, что ей не пристало отставать от других, тоже забеременела. И конечно, мы страшно волновались — ведь до-

биться размножения орангутанов в неволе чрезвычайно важно. По мнению специалистов, если этих обезьян будут истреблять по-прежнему, через десять-двадцать лет их и вовсе не останется в природе.

Бали — на редкость милое и кроткое создание, это намного облегчало нам работу, так как мы могли спокойно входить к ней и обследовать ее. Она все полнела и полнела, предполагаемые сроки давно прошли, и мы начали беспокоиться. Я уже говорил, что у нас, как и в большинстве европейских зоопарков, за человекообразными присматривают не только ветеринары, но и терапевт. Ведь они так похожи на человека, что иногда нашему доктору удается поставить диагноз в тех случаях, когда ветеринар становится в тупик.

Как-то мы с Джереми при нашем враче заговорили о беременности Бали. Я заметил, что, по-моему, Бали просто морочит нам голову.

— А знаете, — сказал Майк, — если бы я мог приложить к ее животу стетоскоп, быть может, удалось бы прослушать сердцебиение плода. Обезьяна ручная?

— Конечно, — ответил Джереми. — Мухи не обидит.

— Так что, пойдем попробуем? — предложил Майк.

Мы отправились в Дом млекопитающих, Джереми вошел в клетку, Майк последовал за ним. Присев на корточках на соломе, он повесил стетоскоп на шею и стал потихоньку приближаться к обезьяне, говоря ей что-то ласковое. Бали возлежала на соломе — этакий рыжий косматый Будда — и с любопытством смотрела на врача кроткими миндалевидными глазами. Наконец Майк подобрался к ней вплотную, воткнул в уши стетоскоп и бережно приложил аппарат к ее огромному животу. Бали была очарована славным, воспитанным джентльменом, который так мило с ней разговаривал и прижимал к ее пузику какую-то заманчивую штуку. А эти длинные трубочки — они не съедобны? Она осторожно вытянула руку и коснулась стетоскопа, но Джереми отвел ее пальцы в сторону. Послушав с минуту, Майк вынул стетоскоп из ушей.

— Ну? — нетерпеливо спросил я. — Что-нибудь слышно?

— Не уверен, — ответил Майк. — Какой-то стук есть, возможно, это сердце плода, но она лежит не совсем удобно. Если бы она села повыше...

Джереми попробовал заставить Бали сесть. Куда там, обезьяне больше нравилось лежать. В самом деле, пусть этот чудак хоть целый день щупает ее живот, если ему это доставляет удовольствие.

Все же мы ухитрились слегка развернуть ее, и Майк сделал новую попытку. Опять он услышал какой-то двойной стук, похожий на сердцебиение, но полной уверенности у него не было. Мы сдались. Майк вышел из клетки и отряхнул солому со своего безупречного костюма.

Д — Не могу сказать ничего определенного, — заключил он. — Мне кажется, она беременна, но она лежит так, что точно определить сердцебиение я не мог. Придется уж вам набраться терпения и ждать.

Так мы и поступили. Бали день ото дня становилась все круглее и круглее, все ленивее и добродушнее. В одно прекрасное утро, войдя пораньше в Дом млекопитающих, Джерсеми, к своему величайшему огорчению, обнаружил, что Бали произвела на свет мертвое дитя. Он вынес его из клетки, и мы исследовали младенца. Видно, мы ошиблись, определяя срок беременности Бали, потому что плод, в общем-то вполне нормальный, оказался недоношенным.

Правда, такие случаи не редкость, когда дикие животные рожают впервые. В какой-то мере нас утешило то обстоятельство, что мы считали Бали слишком молодой для материнства, а оказалось, что она в принципе уже способна произвести на свет здорового детеныша. Будем надеяться, что в следующий раз нам больше повезет!

Видимо, Бали пришлось по душе, как ее обхаживали, когда она была беременна, потому что вскоре мы снова обнаружили у нее знакомые симптомы. Опять ее окружили вниманием, отделили от супруга, кормили самыми лакомыми яствами; снова к ней в клетку пришел добродушный человек и прослушал весь живот стетоскопом — безрезультатно.

Предполагаемый срок беременности давно прошел, но мы все держали орангутанов порознь. Наконец решили, что Бали нас провела. И не ошиблись: как только их с Оскаром воссоединили, ее живот и груди опали. Мы здорово обиделись на Бали за такой розыгрыш, однако не теряем надежду, что в один прекрасный день она все-таки станет матерью.

Снова пришла весна, и снова мы с Шепом одержимы одной мыслью: размножением белоухих фазанов. Петушок все еще сильно хромал, и мы не сомневались, что он не сумеет выполнить свои супружеские обязанности. Может, прибегнуть к искусственному осеменению? На домашней птице этот способ хорошо отработан, но к диким птицам его почти не применяли. Мы связались с лучшими экспертами Англии и континента, однако итог был неутешительным: коль скоро у нас всего одна пара и вид такой редкий, не стоит рисковать. Лучше оставить их в покое и уповать на то, что петушок в конце концов окрепнет.

Пришло время мне отправляться в ежегодный отпуск в Грецию. Разумеется, настоящего отпуска у меня никогда не бывает, потому что, удалив-

шись от телефонов и прочих помех, я обычно стараюсь сосредоточиться и написать очередную книгу.

Итак, я нежился под солнцем Греции, любовался весенним цветением и оливковыми рощами, а потом мы не торопясь взяли курс домой через Францию, пользуясь случаем разговеться как следует. Кэт и Джереми писали нам обо всем, что происходило в зоопарке. Случись что-нибудь экстренное, они знали, куда мне звонить, чтобы я тотчас вылетел домой.

Хитроумный обмен со Смитсоновским институтом в Вашингтоне, устроенный Джереми, позволил нам получить несколько разных тенреков — маленьких зверушек, напоминающих ежа. Этим своеобразным мадагаскарским насекомоядным тоже грозит полное истребление, поэтому мы были рады возможности разводить их у нас в зоопарке. Когда половина Франции осталась позади, я решил сам позвонить Кэт — спросить, как проживают наши тенреки, и сообщить примерную дату нашей высадки на Джерси. Сидя за столиком в кафе и потягивая чудесное белое вино, я размышлял, с чего начать — с устриц или с улиток; в это время подошел официант и сообщил, что Джерси на проводе.

— Я поговорю, — сказала Джеки, предоставив мне продолжать упорное чтение меню.

Вскоре Джеки вернулась, и по ее сияющему лицу я сразу понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Какие новости? — спросил я.

— Ни за что не угадаешь!

— Ладно, не морочь мне голову, говори скорее!

— Белоухие отличились, — сообщила она. — Снесли девятнадцать яиц, и Шеп говорит, что из четырнадцати вылупились цыплята.

Трудно выразить, что я испытал в эту минуту. Сперва — недоверие. Потом меня с головы до пят пронизало ликование. Ведь если мы благополучно вырастим четырнадцать белоухих фазанов, у нас будет самое большое «племенное стадо» в мире, не считая Китая. Пусть даже подтвердится, что этой птицы в естественных условиях больше нет, — теперь в наших силах спасти ее от полного исчезновения.

Наконец-то трест начинает служить цели, ради которой я его создавал! Мы заказали роскошный обед и отметили славное событие обильным возлиянием. Весь следующий день, провожая взглядом чудесные французские пейзажи, я думал про себя: «Четырнадцать штук! Четырнадцать штук!.. С двумя взрослыми — шестнадцать! А если и на следующий год курочка не подведет... Бог мой! Мы сможем разослать белоухих фазанов во все зоо-

Д парки мира, чтобы судьба их зависела не от нас одних. Господи, хоть бы цыплята были разнополые... Надо будет устроить для них отдельные вольеры... Это просто необходимо...»

В радужном настроении мы доехали до побережья и переправились на Джерси. Прибыв в зоопарк, я немедленно вызвал Шепа.

— Что я слышу? — спросил я. — Ты угробил наших белоухих фазанов?

— Ага, — ответил он. — Чего уж тут запирается: все до одного околе-ли. Жаль, конечно, да что теперь поделаешь.

— Ладно, балда, пошли, показывай!

Шеп отвел меня к загонам, где озабоченная курочка хлопотала вокруг своих чад, которым исполнилось почти десять дней. Цыплята были отличные, крепенькие, и Шеп позаботился о том, чтобы у них был совершенно чистый грунт, так что мы вполне могли надеяться сохранить весь вы-водок.

Я пригласил Шепа к нам, откупорил шампанское, и мы выпили за здо-ровье друг друга и белоухих фазанов. После длинной череды неудач и огор-чений наступил час торжества.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАСКАПЫВАЕМ ПОПОКАТЕПЕТЛЬ

Особую прелесть и красоту здешним видам придает внушительная панорама горных цепей, причудливые вершины которых являют собой подлинное чудо природы. Прибавьте к этому теплый климат, а также самобытную флору и фауну.

Путеводитель по Мексике

В один прекрасный день, прочтя очередные письма и перейдя к журна-лам, я обратил внимание на одну статью в «Энимэлз». Некий Норман Пел-лем Райт рассказывал о своеобразном маленьком зверьке — так называе-мом вулканическом кролике, или тепоринго. Я слышал об этом кролике, но не подозревал, что ему грозит полное истребление. У тепоринго весьма ограниченный ареал, он обитает лишь на склонах нескольких вулканов во-круг Мехико. Мяса от этого крохотного зверька очень мало, и он охраняет-ся законом, но это не мешает местным охотникам упражняться на нем в

стрельбе и натаскивании собак. Статья Пеллема Райта заканчивалась призывом: пусть какой-нибудь зоопарк попробует приобрести несколько тепоринго и размножить их в неволе на случай, если природные популяции будут окончательно истреблены.

Подходящая задача для треста! С таким маленьким животным мы уж как-нибудь справимся. Правда, я знал, что содержать в неволе зайцеобразных нелегко, но не сомневался, что терпение и труд восторжествуют. Отложив журнал, я стал перебирать в уме проблемы, с которыми предстоит столкнуться. Полистал справочники и выяснил, что с кормом будет так же сложно, как и в случае с колобусом, потому что вулканический кролик обитает в сосновых лесах на большой высоте, среди травы закатон — она-то и составляет его главный корм. Как он отнесется к другой зелени? Опять же — высота. Очень серьезная проблема, ведь из Мексики кролики полетят самолетом на Джерси, а это значит, что с высоты трех тысяч метров они опустятся почти до нуля. Ничего, что-нибудь придумаем...

К тому же, сколько ни ломай голову над этими вопросами, сперва предстояло решить множество других задач. Тут ведь не то что взял да сел на пароход, отправляющийся в Мексику. Пока я прикидывал, что да как, пришло письмо все от того же Пеллема Райта, причем как раз в ту минуту, когда я сам собирался написать ему о том, что нас обоих волновало: о тепоринго. А в письме говорилось, что он, Райт, слышал про наш трест и нашу работу и берет на себя смелость предложить нам заняться вулканическим кроликом. Пеллем Райт заверял меня, что я могу всецело рассчитывать на его помощь, если задумаю отловить несколько экземпляров.

Что ж, меня это вполне устраивало. Кстати, мы с Джеки давно ждали повода, чтобы поехать в Мексику, — и вот отличный повод!

Вывести из страны животное, которое строго охраняется законом, не так-то просто даже для уважаемой научной организации. Поэтому нам с Пеллем Райтом пришлось довольно долго переписываться с государственными органами Мексики, прежде чем мне разрешили приехать для отлова тепоринго.

К тому времени я выяснил, что в Мексике есть еще три вида, которым угрожает полное истребление и которые строго охраняются законом, причем все три — птицы. Во-первых, квезал — изумительно красивая птица с золотисто-зеленым оперением, алой грудкой и длинными отливающими металлом хвостовыми перьями. Во-вторых, рогатый гокко, величиной с индейку, с острым рогом на лбу, похожим на носорожий. И в-третьих, тол-

Д

стокловый попугай, ярко-зеленая птица с алой «маской», перья крыльев и ног тоже с алым отливом.

Мексиканские власти разрешили мне отловить только вулканического кролика и толстоклового попугая, считая, что рогатый гокко и квезал стали чересчур большой редкостью. К тому же у властей были свои соображения насчет охраны ареала этих птиц, и вот-вот должны были последовать практические меры.

Два разрешения из четырех возможных — замечательно, это даже больше того, на что я рассчитывал!

Мы приступили к сборам. Нужно было спроектировать и смастерить складные клетки, уложить продукты и так далее. И главное, найти судно, заходящее в Веракрус, ближе к Мехико, куда нам непременно надо было попасть, чтобы засвидетельствовать свое почтение властям. Несколько месяцев напряженного труда, десятки писем и телефонных звонков — наконец все приготовления закончены, и мы погрузились на борт парохода, идущего в Мексику.

Наш отряд состоял из Джеки, меня, Шепы (когда можно, я всегда стараюсь брать с собой кого-нибудь из сотрудников зоопарка, а так как на этот раз нам предстояло ловить птиц, поехал Шеп), моей секретарши Дорин (Энн Питерс перешла на другую работу), нашего старого друга Пегги Кэрд. До того как стать вольным художником, Пегги долго работала в Би-би-си, и я пригласил ее в экспедицию в расчете, что она сможет сделать интересные звукозаписи к фотографиям, которые мы надеялись снять во время охоты на вулканических кроликов. А Дорин — первоклассный водитель, и ее талант мог очень даже пригодиться в облюбованных нами районах Мексики. К тому же я собирался в пути писать книгу,

Минул месяц, и вот пароход «Ремшид» причалил к дебаркадеру в порту Веракрус. Поднявшись на палубу, я смотрел на город. Картина была такая оживленная, радостная, теплая и в воздухе носились такие приятные запахи, что я сразу же проникся глубоким расположением к Мексике. Но первое впечатление бывает обманчивым, я не преминул вспомнить об этом, едва мы вошли в таможню. Таможенники всегда и всюду склонны придираются, но особенно трудно с ними зверолову. Ведь его снаряжение представляет собой такой пестрый набор самых разных предметов, от мясорубок до медицинских шприцев, что просто невозможно поверить, будто он приехал в страну только за тем, чтобы ловить животных. Нет, скорее всего это какой-нибудь маскирующийся коммивояжер... Снаряжение, которое мы нагромодили на стойке, составило груды длиной около десяти метров — как тут не призадуматься!

С удивлением я обнаружил, что таможенник — женщина, к тому же красивая. Я сразу проникся к ней симпатией. Элегантная зеленая форма, чудесное смуглое лицо — словом, сердце мое растаяло, и я почувствовал, что мы могли бы с ней отлично поладить. Но мое растаявшее сердце ушло в пятки, едва я увидел, каким взглядом она обзирает наши пожитки. Кажется, ответной симпатии здесь не дождешься... Хорошо еще, что у меня был переводчик в лице Пегги, ибо моего знания испанского далеко не достаточно, чтобы вразумительно объяснить чиновнику мексиканской таможни, для чего надо ловить зверей.

Женщина в зеленом принялась не спеша открывать наши чемоданы и щупать содержимое. Я подумал, что при таком темпе мы проторчим тут не один час, а то и не один день. Вспомнилось, как однажды в Аргентине все мое звероловное снаряжение было конфисковано таможней и понадобились недели, чтобы выручить его и приступить к работе. Кажется, подумал я с ужасом, та же история повторится в Мексике... Расправившись с третьим чемоданом — на очереди было еще около сорока! — смуглая красавица посмотрела на Пегги.

— Это все ваши? — спросила она.

— Наши, — подтвердила Пегги.

Таможенница поразмыслила, потом знаком отозвала Пегги в сторонку. Когда Пегги вернулась, я увидел озорной блеск в ее карих глазах.

— Она хочет, чтобы ее ублажили, — сказала Пегги.

— Ублажили? — поразился я. — Как это понимать?

— Она говорит, если мы ее ублажим, остальной багаж пройдет без осмотра.

Я не верил своим ушам.

— Разве у нее нет мужа? Станный способ пропускать багаж через таможню...

— Да нет же! — прыснула Пегги. — Она подразумевает взятку.

— Господи!

Я был потрясен, мне никогда в жизни не приходило в голову подкупать таможенников. В моем представлении это примерно то же, что плевать против ветра.

— А сколько, по-твоему, ей надо дать? — спросил я, оправившись от шока.

— Пойду узнаю. — Пегги отправилась на переговоры.

Она вернулась скоро.

— Говорит, триста песо сойдет, — доложила она.

— Сколько это будет в переводе на английские деньги?

Д

— Около десяти фунтов.

— Ладно, бог с ними, только бы поскорее выйти отсюда.

Я вытащил бумажник и вручил Пегги деньги. Она снова пошла к дальнему концу стойки, где женщина в форме уже занималась еще чьим-то багажом. Я ждал, что «приемопередача» взятки будет происходить скрытно. Пегги тоже так думала, она шла крадучись, точно секретный агент, сомневающийся в надежности своей маскировки. А таможенница, заметив ее, наклонилась над стойкой и спокойно протянула руку. Пегги испуганно сунула ей деньги и стремглав вернулась ко мне.

Боже! — вымолвила она. — Так откровенно!

Ничего, зато с багажом все в порядке, — утешил я ее.

Мы нанесли престарелого гнома-носильщика, он сложил в кучу наши вещи и пообещал раздобыть грузовик, чтобы отвезти их в камеру хранения. Дело в том, что возникла новая заковыка. Пока мы с Пегги занимались снаряжением, Джеки, Дорин и Шеп предавались бюрократическим упражнениям, добиваясь, чтобы нам разрешили сгрузить наш «Лендровер». Я обнаружил их — запарившихся и удрученных — в другом конце таможни.

— Ну так! — весело доложил я. — Все в порядке. Багаж провели. И ведь как живо управились... чудо... Во всем мире я не видел такой эффективной системы.

Тогда попробуй расхлебать эту кашу, — ядовито заметила Джеки. Похоже, документы на «Лендровер» оформлены неправильно.

Силы небесные, — простонал я. — Опять не слава богу...

Таможенник вел себя предельно учтиво, он был сплошное очарование. Это не мешало ему твердо стоять на своем. К сожалению, наши бумаги неверно оформлены, и здесь исправить дело нельзя, только в Мехико. Но без «Лендровера» как же мы доберемся до Мехико? Что он нам посоветует? Чиновник выразительно пожал плечами — так утка отряхивается от воды. Сеньору придется съездить в Мехико за надлежащими документами, а пока машину придется задержать. Он весьма сожалеет, но ничем не может нам помочь. Обескураженные, мы сбились в кучку и открыли оперативное совещание.

Ничего не поделаешь, — начал я. — Все равно мы собирались провести один день в Веракрусе, и номера в отеле забронированы. Придется нанять машину и ехать в Мехико за бумагами.

— Пожалуй, ты прав, — сказала Джеки. — Но сколько времени и денег зря потратим... Хотела бы я знать, о чем думали болваны, которые оформляли нам документы. Ведь отлично знали, что мы ввозим машину всего на два-три месяца.

— Что толку спорить теперь, — заключил я. — Лучше сдадим багаж в камеру хранения и разместимся в гостинице, а там посмотрим, как действовать дальше.

Так мы и поступили.

Отель «Мокамбо» в пригороде Веракруса отчасти вознаградил нас за все огорчения. Полный очаровательного своеобразия, он на какое-то время отвлек нас от неприятных размышлений. Начать с того, что архитектор, который проектировал это огромное сооружение, то ли находился под влиянием раннего Сальвадора Дали, то ли мечтал в юности стать капитаном, потому что весь отель был украшен штурвалами со старых парусников. Даже в холле висел под потолком штурвал небывалых размеров, метров семь-восемь в поперечнике, и штурвалами же были забраны все окна. На стенах красовались изображения кораблей. В остальном же грандиозное здание (иного определения не подберешь) представляло собой сочетание широких лестниц, лоджий с видами на кроны деревьев и море вдаль и просторных внутренних двориков с беспорядочно расставленными греческими колоннами. Любой дипломированный архитектор, наверное, потерял бы рассудок, проведя сутки в этом отеле, меня же он просто обворожил.

Во второй половине дня мы договорились о машине, которая должна была на другое утро отвезти нас в Мехико, а вечером отправились в Веракрус, чтобы познакомиться с мексиканской кухней. Нас предупреждали, что она отвратительна, тем приятнее было убедиться в обратном. Маленькие веракрусские устрицы оказались самыми вкусными и нежными из всех устриц, какие мне когда-либо доводилось пробовать, а большие креветки — их разделяют на две половины и поджаривают на противне над костром — просто бесподобны. Они запекаются в собственном соку, и панцирь становится таким хрупким, что его можно есть вместе с содержимым. Такое впечатление, будто ты ешь диковинную розовую вафлю. И еще одно необычное для нас блюдо — тортильи. Это своего рода блины, они бывают либо толстые и дряблые (эти мне не понравились), либо тонкие и поджаристые. К ним подают черную фасоль и чудесный жгучий соус из зеленого перца. Мы плотно закусили, и настроение сразу поднялось.

На другое утро мы с Джеки и Пегги поехали в Мехико, предоставив Шепу и Дорин изучать значные места портового города. Ландшафт, по которому проходила дорога, поразил нас своей необычностью. Только что мы были в окружающих Веракрус тропиках, с ананасами, бананами и прочими южными плодами, а поднялись выше — и картина совсем иная, вдоль шоссе выстроились субтропические деревья изумительной окраски и фор-

Д мы. Внезапно их сменил сосновый лес, и стало так прохладно, что пришлось надевать вязанные жакеты. Затем впереди простерлась голая равнина, и вдали показались могучие вулканы Попокатепетль, Истаксиуатль и Ахуско. К их подножию лепилось большое серо-белое облако.

— Это и есть Мехико, — сказала Пегги.

— Как? Это облако? — спросил я.

— Ну да, — подтвердила она. — Так мне говорили. Это смог.

Я недоверчиво посмотрел на нее:

— Неужели все это облако — смог? Да ведь так недолго и задохнуться!

— Недаром мексиканцы говорят, что у них самый страшный смог во всем мире, — продолжала Пегги.

— Всеблагий боже! Нечего сказать, приятные деньки нам предстоят.

Предмесья Мехико производили довольно жалкое впечатление, но дальше пошли дома покрасивее, хотя и преобладала современная архитектура. Слова Пегги подтвердились: воздух был ужасный, запахи нефти, бензина, гари и прочих отходов образовали такую смесь, что, казалось, ваши легкие отныне и навсегда будут заражены этим ядом. Попад в пробку — а мы то и дело в них попадали, — приходилось выбирать одно из двух: либо наглухо закрывать окошки, рискуя изжариться заживо, либо во избежание рака легких стараться вдыхать не чаще одного раза в пять минут. Ума не приложу, как люди ухитряются жить и работать в Мехико.

Когда мы разместились в гостинице, Джеки и Пегги отправились распутывать проблему «Лендровера», а я тем временем обзвонил всех, с кем мне советовали связаться, и уведомил о нашем прибытии и наших намерениях. Навестил Пеллема Райта; он был чрезвычайно любезен, сообщил мне кучу полезных сведений, потом проводил меня к д-ру Корсо, который руководит охраной природы в Мексике, и его заместителю д-ру Моралесу. Д-р Корсо выслушал мои пожелания и все одобрил. Правда, как я его ни умолял, он не разрешил мне отловить рогатого гокко. По его словам, для этой птицы будет учрежден особый заповедник с надежной охраной, исключающей браконьерство. Надо ли говорить, как я огорчился, но он твердо стоял на своем. Ладно, хоть принимаются меры, чтобы сохранить рогатого гокко на воле, и то хорошо.

Большую помощь оказали нам руководители конторы «Шелл» в Мехико. В частности, через них мы получали почту, и однажды, когда я заехал, чтобы справиться о письмах, управляющий конторой мистер Макдональд пригласил меня в свой кабинет.

— Хочу задать вам один вопрос, — сказал он. — Я знаю, что в вашем отряде пять человек — вам не нужны еще помощники?

— Вообще-то... я мог бы... — осторожно начал я, решив, что у него есть какая-нибудь незамужняя тетушка, которая с детства обожает животных и теперь была бы не прочь присоединиться к нашей экспедиции. — А почему у вас возник такой вопрос?

— Есть тут один молодой человек, отличный парень, страну знает как свои пять пальцев, само собой, говорит по-испански и страшно увлекается животными. Он студент университета, но до начала занятий еще два месяца, вот я и подумал, может быть, он вам пригодится. К тому же у него есть машина, это тоже кстати.

В самом деле, очень кстати! Вторая машина нам нужна, мы уже выясняли возможности проката, но цены были астрономические, и наши скудные финансы не допускали такого расточительства. Если у этого человека собственная машина, проблема будет решена.

— Как его зовут? — спросил я мистера Макдональда.

— Дикс Бранч. Сказать ему, чтобы он заехал в отель и познакомился с вами? А там уж вы сами решите.

— Хорошо, пусть приезжает сегодня вечером, часам к пяти.

В пять часов я спустился в холл и увидел высокого, голенастого молодого крепыша; из-под длинных темных волос на меня смотрели задумчивые глаза. Он сразу пришелся мне по душе, хотя, поговорив с ним пять минут, я понял, что у него очень серьезные взгляды на жизнь — пожалуй, чересчур серьезные. Объяснив ему, для чего мы приехали, я спросил, какая у него машина. «Мерседес», — ответил он. Я воспрянул духом; к тому же осмотр машины показал, что в задний отсек кузова войдет чуть ли не половина нашего снаряжения. Что ж, если он хочет помочь в работе экспедиции, я могу взять его на довольствие. Дикс согласился и сразу показал себя бесценным помощником. Мало того что он знал все улицы и закоулки Мехико, знал, где лучше кормят и где лучше делать необходимые нам покупки, — он обладал неистощимым терпением в переговорах с бюрократами, а это нам очень и очень пригодилось на последующих этапах путешествия.

Проблема «Лендровера» никак не поддавалась решению. Джеки и Пегги отсылали из одной конторы в другую, и под конец дня они возвращались в отель разбитые и злые. Так длилось целую неделю. Однажды вечером они вернулись после очередного раунда переговоров и застали нас с Диксом в украшенной пальмами гостиной, где мы наслаждались освежающими напитками.

— Справились наконец, — доложила Джеки, устало опускаясь в кресло.

Д

— Молодцы! — воскликнул я. — Но я не вижу восторга на ваших лицах.

— Какой там восторг, — процедила Джеки. — Знаешь, в чем было дело? Эти дуриш в Веракрусе — это они ошиблись. В наших бумагах все правильно. Можно было тогда же пропустить «Лендровер», просто они глядели не в ту инструкцию.

У Негги вырвался стон:

— Чтобы я еще когда-нибудь обратилась в правительственное учреждение!

— Значит, можно ехать и забирать наш «Лендровер»?

— Да, все в порядке. Начальство позвонило в Веракрус и устроило им пагонай, слава богу. Завтра можно ехать.

Мы выехали с утра пораньше, и по дороге в Веракрус я рассказал Диксу о своем замысле. Хотя нам не разрешили отловить рогатого гокко и кве-зала, хотелось бы посмотреть на местность, в которой они обитают. Поэтому я предполагал, выручив машину и разобрав багаж, сразу проехать через всю Мексику к гватемальской границе, где водятся эти птицы. Мы получим общее представление о стране и осмотрим по пути немало интересных мест. А уже потом вернемся в Мехико, устроим там базу и отправимся на склоны Попокатепетля за вулканическим кроликом.

Мы вырвали «Лендровер» из рук присмиривших таможенников, рассортировали багаж и оставили на хранение в диковинном отеле «Мокамбо» те вещи, без которых пока могли обойтись. Завершив приготовления, ранним утром мы взяли курс через Мексику к Тихоокеанскому побережью и дальше, к границе Гватемалы.

Не помню, чтобы где-нибудь еще на свете мне довелось за столь короткий срок наблюдать такое разнообразие ландшафтов. Сперва — субтропические равнины под Веракрусом, со множеством речушек и проток. Здесь видимо-невидимо птиц. Над шоссе проносились огромные стаи челнохвостых грачей с коротким, тяжелым клювом. На изобилующих водорослями протоках по зеленому плавучему ковру расхаживали яканы — своеобразные птицы с длинными пальцами ног. С первого взгляда якана можно принять за шотландскую куропатку. Но когда они, спугнутые машинами, снижались с воды и улетали прочь, становились видны болтающиеся длинные пальцы и в воздухе мелькала лютиково-желтая «подкладка» крыльев.

Мы видели также много челноклювов. Из всех околотоводных птиц у них, по-моему, самый скорбный вид. Тяжелый, широкий клюв, большие грустные глаза; сидят на деревьях, уткнувшись клювами в грудь, — ни дать ни взять траурные сборища собратьев диснеевского утенка.

Деревни и города на нашем пути — мерцающее голубое марево жакаранд, а дома будто придавлены к земле пурпурными, розовыми, оранжевыми, желтыми и белыми плетями бутенвиллей.

Потом начался подъем, и пошли леса почти тропические. С ветвей свисали каскады зеленовато-серого мха; стволов подчас не было видно из-за орхидей и других эпифитов. Крутые обочины затканы гобеленом из кустарников и травянистых; выделялись заросли крупного папоротника. Восхищаясь пышной и разнообразной флорой, я проклинал свое невежество в ботанике.

В этой волшебной пуще нас застиг дождь, да такой, какой только в тропиках бывает. Небо поливало землю мощными струями, и грунтовая дорога живо превратилась в коварное месиво, а видимость сократилась до нескольких десятков сантиметров. Джеки, Дорин и Шеп ехали на «Лендровере», мы с Пегги и Диксом — впереди, на «Мерседесе». Мы намеренно избрали такой порядок, чтобы «Лендровер» мог выручить «Мерседес», если тот вдруг застрянет. И когда серая завеса воды свела видимость к нулю, я решил поискать утешения в премиллом путеводителе, который мне посчастливилось раздобыть в Мехико.

— Мы не попадем в Акапулько? — Я еще плохо разбирался в географии Мексики.

— Нет, — мрачно ответил Дикс. — И туда вообще не стоит ездить — заурадный курорт.

— А если верить этой книге — восхитительное место. Послушайте: «Своеобразная топография местности создает захватывающие панорамы: тихие бухты и заливы с кристальной водой, пляжи, о которые разбиваются могучие волны. Вода теплая, климат мягкий, ласковые ветры, температура почти весь год на уровне 25 градусов тепла, так что одеваться следует легко. Почти всегда светит солнце, поскольку дожди обычно выпадают ночью. Местные жители придерживаются старинных обычаев, особенно в одежде».

— Чудесно! — подытожила Пегги. — Как жаль, что мы туда не попадем.

В эту минуту случился прокол, пришлось нам с Диксом выходить, чтобы менять колесо; правда, большую часть работы выполнил Дикс. Мы вернулись в машину промокшие насквозь и продолжали двигаться под проливным дождем со скоростью улитки. Вытерев голову, лицо и руки, я снова взялся за путеводитель.

— А вот сюда мы непременно должны попасть, — сказал я. — Послушайте: «Благодаря умеренному климату, ясному небу и обилию солнечных дней это место можно считать идеальным для отдыха. Гостеприимство и

Д

дружелюбие местных жителей позволяют гостю чувствовать себя как дома, покой и тишина — подлинный бальзам для души всякого, кто ищет уголок, где можно дать отдых издерганным нервам после распространившегося почти повсеместно беспокойного образа жизни. Советуем посетить церковь и колоритную главную площадь, а также местный базар».

Наконец дождь прекратился, а затем кончились тропические дебри, и мы — такова уж своеобразная природа Мексики! — без всякого перехода очутились в горном сосновом лесу. Пользуясь прояснением, решили сделать привал, чтобы выпить кофе, предусмотрительно припасенный Джеки. Десять минут назад мы изнывали от тропического зноя, здесь же было так прохладно, что пришлось надеть всю теплую одежду, какая нашлась в машине.

Дальше дорога взбесилась, пошла выписывать кривые вверх-вниз по долинам и крутым косогорам. И меня все больше поражала растительность. В долинах — пышные тропики, а через несколько минут извилистого подъема — опаленные жгучим солнцем сухие плоскогорья, на которых вытянулись шеренги деревьев с изумительными шелковисто-красными стволами и совсем без листьев. К тому же стволы и сучья такие корявые, что, кажется, вас километр за километром провожает застывший в причудливых позах кордебалет. Новый поворот — и вдруг красные стволы пропали, стоят такие же кривые, но с серебристо-серой корой, отливающей металлом в солнечных лучах. И тоже без единого листочка.

За следующим поворотом деревья вообще исчезли, пошли огромные кактусы высотой до шести-семи метров. Странный вид придавали им ветвистые стебли, будто на склоне горы выстроились полчища зеленых канделябров. Черными крестиками в голубом небе медленно кружили какие-то хищники, а дорогу то и дело галопом пересекали погоныши — небольшие птицы с хохолком, длинным хвостом и огромными плоскими лапами. На бегу они чуть не касаются лапами клюва, и вид у них такой целеустремленный, точно они вознамерились побить мировой рекорд на полторы тысячи метров.

Обилие птиц и богатейшая растительность вызывали во мне желание чаще останавливаться, но я знал, что это недопустимо: срок нашего пребывания в Мексике ограничивался суммой, которую нам неохотно разрешил вывезти Английский банк. Мы вели гонки со временем.

Дорога привела нас в городок Туле. К моему удивлению, Дикс затормозил у ограды маленького парка, посреди которого стояла маленькая церковь. Следом за нами остановился и «Лендровер».

— Зачем мы остановились? — осведомился я.

— Чтобы посмотреть Дерево, — ответил Дикс с присущей ему мрачностью. — Пегги просила.

— Какое еще Дерево?

— Как, ты не знаешь? — горячо воскликнула Пегги. — В Мексике нет человека, который не приехал бы посмотреть это Дерево.

Я поглядел на дорогу. Если не считать играющих в пыли трех большеглазых девчушек в рваных платицах — ни души...

— Что-то не похоже, чтобы туристы валом сюда валили, — заметил я.

— Но ты непременно должен посмотреть на него, — настаивала Пегги. — Должен, понимаешь! Это одно из самых старых деревьев в мире.

— Ну, в таком случае, конечно, посмотрю.

Выйдя из машины, я услышал диковинную музыку — попискивала флейта, бухал барабан. Мы вошли через ворота в парк и увидели нависшее над церквушкой, защищенное надежной оградой Дерево. У меня дух захватило. Мало того что оно оказалось на редкость высоким (хотя, по чести говоря, я видывал деревья и повыше), еще больше поражал его исполинский объем. Могучий конус шуршащей листвы венчал ствол немыслимой толщины; корни-контрфорсы впивались в землю, будто когти какой-нибудь легендарной хищной птицы — вроде птицы Рух из сказки о Синдбаде. Я не знал истории Дерева, не знал, сколько ему лет, и, однако, при всем моем невежестве, тотчас понял, что это — всем деревьям дерево. Оно обладало ярко выраженной индивидуальностью. Оно потрясло всех нас — всех, кроме Дикса, который бывал здесь раньше. Но и он смотрел на Дерево с благоговением — Дикс вообще неравнодушен к деревьям.

— Говорят, — сообщила Пегги приглушенным голосом, словно мы лицеизрели святыню, — что ему три тысячи лет. Оно славилось своими размерами уже тогда, когда сюда пришел Кортес, недаром местные жители водили Кортеса к нему.

Я поглядел на вздымающуюся к небу зеленую громадину. Выходит, за тысячу лет до нашей эры здесь уже стояло молодое деревце...

Кроме нас под Деревом находились только престарелый слепой индеец в выцветшем тряпье и мятой соломенной шляпе — он извлекал из флейты какую-то леденящую кровь диковинную мелодию, я сказал бы, восточного типа — да босоногий мальчуган лет шести-семи, который выбивал замысловатую дробь на барабане. Мы для них словно не существовали.

— Интересно, чем это они заняты? — спросила Пегги.

Судя по тому, что музыканты нас не замечали, они играли вовсе не затем, чтобы выжать из чужеземцев несколько песо.

Д

— Былось об заклад, они играют для Дерева, — сказала Джеки.

— Гром и молния! — воскликнул я. — А что, вполне возможно. Ну-ка, Пегги, попробуй узнай.

— По правде говоря, мне не хочется им мешать. — На Пегги в такие минуты всегда находит робость.

Случай помог нам: старик опустил флейту, вытер губы и замер, обратив лицо к Дереву. Мальчуган тоже устроил передышку и переминался с ноги на ногу потупившись.

— Ну... Ну скорее же, спроси, — поторопил я.

Пегги несмело подошла к индейцу и заговорила с ним. Когда она вернулась, лицо ее сияло.

— Он в самом деле играет для Дерева! Для Дерева!

— Вот видишь, — торжествуя произнесла Джеки. — Я так и знала!

— Но почему он играет для Дерева?

— Я не стала об этом спрашивать, — ответила Пегги. — Мне показалось, что это... ну, невежливо.

— Во всяком случае, их стоит записать, — сказал я.

Пегги достала из машины звукозаписывающую аппаратуру и, когда слепец поднес к губам флейту, обратил к Дереву незрячие глаза и снова начал играть, записала мелодию. Может быть, он надеется, что Дерево вернет ему зрение? Или играет просто потому, что это всем деревьям дерево? Ни у кого из нас не поворачивался язык спросить его. Наконец мы вышли из парка, сели в машины и поехали дальше под жалобные звуки флейты и барабанную дробь, которыми слепой индеец и мальчуган приветствовали исполненное Дерево.

Как ни увлекательна была эта поездка, нам не удалось добраться до гватемальской границы и посмотреть рогатого гокко и квезала. Путешествие кончилось в деревне Сан-Кристобаль, дальше путь был закрыт: в Гватемале начались какие-то беспорядки, и границу то и дело пересекали вооруженные отряды. Скрепя сердце развернули мы машины и покатали обратно в Мексику.

Возвратившись в столицу, мы решили, что будет дешевле жить на частной квартире. С помощью одного из наших друзей удалось найти идеальный вариант в центре города, с тремя просторными спальнями, двумя ванными, огромной гостиной и кухней. После переселения каждый занялся своим делом: женскую половину нашего отряда больше всего занимали магазины и экскурсии по городу, а Дикс, Шеп и я отправились за кроликами.

Первую попытку я решил предпринять на самом Попокатепетле, и с утра пораньше, погрузив снаряжение в машину, мы взяли курс на испо-

линский вулкан. С набором высоты становилось заметно холоднее. Мы оглянулись назад. В обрамленной вулканами огромной чаше, озаренное бледным рассветом, переливалось пестрыми огнями лоскутное одеяло Мехико. В столь ранний час смога еще не было. Во второй половине дня с того же места города вовсе не увидишь.

У подножия Попокатепетля располагается несколько маленьких гостиниц. Мы остановили выбор на самой приличной с виду. Хозяином гостиницы был говорливый плутоватый мексиканец. Узнав, что он ярый охотник и держит охотничьих собак, мы спросили, что ему известно о вулканических кроликах. Он ответил, что кролики водятся вплоть до снеговой линии, и обещал связаться с одним из своих друзей, который, наверно, сможет нам помочь.

Друг другом, а мы пока поехали дальше, в глубь Национального парка Попокатепетль, сколько позволяла дорога. Я решил, что стоит побеседовать с объездчиками, уж они-то нам точно скажут, где искать тепоринго. Дорога взбиралась зигзагами вверх по склону, и вскоре мы очутились в густом сосновом бору. Под соснами, словно большие кудлатые парики, торпещились золотистые кочки травы закатон.

В парке мы вышли из машин; здесь воздух был такой свежий, такой чистый, что с непривычки дух захватывало. Над нами возвышался непонлинский снежный купол — вершина вулкана. Не сразу удалось найти лесника, зато, разыскав его, мы получили исчерпывающие сведения о вулканических кроликах. Ну как же, он их хорошо знает, сколько раз видел и в парке, и на других склонах. Недавно сам поймал двух тепоринго, добавил он не без гордости.

— Где они? — воскликнул я.

— Как где? Съел.

Речь шла о животном, которое — во всяком случае, на бумаге — стоит в ряду наиболее строго охраняемых в Мексике. И со мной говорил лесник Национального парка. Не подумайте, что так бывает только в Мексике, то же происходит всюду, где ограничиваются «бумажной» охраной животных.

Так или иначе, мы установили, что, несмотря на старания лесника, еще не все тепоринго истреблены. А вернувшись в гостиницу, узнали, что хозяин разыскал своего друга, и увидели верзилу с огромной головой, лицом страховидного майяского идола и маленькими бегающими глазками. Впрочем, для нас гораздо важнее было то, что он хорошо знал нравы и прихоти тепоринго. Мы услышали, что единственный способ поймать вулканического кролика — выкопать его из земли. Процедура трудоемкая, по

Д вместе — он, Дикс, Шеп и я, да если привлечь еще двух человек — как-нибудь справимся.

Мы условились, что завтра утром снова поднимемся на склон Попокатепетля и приступим к охоте на кроликов.

Я прочел о вулканическом кролике и его образе жизни все, что сумел найти, — не так уж много, поскольку этого зверька, похоже, никто как следует не изучал, — и мы знали, что тепоринго водятся только в зоне травы закатон и, по существу, только ею и кормятся. Один источник сообщает, будто кролики едят произрастающую в горах дикую мяту, однако мы ни разу не видели там мяты и подавно не видели уписывающих ее кроликов.

Скоро мы убедились, что охотиться в траве закатон — дело не простое. Огромные золотисто-желтые кочки высотой почти в метр растут на мягкой черной вулканической почве, в которой тепоринго роют себе длинные извилистые норы. Под свисающими листьями кролики протаптывают сеть тропок, похожих на туннели; пасутся они, судя по всему, на самих кочках, поедая как молодую, так и жухлую траву. Мы видели много кочек, словно выкошенных посередине, лишь по краям оставался венчик нетронутых длинных стеблей.

Мы поднялись по склону на высоту около трех тысяч метров, ехали не спеша, внимательно глядя по сторонам — не покажется ли где тепоринго. Правда, глядели мы без особой надежды, ведь было очевидно, что гул мотора загонит всех кроликов в норы. Представьте себе, за очередным поворотом я, к величайшему удивлению, узрел сидящего на широкой кочке, словно на сторожевой вышке, тепоринго.

Взвизгнули тормоза, а миляга кролик знай себе сидит в траве, не обращая на людей никакого внимания. Нас разделяло от силы десять метров, тем не менее я вооружился биноклем и принялся жадно рассматривать зверька. Он был не больше домашнего кролика, известного под названием голландского карлика, иными словами — величиной с упитанную морскую свинку. Маленькие округлые ушки плотно прилегали к голове, сразу и не заметишь, а хвоста я и вовсе не разглядел. Окраска преимущественно коричневая, глаза обведены тонким белым колечком, на солнце шерсть отличала зеленью.

Как только я убедился, что это в самом деле животное, ради которого мы проделали столь долгое путешествие, а не какой-нибудь другой из мексиканских кроликов, мы вышли из машины. Тепоринго пискнул — словно кто-то потер воздушный шарик влажным пальцем, только еще пронзительнее, — подпрыгнул вверх, приземлился на той же кочке, оттолкнулся от нее как от трамплина и нырнул в гущу травы. Мы без промедления присту-

пили к работе. Обнесли участок сетью, обошли все кочки, закупоривая выходы из норы тепоринго, затем принялись раскапывать ход, куда он, по нашим расчетам, юркнул. Непривычные к высоте, мы с Диксом и Шепом чуть что задыхались. Казалось бы, пустяк — растянуть сеть, а мы сопели, точно дряхлые клячи по пути на бойню. Естественно, мы быстро разуверились в своих способностях копать землю и бросили лопаты, предоставив трем охотникам трудиться одним. А они не возражали, знай себе помахивали лопатами, и высота им была нипочем. Вот уже набросали целую гору рыхлой, словно пудра, вулканической земли. Однако тепоринго не показывался; видимо, мы прозевали все же какой-то выход, и кролик улизнул.

Я страшно огорчился, видя, что поймать тепоринго таким способом будет вовсе не легко. Тем не менее мы продолжили поиски на склоне, доехали до другого участка, где водились кролики, и снова взялись за работу. Выбрали такую нору, перед которой лежал свежий помет: все-таки больше надежд на то, что подземная обитель не пуста. Затем повторился трудоемкий процесс закупорки всех ходов, какие удалось обнаружить поблизости. И опять — за лопаты.

Пять раз проделали мы эту процедуру, и пять раз впустую. Наконец на шестой раз нам посчастливилось. Один из охотников вдруг издал какой-то нечленораздельный звук, упал на колени, выбросил вперед руки и вытащил из ямы молодого, ясноглазого, в высшей степени живого вулканического кролика. Зверек попытался вырваться, потом успокоился и замер в руках у охотника. Уж не шок ли это?.. Мы быстро определили пол — оказалась самка — и бережно поместили пленницу в одну из припасенных нами клеток.

Кролики и зайцы в неволе легко впадают в панику; вообразив, что перед ними враг, они способны с такой силой броситься на деревянную стенку или решетку, что разбиваются насмерть. И я опасался, как бы наш первый тепоринго не отколол такую штуку. Даже приготовил пальто, чтобы накрыть клетку. Однако пленница, очутившись в клетке, ничуть не волновалась и безмятежно созерцала нас. Немного выждав, я осторожно протянул вперед руку и тихо поскреб пальцем проволочную сетку. Как же я был поражен, когда крольчиха, слегка подпрыгнув, затем подошла к сетке и понюхала мой палец! Она вела себя так спокойно, будто мы поймали домашнее животное, а не дикого зверька.

Вечерело, заходящее солнце окрасило могучую снежную шапку Попокатепетля в нежный розовый цвет. Налюбовавшись трофеем, я решил, что лучше отвезти крольчиху в Мехико и посмотреть, как она освоится, прежде чем продолжать отлов. Так мы и поступили.

Д

На обратном пути я поразмыслил над тем, как быть дальше. Если продолжать охоту на такой высоте, от нашей тройки будет мало проку из-за разреженного воздуха. Но ведь тепоринго встречаются и ниже. Пожалуй, самое разумное — прибегнуть к методу, который я успешно применял в других частях света: обратиться к местным жителям. Заедем в несколько деревень у подножия Попокатепетля и предложим приличную цену за каждого здорового кролика. Однако прежде всего надо убедиться, что пойманный нами тепоринго сумеет приспособиться к неволе. Горький опыт научил меня: одно дело — поймать животное, совсем другое — сохранить его.

Возвратившись в городскую квартиру, мы благоговейно поместили клетку с крольчихой на полу посреди гостиной, подстелив большой газетный лист, после чего помчались на рынок и накупили кучу всяких плодов, овощей и зелени. Вернулись с рынка — крольчиха так же спокойна, как в первые минуты после поимки. Мы приготовили ей еду, причем тщательно подсчитывали: столько-то веточек того-то, столько-то листьев того-то, столько-то кусочков яблока и так далее. Строгий учет был нужен, чтобы точно знать, сколько и чего она съест (если съест), чему отдаст предпочтение. Положили корм в клетку, накрыли ее, чтобы зверьку было спокойнее, и вышли.

Отмечая наш первый успех, мы славно пообедали. Вернулись через три часа: я осторожно снял с клетки покрывало и поглядел: съела хоть что-нибудь? Поглядел просто так, ни на что не рассчитывая, — ведь обычно дикому животному после поимки нужно какое-то время, чтобы освоиться, да к тому же корм был совсем необычный для крольчихи. Я не поверил своим глазам, обнаружив, что почти все съедено, кроме одной травы, которая ей, очевидно, не понравилась. Даже яблоко съела, хотя я думал, что она к нему не притронется. Приятно, что и говорить, однако я знал, что нужно выждать еще несколько дней, проверить — не повредит ли новая пища нашему тепоринго, не вызовет ли энтерита или еще какой-нибудь губительной хвори. Да, но начало-то какое хорошее, даже не верится!

На другой день, оставив крольчиху на попечение Джеки, мы с Диксом и Шеном посетили деревни на нижних склонах Попокатепетля. Деревень было много, но только в двух местах колонии тепоринго находились, так сказать, в пределах досягаемости. Мы переговорили с деревенскими старостами, объяснили, что нам нужно, и предложили очень высокую, по местным меркам, плату за каждого неповрежденного тепоринго. Затем снабдили старост клетками и обещали, что через два дня приедем снова.

Два дня я не спускал с крольчихи глаз — нет ли признаков тревоги или недомогания? Но пленница вела себя спокойно и с явным наслаждением

уписывала чуть ли не все, что ей предлагали. Я всей душой надеялся, что жители двух деревень добьются успеха, ведь наше пребывание в Мексике подходило к концу, и, хотя цель экспедиции в общем-то достигнута, от одной крольчихи проку мало. Нужно отловить столько, сколько предусмотрено разрешением, то есть десять экземпляров, да чтобы было не меньше четырех самцов. Тогда можно рассчитывать на приплод.

Убедившись на деле, как трудно добыть тепоринго, я мысленно поставил крест на другом виде, который нам разрешили отловить, — все равно времени не хватит. Речь шла, как вы помните, о толстоклювом попугае. Но пока мы выжидали два дня, перед тем как снова ехать в деревню, нам на голову свалилось неожиданное счастье. Мне рассказали про один зоомагазин на окраине города, и, хотя я знал, что власти строго следят за тем, чтобы никто не продавал охраняемых законом животных, стоило посмотреть, чем богата эта лавка. И как же я обрадовался, когда в одной из клеток увидел три пары толстоклювых попугаев! Пестрые, шумливые, в глазах озорство, и все перышки на месте. Поторговавшись, я приобрел все три пары и с торжеством доставил домой. Птицы были чудесные, совершенно здоровые, молодые, и Шеп не мог на них налюбоваться.

Ничего не скажешь, хороши и удивительно легко нам достались, однако у меня не шла из головы проблема тепоринго. Одного поймали — вот будет досадно, если до отъезда больше не получим! Ведь тогда придется везти крольчиху обратно и выпускать на волю, вся экспедиция насмарку.

Шли дни, мы регулярно навещали обе деревни, и нам регулярно докладывали, что стараются, копают, да только никого поймать не могут. Я им охотно верил. Оставалось лишь повесить обещанное вознаграждение до астрономических размеров — пусть материальный стимул придаст им силы копать снова и снова, невзирая на неудачи. Сам я после каждой неудачной поездки все больше падал духом.

Но вот в один прекрасный день фортуна как будто повернулась к нам лицом. Мы отправились за город для очередной проверки и, въехав на пыльную главную улицу деревни Паррас, по сияющему лицу и жестам выскочившего нам навстречу старосты сразу поняли, что лед тронулся. Он провел нас через дом во двор, и в оставленных нами клетках мы увидели трех тепоринго. Все живы-здоровы и сидят смирнехонько на месте, словно плен их трогал так же мало, как и нашу первую узницу. Мы осторожно извлекли их, чтобы определить пол, и моя радость слегка померкла, потому что все три оказались самками. Ладно, четыре крольчихи лучше, чем ни одной! Мы рассчитались с ликующим старостой и повезли их в город. На

Д

пробу поместили двух тепоринго в одну клетку, но у них оказался склочный нрав, пришлось всех держать порознь.

Три новые крольчихи привыкли к необычному корму так же быстро, как и первая. Прекрасно, однако меня тревожило, что время на исходе, через несколько дней Шепу вылетать на Джерси с нашей добычей, а у нас, как говорится, не выполнен план по тепоринго. И, что хуже всего, нет самца. Следом за Шепом и всем остальным придет пора собираться в дорогу, чтобы поспеть в Веракрус на пароход, и тогда уж нам будет не до лова вулканических кроликов. Мы стали объезжать деревни каждый день, соблазняя жителей фантастическими суммами, и они старались изо всех сил, однако тепоринго упорно не давались им в руки.

В отчаянии я решился на последнюю меру, взял с собой Дикса переводчиком и поехал в министерство земледелия, к д-ру Моралесу. Объяснил, в каком дурацком положении мы очутились: ехать на край света за вулканическими кроликами, ухлопать кучу денег и вернуться на Джерси только с четырьмя самками — значит потерпеть полный крах. Нельзя ли переписать выданное мне разрешение на Дикса, чтобы он после моего отъезда попытался все-таки добыть еще шесть тепоринго? Уж среди них-то, наверное, будут самцы!

Слава богу, д-р Моралес отнесся к моей просьбе сочувственно. Сказал, что отлично меня понимает, и тотчас согласился оформить разрешение на имя Дикса. Я не знал, как его благодарить.

Последующие сутки были наполнены лихорадочной деятельностью, надо было изготовить транспортные клетки для тепоринго и особую клетку для попугаев, не только легкую (ведь им лететь на самолете), но и достаточно прочную! Ибо простую деревянную клетку наши толстоклювые могли разломать в четверть часа, а мне отнюдь не хотелось, чтобы они вырвались на волю в самолете, пересекающем Атлантику.

Настал день вылета, и мы поехали на аэродром проводить Шепу и его драгоценный груз. Шеп обещал передать Кэт, чтобы она первое время после его прибытия на Джерси звонила и сообщала нам, как себя чувствуют тепоринго. Опыт показал, что общаться с трестом по телефону куда проще, чем по телеграфу, ибо телеграммы доходили настолько искаженными, что приходилось тут же посылать встречный запрос, выясняя, что хотел сказать ваш корреспондент.

Первый разговор с Кэт состоялся через два дня. Она сообщила, что вулканические кролики, Шеп и попугаи прибыли благополучно. Кролики освоились, попугаи тоже, полный порядок.

Я облегченно вздохнул. Но это не все, теперь дело за Диксом, сумеет ли он добыть для нас еще кроликов, и чтобы непременно был самец... Рискуя осточертеть ему своими наставлениями, я без конца твердил, чтобы он тщательно определял пол всех отловленных кроликов и чтобы больше трех самок не брал, а будут попадаться еще — выпускать, продолжая поиски до тех пор, пока не наберется четыре самца.

Дикс усвоил, как кормить тепоринго, как за ними ухаживать, как снаряжать их в путь, так что за эту сторону дела я не беспокоился. Зная, как он любит животных, я не сомневался, что он хорошо присмотрит за кроликами.

И вот все дела завершены, мы отправились в Веракрус и сели на пароход. Кончилось путешествие, в котором было много увлекательного, но не обошлось и без огорчений. Если Дикс справится с задачей и пришлет нам самца тепоринго, можно будет считать экспедицию вполне удавшейся. А пока оставалось только надеяться на милость фортуны.

Прибыв на Джерси, я чуть не в первую же минуту помчался проверять, как поживают наши тепоринго. Джил — девушка, которая присматривала за ними, — рассказала мне, что на девятнадцатый день крольчиха произвела на свет двойню и первые сутки все шло благополучно. А потом крольчат нашли мертвыми... Подозреваю, что причиной их гибели была небрежность мамыши. Как-никак, ее поймали беременную, с горы привезли в душный город, потом на самолете доставили на Джерси, она не успела еще как следует освоиться на новом месте, а тут надо растить двух малышей. Конечно, мы огорчились, и все же, по чести говоря, не стоило винить крольчиху.

Проходили недели, а от Дикса — ни слова. Я посылал письмо за письмом, подгонял, подбадривал его, но он и не думал отвечать. В конце концов я заподозрил, что, намучившись с нами во время экспедиции, он попросту махнул рукой на вулканических кроликов. И вдруг однажды утром телефонный звонок. Мистера Даррелла вызывает Мексика, можно соединить? Объяснять телефонистке, как я ждал этого звонка, было нелепо, я только выдавил из себя тусклое «да». Это был Дикс, причем слышно было так отчетливо, словно мы с ним находились в одной комнате. Он сообщил, что наконец-то ему удалось добыть еще шесть тепоринго, из них два — самцы; все шесть благополучно здравствуют у него дома и хорошо едят. Он как раз кончил мастерить транспортные клетки, вышлет мне кроликов в ближайшие двадцать четыре часа. Я записал номер рейса и все прочие данные.

До чего же здорово! Нельзя рассчитывать на удачу всякий раз, когда отправляешься в экспедицию, но до сих пор мне удивительно везло. Похоже, и мексиканская экспедиция меня не разочарует.

Д

Закончив разговор с Диксом, я немедленно соединился с Лондонским аэропортом. С кем только я не говорил, разъясняя, что такое вулканические кролики, какие они редкие, как важно отправить их в приют для животных, если самолет прибудет поздно и нельзя будет сразу переадресовать клетки на Джерси. Потом позвонил в приют (он находится в ведении Королевского общества борьбы против жестокого обращения с животными), поделился радостной вестью с мистером Уиттэкером и тщательно проинструктировал его, как обращаться с тепоринго, если им придется заночевать в Лондоне. После этого мне оставалось только сидеть и ждать, стараясь не слишком волноваться.

Мы рассчитали, что кролики прилетят в Лондон утром и будет вполне достаточно времени, чтобы перебросить клетки на джерсийский самолет. Когда настал долгожданный день, я сидел как на иголках. Через два часа после того, как по расписанию самолет должен был сесть в Лондонском аэропорту, я позвонил туда. Никто ничего не слышал о прибытии вулканических кроликов. Звоню мистеру Уиттэкеру. Нет, кроликов не привозили, но для них все приготовлено. Пополудни опять звоню в аэропорт — по-прежнему никаких известий. Я не на шутку встревожился. Может быть, позвонить в Мексику, спросить Дикса, удалось ли ему отправить кроликов условленным рейсом? Четыре часа дня — Лондонский аэропорт все еще ничего не знает.

Опять связываюсь с мистером Уиттэкером, говорю о своей тревоге. Отвечает, что ему из аэропорта ничего не сообщали, но он сам проверит и передаст мне ответ. Через некоторое время он позвонил: кролики найдены и теперь находятся у него. Судя по всему, в сопроводительных бумагах чего-то не хватало, и клетки сунули в первый попавшийся ангар, пока чиновники играли в бюрократическую чехарду. Мистер Уиттэкер заверил меня, что кролики живы-здоровы — он их сам осмотрел, — только немного напуганы. Сегодня уже поздно отправлять их на Джерси, он оставляет их на ночь в приюте, а завтра утром проследит за погрузкой в самолет.

Когда клетки прибыли в зоопарк, мы, сдерживая нетерпение, осторожно сорвали мешковину и заглянули внутрь. Раз, два, три, четыре — пять живых, хотя и несколько озадаченных кроликов. И один мертвый. Достали их, определили пол. Нужно ли говорить, что мертвый оказался самцом. Из пяти живых — четыре самки и один самец.

Ярость моя не поддается описанию. Я не сомневался, что причина гибели второго самца — дурацкая задержка в аэропорту. Новых тепоринго разместили отдельно от первой группы, им предстояло еще пройти положенные испытания.

Я мерил шагами свой кабинет, соображая, как подобраться к Лондонскому аэропорту, чтобы взорвать его ко всем чертям. Вдруг меня осенило. Среди членов треста были председатель Британской европейской авиакомпания сэр Джайлз и леди Гатри — оба они с живым участием относились к нашей работе и не однажды выручали нас. Я взял телефонную трубку, Оказалось, что сэр Джайлз выехал в Швейцарию, но леди Гатри была дома. Я рассказал ей про случай с вулканическими кроликами и объяснил, почему не хочу оставить это дело без внимания: нам еще могут присылать редких животных, и, если они опять застрянут в Лондонском аэропорту, история может повториться.

— Ни за что! — горячо произнесла леди Гатри. — Этого нельзя допустить! Я сама прослежу. Как только вернется Джайлз, напущу его на них.

Так она и сделала. Целую неделю я получал письма от разного ранга чинов Лондонского аэропорта, которые всячески извинялись за промашку с кроликами. И то хорошо: впредь любой адресованный нам груз автоматически включит, как говорится, сигнальную лампочку в мозгу чиновников... Но никакие извинения не могли воскресить нашего тепоринго.

Новое пополнение выдержало испытательный срок, и можно было приступать к самому главному. Мы регулярно осматривали крольчих и, когда подходило время, помещали к ним самца на несколько часов. И следили в оба, потому что у тепоринго крайне сварливый нрав, — чего доброго, какая-нибудь из крольчих прикончит его, и останемся мы совсем без самца.

И вот настал день, когда мы увидели, что одна из крольчих устроила в своем спальном отделении гнездышко из соломы, выставив его собственной шерстью. А в гнездышке лежали два крольчонка. Вот радость!

За малышами установили повседневное наблюдение, росли они хорошо, и мы все больше задирали нос. Да, видно, слишком возомнили о себе, потому что судьба, как нередко бывает в таких случаях, не замедлила преподнести нам несколько неприятнейших сюрпризов.

Во-первых, Джил однажды утром обнаружила, что один из крольчат погиб — каким-то непонятным образом обмотал себе шею прутиком боярышника и задохнулся. Остался один малыш, да и тот был самочкой.

Потом умер взрослый самец. Вскрытие показало, что причиной его смерти был кокцидиоз — заболевание, которое очень трудно распознать на ранних стадиях. Поскольку все крольчихи соприкасались с ним, мы для профилактики немедленно дали им сульфамезатин. Тем не менее две из них погибли от той же болезни.

В итоге мы, что называется, вернулись на исходные позиции. Есть самки — и ни одного самца. Правда, только что был подготовлен и напечатан

Д пятый выпуск нашего «Ежегодника» с полным отчетом о мексиканской экспедиции и фотографиями крольчихи с крольчатами. Я послал экземпляры д-ру Корсо и д-ру Моралесу. И, конечно, Диксу Бранчу. Заодно я написал Диксу и спросил, согласен ли он сам заняться охотой на тепоринго, если мне удастся получить разрешение мексиканских властей. В ответном письме Дикс заверил меня, что сделает все возможное. Тогда я снова обратился к д-ру Моралесу, написал о наших злоключениях, объяснил, что у нас остались одни крольчихи и нельзя получить приплод, но все же есть кое-какие результаты, так что мы трудились не впустую. Например, удалось доказать, что тепоринго можно содержать в неволе, притом на совсем непривычных для них малых высотах. Установлено также, что вулканические кролики размножаются в неволе. Получены важные данные по патологии тепоринго: в частности, не исключено, что наблюдавшаяся нами форма кокцидиоза присуща только этим животным. Уточнены сроки беременности. Словом, мы вправе говорить скорее об успехе, чем о провале нашего опыта. Так, может быть, Диксу Бранчу будет позволено отловить для нас еще несколько тепоринго? К моей великой радости, д-р Моралес прислал в ответ любезнейшее письмо: учитывая наши результаты, он, конечно же, выдаст Диксу разрешение на отлов кроликов.

Надеюсь, нам не придется долго ждать, и мы добьемся своего, пополнив коллекцию треста плодовой колонией этих симпатичных маленьких зверьков...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПУСТЬ ЗДРАВСТВУЮТ ЖИВОТНЫЕ

Продолжая губить природу, человек рубит сук, на котором сидит, ведь разумная охрана природы — это и охрана человечества.

«Исчезнувшие и исчезающие животные»

С книжных полок в моем кабинете на меня постоянно глядят два толстых, увесистых красных тома. Они первыми встречают меня утром и последними провожают вечером, когда я закрываю кабинет на ночь. Речь идет о Красных книгах, публикуемых Международным союзом охраны природы. Один том посвящен млекопитающим, другой — птицам, в них перечислены современные млекопитающие и птицы, которым грозит вы-

мирение, и в большинстве случаев в этом прямо или косвенно повинен человек. Пока что Красных книг две, но скоро в скорбную шеренгу станут еще тома, один включает пресмыкающихся и амфибий, другой — рыб, третий — деревья, кустарники и травянистые растения. Один репортер спросил меня:

— Скажите, мистер Даррелл, сколько же все-таки видов животного мира находится в опасности?

Я подошел к полке, снял с нее тяжелые красные тома и бросил ему на колени.

— Не знаю точно, — сказал я. — У меня не хватило духу подсчитать.

Он поглядел на Красные книги и поднял на меня глаза, полные ужаса.

— Бог мой! Неужели все они под угрозой?

— Здесь еще только половина, — объяснил я. — Только птицы и млекопитающие.

Он явно был потрясен. Дело в том, что по сей день большинство людей не осознают, до какой степени мы разоряем мир, в котором обитаем. Мы ведем себя, словно малолетние недоумки, оставленные без присмотра в бесподобном, изумительном саду и медленно, но верно превращающие его в бесплодную пустыню с помощью ядов, пил, серпов и огнестрельного оружия. Вполне возможно, что за последние недели с лица Земли исчезло еще одно млекопитающее, еще одна птица, еще одна рептилия, еще одно растение. Я надеюсь, что это не так, но я точно знаю, что еще чьи-то дни уже сочтены.

Наш мир так же сложен и так же уязвим, как паутина. Коснитесь одной паутинки, и дрогнут все остальные. А мы не просто касаемся паутины, мы оставляем в ней зияющие дыры, ведем, можно сказать, биологическую войну против окружающей среды. Без нужды сводим леса, создаем очаги пыльных бурь и ветровой эрозии, изменяя тем самым климат. Засоряем реки промышленными отходами, загрязняем моря и атмосферу.

Когда заводишь речь об охране природы, люди тотчас заключают, что ты, страстный любитель животных, подразумеваешь только пушистого коалу или что-нибудь в этом роде. Нет, охрана природы подразумевает совсем не это. Речь идет об охране всего живого на Земле, будь то дерево, трава или сам человек. Напомню о племенах, которых весьма успешно истребили за последние несколько столетий. И о других, которые находятся на грани вымирания сегодня: индейцы Патагонии, эскимосы... С нашей близорукостью, с нашей алчностью и глупостью мы в ближайшие полвека, а то и раньше станем виновниками того, что на Земле будет просто невыносимо жить.

Д

Я-то больше всего занимаюсь охраной животных, но мне очевидно, что охранять надо и места их обитания: ведь, уничтожая среду, можно истребить животное так же успешно, как и с помощью ружья, капкана, яда. Когда меня спрашивают (а спрашивают часто), почему я принимаю все это так близко к сердцу, я отвечаю: наверно, потому, что мне очень посчастливилось, наш мир всегда даровал мне бездну радости. Я чувствую себя в долгу перед ним, и хочется как-то оплатить этот долг. Мой ответ вызывает у людей замешательство, словно я сказал что-то непристойное. Мне же хочется, чтобы больше людей чувствовали себя в долгу перед природой и стремились вернуть хоть частицу долга.

Среди множества писем, получаемых мной ежедневно, неизменно есть письма об охране природы. Меня спрашивают, так ли она необходима на самом деле. Так вот, повторяю: я считаю, что природу необходимо охранять. По-моему, это одно из самых необходимых дел в мире, где столько делается зря. Ошибается тот, кто считает, что поборники охраны природы устраивают много шума из ничего.

Приходят письма и от людей, которые, судя по всему, никогда не обращали свой взгляд на окружающий мир. Им понятны только цифры, лишь цифры на бумаге могут их убедить. Таким людям я сообщаю цифры. Здесь очень ярким примером опустошительной деятельности человека служит судьба двух животных Североамериканского континента.

Когда в Северную Америку пришли европейцы, они застали там самые многочисленные скопления животных, какие когда-либо знал человек. Речь идет о двух видах фауны, один из них — американский бизон. Сначала его убивали ради мяса. Потом стали убивать из политических соображений, стремясь уморить голодом индейцев, для которых бизон был одним из главных источников существования, даже кости и кожа шли в дело. Пресловутый Буффало Билл, он же Вильям Коди, в один день застрелил двести пятьдесят бизонов... В районах, где водились бизоны, смрад от гниющих туш вынуждал пассажиров закрывать окна поездов. Потому что в это время бизонов убивали уже только ради языка — он считался изысканным лакомством, — а туши бросали. К счастью, бизона вовремя спасли от полного уничтожения, но что значат жалкие остатки перед миллионами величественных животных, которые некогда с грохотом проносились по североамериканским прериям!

Второй вид — странствующий голубь. Вероятно, это был самый многочисленный вид пернатых, какой когда-либо существовал и будет существовать на свете. Стаи голубей, числом до двух миллиардов, затмевали небо. Садясь на деревья, они своим весом обламывали толстые сучья. Казалось,

их просто невозможно истребить. Вон их сколько, а мясо такое вкусное... И началось избиение странствующего голубя. Стреляли взрослых птиц, забирали из гнезд птенцов и яйца. В 1869 году только в одном районе было поймано семь с половиной миллионов голубей. В 1879 году в штате Мичиган убили миллиард птиц. Их же «невозможно» истребить! Они слишком многочисленны, слишком интенсивно размножаются! Последний странствующий голубь умер в зоопарке штата Цинциннати в 1914 году.

Истребить вид — на это у человека всегда ума хватит, но еще никто не придумал, как возродить уничтоженных животных. Да и мало кого это волнует. Находятся даже ученые мужи от зоологии, которые утверждают, будто речь идет о естественном ходе эволюции — дескать, данное животное все равно вымерло бы и без нашей помощи. Я с этим решительно не согласен. Называть это естественным ходом эволюции — вздор. Или уловка. Все равно что сказать человеку, истекающему кровью: «Понимаешь, старина, у нас крови сколько уютно, но мы не можем сделать тебе переливание, потому что тебе положено сейчас умереть».

— Но ведь так было прежде, — возражат мне, — теперь так не бывает. Теперь созданы всякие там заповедники для охраны животных, с истреблением покончено.

Для просвещения тех, кто в это верит, приведу еще несколько свежих данных. Ежегодно убивают 60—70 тысяч китов. И сколько ученые ни предупреждают, что при таких темпах некоторые виды китов вскоре исчезнут и самому китобойному промыслу придет конец, избиение продолжается. Можно подумать, что девиз китобоев: «Наживайся сегодня, и черт с ним, с завтрашним днем!»

Есть много способов истребить животное. Не обязательно убивать его ради меха, или мяса, или как вредителя. На Востоке было известно несколько видов носорога, теперь большинство из них представлено от силы сотней-другой особей. Почему? Да потому, что есть дурацкое поверье, будто измельченный рог, если принять его внутрь, возвращает силу престарелым мужчинам и делает их привлекательными для юных дев. И это в одной из частей света, где перенаселенность так велика, что надо бы подумать не о стимуляторах, а о противозачаточных средствах. В Индии, на Яве и Суматре носорог практически уничтожен, теперь принялись за африканские виды. Не сомневаюсь, что африканские носороги очень скоро канут в небытие.

Или взять тихоокеанского моржа. Он был для эскимосов источником пищи, а клыки они использовали для замечательной, тончайшей резьбы. Однако стоило нашим умникам «открыть» эскимосское искусство, как на-

Д

чалось повальное увлечение им, и теперь на моржа охотятся только ради клыков, причем с таким рвением, что скоро моржей вовсе не останется. Они уже внесены в списки угрожаемых видов.

Возьмем еще один пример глубокомыслия людей, ничего не смыслящих в природе. В Африке было решено, что вирус, вызывающий сонную болезнь, обитает в диких животных. И родился блестящий проект: для защиты человека и его невзрачного скота (который уничтожает подлесок и превращает обширные области в очаги пыльных бурь) истребить всех диких животных. Полмиллиона зебр, антилоп, газелей и других копытных погибли, прежде чем выяснилось, что переносчиками сонной болезни могут быть также все мелкие виды. Так что избиение полчищ великолепных животных было совершенно напрасным.

Люди негодуют, услышав, что на дорогах Великобритании ежегодно погибают около двух тысяч человек. Конечно, это трагедия. Но мало кто знает, что на дорогах ежегодно гибнут два миллиона диких птиц. Что жертвами автомашин на дорогах небольшого района, изучавшегося одним датским исследователем, оказались: 3014 зайцев, 5377 ежей, 11 557 крыс, 27 834 других мелких млекопитающих, 111 728 птиц, 32 820 земноводных. Причем речь идет, естественно, о шоссе, а если добавить проселки, цифру, наверное, придется утроить.

В любой стране, будь столько жертв среди людей, поднялся бы такой шум, такой бунт, что властям пришлось бы запретить автомобили и вернуться к конным экипажам. Нет, я вовсе не против машин, но ведь вы меня понимаете?

Люди не учитывают одного: если посмотреть на карту мира и прикинуть, сколько места отведено заповедникам для животных, получатся какие-то крохотные точки, все остальное — исполинский заповедник для человека. И ведь мало учредить заповедник, нужны средства, чтобы он работал как следует. Но правительства большинства стран не склонны тратить деньги на охрану среды или фауны (разве что общественность очень уж негодует и речь идет о защите особенно симпатичного животного). А многие правительства попросту не располагают нужными средствами.

Не подумайте, что я сгущаю краски. Я мог бы всю эту книгу наполнить потрясающими цифрами, свидетельствующими, что из всех населявших Землю созданий, будь то гигантские хищные рептилии далеких эпох или современные плотоядные, самое свирепое, беззащитное и кровожадное — человек. И ведь он сам себе наносит невосполнимый ущерб своим поведением. Это самоубийство: устроив животному миру кровопускание, мы убиваем себя. Конечно, как я уже говорил, существуют национальные парки, заповедники и тому подобное.

Но разрешите привести еще одну цитату из превосходной книги «Исчезнувшие и исчезающие виды», откуда мной взят эпиграф к заключительной главе: «Охранные меры, принимаемые правительствами, имеют смысл только тогда, когда выделяются средства, чтобы эффективно проводить их в жизнь».

Можно простить нашим предкам их прегрешения, говоря: «Они не ведали, что творили». Но мы-то, сыны технологического века, коим мы так гордимся, вправе ли мы простить себе то, что сейчас творим, творим упорно, невзирая на протесты мыслящих людей, будь то зоологи, экологи, специалисты по охране природы или просто рассудительные и прозорливые граждане? Мы высадились на Луне — это выдающееся достижение. Но для чего? Только ради каких-то минералов или чтобы с этого огромного сияющего трамплина шагнуть на другие планеты, где могут оказаться свои формы жизни? Но если мы и на других планетах будем творить такое же безобразие, как на своей, тогда, право же, лучше было огромные средства, израсходованные на космические исследования, обратить на исцеление недугов матушки-Земли, вызванных нами же.

Проблема охраны животных и среды (как ради нас самих, так и ради наших потомков) — велика и сложна, ох как сложна. На свете есть немало стран, где, как я говорил, животные охраняются только на бумаге, потому что власти, утвердив закон об охране, не дают достаточно денег на организацию заповедников. А если даже учредят заповедник — не отпускают средств, без которых он не может как следует работать. В одной стране я спросил, какие там есть заповедники. Деятель, ответственный за охрану животных, гордо развернул огромную карту, испещренную зелеными пятнами. Вот, дескать, все это заповедники! Тогда я осторожно осведомился, изучались ли они зоологами, или экологами, или биологами, чтобы точно знать, что именно эти районы в первую очередь надо было объявить заповедными. Что вы, ответили мне, на это нет средств. Так, может быть, зеленые пятна исследованы с другой точки зрения: есть ли в этих местах вообще животные и стоит ли устраивать там заповедники? Нет, и этого не сделано, не на что нанять специалистов... Хорошо, а как налажен контроль? Да никак — нет денег на егерей и объездчиков... Прекрасная карта, вся в зеленых пятнах, выеденного яйца не стоила.

Повторяю, на отсутствие денег жалуются чуть ли не во всех странах, где приняты законы об охране среды и фауны. А ведь есть еще и страны, где таких законов вовсе нет. Энтузиасты охраны природы отдают себе в этом отчет и всячески стараются исправить положение, однако дело подвигается очень медленно. Боюсь, к тому времени, когда наконец будет нала-

Д

жена действенная охрана природы и животных, многие виды уже исчезнут с лица Земли.

В большинстве просвещенных стран есть множество клубов, групп и обществ, будь то для орнитологов или натуралистов широкого профиля, которые трудятся изо всех сил, стараясь спасти местную фауну. Есть и более крупные организации, вроде Международного союза охраны природы, Всемирного фонда охраны животных. С радостью могу сказать, что во многих случаях они добиваются успеха. Например, ими спасена в Испании огромная область Гвадалквивира — 625 тысяч акров. В Австралии они обнаружили кустарниковую птицу, которая считалась вымершей. К сожалению, ее гнездовье помещалось в районе, который отвели под застройку. Пятнадцать лет назад птица стала бы жертвой собственной опрометчивости, теперь же планы строительства пересмотрели, и район объявили заповедным.

Так что просветы есть, однако их слишком мало.

А пока мы боремся за сохранение животных в их естественной среде, можно сделать и еще кое-что. То самое, для чего учрежден наш трест. Многие виды спасены от гибели благодаря тому, что их разводят в специализированных зоопарках. Конечно, это самый крайний выход, но он хоть помогает сберечь вид в надежде, что когда-нибудь охрана природы на родине вида станет настолько эффективной, что можно будет, используя плодотворный фонд, возродить там популяцию.

Список животных, спасенных таким образом, достаточно внушителен. Возьмем оленя Давида, или милу, истребленного в Китае во время Боксерского восстания. К счастью, герцог Бедфордский собрал по зоопаркам Европы всех сохранившихся милу и перевез их в свое поместье Вобэрн, где они отлично прижились. Теперь стадо настолько велико, что появилась возможность рассредоточить плодотворный фонд по разным зоопаркам мира. А недавно эти редкие животные были отправлены и на родину, в Китай. Если там сумеют добиться их размножения, можно будет устроить для милу заповедник с надежной охраной — таким образом, олень Давида вернется в свою естественную среду.

Другой пример — гавайская казарка. Эта прекрасная птица почти вымерла, но разумная позиция гавайских властей и прозорливость Питера Скотта спасли ее от верной гибели.

Назовем еще европейского зубра, американского бизона, сайгака, лошадь Пржевальского... Но куда больше видов, остро нуждающихся в такой помощи.

Наш трест именно этим и занимается. Конечно, он всего лишь колесико в сложном современном механизме охраны природы, но мы надеемся, что колесико достаточно важное. Наша задача — не просто содержать в неволе животных. Для меня трест — резервуар, своего рода стационарный ковчег, в котором мы надеемся содержать и разводить наиболее угрожаемые виды, с тем чтобы в будущем вернуть их на родину. Я был бы счастлив завтра распустить трест за ненадобностью. Но, боюсь, он сейчас крайне нужен, и хотелось бы видеть побольше таких трестов в других странах.

Как уже было сказано выше, я посвятил этому делу всю свою жизнь, в него вложено немало моих денег, а потому я не стесняюсь обратиться за помощью к тебе, читатель. Если ты прочел эту книгу с удовольствием, если тебе пришлось по душе хоть одна из моих книг, разреши заметить, что они не были бы написаны, не будь на свете животных! Но сейчас многие из этих самых животных находятся в опасности, если им не помочь — они исчезнут. Я делаю что могу, но я не справлюсь без твоей помощи. Если тебе по каким-то причинам не подходит мой трест, умоляю тебя — вступай в любую организацию, которая хоть как-то пытается остановить разорение Земли, и приводи с собой своих друзей. Сделай все, что в твоих силах, не давай покоя твоим депутатам, если тебе покажется, что происходит неразумное покушение на среду, что какое-то растение или животное находится под угрозой и не охраняется как следует. Пиши негодующие письма. Старайся расшевелить власти. Действуй по принципу: если кричать достаточно громко и достаточно долго, кто-нибудь да услышит. Помни, что у растений и животных нет депутатов, им некому писать, они не могут устроить забастовку, даже сидячую, за них некому заступиться, кроме нас, людей, которые вместе с ними населяют эту планету, но не являются ее собственниками.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖЕРАЛЬДА ДАРРЕЛЛА

Незадолго до своей смерти Джеральд Даррелл просил, чтобы во всех будущих изданиях его книг содержалось краткое упоминание о Джерсийском фонде дикой природы.

«Я лично не хотел бы жить в мире без птиц, без лесов, без животных всех размеров и видов.

Если вам понравилась эта книга (а возможно, и другие мои книги, если вы их читали), то вспомните, что она стала возможной и интересной для вас только благодаря животным. Звери составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, выжить которое может только с нашей помощью.

Каждый должен хотя бы попытаться остановить ужасное осквернение мира, в котором мы живем. Я сделал то, что смог, единственным доступным мне способом. Мне хотелось бы надеяться на вашу поддержку.

Джеральд Даррелл».

Фонд охраны дикой природы Джеральда Даррелла продолжает и расширяет дело его жизни — работу по охране животных и мест их обитания ради будущего наших детей и нашего мира.

Если вы захотите узнать о нашей работе больше, пожалуйста, напишите по одному из этих адресов:

Jersey Wildlife Preservation Trust
Les Augres Manor
Jersey JE3 5BP
ENGLISH CHANNEL ISLANDS

Wildlife Preservattion Trust International
3400 West Girard Avenue
Philadelphia 19104-1196
USA

Wildlife Preservation Trust International
56 The Esplande
Torono N5E 1A7
CANADA

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПУТЬ КЕНГУРЕНКА

Предварение	7
Часть первая. СТРАНА ДЛИННОГО БЕЛОГО ОБЛАКА	
Прибытие	8
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Гейзеры, уэки и кака	14
ГЛАВА ВТОРАЯ. Трехглазая ящерица	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Птица, которая исчезла	50
Часть вторая. ЧЕРДАК МИРА	
Прибытие	72
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Лирохвосты и древолазы	75
ГЛАВА ПЯТАЯ. Полно дерево медведей	89
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Чудесное восхождение	102
Часть третья. ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЖУНГЛИ	
Прибытие	115
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Певцы на деревьях	117
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Ясли для великана	127
Подведем итог	141

ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	149
ГЛАВА ВТОРАЯ	163
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	174
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	195
ГЛАВА ПЯТАЯ	218
ГЛАВА ШЕСТАЯ	227
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	242
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	249
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	263
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	276
Заключительная просьба	291

ПТИЦЫ, ЗВЕРИ И РОДСТВЕННИКИ

Разговор	295
Часть первая. ЛОНДОН: ПРЕЛЮДИЯ	
Схватка с духами	299
Часть вторая. ПЕРАМА	
Крещение	317
Бухта среди олив	328
Миртовые чащи	342
Часть третья. КОНТОКАЛИ	
Карликовые джунгли	354
Крабы и каракатицы.	361
Сумятица под оливами	369
Совы и аристократия	385
Часть четвертая. КРИЗЕДА	
Ежи и морские волки	400
Говорящая Голова	417
Сердитые бочки	432
Эпилог.	444
Переписка	445

ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Чистим-блйстим	449
ГЛАВА ВТОРАЯ. Это я, Джереми	460
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Родовые муки львицы.	471
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Мистер и миссис Д.	479
ГЛАВА ПЯТАЯ. Леопарды в уборной	489
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Поймайте мне колобуса	504
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Сохраните мне колобуса	517
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Роды, роды...	532
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Раскапываем Попокатепетль	542
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Пусть здравствуют животные	564
Завещание Джеральда Даррелла.	572

Литературно-художественное издание

Джеральд Даррелл

ПУТЬ КЕНГУРЕНКА

ЗВЕРИ В МОЕЙ ПОСТЕЛИ

ПТИЦЫ, ЗВЕРИ И РОДСТВЕННИКИ

ПОЙМАЙТЕ МНЕ КОЛОБУСА

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *О. Брызгалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**
Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.09.2004
Формат 70x100¹/₁₆. Гарнитура «Бодони»
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 46,8
Тираж 5 000 экз. Заказ № 4756

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

К Джеральду Дарреллу как нельзя лучше подходит меткая английская фраза «родился с серебряной ложкой во рту». Живя в необыкновенной, дружной, любящей, счастливой и «немного» эксцентричной семье, он уже с шести лет знал, что непременно станет Зооспасателем и организует собственный зоопарк.

Как утверждала его мать, первым словом Джеральда были не «мама», а «зип»!

Многим ли из нас удалось исполнить наши самые невероятные детские мечты...
А Дарреллу удалось!

Натуралист милостиво Божией, блестящий литератор, неутомимый путешественник, непримиримый борец за сохранение исчезающих животных, безгранично одаренный, обаятельный и жизнерадостный человек, он изменил наш мир к лучшему уже одним своим присутствием в нем.

От него буквально веяло мудростью, терпимостью и юмором. Даррелл подарил нам свои книги, которые несут тепло его отношения ко всему живому на планете и делают всех нас добрее и внимательнее друг к другу и к тем «малым» созданиям, которые нуждаются в нашей защите и помощи. Но самой большой заслугой Даррелла остается созданный им в 1959 году на острове Джерси зоопарк и образованный на его базе Фонд сохранения диких животных, который успешно работает и по сей день и помогает спасти исчезающие виды животных по всему свету. Даррелл удостоился многих престижных наград, присужденных ему как выдающемуся писателю и исследователю. Фондом учреждена ежегодная премия имени Джеральда Даррелла за лучшие фотоснимки исчезающих видов флоры и фауны.

И как было написано в литературном приложении к газете «Times», «если бы звери, птицы и насекомые могли говорить, возможно, одной из первых заявок Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла».

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ КЕНГЕРЕНКА.ЗЕ

Код: 78540 Цена: 133.00 руб

9 786699 076690